РӘСӘЙ ХАЛЫҠТАРЫ ТЕЛДӘРЕ ДИАЛЕКТОЛОГИЯҺЫНЫҢ КӨНҮҘӘК МӘСЬӘЛӘЛӘРЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РОССИИ

ФӘННИ ОЙОШМАЛАРҖЫҢ ФЕДЕРАЛЬ АГЕНТЛЫҒЫ
РӘСӘЙ ФӘНДӘР АКАДЕМИЯҺЫ
РӘСӘЙ ГУМАНИТАР ҒИЛМИ ФОНДЫ
РФА ТЕЛ ҒИЛЕМЕ ИНСТИТУТЫ
РФА ӨФӨ ҒИЛМИ ҮҘӘГЕ
РФА ӨҒҮ ТАРИХ, ТЕЛ ҺӘМ ӘҘӘБИӘТ ИНСТИТУТЫ
БАШҠОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҺЫ ФӘНДӘР АКАДЕМИЯҺЫ
БАШҠОРТОСТАН РЕСПУБЛИКАҺЫ МӘҒАРИФ МИНИСТРЛЫҒЫ

Рәсәй халыҡтары телдәре диалектологияһының көнүҙәк мәсьәләләре. XVI Бөтә Рәсәй конференцияһы (халыҡ–ара ҡатнашлыҡта)

XVI Бөтә Рәсәй конференцияһы материалдары
(Өфө, 1–4 июнь, 2016 й.)

Өфө – 2016

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
УФИМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РАН
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ УНЦ РАН
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. XVI Всероссийская конференция (с международным участием)

Материалы XVI Всероссийской конференции
(с международным участием)
(Уфа, 1–4 июня 2016 г.)

Уфа – 2016

УДК 8:389:7(063)
ББК 81:83 82:85

Сборник издается при финансовой поддержке РГНФ
в рамках научного проекта №16-14-02502 «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. XVI Всероссийская конференция (с международным участием)»

Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. XVI Всероссийская конференция (с международным участием): Материалы XVI Всероссийской конференции. Уфа, 2016. – 246 с.

ISBN 978-5-91608-144-2

В настоящем сборнике публикуются тексты докладов и выступлений участников XVI Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». В статьях нашли отражение актуальные проблемы тюркской, славянской, финно-угорской диалектологии, проблемы лексикологии, общего языкознания и смежных наук.

Сборник адресован лингвистам, фольклористам, а также учителям, преподавателям, аспирантам и всем тем, кто хочет узнать больше о диалектах языков народов России.

Ответственный редактор:
Ф. Г. Хисамитдинова

Редакционная коллегия:
Бускунбаева Л.А., Ишкильдина Л.К., Каримова Г.Р., Каримова Р.Н, Муратова Р.Т., Сиразитдинов З.А., Сулейманова Р.А., Ягафарова Г.Н.

Рецензенты:
д.ф.н., профессор Султанбаева Х.В.
к.ф.н., доцент Хабибуллина З.А.

Составители:
Ишегулова А.М., Шамсутдинова Г.Г.

ISBN 978-5-91608-144-2

©ИИЯЛ УНЦ РАН

Уважаемые организаторы конференции, участники и гости XVI Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России»!

От имени отделения историко-филологических наук РАН и Института этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН позвольте приветствовать вас и пожелать успешной и плодотворной работы.

Отделение историко-филологических наук РАН, наш Институт придают особую значимость задачам изучения диалектных особенностей каждого народа, населяющего Россию, т.к. их исследование проливает свет на многие вопросы, связанные с национальным самосознанием, национальной идентичностью. Российский народ как единая нация складывается из уникальной этнической и языковой мозаики, обладающей своеобразной неповторимой культурой, языком, историей, национальными традициями. Среди них языковые отличия и особенности занимают одно из центральных мест, т.к. именно языковая самобытность позволяет сохранить этнокультурную идентичность. Вместе с тем, именно этническая пестрота определяет и является одной из главенствующих черт истории и жизни российского народа-нации.

Ежегодное обсуждение актуальных проблем диалектологии языков народов России, которые стремятся сохранить свою уникальность в условиях глобализации общества, стало доброй традицией в стенах Института истории, языка и литературы УНЦ РАН. Рассматриваемые на конференции вопросы диалектных особенностей тюркских, славянских, финно-угорских и других языков России, этнолингвистическая и ономастическая, лексикологическая и лексикографическая, методическая проблематики способствуют развитию перспективных идей не только в области диалектологии, но и в смежных областях, так или иначе неизменно прибегающих к данным диалектологии в решении своих задач. Мы уверены, что интересные дискуссии и конструктивный обмен мнениями в рамках Всероссийской конференции послужат импульсом для нахождения новых путей и подходов, новых методологических решений в анализе как языкового, так и этнографического, исторического, фольклорного материала.

Искренне желаю участникам конференции творческой и эффективной работы!

академик-секретарь
Отделения историко-филологических
наук РАН и научный руководитель
Института этнологии и антропологии РАН,
академик РАН

В.А.Тишков

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник включает тексты докладов и выступлений участников XVI Всероссийской научной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». Организаторами данного форума выступили Федеральное агенство научных организаций, Российская академия наук, Российский гуманитарный научный фонд, Институт языкознания РАН, Уфимский научный центр, Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, Академия наук Республики Башкортостан, Министерство образования Республики Башкортостан.

Статьи и публикации представлены на башкирском, русском, казахском, киргизском и татарском языках.

Тексты докладов и выступлений дают возможность глубже ознакомить научную общественность с проблемами диалектологии, лексикологии языков народов России.

СТАТЬИ ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Алишина Х.Ч., г. Тюмень

«СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТОВ СИБИРСКИХ ТАТАР» — ДРАГОЦЕННЫЙ ДАР АКАДЕМИКА Д.Г. ТУМАШЕВОЙ МАЛОЙ РОДИНЕ

«Словарь диалектов сибирских татар» увидел свет в 1992 г. Это издание стало возможным благодаря подъему национального движения в стране на волне перестройки. Оно явилось результатом сорока лет кропотливой работы Диляры Гарифовны Тумашевой по исследованию диалектов сибирских татар.

Первой книжечкой был автореферат «Татарские диалекты Западной Сибири». Сформулированная профессором Э.В. Севортяном тема определила научную судьбу студентки, а затем аспирантки МГУ им. М.В. Ломоносова Диляры Заббаровой. Во введении к кандидатской диссертации, выполненной и защищенной под руководством Н.К. Дмитриева, сказано: «Диссертация ставит своей целью систематическое описание основных особенностей одного из западносибирских диалектов, а именно языка тюменских татар, выяснение его отношения к татарскому литературному языку и его места среди других татарских диалектов Сибири».

Материалы к диссертации собирались в Тюменской области во время пяти диалектологических командировок в течение 1948-51-х гг. В этот период Диляра Заббарова обследовала 14 татарских юрт Тюменского района и говор д. Сатылган (Медянки) Тобольского района. К работе были привлечены студенты татарского отделения Тюменского Учительского Института, собравшие дополнительный материал по Ялуторовскому и Тобольскому районам.

Полевой материал был тщательно проанализирован и обобщен. Заголовки глав диссертации позволяют четко представить направления научной мысли автора: «Исторические сведения о сибирских татарах», «История изучения языка сибирских татар», «Фонетика тюменского диалекта», «Грамматический строй тюменского диалекта», «Лексические особенности тюменского диалекта».

Изучение основного словарного фонда тюменских татар позволило автору систематизировать материал по тематическим группам: термины родства, бытовая утварь, явления природы, флора и фауна, производственная лексика. Имена собственные были выделены в особую группу, общественно-политическая лексика включена в раздел о русских заимствованиях. Д.Г. Тумашева выявила большие отличия от словарного фонда татарского литературного языка, привела в подтверждение своей правоты 1200 слов, обозначающих жизненно необходимые предметы, понятия, явления. Молодая исследовательница с большим интересом работала над терминами родства тюменских татар, более дифференцированных (по сравнению с татарским литературным языком) и имеющих варианты по говорам. Например, *ата, аткә, әткә, әткәү, атыка* (отец); *картта, цәцәү баба//чәчи баба; баба, оллата* (дед); *картнә//картинә; мама; өннә* (бабушка); *кецегә* (младший брат или сестра); туган (двоюродный брат или сестра); *кинцә куца* (самый младший брат мужа), *кинцә пигә* (младшая среди старших сестер мужа), *оллы пигә* (самая старшая сестра мужа).

Особенностью тюменского диалекта является сходство с такими тюркскими языками, как башкирский, казахский, киргизский, узбекский. Это проявляется и в области антропонимики. Большое сходство с казахским и башкирским языком обнаруживают личные имена (Тимербай, Таштимер, Тимербикэ, Тимерхан, Туктабай и др.). В именах *Калбай, Калыстан,*

Минлекалыш и др., которыми называют детей, имеющих родинку, корень ‘кал’ означает по-казахски и по-киргизски родинку (тат. лит. *миҗ*).

Арабо-персидская лексика, проникшая в тюменский диалект, имеет форму, общую не с татарским, а с казахским языком. Например, *кауплы* (тюм., казах.) ~ *хәвефле* (лит. тат.) ‘страшный, опасный’; *негә* (тюм.) ~ *неке* (казах.) ~ *никах* (тат. лит.) ‘брак, бракосочетание’; *серәңке* (тюм.) ~ *ширеңке* (киргиз.) ~ *сіріңке* (казах.) ‘спички’.

Исследование лексики, начатое в 1940-50-х гг., получило дальнейшее развитие в монографии «Конбатыш себер татарлары теле. Грамматик очерк һәм сүзлек» («Язык западносибирских татар. Грамматический очерк и словарь»). На основе совокупных фонетических, грамматических и лексических данных на территории Тюменской и Омской областей выделяются следующие говоры: тюменский, тобольский, говор «заболотных» татар, тевризский и тарский.

Вторая часть книги представляет собой словарь, отражающий самобытную лексику тоболо-иртышских татар. В него включены слова, отличные от литературных по своему корню (шабала ~ кашык ‘ложка’; шеш ~ чәнечке ‘вилка’; астыган ~ кура җиләге ‘малина’) или морфологическому оформлению (тегенце ~ тегүче ‘портной’; суу ~ суыну ‘остывать, охлаждаться’); слова, омонимичные со словами литературного языка (тәүлек ‘один год’, в лит. яз. тәүлек ‘сутки’; ция ‘ягоды’, в лит. яз. чия ‘вишня’) или отличающиеся от них по объему и оттенкам значений (аш - 1. аш, ашамлык ‘пища, еда, обед’; 2. ашлык, иген ‘хлеба, жито, хлебные злаки’; цыгу - 1. чыгу - ‘выходить’; 2. менү - ‘подниматься’; цәйнәү - 1. чәйнәү ‘жевать’ и 2. тешләү - ‘кусать’). Фонетические варианты литературных слов (например, *пыцак, пецән*) в словарь не включались, кроме тех слов, фонетические особенности которых выходят за рамки закономерных фонетических соответствий между литературным языком и диалектом (напр., *аурак* ~ *өрәк* ‘призрак’, *баас* ~ *бәя* ‘цена’ и др).

В словаре отражены внутридиалектные лексические расхождения, включая фонетико-морфологические варианты диалектных слов, распространенных в различных говорах. Например, *корткайак, пашлык, мама* - *карчык,* ‘старуха’; *кый, сәң, септек* - *тирес,* ‘навоз’; *сантугач, утинә, күҗмәкүц, май шабала* - *камка,* ‘божья коровка’; *аурак, орок* - *өрәк* ‘призрак’; *мөйәш, мөгөш* - *почмак,* ‘угол’; *мийәт, мөйәт, меүәт, пеүәт* - *камыт,* ‘хомут’.

«Слова снабжены переводами на татарский литературный и русский языки, необходимым иллюстративным материалом», - пишет автор в кратком резюме [Тумашева 1961]. Этот принцип сохраняется и в новом «Словаре диалектов сибирских татар» (Казань, 1992).

«Словарь диалектов сибирских татар», насчитывающий более десяти тысяч единиц, вобрал в себя лексику тюменских, омских, новосибирских, томских и кемеровских татар. Эти группы татар являются носителями трех диалектов: тоболо-иртышского (с тюменским, тобольским, тевризским /курдакским/, тарским и заболотным говорами), барабинского и томского (с эуштинско-чатским, калмакским говорами и орским подговором чатов).

Материалы к словарю были собраны самим автором непосредственно в местах расселения сибирских татар. Далее, в словарь включены материалы, почерпнутые из трудов и словарей В.В. Радлова, И. Гиганова, Л. Будагова, Л.В. Дмитриевой, М.А. Абдурахманова, Г.Х. Ахатова. Была выписана лексика из «Диалектологического словаря татарского языка», из VI тома «Образцов народной литературы тюркских племен» В.В. Радлова, не включенная в его «Опыт словаря тюркских наречий».

Исследование лексики дает богатую информацию о наиболее существенных сторонах этногенеза сибирских татар, об этноязыковых контактах населения с древнейших эпох и до наших дней. Сейчас происходит постепенное забвение обычаев, языка, традиций, веками накопленного опыта предков. С утратой отдельных сторон культурного уклада из жизни уходит и целый пласт лексики, обслуживавшей духовные потребности предков сибирских татар. «Словарь диалектов сибирских татар» Д.Г. Тумашевой является ценным историческим, этнографическим источником при исследовании традиционной материальной и духовной культуры тюркоязычного населения Тоболо-Иртышья. Остановимся на примерах.

Согласно данным «Словаря диалектов сибирских татар», древние предки сибирских татар имели собственное представление о Вселенной (чиан), космосе и созвездиях /Мизан, Әсәт (Лев), Сөнбелә (Дева), Цауза (Близнецы), Акрап (Скорпион), Цәдди (Козерог).

У племени Курдак сохранилось сказание о происхождении жизни на Земле, записанное В.В. Радловым и реставрированное Д.Г. Тумашевой. «Әүвәл башлап ни битти? Күн битти дә, ай битти. Икинчили ни битти? Тау битти дә таш битти ... кыл куйруклу мал битти, аңа ийә булсын тип ... адәмгә баш бармакча тән битти ...» (Т.: 44). Дословный смысл изречения таков: «Что появилось во-первых? Солнце появилось, и месяц появился. Что появилось во-вторых? Горы появились, и камни появились, ... хвостатые звери появились (хвост величиной с конский волос), чтоб хозяин был у них, ... человек появился (телом величиной с большой палец)».

Значительный интерес представляют фактически неисследованные татарские названия рек, озер, болот, поселков, деревень, других классов ономастикона, функционирующих в настоящее время либо утраченных, запечатленных в исторических документах. Топонимы, будучи сравнительно консервативным пластом лексики, помогают объективно решить вопросы формирования данного этноса, воссоздать забытые или неизученные пласты культуры. Лексические данные помогают решить целый ряд сложных вопросов, касающихся этнокомпонентного состава, путей миграции, межъязыковых контактов, генетических и ареальных связей сибирских татар.

В ряде конкретных случаев семантика местных топонимов не поддается объяснению, и только лишь обращение к «Словарю диалектов...» помогает установить истинное значение. Например, в с. Казанка Вагайского района мы зафиксировали микротопоним Ет *йату утрау.* Какая может быть семантическая связь между собакой (ет), островом (утрау)? На 51 с. «Словаря...» читаем: «ет йату» имеет значение отмель (Гиг. - Т.: 51). Таким образом, микротопоним *Ет йату утрау* – это «остров с отмелью».

Другой пример. В д. Варвара Ярковского района один из сенокосов называется Аңкан. Значение лексем затемнено. Помог «Словарь»: аңган, по Радлову, – дубрава (Тоб. Р.-Т.:25). В настоящее время слово «аңкан» десемантизировалось, застыло в виде географического имени.

Древнетюркское seңir - мыс горы [ДТС 1965], сиңер (мыс) (Тоб. Р. - предгорье, холм. Т.: 190). Данная сема в настоящее время функционирует только в составе микротопонимов. Например, Кара сиңер (черный мыс) /Яр./, Кара сиңер күл (озеро черного мыса) /оз., Вг./, Касак сиңер (казачий мыс) /Яр./, Тышмак сиңер (мыс Тышмак) /бор, Вг./, Аргы сиңер (дальний мыс) /Нтд./, Цөйсиңер (мыс сухого ягодного болота) /Тб./. Термин вошел в состав ойконима: Ыйыхсиңер /Омск., Усть -Иш./.

Особое место в словарном фонде сибирских татар занимают группы промысловой и хозяйственной лексики. В статистическом плане терминология коневодства, скотоводства, земледелия превышает терминологию охоты и рыболовства. Наиболее ранними из видов хозяйственной и промысловой деятельности явились охота, животноводство и собирательство, затем свое развитие приобрело рыболовство. Как показали исследования Асии Рахимовой [Рахимова 1998, 2001], в хозяйственной лексике сибирских татар наблюдается общность с языками уйгурской (северо-восточной) группы, что свидетельствует об их древних контактах с тюркскими народами Саяно-Алтайского региона. Значительную часть лексикона составляет древнетюркский пласт. В лексике, относящейся к животноводству и подсобному хозяйству, имеются сибирско-татарские и монгольские лексические параллели, которые отражают тесное взаимодействие сибирско-тюркских и монгольских племен в древние времена.

В словаре сибирских татар хорошо представлены, например, виды и породы собак (игәр - Нвсбр., Кошкүл, Р. - Т.: 52; тазы - гончая - Тоб., Тар., Т.: 199; симәләк - Тб., Күкр. - порода мелких собак, Р. - овчарка. Т.: 190; үрешкә - Тар, см. симәләк. Т.: 228; росгә - Тб., Күкр. - см. симәләк. Т.: 182); специально обученная собака на уток (майганчы ит - майган - утка - Том. Т.: 147), борзая собака (тайкан - борзая собака. - Тоб. Р. -Т.: 200); виды рыб /тогы (осетр), кытыргак (небольшой осетр), акпалык (лещ), сүрек (севрюга),

сүйрү/сөйрек/сирук/сөрек/оской, кәреш (стерлядь), моксыл, орондо (муксун), куңгырала (хариус). Экзотические виды обитателей южных водоемов - тимсах (крокодил) (Т.:211), кадырга (кит) (Т.:113) - также нашли «прописку» в сибирско-татарском лексиконе.

Верблюд использовался как транспортное животное при ведении интенсивной караванной торговли. Г.Ф. Миллер замечает в «Истории Сибири», что татары на верблюдах ходили даже «в Дауры». Сибирским татарам, судя по материалам словаря Д.Г. Тумашевой, были знакомы некоторые термины верблюдоводства: бота /племя Курдак Р. 4 с. 132 – верблюжонок/ (Т.: 45), өргөц - Бараб. Р. 4 с. 38 - горб верблюда (Т.: 166), сүкмән - Тоб. Р., Гиг. - армяк из верблюжьего сукна (Т.: 195), пода түә - Бараб. Р. 4 с. 30 - верблюжонок (Т.: 176) и др.

Богата терминология сибирских татар, связанная с коневодством. Это слова, отражающие занятия верховым коневодством, названия лошадей в зависимости от пола, характера, внешнего вида, возраста, терминология конской сбруи и др. Например, аргамак - скаковая лошадь, бурак - лошадь (в арабской мифологии это животное, на котором Мухаммед вознесся в небо), йылгы - лошадь, колан - дикая лошадь, илгәр ат - рысак, ишкен - рысь лошади, йелишли ат - рысак, йортак - лошадь, идущая рысью, йурга - иноходь, сайгыр - рысь, пазыкцы - лошадь, обладающая крупным шагом. Кыйык - норовистый конь, тынак - дрессированный, шибан - норовистая лошадь, цауан - ленивая.

Кабат ат - лошади, запряженные парой, үцкаш йегү - лошади, запряженные цугом, сәбәт - коренник, бушат - всадник, йайдак - верхом (без седла), сайбырлашу - вдвоем верхом сесть на коня.

Пурыл - чалый, цал - пегий, цаптар - рыжая с белой гривой, былайак - пестроногий, пылайак - лошадь с белыми лодыжками, сәүрек - подросток, цура - купание животных, үрәү - звать кобылу, иксәү - качает головой, какул - челка у лошади, кылаң - конский волос, чолпы - грива у лошади, сауры - задняя часть лошади, круп.

Конская сбруя: айцык – пряжка узды, айыл – подбрюшник, йаглык – закрутка на губу лошади, которая неспокойна при ковке, камытколак – гуж, канцыга – ремешки у седла, каңга - остов седла, койошкан – шлея, колакпау, күмелтек – часть верхней сбруи, мүйәт, сулык – удила, сыртлык – чересседельник, тага – подкова, үгән – узда, сагалтырык – ремень узды под нижней челюстью, сом алтын – «нокталары сом алтын» У.-И. Р.4 с.193-уздечки из чистого золота (Т.)

Подробное изучение богатейших материалов «Словаря диалектов сибирских татар» дает представление о бытовом укладе жизни, в частности, о предметах утвари: ай касан (Лайт. – большой котел, Т.: 18), паграц (Төм. чугунок на трех ножках, Т.: 166), калташ, калташиха (Тевриз.- котел), кылкасан (Төм., большой котел, Т.:139), касан тусайак (М.Уват, большой котел из бересты), таңган (Тб., Том., большой чугунный чайник, Т.: 202), тулга (Бараб., треножник, таганок, Т.: 216), цогын (Нвсбр., Чан. р., котелок, чугунок, Т.: 240).

Сопоставление апеллятивной и онимизованной лексики диалектов сибирских татар с археологическими сведениями дает возможность в некоторой степени реконструировать национальные обряды и обычаи.

Сибирские татары раньше в честь знатных умерших делали гроб (табыт), повозку с крышей (йапкыт), на могиле возводили йаб (холм), могила обкладывалась дерном (йирләү, йуртлау, йүн күләтү). Над могилой исполнялся гимн (талкын). Сведения о гимнах, исполнявшихся над могилой усопшего, известных в XIX в. тобольским татарам, отражены в словаре Д. Г. Тумашевой: «Талкын – Гиг. – кабер өстендә җырлана торган җыр; надгробная песнь» (Т.: 201). В честь погребенного готовилось угощение йапсук (пища, которую редко едят, жертвенная пища в честь царей). Убивали жертвенную лошадь (уйук), с нее снимали шкуру, чтобы чучело коня похоронить вместе с покойным, а мясо съедали. Покойный обязательно должен быть шайлы (нарядный) /ср. шайлы гылу – досл. сделать нарядным, такое выражение записано у тевризских татар/.

Согласно историческим данным, сибирские татары довольно продолжительное время, а барабинцы еще в XVIII в., были язычниками. Большое место в домусульманской мифологии сибирских татар занимали образы нечистой силы (йин): йелбегән (оборотень),

бичура (домовой), пицен (леший), йот, сох, йемер, апсы, мәцкәй (обжора), йылмагус/йылмаус, аза (демон), аштака/ әштагы /ыштагы /әчтәр (дракон), цен, чин (бес, черт). Черты древних предрассудков отразились и в топонимической лексике: Ийәле аусак (осиновая роща, имеющая «хозяина») /Яр./, Пиценле асты сазлар (нижние болота, имеющие лешего) /Яр./, Пиценле карагай (бор лешего) /Яр./, Пиценле кыр (поле лешего) /Яр./, Пиценле йул (дорога лешего) /Яр./. Лексема пицен < др. тюрк. bічін «обезьяна» [ДТС 1965]/

Предки сибирских татар верили в исключительную силу магического камня (йада), который менял цвет в зависимости от того, хороший или плохой человек к нему приближался. По преданиям, небольшой, но тяжелый камень находился у озера неподалеку от д. Ташаткан (таш - камень, аткан - бросил). Его нельзя было переносить с места на место, это было большим грехом (йасык). Тем, кто прикасался к камню, было предначертано умереть (каза). Такая смерть называлась *кара каслык* (несчастье), по умершему наступал траур (йас).

Счастье людей (кут) зависело от расположения к ним идолов (әттәнә, коңырчак, пут, кәрәмәт). Лексема *пот* сохранилась в микротопонимах тукузско-уватских татар: Потау арты /яг., Вг./, Потау цөйлек /Вг./ (пут – Гиг. – идол, статуя, болван. Т.: 179). (ср. вут – ими – женщина-предок казымских хантов) [Соколова 1982].

В идолов верили (йаңнау), их умоляли (йалбару), просили прощения (йалыру) за плохие поступки и старались совершать только добрые дела (йалыргау). Обычно, испугавшись чего-нибудь, женщины начинали причитать (пилеңләү, пилиңү, пилеңләгер, пилиңдзе), а маленькие дети могли на всю жизнь остаться заиками (пилтәк). Женщины чаще всего обращались за помощью к гадалкам, предсказательницам (палтар, арбаучы), которые умели гадать на бобах (ногот пүлү), на воде (сыу – бал карау), мастерски владели словом, высказывали добрые пожелания (коллок, аргалык).

После проводов мужчин в дальний путь существовал обычай пить «чай добрых пожеланий» (касгак). Возвращение сына, мужа в дом отмечалось особым ритуалом, когда родственники приходили в дом с приветствием «Күсең айтын» (лунный свет глазам твоим), а ответной фразой было «Айтайын» (как луна).

Верховным божеством сибирские татары считали небо (Тәңрә) и небесные силы. Небесные творцы - добрые, благожелательные божества. Имена некоторых из них сохранились в топонимии и микротопонимии: Күйгүрт - громовержец, поражающий стрелами нечистую силу (Күйгүрт /с., Яр., Сеиты/), Ымай - богиня плодородия, покровительница беременных и хранительница детских душ (Маи, д. Ув.), Пулай - верховный надзиратель веры, отвечающий за нравственность и чистоту поступков (Пулай /с., Яр., Б. Чечкино/). После рождения ребенка ежемесячно, на седьмой день новолуния, до трех лет включительно, проводили праздник тюркской доброй богини – Умай туйы. Созывали всех детей и угощали кашей (путка).

В дар небесному божеству и другим божествам приносили жертвенных барашков, ягнят, жеребят, прося благополучия. Теләк суйу /Лайт. Т.: 208/ – так назывался обряд жертвоприношения. Термин уйук /Бар. Р. Т.: 225/ (жертвенная лошадь), на наш взгляд, образован от инфинитива «уйуу – следовать» /Гиг. Т.: 225/, т.е. следовать в загробный мир за хозяином.

Особое место в доисламских культах занимало шаманство (рус. термин шаман произошел от эвенк. шаман, саман «возбужденный, исступленный человек»). Эта ранняя форма религии основывалась на представлении о сверхъестественном общении шамана с духами во время камлания. Шаман (кам), по-татарски имдзи, йадацы, йайцы, йәйце, выступал посредником между людьми и божествами, был властителем душ (йән). Он имел специальный колокольчик (цаң), его считали колдуном, могущим наслать плохую погоду, сынцы (вещун).

Шаман-имдзи лечил от испуга (йиксенү), с помощью березового веника изгонял из тела сумасшедшего больного вселившегося беса. У хакасов шаманы назывались камами. «Чтобы стать камом, необходимо обладать силой слова, знать ритуалы, благословения и песнопения, а в более ранние времена и «божественную письменность. ... Мифический покровитель

камов вручал молодому каму костюм, бубен, музыкальные инструменты для камланий и ставил его родовую тамгу на дворцовой шестигранной ели» [Бутанаев 1996]. Ритуал камлания, сопровождавшийся пением и ударами в бубен, приводил кама в экстатическое состояние. К терминологии шаманства относятся лексемы: «кыцак -1. Бар. - скрипка. 2. Т-тау Дм. - дудка» (Т.: 143); «санау - Том. Абд. - смычок» (Т.: 185); «калас күрү - Иш. - оказывать почесть, почитать» (Т.: 117). Лимноним Камкалаш (оз., Яр.) образован сложением основ «кам» - шаман + «калаш» ([с] > [ш]) – ударная палочка, ср. калак - ложка.

В словаре сибирских татар зафиксировано понятие «пай тирәк» (досл. богатый тополь). «Пай тәрәк - Б. Р. IV с. 11 - зур агач, кабилә, ыру символы булырга мөмкин; высокое дерево, может быть символом племени, рода (ТТАС). Пүгүндә йаман түш көрдүм, палам, өйөм ардында пай тәрәк көрдүм, палам, үөстөнә йыгылды, палам ...» (Т.: 167). «Бай служило приставкой к названию мифического дерева, корни которого растут в подземном мире, ствол – на земной поверхности, а вершина достигает небесной сферы. Таков образ в эпосе алтайцев тополя - Бай терек»; в мифологии башкир – Байтирәк 'ось Вселенной' [Бутанаев 1996], [Хисамитдинова 2010].

«Словарь диалектов сибирских татар» Д.Г. Тумашевой очень удобен в обращении. Разные значения одного слова даны в пределах одной словарной статьи и обозначены арабскими цифрами. Каждое слово паспортизировано, снабжено географическим индексом, ссылками на источники. Объяснения значений слов, данные на татарском языке, снабжены русским переводом, русский текст из всех других источников переведен на татарский. Значения одного слова, бытующие на разных территориях, обозначены порядковыми цифрами, после каждой из которых указано место записи и значение, характерное для данной местности.

Диляра Гарифовна Тумашева внесла неоценимый вклад в развитие отечественной и зарубежной тюркологии, приложила огромные усилия к изучению, сохранению, увековечению языка и культуры татар Западной Сибири. Научные труды академика Диляры Гарифовны Тумашевой - бесценный дар малой родине – Тюмени, всем жителям и народам, ныне населяющим Тюменскую область.

Литература

1. Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар (на материале Тюменской области). В 2-х частях. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999.
2. Бутанаев В.Я. Божества и поэзия шаманизма // Хакасия. 1996. № 1.
3. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
4. Рахимова А.Р. Лексика диалектов сибирских татар (сравнительно-исторический анализ промысловой и хозяйственной лексики). Казань: Мастер Лайн, 2001.
5. Тумашева Д.Г. Татарские диалекты Западной Сибири (Тюмень). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1952.
6. Тумашева Д.Г. Көнбатыш себер татарлары теле. Казан, 1961.
7. Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992.
8. Тумашева Д.Г. Словарь М. Кашгарского и лексика сибирских татар // Сулеймановские чтения-2000. Тюмень, 2001.
9. Тумашева Д.Г. Лексика сибирских татар и памятники древнетюркской письменности // Сулеймановские чтения-2000. Тюмень, 2001.
10. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010.

Алмадакова Н.Д., г. Горно-Алтайск

ПОЗИЦИОННАЯ ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ГЛАСНЫХ В ТЕЛЕНГИТСКОМ ДИАЛЕКТЕ

В настоящей статье рассматривается вопрос о позиционной долготе гласных фонем теленгитского диалекта алтайского языка в сопоставлении с другими диалектами алтайского языка и хакасским языком.

В теленгитском диалекте, в отличие от алтай-кижи диалекта и других тюркских языков Южной Сибири, система вокализма представлена 9-ю гласными фонемами. Кроме тради-

ционных гласных фонем [**а**, **о**, **э/е**, **у**, **ӱ**, **ы**, **и**, **ö**], в теленгитском диалекте представлен широкий мягкорядный гласный, который мы обозначаем знаком [**ä**].

Н.П. Дыренкова, отмечая локализацию шорского ударения на последнем слоге, в то же время говорит о ряде случаев, когда ударение падает не на конечный, а на предыдущий слог с широким гласным [Дыренкова, с. 22-23], тем самым автор отмечает наличие долготы в первом слоге. Удлинение широких гласных перед узкими гласными – закономерность, характерная для ряда тюркских языков [Селютина, с. 48], в том числе и для теленгитского языка. И.Я. Селютина, рассмотрев удлинение широких гласных перед узкими гласными, делает вывод о том, что следует говорить о позиционной длительности широких гласных перед узкими гласными [Селютина, с. 48 – 49].

В языке носителей алтай-кижи диалекта позиционная длительность перед узкими гласными [**ы**, **и**] характерна для широкого гласного звука [**а**] в именных словоформах с показателем принадлежности [Селютина, с. 48 – 49]: *ба:жым* ‘голова=моя’, *ба:жы* ‘голова=его’ и др.. По нашим наблюдениям, в языке жителей сел Шашикман, Купчегень, являющихся носителями онгудайского говора алтай-кижи диалекта, позиционная длительность характерна и для широких гласных **э**, **о**: *э:ртен* ‘завтра’, *со:ҥзын* ‘послезавтра’.

В языке современных носителей алтай-кижи диалекта наблюдается тенденция исчезновения длительности широкого гласного звука **а** в позиции перед узким гласным посессивного показателя, тем самым происходит процесс перехода долгих гласных в разряд гласных с нормальной долготой.

В теленгитском диалекте позиционное удлинение характерно для всех широких гласных [**а, о, э, ö, ä**] перед узким гласным последующего слога. Аналогичное явление наблюдается в хакасском языке, в котором долгим становится также узкий гласный **и** (не краткий [**і**]), оказавшись в позиции перед слогом с узкими [**ы, і**] : *изік* ‘дверь’, *килін* ‘сноха’ [Боргояков, с. 82]. Гласный [**и**] начальных слогов хакасских слов *изік, килін* соответствует в теленгитском и алтай-кижи диалектах гласному [**э**]: *эжик, кэлин*.

В теленгитском, как и в северных диалектах алтайского языка и в хакасском языке, но в отличие от алтай-кижи диалекта, широкий твёрдорядный гласный звук [**а**] первого открытого слога удлиняется в позиции перед узким гласным [**ы**] твёрдорядных корневых именных словоформ: *арыш* ‘рожь’, *сагыш* ‘ум, дума’, *агыш* ‘дерево’, *ја*:*шыл* ‘зелёный’, *са*:*ры* ‘жёлтый’, *ка*:*ры* ‘часть руки от локтя до плеча’, ‘неродной, чужой’, *а*:*быс* ‘поп’, *ка*:*бык* ‘скорлупа, кожица’, *а*:*лын* ‘перед’, ‘передний’, *ка:рын* ‘живот’, *ка*:*лым* ‘работа по найму’, ‘выкуп за невесту’, *ка:лыҥ* ‘густой (о лесе, о волосах)’, ‘толстый (о бумаге, ткани и т.п.)’, *та*:*мыр* ‘вена’, *ка*:*дык* ‘здоровье, здоровый’, ‘коровье молоко’, *ба*:*лык* ‘рыба’, *ја:лбырак* ‘лист’и др.

В именных двусложных словоформах широкий гласный [**а**] удлиняется и в позиции перед гласным [**ы**] словообразовательного аффикса: *а*:*дыш* ‘стрельба’, *барыш* ‘уход’, *па*:*зыт* ‘ходьба’ и др.

В теленгитском диалекте, как и в хакасском языке, но в отличие от алтайского языка, долгота широкого гласного [**а**] встречается не только в первом слоге корня именной словоформы, но и в позиции перед [**ы**] словообразовательного аффикса =**тагы (=дагы)**: *бутта*:*гы* ‘находящийся на ноге’, *тытта*:*гы* ‘находящийся на лиственнице’, *турада*:*гы* ‘находящийся в доме’, *кырда*:*гы* ‘находящийся на горе’, *балада*:*гы* ‘находящийся у ребёнка’, *колда*:*гы* ‘находящийся на руке’ и др.

В теленгистком языке, как и в других тюркских языках, широкий гласный звук [**а**] удлиняется и в позиции перед узким гласным [**ы**] в словоформах с показателями 1-го лица единственного и множественного числа, 2-го лица единственного числа и 3-го лица единственного и множественного числа: *па:шым* ‘голова=моя’, *па:шыс* ‘голова=наша’, *ма*:*лым* ‘скот=мой’, *па:шыҥ* ‘голова=твоя’, *ма*:*лыҥ* ‘скот=твой’, *а:ныҥ* ‘его, её’, *па:шы* ‘голова=его (её, их), *ма*:*лы* ‘скот=его’(её, их), *ја*:*сым* ‘весна=моя’, *ја:сыҥ* ‘весна=твоя’, *ка*:*сыҥ* ‘гусь=твой’, *ка*:*рдым* ‘живот=твой’ и др.

В теленгитском диалекте, как и в кумандинском диалекте и в хакасском языке, но в отличие от алтай-кижи диалекта, долгота широкого гласного [**а**] перед узким гласным **[ы]** встречается не только в именных словоформах, но и в глагольных словоформах со словообразовательными аффиксами (1) и с формообразовательными аффиксами деепричастия (2): с анлаутным узким гласным [**ы**]: 1) *ја:зыл*= ‘поправляться’, *ба*:*жыр* = ‘поклоняться’, *ја:жыр*= ‘прятать’, *ја:жын*= ‘спрятаться’, *па*:*зыр*= ‘придавить’, *па*:*зын* ‘унижать’, ‘надругаться’ и др.; 2) *па*:*рып* ‘пойдя’, *а*:*рып* ‘устав’, *а*:*лып* ‘беря, хватая’, *ка*:*лып* ‘прыгая’, *с*:*алып* ‘положив’и др.

В теленгитском диалекте широкий твёрдорядный огубленный гласный звук [**о**] открытого слога удлиняется в позиции перед узким гласным [**у**] закрытого слога и открытого слога

в твёрдорядных корневых словоформах: *о:дун* ‘дрова’, *ко:ҥус* ‘жук’, *то:гус* ‘девять’, *о:дус* ‘тридцать’, *ко:мус* ‘варган (музыкальный инструмент), *јо:рук* ‘поездка’, *о:ду* ‘привал, пристанище’, ‘семейство, объединение по роду и крови’, *ко*:*ру* ‘защита’, *то:йу* ‘сытый, сытость’, *ко:йу* ‘густой’, *со*:*лу* ‘обмен’ и др.

Длительность широкого гласного [**о**] обнаруживается и в позиции перед узким гласным [**у**] показателя посессивности 1, 2, 3 лица единственного числа: *ко:лум* ‘рука=моя’, *ко:луҥ* ‘рука=твоя’, *ко*:*лу* ‘рука=его (её)’, *то:нум* ‘пальто=мое’ и др.

Широкий гласный [**а**] становится долгим в позиции перед узким гласным [**у**] в местоимениях *бо*:*йум* ‘я сам’, *бо*:*йуҥ* ‘ты сам’, *о*:*ныҥ* ‘его, её’.

В теленгитском диалекте встречается долгота широкого гласного звука **а** перед узким гласным **у** в деепричастных формах: *ко*:*руп* ‘охраняя’, *то*:*ҥуп* ‘замерзая’, *бо*:*луп* ‘бывая’, *то*:*луп* ‘наполняясь’, *ко*:*нуп* ‘ночуя’, *ко:жуп* ‘добавляя’ и др.

Для широкого мягкорядного огубленного гласного [**ö**] длительность характерна в позиции перед узким гласным [**ÿ**] в мягкорядных именных корневых словоформах: *кö:бÿк* ‘пена’, *кö:рÿк* ‘белка’, *ö:дÿк* ‘обувь’, *ö:рÿм* ‘сверло’, *ö:лÿм* ‘смерть’, *пö:рÿк* ‘шапка’, *пö:рÿ* ‘волк’и др.

Долгота широкого гласного [**ö**] обнаруживается и в позиции перед узким гласным [**ÿ**] аффикса посессивности: *кö*:*зÿм* ‘глаз=мой’, *кö*:*зÿҥ* ‘глаз=твой’, *кö*:*зÿ* ‘глаз=его (её, их)’, *кö*:*зÿ(ÿ)с* ‘глаз=наш’.

Позиционная долгота широкого гласного звука [**ö**] перед узким гласным [**ÿ**] усматривается в деепричастных формах на =**п**: *кö*:*рÿп* ‘увидев, увидя’, *бöл*:*ÿп* ‘разделив’, *ö*:*лÿп* ‘умерев, умирая’, *ö:дÿп* ‘пройдя’, ‘проходя’, *кö:чÿп* ‘кочуя’, *ö:рÿп* ‘заплетая, связав’. Длительность широкого гласного [**ö**] перед узким гласным **[ÿ]** прослеживается и в залоговых формах: *кö:рÿн* ‘показаться’, *кö:рÿл* ‘увидено, быть увиденным’.

В отличие от алтай-кижи диалекта, в теленгитском диалекте позиционное удлинение широкого гласного звука [**э**] наблюдается и перед узким гласным [**и**] закрытого слога мягкорядной именной словоформы: *э:жик* ‘дверь’, *э:зин* ‘ветерок’, *сэ:гис* ‘восемь’, *кэлин* ‘невестка’, э:*зирик* ‘пьяный’, э:*ҥир* ‘вечер’, э:*лик* ‘косуля’и др.

Длительность широкого гласного звука [**ä**], как и широкого гласного звука [**э**], прослеживается в позиции перед узким гласным [**и**]: *ä*:*жик* ‘дверь’, *ä*:*ҥир* ‘вечер’, *ä*:*лик* ‘косуля’, *кä*:*лин* ‘невестка’, *ä*:*зин* ‘ветерок’ и др.

Таким образом, рассмотрение позиционной длительности теленгитского диалекта в сопоставительном аспекте даёт возможность сделать вывод о том, что язык теленгитов находит общие черты с хакасским языком и кумандинским диалектом алтайского языка, но находит существенные отличия от алтай-кижи диалекта.

Литература

1. Боргояков М.И. Об образовании и развитии некоторых долгих гласных в хакасском языке // Учёные записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Абакан, 1966. С.81-98.
2. Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М. – Л., 1941.
3. Селютина И.Я. Фонетика языков народов Сибири. Горно-Алтайск, 2002.

Асмондьяров В.Н., г. Уфа

НЕКОТОРЫЕ ЭТНОМЕНТАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕКОНСТРУКЦИИ МИРОВОЗЗРЕНИЯ НАРОДА В КОНТЕКСТЕ ЭТНООНТОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

(на материале «Атласа диалектов Урало-Поволжья, Казахстана, Сибири и северо-востока Российской Федерации»)

Создание лингвистического атласа диалектов и языков отдельного региона или более крупного ареала возможно при условии достаточно подробной монографической проработки языковых явлений и сбора соответствующего тематике и глубине исследования объема эмпирического лингвистического материала.

В нашем исследовании мы впервые делаем попытку осмысления фактологического материала диалектов и говоров якутского языка в сравнительном освещении с рядом тюркских языков алтайской семьи Урало-Поволжья (башкирский, татарский, чувашский), Казахстана, Сибири (тоболо-иртышские, барабинские и томские диалекты татарского языка)

и Северо-Востока Российской Федерации в рамках следующих когнитивных сфер: **I. «Природа** (неживая и живая)»; **II. «Человек** (как живое существо)»; **III. «Общество** (человек как общественное существо)»; **IV. «Познание (априори)»** разработанных на базе Межвузовской НИЦ изучения языков и культур тюркских, монгольских, финно-угорских и индоевропейских (славянских) народов Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона (евразийский аспект) при ГОУ ВПО «Башкирский государственный университет» и на материалах диалектологических экспедиций, организуемых кафедрой башкирского языкознания и этнокультурного образования. Несмотря на то, что наша классификация в известной мере сопрягается с семантическими осмыслениями лексики, предложенными в свое время Ю.Н. Карауловым, Н.Ю. Шведовой, В.В. Морковкиным и др., мы ориентированы на этноонтологическое осмысление и интерпретацию, аспекты становления и генезиса этнических групп исследуемых языков. В плане методологическом мы опираемся на результаты применения указанной когнитивной классификации лексических (семантических) данных, полагая при этом, что этот подход позволит поставить во главу угла не только соотношения родственных языков, но и проблемы познания реального мира и культуры народов. В целом, идея когнитологического осмысления языковой среды реализуется, в частности, на опыте созданного во Франции «Лингвистического Атласа Европы» (AtlasLinguarumEuropae: 1976-2002). По образцу, данного лингвистического атласа в свое время в АН СССР было задумано издание «Диалектологического атласа тюркских языков СССР». Ответственными за составление и выпуск «Атласа» были назначены Э.Р. Тенишев (Москва) и Л.Т. Махмутова (Казань).

В статье представлено осмысление лексических систем диалектов якутского, башкирского, казахского, татарского и чувашского языков в рамках вышеуказанных когнитивных сфер.

I. Природа

1. <u>Неживая природа</u>:

1.1. Земля, виды земного рельефа: ***арал*** (як.Булунский р-н) – «долина реки» (ДСЯЯ, 49). Лексических соответствий данной диалектной единицы достаточно велико, рассмотрим наиболее показательные: ***ARAL –*** «остров», ***ARALA-*** «между, среди» (ДТС, 50); ***арал*** (башк. вост. диалект) – «междуречье»; ***аралык*** (башк. средний и среднеуральск. говоры) «междуречье»; ***ҡулара*** (башк. гайнинский говор) «долина между горами»; ***аралы*** (тат. тоболо-иртышский диалект) «на расстоянии друг от друга»; ***арацы*** (тат. тоболо-иртышский диалект) «посредник»; ***арал*** (казахск.) «остров»;

1.2. <u>Живая природа:</u>

1.2.1 Животные, звери: ***адьырҕа*** (як. Амгинский, Вилюйский, Ленский, Сунтарские р-ны) – «старый самец медведя» (ДСЯЯ, 41).В древнетюркском словаре зафиксирована лексема ***ADÏɣ*** в общем значении «медведь» (ДТС, 10). В башкирском, татарском и казахском языках сходное значение передают ***айыу*** (башк. лит.) и ***аю*** (тат.лит.), ***аю*** (казахск.); ***упа*** (чувашск.)

II. Человек (как физико-биологическое существо)

<u>2.1. Человек как физико-биологическое существо:</u>

2.1. Физиология и потребности: ***силэгэй*** (як. Среднеколымский р-н) «слюна» (ДСЯЯ, 206). В этимологическом словаре алтайских языков представлены следующие тюркские, монгольские и тунгусские основы: ***sil-*** (PTurk) «слюна», «слизь» (ЭСАЯ, 1248); ***sil-*** (PMong) «слюна», «слизь» (ЭСАЯ, 1248);

III. Общество (человек как общественное существо)

3.1. Инфраструктура сельской жизни: ***алаһа*** (як. Колымский округ) «дом, домашний очаг» (ДСЯЯ, 43). В диалектологическом словаре якутского языка также упоминается в значении «берлога». В башкирском и татарском языках наблюдаются следующие параллели:

аласыҡ (башк. южный диалект) «летняя кухня»; ***алачык*** (башк. гайнинский говор) «летняя кухня»; ***алачыҡ*** (параньгинский, заказанский говор) «предбанник»; ***алачыҡ*** (хвалынский, мензелинский говоры) «дворовая постройка», «летняя кухня, в которой зимой живет молодняк»; ***алышыҡ*** (кахахск. Оренбургская область) «летний домик».

IV. Познание (априори):

кут (як. Саккырырский р-н) «внутреннее чувство, душа» (ДСЯЯ, 128). В целом, одно из ключевых понятий тюркской мифологии и тенгрианства – «вера в жизненную силу». Имеет массу соответствий и модификаций: ***kut*** «the favor of heaven, fortune» - «удача, успех» (EDT, 594); ***ҡот*** (башк. лит) «душа», «изобилие», «удача»; (АСБЯ, 502-516); ***ҡот*** (башк. среднеур., сакмарский говоры) «символ счастья и благополучия»; ***ҡот йырау*** (башк. сальзигутский говор) «перепугать» - сравн.: ***ҡотом китте*** – «испугался», букв. «душа ушла в пятки»; ***кот*** (тат. лит) – «душа», «счастье», «благодать»; ***ҚҰТ*** (казахск.) «богатство», «достояние», «благо», «благодать».

Исходя из проанализированного материала, можно установить, что мировосприятие и мироощущение окружающей действительности (Природа, Человек, Общество, Познание) имеют свои характеристики, которые, в свою очередь, раскрывают суть становления мировоззрения, отражаемого в диалектной лексике народов исследуемого региона.

То, что в свое время Э. Гуссерель обозначил как «идея региональной онтологии», санкционирующей «дробно описывать структуру бытия», служит косвенной поддержкой нашей методологической концепции о том, что абсолют единой «картины мира» существует в рамках таких когнитивных сфер, как: **I. «Природа (неживая и живая)»;II. «Человек (как живое существо)»; III. «Общество (человек как общественное существо)»; IV. «Познание (априори)»**, только условно, на деле образует конгломерацию автономных этнопредставлений о высоких законах мироздания. Этнология, с одной стороны, несет в себе этнически маркированный комплекс мыслительных координат, воплощенных в системе национального мировидения, с другой, - что совокупность человечества «есть некое культурное многообразие, мозаичный, но стремящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных друг от друга элементов общества и культур» [сравн.: Баскаков 1982, с. 8].

Литература

1. Академический словарь башкирского языка // Ф.Г.Хисамитдинова. В 10 т. Т. V. – Уфа: Китап, 2013. – 887 с.
2. Асмондьяров В.Н. Методологические аспекты реконструкции лексических систем тюркских языков огузских и кыпчакских групп // Актуальные проблемы татарской филологии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 12 декабря 2014 г. / Отв. ред. И.Ф.Зарипова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. С. 102-107.
3. Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья / Под ред. Н. Б. Бургановой, Л. Т. Махмутовой, Ф. С. Баязитовой, Д. Б. Рамазановой, 3. Р. Садыковой, Т. Х. Хайрутдиновой: В 2-х тт. Казань, Татпрокаттехприбор, 1989. 245 с.
4. Баскаков Н. А. Задачи составления тюркских ареальных исторических диалектологических атласов // Советская тюркология. 1982. Вып. 3. С. 3–9.
5. Диалектологический атлас башкирского языка / АН РБ, Отд-ние гуманит. наук, РАН, Уфим. науч. центр, Ин-т истории, яз. и лит.; [редкол.: Ф. Г. Хисамитдинова (отв. ред.) и др.]. Уфа: Гилем, 2005. 402 с.: карт.
6. Диалектологический атлас якутского языка: (свод.карты). Ч. II: Морфология и лексика / Сост. С.А. Иванов; отв. ред. П.А. Слепцов. Новосибирск: Наука, 2010. 178 с.
7. Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа: Изд-во: Китап, 2002. 432 с.
8. ДТС - *Древнетюркский словарь (ДТС)*. Л.: Наука, 1969.
9. МФБЯ - Машинный фонд башкирского языка [Электронный ресурс] http://mfbl2.ru
10. Скворцов М.И., Скворцова А.В. Чувашско-русский и русско-чувашский словарь. Чебоксары: Чуваш.кн.изд-во, 2012. 432 с.
11. Убрятова Е. И. Якутский язык // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
12. Халиуллина Н. У., Шайхулов А. Г. Тюркские языки Урало-Поволжья в контексте алтайского языкового сообщества (Опыт лексико-семантического и идеографического словаря). Ч. II. Словарь односложных корневых основ тюркских языков Урало-Поволжья: монгольских, тунгусо-маньчжурских языков в рамках когнитивных сфер «Природа», «Человек», «Общество», «Познание (априори)». Уфа: Изд-во «Восточный университет», 2004. 200 с.

13. Шайхисламова З.Ф. Топонимия северо-востока Башкортостана (историко-лингвистический анализ): Монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. 212с.

14. Шайхулов А. Г. Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики. Уфа, 2000. 490 с.

15. Шайхулов А.Г. Лингвокультурологическая картина мира как составляющая истории становления тюркоязычных народов Урало-Поволжья в контексте золотоордынской цивилизации (на материале исторической лексики: аспекты типологических и генетически контактных связей). Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. 268 с.

Баязитова Ф.С., Хабибуллина Л.Г., Салимов Ф.И., г. Казань

СПОСОБЫ ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВА И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В ТАТАРСКИХ ДИАЛЕКТАХ[1]

Лексика, относящаяся к традиционной культуре, является одной из древнейших лексических групп, так как традиция это то, что существует и передано нам из прошлого. Поэтому в составе терминов традиционных обрядов выявляются слова, словообразовательные средства, восходящие к глубокой древности. Основную часть лексики традиционной культуры, в частности обрядовой лексики, в татарском языке, а также в его диалектах и говорах составляют общетюркские слова, т.е. тюркизмы.

Образование терминов при помощи суффиксов в современном татарском языке считается одним из самых продуктивных способов терминотворчества. Наряду с древними морфологическими формами в терминах традиционных обрядов сохранились также элементы древнетюркского синтаксиса.

В словообразовании обрядовых терминов участвуют все основные суффиксы татарского литературного языка.

Суффикс *-чы/-че*. При помощи этого суффикса от именных, а также от глагольно-именных основ образованы термины, обозначающие **свадебные чины**, участников свадьбы и род их деятельности [1, с.13-25]. Примеры: *йаучы,җаучы, димче* (с. д.) сват, сваха; тот, та, кто занимается сватовством; *арачы* (миш. д.) посредница между парнем и девушкой; *табынчы* (миш. д.) глава свадебного застолья; *сонтоқцы* (сиб.) специально назначенный человек для внесения сундука невесты в дом жениха; *порнауцы* (сиб.) специально назначенный человек, который идет с сообщением о приближении свадебного поезда в деревню и др.

Суффиксы *-ча/-чә* выполняет функцию уменьшительности и ласкательности. Присоединяясь к именам существительным и прилагательным, этот суффикс образует имена, обозначающие родство и названия различных предметов: *кодача* ‘младшая родственница родителей мужа или жены по отношению к родственникам жены или мужа’; *җиңгәчә* ‘женщина, ухаживающая за невестой, сопровождающая её в дом жениха’; *печкәчә* (крш.) ‘младшая в семье мужа’; *чигәчә* (крш.) ‘деталь головного убора’; *маңгайча* (крш.) ‘налобное украшение’.

Суффиксы *-лык/-лек, -нык/-нек* являются наиболее продуктивными. Приведем слудующие термины, образованные с помощью этих суффиксов: *кыйаматлык/кийаматлык* (крш.) ‘посаженая мать’, *куйымнык* (миш. д.) – *куй* ‘ставить, поставить’ + *ым* + *-нык* ‘подарки, преподносимые невесте родственниками жениха во время первого свидания’; *аклык* (минз., крш.) ‘подарок стороне жениха, преподносимый в доме невесты в знак согласия на брак’, *бистәрлек* (крш.) ‘отрез материи, предназначенный, для полотенца’; *шыйлык* (крш.) ‘полевое моление’; *тунлык* (сиб.) ‘материя, предназначенная для савана’; *кидрачлық* (сиб.) ‘место, где растут кедровые деревья’ и др.

Суффиксы *-лай/-ли.* Слова, образованные с этими суффиксами встречаются в обрядовых текстах мишарского диалекта, а также в говорах крещеных татар: *кодалый* (бару, килү) ‘прийти в качестве свата’; *кодачалый* (булып бару) ‘прийти в качестве свояченицы’; *кунаклый* (бару) ‘идти в качестве гостя’.

Суффикс *-мак/-мәк.* Словам с суффиксом *-мак/-мәк* присущи как признаки глагола, так и некоторые признаки имени. Прежде всего эта форма имеет общую с глаголом семантическую основу – обозначает действие или состояние, обычно выражает цель действия данного субъекта. В этом же значении форма *-мак/-мәк* встречается в памятниках

[1] Работа выполнена при финансовой поддержки РГНФ в рамках проекта “Создание электронного ресурса по этнолингвистическим (диалектно-фольклорным) материалам татарского языка проект 14-04-12024).

орхоно-енисейского периода (V-VIII вв.): *тартышмак* ‘дергать друг-друга, враждовать’; *кондушмаг* ‘садиться’ [8, с.36].

Суффикс -мак/-мәк в современном татарском языке считается непроизводительным суффиксом [6, с.121], однако в диалектах сибирских татар наблюдается довольно активное его употребление. Например, с этим суффиксом образованы названия народных игр: *уқ атышмақ, қақтырмақ, өселешмәк, йырлашмақ, қул тотошмақ* [1, с.511]. В татарском, башкирском языках, а также во многих тюркских языках, определенная часть слов на *-мак/-мәк* в процессе развития языка субстантивировалась и перешла в разряд имен существительных: икмәк ‘хлеб’ от *ик* ‘выращивать’, *сукмак / һукмак* ‘тропа’ от *сук* ‘бить’, *коймак* ‘блины’ от *кой* ‘лить’, *элмәк* ‘крючок’ от *эл* ‘вешать’ и др.[3, с.687, 405].

Суффикс -чык/-чек высокопродуктивный стилистический суффикс, в настоящее время активно употребляется в диалектах сибирских татар: *-цык/-цек*. Характерным для сибирских диалектов является присоединение этого суффикса к словам, обозначающим живые и не живые предметы: *туганцык, багырцық, нәнәцек, өйцек, көрәкцек, ғалтацық, урауцық, циләкцек, көлцәнцек* и др.

Зафиксированы случаи употребления суффиксов *-цық/-цек+-ац/-әц: кесегәц, қысцығац,йастықцығац.*

Суффикс *-дык* встречается только в слове *борындык* в уральских говорах:

борындық инәй ‘посаженая мать’;

борындық қызым, борындық кейәү ‘обращение посаженой матери к невесте и её жениху’. Эта форма уральские говоры сближают с восточным диалектом башкирского языка., ср.: *морондок инәй* ‘посаженная мать’.

Суффиксы *-дач/-дәч, -дачы/-дәче, -гыч/-геч, -макчы/-мәкче* обычно употребляются в сочетании со словами, обозначающими кровно и, чаще, брачно-родственные отношения. Такие формы, в основном, характерны для говоров мишарского диалекта:

кан'ана булдач ‘та, кто приходится свекровью’

кийәү булдац ‘тот, кто приходится женихом’

йәш килен булдацы ‘та кто приходится невестой, молодухой’.

В чистопольском говоре мишарского диалекта параллельно с *булдач* зафиксирована форма *булдакчы* (Махмутова 1978, 179-180). В говоре села Күршә (Татарщино) Тамбовской области зафиксировано нами слово *җудацы/зудацы* ‘та, которая обмывает покойника’.

Форма *-дачы* встречается также в памятниках древнетюркской письменности, главным образом, со значением будущего времени, часто с оттенком долженствования или возможности [2, с.97, 189; 4, с.208; 8, с.56; 10, с.53; 11, с.140].

Например, в поэме «Кысса-и Юсуф» (XIII в.):

Ул колый учуз сатун алдачи сән,

Аны сатыб үкүш нигъмәт булдачи сән,

Мөлек вә дәүләт ийәси булдачи сән.

‘Ты купишь этого раба, за бесценок, Продав его, получишь много состояния’.

Форма на *-дачы*, хотя и употреблялась в древнетюркских памятниках, не получила развития в современных тюркских языках [7, с.35; 4, с.99], но отмечено её употребление в караимском и алтайском языках [10, с.53].

Синтаксическим способом образуются сложные названия и словосочетания. Большинство названий образуется способом основосложения. Например, в составе терминов семейных обрядов часто встречаются слова, образованные путем сложения двух или нескольких основ в одно целое. Имеются следующие структурные модели этого способа. Более активно функционируют сочетания, обе части которых выражены именами, т.е. существительное + существительное (первый тип тюркского изафета): *башкода* (миш. д.), > *баш* ‘глава, главный’, *кода* ‘сват, сваха’; *кызтерлек* (нукр.) > *кыз* ‘девушка’, *терлек* ‘приданое невесты’; *кызкичә* (миш. д.) > *кыз* ‘девушка’, *кичә* ‘вечеринка – девишник в доме невесты накануне свадьбы’.

Названия обрядовых мучных изделдий, образованные путем сложения двух или нескольких слов: *майболамык* (астр.) > *май* ‘масло’, *боламык* ‘мучная каша, сваренная в масле’. Им кормили роженицу сразу после родов; *қомәлбә* (астр.) > *ком* ‘песок’, *әлбә* ‘алва’ – сладкая мучная каша, обязательная обрядовая пища, которую готовили в день похорон; *оликмәк* (миш. д.) > *олы* ‘большой’, *икмәк* ‘хлеб’ – большой круглый хлеб, который пекли для свадьбы.

Изафет считается одним из наиболее древних словообразовательных средств в тюркских языках. В татарском языке такого типа словообразовательная модель особенно характерна для говоров мишарского диалекта, нукратских и пермских, астраханских, сибирских татар, в

которых сохранились многие древние формы языка: *қолақ сөйенчесе* (ср. д.) > қолақ ‘ухо’, *сөйөнче* ‘радостная весть’ + *-се* ‘подарок дома невесты, переданный в дом жениха в знак согласия на брак’; *мунча бирнәсе* (крш.) > *мунча* ‘баня’, *бирнә* ‘приданое + *-се* – приданое, подарок невесты, который она передает свекрови перед посещением бани и др.

Названия обрядовых действий в большинстве случаях обозначаются составными глаголами, образованными сочетанием имени с глаголами; *бала каталату* (миш д.) > *бала* ‘ребенок’, *ката* (ть) + *-лат* + *-у* ‘катать ребенка на постели невесты с пожеланиями, чтобы у нее было много детей’; *баш бәйләү* (крш.) > *баш* ‘голова’, *бәйләү* ‘повязывать’ – ‘смена девичьего головного убора на свадебный’; *тел йәшерү* (ср. д.) > *тел* ‘язык’, *йәшерү* ‘прятать’ – обычай не разговаривать перед свекором и перед старшими братьями мужа и др.

В настоящее время продолжается изучение и систематизация лексики традиционной культуры, сохранившихся в татарских диалектах. Такой материал является надежным этнолингвистическим источником по языку и культуре, в том числе и по проблемам словообразования татарского языка.

Литература

1. Баязитова Ф.С. Себер ареалы татар диалектларында этнокультура лексикасы (йола һәм мифология текстлары яссылыгында). – Казан, 2009. -736 б.
2. Баязитова Ф.С. Туй йолалары лексикасы (җирле сөйләш һәм фольклор текстлары яссылыгында). – Казан: Паравитта, 2011. – 976 б.
3. Баязитова Ф.С. Халык традицияләре лексикасы: бишек туе (йола һәм фольклор текстлары яссылыгында). – Казан, 2012. – 331 б.;
4. Баязитова Ф.С. Халык традицияләре лексикасы: соңгы туй (дини фольклор һәм җирле сөйләш текстлары яссылыгында). – Казан, 2015. – 711 б.
5. Батманов И.А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. – Фрунзе, 1959.
6. Башҡорт теленең академик һүҙлеге // Ф.Ғ.Хисамитдинова. 10 томда. Т.3, Өфө, 2012. – 864 бит/
Башҡорт теленең академик һүҙлеге // Ф.Ғ.Хисамитдинова. 10 томда. Т.5, Өфө, 2013, – 888 бит.
7. Боровков А.К. Лексика среднеазиатского тефсира XII-XIII вв. – Л., 1963.
8. Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. – М., - 1973.
9. Ганиев Ф.А. Современный татарский литературный язык: суффиксальное и фонетическое словообразование. – Казань: Изд-во «Дом печати», 2005.
10. Кондратьев В.Г. Очерки грамматики древнетюркского языка. – Л., 1970.
11. Мелиоранский П.В. Памятник в честь Кюль-Тегина. СПб., 1895.
12. Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1960.
13. Тенишев Э.Р. Тюркская историческая диалектология и Махмуд Кашгарский // СТ. – 1973. – №6. – с.53.
14. Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XII вв. из Восточного Туркестана. – М.-Л., 1961.

Гарипов Т.М., Капишева Т.Ю., Попова Е.В., г. Уфа

БАКАЛИНСКИЙ ЭТНОЛЕКТ КРЯШЕНОВ БАШКОРТОСТАНА
(краткий социолингвистический экскурс)

Кряшены – этноконфессиональная тюркская группа в составе татар Волго-Уральского региона. Самоназвание *керәшен* восходит к русскому *крещёный* с разноместными вариантами: *крещенцы, крещёные татары, кряшены, кряшено-русские и кряшено-татары* [Национальный состав населения, с. 18]. Их численность к концу первого десятилетия XXI века составила 34822 человека. Большинство из них – 29962 человека (86 %) сосредоточено в Татарстане, ещё 3801 человек (около 11 %) проживает в Башкортостане, остальные 1059 человек (до 3 %) расселились по иным административным образованиям России – главным образом, в Приволжском и Уральском федеральных округах [Население по национальности.., с. 85,89 и 91].

Башкортостанские кряшены наиболее компактно сконцентрированы в Бакалинском районе – особенно в сёлах Бузюрово, Нижнее Иликово, Нижние Балыклы, Нижний Матах и Умирово [Галеев, с. 557]. В 2002 году численность бакалинских кряшенов достигала 4332 человек или 96 % от общего количества лиц этой народности в республике [Янгузин, с. 265-266]. Первые из них после начала заката Золотой Орды с конца XIV столетия добровольно перешли на сторону Московского княжества и, поскольку это были представители правящей

тюркской (кыпчакско-половецкой) элиты, забрали с собой свои семьи, многочисленную челядь и немалые богатства, то и были встречены на новой родине с подобающим пиететом: получали российское дворянство, наделялись землями и крепостными, совершали смешанные браки и т.п. Обязательным условием при этом был отказ от мусульманства и принятие православной веры, а далее – как следствие, переход на русскую речь и славянский уклад жизни. Так на Руси появились новые аристократические сословия, из которых впоследствии вышли блистательные умы и таланты в самых различных сферах науки, культуры, литературы, искусства, политики и т.д. Вот далеко неполный перечень отечественных деятелей, в роду которых сохраняются определённые тюркские "корни":

– военачальники: Аракчеев (по-татарски *аракычы* 'самогонщик', Кутузов (от арабского *кутдус* 'кудесник'), Суворов (*сувар* 'всадник'), Пожарский (сын Беклемишевой);

– композиторы: Рахманинов (*рахман* 'молитва'), Скрябин (*сукыр* 'слепец');

– писатели и поэты: Аксаков (*аксак* 'хромец'), Ахматова ('восхвалённая'), Булгаков ('гордец'), Гаршин ('отважный'), Гоголь (*когул* 'синяя птица'), Карамзин ('тёмный дворянин'), Куприн (*купер* 'мост'), Тургенев ('быстрый');

– политики: Бухарин, Вышинский (из огузо-башкирского рода *сахир*), Годунов ('безрассудный');

– учёные: Бердяев ('одарённый'), Келдыш ('пришелец'), Тенишев (*тыныш* 'спокойный'), Тимирязев (*тимер* 'железо'), Чаадаев (монгольское *чагатай* 'храбрец') [Халиков, 3-191].

Более поздние "перелёты" XVIII века, как иронически именовали обращённых (подчас насильственно) в новую веру достославные тюркологи В.А.Богородицкий и Н.К.Дмитриев, уже не получали каких-либо привилегий, их тюркские титулы не почитались и в шутку даже прозывались как *чабаталы мырзалар* 'лапотные дворяне, дворяне в лаптях' [Гарипов, Капишева, Попова; с. 230].

Речевой статус кряшенов чётко не детерминирован: его определяют то как один из пяти говоров «Среднего» (Казанского) диалекта татарского языка, то как автономную языковую общность. Согласно распространённой классификации тюркских языков и наречий, предложенной академиком А.Н.Самойловичем ещё в 1922-1926 годах, кряшенский регионолект следовало бы отнести к урало-поволжской подгруппе тюркской языковой семьи, о чём наглядно свидетельствуют девять таксономических изоглосс типа *тугыз* '9', *аяк* 'нога', *тау* 'гора', *сары* 'жёлтый', *бул* 'будь', *калган* 'оставшийся', *юк* 'нет' *башы* 'голова его', *сулы* 'водянистый' [Самойлович, с. 77-91].

Письменность у кряшенов реализуется на базе татарской кириллоидной азбуки преимущественно в семейно-бытовой среде, частной эпистолярике и под.

Литературный язык не наличествует, функции его исполняет многообразный фольклор: баиты, загадки, сказки, песни под аккомпанемент гуслей (!). Литераторы из кряшенов публикуются, как правило, на языках национальных республик, где они жительствуют. Так, уроженец Бакалинского района, драматург Нажиб (Николай Васильевич) Асанбаев получил международную известность благодаря своим пьесам, поставленным на башкирском языке.

Социально-гуманитарные запросы реализуются в «Национально-культурном центре кряшенов» в селе Бакалы Башкортостана и «Этнографическом культурно-просветительском объединении кряшенов».

Кряшенов характеризует в целом массовый русско-тюркский билингвизм – 33354 человека (или 95,8 %) указали на своё владение русским языком в 2010 году, из них в Татарстане 28614 человек (95,5 %), Башкортостане 3688 человек (97 %), в Удмуртии 480 человек (99,6 %), в Чувашии и областях Нижегородской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Ульяновской, а также Свердловской, Тюменской, Челябинской; автономных округах Ханты-Мансийском – Югре, Ямало-Ненецком и ряде других федеральных субъектов русофонами оказались все 100 % кряшенских обитателей [Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации, с. 85-112].

Впрочем, наблюдается и обратный процесс – особенно в области христианской антропонимии, которая в кряшенских семьях часто бытует на тюркский лад: *Бира* ‘Вера’, *Жюрик* ‘Юрий’, *Татый* ‘Татьяна’ и многие другие [Гарипов, Капишева; с. 62-69].

Примечательно соотношение исконно тюркских и благоприобретённых русско-интернациональных лексем, наблюдаемых нами в контрольном списке понятий на основе семантической схемы, предложенной Р. Халлигом и В. фон Вартбургом. Всего зафиксированно 288 смысловых названий (получены от информанта в селе Шерашлы Бакалинского района), из которых 133 являются кряшенскими (46 %), 128 – интернациональными (45 %) и 27 – русскими (9 %) [Капишева, Гарипов, Попова; с. 120-122].

Иногда в состав кряшенов включают и этноконфессиональную микрогруппу (субэтнос) *нагайбаков* – потомков крещённых в православие ногайцев, ныне почти полностью обрусевших [Исхаков, с. 364]. Их численность в 2010 году составляла 8148 человек, в том числе 7679 человек проживало в Нагайбацком же и Чебаркульском районах Челябинской области, при этом число владеющих русским языком превышало 99,4 %. Говор нагайбаков включён в «Красную книгу языков народов России» [Агеева, Насилов; с. 116-118].

Литература

Агеева Р.А., Насилов Д.М. Нагайбаков язык // Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Academia, 2002. – 378 с.

Галеев А.Ф. Кряшены // Башкирская энциклопедия, том 3. – Уфа, 2007. – 672 с.

Гарипов Т.М., Капишева Т.Ю. Словообразовательная тюркизация славянских имён в Бакалинском регио-лекте Республики Башкортостан // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. – Уфа, 2010. 272+2 с.

Гарипов Т.М., Капишева Т.Ю., Попова Е.В. Из истории изучения славяно-тюркских взаимовлияний // Вестник ВЭГУ. – 2015. - № 5. – С. 228-232.

Исхаков Д.М. Кряшены // Народы и религии мира: Большая Российская энциклопедия. – М.: 2000. – 928 с.

Капишева Т.Ю, Гарипов Т.М., Попова Е.В. К вопросу о лексико-семантической системе понятий в Бакалинском этнолекте Республики Башкортостан // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. – Уфа, 2015. - 340 с.

Население по национальности и владению русским языком по субъектам Российской Федерации // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. – М., 2012. Том 4, с. 84-112.

Национальный состав населения // Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. – М., 2012.Том 4, с. 9-21.

Самойлович А.Н. Тюркское языкознание. Филология. Руника. – М.: «Восточная литература» РАН. – 1055 с.

Халиков А.Х. 500 русских фамилий булгаро-татарского происхождения. Казань, 1992. – 192 с.

Янгузин Р.З. Этнический состав населения Башкортостана. – Уфа: Китап, 2007. – 124 с.

Делибаш Ниса, Турция

ЗАКРЫТЫЙ И ОТКРЫТЫЙ ГЛАСНЫЙ *Е* В ТУРЕЦКОМ ДИАЛЕКТЕ Г. БУРСА

В рамках изучении турецкой диалектологии, мною было проведено экспедиционное исследование диалекта окрестностей города Бурсы в июне-июле 2015 г.

По огузскому фонетическую опроснику (составленному О.А. Мудраком) была собрана информация в виде звуковых файлов, отражающих нормы информантов г-жи Хатидже Шимшек и г-жи Мирие Сака. По ходу было задокументировано и собственное личное произношение.

До сих пор существует лишь ограниченное количество работ по турецкой диалектологии, где внимательно разобрана система звуков диалектов с точки зрения исторической фонетики огузских языков и соответствия с другими огузскими языками.

Речь местных носителей языка по материалам Хатидже (60 лет, уроженки села Бюйюкбалыклы) довольно сильно отличается от общепринятой нормы. При внимательном прослушивании и фонетической транскрибировании обнаружилось много характерных черт, которые отличают данный диалект от литературного языка.

Сразу бросалась в глаза артикуляция дрожащего глухого *-r* в женской норме. Он не напоминает полузвонкий *-ž*, а является чистым глухим (без голоса) аналогом *-r-*, подобного русскому *-р* в слове *театр*.

Шумные согласные различаются в первую очередь не по глухости-звонкости, а по наличию или отсутствию придыхания.

Аналог литературным звонким смычным или аффрикатам в позиции абсолютного начала (анлауте) артикулируется как полузвонкий гемминированный (удвоенный) согласный, иногда даже глухой. Ср. *b:ẹ*^{h} (2, 32,39) ’бей, бег’, *b’:ẹl* (2, 14,24) ’поясница’[1], *p’:eš:ɨk*^{h} (2, 12,54) ’колыбель’, *d:emɛk*^{h} (2, 0,16), *t:ẹdɨm* ~ *-üm* 1sg past. (2, 0,18) ’говорить’, *t:ẹly* ~ *t:ẹly* (2, 15,09) ’сумасшедший’, *t:ẹrɨ* (2, 25,35) ’кожа, шкура’, *k:ǫ̈ɨmej g*^{j}*ẹjt:ɯm* 1sg past. (2, 34,23) ’одеть рубашку’, *k:ẹlɨ*^{n} (2, 15,59), *k:ẹrẹn o̥...* (2, 16,00), *k:ẹrɨ* (2, 16,01) ’невестка’, *k:ɨt:*^{h}*ɨm* 1sg past. (2, 5,17) ’уходить’, *g’:et*^{h}*ɨrmæk*^{h} (~ -yr-, -ɯr-) (2, 7,29) ’принести’, *g:*^{j}*e*^{o}*zmæk*^{h} (2, 24,48) ’гулять’, *g:*^{o}*g:ǯ* (2, 27,10) (= тур. kayak ağacı) ’пирамидальный тополь’ и др. Чистое произношение как звонкий допустимо после предшествующих сонантов (***l, n, m, r***). Ср. *...m-bẹjɨ*^{m} 1sg., *...ŋ-bẹjẹ* 3sg. (2, 32,32 - 32,33) ’бей, бег’, *eləmɨn derəs:ə* (2, 25,36) ’кожа, шкура моей руки’, *k:ǫ̈ɨmej g*^{j}*eit:ɯm* 1sg (2, 34,23) ’одеть рубашку’ и др.

Глухие согласные имеют ярко выраженное придыхание. Ср. *k*^{h}*ec*^{j}*e* (2, 13,44) ’войлок’, *k*^{h}*ek*^{h}*æmæ* (2, 9,24) ’заика’, *k*^{h}*erp*^{h}*ɨč*^{h}, *k*^{h}*erp*^{h}*ɨš* (2, 30,34) ’кирпич’, *k*^{h}*öp*^{h}*e*^{e}*ŋ* gen. (2, 21,40) ’собака’, *q*^{y}*ыrmąq*^{h} (2, 20.55) ’ломать’, *q*^{h}*ыrąα* (2, 23,25) ’иней’, *t*^{h}*æ*^{æ} (2, 26,21) и *t*^{h}*æ*^{æ}*t*^{h} (2, 26,24) ’пот’, *t*^{h}*ərs* (2, 28,21) и *t*^{h}*ɛrs* (2, 28,23) ’наоборот’, *t*^{h}*ez*^{s} (2, 24,43) ’быстро’, *c*^{h}*op:*^{r}*ąq*^{h} (3, 0, 57) и *t*^{h}*op:rąq*^{h} (3, 1, 00) ’земля, почва’, *č*^{s}*e*^{o}*kmæk*^{h} (2, 8,04), *č*^{s}*e*^{o}*kdɨm* 1sg past. (2, 8,05) ’тянуть’, *č*^{s}*ək*^{h}*æn* (2, 9,34) ’вид палки’, *č*^{s}*š’:enɛ* (2, 21,15), *č*^{s}*š’:enæm* ~ *č*^{s}*š’:enæm* 1sg. (2, 21,17) ’скула’, *č*^{s}*yt* (2, 8,22) ’граница’ и др.

В начале, но часто и в середине слова спирант ***-s-*** произносится геминированно (или с удвоением). Ср. *s:ej*^{j}*rɛk*^{h} (2, 36,14) ’редкий’, dẹrəs:ə 3 sg (2, 25,36) ’кожа, шкура’, *s:ek*^{h}*ɨs* (~ -ɛ$_1$-) (2, 10,29) ’восемь’, *s’:ẹ*^{p}*mæk*^{h} (2, 0,56) и *s:ẹ*^{ʔ}*mæk*^{h} (2, 0,58) ’брызгать’, *s:ẹs:* ~ *s:əs:* (2, 23,28) ’голос’, *s:ẹ*^{o}*ɯmæk*^{h} (2, 32,16) ’любить’, и даже *c*^{s}*ə*^{o}*rtɨm* ~ *c*^{s}*œ*^{o}*rtɨm* 1sg past. (2, 30,29) ’наряду’ с *s:æ*^{o}*rtɨm* (2, 30,30) ’брызгать’.

При произношении -s- язык упирается кончиком в нижние зубы.

При произношении шипящих ***-č-*** и ***-š-*** эти согласные звучат более твердо по сравнению с обычной турецкой нормой и ***-š-*** напоминает рус. *ш.* Глухая (= придыхательная) аффриката ***-č-*** часто вместо обычного придыхания сопровождается **š**-образным призвуком (см. выше).

В заднем сингармонистическом ряду глухой согласный ***-t-*** имеет ретрофлексный изгиб кончика языка (это обозначено в транскрипции точкой под буквой). Такая артикуляция приводит к отмечаемому в части случаев его переходу в аффрикату ***-ç-***. Ср. *ąc*^{h}*yn ejerə* 3 sg (2, 35,35) ’седло лошади’, *c*^{h}*op:*^{r}*ąq*^{h} (3, 0, 57), *t*^{h}*op:rąq*^{h} (3, 1, 00), *ṭ*^{h}*op:ɦы*^{y} 3sg. ’земля, почва’.

Прекрасно различаются увулярные и велярные заднеязычные. Они связаны с сингармонистическим рядом. См. для заднего ряда примеры выше, а также: *ɔtʊrgɔ* ~ *ɔtʊrgɑ* (3, 2, 40) и *ɔtʊlgɑ* (3, 2, 42) ’позвоночник’, и перед словом, начинающимся на **i** *t*^{h}*ą*^{w}*ʊq*^{g} *i̊n...* (2, 21,58) 3 sg ’курица’.

Велярные шумные смычные очень сильно палатализованы (это обозначено через петлю под согласным). И даже ***-k-*** у информантки часто переходит в мягкую палатальную аффрикату. Ср. *č*^{h}*ec*^{s}*ə* ~ *k*^{h}*ec*^{s}*ə* (2, 13,35) ’козел’, *č*^{h}*ä’kɯlle/ɛrɨ* (2, 8,59) ’хохол’, *č*^{h}*ẹp’* (2, 0,46, 0,48), *č*^{h}*ep*^{h}*ə* (2, 0,51) ’вид, форма’, *č*^{h}*ɛp*^{h}*ek* (2, 1,31) ’отрубы’.

В диалекте существует велярный носовой сонант ***-ŋ-***. Ср. *bẹŋ’ỏm bẹjɯm* 1 sg ’мой мозг’, *ɔnɯ̨ŋ bẹjnə* 3 sg (2, 34,35) ’его мозг’, *č:ẹŋ’æmæk*^{h} (2, 36,17) и *č:ɨjnæmæk*^{h} (2, 36,18) ’жевать’, *ɔnɯ̨ŋ č*^{s}*ẹnesɨ* (2, 21,21) ’его скула’, *eləmɨŋ dẹrəs:ə* (2, 25,36) ’кожа моей руки’, *d:erəŋnɨk*^{h} dan. (2, 25,31) ’глубина’, *t*^{h}*ɔ*^{w}*ʊŋ əŋǯɨ* 3sg (2, 21,59) ’куриная ножка’, *j:eŋgə* ~ *j:eŋgæ* (2, 21,25) ’жена брата’, *geŋ’ɨrmæk*^{h} ~ *ḍeŋ’ɨrmæk*^{h} (2, 34,12) ’рыгать’, *g:ɛŋɨs:* ~ *g:eŋɨs:* (2, 22,21) ’носоглотка’, *k*^{h}*öp*^{h}*e*^{e}*ŋ* gen. (2, 21,40) ’собака’ и др.

Для транскрипционного обозначения гласных использовались знаки в соответствии с таблицей, разработанной О.А. Мудраком и С.Л. Николаевым.

Таблица 1

передн. ряд	пер.-средн. ряд	средн. ряд	сред.-задн. ряд	задн. ряд.
i	ɨ ü	у ш	ы ʊ	u
ẹ	ə ǫ̈	ъ ø	ʌ ɯ̨	ọ
e	ə ö	ъ ø	ʌ ɯ	o
ɛ	æ œ	ą	α	ɔ
ä	æ	a	α	

[1] При подаче материала в скобках указывается сначала номер файла записи, а далее время записи.

i̇	ɨ̇	у	ы	
ẹ	ə̣	ъ̣	ʌ̣	
e	ə	ъ	ʌ	
ɛ	æ̣	ạ	ɑ̣	
ä	æ	a	ɑ	

Таблица 2

Таблица 3

	ü	ш	ʊ	u
	ọ̈	ø̣	ʊ̣	ọ
	ö	ø	ʊ	o
	œ			ɔ

Предварительно, касаясь гласных, следует отметить, что этот диалект различает долгие и краткие гласные. Долгие гласные имеют не ровную долготу на всем гласном, а артикулируются практически в два слога со вторым укороченным элементом. Этот более короткий элемент часто хорошо различается по качеству и при записи обозначается буквой в верхнем регистре. Эти гласные могут вступать в чередования и сокращаться.

Интересно, что систему ударения у Хатидже напоминает систему, описанную М. Рясяненом в его работе по фонетике тюркских языков. В ней он отмечает следующее: «Новая фаза в полемике открылась выступлением шведского исследователя Китайского Туркестана Г. Ракета, изучавшего в течение десяти недель в Константинаполе интонацию в турецком языке. Он пришел к выводу, что в турецком, как и в восточнотюркском языке, экспираторное ударение во всех исконно тюркских словах падает на первый слог" [1] Вопросу ударения у Рясянена посвящен довольно большой раздел со с. 33 по 47. В произношении у Хатидже характерен хорошо слышный высокий тон на первом слоге. В конце бывает (и то, не во всех случаях) только ударение с понижением тона.

В данном диалекте наблюдается противопоставление гласных средне-верхнего и средне-нижнего подъема. В первую очередь казалось важным изучить вопрос появления и соответствий "закрытых" (средне-верхнего подъема) и "открытых" (средне-нижнего подъема) гласных типа ***-e-*** в данном диалекте.

Этой теме посвящен ряд работ по исторической фонетике огузских и тюркских языков. Про развитие закрытых гласных в огузских языках дан большой словарный материал в последнем томе Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков (VI. Развитие пратюркской системы фонем, п. 2.9, с. 194-205)[2]. В ней привелен разбор основных процессов появления и распределения этих гласных в азербайджанском, туркменском, хорезмийском языках. Но для турецкого материала до сих пор такой работы не было сделано. Во-первых, в турецкой орфографии закрытые и открытые гласные никак не различаются. Во-вторых, при диалектологических исследованиях, если даже отмечалась такое различие, список лексем был крайне ограничен и не полон. В какой-то степени здесь предпринята первая попытка проследить различия открытого и закрытого ***-e-*** на турецком материале. После сбора лексем по огузскому опроснику и транскрибированию данных диалета г. Бурса и авторских данных удалось обнаружить две системы «закрытых» гласных, существующих в турецком языке.

Одна из них, диалектная, - у Хатидже Шимшек (г. Бурса). Другая, относительно литературная, - у автора из образованной семьи, имеющего высшее образование. Однако родители выросли в городе Сивасе, и могут быть представлены некоторые правила, типичные для этого города.

В результате анализа всего материала - 123 слов с гласным типа ***-e-*** в первом слоге (это то, что Хатидже опознала из лексики опросника), обнаружена следующая система. В ней есть распределения гласных по позициям и есть различия в одних и тех же позициях закрытого и открытого ***-e-***. Ниже даются таблицы распределений. (T - любой согласный, K - заднеязычный согласный, N - дентальный или велярный носовой согласный, в верхнем регистре - слабо слышимые согласные и гласные, (T) - присутствие и отсутствие согласного). При реконструкции О.А.Мудрака закрытых и открытых гласных в огузских языках

[1] Рясянен М., Материалы по исторической фонетике тюркских языков. Москва, 1955. С. 38.

[2] Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрков. Москва, 2006.

учитывались особые развития в азербайджанском и хорезмийском языках перед согласными -j, шипящими -č, -ǯ, -š, губным -v, а также после j-, v-. При внешнем внутритюркском сравнении языков также большое влияние оказывали позиции перед следующим губным, зубным, шипящим или заднеязычным согласным. (СИГТЯ VI, с. 195) Поэтому они учитывались при разборе материала.

(K)ɛᵉk/ Tẹk	*(K)ɛᵉš:/ (T)ẹš*	*(K)ɛč/ Tɛč*	*(j)ɛj/ Tẹj*	*(j)ɛ̣l/ Tẹl*	*ɛʰ*, 1 раз *ẹʰ*	*ɛN// jɛŋ// j:ẹN/ TeN*
незначимая позиция	незначимая позиция	незначимая позиция	незначимая позиция	незначимая позиция	**значимая позиция**	**значимая позиция** для анлаута
	перед удвоен. *š:*				**-H-** гортанный	**-N-** дентальный

ɛt и *et/ jet/ Tẹt*	*Tɛp/ Tẹᵖ*	*ɛv?*	*ẹm*	*ɛr/ ẹr*	*ẹs*	*ẹz*
значимая позиция для анлаута	незначимая позиция, может быть фонетика -ᵖ-?	незначимая позиция	незначимая позиция	**значимая позиция**	незначимая позиция	незначимая позиция
-T- дентальный				**-R-** дентальный		

Примеры распределений:

Нат. *k̦ʰɛk̦ʰlɨk̦ʰ (2, 8,31)* - тур. keklik ’куропатка’.

Нат. *k̦ʰek̦ʰæm̨æ (2, 9,24)* (?) - тур. kekeme ’заика’.

Нат. *c̦ʰä’k̦ɯ̨llɛ/ɛrɨ (2, 8,59)*,- тур. kākül ’хохол’.

Нат. *ɛᵉk̦mæk̦ʰ (2, 7,46), p:ʊjdɨ ɛᵉktɨm (2, 7,47)* - тур. ekmek̦ ’сеять’.

Нат. *ekšymäk̦ʰ* [-š- нейтрально-твердый в отличие от -š-] *(2, 8,40), éᵉkšydə̀ 3sg (2, 8,41)* - тур. ekšimek̦ ’горчить’.

Нат. *éᵉk̦ṡɨk̦ʰ (2, 10,36), éᵉ- (2, 10,38)* - тур. eksik ’неполный’.

Но

Нат. *c̦ˢéᵒk̦m̨æk̦ʰ (2, 8,04), c̦ˢéᵒk̦dɨ̊m 1sg (2, 8,05),* - тур. čekmak ’тянуть’.

Нат. *c̦ˢək̦ʰæn̨ вид палки (2, 9,34)* - тур. tapinak? ’висок’.

Нат. *s:ek̦m̨æk̦ʰ (2, 8,26)* - тур. sek̦mek ’семенить; наскакивать’.

Нат. *s:ek̦ʰɨ̃ŋ:aʌ́ltạ (2, 10,21), s:ek’k’ə̣ (2, 10,22)* - тур. seki, kerpič yükseklik ’глинобитное возвышение’.

Нат. *s:ek̦ʰɨ̊s (~ -ɛ1-) (2, 10,29)* - тур. sekiz ’восемь’.

Нат. *tʰek̦ʰ (~ tʰẹk̦ʰ) (2, 7,54), tʰek̦ʰə̣ 3sg. (2, 7,58)* - тур. tek ’одинокий, нечетный’.

Нат. *tʰec̦ʰẹ (2, 9,11), dẹg̦æ ~ dəg̦æ (2, 9,13)* - тур. teke, keči ’козел’.

**

Нат. *éš: (2, 11,05)* - тур. eš ’пара’.

Нат. *ɛᵉš:ek̦ʰ ~ -šš- (2, 11,39), eššẹk̦ʰ (2, 11,41)* - тур. ešek ’осел’.

Нат. *g̦eᵉš’tə̣m̨ (~ -dəm̨) 1sg (2, 13,25), g̦ɛᵉš’tə̣m̨ 1sg* - тур. gečmek ’миновать, перейти в брод’.

Но

Нат. *íẹšmæk̦ʰ (2, 10,44)* - тур. ešmek ’грести’.

Нат. *ẹšym̨æk̦ʰ (2, 13,00), ẹšɨm̨æk̦ʰ (2, 13,04), ẹšɨttə̣m 1sg (2, 13,06)* - тур. išitmek ’слушать’.

Нат. *eš̆ú/ək̦ʰ (2, 11,35)* - тур. ẹšik (kapɨ) ’дверь’.

Нат. *eᵉš’m̨ɛk̦ʰ (2,13,13), eᵉš’tə̣m̨ (-dəm̨) 1sg (2,13,14)* - тур. ešmek ’снимать’.

Нат. *bʷẹš (2, 11,45)* - тур. beš ’пять’.

Нат. *t:ešül’də̣ 3sg = d:- (2, 12,40), t:ešüldə̣(2, 12,46), t:ešɨk̦ʰ (2, 12,46), d:ešɨ́ə̣ 3sg (2, 12,49)* - тур. dešik ’дыра’.

**

Нат. *éc̦ʰɨs: ~ ék̦ʰɨs: (2, 10,01)* - тур. ikiz ’двойня’.

Нат. *c̦ʰecˇə̣ ~ k̦ʰecˇə̣ (2, 13,35), k̦ʰecˇəsə 3sg (2, 13,38)* - тур. keči ’козел’.

Нат. *k̦ʰecˇe (2, 13,44), k̦ʰecˇɛ (2, 13,47), k̦ʰecˇẹsə 3sg (2, 13,48)* (?) - тур. keče ’войлок’.

Но

Hat. *s(:)eč̌ˇmæ̀ḳʰ (2, 14,01), s:éˇš’ṭ̀m 1sg* - тур. <u>sečmek</u> ’разбрасывать, провеивать’.

Hat. *ṭʰeč̌ʰẹ (2, 9,11), dẹgæ ~ dẹgæ (2, 9,13)* - тур. <u>teke, keči</u> ’козел’.

**

Hat. *æ-jɛ́jɨrmǽḳʰ? (2, 33,54), ẹjɨrmæ̀ḳʰ (2, 33,57), ẹ́jɨrmæ̀ḳʰ (2, 34,04)* - тур. <u>eğirmek</u> ’прясть’.

Hat. *jɛ́jjə̀ (-ʲj-) (2, 14,37), [jɛ́l ẹs:əjə́’ (2, 14,33), jɛ́lə̀ (-ʲ-) 3sg (2, 14,38)]* - тур. <u>yel</u> ’ветер’.

Hat. *iɛjmæ̀ḳʰ (2, 32,43), jejdɯm 1sg (2, 32,46)* - тур. <u>bükmek, egmek</u> ’гнуть’.

Hat. *’ɛjjæ (2, 33,39), ’ɛjæ wɔ (2, 33,40), ’ɛjjæ (2, 33,45), ’ejjæs:ə 3sg (2, 33,47),* - тур. <u>eğe, mihenk taši</u> ’точило, оселок’.

Hat. *ejlæṃæ̀ḳʰ (2, 33,04; 2, 33,05)* - тур. <u>eğlemek</u> ’остановить’.

Hat. *eʲjɨṛə (2, 33,10)* - тур. <u>eğri</u> ’кривой’.

Hat. *eʲæʲ wɔ (2, 35,34), ạcʰyn ejerə (2, 35,35)* - тур. <u>eyer; atɨn eyeri</u> ’седло’. Нейтральный ***-e-*** в этой позиции следует воспринимать как вариант открытого гласного.

Но

Hat. *(ḳ:ö́ɨmeʲ) gʲẹ́jt:ɯm 1sg (2, 34,23), (jö́ɨmè̀ʲ) gẹ́jdɨ̊m 1sg (2, 34,25)* - тур. <u>giymek</u> ’одеть’.

Hat. *k:ẹjᵏ wɔ (2, 35,40), ъ-g:ẹjɨkʰ̊ (2, 35,43)* - тур. <u>geyik</u> ’дичь, олень’.

Hat. *bẹjɨⁿ ~ bẹji (2, 34,32), bẹŋ’ym bẹjmɯm, ɔnɷŋ bẹjnə (2, 34,35)* - тур. <u>beyin</u> ’мозг’.

Hat. *s:ejʲrɛḳʰ (2, 36,14)* - тур. <u>seyrek</u> ’редкий’.

Hat. *dẹjüṛmä ~ dẹjüṛmæ (2, 33,19), sɷ ḍẹ́jɨ̊ṛmænə̀ ~ sɷ ḷẹ́jɨ̊ṛmænə̀ 3sg (2, 33,21), ʊn d:ẹ́jɨṛmænə 3sg (2, 33,22)* - тур. <u>değirmen</u> ’мельница’.

**

Hat. *jɛ́l ẹs:əjə́’ (2, 14,33), jɛ́jjə̀ (-ʲj-) (2, 14,37), jɛ́lə̀ (-ʲ-) 3sg (2, 14,38)* - тур. <u>yel</u> ’ветер’.

Hat. *jẹ̊ˇlɨn (2, 15,33), jẹlɨnə ~ jẹlənə 3sg (2, 15,34), jẹlɨnde... loc. (2, 15,41)* - ’вымя’.

Hat. *ɛᵉl (2, 14,18), ẹl-də...̥ (2, 14,17)* - тур. <u>el</u> ’народ, племя’.

Hat. *’ẹllə (2, 17,37), ’ẹllə (2, 17,39)* (?) - тур. <u>elli</u> ’пятьдесят’.

Hat. *ẹ̊ˇlym ~ ẹlym 1sg (2, 14,53), ẹlə̀mɨŋ dẹrəs:ə (2, 25,36), ẹ́ʲ (2, ~ ẹʲ) (2, 14,52), ɔ́nъŋ ẹ́lə 3sg. (2, 14,57), b’ẹnəm ẹlə̀m 1sg (2, 14,57)* - тур. <u>el</u> ’кисть руки’.

Hat. *ɛlə̀ḳʰ (2, 16,21), ʊn ɛlemæ̀ḳʰ (2, 16,24), ʊn ɛlejᶲ 3sg (2, 16,25)* - тур. <u>ekran, perde</u> ’сито’.

Hat. *ḳ:ɛlɛßẹḳʰ (??ḳʰ-) (2, 2,28)* (??) - тур. <u>kelebek</u> ’бабочка’.

Но

Hat. *ḳ:ẹ́lɨⁿ (2, 15,59), ḳ:ẹ́ṛən o... (2, 16,00), ḳ:ẹ́ṛɨ̃ (2, 16,01), b:ẹ́nəm g:ẹ́lɨnəm 1sg, ɔ́nъ̊ŋ g:ẹ́lɨnə 3sg* - тур. <u>gelin</u> ’невеста’.

Hat. *b’:ẹl (2, 14,24), ṗẹl (pᵇ-) (2, 14,25), -, p:ẹ́ṛɨm ạ́ʌrɷjɔ̀’ 3sg* - тур. <u>bel</u> ’поясница’.

Hat. *t:ẹly ~ t:ẹly (2, 15,09), ...-n d:ẹlɨsə 3sg (2, 15,11)* - тур. <u>deli</u> ’сумасшедший’.

Hat. *tʰẹlə 3sg (2, 14,43), tʰẹ(ᵒ)ṛ, s:ʌčˇъtъŋ tʰẹlə 1sg gen. + 3sg (2, 14,47)* - тур. <u>tel (sač)</u> ’волосок, струна проволока,’.

Hat. *d:ẹlə̀ḳʰ (2, 15,19), t:ẹ́lə̊kʰ ~ t:ɨ́lə̊kʰ (2, 15,21), s:ʊ dẹlɨᶲ 3sg (2, 15,23)* - тур. <u>delik</u> ’дыра’.

**

Hat. *dːǽʰɨmæ̀ḳʰ (2, 32,58), d:ɛ́ʰɨdɯ̀m 1sg (2, 32,59)* - тур. <u>değmek</u> ’трогать, касаться’.

Hat. *ɛ́ʰiṛmæḳʰ (2, 32,50)* - тур. <u>eğilmek</u> ’нагнуться’.

Но

Hat. *b:ẹ̀ʰ (2, 32,39), ...m-bẹ́jɨᵐ 1sg., ...ŋ-bẹ́jə̀ 3sg. (2, 32,32 - 32,33)* - тур. <u>bey</u> ’ бей, бег’.

**

Hat. *ɛ́ⁿ (2, 18,07), ɛ́(:)nə 3sg (2, 18,08), ǽⁿ (2, 18,12)* - тур. <u>en</u> ’ ширина’.

Hat. *j:æ̃ᵃᵑ (-ŋ) (2, 17,53), ʊoŋ ᶻsʊnɷ jẹŋə (2, 17,54)* - ’рукав’.

Hat. *jæ̃ᵃŋmæḳʰ ~ -ŋm- (2, 17,45), jeᵃᵉŋmæḳʰ (2, 18,16)* - тур. <u>yenmek</u> ’победить’.

Hat. *j:eŋgə ~ j:eŋgæ (2, 21,25)* (??) - тур. <u>yenge</u> ’жена брата’. Здесь носовой согласный в сочетании.

Но

Hat. *j:ə̣nè ~ j:ẹnè (2, 20,35), j:ɨ́nɛ’ (2, 20,38)* - тур. <u>jine</u> ’опять’.

Hat. *j:ẹnə̣ᶲ (2, 20,43), j:ẹnə̣’ (2, 20.45)* - ’новый’.

Hat. *j:eŋgə ~ j:eŋgæ (2, 21,25)* (?) - тур. <u>yenge</u> ’жена брата’. Здесь может быть исходное сочетние **-ng-.*

И

Hat. *čš':eŋɛ̀ (2, 21,15), čš':eŋæ̀m ~ 'š':eŋæ̀m 1sg. (2, 21,17), ɔ́nœŋ čšɛ̀nesɨ (2, 21,21)* - 'скула'.
Hat. *geŋ'ɨrmæk^h ~ deŋ'ɨrmæk^h (2, 34,12), geŋ'ɨrmæk^h (2, 34,17)* - тур. gegirmek 'рыгать'.
Hat. *g:eŋčš (2, 21,36), k:eŋčšlɨk ~ k:eŋšlɨk (2, 21,34)* - тур. genč 'молодой'.
Hat. *geŋɨšjæmæk^h (~ -š-) (2, 18,41), geŋɨšləmæk^h (2, 18,44)* - тур. geniš 'широкий'.
Hat. *g:eŋɨs: ~ g:ɛŋɨs: (2, 22,21), g:eɾ'z: et^hə 3sg (2, 22,22)* - тур. geniz 'носоглотка'. Ср. случаи с *jeŋ-*.
Hat. *beŋɨ^zs (2, 21.01), aq.p:eŋɨz-le (2, 21.02), p:ɛ́nɨz-la (2, 21.06)* - тур. beniz 'лицо'.
Hat. *deŋk^h (2, 19,02), t:eŋk^h (2, 19,06)* - тур. denk 'равный'.

**
Hat. *ɛ́ttɨm (2, 5,55), ɛ́dmæ̀k^h (2, 5,58)* - тур. etmek 'делать'.
Но
Hat. *ét^h (2, 4,31), et^hə̀ (2, 4,33), et^hə̀ 3sg (2, 22,22)* - тур. et 'мясо'.
Hat. *et^hek^h ~ ɛt^hek^h (2, 6,03), et^hejɨm (2, 6,05), ʊnʌŋ et^hɛ(:) (2, 6,14)* - тур. etek 'пола, подол'.
И
Hat. *jɛ́də̀(2, 5,27), jɛ́t:ə (2, 5,30)* - тур. yedi 'семь'.
И
Hat. *d:ɛ́dɨm (2, 0,21)* 1sg past, тур. demek 'говорить'.
Hat. *g':et^hɨrmæk^h (~ -yr-, -ur-) (2, 7,29), g':et^hɨrdym (2, 7,31)* - тур. getirmek 'принести'.
Hat. *gɨtm'æk^h (2, 5,17), k:ɨt:^hɨm (~ -üm)* - тур. gitmek 'уходить'. Здесь старое сочетание **-ejt-* (чув. *kajt-*).
Hat. *čhet^hen (2, 6,56)* - тур. keten 'плетень, хлопок'.

**
Hat. *čhep^hek (2, 1,31)* - тур. kepek 'отруби'.
Hat. *t^hep^hesə (2, 1,50)* - тур. tepe 'темя; холм'.
Но
Hat. *s':ep^mæk^h (2, 0,56), s:e?mæk^h (2, 0,58)* - тур. sıčramak 'брызгать'.
Hat. *t^hep^mek^h~ k^h - ??, (2, 0,37), t^hepmäk, (2, 0,39), t^he(:)p^ht^hə, (2, 0,41), eššɛk^h t:ep^(h)tə* - тур. tepmek, tekme atmak 'пинать, лягать'.

**
Hat. *ew^f (2, 30,55), ev'ɨm 1sg. (2, 30,57), ev'ɨmy^zs 1pl. (2, 30,58)* - тур. ev 'дом'.
Hat. *ºev'ɨrdym-čšev'ɨrdym (2, 31, 18), čšev'yrmæk^h (2, 31, 21)* - тур. čevirmek 'повернуть'.
Hat. *s:ɛºwmæk^h (2, 32,16), s:ɛ^wümæk^h ~ s:ɛ^hümæk^h pass. (2, 32,17)* - тур. sevmek, sevilmek 'любить'.
Hat. *t:ɛ́würmæk, t:ɛ́würdum (2, 31,28, 31,29)* - тур. devirmek ' крутить, опрокинуть'.

**
Hat. *čhəmándə wœ^r (2, 4,06), č:^həmæ̀n (~č:^š-) (2, 4,11)* - тур. čimen 'луг'.
Hat. *čhemürmäk^h (2, 3,15), k^hemyrmæk^h (2, 3,17), k^hemurmæk^h (2, 3,12)* - тур. kemirmek 'грызть'.
Hat. *jɛ́m'uš: (2, 3,54)* - тур. yemiš 'фрукт'.
Hat. *eəmdə (2, 2,47), em'ɨjə' (2, 2,49), əmmæk^h (2, 2,44, 2,45)* - тур. emmek 'сосать'.
Hat. *em'äk- (2, 4,22), čhɔqem'äk (2, 4,24)* - тур. emek 'труд'.
Hat. *k:emə (~ -e-) (2, 2,52), k:emə (2, 2,55), k:eməs:ə (2, 2,56); s: dœ́ jœ́zýjə' (2, 2,54)* - тур. gemi 'корабль'.
Hat. *d:emɛk^h (2, 0,16), t:ɛ́dɨm ~ -üm (2, 0,18), d:ɛ́dɨm (2, 0,21), dɛm'œ^øs 1pl. neg. pres. (2, 20,57), dəO:s: 1pl. pres. (2, 22,26), d:ɨwəs: (2, 14,32)* - тур. demek 'говорить'.
Hat. *t^hem'uz^s (2, 3,48)* - тур. temiz 'чистый'.
Но
Hat. *d:ɛ́m'ɨr^h (2, 3,21), d:em'ɨrə̀ (2, 3,22)* - тур. demir 'железо'. Единственный случай с первым гласным средне-нижнего подъема, который имеет и более узкий вариант, хотя ср. *dɛm'œ^øs* в предыдущем слове.

**
Hat. *j:æ̀r ~ j^jæ̀r (2, 25,44), jenu t^hɛ̀müz^sdədə̀m (2, 25,47)* - тур. yer 'земля'.
Hat. *æ̀rk^hek^h (2, 29,44), ærk^hek^h (2, 29,45)* - тур. erkek 'самец'.
Hat. *ǣr (2, 25,40), erɨm 1sg (2, 25,41)* - тур. er, erkek 'мужчина'.
Hat. *gæ^ardɨ 3sg (2, 15,10), gæ^ardɨm 1sg (2, 15,03), gæ^armæk^h (2, 15,05) (sic!)* - тур. gelmek

’прийти’.

Hat. *ḳ:ǽʸrmæ̀ḳʰ (2, 25,53), ... gǽʸrdym 1sg (2, 25,56)* - тур. germek ’растягивать, пялить’.

Hat. *b:ǽᵉrkə(2, 17,06), b:æᵉrḳʰə (2, 17,09)* - тур. belki ’авось’

Hat. *wǽᵉrmæ̀ḳʰ (2, 25,59), væᵉrdəm (2, 26,00), v’äᵉrdɨm (2, 26,02)* - тур. vermek ’давать’.

Hat. *s:ǽᵉrmæ̀ḳʰ (2, 26,03), ... s:æ:rdüm (2, 26,06)* - тур. sermek ’стелить’.

Hat. *tʰæᵉ (2, 26,21), tʰæᵉrləmæḳʰ (2, 26,22), tʰæᵉrʰ (2, 26,24), tʰerə (2, 26,25)* - тур. ter ’пот’.

Hat. *tʰǽrs:ə 3sg., tɛ́rs: (2, 28,39),tä́rs: (2, 28,45)* - тур. gübre ’помет’.

Hat. *tʰæ̀rsɨ́nä̀ᵑ 3sg. comm. (2, 28,25), tʰɛrs (2, 28,23), tʰərs (2, 28,21)* - тур. ters ’наоборот’.

Hat. *d:ærləd̊ɨm (2, 25,20), d:ærləd̊ɨm (2, 25,24)* - тур. dermek ’собирать’.

И

Hat. *ɛrymæḳʰ (2, 26,55), ɛrɨd̊ym (2, 26,57)* - тур. erimek ’таять’.

Hat. *d:ɛrəʲ (2, 25,29), d:ɛrəŋnɨḳʰ dan. (2, 25,31)* - тур. derin ’глубокий’.

Hat. *bɛrçʰ (2, 29,31), bæ̀rḳʰ (2, 29, 38)* - тур. berk, sert, sağlam ’твердый’.

Возможно,

Hat. *ɛrɨnd̊ɨm (2, 28,08)* - тур. erinmek, üšenmek ’лениться’.

Hat. *gerɛḳʰ ~ gerɛḳʰ (2, 27,13), g:erɛjə joqʰ (2, 27,15)* - тур. gerek ’надо’.

Hat. *ḳʰɛrpʰɨčʰ, ḳʰɛrpʰɨčʰ (2, 30,34), ḳʰɛrpʰɨǰ -ɛʰʷ (2, 30,37)* - тур. kerpič ’кирпич’.

Hat. *s:ɛrčʰə (2, 30,53)* - тур. serče ’воробей’.

Hat. *s:er’ɨ ~ ᶜser’ɨ (2, 27,47), s:erɨᵐ nɛdə (2, 27,49)* - тур. serin, serinledi ’прохлада’.

Но

Hat. *t:ɛrɨ (2, 25,35), ɛ́ləmɨŋ dɛrəs:ə (2, 25,36)* - тур. deri ’кожа, шкура’.

**

Hat. *ɛɛ́smæ̀ḳʰ (2, 23,04)* - тур. esmek ’помнить’.

Hat. *çʰɛsmæḳʰ ~ tʰɛsmæḳʰ (2, 23,08), çʰɛᶜstɨm 1sg past (2, 23,10)* - тур. kesmek ’резать’.

Hat. *s:ɛs: ~ s:əs: (2, 23,28), s:əsʰλæ̀rmæḳʰ (2, 23,30), s:ɛs:ə 3sg (2, 23,33)* - тур. ses ’голос’.

**

Hat. *b:ɛ́z (2, 24,03), b(:)ə́zə 3sg (2, 24,04)* - тур. bez ’бязь’.

Hat. *sɛᶜzdüm 1sg past (2, 24,11), sɨᶜzmæḳʰ ~ sɨʸzmæ̀ḳʰ (2, 24,13)* - тур. sezmek ’почувствовать’.

Hat. *b:ɛᶜzdüm (2, 24,18), b:ɨᶜzmæ̀ḳʰ (2, 24,20), b:ɛ́ᶜzdüʲrdə̀ 3sg. caus. (2, 24,21)* - тур. bezmek ’надоесть’.

Hat. *tʰezˢ (2, 24,43)* - тур. tez, čabuk ’быстро’.

Единственные важные позиции для различия закрытого и открытого ***-e-*** перед дентальными смычными согласными, т.е перед ***t, n, r*** и гортанным согласным (ларингалом) ***ɦ***. В остальных случаях открытость и закрытость связана с окружением согласных, т.е. зависит от контекста. Интересна норма с закрытым гласным перед спирантами ***-s-, -z-*** и перед губным носовым ***-m-***.

В случае шумных губных смычных закрытый ***-e-*** отмечен только перед слабо слышным, практически исчезающим ***-n-***. Это может быть фонетической инновацией.

В собственном произношении автора действуют следующие главные правила:

1) В закрытом слоге гласный произносится довольно открыто как ***-ɛ-.***

2) В открытом слоге перед ***-i-*** гласный сужается, и имеет варианты произношения ***-ẹ-*** и ***-e-.***

3) В двусложных основах с вторым широким гласным разрешается только последовательность ***(T)eTɛT.***

4) В случае, например, показателя 3 лица второй гласный становится закрытым, а последовательность начальных слогов имеет вид ***(T)ɛTeTi*** (и ***(T)ɛTeji*** для случаев с конечным ***-k***).

Ниже даны свои нормы произношения перед согласными конкретных рядов по тем же группам, которые применялись при описании нормы Хатилже Шимшек. В верхнем ряду дается произношение информантки из Бурсы. В нижнем ряду - норма автора.

(K)ɛᶜk/ Tẹk	(K)ɛᵉš:/ (T)ẹš	(K)ɛč/ Teč	(j)ɛj/ Tẹj	(j)ẹl/ Tẹl	ɛʰ, ẹʰ	ɛN/ /j:ẹN/ TeN
ɛ/ *e-i* перед K	ɛ/ ***ẹ-i*** перед š	ɛ/ *e-i* перед č	ɛ/ *e-i* перед j	ɛ/ *e-i* перед l	-	ɛ/ ***ẹ-i*** перед N

ɛt и et/ jet/	Tɛp/Tẹᵖ	ɛv	ẹm	ɛr/ ẹr?	ẹs	ẹz

Tẹt						
ɛ / *e-i (jẹ)* перед T	ɛ/ ***ẹ-i*** перед P	ɛ/ ***ẹ-i*** перед v	**æ**/ ***ẹ-i*** перед m	**æ**/ *e-i* перед r	ɛ/ ***ẹ-i*** перед s	ɛ/ ***ẹ-i*** перед z

Жирным шрифтом выделены особые произношения в позициях перед некоторыми согласными. Стоит обратить внимание на закрытые гласные перед ***-m-, -s-, -z-*** в диалекте Бурсы.

Вопрос существования противопоставлений "закрытых" и "открытых" гласных в турецких диалектах требует дальнейших исследований. Автор собирается сделать разбор фонетики еще одной информатки из города Бурса, которая отличается от фонетики Хатилже Шимшек по предварительному анализу. Но уже, к настоящему времени можно говорить, что обнаружено две системы противопоставлений неогубленных гласных среднего подъема. В диалектной системе их качество зависит от окружения согласных, но в части случаев лексикализовано. В авторской системе произношение более закрытых гласных в большинстве случаев не зависит от второго согласного. На него влияет позиция открытого или закрытого слога и качество следующего гласного. Т.е. оно в какой-то мере автоматическое.

Литература

1- Caferoglu, A., Anadolu ağızlarından toplamalar. Istanbul, 1943.
2- Karahan, L., Anadolu ağızlarının sınıflandırılması. Ankara, 1996.
3- Korkmaz Z., Türk dili üzerine araştırmalar, 2.cilt Ankara, 1995.
4- Азизбеков, Худалат- Бек, Азербайджанско-русский словарь. Баку, 1985
5- Баскаков А. Н., Турецко-русский словарь. Москва, 1977
6- Грунина Э.А. Диалекты турецкого языка // Диалекты тюркских языков. М., 2010. С. 385-489.
7- Панов М. В., Русская фонетика. Москва, 1967.
8- Парвиз К.Ф., Насретдинов Р.А., Азербайджанско-русский универсальный словарь. Баку, 2010.
9- Рясянен М., Материалы по исторической фонетике тюркских языков. Москва, 1955
10- СИГТЯ, Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. VI т., Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюрков. М. 2006.
11- Туркменско-русский словарь. Под ред. Н.А. Баскакова. Москва 1968.
12- Щека Ю.В., Турецко- русский словарь. Москва, 2009.

Ермакова Е.Н., Файзуллина Г.Ч., г.Тобольск

КОМПОНЕНТНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В ДИАЛЕКТНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ СИБИРСКИХ ТАТАР*

Вариантность – следствие языковой избыточности, которая, в свою очередь, является необходимым условием для развития языка. Вариантными языковыми знаками, как правило, бывают две языковые формы, хотя их может быть и более двух. Языковая вариантность в лингвистике определяется как способность языка передавать одни и те же значения разными формами, а языковые варианты квалифицируются как формальные разновидности одной и той же языковой единицы, которые при тождестве значения различаются частичным несовпадением своего звукового состава [Русский язык: Энциклопедия, с. 18].

В отношении осмысления и трактовки самого понятия «языковой вариант» существуют разные мнения. Одни ученые считают, что вариантными можно считать разновидности языковых знаков в пределах тождества слова, другие вариантность понимают гораздо шире: к вариантам относят словообразовательные модификации [Русский язык: Энциклопедия, с. 62]. Несмотря на разночтения, общепризнанным для сторонников обеих точек зрения является положение о том, что вариантные языковые знаки должны обладать некоторым

* Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Договор № 14.Z56.15.5221-МК об условиях использования гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых с организациями – участниками конкурсов, имеющими трудовые отношения с молодыми учеными МК-5221.2015.6 от 16 февраля 2015 г.).

набором признаков: общим лексическим значением, единым грамматическим значением и тождеством морфологической структуры.

Языковая вариантность проявляется и во фразеологизмах. Лингвисты по-разному определяют сущность фразеологического варьирования, но они единодушны в том, что сохранение семантического тождества является необходимым условием каждого случая варьирования. Говоря о вариантности во фразеологии, как, собственно и в лексикологии, нельзя не затронуть вопрос о фразеологизмах-синонимах. Фразеологизмы-синонимы отличаются от фразеологизмов-вариантов тем, что они обозначают одно понятие, но имеют семантические или стилистические различия и близкую или тождественную сочетаемость. Синонимы в языке сосуществуют, а варианты вытесняют друг друга.

Под вариантами фразеологических единиц понимаем модификации одного и того же фразеологизма, которые тождественны семантически, но различаются несовпадением своего состава, включая фонетические, словообразовательные особенности и грамматическое оформление. [Ермакова, с. 113].

Не чужда вариативность и фразеологизмам, функционирующим в различных говорах. В современном языкознании такие единицы квалифицируют как диалектные. Под диалектными фразеологизмами понимаем устойчивые, раздельнооформленные единицы, выполняющие номинативную функцию и соотносящиеся с частями речи, отличающиеся от литературных компонентным составом, грамматической формой, функционирующие в устной речи жителей территориально ограниченной местности.

Материалом нашего исследования являются полевые записи, собранные во время фольклорно-диалектологической экспедиции на территории Вагайского, Тобольского и Тюменского районов Тюменской области, Говоры сибирских татар, а соответственно, и диалектная фразеология до сих пор остаются неисследованными. При этом население одного из крупнейших регионов Российской Федерации – Западной Сибири – в национальном и культурном составе представляет собой довольно пеструю картину. На этой территории исторически проживали тюркские племена, большая часть которых в последующем составила татарскую нацию. В Омской области и южных районах Тюменской области сложился тоболо-иртышский диалект (это название диалект получил в соответствии с тем, что значительная часть татар проживала на берегах рек Тобол и Иртыш). [Файзуллина, Ермакова, Фаттакова, с. 535].

Диалекты сибирских татар – уникальное, но пока малоизученное явление. Специфика диалектов состоит в том, что татары, издавна жившие на этой территории, вступали во взаимоотношения с другими народами, в основном, с русскими, также проживающими в Сибири. Совместный труд, смешанные браки, а значит, и общий быт сближали разные народы, соответственно, и их речь. Это приводило к смешению говоров и формированию особого диалекта: смеси элементов русского и татарского литературных языков, русских и татарских говоров. Под влиянием межэтнического взаимодействия возникали и диалектные фразеологизмы [Zamaletdinov, Karabulatova, Yarmakeev & Ermakova, с. 165].

Носитель диалекта, осваивая окружающий мир, сравнивает познаваемое прежде всего с собой: соотносит со строением тела, с действиями, состояниями, качествами человека, что проявляется в использовании в составе диалектных фразеологизмов продуктивных компонентов, генетически восходящим к лексемам-соматизмам (органам, частям тела человека и животных). В диалектных фразеологизмах сибирских татар нами отмечены следующие компоненты-соматизмы: *лицо, голова, глаз, лоб, челюсть, кишка, рука, легкие, нутро*. Компонент *голова,* по нашим данным, наиболее продуктивен, он является фразообразующим во фразеологизмах с самым разнообразным значением. Фразеологизмы основаны на метафоризации словосочетания с компонентом *голова* или влияния ассоциации по сходству с каким-либо предметом. Так, для внешней характеристики человека используют диалектные фразеологизмы *йотрық паш* (кулак + голова) – «человек с маленькой головой», *тумар паш* (моховая кочка + голова) – «лохматый», *қуҗғар паш* (баран + голова) – «кудрявый». Интересным представляется и тот факт, что фразеологизмами с этим

же компонентом характеризуется и национальная принадлежность. Сравним: *қақ паш* (лысый + голова) – «татарин», Ср.: төклө (волосатый) – «русский». Кроме того, фразеологизмы с этим же компонентом используются: для номинации социального положения: *оцлы паш* (острый + голова) – полицейский, *оллы паш* (большая голова) – начальник.

В диалектных фразеологизмах с компонентом-соматизмом *голова* зафиксировано варьирование грамматически зависимого компонента (компонентное варьирование). Все фразеологизмы построены по модели «компонент-наименование овоща + компонент голова»: *қабыста паш* (капуста + голова), *шалғам паш* (репа + голова), *кәртүпкә паш* (картофель + голова). Примечательно, на наш взгляд, то, что фразеологизмы с компонентом-наименованием овоща правильной формы (*капуста, репа*) имеют значение, связанное с положительной оценкой: *қабыста паш* (капуста + голова), *шалғам паш* (репа + голова) – «голова красивой формы». В то же время в сочетании с компонентом-наименованием *картофель* (который чаще не имеет правильной округлой формы) фразеологизм характеризует отрицательные качества человека – *кәртүпкә паш* (картофель + голова) – «глупый». Отличное от предыдущих значение фразеологизма, несмотря на тождество модели и тематическое тождество компонентов, не позволяет рассматривать фразеологизм *кәртүпкә паш* как вариант фразеологизмов *қабыста паш, шалғам паш.* Проиллюстрируем использование диалектных фразеологизмов-вариантов: *Инәм мине* ***қабыста пашым*** *тип сөйәтеген ите* (с. Птицы Вагайского района); *Ул* ***шалғам пашға*** *нимә пулсын* (дер. Малый Кондан Вагайского района). *Үсең* ***кәртүпкә паш*** (г. Тобольск).

Компонентное варьирование фразеологизмов не нарушает их семантического тождества; происходит актуализация внутренней формы фразеологизма, изменение стилевой принадлежности. Тождественность фразеологизмов-вариантов подтверждается их одинаковым значением, отнесенностью к одному и тому же типу семантики, равнозначной сочетаемостью и тождественной синтаксической функцией [Zamaletdinov, Faizullina, с. 60].

Диалектные фразеологизмы с компонентом-соматизмом *голова* экспрессивны, ярко отражают особенности духовной и материальной жизни народа, широко употребляются в повседневном общении. Характерный признак диалектных единиц – оценивание.

Литература

1. Ермакова Е.Н.Фразо- и словообразование в сфере фразеологии современного русского языка: монография. – Тюмень, Вектор Бук, 2009. – 414 с.
2. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. – М.: Сов. энцикл., 1979. – 432 с.
3. Файзуллина Г.Ч., Ермакова Е.Н., Фаттакова А.А. Идол Әттәнәй как этнокультурный маркёр сибирских татар // Литература и художественная культура тюркских народов в контексте Восток-Запад: сборник материалов Международной научно-практической конференции (14-17 октября 2015 г.) / под ред. Р.Р. Замалетдинова. – Казань: Отечество, 2015. – С. 535-538.
4. Zamaletdinov R.R., Karabulatova I.S., Yarmakeev I.E. & Ermakova E.N. (2014) Linguo-propaedeutics of ethnic conflicts as a basis for stability in complex polyethnic regions. In the: Asian Social Science. Vol.10, No.20, pp. 164-173.
5. Zamaletdinov R.R., Faizullina G.C. Metaphorization of mythonyms as the way of a person secondary nomination in the Siberian dialects of tatar language // Journal of Language and Literature. – 2015. – Т.6. – № 2. – С. 59-63.

Жубанов Е.Х., г. Актюбинск, Республика Казахстан

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ УСТНО-ПОЭТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ТЮРКОВ КАК КУЛЬТУРНЫЙ НАДДИАЛЕКТ

В тюркологических исследованиях конца XX столетия довольно прочную позицию занимал оригинальный и весьма плодотворный взгляд на статусы литературных языков в донациональную эпоху. Особенно характерными были поиски по выявлению наддиалектных форм языка различного типа. Понятие о наддиалекте по своей емкости охватывал различные категории литературного языка как одного из его стратов.

Стратификацию наддиалектных образований в одинаковой степени относили как к письменно-литературное койне, так и к устно-литературным традициям поэтической речи.

Страты вообще являют собой высокие сферы речения по сравнению с диалектными социально-бытовыми обособлениями территориально ограниченных подъязыков. Как отмечает Э.Р.Тенишев: «одним из признаков, подтверждающих статус литературного языка, является наддиалектность, т.е. такая сумма языковых черт, которая не встречается ни в одном из диалектов» [1, с.266].

Насущная необходимость изучения «неписанной литературы мифов, легенд и преданий» в целях уяснения общетюркского состояния и предпосылок зональных или межнациональных наддиалектных форм языка не подлежит спору. Еще К.Маркс говорил: «Относительно некоторых форм искусства, например, эпоса, даже признано, что они в своей классической форме, составляющей эпоху в мировой истории, никогда не могут быть созданы, как только началось художественное производство как таковое» [2, с.134].

В заключениях всесоюзной «Проблемной комиссии по теории литературных языков» [3, с.132] говорилось, что в национальных языках среди наддиалектных типов в функциональной парадигме занимает высший уровень письменно-литературный язык, а в донациональную эпоху, предшествующую созданию письменности, этот уровень принадлежит устным обработанным формам и первую очередь - языку эпической поэзии.

То есть, по своим позициям в разновременных функциональных парадигмах эти образования подобны [4, с.13;177].

В этом отношении заслуживает особого внимания тот факт, что изначально устные поэтические формы казахского языка, будучи «стилизованными" вариантами коммуникативной речи, также выполняли роль донационального литературного языка. Многие образцы казахской народной поэтики восходят к общетюркскому истоку изустной словесности.

Такие ранне-мифологические сюжеты, как «Ер Төстік", «Құбұғыл», «Кула мерген и Жоя мерген" и т.е. сохранились в фольклоре ряда родственных народов как сказочно-фантастические предания, относящиеся к донациональным наддиалектным образованиям. Наделенные такими свойствами, как единообразие стиля, идентичность плана выражения, они стали отдаляться друг от друга только после их «национализации» в различных регионах тюркоязычного ареала: то как сказка, то как контаминация лирико-драматических родов, а то и как эпос, что явствует из примера «бессознательно-художественной переработки» сюжетной канвы «Ер Төстік» в казахском, башкирском, татарском и киргизском фольклоре. Если для казахов, башкир и татар «Ер Төстік» - герой фантастической сказки, то киргизская живая эпическая традиция пере воплотила его в сподвижника «лавинного Манаса». В соответствии с законами эпического сказания язык киргизской версии усилил свою реалистическую окраску в духе жанра, а благодаря усилиям многих поколений аэдов-манасчи она - (версия) всецело приняла стихотворную размеренную форму. О действенной мощи эпической традиции как творческого начала формирования донационального литературного языка устной формы свидетельствует и динамика жанрового преобразования и развития исконно народных плачей-монологов, типа казахского «жоқтау», киргизских «керезе» и «қошока», представляющих заветы и назидания, исполненные средствами словесного искусства.

Общеязыковые понятие о «супердиалекте» в русской лингвистический литературе с тем самым нашло отражение как «наддиалектные формы» языка. В связи с этим возникла необходимость номинации его удобосочетаемым терминованным обозначением и в национальных языках.

Во имя признания феномена мы предпочли прибегнуть к словосочетаниям: «Төбе тіл" и «көсем тіл» (соответственно «язык вышка» и «язык-вожак», которые на наш взгляд логически верно передают идею о «супердиалекте».

Отказ от кальки был продиктован тем, что участие в составе термина компонента «диалект» давало обратный эффект, способствующий неверному восприятию этого понятия, утверждая, а не отрицая диалектную суть явления вообще. Но, насколько приемлемыми будут наши номинации, покажет время [5 с.107-108; 86,с.151].

Однако упорядочение термина в процессе познания истинную природу наддиалекта только одна сторона проблемы. Ибо тюркологи еще не совсем преодолели боязнь в деле

присокупления устных форм речения, особенно фольклорных образцов, к числу литературно-обработанных языков. В то же время, несмотря ни на какую робость со стороны лингвистов, явления супердиалекта в разных формах заявляют о себе сочти повсеместно. Факты заставляют нас еще более расширить свой кругозор и обратить внимание не только на наддиалектные категории внутри одного языка, но и на зональные, т.е. межнациональные его субституции. И это опять-таки благодаря общности духовной культуры известных регионов, населенных, тюркоязычными народами. Языковое родство, схожесть кочевого и полукочевого уклада жизни, социально-политическая обстановка, одинаково сопутствовавшие их общественному строю, породили общие принципы в речетворчестве этих народов.

Так, казахские фольклористы (Б.Уахатов, Б.Адамбаев и др.) находят много сходств в охотничьем быту монгольских и тюркских племен, которые запечатлены в народных играх, а затем еще оформлены аналогичными формульными выражениями в их обрядово-бытовых песнях [6, с.83-89]. По их мнению, отголоски этой старины звучат в фрагментах из четверостишия, зафиксированных в «Диване» М.Кашкари:

Сагру бериб құслату,
Тайған узуб туслату,
Тилку, тоңыз таслату,
ердем биле өглелим...

Но если близость тюрко-монгольского фольклора характеризуется только общностью мотивов бытовых песен, то поэтические формулы речения среди самих тюркских племен и народов во многим основаны на общей или единой модели образного словоупотребления. Фольклористы отмечают это и на примере межнациональных черт тюркских пословиц и поговорок [7, с.60-67].

Значительны в этом отношении изыскания фольклористов якобы для установления личности мифического сказателя «Сыпыра жырау» [8, 9, 10].

Сравните идентичные моменты из поэтических образцов ряда тюркских народностей:

Азулар тіжі божаған,
Юз игирма яшаған,
Билсе, билер бу кишни,
Сафардау билер бу ишні... (из поэзии барабинских татар).

Уч йуз тоқсан яшаған,
Оның бойы бошаған,
Тішлеріне інжі салып,
Ши ибекпен қоршаған... (из песни крымских татар)

Юз де сексен ясаған,
Азу тиси босаған,
Сыбра атлы,
сып тонли,
Бизим елде қарт йырау (из песни ногайцев).

Аузында отыз тісі жоқ,
Адам көрер тусі жоқ,
Сұм аяқ, супа бөрікті
Сыпыра сынды сұм жырау... (из казахского эпоса «Ер Тарғын»).

Весьма близкие к этим примеры содержаться также в сборнике «Ноғай уа құмық шығырлары», составленном Магометом Османовым (1840-1904) еще в прошлом веке. Разумеется, в приведенных выше образцах нас интересует в первую очередь единая система формульного словоупотребления, базирующаяся на общих критериях использования

словесных образцов. Следовательно, мы несколько скептически относимся к тщетным попыткам фольклористов, стремившихся воссоздать прообраз «Сыпыра жырау», как исторически реальная личность. Наоборот, в этом смысле мы поддерживаем точки зрения филологов Ф.Кендыбаева [9] и К.Омиралиева [10, с.61-62], которые возводят это легендарное имя к древнему «сабра»: сабра с семантической саб-слово-монолог, т.е. «сез», -Ра словообразующий аффикс, производящий имя сабра «сезші», подобно русскому «сказателю» и т.д.

Пытливый лингвостилист К. Омиралиев в другой своей работе про водит аналогию между казахской риторической формулой «Бір дегенде не жаман?» ("Что плохо в первую очередь?») и каракалпакским ее дублетом; «Бір дегенде не жаман, Білімсіз өскен ұл жаман...» между крымско-татарским; «Булан мүйіз салмаза, Булутқа иітіп тұрмас па?» и параллельно этой сентенции в языке сибирских татар: «Пуланның муюзv тvспеген полза, Пултқа тірі өзечук" (Если бы у лося рога не спадали, то они выросли бы уже до самых облаков. Единые истоки формульны речений тюрков ученый восстанавливает и по материалам М.Кашгарского /11.34-35/.

Единство общетюркской системы речения можно проследить не итолько в структуре ритмизированных текстов, но также и в построениях народной прозы. Так, одна из исконных народных сказок «Тоғыз тоңқылдақ пен бір шіңкілдек» (Девять ворчунов и один пискун) в свое время в разных вариантах были записаны Васильевым, Диваевым, Радловым, Лютшем среди казахов.

Если сходство этих образцов объясняется эстетической целостностью подхода к устно-литературному жанру данного народа, то совершенно поражает нас общность с казахской сказкой, таранчинской, тобольско-татарской и крымско-татарской версий этого же сюжета, опубликованных в четвертом, шестом и седьмом томах знаменитых Радловских собраний. Все эти разновидности фольклорных текстов стилистически выдержаны как по формальному речеупотреблению, так и по контуру сюжетных ходов, по плану повествования сказочного материала и наконец, последовательности диалогических реплик персонажей.

Все это дает основание нам полагать, что отмеченные единоначалия в устно-поэтических творениях тюркских народов зиждятся на генетическом родстве их языков, на общем фундаменте, и самое главное, на той основе, что определенный разряд тюркских племен-кочевников в своем раннем быту пользовались единой, общей для всех речевой культурой, сыгравшей на том историческом отрезке времени для них роль супердиалекта, т.е наддиалектной формы языка. Придерживаясь единой нормы художественноречевой коммуникации, они тем самым успешно преодолевали т.н. «языковой барьер» в своих межплеменных контактах. Говоря по- иному, если создание тюрками чагатайского арабиографического литературного языка преследовало известную цель приобщения грамотного населения Средней Азии и Казахстана к единой письменной культуре, то задолго до появления этого искусственного языка тюрки- кочевники нынешней Сибири, Казахстана, Урало-Поволжья, Приазовья, Крыма и Кавказа культивировали не менее, чем чагатайский донациональный литературный язык, бытовавший на базе устно- поэтических традиций.

Наддиалектный по своей природе этот язык был высоко-поэтичным по форме, и подлинным средством межнационального общения по своей сути.

Следовательно, он служил в качестве зонального литературного языка образца среди ряда тюркоязычных племен и народностей. Признаки созидательной деятельности предков в области речетворчества явственно проступают в фольклорных образцах как устремление народов к всеобщей солидарности и культурным взаимоотношениям еще в необозримом, прошлом.

Литература

1. Тенишев Э.Р. О диалектной природе языка караханидско-уйгурских письменменных памятников//Типы наддиалектных форм языка. -М.:Наука, 1981.

2. Маркс· К. Начало мифологии и эпоса. Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве. М., 1957.

3. Вопросы языкознания. Май, 1984.

4. Десницкая А.В. Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. - М.: Наука, 1970; ее же: К вопросу о языковых отношениях в родовом обществе // Энгельс и языкознание. М.:Наука,1972.

5. Жұбанов Е. Көне жазу ескерткіштері тіліндегі фольклоризм көріністері //Ескі түркі жазба ескерткіштері туралы зерттеулер. - Алма-Ата: Наука, 1983; его же: Выступление в прениях на конференции по истории казахского литературного языка // Қазақ әдеби тілінің проблемалары, - Алма-Ата: Наука, 1987.

6. Уахатов Б. Қазақтың халық өлеңдері.-Алма -Ата: Наука, 1974.

7. Адамбаев Б. Мақал-мәтелдердің ұлтаралық сипаты // Известия АН Казахской ССР, серия филологическая. 1974.

8. Жармуқаметов М. Сыпыра жырау//Известия ССР, серия филологическая, N24,1986.

9. Кеңдібаев Ф. Ескі сыры /Мифологиялық этюд // Қазақ әдебиеті, N27. 15 февраль, 1980.

10. Өмірәлиев Қ. XY-XIX Ғасырлардағы қазақ поэзиясының тілі. -АлмаАта: Наука, 1976.

11. Өмірәлиев Қ. Қазақ поэзиясының жанры және стилі. - Алма-Ата: Наука, 1983.

Ившин Л.М., г. Ижевск

О НЕКОТОРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ГОВОРА ДЕРЕВНИ КУЗЬМОВЫР ИГРИНСКОГО РАЙОНА УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Данная работа посвящена описанию фонетических особенностей в области вокализма говора д. Кузьмовыр Игринского района Удмуртской Республики. Исследование базируется на материале, собранном автором в годы учебы в Удмуртском государственном университете в 1994–1995 гг.

Кузьмовырским нами условно назван говор удмуртов, проживающих в деревне Кузьмовыр Игринского района Удмуртской Республики. Название деревни происходит от *Кузьмувыр* (< *кузь* ‘длинный, долгий’ + *мувыр* ‘возвышенность, пригорок, холм’): ‘длинная (долгая) возвышенность’ [Атаманов, с. 458]. По словам старожилов, в этом месте основались приезжие удмурты из близкорасположенных населенных пунктов – *Сундура* и *Извыла*. Деревня Кузьмовыр расположена в 6 км к юг-востоку от районного центра пгт. Игра, в 92 км к северу от столицы Удмуртской Республики г. Ижевска и в 88 км к югу от г. Глазова.

Говор д. Кузьмовыр еще не был объектом специального исследования. По наиболее характерным чертам в области вокализма он близок, с одной стороны, к верхнечепецким (северноудмуртским) говорам, с другой – к средневосточным (срединным). Кроме того, в языковой системе исследуемого говора выделяются некоторые специфические явления, в целом не свойственные вышеназванным говорам.

В говоре д. Кузьмовыр употребляются 33 фонемы, как и в литературном удмуртском языке – 7 гласных и 26 согласных. Вокализм представлен 7 фонемами: *и, ы, у, э, ӧ́, о, а,* которые противопоставлены по подъему и ряду, лабиальности и нелабиальности. Их артикуляционная характеристика совпадает с артикуляцией гласных литературного удмуртского языка.

В говоре встречаются дифтонги *ўа, ўи, аў*, которые образуются при помощи *у* неслогового (*ў*): *кўаз′* ‘погода’, *кўин′* ‘три’, *таў* ‘спасибо’.

Необходимо отметить, что гласные различаются по своему употреблению. В корневых слогах могут функционировать все гласные звуки: *турын* ‘трава, сено’, *пӧ́лын* ‘среди’, *н′ан′* ‘хлеб’, *тир* ‘топор’, *толэз′* ‘месяц, луна’, *ныр* ‘нос’, *вэн′* ‘игла; шип’. В аффиксальных слогах не употребляется гласный *ӧ́*, а гласный *у* встречается также ограниченно (в основном в деепричастиях на -*ку*-): *вэтлыку* ‘во время ходьбы’, *кӧ́лыку* ‘во время сна’.

В рассматриваемом говоре наблюдается редукция некоторых гласных:

1) спорадическое выпадение *ы:*

а) в середине слова в ряде прилагательных с суффиксом -*эс: чупрэс ~ чупырэс* ‘бойкий’, *гол′трэс ~ гол′тырэс* ‘сладкий’, *шукрэс ~ шукырэс* ‘роскошный’. Вариант без *ы* встречается чаще, а формы с *ы* употребляются в основном в речи молодого поколения;

б) в глагольных формах перед суффиксом инфинитива и в самом суффиксе: *кӧ́лны ~ кӧ́лын ~ кӧ́лыны* ‘спать’, *сылны ~ сылын ~ сылыны* ‘стоять’, *вурны ~ вурын ~ вурыны* ‘шить’. Однако чаще всего встречаются формы без *ы* в этимологической основе слова;

в) перед суффиксом -*сал* условного наклонения в глаголах I спряжения: *кылсал ~ кылысал* ‘услышал бы’, *тырсал ~ тырысал* ‘ложил бы’, *нусал ~ нуысал* ‘унес бы; увез бы’;

г) в абсолютном конце слова в глаголах 1 лица множественного числа изъявительного наклонения настоящего, будущего и очевидного прошедшего времен в утвердительной форме: *вэтлис'ком* ‘мы ходим’, *кынтом* ‘мы заморозим’, *лобам* ‘мы летали’.

Не всегда происходит редукция конечного гласного *ы*. Например, после сочетания двух или более согласных конечный этимологический гласный глагольной формы сохраняется:

а) перед суффиксом *-ны* инфинитива глаголов I спряжения: *бас'тын ~ бас'тыны* ‘купить; взять’, *вэтлын ~ вэтлыны* ‘ходить’, *лэс'тын ~ лэс'тыны* ‘делать’. Из приведенных примеров чаще всего употребляется редуцированная форма;

б) в деепричастиях на *-са, -ку, -тоз', -тэк, -мон*, образованных от глаголов I спряжения: *туптыса* ‘поднявши’, *лыктыкуд* ‘в то время, когда ты приходишь’, *кырӈатоз'* ‘вместо того, чтобы петь’, *вандытэк* ‘не разрезав’, *с'иымон* ‘достаточный, чтобы наесться’ и др.;

в) перед суффиксом *-сал* в глаголах I спряжения условного наклонения в утвердительной и отрицательной формах во всех лицах единственного и множественного числа: *эктысалмы* ‘мы танцевали бы’, *ки́й о·рччысалзы* ‘они не прошли бы’, *ки́й су·лтысал* ‘я не встал бы’.

Как показывают примеры, если перед *-ы-* этимологической основы имеется сочетание согласных, выпадения гласного не происходит, но при этом выпадает конечный гласный инфинитива.

2) спорадическое выпадение *-э-* (*-йэ-*) в форме переходного падежа существительных единственного числа: *ул'чати ~ ул'чэти* (удм. лит. *ульчаетӊ*) ‘по улице’, *бусыти ~ бусыэти* (удм. лит. *бусыетӊ*) ‘по полю’, *с'икти ~ с'икэти* (удм. лит. *сикетӊ*) ‘по лесу’. Как видно из первого примера, происходит регрессивная ассимиляция: гласная основы *а* ассимилируется последующим гласным суффикса, а затем последний редуцируется. Варианты с выпавшим э чаще всего употребляются в речи пожилого поколения.

В говоре наблюдается редукция целых слогов в обстоятельственных наречиях времени и неопределенном местоимении: *тарэ* (удм. лит. *табере*) ‘теперь’, *сэрэ* (удм. лит. *собере*) ‘потом’, а также в единственном слове, с препозитивным элементом *оло-*: *ома* (удм. лит. *олома*) ‘*нечто*’.

Встречаются единичные случаи корреспондирования гласных:

1) *ки́ ~ о*: *ки́скалтын ~ оскалтын ~ оскалтыны* (удм. лит. *оскалтыны*) ‘пробовать, попробовать’;

2) *ы ~ и*: *бычатын ~ бычатны ~ бычатыны ~ бичатын ~ бичатны ~ бичатыны* (удм. лит. *бичатыны*) ‘щекотать’;

3) *ы ~ э*: *кымыс ~ кымэс* (удм. лит. *кымес*) ‘лоб’.

Наряду с редукцией, в говоре наблюдается и явление присоединения гласных. Вставка гласных звуков происходит в русских заимствованиях, когда в разных позициях слова встречаются нехарактерные для удмуртского языка сочетания согласных. Протеза обнаружена нами только в одной форме: *искал ~ скал* (удм. лит. *скал*) ‘корова’. В русских заимствованиях гласный чаще всего может вставляться:

а) в начальном слоге между согласными (эпентеза): *кирос* (< крест), *шил'а* (< шлея), *курик* (< крюк);

б) в конечном слоге между согласными и в конце слова: *л'и·тыр ~ л'и·тра* (< литр), *мэ·тыр ~ мэ·тра* (< метр), *чэтвэ·рик ~ чэтвэри·к* (< четверг), *толы·к* (< толк).

В заключении можно отметить, что для говора д. Кузьмовыр в области воклизма наиболее характерно явление выпадения гласных, особенно фонемы *ы*, для чего необходимым условием является ее безударное положение и отсутствие в препозиции к ней стечения согласных.

Условные сокращения:

удм. лит. – литературный удмуртский язык

Литература

Атаманов М. Г. Язык земли удмуртской: историко-этимологический словарь топонимов Волго-Уралького региона = Удмурт музъемлэн аснимъёсыз: Волгаен Урал ёросвылъёсысь интынимъёслэсь пуштроссэс эскерись кыллюкам. Ижевск: Ижевская республиканская типография, 2015. 976 с.: ил.

Исламова Ю.В., г. Ханты-Мансийск

ХАНТЫЙСКО-РУССКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ТОПОНИМИИ ДЕРЕВНИ ШАПША ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО РАЙОНА ХМАО – ЮГРЫ

Деревня Шапша расположена на территории исконного расселения хантов. История ее возникновения связана с организацией ямской гоньбы на Севере Сибири. Первые русские переселенцы-ямщики, выходцы из Поморья, основались на Белогорье в бывших остяцких владениях Самаровский ям. Первоначально ямским охотникам не платилось жалованье, но были отведены земли «по пятнадцати верст на все четыре стороны», чтобы они могли прокормиться сами. Почва в Самарово оказалась не пригодной для земледелия, в связи с чем у жителей яма имелась острая потребность в хлебородной земле. В то же время остяки юрт Шапшинских, находившихся в нескольких верстах от Самаровского яма, нуждались в деньгах. Интересы пришлого и автохтонного населения совпали.

С налаживанием ямщицкого дела у жителей яма появилась финансовая возможность покупки земель. Сначала они получали земли, принадлежавшие остякам, в заклад, а затем и в полное владение. Х.М. Лопарев писал: «С XVII века обнаруживается любопытное явление сосредоточивания остяцких земель в руках русских ямщиков, явление, оправдываемое законами истории, по которым народы низшей культуры становятся в зависимость от соседних народов культуры высшей» [1, с. 14]. В 1686 году остяки из юрт Шапшинских заняли у ямщиков Сумкина, Змановского, Корепанова и Погадаева 10 рублей для покупки хлеба и уплаты ясяка, заложив им свою землю в протоке Неулевой с условием совместного владения всеми ловлями (местами рыбной ловли), сенокосом и пастбищами. Талимковские остяки за 10 р. уступили Коневу свой остров в протоке Неулевой со всеми его ловлями и сенокосом. В 1728 году земля при Неулевой окончательно перешла самаровским ямщикам [Там же, с. 14, 21]. Этот год считается годом основания деревни Шапша.

Ко времени появления русских переселенцев на протоке Неулевой южными хантами была создана собственная топонимия. Основатели деревни Шапша, носители неродственного (русского) языка, осваивая чужую территорию, стали творцами новой топонимической системы, в которой нашлось место и для автохтонных географических имен.

Параллельные топонимические системы, хантыйская и русская, функционировали ориентировочно до 50-х гг. XX в. – окончания периода двуязычия хантыйского населения Шапши. С переходом коренных этносов на русский язык во всех сферах общения абсолютное большинство автохтонных топонимов перестали употребляться. В настоящее время географические имена хантыйского происхождения составляют незначительную часть топомассива территории:

- <u>названия рек</u>: *Мордина* < хант. *морты* ‘южный’ [2, с. 182], *Воришка* < хант. *воры* ‘старица, озеро на месте бывшего русла реки’;
- <u>названия проток</u>: *Соспас* < хант. *сос* ‘горностай’, *пусэл* ‘протока’ [2, с. 259], *Подворная* < хант. *паты* ‘дальняя часть чего-либо’ [2, с. 244], *воры* ‘старица, озеро на месте бывшего русла реки’; *Шапшинская* < хант. *шапша* ‘бугор, разделенный водой’; *Неулева* < хант. *Неуль*, мужское имя [1, с. 179];
- <u>названия озер</u>: *Норник* < хант. *норэнг* эвфем. ‘котел’ [2, с. 199];
- <u>названия болот</u>: *Воровые* < хант. *воры* ‘старица, озеро на месте бывшего русла реки’.

Вхождение хантыйских топонимов в русский язык сопровождалось их трансформацией. Русскоязычные переселенцы, стремясь сделать заимствованные онимы удобными для своего употребления, адаптировали их к нормам и законам русского языка на фонетическом, грамматическом и семантическом уровнях.

Хантыйские гласные звуки акустически приблизительно или полностью совпадают с русскими. При переносе названия хантыйского происхождения в русскую языковую среду несовпадающие или отсутствующие в русском языке звуки передаются посредством русских гласных звуков (*Н<u>о</u>рник* < *н<u>о</u>рэнг, С<u>о</u>сп<u>а</u>с* < *с<u>о</u>с* + *п<u>у</u>сэл, Вор<u>и</u>шка* < *вор<u>ы</u>*).

Наиболее значительно хантыйский язык отличается от русского в области согласных звуков по глухости-звонкости, мягкости-твердости, что наглядно отражается на звуковом облике хантыйского топонимического субстрата (*Мор**д**ино* < *мор**т**ы; По**д**ворная* < *па**т**ы*; *Нор**ник*** < *норэ**нг***).

В хантыйском языке отсутствует категория грамматического рода. Попадая в русский язык, названия обретают родовую принадлежность: к мужскому роду относятся топонимы хантыйского происхождения с конечным твердым согласным (*Соспа**с**, Норни**к***), к женскому – с окончанием -а (*Мордин**а***).

Хантыйские топонимы, в основном, состоят из двух-трех, реже четырех-пяти морфем: определения и детерминатива. На русской почве наименования, ранее состоящие более чем из одной морфемы, становятся нечленимыми (*сос пусэл* > *Соспас*; *паты* + *воры* > *Подворная*). Одним из основных типов усвоения хантыйских названий является эллипсис форманта (*морты* + ? > *Мордина*; *воры* +? > *Воришка*; *норэнг* +? > *Норник*).

Проделав длительный путь в русском языке, хантыйские топонимы потеряли свою первоначальную мотивировку. Ее утрата привела к семантическому переосмыслению географических имен. Смысловое значение иноязычных топонимов русскоязычные информанты трактуют на основании схожести звукового облика слов хантыйского и русского языков: Семантику топонима *Мордина* (река) связывают с названием рыболовных снастей: «*Там (на реке) ставили морды (ловушки для рыбы)*». Название *Подворная* (протока) ассоциируется с существительным *двор* с предлогом *по*. Почему протока так названа, объяснить не могут. Гидроним *Воришка* (река) связывают со словом *воришка*: «На этой реке много камышей. Браконьеры (воришки) прячутся в них от рыбоохраны». Происхождение подобных слов осознается информантами как русское. Мотивировку названий, не имеющих созвучных аналогов в русском языке (*Соспас, Норник, Шапша, Неуль*), респонденты объяснить не могут. Формирование постоянного русского населения в Шапше привело к изменению его этнического состава. В настоящее время подавляющее большинство жителей – русские. Хантыйское население, в основном, этнически ассимилировано. С переходом коренных этносов Шапши на язык мажоритарного этноса самобытная топонимия хантов была практически полностью утрачена. Однако ее небольшая часть, трансформировавшись, сохранилась в языке переселенцев как свидетельство интенсивных взаимоотношений русских и хантов в ранний период межэтнического контактирования.

Литература

1. Лопарев Х.М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Юбмель: СофтДизайн, 1997. 264 с.
2. Соловар В.Н. Хантыйско-руский словарь / В.Н. Соловар. Тюмень: ООО «Формат», 2014. 386 с.

Ишегулова А.М., г. Уфа

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА, ЕЕ РОЛЬ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЯНЫБАЯ ХАММАТОВА

Анализ языка произведений Яныбая Хамматова представляет нам писателя как глубокого знатока особенностей языка своего народа. Путем тщательного отбора писателем в художественный текст вводятся и диалектизмы, выполняющие различные функции: для реалистического изображения деревенской жизни, чтобы воссоздать местный колорит; для дополнительной характеристики героев произведения, индивидуализации речи персонажей; и конечно, для обогащения языка произведений.

Я. Хамматов в пенталогии *«Бөртөкләп йыйыла алтын»* («Золото собирается крупицами») использовал особенно широко – восточный диалект башкирского языка. Вот что пишет проф. Г.Г. Саитбатталов: «Яныбай Хамматов хорошо знал не только башкирский

литературный, но и разговорный язык. В языке персонажей романов писателя четко видны особенности куваканского (восточного) диалекта» [Саитбатталов, с. 93].

В романах писателя диалектизмы органично сливаются с литературным языком, становятся одним из его стилистических компонентов.

При более детальном изучении в произведениях писателя выделяются фонетические диалектизмы, присущие кизилскому говору восточного диалекта, особенностями которого являются:

1) вместо литературного ***л***

– аффикс начинается со звука ***т*** после корня или основы, оканчивающихся на глухие согласные ***п, т, с, ç, ш, ф, к, ҡ, х*****:** *яҡ**т**ау* – защищать (лит. *яҡ**л**ау*), *ҡыш**т**ау* – зимовка / зимовать (лит. ҡышлау), *һаҡ**т**ау* – защищать (лит. *һаҡ**л**ау*); *эш**т**әү* – работать (лит. *эш**л**әү*): *[Ғәйшә-Ғәйзуллаға:] – Яҡшылыҡ **эштәйем** тип, башыңа **яуыздыҡ** төшөрһәң, **ни эштәрһең**? Ҡуйсы, юҡ менән **аҙаптанма**!* [«Руда», с. 95] – [Гайша-Гайзулле:] – Вот ты доброе дело **сделать** хочешь, а если на свою голову **беду накличешь**, что будешь делать? Оставь это, даже не пытайся!

– аффикс начинается со звука ***д*** после корня или основы, оканчивающихся на ***л, м, н, ң, ж, з:*** *яма**н**дау* – хулить, охаивать, порочить (лит. *яма**н**лау*), *йәл**д**әү* – жалеть, щадить (лит. *йәл**л**әү*); *аң**д**ау* – понять (лит. *аң**л**ау*), *ел**д**е* — хороший, замечательный (лит. *ел**л**е*);

– аффикс начинается со звука ***ҙ*** после корня или основы, оканчивающихся на ***й, р, ҙ, у*****:** *асы**уҙ**аныу* – рассердиться (лит. *асы**ул**аныу*), *у**йҙ**ау* – думать (лит. *у**йл**ау*), *һө**йҙ**әү* – говорить, рассказывать (лит. *һө**йл**әү*), *дыңғы**рҙ**ау* – громыхать, грохотать (лит. *дыңғы**рл**ау*): *[Хисмәтулла:] – **Асыуҙанма**, еңгә, мин оҙаҡ йонсотмам. Иртәгә прискегә китәм, эшкә ялланғас иҫәпләшермен, — тине* [«Бөртөкләп йыйыла алтын», с. 143] – [Хисматулла:] – Ты, сноха, **не сердись**, я долго мучить не буду. Завтра вот отправляюсь в прииск, как наймусь на работу, расплачусь;

2) в корне слова используются гласные заднего ряда: ***а**сы* – кислый, горький (лит. *ә**с**е*), *с**а**сраy* – брызгать (лит. *с**ә**срәү*).

Фонетические диалектизмы выражают особенности звуковой системы говора, в художественном тексте они выполняют функцию точной передачи местного произношения.

Морфологические диалектизмы, используемые в творчестве писателя, в большинстве своем отмечаются в диалоговых конструкциях, что связано с их функцией характеризации речевых особенностей персонажей:

– звательные имена с афф. ***-ый, -ей*** вместо ***-ай, -әй*** литературного языка: *ат**ый*** (отец) – лит. *ат**ай**, аға**ый*** (брат) – лит. *аға**ай**, әс**ей*** (мама) – лит. *әс**әй*** и др. К примеру,

– ***Атый**, төшкө сәйҙән һуң быҙауҙарҙы эсерһәм ярамаймы ни?* **[**«Бөртөкләп йыйыла алтын»**, с. 7] – Отец**, могу же я напоить телят после обеда?

– *[Нәфисә] Улайһа, **әсей**, мин Бәлхизә инәй эргәһендә йоҡлап, иртән ҡайтырмын* **[**«Бөртөкләп йыйыла алтын»**,** с. 63] – Раз так, **мама**, я переночую у Балхизэ-иней и приду домой утром;

Прилаг. с афф. – **сай**: *оҙон**сай*** – лит. *оҙон, оҙонса* ‘продолговатый, вытянутый, удлиненный’. Например: *Оҙонсай һары битле ҡатын ҙур ағас ижау менән ҡаҙандан йылы һыу һоҫоп алып, эшселәрҙең ҡулдарына һыу ҡоя* [«Аҡман-тоҡман», с. 111] – Женщина с желтым **продолговатым** лицом большим деревянным ковшом зачерпывает из казана теплую воду и льет рабочим на руки.

При использовании диалектных слов для автора необходимо соблюдать чувство меры и помнить, что язык произведения должен быть понятен читателю.

Я. Хамматов не увлекается частым употреблением лексических диалектизмов. Они органично вплетены в произведение и участвуют в номинации реалий, в том числе этнографических. Например: *ойотҡан* (простокваша, катык) – лит. ҡатыҡ, *дирүгә* (тряпичный палас) – лит. балаҫ, *сәрмә* (лубяной дорожный короб) – ҡабыҡ тоҡсай, *ҡуна таҡта* (кухонная доска) – лит. туҡмас таҡтаһы: – *[Гөльямал] күнәге төбөндәге онон иләп, ағас табаҡта баҫып, ҡамырҙы тұңәрәкләндереп **ҡуна таҡта** өҫтөнә таба ҙурлығындай*

иңләп йәйҙе [«Бөртөкләп йыйыла алтын», с. 147] – Гульямал, просеяв остатки муки, в деревянной чаше замесила тесто и на **кухонной доске** раскатала его кругом, величиной со сковороду.

У Я.Хамматова лексика местного говора используются для характеристики персонажей и индивидуализации речи героев: **–** *[Нигмәтулла:] «Һыйлағанда һыу эс тигәндәй, ат тотоп йәйәү йөрөүсе, сарык ҡатаһын йәлләп ялан аяҡ йөрөгән "байҙың"* ***ойотҡанын*** *булһа ла эсәйек әле»* [«Бөртөкләп йыйыла алтын», с. 57] – [Нигматулла:] Да что уж говорить-то! Конь есть – пешком ходит, кожаные галоши есть – босой ходит! Видите ли – жалко! Да ладно, как говорится, когда угощают и вода – угощение. У такого «богача» хотя бы **простоквашей** угостимся.

Писатель мастерски добивается реалистического изображения деревенской жизни в начале XX века, создания местного колорита, подчиняя лексические диалектизмы общему замыслу. Например, вот некоторые из них: *аҫҡорһаҡ* (чемерица) – лит. аҡһырғаҡ, *мышар* (рябина) – лит. миләш, *илек* (косуля) – лит. ҡыр кәзәһе, *индек* (ворота, сколоченные из жердей), *ишек яҡтауы* (дверной косяк) – ишек яңағы, *суҡыраҡ* (грязь) – лит. батҡаҡ, урамдағы бысраҡ, *ҡыуаз* (месть) – лит. *үс*, *синдек* (чулан) – лит. солан, *баҡырса* (медный чайник) – лит. сәйнүк, *бызмыр* (медлительный) – лит. яй, *бәйҙәнсек* (навязчивый) – лит. бәйләнсек, бәйләнеүсән, *ярамһаҡлы* (лицемер, притворщик, подхалим) – лит. ялағай, осмот (маленький) – лит. бәләкәй генә, *ҡарындаш* (сестричка, сестрица) – лит. һеңле, *мырҙа* (братишка) – лит. эне, *тәнәй* (братишка или сестрёнка), *төнәүге* (позавчера) – лит. элекке көн, *сирыу* (морщить) – лит. йыйырыу, *мызылыу* (медлить) – лит. яйлау и др.

Также диалектизмы Я.Хамматов использует в лирических отступлениях, они выражают эмоциональное отношение автора к описываемым событиям, например: *Аллаһы тәғәлә донъяны нисек кенә итеп яратмаған! Иге-сиге күренмәй. Шулар араһында* ***осмот, бәләкәй генә*** *утрау кеүек, ер...* [«Йәшенле йәй», с. 79] – Как многообразен этот мир, созданный Аллахом! Ни конца, ни края. И среди всего этого – маленький лоскуток, как островок, – земля.

Подводя итоги, можно сказать, что Яныбай Хамматов показывает пример творческого подхода в использовании просторечия и диалектной лексики в работе над языком масштабных произведений. Автор пользуется диалектной лексикой, понимая, какое смысловое значение, оттенки, особенности они несут и что при этом привносят в произведение: эти слова выполняют важные стилистические функции, вносят разнообразие в диалоги, избавляют от загромождающего смысл повторения одних и тех же слов.

Литература

1. Саитбатталов Г. Г. Яныбай Хамматов – мастер слова (на башк. яз.). – Уфа, 2006.
2. Федоров А. В. Язык и стиль художественного произведения. – М.-Л., 1963.
3. Хамматов Я.: "Бөртөкләп йыйыла алтын" (Золото собирается крупицами). – Уфа, 1976; "Аҡман-тоҡман" (Акман-токман). – Уфа, 1977; "Йәшенле йәй" (Грозовое лето). – Уфа, 1975.

Ишкильдина Л.К., г. Уфа

ОЗВОНЧЕНИЕ ГУТТУРАЛЬНОЙ ФОНЕМЫ [К] В ДИАЛЕКТАХ И ГОВОРАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Мы хотим в данной статье обратиться к вопросу озвончения глухой фонемы [к] в башкирском языке, так как в тюркологии проблема корреспонденции гомогенных фонем является одной из актуальных.

Фонема [к] – глухая среднеязычная слабосмычная согласная, произносимая плавно, без взрыва и напряжения [ГСБЛЯ, 58]. Начальный **k* реконструируется для раннего пратюркского состояния. Он довольно устойчив, особенно в кыпчакских языках <…> [СИГТЯ, 193].

В начале слова. В говорах башкирского языка мы можем наблюдать озвончение начального исконного глухого «к». Ввиду отсутствия дифференциальных словарей по диалектам башкирского языка, отражающих фонетические явления, невозможно составить

полную картину данной проблемы. Однако, по имеющимся данным, можно сделать вывод, что процесс озвончения *к* > *г* происходит под ассимилятивным действием следующего звонкого, в основном сонорного. Ср.: др. гов. (лит.) *көллөһө* ‘все, все вместе’ – дем., средн. [гөллөһө] [ДСБЯ, 74] – тат. *көллө*; др. гов. (лит.) *кәүҙә* ‘стан’ – ай., сальют., бурз. [гәүҙә] [Максютова, с. 46, с. 183] – тат. *гәүдә*; др. гов. (лит.) *көбө* ‘сосуд из полого ствола дерева высотой около метра’ – средн., дем., арг., караид., нижнеб.-ык., уршак. [гөбө] [ДСБЯ, с. 73; Миржанова, с. 149; Алсынбаева, с. 57] – тат. *гөбе*; др. гов. (лит.) *күгәүен* ‘слепень’ – средн. [гегәүен] [ДСБЯ, с. 73]; др. гов. (лит.) *көнбағыш* ‘подсолнух’ – сев.-зап. диал. [гомбағыш] [ДСБЯ, с. 73] – тат. *көнбагыш,* др. гов. (лит.) *көл* ‘зола’ – сред. [гөл] и др.; **но**: др. гов. (лит.) *көпшә* ‘купырь’ – дем., сев.-зап. диал., оренб. [гөпшә] [ДСБЯ, с. 74; Максютютова 1996, с. 214] – тат. *көпшә*. В этот процесс вовлекаются и заимствования. Например, др. гов. (лит.) *кәрниз* (рус. *карниз* < гр.) – арг., ик-сакмар., сев.-зап. диал. [гәрнис] [ДСБЯ, с. 75] – средн., дём. [гарнис/ гәрнис] [ДСБЯ, с. 73, с. 75]; др. гов. (лит.) *кәрәсин* (рус. *керосин*) – ай. [гәрәсин] [ДСБЯ, с. 73]; др. гов. (лит.) *көмбәҙ* (перс.) ‘куполообразная жестяная монета’ – средн., иргиз., уршак. [гөмбәҙ] [ДСБЯ, с. 74; Алсынбаева, с. 57] и т.д.

Озвончение фонемы [к] в ряде слов особенно характерно для среднего и дёмского говоров южного, не систематически для таныпского и нижнебельско-ыкского говоров северо-западного, айского, сальютского говоров восточного и оренбургского говора южного диалектов.

А.А. Чеченов отмечает общую “для западных кыпчакских языков закономерность озвончения анлаутного праязыкового **k-* перед следующими за гласным сонорными согласными” [Чеченов, с. 199]. Как было рассмотрено выше, данное утверждение подтверждается и на материале башкирского языка. Возможно, процесс озвончения **k-* > *г* перед последующими звонкими осуществлялся на пракыпчакском уровне, по крайней мере в ряде говоров.

Наряду с озвончением существует и обратный процесс – оглушение заимствованного «г», например, (перс.) *гөл* ‘цветы’ – кыз., оренб. [көл] [Максютова 1976, с. 261; 1996, с. 214]; (перс.) *гүр* ‘гробница, могила’ – оренб. [күр] [Максютова 1996, с. 214] – арг. [күр /гүр] [Максютова 1976, с. 42]; (араб.) *гел* ‘постоянно’ – кыз. [кел] [Максютова 1976, с. 261] и т.д. Это явление связано с тем, что анлаутный «г» не был характерен древнебашкирскому языку, поэтому заимствованный «г» заменялся на собственный гомогенный глухой «к».

В середине слова. Фонема [к] в башкирском языке в середине слова выступает, как в интервокальной (*тәкә* ‘баран’, *текә* ‘крутой’, *ике* ‘два’ и др.), так и в сочетании с другими согласными в преконсонантной (*үксә* ‘подошва’, *текмә* ‘изгородь’, *икмәк* ‘хлеб’ и др.) и постконсонантной позициях (*күркә* ‘индюк’, *үркәс* ‘горб’, *иркә* ‘нежный, ласковый и др.’ и т.д.) исключительно в переднерядных словоформах.

Для кыпчакских языков, также как и для огузских, закономерно ослабление инлаута: пратюркский –**k-* в интервокале дает регулярное озвончение. Например: пратюрк. **äkä-* ‘пилить’ – др.-тюрк. *igä-* – баш. *игә-*; пратюрк. **äkiz* ‘двойня, близнецы’ – др.-тюрк. *ekiz* – баш. *игеҙ*; др.-тюрк. *bükün* ‘сегодня’ [ДТС, с. 132] – баш. *бөгөн*, но арг. [бөкөн] [Максютова 1976, с. 102]; пратюрк. **kökűrčkűn* ‘голубь’ – баш. *күгәрсен*, пратюрк. **säkiz* ‘восемь’ – баш. *һигеҙ*; пратюрк. **tēk* ‘напрасно, зря’ – др.-тюрк. *tekin* – баш. *тиген*; пратюрк. **ökűř* ‘бык, вол’ – др.-тюрк. *ökűz* – баш. *үгеҙ* и т.п.

Наряду с соноризацией исконного «к» в большинстве говоров (и в литературном языке) наблюдается его сохранение в некоторых языковых группах: др. гов. (лит.) *тәгәрләк* ‘чибис’ – ик-сакмар., дём., нижнеб.-ык. [тәкәрлек] [Миржанова 1979, с. 40, с. 186; 1991, с. 149]; др. гов. (лит.) *егет* ‘юноша, молодой человек’ – дём. [йекет] [Миржанова 1979, с. 186]; др. гов. (лит.) *эргә* ‘рядом’ – миас. [эркә] [Максютова 1976, с. 223]; др. гов. (лит.) *бүтәгә* ‘мятлик кистовидный’ – среднеурал. [бүтәкә], танып., караид. [бүтәкә/ пүтәкә] [Дильмухаметов, с. 34] и др.

В неодносложных основах в кыпчакских языках, в том числе и в башкирском, имеется и глухой рефлекс, независящий от долготы предшествующей гласной.

В башкирском языке –*к-* в сочетании с согласными сохраняется однозначно, так как закрытый слог является наиболее устойчивым: др.-тюрк. *bükri* ‘кривой, изогнутый, горбатый’ [ДТС, с. 132] – баш. *бөкрө* ‘сутулый, горбатый’; др.-тюрк. *kökšin* ‘дымчатый,

седой’ [ДТС, с. 313] – баш. *куксин* ‘сиреневый’; пратюрк. **kökrek* ‘грудь’ – баш. *күкрәк*; пратюрк. **kek-* ‘кривой’ – баш. *кәкре*; пратюрк. **kökrä-* ‘реветь; греметь’ – баш. *күкрәү* ‘греметь, грохотать’ и т.п. К этой же закономерности можно отнести числительное *ике* (< от пратюрк. **ek(k)i*), где должен был существовать гемминированный согласный.

Употребление в середине некоторых слов глухого «к» С.Ф. Миржанова отмечает как “черту древнетюркских языков кыпчакского типа” [Миржанова 1991, с. 86].

Трудно пока определить, в силу каких обстоятельств интервокальный -**k*- в одних случаях сохраняется, а в других озвончается. Исследования показывают, что озвончение не связано с долготой предшествующих гласных. Возможно, необходимо восстанавливать два типа **k* для инлаута.

В конце слова. В конечной позиции древний -**k* сохраняется. Ср.: др.-тюрк. *kök* ‘небо; синий’ [ДТС, с. 312] – баш. *күк* – тат, кирг., алт., хак., ног., уйг. *көк / kök* [ЭСТЯ 1980, с. 66-67]; др.-тюрк. *biläk* ‘запястье, предплечье’ [ДТС, с. 99] – баш. *беләк* ‘рука (от кисти до плеча), предплечье’ – ктат., кар. к. г., кум., кбалк., кир., ног., ккал., алт. *билек / bilek* [ЭСТЯ 1978, с. 145]; др.-тюрк. *bešik* ‘колыбель, люлька’ [ДТС, с. 97] – баш. *бишек* – кар. к. т., кирг., ктат., кум., кбалк. *бешик / bešik*, тат. *бишик / bišik* [ЭСТЯ 1978, с.122] и др.

В основе корня у глаголов глухой гуттуральный согласный также не подвергается изменениям: др.-тюрк. *birik-* ‘соединяться, объединяться’ [ДТС, с.102) – баш. *берек-*; др.-тюрк. *bök-* ‘наедаться, пресыщаться; удовлетворяться и др.’ [ДТС, с. 117] – баш. *бук-* ‘наедаться, пресыщаться’; др.-тюрк. *tök-* ‘лить, подливать, сыпать’ [ДТС, с. 579] – баш. *тук-* ‘выливать, проливать’ и др.

Конечный «к» при аффиксации, оказавшись в окружении гласных, соноризуется. Примеры: *күк* ‘небо’ – *күгем* ‘мое небо’, *беләк* ‘предплечье’ – *беләгем* ‘мое предплечье’, *бишек* ‘колыбель’ – *бишегем* ‘моя колыбель’, *тук-* ‘выливать, проливать’ – *түгәм* ‘я выливаю’ и т.п.

Таким образом, анлаутный пратюркский **k* сохраняется в башкирском языке, что свойственно кыпчакским языкам в общем, и обнаруживает общность с древнетюркскими источниками. Озвончение *к* > *г* в говорах происходит под ассимилятивным действием следующего звонкого. Инлаутный и ауслаутный **k* устойчивы в башкирском языке.

Литература:

Алсынбаева Р.Ш. Уршакский говор башкирского языка. Диссер. на соиск. степени канд. фил. наук. – Уфа, 2010. – 230 с.

ГСБЛЯ = Грамматика современного башкирского литературного языка / под. ред. А.А.Юлдашева. – М.: Наука, 1981. – 495 с.

Дильмухаметов М.И. Говор среднеуральских башкир. - Уфа: Гилем. 2006. – 191 с.

ДСБЯ = Башҡорт диалекттары һүҙлеге. – Өфө, 2002. – 432 б.

ДТС = Древнетюркский словарь. –Л.: Наука, 1969. – 676 с.

Максютова Н.Х. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. – Уфа: Китап, 1996. – 288 с.

Максютова Н.Х. Восточный диалект башкирского языка. Уфа, 1976. – 292 с.

Миржанова С.Ф. Южный диалект башкирского языка. – М.: Наука, 1979. – 272 с.

Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. Уфа, 1991. – 296 с.

ЭСТЯ = Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. В 7-ми томах. –М., 1974 – 1989.

СИГТЯ = Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика / под ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1984. – 484 с.

Чеченов А.А. Историческая фонетика карачаево-балкарского языка. – М.: Инт.-т языкознания РАН, 1996. – 395 с.

Каксин А.Д., г. Абакан

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКИХ РАЗЛИЧИЯХ: МЕЖДОМЕТИЯ В КАЗЫМСКОМ И ВАХОВСКОМ ДИАЛЕКТАХ ХАНТЫЙСКОГО ЯЗЫКА

Сравнивая тексты, написанные на двух диалектах хантыйского языка (казымском и ваховском), можно прийти к выводу, что, помимо отличий в грамматике, между указанными диалектами имеются и лексические расхождения. В частности, обращает на себя внимание

различный набор и внешний облик междометий. Далее, исходим из того, что, наряду со звукоподражательными словами междометия относятся к числу ярких языковых маркеров. О таких словах впервые написал выдающийся немецкий философ, лингвист, общественный деятель Вильгельм фон Гумбольдт:

«Язык начинается непосредственно и одновременно с первым актом рефлексии, когда человек из тьмы страстей, где объект поглощен субъектом, пробуждается к самосознанию – здесь и возникает слово, а также первое побуждение человека к тому, чтобы внезапно остановиться, осмотреться и определиться. … В поисках языка человек хочет найти знак, с помощью которого он мог бы посредством фрагментов своей мысли представить целое как совокупность единств» [Гумбольдт 2000, с. 301].

Следуя взглядам В. фон Гумбольдта, можно признать, что современные междометия – это реликты звуковых цепочек (больше похожих на выкрики), прослеживаемых с самых древних времен. Итак, в ваховском диалекте хантыйского языка встречаются междометия, которые в казымском диалекте отсутствуют или звучат по-другому (т.е. образованы от других звуков и звукосочетаний):

– *Нцң,* ***әтьтд****, кцләпа л'дмәхсиләвән?* '**Этьта**, куда ты на долгое время исчезаешь?'

– ***Әтьтд****! Мд тыхәтә тәм дңкәл лын'тд кяртәм* '**Этьта**, я небесный столб устанавливать хожу' [Альвы 2005, с. 10].

В примечаниях к данному тексту говорится, что *әтьтд* – это обращение [Альвы 2005, с. 129], но мы бы уточнили, что *әтьтд* – это междометие-обращение, и, например, в казымском диалекте хантыйского языка такого междометия нет, но ему соответствует образованное другим способом междометие, точнее даже – два междометия, используемые в подобной ситуации:

– ***Яхата****! Муй па щӑта маләслән?* '**Яхата**! Что там еще возишься?'

– ***Тӑха****, холәплам ӑн вөйтләм!* '**Таха**, сети свои не могу найти!'

Другой пример различий между ваховским и казымским диалектами:

Ивәс тәхдлд кахрәмтәвәл, т'уты ехихән:

– ***Кәш****, әт'тд, кәмәта мднтим нцхим эвәл сдт'вәл?*

'С колышка мясо схватил и говорит:

– **Кэш**, этьта! Кажется, моим мясом пахнет?' [Альвы 2005, с. 54-55].

В примечаниях *кәш* характеризуется как восклицание [Альвы 2005, с. 133]: действительно, это – междометие, произносимое с восклицательной интонацией, а в казымском диалекте ему больше всего соответствует междометие *я-са* 'ну-ка, ну же':

– ***Я-са***! *И муй кӯльлал лутңаллат*?! '*Ну-ка*! И что хоть такое взрывают?!'

В данном случае хантыйское междометие (вах. *кәш* / каз. *я-са*) употребляется для привлечения внимания; в других контекстах оно используется для усиления призыва к совместному действию или обозначения долженствования:

Я-са*, еша рутьсялман* '**Ну-ка**, немного отдохнем' [Сенгепов 1994, с. 111].

Я-са*, ин си хошумсайман, моньсь путрэмн па еллы тәлэмн* '**Ну же**, теперь вот согрелись, сказку сказывать дальше будем' [4, с. 111].

Я-са*, лув муй хурасуп хот лыпел – вантты мосл 'Ну же*, какова у него обстановка в доме – надо посмотреть' [Сенгепов 1994, с. 109].

В примечаниях к текстам на ваховском диалекте [Альвы 2005, с. 128–140] находим еще примеры междометий (расположим их по алфавиту хантыйского языка):

Ай-эй – восклицание; *дн'д* – обращение к женщине; *икэ-э-э* – обращение к мужчине; *йц-ох, йц-ох*! – восклицание при боли; *йэк-ка*?! – возглас удивления; *кын' луңқ* – ругательство; *охти қәм* – восклицание; *пы-ы-ы* – звукоподражание полету комара; *пэчи-чи-най-най* – звукоподражание птице; *пэщёх, пэщёх* – звукоподражание огню, когда горит нечто сухое; *тик-тик-тикэрвэл* – звукоподражание быстрой ходьбе; *тә-әс* – восклицание; *тәхәр-р-р пяч-пяч-пяч* – звукоподражание скрипу снега.

Еще несколько примеров с этими междометиями:

– ***Ай-эй***! *Қәта эх Дл'вдли кцрәл мәха кцнәмтәвәл, том кцрәл мәха кцнәмтәвәл, тим*

кцрəл мəха кцномтəвəл ‘**Ай-эй**! (Она его дальше тащит). А Альвали только ногой земли касается, то одной ногой касается, то другой’ [Альвы 2005, с. 30–31].

– ***Дн’д!*** *Тəм охпымəнтам цхмдх вэрлимəн, пдни там тəм йухə лан’л’имəн* ‘**Ана**! Двери своего дома совсем уменьшим, жердочками обставим’.

– ***Икэ-э-э,*** *чцнчам кирəхта!* ***Икэ-э-э,*** *мцхлам кирəхта!* ***Икэ-э-э,*** *мдт тōхəсла! Мдтам дн’им нōха арəхтəлəм, дн’им там нōха арəхтəлəм* ‘- **Икэ-э-э**, спиной меня поверни! **Икэ-э-э,** грудью меня поверни! **Икэ-э-э**, отпусти меня! Я тебе сестру в жены отдам, сестру отдам’ [Альвы 2005, с. 88-89].

– ***Йц-ох, йц-ох****, мднт типа ылвəлсəн* ‘**Йо-ох, йо-ох**! Меня сейчас ты убьешь’ [Альвы 2005, с. 106].

Охпы колəкə вэрсəтə.

– *Кои тимтəхынə т’əхлəхвəл?* ***Йэк-ка****?* ‘Двери раскрыл и спрашивает:

– Кто тут шумит? **Йэк-ка**?’ [Альвы 2005, с. 101].

– ***Кын’ луңқ****, нухлəлд!* ‘**Кынь лунк**, садись!’ [Альвы 2005, с. 27].

– ***Охти қəм****, ем н’охи, н’охи литəпи мд т’улəрд йəхəм!* ‘**Охти кем**, славное мясо пришло, я мясо ужасно хочу!’ [Альвы 2005, с. 30-31].

– ***Тə-əс****, əт’тд кəта ос мцхи тəхыя тəх н’дмлəкынтəсəм?* ‘**Тэс, тэс**, что это за липкое место, к чему моя рука прикоснулась?’ [Альвы 2005, с. 89].

*Эйлднə Сəвс ики йутэ сдт’вəл: “****Тəхəр-р-р пяч-пяч-пяч, тəхəр-р-р пяч-пяч-пяч****”.* – Вот, слышно, Сэвсики идет: “**Тэхэр-р-р-пуч-пуч-пуч, тэхэр-р-р-пуч-пуч-пуч**” [Альвы 2005, с. 52–53].

Итак, наблюдения показывают, что имеются различия в наборе и характере междометий в казымском и ваховском диалектах хантыйского языка. Эти различия свидетельствуют о том, что иногда и в диалектах одного языка содержится специфика в отражении некоторых фрагментов языковой картины мира. Это говорит о том, что отдельные фрагменты этой картины, действительно, бывают обусловлены когнитивным опытом конкретного этноса (или субэтноса). Специфические междометия отражают важные стороны языка (или диалекта), имеют отношение к ментальности этноса (или субэтноса), к особенностям его мировосприятия и, соответственно, к особенностям выражения этого видения мира в родном языке.

Литература

Альвы (Сборник фольклора ваховских ханты) / Сост. и пер. Л.Е.Куниной. – Томск, 2005.

Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В.Рамишвили; Послесл. А.В.Гулыги и В.А.Звегинцева. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000.

Сенгепов А.М. Касум ики путрат / Рассказы казымского ханты. – СПб.: Просвещение, 1994.

Каримова Г.Р., Уфа

ФИТОНИМЫ В БАШКИРСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ*

Флористическая лексика башкирских народных песен включает названия как самих растений (деревьев, цветов, трав, кустарников), так и названия их частей (*япрак* ‘лист’, *ботак* ‘ветка’, *тамыр* ‘корень’ и т.д.). Целью нашей статьи является исследование понятий, являющихся наименованиями фитонимов в башкирском языке. Далее переходим к фактическому материалу и рассмотрим несколько понятий.

В текстах башкирских песен часто встречается слово *үлəн* трава:

Урал буйкайҙары шаулы булһа,	В предгорьях Урала шумят леса,
Ялан еркəйҙəре ҡом буран.	А в степях лишь пыль да песок.
Урал малҡайҙары сəскə утлай,	На Урале скоту корма много,
Ялан малҡайҙары – ҡыу үлəн	А в степи скоту корм – иссохшая
(Урал йыры) [5, с. 47].	былинка.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ по проекту № 15-34-01021 «Лексика башкирского песенного фольклора в этнолингвистическом освещении»

В словаре башкирского языка слово *үлән* означает: “йыл һайын яңынан шытып үҫә торған йәшел үҫемлек”. *Йәшел үлән. Күп йыллыҡ үлән. Дарыу үләне. Ҡый үләне. Үлән сәсеү*” – трава, травяной. Слово *үлән* трава в контексте народной песни обозначает растительность в целом: листву деревьев, луговые травы, культурные насаждения [4, 493].

В мифологическом словаре башкирского языка слово *үлән* означает: “трава в башкирской народной культуре олицетворяется, участвует в гаданиях, предсказаниях, магической и рациональной медицине. *Бала ауырыһа, ете төрлө үлән менән ыҫлағандар*. – Больного ребенка окуривали семью разными травами. Слово восходит к общетюркскому *öleη~ölen* от *öl* ‘влажный, сырой’” [7, 334].

В башкирской народной традиции существуют обряд гадания, предсказания с помощью подбрасывания травы в огонь – *Үлән ташлау* (*досл*. подбрасывать, бросать траву). *Күрәҙә утҡа үлән ташлап күрәҙәлек ҡылған*. – Гадалка ворожила, бросая в огонь траву. Также у башкир существовал магический способ умилостивления духа воды *Үлән һалыу* (*досл*. положить, опускать (во что) траву). –. *Һыу тотмаһын тип һыуға бер ус үлән һалғандар* (Ғ. Лоҡманова). – Чтобы не заболеть от воздействия духа воды, в воду опускали пучок травы [7, 334].

В текстах башкирских народных песен упоминаются названия многих деревьев, кустарников, цветов, например: *сауыл* “березовая роща”, *ҡарағай* “сосна”, *саған* “клен”, *тирәк* “тополь”, *ҡайын* “береза”, *имән* “дуб”, *уҫаҡ* “осина”, *томбойоҡ* “кувшинка, водяная лилия”, *бөрлөгән* “ежевика”, *муйыл* “черемуха”, *ҡарағат* “смородина”, *тубылғы* “таволга”, *тал* “ива”, *артыш* “можжевельник” и др.

В песнях встречается и название *имән* дуб:

Шарлы урманҡайҙарҙа имән киҫтем,	В дремучем лесу дуб я вырубил,
Имәндәрем ҡалды тирбәлеп.	Качались рядом дубовые деревья.
Шул имәнкәйҙәргә ҡорттар ҡунһа,	Если пчелы прилетят к этим дубам,
Балҡайҙарын эсербеҙ кинәнеп	Угостимся мы сладким медом.

(Шарлы урман) [5, с. 53].

В словаре башкирского языка слово *имән* дуб означает: “имән [дөйөм төрки *имән, эмән*] (Р.: дуб; И.: oak; Т.: meşe) *и.* – бук ағастары ғаиләһенә ҡараған, киртләс ситле эре япраҡлы, сәтләүеге булған ҡаты ағас. □ Дуб. / Дубовый (лат. *Quercus*). *Имән таҡта. Имән сәтләүеге. Йәш имән. Ҡышҡы имән. Имән ботағы. Имән тамыры. Имән түмәре. Имән ҡабығы. Куш имән”* [1, 729].

В башкирской народной традиции деревья служат предсказателями событий, человеческих судеб. Бытует поверье, что если лес тревожно шумит и деревья скрипят (*урман яман шаулаһа, ағастар сыйылдаһа*) – это к большой беде или к чьей-либо смерти. Если осенью листья дуба долго не опадают – “беда придет на голову мужчин, вспыхнет война” (*ирҙәр башына ҡайғы килә, һуғыш фәлән сыға*). В этой примете *имән* дуб имеет семантическую связь с мужским полом. Крепкий, прочный дубовый столб устанавливали в особо почитаемых местах. *Ырыу бағанаһы* (столб рода, племени) из дуба устанавливали, например, на месте сбора старейшин, народных собраний (*йыйын*). При вспышке эпидемий у башкир проводили обряд *ут яңыртыу* (обновление огня), во время которого огонь добывали трением предпочтительно дубовых поленьев [7, с. 104].

Также в текстах песен часто встречается слово *ҡайын* береза. Например:

Ирәмәлкәй өҫтө, һай, өс ҡайын,	На вершине Иремели, хай, три березы,
Береһен ҡырҡһам, икеһе ҡуш ҡала.	Если срублю одну, останется пара.
Оло ғына яуға мин киткәс тә,	Вот отправлюсь я сражаться,
Йәнекәйем, ҡуйыныҢ буш ҡала	Любимая, останешься ты одна.

(Ирәмәле йыры) [5, с. 73].

Лексема *ҡайын* ‘береза’ в словаре башкирского языка означает: “беше аҡ ҡабыҡлы, япраҡлы ағас. Береза / березовый. *Яңғыҙ ҡайын. Куш ҡайын. Ҡайын ултыртыу. Ҡайын ҡумта. Ҡайын утын*” [2, с. 118].

У башкир существует культ березы – *ҡайын*. Она считается “женским” и “печальным” деревом. В некоторых районах березу не используют при постройке дома, обьясняя тем, что она приносит беду. Также существует запрет изготавливать из березы домашнюю утварь – коромысло, скалку, веретено, так как, согласно поверьям, женщина, которая пользуется ими, будет несчастной. Березу запрещается осквернять, справлять естетсвенную нужду под ней. Сакральность березы связана также с верованиями башкир о том, что на бересте написана молитва из Корана – *Аятел көрси*. “*Ҡайын тузына көрси яҙылған, ул изге ағас*” – на бересте написана молитва *Аятел көрси*, потому она (береза) священна [7, с. 104].

Ф.Г. Хисамитдинова отмечает, что береза – “мифологизированное растение, первопредок, священное дерево. Она связана с кладбищем, могилой; является посредником между небом и землей. *Ҡайын ҡайғылы ағас*. – Береза печальное дерево. Восходит к общетюркскому *qajin* “береза” [8, с. 172].

Наряду с названиями деревьев в текстах башкирских народных песен встречаются и фитонимы, обозначающие различные цветы, кустарники, травы, например: *томбойоҡ* “кувшинка, водяная лилия”, *бөрлөгән* “костяника”, *муйыл* “черемуха”, *ҡарағат* “смородина”, *артыш* “можжевельник”, *ҡурай еләге* “малина” и др.

Проведенный анализ показал, что большинство растительных лексем вовлекаются в метафорический процесс, а также функционируют в составе лексических образных средств.

Таким образом, за многими растениями закрепилось глубокое этнокультурное значение, которое отличается от общего лексического. Семантическое описание народных поверий, изучение их ментального образа, заключенного в значениях слов и выраженного в определенных языковых стереотипах, позволяют нагляднее представить национальную специфику восприятия живой природы в целом, глубже понять древнейшие воззрения и постичь своеобразие народной психологии.

Литература

1. Академический словарь башкирского языка. В 10-ти томах. Том. III / Под общей редакцией Ф.Г. Хисамитдиновой. – Уфа.: Китап, 2012. – 862 с.
2. Академический словарь башкирского языка. В 10-ти томах. Том. V / Под общей редакцией Ф.Г. Хисамитдиновой. – Уфа.: Китап, 2012. – 886 с.
3. Ахнеф Ахметович Юлдашев: биобиблиографический указатель. 2015. 68 с.
4. Башҡорт теленең һүҙлеге: Ике томда. – М.: Русский язык, 1993. – 813 с.
5. Башкирское народное творчество. Песни. Книга 1. – Уфа.: Китап, 1974. – 386 с.
6. Батыршина Г.Р. Лексика послеродовых обрядов башкир (этнолингвистический анализ). / Вопросы филологии. 2007, № 4. С. 167-169.
7. Хадыева Р.Н. Башкирская этнокультура и язык: Опыт воссоздания языковой картины мира. – М.: Наука, 2005. – 248 с.
8. Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. – Уфа.: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. – 164 с.
9. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. – М.: Наука, 2010. – 451 с.

Кириллова Л.Е., Титова О.В., г. Ижевск

О НЕКОТОРЫХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ КИЛЬМЕЗСКИХ ГОВОРОВ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА□

Кильмезскими названы нами удмуртские говоры, распространенные в Кильмезском районе Кировской области. Основным источником исследования послужили материалы, собранные нами в 2015 г. в ходе реализации проекта Фонда фундаментальных лингвистических исследований «Полевое исследование нижнечепецкого диалекта» в следующих населенных пунктах: д. Андрюшкино, д. Большой Гозек, д. Кульма, д. Малый Гозек,

□Работа выполнена при поддержке гранта Фундаментальных лингвистических исследований № А-15-2015.

д. Паска, д. Салья. Данные говоры до настоящего времени не были изучены, хотя лексический материал по ним частично собран и опубликован в «Диалектологическом атласе удмуртского языка» (2009).

В области морфологии для кильмезских говоров характерны следующие явления:

1. Показателями мн. числа имен существительных являются суффиксы *-ос* или *-йос* со своими фонетическими вариантами. Форма *-йос*, в отличие от литературного языка, может употребляться и после основ с конечным гласным, но не всегда последовательно: *коркайос ~ коркаос* (лит. *коркаос*) ‘дома’, *уробойос ~ уробоос* (лит. *уробоос*) ‘телеги’ и др. Данное явление также характерно для буйско-таныпского, татышлинского и некоторых южных говоров удмуртского языка [Кельмаков, с. 116]. После основ на конечный гласный *-а* суффикс мн. числа иногда приобретает форму *-ас*: *кол'осаас* (лит. *колёсаос*) ‘колеса’, *коркаас* (лит. *коркаос*) ‘дома’ и др. Такие случаи ассимиляции наблюдаются также в отдельных срединных говорах удмуртского языка [Кельмаков, с. 116]. В изучаемых говорах согласный *й* суффиксального слога нередко ассимилируется конечными согласными субстантивной основы, в результате чего суффикс мн. числа может иметь такие фонетические варианты, как *-л'ос* (*пинал'л'ос* < *пиналйос* ‘дети’), *-т'ос* (*удмурт'т'ос* < *удмуртйос* ‘удмурты’), *-н'ос* (*корэн'н'осыз* < *корэн'йосыз* ‘корни’), *-д'ос* (*пыд'д'ос* < *пыдйос* ‘ноги’) и др.

2. При образовании форм винительного падежа мн. числа имен существительных используется суффикс *-ты* (лит. *-ыз ~ -ты*), характерный в основном для северного и бесермянского наречия и некоторых срединных говоров [Кельмаков, с. 119]: *ад'амиосты* (южн. *ад'амиосыз*) ‘людей’, *коркаосты* (южн. *коркаосыз*) ‘дома’ и др.

3. Показателями исходного падежа являются суффиксы *ыс' ~ ис'* (А., БГ., К., П., С.), *-ыс''* (МГ.) (лит. *-ысь*): *гуртыс' ~ гуртис' ~ гуртыс''* (лит. *гуртысь*) ‘из дома’; *школаыс' ~ школаис' ~ школаыс''* (лит. *школаысь*) ‘из школы’ и др.

4. Отдалительный падеж оформлен суффиксами *ыс'эн ~ ис'эн* (А., БГ., К., П., С.[1]), *-ыс''эн* (МГ.) (лит. *-ысен*): *гидыс'эн ~ гидис'эн ~ гидыс''эн* (лит. *гидысен*) ‘с хлева’, *урамыс'эн ~ урамис'эн ~ урамыс''эн* (лит. *урамысен*) ‘с улицы’ и др.

5. Иногда на стыке корня, оканчивающегося на гласный, и суффиксов исходного и местного падежей наблюдается вставка звука *й*: *пуртыйын* (лит. *пуртыын*) ‘из котла’, *радиойын* (лит. *радиоын*) ‘на радио’, *школайыс'* (лит. *школаысь*) ‘из школы’ и др.

6. Нередко наблюдается явление выпадения анлаутного *й* суффиксальных морфем входного, винительного и творительного падежей: *уробоэ ~ уробойэ* (лит. *уробое*) ‘в телегу’, *вы ӵкиэз ~ вы ӵкийэз* (лит. *вышкыез*) ‘бочку’, *дӧд'иэн ~ дӧд'ийэн* (лит. *дӧдьыен*) ‘санями’ и др.

7. Имена существительные со значением «место действия» образуются путем сочетания отглагольных имен на *-(о)н* с определяемым словом *инти* (лит. *инты*) ‘место’: *турнан инти* ‘место косьбы’, *ужан инти* ‘место работы’ и др. В северноудмуртских говорах подобным формам соответствуют существительные с деривационным суффиксом *-н'и*, в срединных – *-ти*.

8. В глаголах I спряжения 1-го и 2-го лица настоящего времени изъявительного наклонения используются параллельные формы с суффиксами *-ыс'к- ~ ис'к-* (А., БГ., К., П., С.), *-ыс''к- ~ -ис''к-* (МГ): *мыныс'ко ~ мынис'ко ~ мыныс''ко ~ мынис''ко* (лит. *мынӥсько*) ‘я иду’, *лыктыс'ко ~ лыктис'ко ~ лыктыс''ко ~ лыктис''ко* (лит. *лыктӥсько*) ‘я прихожу’ и др. Часто данные глаголы употребляются в усеченной форме: *воз'ком* (лит. *возиськом*) ‘мы держим’, *вэтко* (лит. *ветлӥсько*) ‘я хожу’, *чэрскоды* (лит. *черсӥськоды*) ‘вы прядете’, *шуко* (лит. *шуисько*) ‘я говорю’ и др.

9. Возвратный залог от переходных глаголов оформлен посредством суффиксов *-чк-* (А., БГ., П., С.): *дышечкыны* ‘учиться’ – лит. *дышетскыны*, *кучкыны* ‘начаться, начинаться’, *сучкыны* ‘гореть, сгореть’ – лит. *сутскыны*, *тодмачкыны* ‘знакомиться; познакомиться’ –

[1] Здесь и далее в скобках заглавными буквами указаны сокращенные названия населенных пунктов, в которых зафиксированы рассматриваемые явления. Полные названия деревень даны в конце статьи.

лит. *тодматскыны* и др. В д.д. Малый Гозек и Кульма данные формы образуются, как и в литературном языке: *дышэтскыны* ‘учиться’, *кутскыны* ‘начаться, начинаться’ и др.

10. Причастия «настоящего времени», образованные от глаголов I спряжения, чаще имеют формы на *-ыс′* (А., БГ., К., П., С.), *-ыс′′* (МГ.) (лит. *-ись*): *кошкыс′ ~ кошкыс′′* (лит. *кошкись*) ‘уходящий’, *мыныс′ ~ мыныс′′* (лит. *мынйсь*) ‘идущий’, *нуыс′ ~ нуыс′′* (лит. *нуись*) ‘несущий’, *улыс′ ~ улыс′′* (лит. *улйсь*) ‘живущий’ и др. Формы на *-ыс′* характерны преимущественно для северных и срединных говоров удмуртского языка [Кельмаков, с. 155].

11. Суффиксом деепричастия является *-ку*, употребляющийся также в северной диалектной зоне и в литературном языке: *араку* ‘во время жатвы’, *турнаку* ‘во время косьбы’ и др. Иногда под действием данного суффикса происходит ассимиляция конечных гласных основы слова: *кууку* (лит. *куыку*) ‘во время ткачества’, *сэстуку* (лит. *сэстыку*) ‘во время трепания (*льна*)’, *чэрсуку* (лит. *черсыку*) ‘во время прядения’ и др. Следует отметить, что вместо деепричастий в описываемых говорах часто используются сочетания отглагольных существительных с послелогом *дыръя* ‘во время’, к которому присоединяется суффикс *-ку*: *турнан дырйаку* ‘во время косьбы’, *куро с′урон дырйаку* ‘во время скирдования соломы’ и др. В отличие от других говоров, в речи жителей д. Салья эти деепричастия употребляются с суффиксом *-кы*, как и в южных и некоторых срединных говорах: *турнакы* ‘во время косьбы’, *шунды ӝужакы* ‘во время захода солнца’.

12. В глагольных формах перед вопросительной частицей *-а* ‘ли’ часто появляется вставочный звук *й*: *ужа на-йа* (лит. *ужа на-а*) ‘работает ли еще’, *вэрало-йа* (лит. *верало-а*) ‘говорят ли’, *пырыку-йа* (лит. *пырыку-а*) ‘когда заходишь ли’ и др.

13. Широко употребляются русские заимствованные глаголы в сочетании с вспомогательным глаголом *карыны* ‘делать’: *вышиват′ карыны* ‘вышивать’, *красит′ карыны* ‘красить’, *потковат′ карыны* ‘подковать’ и др.

14. В отличие от северноудмуртских говоров, форма дательного падежа личных местоимений 1-го и 2-го лица мн. числа образуется при помощи суффикса *-лы*, как и в литературном языке: *мил′эмлы* ‘нам’, *тил′эдлы* ‘вам’.

Таким образом, по своим характерным морфологическим особенностям кильмезские говоры сочетают в себе признаки, характерные для северных, срединных и южных говоров удмуртского языка, что в определенной степени связано с историей заселения этой территории.

Условные сокращения

А. – д. Андрюшкино; БГ. – д. Большой Гозек; К. – д. Кульма; лит. – литературный язык; МГ. – д. Малый Гозек; мн. число – множественное число; П. – д. Паска; С. – д. Салья; южн. – южное наречие удмуртского языка.

Литература

Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.

Насибуллин Р. Ш., Максимов С. А., Семенов В. Г., Отставнова Г. В. Диалектологический атлас удмуртского языка. Карты и комментарии. Вып. I. Научное издание. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2009. 260 с.

Ковтун В. В. , г.Луганск

ДИАЛЕКТНЫЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Начало активного изучения текста приходится на конец 50-х годов XX ст., когда эту единицу исследовали в пределах теории синтаксиса. Следующий этап (60−70-ые годы XX ст.) отмечается как переход от изучения текстовой структуры и грамматики (О. Москальская, Г. Солганик, Е. Реферовская) к анализу текста как коммуникативной системы. «В связи с комплексом изменений лингвистических ценностей, заданий и

позитивных программных настроек» [Николаева, с. 5] текст начали рассматривать как сложное лингвосемиотическое образование; развязываются вопросы логического строения текста, его психологической интерпретации, взаимосвязи текста и контекста, текста и его восприятия и тому подобное (И. Гальперин, Т. Николаева, А. Леонтьев, М. Бахтин, Л. Мурзин, А. Штерн). Текст − это «письменный или устный речевой массив, который представляет линейную последовательность высказываний, объединенных в более близкой перспективе смысловыми и формально-грамматическими связями, а в общекомпозиционном, дистантном плане − общей тематической и сюжетной заданностью» [Українська мова, с. 704]. И. Гальперин текстом называет «творение, которое состоит из заглавия и ряда особенных единиц, объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, и имеет определенную целенаправленность и прагматическую определенность» [Гальперин, с. 18]. Текст, по мнению А. Загнитко, «это средний элемент схемы коммуникации (коммуникативного акта), которую предельно упрощенно можно представить в виде трехэлементной структуры: автор (адресант)→текст→читатель (адресат)» [Загнітко, с. 748].

Теория исследования текста за последние десятилетия прошла сложный и противоречивый путь развития. Приведенные дефиниции текста иллюстрируют наличие разных подходов к изучению текста в современной лингвистике, которые, на наш взгляд, должны коррелировать с заданиями исследования, поскольку позволяют сосредоточить внимание на том или ином аспекте текста, выявлять и исследовать его различные признаки.

Литературный и диалектный тексты имеют существенные отличия. Если литературный текст может принадлежать к разным стилям − научному, публицистическому, художественному и тому подобное, то диалектный − это прежде всего разговорная речь, устная (монологическая или диалогическая) речь, которая характеризуется спонтанностью, неорганизованностью, непоследовательностью, нестабильностью, стремится к конкретности, однозначности. В диалектном тексте «отсутствует прежде всего проработанность, затертыми или значительно невыраженными являются целевые установки текста» [Гриценко, 2000, с. 12], часто нет целостности; завершение, вербализированное специальными языковыми средствами, в диалектном тексте, в отличие от литературного, присутствует не всегда [Там же, с. 12].

Диалектная речь нуждается в большем внимании прежде всего из-за осознания того, что говор, как выразитель духовной культуры народа, является ценным источником для разноплановых языковедческих исследований.

Диалектный текст как источник изучения диалектов органично входит в круг исследований еще с конца XIX ст. (труды И. Верхратского, И. Панькевича, В. Ващенко, Г. Шила и др.). Ученые добавляли к своим описательным диалектологическим трудам связные тексты, отдельные выражения, образцы фольклора. П. Ю. Гриценко продолжает разрабатывать идеи исследования говора на основе диалектных текстов, которые «репрезентируют реальное существование языка, состав, функции языковых единиц, динамику их формы и содержания; это реальность языка, не зажатая и не трансформированная узкими берегами нормативных предписаний и ограничений, как в литературной разновидности языка» [Гриценко, 2003, с. XVI].

На современном этапе значительный взнос сделан языковедами-диалектологами в развитие диалектологии как науки. В частности, активно исследуются украинские восточнослобожанские говоры, расположенные в восточных районах Харьковской области (условно на левом берегу реки Оскол), северных районах Луганской (на левобережье Северского Донца), а также в смежных с Украиной районах России (Белгородская, Воронежская и Ростовская области). Одним из приоритетных направлений современного языковедения является установление особенностей диалектной речи на всех ее уровнях: Б. Шарпило («Сравнительно-историческая характеристика говоров Восточной Слобожанщины (Старобельщины)», 1960; «Українські говірки Луганщини в їх відношенні до діалектної системи південно-східного наріччя української мови», 1959); Е. Глуховцева («Динаміка українських східнослобожанських говірок», 2005; «Лексика народного побуту українських східнослобожанських говірок», 1992); В. Леснова («Номінація людини та її рис у східнослобожанських

українських говірках», 1999); И. Магрицкая («Весільна лексика українських східнослобожанських говірок», 2000), И. Николаенко («Лексика традиційного ткацтва в українських східнослобожанських говірках», 2005); Н. Литвинова («Структурно-семантичні параметри висловлення в діалектній оповіді», 2011), Ю. Абрамян («Динаміка номінацій традиційного сільського виробництва в українських східнослобожанських говірках», 2012).

В последнее время перестала «допускаться», «стоять» за единицами языка семантика. В центре внимания находится семасиологический подход к языку, определенный как один из возможных путей исследования еще О. Есперсеном: семантику начали рассматривать как исходный, а не конечный пункт исследования. В теоретических построениях начинает выделяться и играть все более значительную роль так называемый субъективный фактор, все больший интерес вызывают прагматические аспекты языка. Труды этого направления стимулировали решение серьезных прикладных заданий, связанных с исследованием целого текста. «В диалектном тексте как разновидности языкового пространства оказывается реальное соотношение структурных элементов говора, их синтагматические связи, квантитативные характеристики; в нем выразительно проступает разделение единиц по частоте их использования в речи говора» [Гриценко, 1996, с. 9], текст дает возможность зафиксировать те черты, какие не смогли засвидетельствовать атласы и словари. Диалектный текст – это функциональная структура, исследуя которую, можем выявить индивидуальную многозначность, контекстуальную синонимию, а также особенности семантики слов, требующих контекста.

Темой нашего широкого исследования является анализ семантической структуры имен прилагательных в диалектном тексте, в том числе и лексико-семантической группы имен прилагательных цвета. По нашим наблюдениям, респонденты, соединяя адъектив *черный* с существительным *лес*, вкладывают разные смыслы: характеризуют время года, напр.: *Зе*[и]*л'оний л'іс кра*[ˈ]*с'івий / *[ˈ]*л'ітом ў*[ˈ]*се зе*[и]*л'оне / *[ˈ]***ч'орний л'іс** */ к·і*[ˈ]*нец' *[ˈ]*осен'і / зи*[ˈ]*ма / не*[ˈ]*майе *[ˈ]*лист'іў / *[ˈ]*холодно* (с. Местки Сватовского р-на Луганской обл.); [ˈ]***Ч'орний л'іс*** */ це з·і*[ˈ]*ма / сто*[ˈ]*йат' де*[ˈ]*рева *[ˈ]*гол'і / нази*[ˈ]*вайец':а *[ˈ]***ч'орний*** (с. Вишневое Старобельского р-на Луганской обл.), актуализировано семы ‘зимний’, ‘осенний’, ‘без листвы’; характеризуют черный от пожара лес, напр.: [ˈ]***Ч'орний л'іс*** */ це л'іс пого*[ˈ]*р'ілий* (с. Гармашовка Беловодского р-на Луганской обл.), актуализовано семы ‘черный’, ‘сгоревший’, и наоборот, описывают красивый зеленый лес, напр.: *Зе*[и]*лений л'іс та *[ˈ]*дуже *[ˈ]*гарне з*[ˈ]*р'ел'ішч'е / йа л'уб*[ˈ]*л'у зе*[и]*лений л'іс / зе*[и]*лений та*[ˈ]*кий / аж*[ш] [ˈ]***ч'орний*** */ зе*[и]*лений л'іс* (с. Вишневое Старобельского р-на Луганской обл.); актуализировано семы ‘красивый’, ‘зеленый’, ‘густой’. Маркированное сочетание, зафиксированное в последнем примере, выражает индивидуальную оценку диалектоносителя, в целом несет позитивную коннотацию.

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что прилагательное *черный* в украинских восточно-слобожанских говорах (мы показали на отдельном примере *черный лес*) имеет разветвленную семантику, которая в полной мере может раскрыться именно в тексте.

Текст детерминирован потребностью общения, в результате которого один партнер коммуникации (респондент) передает сообщение другому партнеру с целью определенного влияния на него (информирование, убеждение, эмоциональное влияние и тому подобное). Текст непосредственно связан с замыслом говорящего, все структурные элементы текста подчинены определенным коммуникативным заданиям. Следует отметить, что вряд ли возможно построение определенного абстрактного образца, схемы-конструкта диалектного текста. Построение текста говора зависит не столько от языковых закономерностей, законов и правил, сколько от коммуникативно-когнитивных особенностей протекания процесса общения, от замысла говорящего. И уже каждая конкретная ситуация общения, интенция диалектоносителя предопределяют выбор и схемы построения текста, и ее конкретное наполнение, ее актуализацию.

Единицы языка, которые традиционно выделяют, в первую очередь слово и предложение, интерпретируются с позиции текста. В таком случае диалектный текст

рассматриваем не просто как один из объектов исследования, но и как орудие, с помощью которого можно раскрыть функциональную природу языка в целом и каждого компонента отдельно. Таким образом, исходным постулатом является положение, что ни одна лингвистическая единица не функционирует вне текста. Именно диалектный текст является ценным источником для потенциального исследования.

Литература

1. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / Илья Романович Галь-перин. – М.: Наука, 1981. – 139 с.
2. Гриценко, П. Ю. Тексти як джерело дослідження українських говірок Румунії / П. Ю. Гри-ценко // Українські говори Румунії / М. Павлюк, І. Робчук. – Едмонтон – Львів – Нью-Йорк – Торонто, 2003. – С. I–XVI
3. Гриценко, П. Ю. Тексти як джерело дослідження чорнобильських говірок / П. Ю. Гри-ценко // Говірки Чорнобильської зони. Тексти / [відп. ред. П. Ю. Гриценко]. – К., 1996. – С. 7–19.
4. Гриценко, П. Ю. Текст як простір вияву діалектних явищ / П. Ю. Гриценко // Збірник лінгвістичних праць: до 60-річчя проф. О. А. Колесникова. – Ізмаїл, 2000. – С. 9–15.
5. Загнітко, А. П. Теоретична граматика сучасної української мови. Морфологія. Синтаксис / А. П. Загніт-ко – Донецьк: ТОВ «ВФК «БАО». – 2011. – 992 с.
6. Николаева, Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы / Т. М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1978. – Вып. VIII. – С. 5–39.
7. Українська мова. Енциклопедія / [редкол.: В. М. Русанівський, О. О. Тараненко (співголова), М. П. Зяблюк та ін.]. – [3-є вид.].– К.: Вид-во «Укр. енцикл.» ім. М. П. Бажана, 2007. – 856 с.: іл.

Куклин А. Н., Йошкар-Ола

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА И ОНИМИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ АРЕАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Как явствует практика этимологических изысканий, семантическая реконструкция реликтовых речных названий становится гораздо менее убедительной или даже ошибочной, если игнорируются диалектные слова родственных и неродственных контактирующих языков и сужается круг сопоставляемых онимических лексем. Большой интерес в этой связи представляют потамонимы Волго-Окско-Камского междуречья, полностью совпадающие фонетически с речными названиями Южной и Западной Сибири: *Кама*, р. в Восточной Европе, лев. приток р. Волга – *Кама*, р. в Новосиб. обл., прав. приток р. Омь; *Ока*, р. в Восточной Европе, прав. приток р. Волга – *Ока*, р. впадающая в Братское вдхр. (Бурятия, Иркутск. обл.), *Селенга*, р., приток р. Кичменьга, впадающей в р. Юг (Восточная Европа) – *Селенга*, р., впадающая в оз. Байкал (Монголия, Бурятия).

Ср. также гидронимы Восточной Европы и Западной Сибири: *Кукша*, рч., лев. приток р. Рутки (Марий Эл) – *Кукша*, рч., лев. приток р. Томи.

Ср. также гидронимы Ленинградской области и Республики Марий Эл: р. *Ронга*, приток р. Оять (Ленингр. обл.) – *Ронга*, р., прав. приток р. Малый Кундыш (Марий Эл); *Руя*, р., прав. приток р. Плюсса (Ленингр. обл.) – *Руя (Руй)*, рч., прав. приток р. Манага; *Руя (Руй)*, рч., прав. приток р. Орша (Марий Эл).

Такие речные названия имеют определенное значение для изучения этнических движений в древности и процессов перемещения отдельных этногрупп в более позднее время.

Определённый интерес в этом плане представляют этнологические сведения.

Так, В. В. Напольских в одной из работ, оперируя данными археологических исследований, отмечает, что середина II тыс. до н.э. – время «глобальных сломов культур» в лесной полосе Евразии, вызванный кроме других причин, интенсивными связями камско-волжского населения с зауральским и западносибирским, очевидно родственным, населением [Напольских, с. 54-55].

Вместе с тем следует заметить, что перемещение каких-то частей сибирского населения, в том числе и древнемарийских племен, в Восточную Европу исходили и из более южных районов Сибири, о чем свидетельствуют вышеприведенные гидронимические изоглоссы Волго-Камья и Южной Сибири.

Миграционные импульсы с Алтая эпизодически исходили, видимо, и позднее. Особый интерес в этом отношении представляет книга В. В. Радлова «Из Сибири: Страницы дневника» (Москва, 1989).

В этой связи имеет смысл привести пространный отрывок из высказываний А. Е. Богданович, не лишенный вероятия и субъективных домыслов: «Чуваши и черемисы, по-видимому, непосредственно (по Самаре и Волге) вышли с Южного Урала, куда они были вытеснены из Алтайского края, или же были ранними ватагами киммерийцев (до нашествия «кемов»), носители ямных погребений» [Богданович, с. 119].

Сами по себе предполагаемые концепции служат своего рода информацией к размышлению над проблемами этнической истории народов финно-волжской языковой общности и импульсами для выявления вкраплений чужеродных этнокомпонентов, очагов и следов иммигрантов Волго-Камья.

Судьба прамарийского этноса на территории раннего этапа его истории была тесно связанной с историей, миграциями и инфильтрациями многих племенных объединений Алтайско-Саянского нагорья и Срединной Азии.

Поэтому антропологически древние мари имеют большое сходство с родственными им аборигенами Сибири. По этому поводу В. В. Бунак пишет следующее: «Одним из типов, вошедших в весьма древнее время в состав черемисского народа, был тот тип (уральский – А.К.), который до сих пор выступает в виде следов в ряду финских народностей и существует в достаточно чистом виде среди вогулов». «Из прочих типов, - подчеркивает он, - присутствие которых можно было бы подозревать среди черемис, на первом месте стоит, так называемый, тюркский, сильно брахицефальный, гипсицефальный, очень широколицый, коренастый, сильный тип, а также близкий к тюркскому в некоторых признаках, самоедский тип» [Бунак, с. 160-161].

Дополнительной иллюстрацией к этому положению служат результаты одонтологических обследований народов уральской расы. Так, по редукции гипоконуса на вторых верхних молярах – hyr (3+3) N^3 – сближаются луговые мари (64,5), манси (67,7), селькупы (68,2) и саамы Финляндии (69,9). У горных мари этот признак равен 60,2. По бугорку Карабелли на первых верхних молярах – cara (2-5) M^1 – горные мари (35,5) сближаются с манси (35,2), а луговые мари (46,7) – с удмуртами центральными (45,5). По шестибугорковым формам первых нижних моляров – $M_1$6 луговые мари (5,5) сближаются с хантами (6,2), коми-пермяками (6,4) и селькупами (6,4). По дистальному гребню тригонида (dtc) весьма близко друг к другу стоят горные мари (13,8), луговые мари (18,2) и селькупы (16,1). Коленчатая складка метаконида (dw) у горных мари – 26,3; саамов Финляндии – 31,3; саамов Кольских – 32,7; луговых мари- 40,0; селькупов – 50,0. У остальных групп уральской популяции этот признак значительно ниже, ср., например, у удмуртов (14,8); манси (17,1); хантов (15,7) [Халдеева, с. 35-36].

Все это свидетельствует о сложных этногенетических процессах народов уральской расы.

Что же касается древнейшей истории марийского народа, то она до сих пор остается малоизученной, проблематичной, а в большинстве случаев спорной и загадочной. Рассматривая формирование древнемарийских племенных групп, историки оперируют лишь материалами археологических раскопок, не учитывая при этом ономастических данных. У финно-угроведов, несмотря на неоднократно предпринимавшиеся опыты обобщения многообразного фактического материала по уральским языкам, все же остаются вне поле зрения не только палеоазиатско-финно-угорские взаимосвязи, но и марийско-самодийские лексические отношения.

Как явствуют топонимические изоглоссы Восточной Европы и Южной Сибири, марийцы формировались на территории, находящейся между Алтайско-Саянским нагорьем и Западной Сибирью, имея тесные контакты с различными племенами охотников и рыболовов, оленеводов и скотоводов.

В пользу такого предположения свидетельствует прежде всего реликтовая гидролексема *Уньжа (Унчо)*, р., прав. пр. р. Шоры (Марий Эл), имеющая Западно-Сибирские двойники, ср., например, названия небольших рек на территории проживания селькупов: *Унжа*, р. лев. приток р. Каилка; *Квенал-унжа*, р., прав. пр. р. Пайдугина, *Пуныл-унджа*, р., лев. приток. р. Чижапка, где модифицированный русским языком слово *унжа* восходит к селькупскому *унджъ* ’ручей, речка’ [Беккер, с. 16-18].

Видный географ-топонимист М.Н. Мельхеев, объясняя историю, происхождение и смысловое значение географических названий Приенисейской Сибири, приходит к выводу, что селькупы по происхождению южно-самодийская народность, которая в первые века нашей эры из Саян ушла на северо-запад, в Западную Сибирь, и, вступая в контакт с кетоязычкыми, угроязычными народами, сблизилась с последними [Мельхеев, с. 21].

Историко-культурные взаимоотношения мари и селькупов можно подкрепить конкретными примерами без претензий на исчерпанность и полноту охвата лексического материала, восходящего к достаточно глубокой древности марийского и селькупского языков. Причем масштаб сравниваемого материала из-за отсутствия письменных памятников ограничивается словами литературных языков, имеющих схожий облик и равнозначную или близкую содержательную сторону:

марийские слова	**селькупские лексемы по словарю С.И.Ирикова** (Л., 1988)
илыш ’жизнь’	*илы* ’жизнь’
сай илыш ’хорошая жизнь’	*сома илы* ’хорошая жизнь’
кушто ила? ’где живет’	*куна ила?* ’где живет’
ме ’мы’	*ме* ’мы (включая всех, двое)’
кап ’тело’	*кэпы* ’тело’
кушеч (-ын)? ’откуда’?	*куннены?* ’откуда’?
кыралтше ’битый, избитый’	*кырый* ’раненый ’
кутко ’муравей’	*кыта* ’муравей’
сичи ’уголь’	*шӱч ’копоть, сажа’*
туты ’карась’	*тото ’линь’*

Если анализировать марийский и селькупский языки в объеме всех их диалектов, то круг лексических соответствий можно значительно расширить. Однако уже самый беглый взгляд на вышеприведенные примеры не может исключить предположения об общем их происхождении.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что становление топонимии Урало-Поволжья происходило в сложнейших переплетениях бурных исторических событий, охватывающих многие тысячелетия. Это обстоятельство, естественно, вызывает большие затруднения в объяснении происхождения географических названий.

Литература

Беккер Э. Г. О некоторых параллелях в гидронимии Европейского Севера и Западной Сибири / Э.Г.Беккер // Языки и топонимия Сибири. – Томск, 1970. – Вып. 2. – С. 16-18.

Богданович А. Е. Язык земли. Население Верхнего Поволжья, Оки и Камы. Этнолингвистический очерк по данным водо-речной номенклатуры и другим материалам / А.Е. Богданович. – Ярославль, 1966.

Бунак В. В. Антропологический очерк черемис (с 18 табл. и мног. рис.) / В.В.Бунак // Русский Анропологический Журнал. – М., 1924. 13. – Вып. 3-4. – С. 137-177. (Резюме на франц. яз., с. 174-177).

Ириков, С. И. Словарь селькупско-русский и русско-селькупский. Пособ. для уч-ся нач. шк. / С.И.Ириков.- Л., 1988.

Мельхеев М. Н. Географические названия Приенисейской Сибири / М.Н.Мельхеев // - Иркутск, 1986.

Напольских В. В. Проблема формирования финноязычного населения Прибалтики (к рассмотрению дилеммы финно-угорской предыстории) / В.В.Напольских // Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов: материалы XVII Всесоюзной финно-угорск. конф. (Ижевск, 1987). – Ижевск, 1990. – С. 40-67.

Радлов В. Из Сибири: Страницы дневника / В.Радлов. Пер. с нем. К.Д.Цивиной и Б.Е.Чистовой. Примеч. и послесл. С.И.Вайнштейна. Топонимич. редакция, схемы маршрутов экспедиций и аннотир. указатель географич. названий Г.И.Донидзе, указатель этнич. названий Е.П.Батьяновой.- М., 1989. – 749 с.: ил., карты. – (Этнограф. библ.).

Халдеева Н. И. Уральская раса по данным одонтологии / Н.И.Халдеева // Материалы к антропологии уральской расы. – Уфа, 1992.

Мударисов Р.З., г. Уфа

ОСОБЕННОСТИ РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА ГОРНОЗАВОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БАШКОРТОСТАНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

У русского горнозаводского населения, переселявшегося на Южный Урал с начала XVIII в., из различных губерний России, к середине XIX в. под воздействием природной среды, схожей производственной деятельности сложились однотипные способы хозяйства, материальной, духовной, языковой культуры. Оно представляло собой отдельную этнографическую группу. Вместе с тем, в этнографическом, фольклорном, языковом отношении русское население изучено недостаточно.

В представленной статье приводятся сведения из рукописного сочинения священника Владимира Аманацкого под названием “Миасский завод и золотые промыслы в округе Оренбургской губернии Троицкого уезда (этнографические сведения о домашнем быте мастеровых Миасского завода)”. Работа датирована 1856 годом и находится в Архиве Русского географического общества [1]. Являясь священником Миасского завода, В. Аманацкий постоянно жил среди горнозаводского населения и хорошо знал его повседневную жизнь. В своей работе он достаточно полно характеризует материальную культуру, быт мастеровых, приводит их пословицы и поговорки, загадки и отгадки, сказки и присказки, народные песни, причетки и завывания, местные приметы, поверья и обряды. В работе также большое внимание уделено “разным видам народных наречий, неправильностей в употреблении слов”, собраны образцы местных “словечек и выражений и вообще народного языка и словесности”. Материалы, представленные в сочинении В. Аманацкого, до настоящего времени, за единичным исключением, не вводились в научный оборот исследователями, занимающимися изучением русского населения[2]

Многие наблюдения автора сохраняют историческую ценность, так как к началу профессионального изучения русского горнозаводского населения многие явления традиционной культуры, включая и языковую, оказались уже утраченными.

Общие закономерности развития русского языка имели свои специфические особенности в условиях горнозаводского Урала, которые следует учитывать исследователям. Потребности крупного производства привели к созданию сети школ при горных заводах. Они стали важной частью жизни, культуры и быта жителей горных заводов. В их среде грамотность: умение читать и писать не были редким явлением. Все это способствовало широкому распространению здесь светских книг и знаний. Вместе с тем, широким основанием языковой культуры трудящихся XVIII – первой половины XIX в. служила древнерусская литература. Эта литература в широких масштабах была распространена на Урале, особенно среди старообрядцев, составлявших значительный слой жителей горных заводов.

Язык жителей Миасского завода по наблюдениям Аманацкого был “более правилен и приятен для слуха”, чем тот, на котором говорили в деревнях. Это объяснялось тем, что на заводе жило немало людей, получивших образование, у которых рабочие учились более правильному “выговору речи”. В свою очередь, они передавали этот “выговор” другим жителям завода. При всем том, в разговорном языке населения, указывал Аманацкий, довольно “уклонений от общепринятого литературного языка, много местных, особенных оттенков”, неподходящих под общие грамматические правила. По наблюдениям Аманацкого, народный язык, на котором говорят Миасские жители, условно делился на три

“наречия”: московское, сибирское и церковно-славянское. Мастеровые, общающиеся часто с чиновниками, купцами, мещанами, приказчиками старались говорить на “московском наречии”. Эти люди говорили учтиво, но в речи их наблюдалась некоторая “надутость и напыщенность”. В словах, имевших гласные звуки **а** и **е**, они изменяли эти звуки в букву **и.** Вместо часы говорили чисы, вместо человек – чиловек, вместо земля произносили зимля и прочее. Букву о почти всегда при разговоре заменяли буквой а. Например, говорили харошо вместо хорошо, багатый вместо богатый. “Один багатырь жил паживал и дабро себе наживал. В некатаром прикрасном царстве, гасударстве”. Вместо рябой, рябина говорили ребой, ребина; вместо глядит, гряда – глидит, грида и т. п. В знак учтивости в конце слов прибавляли букву с и говорили один другому не на ты, а вы. Так, например: 1-й спрашивает: “Как вас Бог милуетс”. 2-й отвечал: “Да так себес ни шаткос, ни валкос, ни ни на сторону, понемножечку, слава Богус. А ваша милость, как поживаетес” и т. д.

“Сибирское наречие” в народе употребляли больше, чем московское. Сибирская речь, указывал Аманацкий, “вообще растянута, и говорящий по сибирски ведет свою речь, как бы нараспев. Иногда наш сибиряк растягивает голос в начальных словах своей речи, сокращая его в конце или наоборот, начинает речь свою скороговоркою и длит голос на последних словах и слогах. Говорящие по сибирски “ввертывали” в речь частицы речи: ой да, ну-ка-ся, да-что-ста. например, одной женщине нужно в церкви самой поставить свечку, а между тем так тесно, что ей не говоря ни слова, кажется и пройти нельзя, вот она и идет и говорит: “нутка, матушка посторонись ка! Ой-да ты, аль не слышь-да дай же мне дорогу-то”. Вместо будет сибиряки и сибирячки миасские говорили всегда будьет, вместо ой-ли, не уже ли так? – говорят врио, т. е. не вреш ли?

Слова церковнославянские также очень часто употреблялись в разговорной речи, особенно, теми мастеровыми, которые ничего не читали, кроме “Четьи Миней” и “Псалтыри”. Особенно, это было характерно для раскольников (старообрядцев), которых миасские православные называли “Киржаками”. Слово “Киржак” по мнению Аманацкого, произошло от древнего слова Крыж (крест), которое впоследствии изменилось на кирж, а от этого слова стали называть киржаками тех людей, которые спорят с православными из-за креста. Киржаки говорили между собой на смешанном славяно-сибирском языке. Киржака было трудно разговорить, а передать его речь на бумаге с “буквальной точностью, почти невозможно”. Вот краткий образец такого разговора: “1-й. Господи Иисусе Христе, Сыне Божий помилуй ны. Дома ли соседушка? 2-й. Аминь. Поди добро жаловать. – Кат тя Бог спасает. 1-й. Добре, добре! Ну здорово кум: что творишь? 2-й. Да что ти сказать-то, право ну: не вем Сиречь - топеричи - я ничего не творил, а смекал грести. 1-й далече ли? 2-й. не далече-вс за пруд ну сторону по Димит сыну! 2-й. Добре добре!”.

Собственные имена мастеровые часто искажали так, что трудно было догадаться, какое имя они говорят. Так, Аманацкий при крещении дал младенцу имя Аверкий... Через месяц мать младенца пришла уточнить его имя. На вопрос священника, как она сама звала сына, последняя отвечала – “мы называем его не по книжному... Коверкалой-батюшка. Другая мать звала своего 18-летнего сына Культюмкой, хотя это был Кинтилиан.

Ангел, Иисус, Серафим, Хирувим, Хоругвь – изменили в Ангил, Исус, Сирахим, Хируим, Харугвия. Петра почти всегда называли Петрываном. Вместо крест, говорили хрест, вместо крестовый – хрестовый. Слова моего, твоего, своего произносили: маво, тваво, сваво. Творительный и радительный падежи множественного числа, большая часть жителей заменяла дательным. Вместо ногами, говорили ногам, вместо рук – рукам. Например, один в сердцах кричал, “что у ти, аль ногам то нет”. Или: “не уж-ти лень взять рукам то”. В смежных словах предлог пре изменяли в при. Например, вместо прекрасный, предобрый говорили прикрасный, придобрый. Вместо идти говорили иттить. Вместо ошибается, уважает, почитает говорили ошибитца, уважат, почитат. Причастий в разговоре почти совсем не употребляли. Деепричастия употребляли неправильно. Например, вместо поевши, напившись, выспавшись всегда говорили поемши, напимшись, выспамшись. Наречия

неужели, никогда, когда, теперь произносились не уж, или не, уж ли, никогоды или никагда, кагда и когды, типерь и таперь.

Таким образом, представленный материал показывает исключительную перспективность дальнейшего изучения истории, этнографии, культуры, языка русского горнозаводского населения, для более широкого и глубокого понимания истории русского народа в целом.

Литература

1. Архив русского географического общества Р. 26. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–138

2. Мударисов Р.З. Домашнее хозяйство горнозаводского населения Южного Урала в первой половине XIX века //Домашнее хозяйство в прошлом и настоящем. Материалы международной научно-практической конференции. М.:Финансовый университет. 2013.–С.93-101., Мударисов Р. З. Материальная культура и быт русского горнозаводского населения в рукописном сочинении Владимира Аманацкого // Этносы и культуры на стыке Азии и Европы. Уфа, 2000. С. 368–379.

Наджафова Р.В., г. Горно-Алтайск

ПРОДУКТИВНЫЕ И НЕПРОДУКТИВНЫЕ АФФИКСЫ В ОБРАЗОВАНИИ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Как средства словообразования, так и формообразовательные средства, характеризуются критерием продуктивности и непродуктивности, то есть тех или иных аффиксов активно производить новые слова и формы или, наоборот, неспособности их к этому. В соответствии с этим в данной работе устанавливаются два главных типа аффиксов: продуктивный и непродуктивный.

Продуктивные аффиксы активно участвуют в живом процессе словотворчества, беспрерывно пополняя словарь новыми словами и формами, образованными от многочисленных и разнообразных основ. В составе фитонимической лексики алтайского языка можно выделить следующие наиболее продуктивные аффиксы:

1. Аффикс *=ган* с его фонетическими вариантами *=ген, =кан//=кен, =кын//=кин.* С помощью этих аффиксов от основ глаголов и существительных, образуются имена существительные, обозначающие названия фитонимов, например: *балтыр=ган* «борщевик рассеченный, пучка», *сыл=ган* «хвощ болотный», *казыл=ган* «смородина темнопурпуровая», *кеер=ген* «клопогон вонючий», *кый=ган* «осока», *кӧбӱр=ген* «лук скорода», *мадыш=кан* «обманчивоплодник изящный», *сӧҥӱс=кен* «таволга средняя», *кабыш=кын* «хвощ болотный» мешок’, *јыш=кын* «ревень алтайский», *кадыш=кын* «солодка уральская» и т.д.

2. Аффикс *=зын, =сын* также служит для образования имен существительных от основ существительных и прилагательных. С помощью этих аффиксов также образуются названия фитонимов, например: *балу=зын* «багульник болотный», *сарап=сын* «ревень алтайский», *кӧгӧ=зин* «бодяк съедобный», *кулу=зын* «чий блестящий», *јылу=зын* «мирикария прицветниковая» и т.п.

3. Аффикс *=а, =е, =о, =ӧ* также служит для образования имен существительных от основ существительных и прилагательных. С помощью этих аффиксов также образуются названия фитонимов, например: *бел=е* «рябина», *табан=а* «кубышка малая», *кӧг=ӧ* «камыш озерный», *чын=а* «чина клубневая» и т.п.

4. Аффикс *=к* с его фонетическими вариантами *=ак, =ек, =ык, =ик, =ок.* По мнению Н. А. Баскакова [1965], Т. М. Гарипова [1959] и др., аффиксы *=ак, =ек, =ык, =ик, =к* представляют собой самостоятельные аффиксы, которые произошли от аффиксов *=гак/=как*. Эти аффиксы, как правило, присоединяются к глагольным основам и образуют названия фитонимов: *чеч=ек* «цветок» (от основы глагола *чеч=* «развязывать, растегивать» + афф. *=ек*), *акса=к* «орляк обыкновенный» (от основы глагола *акса=* «хромать» + афф. *=к*), *тер=ек* «тополь» (от основы глагола *тер=* «собирать» + афф. *=ек*), *аскыр=ак* «чемерица Лобеля, кукольник» (от основы глагола *аскыр=* «чихать» + афф. *=ак*), *тарсылда=ак* «мальва, просвирник низкий» (от основы глагола *тарсылда* = «трещать, щелкать, издавать стук, грохот» + афф.=*ак*) и т.п.

Мы проанализировали продуктивные аффиксы имен существительных в составе фитонимической лексики алтайского языка. Некоторые аффиксы, продуктивные в алтайском языке в общем плане, в составе фитонимической лексики оказались непродуктивными. Так, например, продуктивный аффикс *=аш//=еш, =уш//=ӱш,* которые образуют имена существительные от основ существительных и прилагательных с уменьшительно-ласкательным значением представлен только в одном слове: *чанкыр=аш* «синюха голубая» (от основы прилагательного *чанкыр=* «голубой» + афф. *=аш*).

Непродуктивные аффиксы – это аффиксы, которые встречаются в очень немногих словах, иногда даже в единичных случаях, и с помощью которых уже не образуются новые слова. В составе фитонимической лексики алтайского языка к непродуктивным аффиксам относятся такие аффиксы, как:

1. *=гак//=гек* с различными фонетическими вариантами, например, *сыр=гак* «чемерица Лобеля, кукольник», *тӱр=гек* «змееголовник Руйша». С помощью этих аффиксов от основы глаголов образовались имена существительные.

2. Продуктивный аффикс *=гай//=кай* в составе фитонимической лексики алтайского языка оказался непродуктивным. Анализ языкового материала показывает, что аффиксы *=гай//=кай* образуют имена существительные, например, *сар=гай* «лилия кудреватая, саранка», *кара=гай* «сосна обыкновенная», *јылтыр=кай баргаа* «полынь шелковистая».

3. Несколько имен существительных в составе фитонимической лексики образовано с помощью аффикса *=ат//=ет*, например, *булан=ат* «хамерион, иван-чай узколистный», *кайын=ат* «костяника каменистая» и др.

Еще менее продуктивны в алтайском языке аффиксы *=мыш*, которые широко употребляются в огузских языках (представляет показатель причастия прошедшего времени), например, *тар=мыш~ултар=мыш* «осока»; аффикс *=чы//=чи*, например, *чымыл=чы* «льнянка обыкновенная», аффикс *лык//=лик*, например, *јер=лик согоно* «лук алтайский».

Об этимологии аффикса *=лык//=лик* имеется несколько точек зрения. Например, Н. А. Баскаков возводит к самостоятельному слову: тюркский *luk – lik,* возможно, связан с самостоятельным словом *lik*, встречающимся в новоуйгурском и в других языках в значении «обильный, полный».

Мы рассмотрели продуктивные и непродуктивные аффиксы имен существительных в составе фитонимической лексики алтайского языка, в основном это аффиксы, при помощи которых от глаголов образуются имена существительные, и несколько имен прилагательных, образованных от имен существительных, и глаголов из числа слов фитонимической лексики.

Литература

1. Ачимова А. А. Алтайско-русский словарь животного и растительного мира Горного-Алтая. – Новосибирск, 2007.
2. Араева Л. А. Словообразовательный тип. - М.: Либроком, 2009.
3. Гарипов Т.М. Башкирское именное словообразование. – Уфа, 1959.-С. 173-197.
4. Ерленбаева Н.В. Бытовая лексика алтайского языка. – Горно-Алтайск, 2008.
5. Лингвистический энциклопедический словарь. Под ред. Ярцевой В.Н. – М., 1990.
6. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. – М.: Либроком, 2011
7. Морфемный словарь алтайского языка (под ред. Тыбыковой Л.Н.) – Горно-Алтайск, 2005.

Понарядов В.В., г. Сыктывкар

О ДИАЛЕКТНОМ ЧЛЕНЕНИИ ТЮРКСКОГО ПРАЯЗЫКА

Тюркская языковая общность конвенциально делится на несколько подгрупп – кыпчакскую, огузскую, карлукскую и др. – каждая из которых предположительно происходит из своего собственного промежуточного праязыка, более близкого к нам по времени, чем общий пратюркский. В связи с этим можно предполагать, что комплекс языковых признаков, объединяющих, например, все современные кыпчакские языки, которые в то же время отделяют их от всех других тюркских языков, сформировался в пракыпчакском языке в период, когда он в процессе распада пратюркской общности уже отделился от праязыков

других подгрупп (праогузского, пракарлукского и т.д.), но еще не разделился на отдельные кыпчакские языки.

Впрочем, понятно, что такое описание процесса дивергенции тюркских языков является несколько упрощенным по сравнению с исторической реальностью. Мы знаем, что современные тюркские языки, как правило, не монолитны: внутри них наличествует диалектное членение. Несомненно, диалектная неоднородность была характерна и для более ранних стадий языкового развития. Диалекты, вероятно, существовали и в праязыках – как более близких к нам по времени пракыпчакском или праогузском, так и в более древнем общем тюркском праязыке. Это значит, что какие-то наблюдающиеся в современных языках необщетюркские явления могли на самом деле сформироваться не в праязыках отдельных подгрупп, а еще в пратюркском, где они, однако, не охватывали весь языковый ареал, а были диалектно ограниченными.

В 2009 г. на проходившей в Москве алтаистической конференции я попытался показать, что еще до отпадения от пратюркской общности чувашского языка (который, как признается всеми тюркологами, выделился из нее первым) внутри тюркского праязыка уже существовали две диалектные зоны – восточная и западная, различавшиеся, в частности, реконструируемыми для них праформами глаголов **olur-/*oltur-/*otur-* ‘сидеть’ и **ölür-/*öldür-/*öltür-/*ödür-* ‘убивать’ [Понарядов 2009]. Из пратюркской восточной диалектной зоны, где употреблялись формы **olur-* и **ölür-*, происходят древнетюркский, якутский (с долганским), тувинский (с тофаларским), сарыг-югурский и (неожиданно!) чувашский языки; из западной диалектной зоны с формами **oltur-/*otur-* и **öldür-/*öltür-/*ödür-* – огузские, кыпчакские, карлукские и хакасские. Можно показать, что то же разделение на восточную и западную пратюркские диалектные зоны является актуальным и для некоторых других общетюркских слов, например: **ït* (на востоке) ~ **it* (на западе) ‘собака’; **tïl* (на востоке) ~ **til* (на западе) ‘язык’; **tūl* (на востоке) ~ **tūš* (на западе) ‘сновидение’; **ïgač* (на востоке) ~ **agač* (на западе) ‘дерево’.

Однако более тщательное рассмотрение древних изоглосс, связывающих разные тюркские подгруппы, позволяет не только выделить эти две диалектные зоны в составе тюркского праязыка, но и установить внутри него более дробное диалектное членение. С некоторой долей условности можно предложить модель, в которой каждая из современных тюркских подгрупп (типа кыпчакской или огузской) продолжает не только особый промежуточный праязык, существовавший какое-то время после распада пратюркской общности, но и особый диалект в составе пратюркского языкового континуума. В таком случае, предполагая, что пратюркская общность была достаточно компактной и в первом приближении может быть нарисована в форме условного круга или эллипса, можно поставить задачу разделить ее на соответствующие древним диалектам сектора таким образом, чтобы объединяющие разные диалекты (и впоследствии – развившиеся из них тюркские подгруппы) изоглоссы охватывали непрерывные области.

Представляется, что наилучшим решением будет конфигурация, изображенная на рис. 1.

Рис. 1. Схема диалектного членения тюркского праязыка.

На рис. 2 а выделена восточная зона, объединяющая диалекты, для которых характерны формы **olur-* ‘сидеть’, **ölür-* ‘убивать’, **ït* ‘собака’, **tïl* ‘язык’, **tūl* ‘сновидение’, **ïgač* ‘дерево’. Как видим, она непрерывна, так же как и противостоящая ей западная диалектная зона.

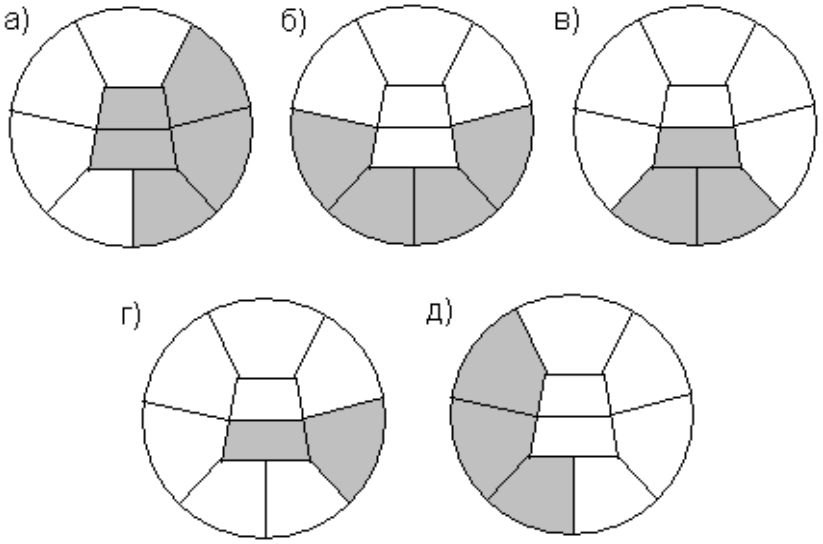


Рис. 2. Ареальное распространение пратюркских диалектных изоглосс: а) *olur-; б) отпадение конечного *-g; в) генитив на *-ïŋ; г) условное наклонение на *-sar; д) 1 л. мн. ч. *-k.

Другой важной изоглоссой является отпадение конечного **-g* в многосложных словах типа **sarïg* ‘желтый’, **tīrig* ‘живой’, наблюдающееся в огузских, кыпчакских, якутском и чувашском языках. В рамках предлагаемой схемы пратюркского диалектного членения область, охватываемая этой изоглоссой, тоже оказывается непрерывной (рис. 2 б).

Еще одним примером может быть распространение алломорфа родительного падежа **-ïŋ*, встречающегося только в огузских, чувашском и древнетюркском (рис. 2 в).

Только в древнетюркском и якутском обнаружаются суффиксы условного наклонения, восходящие к праформа **-sar* (рис. 2 г).

Только в огузской, кыпчакской и карлукской зонах глагольного претерита и условного наклонения употребляется показатель 1 л. мн. ч. **-k*, а не **-mïz*, как во всех остальных языках (рис. 2 д).

Количество подобных примеров можно без труда умножить. Они свидетельствуют, что диалектная дробность тюркского праязыка – реальность, от которой остались многочисленные следы в его современных потомках, многие явления в которых напрямую восходят к вариативности, существовавшей еще в пратюркскую эпоху.

Литература

Понарядов В.В. К проблеме генетической позиции древнетюркского языка // Сравнительно-историческое языкознание. Алтаистика. Тюркология: Материалы конференции. М.: Тезаурус, 2009. С. 185-187.

Псянчин Ю. В., г.Уфа

МОНОГРАФИЯ Н.Х. МАКСЮТОВОЙ «ВОСТОЧНЫЙ ДИАЛЕКТ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА)» (М., 1976): СТАТУС И ЗНАЧЕНИЕ (К 40-ЛЕТИЮ ИЗДАНИЯ)

Нынешний 2016 год, несомненно, является юбилейным для башкирской диалектологии и всего кыпчаковедения. Во-первых, этот год - год 40-летия выхода в свет монографии выдающегося башкирского языковеда, видного специалиста в области башкирской и тюркской диалектологии, доктора филологических наук, профессора, заведующего Отделом

диалектологии и топонимики Ордена «Знак Почета» Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР (ныне – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт истории,языка и литературы Уфимского научного центра РАН») в 1982-1987 гг., заслуженного деятеля науки Башкирской АССР, главного научного сотрудника в 1988-2000 гг. **Нажибы Хаерзамановны Максютовой** (1932-2004) «Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении)» [Максютова(б)]. Во-вторых, в 2016 году исполнилось двадцать лет со дня издания другой ее монографии — «Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении» (Уфа, 1996) [Максютова (г)]. В-третьих, в 1996 году была напечатана монография У.Ф.Надергулова (1937-1997) «Иргизо-камеликские башкиры» [Надергулов (а)], выходу которой в свет тоже исполняется двадцать лет! Основу данной монографии составила кандидатская диссертация автора на тему «Язык башкир Саратовской и Куйбышевской областей» [Надергулов (б)]. Заметим, что У.Ф.Надергулов являлся учеником Н.Х.Максютовой, и его диссертация была подготовлена в стенах Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР. Далее. Десять лет назад, в 2006 году издательство «Гилем» Академии наук Республики Башкортостан опубликовало монографию старшего научного сотрудника отдела языкознания ИИЯЛ УНЦ РАН М.И.Дильмухаметова (1940-2009) «Говор среднеуральских башкир» [Дильмухаметов (б)], также ученика Н.Х.Максютовой. Его монография тоже была подготовлена к печати на основе его одноименной кандидатской диссертации [Дильмухаметов (а)]. Значит, 2016 год тоже является юбилейным для этой важной по своему статусу монографии, поскольку она была посвящена описанию говора башкир Свердловской области, функционирующего в условиях иноязычного окружения.

2016 год знаменателен еще и тем, что ровно двадцать пять лет назад, в 1991 году изданием пособия для учителей Р.Г. Азнагулова (1941-2015) «Методика преподавания башкирского языка в диалектных условиях» [Аҙнағолов (а)] было положено начало новому направлению в лингводидактике башкирского языка. Говоря по-другому, именно будущим доктором педагогических наук Р.Г. Азнагуловым была разработана методика преподавания башкирского языка в условиях диалекта. Получается, что данному направлению лингводидактики – ровно четверть века! Через пятнадцать лет, т.е в 2006 году, тем же Р.Г. Азнагуловым уже в качестве доктора педагогических наук было издано учебное пособие для учителей «Методика обучения башкирскому языку в условиях местного говора» [Аҙнағолов (б)]. Сегодня у этого учебного пособия тоже юбилей – прошло десять лет со дня его выхода из печати! Добавим только, что оба учебных пособия Р.Г. Азнагулова оказались востребованными со стороны учителей родного языка и литературы, особенно теми, кто трудится в условиях западного диалекта башкирского языка.

13 февраля 2016 года исполнилось 75 лет со дня рождения известного башкирского и российского языковеда-тюрколога, диалектолога и педагога, кандидата филологических наук, доктора педагогических наук, профессора Рафаила Гайнетдиновича Азнагулова [Зайнуллин]. Эта важная юбилейная дата была отмечена проведением 18 марта 2016 года Всероссийской научно-методической конференции «Современный образовательный процесс и вопросы преподавания башкирского языка и литературы» [Современный образовательный процесс …] в ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет».

В 2008 году был составлен и издан библиографический указатель основных научных трудов Н. Х. Максютовой [Псянчин(а)]. Благодаря ему нам удалось определить направления и проблемы, над которыми в течение пятидесяти лет успешно работала Н.Х. Максютова.

Действительно, профессор Н.Х. Максютова обладала широким научным кругозором, что, несомненно, отразилось и на тематике ее изысканий [Псянчин (б); Псянчин (в)] в области башкирской диалектологии и всего кыпчаковедения.

Но самой главной работой Н.Х. Максютовой является ее капитальный труд – монография «Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении)», изданная еще в 1976 году в Москве, в издательстве «Наука» и обладающая статусом классического образца подобного типа исследований [Максютова (б)]. В качестве

ее редактора выступил известный советский и российский языковед-тюрколог К.М.Мусаев. Сама монография была напечатана тиражом в 1100 экземпляров.

В монографии представлены все пять (5) говоров данного диалекта: айский [Максютова (б),с.22-78], аргаяшский [Максютова (б), с.79-171], сальютский [Максютова (б),с.172-213], миасский [Максютова (б), с.214-248], кызылский [Максютова (б),с.249-289]. В данной монографии Н.Х. Максютовой Восточный диалект охарактеризован в синхронном и диахронном аспектах. Здесь каждому говору посвящена отдельная глава, где подробно излагаются фонетические, морфологические, лексические их особенности в сравнении с данными южного диалекта башкирского языка. В качестве дополнительного сравнительного материала привлекаются примеры из других родственных и даже неродственных языков. Все это способствует установлению границ выделенных пяти говоров, которые иногда совпадают с бывшей исторической племенной границей (например, сальютский, айский говоры), но в большинстве случаев совпадений не наблюдается (например, аргаяшский, миасский, кызылский говоры) [Максютова (б),с.15].

Начнем с вопроса о совпадении/несовпадении границ говоров Восточного диалекта с так называемой «бывшей племенной границей». По наблюдениям самой Н.Х.Максютовой получается, что это совпадение имеет место только на примере двух говоров – сальютского (от названия башкирского племени *сальзигут* (башҡ. *салйоғот, салйот*) – прим.Ю.П.) и айского (тоже от названия башкирского племени *айли* (башҡ. *әйл*е)- прим. Ю.П.). В основе этого лежит принцип, именуемый в отечественной диалектологии «родо-племенным». Н.Х. Максютова, удачно применив названный принцип, добилась системности, что способствовало усилению четкости в изложении мыслей и в представлении фактов, последовательности в описании фонетических, лексических и морфологических особенностей [Псянчин (г), с.212-218; Псянчин, Султанова, с.190-193] айского и сальютского говоров.

Если судить по представленным в монографии говорам, то складывается впечатление, что Н.Х. Максютова является активной сторонницей применения «бассейнового» принципа. Но на самом деле это не соответствует действительности! Да, кызылский [Максютова (б), с.249-289] и миасский [Максютова (б), с.214-248] говоры обследованы на основе «бассейнового» принципа. Но описание аргаяшского говора [Максютова (б), с.79-171] является образцом перехода к «родо-племенному» принципу. На сегодняшний день айский говор, как и сорок лет тому назад, распространен в северо-восточной части Башкортостана по бассейнам рек Ай, Юрюзань, Ик. Это – нынешние территории Мечетлинского, Дуванского, Салаватского, Белокатайского и Кигинского районов Республики Башкортостан, а также часть Кусинского района Челябинской области с деревней Петрушкино [Максютова (б), с.22]. В этом регионе издревле функционировали такие родоплеменные группы башкир, как *айли, тюбелес, тырнаклы, мырзалар, дуван, кошсо* и *сарт* [Максютова (б), с.22]. Получается, что территория айского говора в сугубо историческом плане считается средой обитания многих племен. Сама Н.Х. Максютова в данной ситуации считала себя сторонницей «бассейнового» принципа, еще в 1964 году заявив буквально следующее: *«…данная работа посвящена исследованию одного из неизученных говоров башкирского языка, занимающего сравнительно большую территорию в Зауралье по бассейнам рек Ай, Юрюзань, Ик…»* [Максютова (а), с.3]. Конечно, у «бассейнового» принципа наряду с таким преимуществом, как широкий охват диалектного материала, есть и, к сожалению, серьезный недостаток: это - отсутствие должной системности в научной интерпретации собранного материала. Особенно это ярко проявилось в объяснении явлений исторического характера. Мы же, наоборот, считаем, что Н.Х. Максютова в описании айского говора придерживалась «родо-племенного» принципа. Причины этого были объяснены нами ранее.

Первая глава ее монографии «Айский говор» [Максютова (б), с.22-78] еще в 1964 году на заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР (г.Москва) была защищена в виде кандидатской диссертации на тему: «Говор айских башкир» [Максютова (а)]. В

качестве научных руководителей выступили доктора филологических наук К.З.Ахмеров (1900-1969) и Е.И.Убрятова (1907-1990).

Уникальность восточного диалекта подтверждается сохранением ряда древнейших фонетических явлений: например, наличием в диалекте реликтовых звукосочетаний типа *нт, лт, мт, нк, нг*, зафиксированных в орхоно-енисейских надписях [Исламов, Азнагулов, с.106].

В области фонетики восточный диалект характеризуется наличием начальных звуков *т, д, ҙ* в аффиксальных морфемах: *баш=тык* «начальник», *ас=тык* «голод», *азат=тык* «свобода», *дан=дык* «доблесть», *йел=де* «ветреный», *йәй=ҙәү* «летовка», *бай=ҙык* «достаток» [Исламов, Азнагулов, с.106], начальный звук аффикса множественного числа и словообразования глаголов также подчиняется закону ассимиляции согласных, ставшему нормой для литературного языка: *ат=тар* «кони», *кыр=ҙар* «поля», *үҙән=дәр* «луга» [Исламов, Азнагулов, с.106] и т.д. Эти факты еще раз свидетельствуют о сходстве фонетики восточного диалекта башкирского языка с такими тюркскими языками, как казахский (*аш=тык* «голод, неурожай»), азербайджанским (*азат=дых* «свобода»), уйгурским (*кыз=зар* «девушки»), тувинским (*кас =тар* «гуси»), а также с алтайским и шорским [Исламов, Азнагулов, с.107].

Спецификой фонетики говоров Восточного диалекта следует считать употребление звуков *h* и *ҙ*. Например, сальютский говор характеризуется гортанным спирантом *h*, произносимым вместо *ҙ, ҫ* и лишь спорадически – вместо *ш*: например, *кыh* «девушка» - лит. *кыҙ*; *коhкон* «ворон» - лит. *коҙғон*; *алаhыh* «берете» - лит. *алаhығыҙ*; *кыhка* «короткий» - лит. *кыҫка*; *кыhым* «тесно» - лит. *кыҫым; аhау* «есть» - лит. *ашау* [Исламов, Азнагулов, с.107] и т.д. Для айского говора характерны анлаутное *h,* инлаутное *ҫ:* например, *hирәк* «редко», *hемәйгән* «обманутый», *акҫак* «хромой», лит. *акҫак* «хромой» - лит. *акhак, тукҫан* «девяносто» - лит. *тукhан* [Исламов, Азнагулов, с.107]. В аргаяшском говоре наиболее активным звуком является *ҫ*, употребляющийся во всех позициях вместо *ҙ*: *кыҫ* «девушка» - лит. *кыҙ, алағыҫ* «берете» - лит. *алаhығыҙ* [Исламов, Азнагулов, с.107].

Таким образом, соответствие звуков *ҫ* и *ҙ* в аргаяшском говоре вызывает комбинаторные изменения: *беҫтең* «наш» - лит. *беҙҙең, куҫкалак* «щавель» - лит. «*кузғалак*».

Автору Н.Х. Максютовой удалось установить неоднотипность физиологического качества спиранта *h* в башкирских говорах [Исламов, Азнагулов, с.107]. Так, например, в сальютском говоре Восточного диалекта этот звук квалифицируется как переднегортанный, мягкий спирант. В других говорах спирант также не является глубокогортанным, о чем свидетельствуют материалы, приведенные ученым по каждому говору восточного диалекта.

Также следует считать особо ценным положение Н.Х. Максютовой о разном происхождении гортанного спиранта *h*, обусловившем его особенности в различных говорах [Исламов, Азнагулов, с.107]. По ее наблюдениям получается, что для ранних тюркоязычных племен на территории нынешнего Башкортостана звук *h* является иранским субстратом, а в сальютском говоре *h* генетически восходит к тунгусскому языку.

Остановимся только на одной морфологической особенности восточного диалекта: форма повелительного наклонения представлена посредством аффиксов *=ың (=ең), =оң (=өң), =ң (ал=ың* «берите», *кит=ең* «идите», *баш=лаң* «начинайте»*)* и др. [Исламов, Азнагулов, с.107]. Данная форма повелительного наклонения является типичной для многих тюркских языков, поскольку считается древнейшей формой повеления: например, ее можно сравнить с азерб., гаг. формой *алын*; турк., бараб. *алың*, якутск. *ылың* «возьмите»; уйгур. *келиң*, узб. *кел-инг* «приходите».

Таким образом, автору удалось доказать, что восточный диалект является древнейшим ядром башкирского языка.

В монографии также представлена и описана богатейшая лексика всего восточного диалекта. Ограничимся только представлением диалектизмов аргаяшского говора: *йанаша кейәү, кабат егет* «шафер, дружка», *йелде, кейәү аты* «конь, дареный зятю», *йеңгәләр аксаhы* «деньги, предназначенные для раздачи снохам», *кыҫ буҙаhы* «буза невесты», *туй* «скот, привезенный женихом» — всего 17 терминов [Максютова 1976а, 160]. Они относятся

к сфере свадебного обряда. Отсюда можно сделать вывод о том, что богато и разнообразно представленные здесь в тематическом плане диалектизмы могут стать объектом для изысканий в области отраслевой лексикологии башкирского языка.

В качестве текста со всеми диалектными особенностями включена часть свадебного обряда, именуемая как «Ҡыҙ күсереү («Переезд невесты»)» [Максютова 1976а, с.168-169]. Следует заметить, что по остальным четырем говорам (айский [Максютова 1976(а), с.75-78], сальютский [Максютова 1976(а), с.212-213], миасский [Максютова 1976(а), с.247-248], кызылский [Максютова 1976(а), с.288-289]) восточного диалекта в качестве текстов также предложены описания различных этапов свадебного обряда.

Монография Н.Х. Максютовой «Восточный диалект башкирского языка (в сравнительно-историческом освещении)» явилась основой ее докторской диссертации. В 1980 году в г. Баку, в Институте языкознания им. Насими АН АзССР Н. Х. Максютова успешно защитила докторскую диссертацию на тему: «Формирование и современное состояние говоров восточного диалекта башкирского языка (сравнительное исследование)» [Максютова (в)]. В качестве ее оппонентов выступили известные в тюркском мире языковеды Т.М.Гарипов, А.Г.Велиев и В.Л.Гукасян. В 1981 году она уже утвердилась в ученой степени доктора филологических наук.

Полагаем, что в связи с сороколетием выхода в свет монографии Н.Х.Максютовой «Восточный диалект башкирского языка» настало время для постановки вопроса о ее переиздании с научными комментариями, поскольку за четыре прошедших десятилетия она успела превратиться в библиографическую редкость.

Литература

Аҙнағолов Р.Ғ.(а) Диалект шарттарында башҡорт телен уҡытыу методикаһы: уҡытыусылар өсөн ҡулланма. – Өфө: Башҡ. кит. нәшр., 1991. – 144 б.

Аҙнағолов Р.Ғ.(б) Ерле һөйләш шарттарында башҡорт теленә өйрәтеү методикаһы: Уҡытыусылар өсөн ҡулланма. – Өфө: Китап, 2006. – 152 б.

Дильмухаметов М.И.(а) Говор среднеуральских башкир: Автореф. дисс. …канд. филол. наук (10.02.02) . – Уфа, 1980. – 24 с.

Дильмухаметов М.И.(б) Говор среднеуральских башкир. – Уфа: Гилем, 2006. – 191 с.

Зайнуллин М.В. Азнагулов Рафаил Гайнитдинович // Башкирская энциклопедия. В 7 т. /Гл. ред. М.А.Ильгамов. Т.1: А-Б. – Уфа: Башк.энцикл., 2005. – С.75.

Исламов М.И., Азнагулов Р.Г. Н.Х.Максютова. Восточный диалект башкирского языка (рецензия) // Советская тюркология. – 1977. - № 1. – С.106-109.

Максютова Н.Х.(а) Говор айских башкир: Автореф. дисс. …канд. филол. наук. – М., 1964. – 24 с.

Максютова Н.Х.(б) Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. – М.: Наука, 1976. – 292 с.

Максютова Н.Х. (в) Формирование и современное состояние говоров восточного диалекта башкирского языка (сравнительное исследование): Автореф. дисс. … д. филол. наук (10.02.06). — Баку, 1980. — 34 с.

Максютова Н.Х.(г) Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. – Уфа: Китап, 1996. – 288 с.

Надергулов У.Ф.(а) Язык башкир Саратовской и Куйбышевской областей: Автореф. дисс. … к.филол.н. (10.02.02). – Уфа, 1981. – 24 с.

Надергулов У.Ф.(б) Иргизо-камеликские башкиры. – Уфа: Китап, 1996. – 128 с.

Псянчин Ю.В.(а) Список основных научных трудов Н.Х. Максютовой // Труды ИИЯЛ УНЦ РАН / Сост. Р.А. Сулейманова. Вып. II. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2008. – С. 116-124.

Псянчин Ю.В. (б)Ученый, педагог и общественный деятель (К 80-летию со дня рождения Н.Х. Максютовой) // Ватандаш. - 2012. — № 11. — С. 103 -118.

Псянчин Ю.В.(в) Нажиба Хаерзамановна Максютова//Российская тюркология. – Москва-Казань, 2013. – № 2 (9). - С.116 – 119.

Псянчин Ю.В.(г) Ф.Г.Хисамитдинова – видный российский и башкирский диалектолог-новатор (к 65-летию со дня рождения) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Матер. XV Всеросс. научн. конф. (Уфа, 20 ноября 2015 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. – С. 212-218.

Псянчин Ю.В., Султанова Г.И. С.Ф. Миржанова – востоковед-новатор (о достижениях ученого в области отечественного кыпчаковедения) // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посв. 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда А.-З.Валиди Тогана. Кн.2. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. – С. 190-193.

Современный образовательный процесс и вопросы преподавания башкирского языка и литературы: Матер. Всеросс.научн.-метод. конф., посв. 75-летию со дня рождения д.пед.н., проф. Р.Г.Азнагулова / Отв. ред. Р.Я.Хуснутдинова, Р.Б.Ахмадиев. – Уфа: Изд-во БашГУ, 2016. – 545 с.

Суфьянова Н.Ф. Максютова Нажиба Хаерзамановна // Башкирская энциклопедия. В 7 т. Т.4. Л-О / Гл.ред. М.А.Ильгамов. – Уфа: Башк. энцикл., 2008. – С.96.

Рамазанова Д.Б., г. Казань

СЕМАНТИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТАТАРО–МОНГОЛЬСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ В ТАТАРСКИХ ГОВОРАХ

Проблема общности тюркских и монгольских языков на лексическом уровне затронута такими известными учеными-языковедами, как Б.Я. Владимирцов, Н.Н.Поппе, Г.Рамстедт, А.В.Дыбо, Ж.К.Туймебаев и др. Высказаны различные мнения, основными из которых являются: 1) общность между тюркскими и монгольскими языками является результатом многолетних исторических контактов между ними; 2) общность между этими языками связана с генетическим родством, восходящим к праалтайский период, когда группы тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языков переживали общую историю развития; 3) общие слова между монгольскими и в нашем случае с татарскими языками могли появиться в различное время истории их контактирования и др. При установлении монголизмов татарского языка необходимо учесть время их возникновения, фонетические, структурные и функциональные особенности имеющиеся этимологические разработки и др. (Ж.Г.Киекбаев, А.Х.Нуриева, Э.Ф.Ишбердин, Б.А.Серебренников, С.С.Харькова, Ж.К.Туймебаев и др.). В исследованиях подчеркивается, что общая с монгольским языком лексика тюркских языков делятся на 2 группы: монголизмы, относящиеся к древнемонгольскому периоду и монголизмы, проникшие в средние века. Однако границы такого разделения несколько расплывчаты, принципы периодизации до сих пор продолжают оставаться недостаточно разработанными, отсутствует этимологический словарь монгольского языка. Поэтому мнение А.В.Дыбо о том, что «разработка монгольской этимологии к настоящему времени находится в начальной стадии» (1996: 216) высказано вполне справедливо.

Исходя из этого, при изучении лексики татарского языка, общей с монгольской, вопросы генетической оценки рассматриваемой категории слов откладывается на будущее и нами выбран термин татаро-монгольские параллели.

В данной статье ставится цель рассмотреть некоторые татаро-монгольские параллели, бытующие в говорах татарского языка.

Материалы показали, что ряд общих с монгольским языком слов в татарских говорах, кроме основных значений, имеют и семантические оттенки этнографического характера, занимают значительное место в лексико-семантической группе, связанной с духовной культурой татарского народа.

Особый интерес представляют слова, корневые формы которых бытуют в монгольском языке, а в татарском языке сохранились как второй компонент парных или сложных слов.

Одним из таких лексических элементов является слово *том: им-том* – 1) заговоры, заклинания; 2) разг. лекарство, *им-том итү* – 1) заговаривать, ворожить; 2) разг. лечить; *им-томчылык* – знахарство [ТРС, 1988, 107]. В монгольском известно самостоятельное слово dom, т.е. сохранилась корневая форма – знахарские средства, в соседнем алтайском *том* – лекарство [Рассадин, 1980, 30].

В говорах сибирско-татарских диалектов известен дериват данного слова *томар* – амулет, талисман. Например: *Томарны пеләм, тоғалық, тәненә элеп қуйаты* – Я знаю амулет, молитвенник такой, вешают на тело (тюменский говор). *Томар кәсер алып килеп сатып йатырлар.* – Амулеты теперь привозят и продают (тарский говор). *Томардый нәрсәләр булса, баш астына йастығ асқа паланың қуйадылар* (тобольский говор) – Амулеты кладут под подушкой у младенца.

Слово *томар* в хвалынском говоре западного диалекта обозначает элемент перевязи, пришитый кожаный кисет либо карманчик, расшитый позументом, украшенный монетами.

В ряде говоров татарского языка бытуют синтаксические дериваты лексемы *томар* с определяющим словом *буй* (стан, тело): *буйдымар* (заказ.-крш.), *бут'мар* (лмб., кузн.), *бутумар* (н.-кам.-крш.), *пут'емар /путемар* (срг., хвл.), *путмар* (кузн., м.-кар.), *пут'ымар* (кузн., хвл.) – перевязь. Как свидетельствуют материалы, древняя сема слова *том* продолжает бытовать в лексико-семантических группах, связанных с магическими представлениями народа [Рамазанова, 2013, 86-87].

Одним из татаро-монгольских параллелей, имеющих широкий спектр семантического функционирования, также и довольно широкий ареал распространения, является лексема *бусага* (порог), восходящая, по нашему мнению, к праалтайскому периоду (см.также: [Сәгыйтова, 2004: 36-60]).

Изоглосса распространения данного слова охватывает территорию говоров западного диалекта и тех говоров среднего диалекта, которые сформировались в окружении или в участии говоров западного диалекта, также и в вариантах *бозоґо/посоґо/пусаґа*, в барабинском диалекте, калмакском говоре томского диалекта [Атлас, 2015, с.434-435]. Кроме того, в татарских говорах зафиксированы смысловые варианты: *бусага* – крыльцо (в астараханском говоре), *бусаґа күте* (в нурлатском говоре) – верхняя, более просторная ступенька крыльца. Эти варианты отражают этапы функционального развития рассматриваемого слова [Сәгыйтова, 2004, 36, 41-44].

В некоторых говорах татарского языка слово *бусага* приобрело обрядовое значение и, входит в лексико-семантическую группу татарского языка, связанную с духовной культурой . Например: *бусага* – подарок невестки (обычно полотенце или платье и рубашка), преподносимый свекрови и свекру при первом перешагивании порога дома жениха. Переезд невестки в дом жениха называется *бусага керү, бусага тешү: Ә бикәҗ бирә бусага төшкәч күлмәк кан'ына, кан'анасына* (карс.) – А невестка при переезде в дом жениха дарит свекру рубашку, свекрови платье. В некоторых населенных пунктах обряд дарения подобным образом называется *буса(га) бирү, бусага (га) салу, бусага рәде* и др.

Например: *Килгәндә үк бусагага сала килен бер йеслек (говор села Калда)* – Еще при переезде невестка ложит на порог полотенце. *Килен бусага керә, йөслекме, йаулыкмы кан'анага бусага салып керә* (кузн.) – Невестка, когда первый раз входит в дом жениха, дарит свекрови полотенце или платок.

На основе слова *бусага* образован другой обрядовый термин: *буса'а бастыру* (в касимовском говоре) – обычай, согласно которому, ноги ребенка, долго не начинавшего ходить, связывали веревкой ("опутывали") и, поставив его на порог, делали будто режут путы: *Җөрөми, буса'а бастырадырыйы', алашаны тышаулыйлар, шулай тышаулыйлар и буса'а бастырасын, 'исисин баwын урталы'тан – Не ходит, бывало, проводили обряд, ноги опутывают как ноги лошади и ставишь ребенка на порог и по серединке разрезают «путы».*

Аналогичный обряд известен во всех диалектах татарского языка и назывался он *тышау кисү* (разрезать путы).

Данный обряд с таким же названием известен и у башкир [Хисаметдинова, 2009: 107].

Слово *бусага* распространено в восточнотюркских языках, имеется во всех монгольских языках: алт. *бозого*. шор. *бозага*, тув. *боъзага* и др.; письм. монг. *bosuγa*, монг. *босго* и др.

Ряд обрядовых терминов образован в татарских говорах на основе лексемы *түрәү* – родить, бытует в основном, в говорах (тмн., лмб., курш., карс., срг.) западного диалекта. Также и в тех говорах среднего диалекта, которые сформировались в окружении или в участии западного диалекта: в бастанском, частично в мензелинском и др.

В касимовском - *түрими'и* например: *Алтыны түрәде кызым, дүртесе үсте* – Дочь моя родила шестерых, выросли четыре из них. *Бу тенне түрәгән* – Эта родила ночью (кузн.). *'озо бала түри'ин, 'айта алмай* (кас.) – Дочька ее родила, не сможет приехать.

Особый интерес представляет то, что данное слово в кузнецком, хвалынском, лямбирском говорах выступает в *л*-варианте – *түләү: Эч бала түләдем* (лмб.) – Родила троих детей.

Әнкәй бала түләгән,
Ак йаулыкка йүләгән.
Йүләүләрен дә йүләгән,
Бәхыт сырый белмәгән (хвл.).
Родила мама ребенка,
Завернула в белый платок.
Завернуть завернула в белое,
А счастье желать не догадалась.

Необходимо отметить что и *л*-вариант, и *р*-вариант рассматриваемого слова сохранились в тех же говорах и в корневой форме *түл(е), түр-* зачаточные яица в утробе птиц (из нихвариант *түл* является литературным). Например: *Түре бетсә кукай салмый башлый каз, утыра* (дрожжановский говор) – После того, когда заканчиваются зачаточные яица, гусыня перестает нести яица и начинает высиживать. *Түлесе булса күкәй салыр, утырып бала чыгарыр* (нрл.) – Если есть зачаточные яйца, будет нести яйца, будет высиживать цыплят.

В говорах обнаруживаются и другие производные слова *түл: түлләнү* – завязаться (о ягодах): *Җиләк түлләнә башлаган* – У ягод начали завязаться плоды.

В говорах сибирско-татарских, астраханских татар бытует древний дериват лексемы *түрә-: түркен/түрген/тургун/туркун* – понятие, выражающее родственников жены по отношению к ее мужу и его родне: *түркен йаҗы* (астр.), родина и родственники невестки: *түргеннәй алу* (сиб.диал.) – обряд, согласно которому сторона жениха, после свадьбы приглашает родственников невесты в гости, *түркеннәй килү, түлкеннәй килү* (тепекеевский говор), *түркеннәп бару* (астр.) и др. – приезд родственников на свадьбу с богатыми подарками; *түргүн* (тарский говор) – первое посещение невестой родительского дома после выхода замуж, *қысқа түрген* (сиб.-тат. диал.) – первое посещение родителей невесты дом жениха после свадьбы и др.

Термин *түрген/түркен* как название обряда известен и в башкирском языке, в языке добруджинских татар, также и в якутском *(töpkүt).* Вместе с тем, необходимо отметить то, что параллельность *р*- и *л*-вариантов набдюдалась не только в корневых *түл* и *түр,* но также и в их дериватах: *түркеннәй* и *түлкеннәй, түләү* и *түрәү* и др.

Наряду с этим, словом *түрәү* образованы названия обрядов, связанных с замужеством, родами и т.п., т.е. связанных также с духовной культурой народа. Например: *түрәләп кийәүгә бару (чыгу)* – выходить замуж соблюдая все обычаи (со сватовством, совершив обряды бракосочетания и др.), *түрәләп килгән кыз* – невестка, вышедшая замуж путем сватовства, с согласия родителей и др., *түрәләп бала табу* – родить под наблюдением повивальных бабок, под соответствующим уходом и т.д.; *түрәләп кунакка килү* – прийти в гости с большими подарками, *түрәле кунак* – гость, который пришел с гостинцами, гость, достойный приема на высоком уровне, с почестями и др.

Корень tör – рождаться весьма древнее, тунгусо-маньчжурском tur-ки – появляться, возникать, в монгольском tore – рождаться, др. тюркск. töre – размножаться; кирг. төрө – родить, азерб. төрә-, туркмен. дөре, тур. türe – рождаться, возникать, уйг. төрәл – родиться, лобн. möjəm – родить, хак. möpi – родиться, як. төрөө – родиться, родить ребенка, др. письм.-монг. törü, ойр. törö, совр. монг. төрө – родить, находить, родиться, бур. түрэ – родиться, калм. төр – родить, родиться, тат түрәү – родить.

Возможно, с этим же корнем связано др.-тюркск. törö – закон, обычай. Варианты этого слова бытуют во всех тюркских языках в значениях закон, обычай, принц, управление, порядок, порядок проведения свадьбы и др.

Р.Г.Ахметьянов предполагает что значение порядок, управление у этого слова древнее [Әхмәтьянов, 2015, II т. с.328]. Л.З.Будагов предполагал, что слова *түрә, түрә+ү, түркен* имеют общую основу [Будагов, I, с.390-391].

Таким образом, некоторые татаро-монгольские параллели в татарских говорах устойчиво сохраняют древние формы и семы, вместе с тем приобрели различные семантические оттенки этнографического характера.

Литература

Атлас татарских народных говоров / Отв. ред. Д.Б.Рамазанова, Т.Х.Хайрутдинова. Изд-е 2-е, дополненное III-м томом. Казань: ИЯЛИ, 2015. 632 с.

Әхмәтьянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге. – 2 томда. I иом (А–Л). – Казан: Мәгариф – Вакыт. 2015. 243 б.; II том (М–Я). 567 б.

Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. В 2-х т. Т.1-2. СПб., 1869-1871.

Дыбо А.В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. – 389 с.

Рамазанова Д.Б. Татар телендә кешегә бәйләнешле лексика. Казан, 2013. 364 с.

Рассадин В.И. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971. 350 с.

Сәгыйтова А.М. Татар телендә агач архитектурасы лексикасы. Казан: Фикер, 2004. 160 с.

ТРС: Татарско-русский словарь. Казань: Казан. китап нәшр., 1988. 462 с.

Хисаметдинова Ф.Г. Башҡорттарҙың дауалау һәм ҡурсалау магияһы. Текстар. Составление, подготовка текстов Ф.Г.Хисамутдиновой. – Уфа. 2009. 380 с.

Сельдюкова А.Т., г. Москва

ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНАЯ И ЗВУКООБРАЗНАЯ ЛЕКСИКА В КАЛТАСИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ ВОСТОЧНОГО НАРЕЧИЯ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

В лексике любого языка найдутся слова, которые являются живым воплощением звуковых и зрительных ощущений. Таких слов поразительно много в финно-угорских языках, в том числе в калтасинском диалекте восточного наречия марийского языка имеется широкий пласт звукоподражательных и звукообразных слов.

Восприятие природных звуков и их воспроизведение вслух в языках разных народов и даже у носителей разных диалектов одного языка самобытное и разнообразное. Уже на этапе обучения ребёнка материнскому языку звукоподражательные и звукообразные слова очень важны. Со звукоподражания ребёнок начинает воспринимать речь, познавать жизнь и окружающую природу. Носители калтасинского диалекта предостерегая от падения младенца, который еще не умеет ни говорить, ни ходить, говорят: böklijat/ pöčöklijat ’упадёшь’, pökitkaje’не упади (букв. не иди упав)’, pöčökitlij ’не упади (букв.не будь в состоянии падения)’, слова bök / pök /pöčökв разных вариантах произношения и есть изображающие действие падения с шумом; предупреждая о горячем предмете, напитке, говорят:šokšo, uf-fəšte’горячо, подуй (букв. горячо, уф-ф делай)’ - uf-fизображает действие совершения ртом задувания огня или, в данном случае, горячей еды; о холоде : üš-üšjüštö/üš-üšüšä ’… холодно, … морозно’ – üšüš / üšüšä – изображение действия и звука дрожания; предлагая еду, говорят:nańa-ńam–ńa-ńa–подражание смакованию еды, в детской речиобозначает еду.Немного позже, на этапе более активного обучения языку используют звукоподражательные слова, имитирующие звуки, издаваемые животными, птицами: mäü-mäü’мяуканье’, mər-mər ’мурлыканье’, av-av/am-am ’гавканье’, či-či ’звук, производимый цыплятами’, vi-vi-vi ’звук, производимый гусятами’, ger-ger ’звук, производимый гусями’, uťi-uťi / vuči-vuči ’звук, производимый утятами/утками’, kar-kar ’карканье’;шумом, производимым человеком, явлениями природы и техникой,tuk-tuk’стук’, dür-dür-dür ’шум грома’, v-v-v ’шум движущейся машины’, dər-dər-dər/ tər-tər-tər’шум трактора, мотоцикла’.До определённого возраста эти звукоподражательные слова ребёнком воспринимаются как названия и в их речи они могут быть полноценными членами предложения, склоняясь по числам и падежам: kuštomäü? ’где кошка?’, mər-məršəl’e ’кошка спряталась’, av-avpurleš ’собака кусает’, či-čimpukšaš küleš ’надо покормить цыплят’, vi-vimkoraknaŋγajen ’гусенка ворон унёс’, vučilakijaš jörätät’утки любят плавать’, dür-düršokta ’гром гремит’, v-v-vδenkajena ’мы едем на машине’, tər-tərδečlüδäm ’боюсь трактора’ и т.д.

Звукоподражательные слова являются результатом воспроизведения крика птиц, звуков, производимых животными, шума природных явлений и действий людей.В калтасинском диалекте различаются звукоподражательные слова, использующие звуки, напоминающие для слуха знакомое явление (напр.: ľəp-ľoро глухом, гулком стуке (шлёпание), δür-δür-δür/δüvər-δüvər–о дрожании, о шуме грома, о движении техники или шумом, производимым человеком,šatər-šutəro шуме при падении дерева, о шуме при горении при пожаре, о быстрых действиях или движении человека) извукообразные слова, в которых звук создаёт образное впечатление о форме предметов (lop-lop, loptəra–что-то большое, широкое), их движении (kältək-költək–шагать, будто спотыкаясь по колдобинам), качествах (šalt-šultəštəme– топорно сделанное), и т.д.В звукообразных словах выражается чувственное описание движения, состояния, явления, которое мы видим в природе, эти слова рождаются на основе схожести между звуками и явлениями, “в них слышится звучащий смысл, который вызывает чувство чего-то знакомого”[Kari.E.Turunen, с.188]. Например: jəlt-jolt–звуковое изображение мелькания отдалённой молнии, явления, происходящего с высокой скоростьюили о быстром действии человека: volγeńčejəlt-joltvolγalteš ’молния …сверкает’, užənatəšəm šukto, tuδojəlt-joltlektənatkajəš ’не успел оглянуться, а он молниеносно выскочил/ушёл’; laptek-luptek– о небрежной переваливающейся походке или о походке только что научившегося ходить ребёнка: rveźeγoδəmlaptek-luptekoškəlmaš motoroγəl’в молодости вперевалку ходить некрасиво’, koštaš kənatunemšepeš säjərlaptek-luptekvelekurštalkolta ’только что научившийся ходить, он забавно бегает переваливаясь’,kətər-kətər–(напоминает звук тихого скобления/ скребления) о походке с короткими шагами или о неспешных действиях: tuδokətər-kətəroškəlšan šol ’да у него же походка такая, ходит короткими шажками (скребёт)’, kətər-kətərilentőčenä ənδe ’поживаем потихонечку, ковыряемся’, laptek-luptekoškəlaš –идти переваливаясь, laptek-luptekəštenpətaraš–сделать как попало. Из вышеприведённых примеров видим, что многие звукообразные и звукоподражательные и слова по фонетической форме одинаковые и звучат одинаково, но имеют разную семантическую нагрузку, и наоборот, разные по форме и звучащие по-разному, имеют одно и то же значение: šalt-šult и šəlt-šolt - обозначают стук, быстропроизводимое действие, kolt-kolt иkəlt-kolt–обозначают стук, состояние твёрдости предмета.

На основе звуков, шумов, услышанных в окружающем мире, криков птиц и зверей, создаваласьи развивалась лексическая система языка. В лексике калтасинского диалекта можно найти практически в составе любой части речи множество слов, созданных на такой основе. Например: им.существительные: kükö ’кукушка’ от ku-ku, korak ’ворон’ отkar-kar, baka ’лягушка’ отbak-bak’кваканье’,kekərek ’гребешок петуха’ отke-kəre-kərek ’кукареку’, kolδərma ’бубен (вешали на шею дом.скоту’ от kolδər-kolδər’шум от бубена’. Некоторые звукоподражательные слова дают основу целому ряду частей речи: ləž-ləž ’звукоподражание тихому, нежному шелесту листьев’, ləžγa ’тихий, нежный’, ləžγan’тихо, спокойно’, ləžγaŋaš ’стать спокойным, нежным, тихим’, ləžγajaš’стать умиротворённым (о душеи теле одновременно)’, ləžγaηδaš ’сделать тихим, спокойным’; ńəmər-ńomər ’изобр.сл. о мягком, липком’, ńemer ’каша’,ńəməra’склизкое, скользкое; слабохарактерный человек’, ńəmərγaš ’стать склизким,размякнуть ’, ńəmərtaš’размягчить, превратить в кашу, в пюре’;

Большинство звукоподражательных и образных слов парные и парно- повторные (встречаются одинарные), и примыкают к существительному: šəve-šəvejür ’тихий дождь, букв.шепчущий дождь’, kəčər-kočərkapka’скрипучие ворота’, и глаголу:jəlt-joltvolγaltaš ’сверкнуть (о молнии, о свете)’, kältək-költəkoškəlaš ’идти неуклюже, спотыкаясь’, šəlt-šoltpärkäläš ’стучать’, šatər-šutər šoktaš ’слышен треск’, δəvər-δövərpörtənkajaš ’упасть с шумом’; kəštək-kəštəkkajenkoltaš’ходить мелкими шажками’, ləž-ləžlijaš ’стать вялым (о теле), умиротворённым’, kətər-kətərəštaš/oškəlaš ’постепенно, не спеша, но упорно делать / идти мелкими шажками’, puľδər-puľδər šolaš ’кипетьбулькая’. В предложении в основном имеют функцию обстоятельства образа действия: šürö ləvər-lovəršoleš ’суп булькает кипит’,šəvər-šovərvütjoγa ’вода шумно течет’, ľəptər-ľoptərnörenpətəšəm ’промок насквозь’, могут

выступать и в роли других членов предложения, например, в роли подлежащего (см. примеры выше).

В калтасинском диалекте также часты в употреблении глаголы, образованные из звукоподражательных и звукообразных словпомощью ряда суффиксов:

-l; присоединяется к звукоподражательным словам; значение – характеризовать звуки (особенноиздаваемыеживотными):ńörək-l-äš ’хрюкать’, čijak-l-aš ’пищать (оцыплятах)’, kəδet-l-aš ’кудахтать’, mər-l-aš ’мурлыкать’, ər-l-aš ’рычать’,ńüś-läš ’хныкать’, totot-l-aš ’говоритьскороговоркой’, məźlaš ’жужжать (о пчеле)’ (ср.: ńörək-ńörək, ćі-ćі / čijak-čijak, kət-kət, mər-mər, ər-r, koγok-koγok,ńüś-ńüś, to-to-to, məź-ź);

-t / -tat; присоединяетсякзвукоподражательнымсловам; значение – характеризовать звуки, связанные с явлениями природы и к изобразительным словам, - значение – изображать звуки и давать характеристику действию, движению: küδər-t-äš ’греметь (огроме)’, raskal-t-aš ’ударить (омолнии)’, op-t-aš ’лаять’, muγəma-t-aš ’ворчать’, tap-t-aš ’коватьжелезо’,šaδər-tat-aš ’трещать (о громе, о горящем огне)’, loptər-tat-aš ’шагать неуклюже;натоптать чистое место грязными ногами’, kočər-tat-aš ’скрипеть’, šolδər-tat-aš ’греметь’, puľδər-tat-aš ’булькать’, kətər-tat-aš ’двигаться неспеша, мелкими шажками, делать дело потихоньку’, əžəl-tat-aš ’шептать, шушукаться’ (ср.: δər-δər, ras-ras, məγe-muγo, tap-tap, šaδər-šuδər, ləptər-loptər,kəčər-kočər, šəlδər-šolδər, puľδər-puľδər, kətər-kətər, əž-əž);

-k / -γ; присоединяетсякзвукоподражательнымсловам; назначение которых – передача звуков, издаваемых человеком:šolt-k-aš ’стучать’,kolt-k-aš ’клокотать; пить с клокотом’, külт-k-äš ’стучать (о сердце)’,šalt-k-aš ’колоть’, šüš-k-äš ’свистеть’, töp-k-äš ’бить, стучать’, lər-γ-aš ’хихикать, посмеиваться, насмехаться’, šur-γ-aš ’шуметь’, kor-γ-aš ’храпеть’,šəž-γ-aš ’моросить, брызгаться’;

-əž-; присоединяется к звукоподражательным словам; назначение которых -передача звуков, издаваемых человеком или животным: mər-γ-əž-aš ’ворчать, бубнить под нос’, ńər-γ-əž-aš ’хныкать’, lom-əž-aš ’мычать’, urm-əž-aš ’выть’, peη-əž-aš ’стонать’, kečk-əž-aš ’кряхтеть’.

Литература

Kadar, G. 2015, Johdatusuralilaiseenfilosofiaan, Tampere, 188.

Сельдюкова А. Исследование марийского диалекта в иноязычном окружении (прибельский диалект), Москва, 2011. – С.75-76.

Сивцева Н.А., г. Якутск

ЛЕКСИКА СО ЗНАЧЕНИЕМ БЫТИЙНОСТИ В ТРУДЕ А. Е. КУЛАКОВСКОГО «НАРЕЧИЯ РАЗНЫХ МЕСТНОСТЕЙ, УЛУСОВ И ОКРУГОВ С ПРИБАВЛЕНИЕМ АРХАИЗМОВ, СПЕЦИАЛЬНЫХ ОХОТНИЧЬИХ ТЕРМИНОВ, ОМОНИМОВ И СИНОНИМОВ»

Труды А.Е. Кулаковского по якутскому языку, одного из видных представителей якутской интеллигенции начала XX века, основателя якутской художественной литературы, крупного мыслителя, общественного деятеля и многогранного ученого, исследованы во многих научных работах. Особенное лингвистическое мышление поэта и исследователя, провидческий дар и исключительная интуиция, учет результатов прошлого опыта изучения якутского языка, ответственность перед судьбой родного народа лежат в основе формирования его лингвистических воззрений. Взгляды А.Е. Кулаковского и богатый фактический материал, представленные в его трудах по якутскому языку, получили высокую оценку исследователей, часто цитируются, выступают в качестве основных источников современных научных изысканий [Васильева, с. 10; Николаева, с. 87 и др.].

В 20-е гг. А.Е. Кулаковский был широко известен как автор нескольких высоко оцененных и рекомендованных к изданию рукописных лексикографических трудов. Значение двуязычных словарей практического назначения он видел в их способствовании изучению и

упрочению статуса якутского языка. А.Е. Кулаковский руководствовался практическими и просветительскими задачами при составлении своих известных лексикографических работ, представляющих обширный фактический материал по лексике якутского языка первой четверти XX века.

В данной статье рассмотрена лексика бытийного значения, представленная в работе А.Е. Кулаковского «Наречия разных местностей, улусов и округов с прибавлением архаизмов, специальных охотничьих терминов, омонимов и синонимов». В ней «таттинское наречие» представлено как основное, но при этом не умаляется значение остальных говоров якутского языка. Словник этой лексикографической работы состоит из 20 разделов, заключающих в себе всего около 779 слов. Выступающие в качестве заглавных единиц части речи не имеют специальной пометы. Имена существительные занимают значительную часть словаря. Функциональное своеобразие словника определено целью данной работы – зарегистрировать диалектную, табуированную и архаизированную лексику якутского языка. Диалектный материал представлен всего в 13 рубриках, в каждой из которых зафиксированы лексические особенности отдельного говора. В рубрике заглавные единицы или определения значения слов иногда сопровождаются специальными пометами, уточняющими их локальную территориальную закрепленность.

Категория бытийности является одной из универсальных фундаментальных категорий человеческого сознания, что обуславливается внеязыковой действительностью [Заметалина, с. 3]. В философском понимании бытие определяется как объективная реальность, существующая независимо от сознания человека [БТСРЯ, с. 107]. Данное понятие выражается различными языковыми средствами: группой слов, фразеологических оборотов, синтаксических конструкций, «означающих появление, существование, изменение, несуществование многообразных предметов и явлений действительности» [Тихонова, с. 3].

В работе А.Е. Кулаковского «Наречия разных местностей, улусов и округов с прибавлением архаизмов, специальных охотничьих терминов, омонимов и синонимов» обнаружены следующие слова и сочетания, имеющие значение бытийности:

- *ыраас* в значении *суох* ‘нет’ [Кулаковский, с. 401]. Лексема *суох* ‘нет’ представляет основное средство выражения небытия, имеющего диалектическую связь с понятием бытия. В рассматриваемом словаре зафиксирована в разделе *«Ус-ыйаана икки, Эдьигээн икии улуустар тыллара (Өлөөн, Анаабыр, Булуҥ, Хара Уулаах, Омолой, Хаһааччыйа)»* ‘Слова улусов Усть-Янского и Жиганского (Оленек, Анабар, Булун, Хара Уулаах, Омолой, Казачье)’, в подразделе «Кулума тыла» ‘«Язык Колымы»’. Слово *ыраас* в якутском языке имеет следующие значения: ‘чистый, опрятный, безпримесный, непорочный, честный, праведный, святой; чисто, гладко; чистота, опрятность, гладь, целомудрие, честность’ [Пекарский, стб. 3811]. Как видно из данного словаря А.Е. Кулаковского, лексема *ыраас* в колымском говоре якутского языка используется в значении *суох* ‘нет’;

- *чокуттаран түстэ* в значении *эмискэ өллө (киһи)* ‘внезапно умер (человек)’ [Кулаковский, с. 394]. Лексема *өл* ‘умереть’ относится к глаголам с общим значением «конца бытия, исчезновения» [Деева, с. 16]. В словаре А.Е. Кулаковского дополнительно уточнено, что используется в отношении человека, а также определено действие, указывающее на способ его исполнения: *эмискэ* ‘внезапно’. Сочетание, выраженное деепричастием *чокуттаран (өл)* ‘умереть внезапно (сразу, без всякой болезни, от прилива крови, кровоизлияния)’ [Пекарский, стб. 3634] и служебным глаголом *түстэ* ‘упал сверху’, А.Е. Кулаковским зафиксировано в разделе *«Бүлүү тыла»* ‘Язык Вилюя’;

- *эһэни буоссаа* в значении *(эһэни) өлөр* ‘убить (медведя)’ [Кулаковский, с. 410]. Здесь лексема *буоссаа* ‘убить’, также относящаяся к глаголам с общим значением «конца бытия, исчезновения» [Деева, с. 16], приведена в разделе *«Булчуттар, айанньыттар тыллара»* ‘Язык охотников, путников’ с пояснением, указывающим на то, в отношении кого она используется: *эһэни буоссаа* ‘убить (медведя)’;

- *түһэн хаалбыта* в значении *сүтэн хаалбыта* ‘исчез (внезапно)’. Сочетание, выраженное деепричастием *түһэн*, образованного от глагола *түс* ‘уронить, спускать, опускать’, и

служебным глаголом в 3 л. ед. ч. в преждепрошедшем повествовательном времени *хаалбыта* ʻостался̀ относится к лексике с общим значением «конца бытия, исчезновения», именующей «исчезновение с точки зрения воспринимающего субъекта» [Деева, с. 16]; представлено в разделе *«Аанньаах (Өлүөхүмэ) тыла»* ʻЯзык Аньяк (Олекмы̀).

Таким образом, в лексикографическом наследии А.Е. Кулаковского зафиксирована лексика со значением бытийности, собранный им фактический языковой материал может послужить одним из источников для функционально-семантических изысканий.

Литература

Большой толковый словарь русского языка (БТСРЯ). – Спб.: Норинт, 1998. – 1536 с.

Васильева Н.М. Становление и развитие якутской орфографии: Автореф. дисс. к.ф.н.: 10.02.02. – Якутск, 2013. – 24 с.

Деева Н.В. Функционально-семантический аспект глаголов бытия: Автореф. дисс. к.ф.н.: 10.02.01. – Архангельск, 2003. – 24 с.

Заметалина М.Н. Функционально-семантическое поле бытийности в современном русском литературном языке: Автореф. дисс. к.ф.н.: 10.02.01. – Волгоград, 1995. – 27 с.

Кулаковский А.Е. Научные труды. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – 484 с.

Николаева А.М. Средства выражения экспрессивности в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 2014. – 132 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 3858 стб.

Тихонова И.В. Семантико-синтаксическое поле бытийности в прозе Л. Андреева: Автореф. дисс. к.ф.н.: 10.02.01. – М., 2005. – 24 с.

Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А., г. Уфа

ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЙ РЕСУРС МАШИННОГО ФОНДА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Одним из факторов для сохранения национальной самобытности, культуры и родного языка является изучение диалектной лексики, являющейся одним из важнейших источников для изучения исторического развития и становления литературного языка, сравнительно-сопоставительных исследований языков. Интерес к диалектным материалам определяется и тем, что они позволяют проследить историю самого народа.

Диалектный материал, в особености лексический, является одним из источников обогащения литературного языка. Лексика башкирских диалектов представляет собой бесценный кладезь уникальных слов, не имеющих параллелей в литературном языке. Башкирскими диалектологами опубликован 3-х томный диалектологический словарь, издан сводный словарь башкирских диалектов, многие из диалектизмов нашли отражение в 10-томном толковом словаре башкирского языка [1-6].

Однако в век информатизации человеческого общества, которая вовлекает в свою орбиту и лингвистическую сферу деятельности, наличие диалектных материалов только в печатной форме является отрицательным моментом. На сегодня многие тюркские языки переводят свои ресурсы в электронный вариант: появляются компьютерные словари, создаются базы филологических данных и целые информационные ресурсы с поисковыми системами в сети Интернет [7-9]. Вовлечение национального языка в информационную сферу открывает широкие перспективы для сравнительных исследований лингвистических реалий родственных языков. Эти перспективы связаны с тем, что открывается быстрый доступ к материалам исследования большого объема. Однако, есть и сдерживающие факторы в использовании информационных ресурсов. Таковыми являются:

1) достоверность лингвистических данных;

2) компетентность составителей ресурсов;

3) время функционирования сайта с данным ресурсом в сети Интернет.

Эти факторы касаются, в основном, информационных данных википедии, коммерческих организаций и частных лиц. Но такие проблемы не возникают для лингвистических ресурсов, созданных в академических структурах или научно-исследовательских институтах авторитетных вузов, имеющих на начальной странице или вкладышах компакт-дисков наименование создателя ресурса, а базы данных снабжены ссылками на печатные

первоисточники. Одним из таких серьезных ресурсов по башкирскому языку является Машинный фонд башкирского языка (МФБЯ), созданная в лаборатории лингвистики и информационных технологий Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук [10].

Базы данных МФБЯ построены на основе изданных печатных продукций, с указанием источников, за достоверность представленных данных лаборатория несет ответственность. Все существующие базы имеют свои поисковые аппараты, меню пользователя представлен на трех языках: башкирском, русском и английском.

Основные положения разработки МФБЯ были выдвинуты нами еще в начале 90-х годов [11-12]. Сегодня МФБЯ имеет 7 крупных баз данных, которые образуют подфонды единого машинного фонда:

- подфонд генеральной картотеки;
- лексикографический подфонд;
- грамматический подфонд;
- подфонд каталога рукописных книг;
- подфонд каталога старопечатных книг;
- экспериментально-фонетический подфонд;
- диалектологический подфонд.

Одним из проработанных, достаточно крупных, имеющих несколько своих раздельных баз данных является диалектологический подфонд, на котором мы хотели остановиться в нашей статье.

Рассматриваемый подфонд состоит из трех самостоятельных баз данных. Это лексическая, картографическая и текстологическая базы.

I. **Лексическая база данных**. В базе представлена информация о диалектной лексике. База данных содержит более 52000 диалектных единиц с шестью информационными полями: само диалектное слово, часть речи, диалект, говор, литературная норма, русский перевод. По каждому из этих полей осуществляется гибкий поиск информации. База данных составлена по изданным ИИЯЛ диалектным словарям [13-18].

Примеры представления диалектной лексики по данной структуре:

абата сифат, көньяҡ диалекты, һаҡмар һөйләше, ығыш, медлительный, *(о человеке)*, абата һөйләнеү.

суғыртмаҡ исем, көнсығыш диалект, суғырмаҡ, кора *(нижней части ствола старой березы)*.

Тумаҡ исем, төньяҡ-көнбайыш диалект, ғәйнә һөйләше, тыумыш, рождение, тумаҡтан ҡалмағанға, үлмәктән ҡалмабыз.

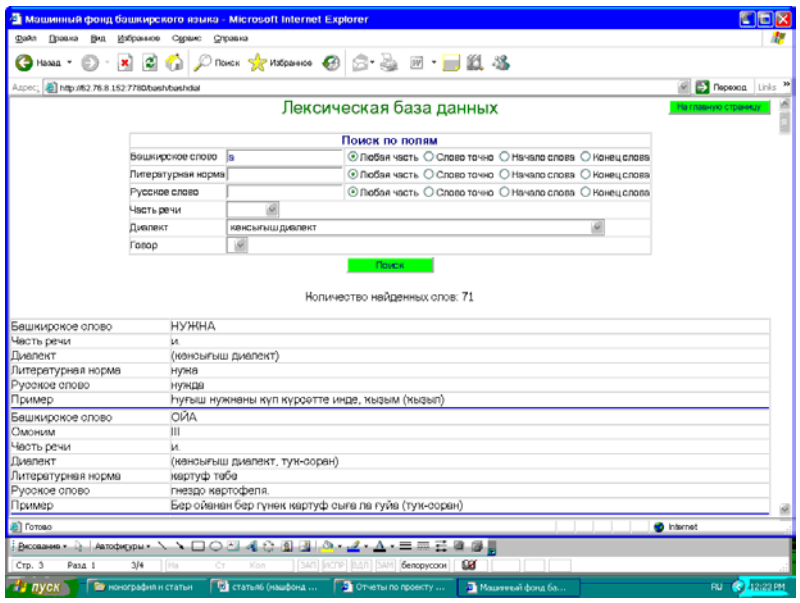


Рис.1. Вид интерфейса лексической базы данных диалектологического подфонда Машинного фонда башкирского языка.

По базе данных возможен поиск и выдача результатов по следующим записям: диалектное слово, часть речи, диалект, говор, литературная норма, русский перевод.

Система позволяет по лексическим записям базы данных (диалектное слово, литературная норма, русский перевод) осуществлять поиск информации в следующих режимах: по точному совпадению слова, по совпадению фрагмента с началом слова, по совпадению фрагмента с концом слова, по совпадению фрагмента с любой частью слова. Сочетание разных записей с разными режимами поиска позволяет получить многообразные выборки из базы данных, отсортированных по замыслам лингвистического эксперимента.

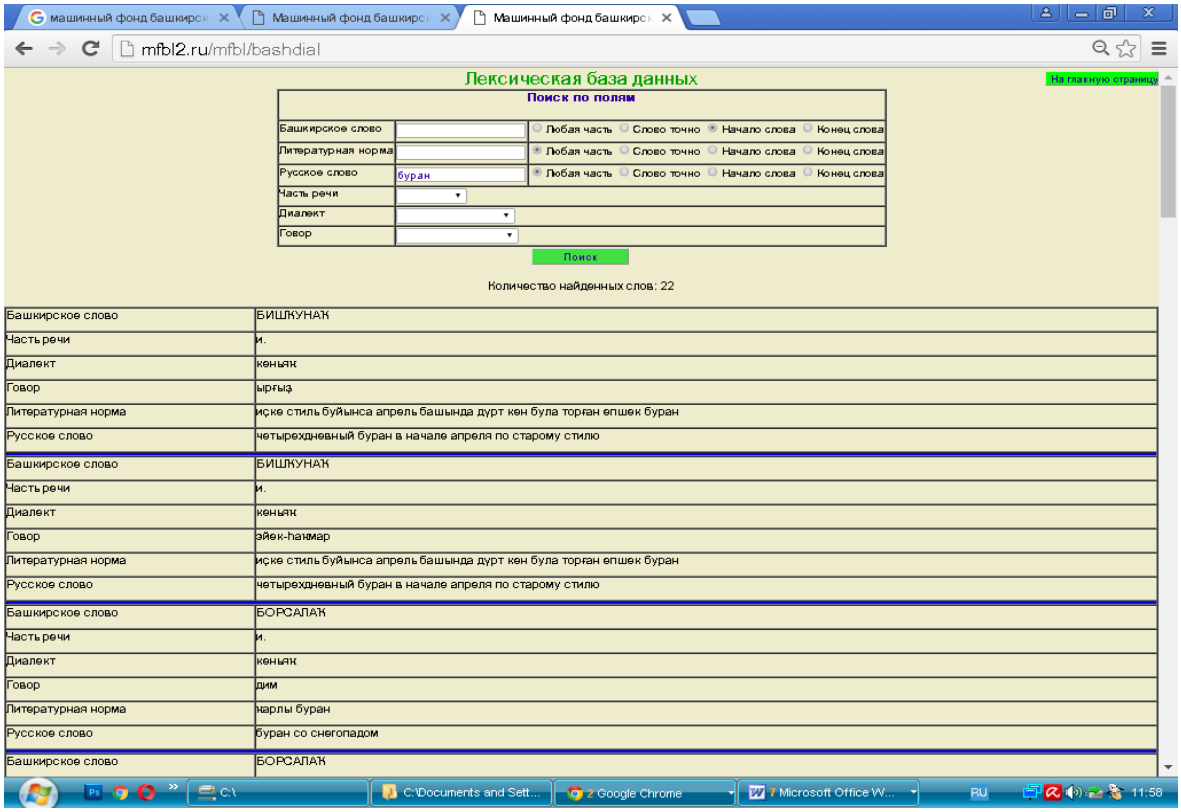


Рис.2. Пример выдачи результата поиска по русскому слову “буран”.

2. **Диалектологический атлас**. В данной базе данных представлена информация по диалектологическому атласу башкирского языка. База данных позволяет выбрать типы языковых явлений (фонетический, морфологический, синтаксический, лексический), для каждого типа определены конкретные изоглоссы. Изоглоссы выделяются по 250 опорным пунктам республики и сопредельных районов соседних областей по которым сотрудниками Института истории, языка и литературы были собраны экспедиционные материалы с 1973 г. по 1980 г. [19].

База данных диалектологического атласа включает фонетические, морфологические, лексические и синтаксические явления. Интерфейс состоит из меню 3-х уровней: 1. Меню выбора типа языкового соответствия: фонетический, морфологический, лексический, синтаксический. 2. Меню выбора подтипа языкового соответствия, например для фонетических соответствий: по сонантам и консонантам. 3. Меню выбора конкретного языкового соответствия (в виде конкретного противопоставления лигвистических явлений в разных позициях в опорных словах и конструкциях).

Машинный фонд башкирск

mfbl2.ru/mfbl/bashdial

Выбор изоглоссы

Фонетические | Вокализмы | соответствие о-у (бутка/ботка)

Выбор | Выбор | Выбор

Карта | Карта увеличенная | Добавить в корзину

№ на карте	Область Республика	Район	Опорный пункт	Слово
1	Пермская обл.	Осинский	Ольховка	ботка
2	Пермская обл.	Бардымский	Ишимово	ботка
3	Пермская обл.	Бардымский	Аржино	ботка
4	Пермская обл.	Бардымский	Нижние Искильда	ботка
5	Пермск. обл.	Бардымский	Танып	ботка
6	Пермская обл.	Красноуфимский	Усть-Баяк	ботка
7	Свердлов. обл.	Артинский	Азигулово	ботка
8	Свердлов. обл.	Нижнесергинский	Аракаево	бутка
9	РБ	Янаульский	Новоуртаул	ботка
10	РБ	Татышлинский	Бадряшево	ботка
11	РБ	Аскинский	Базанчатаево	ботка
12	Свердлов. обл.	Артинский	Артя-Шинири	ботка
13	Сверловская обл.	Нижнесергинский	Шокурово	бутка
14	РБ	Янаульский	Кисяк-Каимо	ботка
15	РБ	Янаульский	Юссук	бутка/ботка
16	РБ	Татышлинский	Сараштыбаш	ботка
17	РБ	Татышлинский	Кальтяево	ботка
18	Свердлов. обл.	Красноуфимский	Средний Бугалыш	ботка
19	РБ	Аскинский	Мута-Елга	ботка
20	Челяб. обл.	Верхне-Уфалей	Иткуль	бутка
21	Челяб. обл.	Нязепетровский	Арсланово	ботка
22	РБ	Татышлинский	Савкияз	бутка
23	РБ	Аскинский	Кубиязово	бутка

Рис. 3. Выдача списка населенных пунктов, характеризующих данную изоглоссу.

На рис. 3 представлена выдача списка населенных пунктов, характеризующих изоглоссы по противопоставлению сонант **о—у** в конечном слоге в опорном слове **бутка** (**ботка**).

На рис. 4 представлен пример выдачи карты с помеченными населенными пунктами распространения фонетического соответствия (населенные пункты, относящиеся к одной изоглоссе, выделены цветными обозначениями).

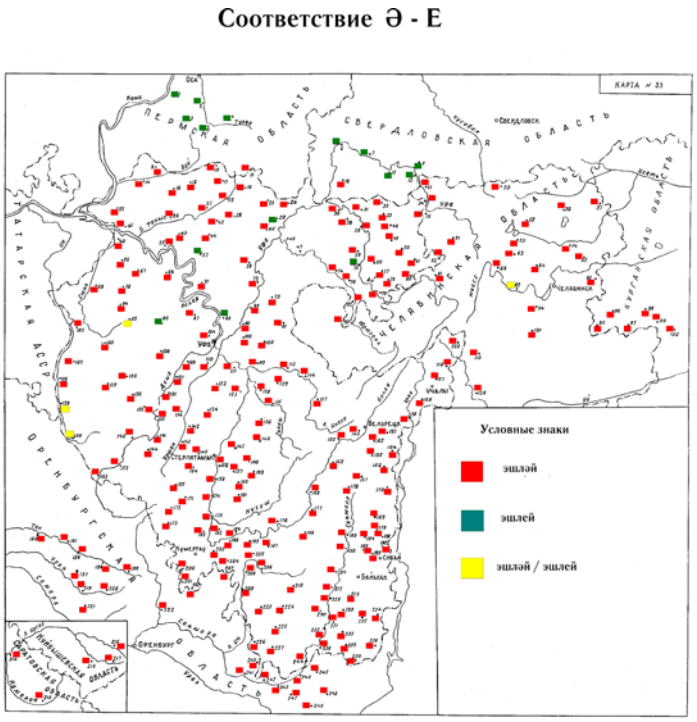


Рис. 4 Карта с изоглоссами.

3. Текстологическая база. В этой базе дается интегрированное представление о речи носителей говоров. Здесь представлены образцы устной речи, собранные во время экспедиций в разные годы сотрудниками ИИЯЛ. Объемы самих текстов разные: от предложения до нескольких страниц формата А4. Интерфейс базы позволяет производить выбор текстов по многим лингвистическим и экстралингвистическим параметрам: диалект, говор, год записи, образование информатора, пол информатора, возраст информатора, национальность.

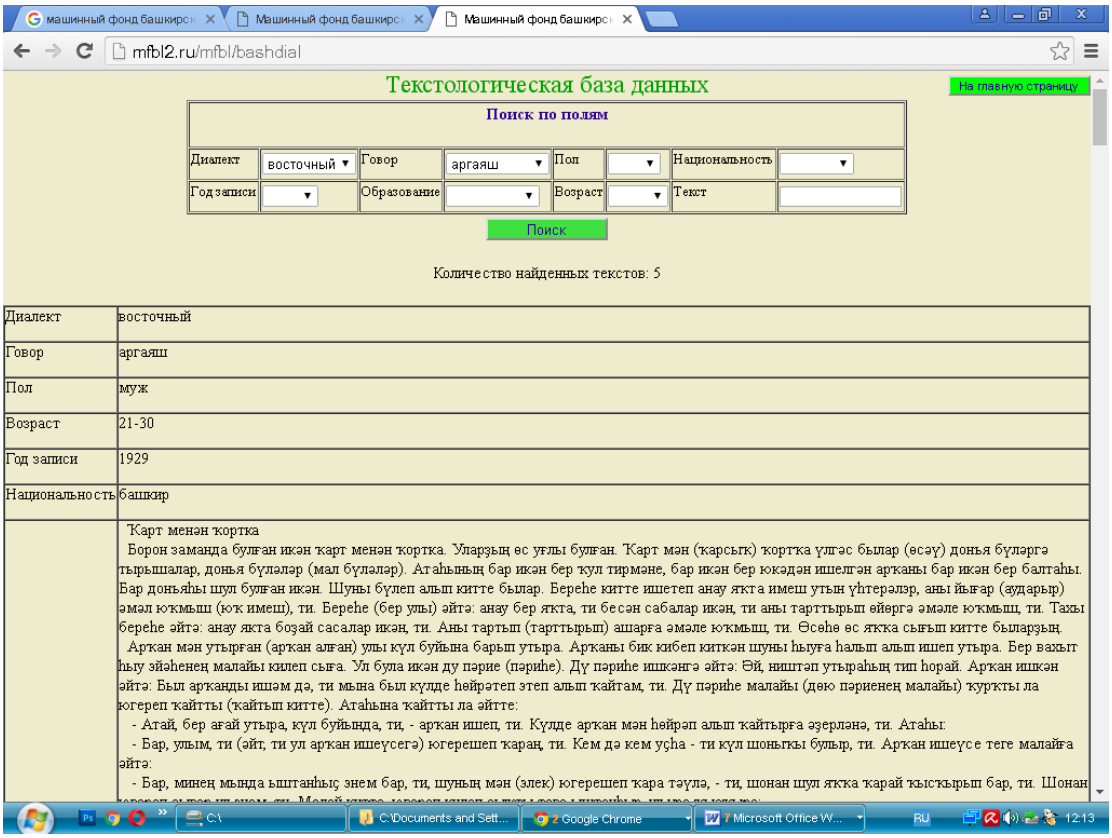


Рис. 5. Выдача результата поиска текстов аргаяшского говора восточного диалекта.

Диалектные материалы МФБЯ могут быть использованы не только в исследовательских целях, но и в качестве наглядных средств обучения в учебном процессе, что поспособствует формированию интереса к родному языку у учащихся. Благодаря изучению диалектизмов уровень знаний по родному языку будет более глубоким и содержательным.

Литература

1. Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т. I: (Буква А) // под редакцией Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011. 432 с.
2. Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т. II: (Буква Б) // под редакцией Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011. 568 с.
3. Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т. III: (Буквы В-И) // под редакцией Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2012. 864 с.
4. Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т. IV: (Буква Й-К) // под редакцией Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2012. 944 с.
5. Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т. V: (Буква Ҡ) // под редакцией Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2013. 888 с.
6. Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т. VI: (Буквы Л-Ө) // под редакцией Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2014. 944 с.

7 Казахско-русский, русско-казахский словарь он-лайн. URL:http://sozdik.kz (дата обращения: 20.05.2016).

8. Кыргызско-русский, русско-кыргызский словарь он-лайн. URL:http://tili.kg (дата обращения: 20.05.2016).

9. Диалектологический атлас татарских народных говоров. URL: http://atlas.antat.ru/ (дата обращения: 20.05.2016).
10. Адрес Машинного фонда башкирского языка http://www.mfbl2.ru.
11. Сиразитдинов З.А., Надергулов И.У. О создании Машинного фонда башкирского языка // Востоковедение в Башкортостане. История. Культура. Вып.3, - Уфа, 1992.
12. Сиразитдинов З.А. Компьютерная технология и языкознание // Компьютерные технологии в исторических и лингвистических исследованиях. Уфа, 1994.
13. Словарь говоров башкирского языка. Т. 1. Уфа, 1967. 352 с.
14. Словарь говоров башкирского языка. Т. 2. Уфа, 1970. 326 с.
15. Словарь говоров башкирского языка. Т. 3. Уфа, 1987. 232 с.
16. Диалектологический словарь башкирского языка. Уфа: Китап, 2002.
17. Каримова Р.Н. Башкирско-русский, русско-башкирский словарь терминов народной медицины. Уфа, 2005. – 120 стр.
18. Каримова Р.Н. Башкирско-русский словарь ткачества и рукоделия. Уфа, 2013. – 122 стр.
19. Диалектологический атлас башкирского языка. Уфа: Гилем, 2005. 234 с.

Сулейманова Р. А., г. Уфа

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В БАШКИРСКОМ АНТРОПОНИМИКОНЕ

В настоящей статье будут рассмотрены некоторые фонетические варианты антропонимов, образованных при помощи согласных звуков.

Исследования показывают, что появление в башкирском языке фонетических вариантов связано со многими факторами. Прежде чем перейти к анализу фонетических вариантов антропонимов, хотелось бы отметить основные причины появления данного явления: первая – чем больше взаимосвязь с другими языками, тем чаще наблюдается рост вариантности антропонимов (графические особенности, которые наблюдаются в заимствованных именах), вторая – территориальное распределение антропонимических особенностей, третья – результат так называемого имятворчества, связанного с фантазией родителей.

Как известно, заимствованные в разные исторические периоды арабские и персидские личные имена подвергались таким значительным фонетическим изменениям, как выпадение, оглушение, слияние звуков, отвердение или смягчение основы и др. Также исходя и из фактического материала, мы можем утверждать, что в некоторых случаях заимствованные личные имена не полностью соответствуют орфографическим и орфоэпическим нормам башкирского языка. Таким образом образуются различные фонетические варианты личных имен.

После Октябрьской революции вследствие многочисленности антропонимов, заимствованных из русского и европейских языков, явление вариантности принимает огромный масштаб. Появление в 20—40-х гг. XX в. фонетических вариантов личных имен также можно объяснить низким уровнем грамотности, невнимательностью (при оформлении документов) работников ЗАГСа.

Надо отметить, что по этим основным причинам данный процесс (появление вариантности личных имен) продолжается и сегодня.

Также в последнее время варианты антропонимов появились в результате изменения того или иного звука в имени родителями, желающими дать ребенку оригинальное имя. Это, конечно, ведет к утрачиванию значения имени. Ярким тому примером являются следующие антропонимы: *Вилиза, Фидкат, Мавлян, Вадут, Дельман, Рунар, Иляна.*

Таким образом, как отмечалось выше, в некоторых личных именах фонетические варианты появились раньше, в других таковые образовались на современном этапе пополнения именника.

В башкирском именнике чередование ***д-т*** нашло широкое распространение. Согласно фонетическому закону башкирского языка, звонкий согласный ***“д”*** в конце слова не произносится. Поэтому звонкие согласные в конце заимствованных слов оглушаются. Однако в некоторых случаях по причине сохранения заимствованными словами своей

фонетической формы в башкирском языке появляются варианты. Например, *Әхмә**д**-Әхмә**т**, Мөхәммә**д**-Мөхәмә**т**, Фәри**д**-Фәри**т**, Фирхә**д**-Фирхә**т**, Мәхмү**д**-Мәхмү**т**, Мора**д**-Мора**т**, Баязи**д**-Баязи**т**, Рифа**д**-Рифа**т**, Риша**д**-Риша**т*** и т.п.

В сегодняшних реалиях в связи с возросшим вниманием к религиозным именам, заимствованным из арабского языка, и стремлением использовать их максимально близко к исконному языку, данный тип вариантов стал частым явлением. Чередование *д-т* наблюдается и в личных именах, пришедших из русского и европейского языков. Например, *Альфред-Альфрет, Эдуард-Эдуарт* и т.п. Подобное чередование звонких и глухих согласных наблюдается и в середине имени, например, *Радмир-Ратмир* и т.д.

з-с: *Алма**з**-Алма**с**, Фәрүә**з**-Фәрүә**с**, Илна**з**-Илна**с**, Гөлна**з**-Гөлна**с*** и т.п. В этом случае наблюдаем оглушение в конце слова.

д - ҙ: В личных именах заимствованных из арабского языка инлаутный «д» в башкирском языке заменяется плоскощелевым «ҙ»: *Әхмә**д**улла-Әхмә**ҙ**улла, Хәми**д**улла-Хәми**ҙ**улла, Сәғи**д**улла-Сәғи**ҙ**улла, Һи**д**иәт-Һи**ҙ**иәт, Фәри**д**ә-Фәри**ҙ**ә* и т.п. В литературном языке в собственных именах в интервокальном окружении все большее распространение получает написание «ҙ» вместо «д» [3, с. 24].

ф ~ б, п, h. Щелевой звук «*ф*» преимущественно наблюдается в заимствованных словах из арабского языка. Он привнесен в тюркскую основу через заимствования, а также развивается на собственной основе в небольшом количестве лексем. Поэтому в период вхождения анлаутный губно-зубной «ф» в живой речи башкир некоторых групп заменяется собственными губными «б», «п» [4, с. 71]. Ср.: кизильск. *Һатима / Батима* ~ лит. *Фатима* [9, с. 21]; аргаяшск. *Һәриҙә* ~ лит. *Фәриҙә* [5, с. 18]; среднеурал. *Батима* ~ лит. *Фатима, Һәнүзә* ~ лит. *Фәнүзә* [1, с. 31]; ай., оренбург. *Һәйзер* ~ лит. *Фәйзрәхмән, Һазулла* ~ лит. *Фазулла, Һәтих* ~ лит. *Фәтих, Һатыйма* ~ лит. *Фатима, Һыуат* ~ лит. *Фуат* [5, с. 36]; нижнеб.-ык. *Һәтҡулла* ~ лит. *Фәтҡулла* [8, 149] кубалякск. *Бат*ы*ма / Батый* ~ лит. *Фатима* [7, с. 150]. Это объясняется, видимо, тем, что в тот период, когда указанные имена входили в лексику, звука *ф* не было в фонетической системе башкирского языка [5, с. 36]. Подобное фонетическое явление нами было обнаружено при анализе собственных имен в сборнике документов «Формулярные списки о службе чиновников башкирско-мещерекского войска за 1836-1842 годы» *Сапура / Сабура* ~ лит. *Сафура* [2, с. 64, 81], *Батима* ~ лит. *Фатима* [2, с. 111].

к, ҡ ~ г, ғ ~ ғ: В некоторых диалектах башкирского языка вместо звонких согласных звуков *«г», «ғ»* в начале имени употребляется глухие согласные *«к», «ҡ»*. Ср.: сакм.-сурянск. *Көлсирә* ~ лит. *Гөлсирә, Көлшат / Колшат* ~ лит. *Гөлшат, Ҡылмикамал* ~ лит. *Ғилмикамал* [9, с. 40]; бурзянск. *Ҡолшат* ~ лит. *Гөлшат, Ҡәрәй* ~ лит. *Гәрәй, Ҡөбәйт* ~ лит. *Ғөбәйт, Ҡөбәйҙә* ~ лит. *Ғәбәйҙә, Ҡенейәт* ~ лит. *Ғиниәт, Ҡәфүрә* ~ лит. *Ғәфүрә, Ҡилман* ~ лит. *Ғилман, Ҡазима* ~ лит. *Ғәзимә, Ҡөлсирә* ~ лит. *Гөлсирә, Ҡөлсибәр* ~ лит. *Гөлсибәр, Ҡәбит* ~ лит. *Ғәбит, Ҡәле* ~ лит. *Ғәли, Ҡөлбоҫтан* ~ лит. *Гөлбостан, Ҡәбиҙә* ~ лит. *Ғәбиҙә, Ҡыйрфан* ~ лит. *Ғирфан, Ҡыйлфан* ~ лит. *Ғилфан*. [6, с. 83]. Примеры показывают, что подобные фонетические варианты свойственны арабо-персидским заимствованиям.

н ~ м: В некоторых двусоставных личных именах, согласно орфоэпическим нормам башкирского языка (регрессивная ассимиляция), в позиции перед «*б*» сонорный звук «*н*» переходит в губно-губной сонорный «*м*»: *Бурамбай* ~ лит. *Буранбай, Көмбикә* ~ лит. *Көнбикә* и т.п.

Разнобой наблюдается и в написании двусоставных личных имен, образованных с компонентом ***миң***. В литературном языке используется форма – *Миңлеғол, Миңлебикә, Миңлейәр, Миңлегөл.* А в говорах южного диалекта – *Миңнеғол, Миңнейәр, Миңнебикә, Миңнебай.*

Аффикс определения –лы/-ле, -ло/ле с фонетическими вариантами –ны/-не, -но/-не в Демском говоре после сонорных согласных м, н, ң.

Звонкий согласный *«г»* не характерен для начальной позиции собственно башкирских слов [3, с. 27]. Поэтому в некоторых антропонимах заимствованных из арабского языка

согласный *“ғ”* не произносится. Например, *Ғәлим-Әлим, Ғәлимә-Әлимә, Ғабдулла-Абдулла, Ғайса-Айса, Ғәйшә-Әйшә, Ғәлиә-Әлиә, Ғөмәр-Өмәр* и т.п.

Итак, рассмотрев варианты некоторых личных имен в современной антропонимической системе башкирского языка, можно сделать вывод о том, что они с фонетической и орфографической сторон изучены недостаточно, а общие орфографические правила, касающиеся написания личных имен, в башкирском именнике упоминаются вскользь, остаются не разработанными.

Литература

1. Дильмухаметов М. И. Говор среднеуральских башкир. Уфа, 2006. 191 с.
2. Документы и материалы по истории башкирского народа (1836 – 18742): Формулярные списки о службе чиновников Башкирско-мещерекского войска за 1836 – 1842 годы: В 2 кн. / сост.: Ильясова З. Г., Гатиятуллин . Уфа, 2012. Кн.1:1 –5, 8–11 башкирские кантоны.
3. Ишбулатов, Н.Х. Современный башкирский язык. Фонетика (Учебное пособие) / Н.Х. Ишбулатов – Уфа: Изд.-во Башгосуниверситета, 1982. – 40 с.
4. Ишкильдина Л.К. Исторические развитие консонантизма башкирского языка (на материале диалектов). Диссертация на соиск кан. филол. наук. Казань, 2013.
5. Максютова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка. М., 1976. 291 с.
6. Максютова Н.Х. Бурзянский говор. / Башкирская диалектология. Говоры юго-востока Башкирии. Уфа, 1963. С. 68 – 128.
7. Миржанова, С.Ф. Кубялякский говор. / Башкирская диалектология. Говоры юго-востока Башкирии. Уфа, 1963. С. 128 – 191.
8. Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка. – Уфа: Китап, 1991. – 296 с.
9. Миржанова, С.Ф. Южный диалект башкирского языка / С.Ф. Миржанова. – М.: Наука, 1979. – 272 с.
10. Сулейманова Р.А. Антропонимы современного башкирского языка и тенденции их развития. автореф. дисс. канд. филол. наук.– Уфа, 2006. – 24 с.
11. Сулейманова Р. А. Башкирско-русский словарь-справочник личных имен и фамилий. – Уфа, 2013. 364 с.
12. Ахнеф Ахметович Юлдашев: биобиблиографический указатель. Уфа, 2015.

Сәмерханова Г.Х., Сибай к.

М. ҠУНАФИН ӘҘӘРҘӘРЕНДӘ ДИАЛЕКТ ЛЕКСИКАНЫҢ ҠУЛЛАНЫЛЫШЫ

Әҙәбиәт ғилемендә диалектизмдар һүҙҙәрҙең географик үҙенсәлектәренә нигеҙләнгән һүрәтләү саралары булараҡ ҡарала. Әҙәрҙә улар геройҙарға, һүрәтләнгән хәл-ваҡиғаларға «урын, төбәк образы» өҫтәргә һәләтле [Әхмәтйәнов, 259-сы б.]. Был йәһәттән замандың көнүҙәк мәсьәләләрен яҡтыртҡан, актуаль проблемаларҙы күтәргән, тәрән психологизм менән һуғарылған әҙәрҙәр авторы Мөнир Сәхиулла улы Ҡунафиндың ижады буйынса ҡыҙыҡлы күҙәтеүҙәр яһарға була. Уны, хәл-ваҡиғаларҙы ҡаршылыҡлы, шул уҡ ваҡытта тормошсан итеп һүрәтләү, ҡабатланмаҫ сағыу образдар тыуҙырыу оҫталығы өсөн, хаҡлы рәүештә “башҡорт Распутины” тип йөрөтәләр. М. Ҡунафин әҙәрҙәренең һәр герой-персонажы характеры, үҙенсәлекле теле менән айырылып тора. Был әҙип тарафынан төрлө алым-саралар, шул иҫәптән, диалект һүҙҙәр һәм һүҙбәйләнештәрҙе уңышлы ҡулланыуға бәйле.

М. Ҡунафин әҙәрҙәренең идеяһын асыуҙа һүҙҙәрҙе тапҡыр һәм урынлы һайлай. Шағирҙың уларҙы урынлы ҡулланылыуы мәғәнә төҫмөрҙәрен бар тулылығында, бар нескәлегендә еткереүгә булышлыҡ итә, хәл-ваҡиғалар барған мөхит тураһында тулы мәғлүмәт бирә. Мәҫәлән: *Шулай ҙа мунсаһын тоҡандырып ебәреп, соландағы ширлеккә тәмәке тартырға ултырғанда аяҡ быуындарының ҡалтыраныуын тойҙо (“Тәңре өрөк ҡапҡанда”). Ширлек* (ҡыҙыл, урта, эйек-һаҡмар) и. 1. Кәштә – полка. 2. (урта) бәләкәй һике – нары небольшого размера. Миҫалда һүҙ икенсе мәғәнәһендә ҡулланылған. *Ул саҡта, ай-һай, әжәл елпенеп-елпенеп әүһәләй итеп ултырмаймы икән ғүмер тигән арҡанында?! (“Кайнозой”).* Әүһәләй, әүһәлдәй (урта) и. сәңгелдәк – колыбель. 2. Бәүелсәк – качели. Һүҙҙең икенсе мәғәнәһе алынған. *Бисәһе больницала саҡта яңғыҙының мәшәҡәтләнгеһе*

килмәне, күршеләренең якҡан мунсаһының тандырында йыуынып йөрөнө ("Тәңре өрөк ҡапҡанда"). Тандыр (эйек-һаҡмар) р. һүлпән – вяло, медлительно. 2. (ҡыҙыл) с. яй, моңло (көй тураһында) – протяжный, мелодичный (о песне, музыке). *Ҡышҡыһын уның урамы эсендә бер бөртөк ҡар ҙа булмай, йыбанмай Әхәт, көрәп тә, кәритәгә һалып та, бәрәңге баҡсаһына сығарып тау итеп өйөп ҡуя ("Ауылға Аллаһ килә... йәки туҡтаған ваҡыт").* Урам һүҙенә төрлө һөйләштәрҙә төрлө мәғәнә һалына: 1. Урам (арғаяш, дим, мейәс, урта, урта урал, эйек-һаҡмар, әй) и. ишек алды – двор. 2. Урам (арғаяш, урта) и. аймаҡ – родовое подразделение. Был миҫалда ул "ишек алды" мәғәнәһендә ҡулланылған. *Ә бөгөн... арҡыры ятҡан кәртәне буй һалған өсөн хаҡ һорайҙар ("Ҡартайған ҡояш аҫтында").* Кәртә (дим, урта) и. 1. Ишегалды – двор. 2. (гәйнә, ҡыҙыл) Ҡаралды – надворные постройки. 3. (арғаяш) Ситән ҡамау – загон. 4. (арғаяш, эйек-һаҡмар) Мал аҙбары – хлев. 5. (урта) Айыу өңөнә тыға торған ағас, сәсә – жердь для нападения на спящего медведя. Был миҫалда *кәртә* һүҙе айыу өңөнә тыға торған ағасты түгел, ә юлда арҡыры ятҡан ғәҙәти таяҡты, һайғауҙы белдерә. *Ҡабул иткәндә лепкәһенә ныҡ теймәнемме икән тигән быуынға төшөр ауыр тойғо булғайны шул, раҫҡа сыҡҡан, ай, иблистең дөмөккөрө ("Ҡартайған ҡояш аҫтында").* Лепке (ҡариҙел, мейәс, урта) и. Лепкә – родничок (у младенцев). *Ә инде сибәр Мәргәнде күргәс, үҙен ниңәлер йолҡош үрҙәккә оҡшатты ("Тәңре өрөк ҡапҡанда").*Үрҙәк (арғаяш, салйоғот, төньяҡ-көнбайыш, урта, урта урал, эйек-һаҡмар) и. өйрәк – утка.

Уларҙы ҡул санаһына ипле генә теҙеп һалғас, бау менән нығытып бәйләне лә көрт яра-яра бәрәңге баҡсаһының артҡы ыҙанында урынлашҡан мунсаһына килде ("Тәңре өрөк ҡапҡанда"). Ыҙанда ултырған зәғиф кенә бер имән дә үҙенә тартҡандыр, бәлки ("Тәңре өрөк ҡапҡанда"). Ыҙан (ҡыҙыл, урта) и. түтәл араһы – межгрядье. *Мунсаның эргәһенә сиртмәле ҡоҙоҡ та йүнләп ҡуйғас, йәйге көндәрҙә бигерәк тә сәхрәлә йөрөгән кеүек була торғайны ("Тәңре өрөк ҡапҡанда").* Сиртмә (дим) и. һиртмә – журавль (у колодца). *Быны бар булмышы, бар йөрәге менән тойған ҡатын ҡапыл болдор күтәрмәһенә йүгереп менде лә, нишләргә белмәй һикереп-һикереп бейергә тотондо ("Тәңре өрөк ҡапҡанда").* Болдор (мейәс, ырғыҙ) и. 1. Күтәрмә – крыльцо. 2. (мейәс) Солан – сени. Был осраҡта "һүҙ соландың болдоро", "соландың күтәрмәһе" мәғәнәһендә ҡулланылған. *Төмөздөң өҫтөнә ҡарағас энәләре менән тулышҡан йомшаҡ ерҙе һалды, тамырҙан килгән һут май ҡояшында ялтырап, кибеп ятмаһын, тигәндер ("Йөҙөп барған, ти, аттар диңгеҙҙә...").* Төмзөк, төмөз (урта) и. төпсөк – пень.

М. Ҡунафин әҫәрҙәренең бер үҙенсәлеге шунда: уның һәр әҫәрендә хыялый, образы бар. Әҫәрҙең идеяһы йыш ҡына ошо образдарҙың донъяға ҡарашы, уларҙың әйткәндәре аша еткерелә. Автор үҙенең әҫәрҙәрендә үк был һүҙгә аңлатма бирep ҡуй: *Йәшәү дәүеремдә беҙҙең ауылда өс хыялый булды ("Ҡартайған ҡояш аҫтында").* "... Аҡылға зәғиферәктәрҙе, һинеңсә, минеңсә ҡыландыра, уйлай, һөйләшә белмәгәндәрҙе беҙҙә шулай, *хыялый,* тип йөрөтәләр. Башҡа яҡтарҙа *тиле, һәтәү, ауһар, иҫәр, урыҫсаны башҡортсалаштырып, дүрәк, Иван* тип тә атайҙар ундайҙарҙы. Беҙҙең яҡтағыһы барыбер ҙә ҡолаҡҡа ятышлы, аңлар күңелгә һыйышлы, нисектер әҙәмде, беҙҙеңсә әйткәнсә, бөтөнләй кешелектән сығарып ташламай. Хыялый... тимәк, хыялға бай кеше. Хыялый... шул хыялынаартыҡ ышаныусан, шул хыялына ныҡ әүрәүсән бәндә лә ул" ("Ҡартайған ҡояш аҫтында"). Хыйал (мейәс, төньяҡ-көнбайыш, әй) и. 1. Хыялый, аҡылға зәғиф – ненормальный. 2. (арғаяш) Илерек – лунатик. Йә булмаһа: *Бына беҙ, хыялыйҙар, һинең әсәйең әйткәнсә, бер төрлөләр, йә ер аҫтында йәшәйбеҙ, йә күктә-ә йөҙәбе-еҙ ("Ҡартайған ҡояш аҫтында").* Бер төрҙө (көнсығыш диалект) а. 1. Әллә ниндәй – какой-то. 2. (әй) с. аҡылға еңел – придурковатый. Бер төрлө (дим, һаҡмар).

М. Ҡунафиндың әҫәрҙәрендә ҡәрҙәшлек терминдарының варианттары үҙенсәлекле ҡулланыла. Мәҫәлән: *Әсмә түтәйҙе беҙ шулай йөрөтәбеҙ ("Ҡартайған ҡояш аҫтында"). Кемдер һөйләй япун менән ҡытайҙы, кемдер Нәсимәкәй түтәйҙе ("Артта – Мәскәү"). Әйтерһеңә Рабиға түтәйгә, мин ебәрҙе тип ("Кайнозой").* Түтәй (минзәлә, төньяҡ-көнбайыш, урта) и. 1. Апай – старшая сестра. 2. Үгәй әсәй – мачеха. Был миҫалдарҙа түтәй

һүзе “апай” мәғәнәһендә ҡулланылған. *Һин, Әхтәм мырҙам, әллә наручнай шулай тип яҙаһың инде? (“АҒыулы бәшмәк”).* Мырҙа (ҡыҙыл, урта, һаҡмар) и. ҡусты, эне – братишка.

Айырым диалектта, айырым һөйләштәрҙә билдәле булған сифаттар телдең байлығын сағылдыра. Мәҫәлән: *Йәш сақтағылай мәүешлеге уҙҙы инде былай, тиң күрһә, һората алырҙай батырлығы бар хәҙер.* Мәүеш (ҡыҙыл, һаҡмар) с. мәшәү – мямля. Төрлө һөйләштәрҙә төрлө мәғәнәгә эйә булған *һере* һүзе “ҡаты бәғерле” мәғәнәһендә ҡулланыла: *Тик үҙе лә һере, мин дә һағындым, тип әйтергә теле әйләнмәй (“Тәңре өрөк ҡапҡанда”).* Һере (ҡыҙыл, урта, урта урал, эйек-һаҡмар) с. 1. Ҡаты бәғерле – жестокий. 2. (ырғыҙ, эйек-һаҡмар) Түҙемле – терпеливый. 3. (урта) Әрһеҙ – беззастенчивый. 4. (урта, ырғыҙ) Нығ – выносливый. 5. (эйек-һаҡмар) Беше – плотный. 6. (мейәс, эйек-һаҡмар) Һауалы – высокомерный. 7. (ҡыҙыл) и. Һыҡмыр – скряга. *Үҙ иленә ҡарата нисек шундай ҡурҡыныс олоғара нәфрәт йөрөтмәк кәрәк (“Артта – Мәскәү”).* Оло-ғара (туҡ-соран, урта) с. 1. Ауыр, ҙур – тяжелый, большой. 2. (әй) Көслө, ҡаты – громкий, сильный (о голосе). Һүҙ “ҙур” мәғәнәһендә алынған. *Йәнәһе лә, ул уны, бындай затлы бөжәкте, колхоз рәйесенең портфеленән урлаған, хөрәсән Әхмәттең өйөндә был затлы бөжәккә ашарға татлы ризыҡ юҡ, үҙе лә, бөжәк тә имен сақта, етешерәк йәшәгән кешегә алып барып бирһен уны (“Урамда 2020 йыл ине...”).* Хөрәсән (төньяҡ-көнбайыш, туҡ-соран) и. маҡтансыҡ – хвастун.

М. Ҡунафиндың әҫәрҙәрендә геройҙарҙың эш-хәрәкәте үҙенсәлекле рәүештәр аша ҡылыҡһырлана: *Ҡояш йылыһында ирәйеп китеп ятабыҙ (“Ҡартайған ҡояш аҫтында”).* Ирәйеү (минзәлә, төньяҡ-көнбайыш, урта урал, ырғыҙ, әй) ҡ. 1. Рухланыу, күңел күтәрелеү – вдохновиться. 2. (дим) Кинәнеү, һулыш киңәйеү – насладиться, дышать свободно. Миҫалда һүҙ “кинәнеү, рәхәтләнеү” мәғәнәһендә ҡулланылған. *Килгән-киткән, күңеле менән шөйлә таныған әхирәттәре араһынан ҡапыл ғына Мәргәнгә барырҙай, дөрөҫөрәге, уны аңларҙай, кәрәк кенә сақта һалпы яғына ҡыҫтырырҙай йылы һүҙен таба, артыҡ смаһыҙлыҡ йә сабырһыҙлыҡ күрһәтә башлаһа, ҡәтғи генә тыйырҙай зирәклек күрһәтә белгәндәр юҡ кеүек тойолдо (“Тәңре өрөк ҡапҡанда”).* Шөйҙә (ҡыҙыл) – р. шөйлә – все же, довольно-таки. *Рәйестең был ҡылығы сәменә тейҙеме, тегеһе ҡылтым ғына күтәрелеп, икенсе ултырғыҫҡа барып ултырҙы (“Ауылға Аллаһ килә... йәки туҡтаған ваҡыт”).* Ҡылтым, ҡылтыс (төньяҡ-көнбайыш) с. тәккәбер – высокомерный.

Һүҙҙәрҙең ерле һөйләшкәсә әйтелеүе лә геройҙарҙың телен үҙенсәлекле итә: *Сейәлетауға ыңғайлаһаң, танауың еҫ һиҙһә, үләкҫәне былай ҙа табырһың, ҡарғалар тауышы ла сақырыр (“Артта – Мәскәү”).* Үләҫкә (арғаяш, мейәс) и. үләкһә – падаль. Үләкҫә (әй), үләкһә һөйәге (салйоғот). *Һәр кемгә улай яҙа башлаһаң, ҡулың ғына түгел, башҡа нәҫтәләрең дә төшөп бөтөр, - тине лә Әхтәм китеп барҙы (“АҒыулы бәшмәк”).* Нәҫтә, нейәҫтә (көнсығыш диалект, эйек-һаҡмар) а. нимә? – что? 2. Әйбер – вещь (ҡыҙыл). 3. Ҡорал – оружие (һаҡмар). *Уңарса булмай, артынан ырғыған икенсе бүренең хәтәр теше һул аяғының балтырына килеп ҡаҙалды (“Кайнозой”).* Уңарсы, уңарса (урта) р. ул арала – в тот миг.

Әҙип әҫәрҙәрендә ҡулланылған ҡайһы бер һүҙҙәр диалектологик һүҙлектәрҙә сағылыш тапмаған, шулай ҙа улар ерле һөйләш менән бәйле һәм урындағы халыҡтың тел үҙенсәлектәрен асыҡ сағылдыра: *Ул, бысраҡҡа батҡан эсен күрһәтеп, күлдәгенең итәген өҫкә күтәрә лә, кер күтәрһегеҙ сепрәкте епшетеп имеүен белә (“Ҡартайған ҡояш аҫтында”).* Епшетеп – ебетеп мәғәнәһендә. *Һәм шуныһы һәйбәт: Әкрәм быны үҙе лә бик яҡшы аңлай, булғанына шөкөр итә, көнө буйы бүреләр ологан ашҡаҙанына әҙерәк йылы төйөр төшһә, ике яҫы усы менән битен ҡаплап һыпырып “әппәр” итә лә, өйрәнеш буйынса тупһа төбөнә иҫке бишмәтен йәйеп татлы йоҡоға тала (“Ҡартайған ҡояш аҫтында”).* Өйрәнеш –күп тапҡыр эшләнеп, өйрәнелгән күренеш. *“Шау етем изге Әкрәмде булһа ла ризалатайыҡ,” – тип һөйләнде ул (“Ҡартайған ҡояш аҫтында”).* Шау – тулы, бөтөнләй мәғәнәһендә. *Өләсәйем был юлы түҙмәне, битәрләп ташланы (“Ҡартайған ҡояш аҫтында”).* Битәрләү – әрләү. *Сәсе генә ағарҙыла, бер аҙ йөҙөн сирыштар баҫты инде (“Тәңре өрөк ҡапҡанда”).* Сирыштар – сырыштар, һырҙар. *Ә минең баш осомда ғына әжәл өйөрөлгәнен күрмәй, юҫыҡ ҡына ғүмерем ҡалғанын аңламай ҙа, һиҙмәй ҙә (“Тәңре өрөк ҡапҡанда”).* Юҫыҡ ҡына – әҙ генә. Тотоп уҡыуға етәме ни ул, робот малай, ниңә алманы

экран аша ғына ашамайһың әләйгәс? – тип олатаһы ыңһарлап алды (“Урамда 2020 йыл ине...”). Әләйгәс – улайһа

М. Ҡунафин тарафынан ҡулланылған нығынған һүҙбәйләнештәр, әйтемдәр бик тапҡыр һәм халыҡсан яңғырай һәм авторҙың индивидуаль стилен билдәләй: *Дөрөҫөрәге, мин бында аңламаҫлыҡ бер сер ҙә тапмайым, эйе, ер, уның аҫты була, өҫтә, бында <u>әмрик асаһы</u> түгел, күк инде (“Ҡартайған ҡояш аҫтында”).* Америка асыу – яңы асыш эшләү мәғәнәһендә. *Башҡалар ҡәбер ҡаҙырға киткәс тә Шамил дуҫы менән, <u>бер сусҡа балаһын “аяғынан тотоп һелккәс”,</u> Йәнекәй тауына менеп бер оҙон ҡарағасты йыҡтылар ҙа шунда ҡәбергә бура буранылар (“Йөҙөп барған, ти, аттар диңгеҙҙә…”).* Сусҡа балаһын “аяғынан тотоп һелкеү” – 0,25 л. шешә менән бер шешә араҡы эсеү. *Күҙеңде ас, ул ҡулған тип, ана, донъя берәй үҙгәреш кисергәнме? Юҡ, шишәмбе көн ҡалҡҡан, <u>йөн дә һелкенмәгән.</u> Ҡояш та һүнергә уйламай (“Ҡартайған ҡояш аҫтында”).* Йөн дә һелкенмәү – бер ни ҙә булмау, эшләнгән эштең башҡа хәл-торошҡа бер нисек тә йоғонто яһамауы. *Ул ҡырҡ берҙә, ә беҙ Еңеү йылын алып килер ҡышта, өләсәйем әйтмешләй, <u>һыйыр тиҙәге туңған мәлдә,</u> тыуғанбыҙ (“Ҡартайған ҡояш аҫтында”).* Һыйыр тиҙәге туңған мәлдә – ҡыш миҙгелендә, һыуыҡ ваҡытта.

Шулай итеп, М. Ҡунафин әҫәрҙәрендә автор тарафынан дөрөҫ һайлап алынып, урынлы ҡулланылған һүҙҙәр ҙур роль уйнай. Улар бер яҡтан художестволы әҫәрҙең образлылығын арттырыуға булышлыҡ итһә, икенсе яҡтан, авторҙың үҙенсәлекле хикәйәләү стилен дә билдәләй.

Әҙәбиәт

1. Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге (Рәсәй Фәндәр академияһы. Өфө фәнни үҙәгенең Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты). – Өфө: Китап, 2002. – 432 б.
2. Ишбулатов Н.Х. Башҡорт теле һәм уның диалекттары. – Өфө: Китап, 2000. – 212 б.
3. Сәмерханова Г.Х. Буранбай Исҡужин шиғырҙарында диалект лексиканың ҡулланылышы // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы XV Всероссийской научной конференции (20 ноября 2015 г.). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. – С. 244-246.
4. Әхмәтйәнов К.Ә. Әҙәбиәт теорияһы. – Үҙгәрешле 3-сө баҫма. – Өфө: Китап, 2003. – 392 б.

Удербаев А.Ж., г. Алма-Ата, Республика Казахстан

ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА КАЗАХСКОЙ ДИАСПОРЫ В СОЦИАЛЬНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

История размещения диаспор в разных уголках мира, их социальное положение, культура, литература, искусство и другие сферы стали объектом исследования различных наук. Вместе с тем, процессы в языке диаспор, проживающих в зарубежных странах с многонациональным или малонациональным населением, рассматриваются во многих лингвистических исследованиях, и отличаются друг от друга в методологическом и содержательном плане. Увеличение либо уменьшение количества пользователей языка, в соответствии с этим распространение и сужение пространства, сохранение и развитие языка диаспоры, языковая ситуация в этих странах, влияние других языков, изменения в связи с культурно-языковыми факторами и другие вопросы в мировых научных исследованиях стали всесторонне рассматриваться лишь в последние 20-30 лет [1].

В области диалектологии казахского языкознания язык казахов зарубежья стал изучаться с конца 60-х годов прошлого века. Особенности языка казахов, проживающих в других странах рассматривались наряду с говорами на казахской земле в составе определенной группы говоров (западный, южный, северно-центральный, восточный) и классифицировались по территории расположения, по сходству родового состава и т.д. То есть, специалисты диалектологии занимаются их исследованием не как сегодняшней диаспоры, языка ирреденты, а их изучением в качестве говоров казахского языка, в основном исследованием лексических, фонетических, морфологических особенностей их языка. Исследовательская работа диалектных особенностей казахского языкав последние годы выходит за пределы республики, охватывая язык казахских диаспор, проживающих в странах дальнего зарубежья. Основной причиной этому послужил тот факт, что при Советском Союзе исследования языка казахской диаспоры зарубежом были ограничены.

Возможность исследования языка казахов зарубежья в годы обретения независимости связана со многими факторами. Казахстан является полноправным членом всемирного сообщества и вопросы казахской диаспоры в современных условиях, взаимоотношения РК и стран, где проживают наши соотечественники, остро поднимаются на межгосударственном уровне. Для казахов, которые в связи с историческими причинами были вынуждены переселиться в другие страны, появляется возможность для возвращения на историческую родину, возможность укрепления взаимоотношений с соотечественниками.

В первые годы независимости в Казахстане был принят Закон «О миграции населения» (1997 г.), также 21.11.2005 г. и 31.12.1996 г. Указом Президента РК была утверждена Государственная программа поддержки соотечественников, проживающих за рубежом. Данные официальные документы впоследствии дополнялись концепциями, программами миграционной политики, предназначенными на определенные годы [2, с. 234.]. С момента принятия первых официальных документов и по сегодняшний день идет процесс иммиграции наших соотечественников из других стран на историческую Родину. Таким образом, мы видим, что в процессе подготовки документов реализуется такая главная цель как «объединение, консолидация казахской нации, дополнение миграционных потерь и этнодемографического неравенства в советский и постсоветский периоды» [2, с. 234.].

Различны и языковые особенности людей, которые живут в разной географической и языковой среде. Главная причина заключается в том, что не последнюю роль играет влияние таких внешних языковых факторов как проживающие на данной территории смешанные народы, сложившаяся языковая ситуация, влияние доминирующего языка. В последних диалектологических исследованиях в казахском языкознании наряду с изучением традиционных языковых явлений стали исследоваться такие вопросы как состояние казахского языка, языковая ситуация, влияние языков друг на друга и другие, а также стали обращать внимание на социально-общественную значимость языка казахской диаспоры и ирреденты за рубежом. Несмотря на тот факт, что казахи проживают и в Европе, Пакистане, Ливии и других странах, объектом исследований журналистов является язык казахов Монголии, Китая, Афганистана, Ирана, а в последнее время частично и язык казахов в Турции, защищаются исследовательские работы относительно языковых особенностей, вышли в свет несколько статей, монографических исследований.

Результаты исследований, проведенных касательно языка казахской диаспоры, нашли широкое применение в лексикографических трудах (диалектологических, региональных словарей) в области отечественной диалектологии. На сегодняшний день особо можно выделить «Региональный словарь казахского языка», выпущенный под редакцией академика Ш.Ш.Сарыбаева в результате объединения, дополнения материалов опубликованных словарей, исследований в казахской диалектологии, научных трудов [3]. Это связано с тем, что в качестве основного материала словаря были использованы лексические, фонетические и грамматические особенности языка казахской диаспоры за пределами Казахстана, в таких странах, как Узбекистан, Каракалпакстан, Туркменистан, Таджикистан, Российской Федерации, а также стран дальнего зарубежья (Китай, Монголия, Афганистан, Иран). Кроме того, проводятся исследования по вышеуказанным регионам и написаны краткие научные очерки [4].

Исследование лексики зарубежных казахов, составление его регионального словаря, вносит значительный вклад в пополнение казахского национального языка, его литературных норм. С этой точки зрения, как одна из актуальных проблем казахского языкознания на современном этапе, одним большим разделом лексики народного языка является разработка и утверждение объемного регионального словаря, всесторонне охватывающего региональные слова, объединяющего их в одно русло. Нельзя сказать, что полностью собраны языковые материалы, фразеологизмы, пареомологизмы, разные регионализмы, диалектизмы в художественной литературе, фольклорных текстах, в устной речи касающиеся ремесла, появившиеся в местном языке. Также ожидают своего исследования в социально-диалектологическом аспекте языковая ситуация казахов в Китае, Турции, Монголии, Афганистане, Иране. Так как с течением времени в связи с различными социально-политическими факторами, языковой ситуации, влияния окружающей языковой среды, сохранявшийся до этого времени казахский язык (в Китае, Монголии) претерпевает изменения. А в некоторых странах (например, Турции) состояние языка казахов упоминается лишь в одной-двух статьях, и все еще систематически не исследовалось.

Язык казахов в этих странах наряду с местными традиционными особенностями отличается применением элементов регионального языка, сформировавшейся языковой ситуацией, двуязычием, использованием в связи с влиянием другой культуры заимствованных слов, терминов. Поэтому для того, чтобы исследовать современное состояние казахского языка в этих странах, его развитие, изменение, применение, необходимо изучать язык этих казахов не только как говор, а определить форму существования казахского языка зарубежья, с учетом сложившихся терминов, наименований, использования письменной и устной формы в соответствии с собственными

литературными нормами. Так как в Китае, Монголии, Турции издаются периодические издания на казахском языке, выпускается художественная литература, учебники, выходят радио-, телепередачи. Не говоря уже о разговорной разнице языка, достаточно много несоответствий в литературе, выпущенной на казахском языке за рубежом, с нормами литературного языка, применяемыми в Казахстане. Кроме того, нет преемственности в использовании наименований-терминов в регионах в сфере управления, техники, хозяйства, науки, политики и т. д. В каждом регионе в результате взаимодействия языков используются заимствованные лексические единицы, специфические термины. В языке казахов Китая, Монголии, Турции наряду с заимствованными элементами есть успешно введенные термины. В последние годы мы наблюдаем, что эти особенности широко применяются в языке оралманов. Разговорный язык казахов, который функционирует в другой языковой среде в других странах, можно рассматривать как четкий вид регионального языка. Так, например, Баян-Ульгийский (особенности языка казахов в Монголии) и Синьцзянский (особенности языка казахов в Китае) говоры, которые рассматривались в казахской диалектологии в составе восточных говоров, в настоящее время есть основание назвать полным региональным языком (регионолект).

Так как вариант национального языка в этих регионах употребляется и в письменном виде, что говорит о существовании письменности (считается, что в диалекте письменности не существует), его нельзя рассматривать только как говор, а язык, опирающийся на определенные правила, нормы (фонетические, грамматические), с терминами, наименованиями, заимствованными словами из собственных или смешанных языков. Местные особенности, чаще всего применялись в сельских населенных пунктах, в связи с освоением доминирующего языка (т.е. двуязычие в групповой работе) в языке казахов с высшим, средним образованием, проживающих в городской местности, в административных центрах, используются заимствованные из этих языков слова и возникшие единицы регионального языка. То есть их речь можно привести в пример в качестве регионального языка. Данное мнение, а также понятие о региональном языковом термине мы намерены в дальнейшем подтвердить на основе проводимого исследования касательно языка казахов Китая.

Литература

1. Landau J. 1986: Diaspora and Language. In: Modern Diasporas in International Politics, (ed.) by Gabriel Sheffer. New York .p.75-102.; Horowitz D. 1986: "Diasporas and Communal Conflicts in Divided Societies". In: Modem Diasporas and International Politics. G.Sheffer (ed.) New York: St.Martin's; Вайнрайх, У. Одноязычие имногоязычие / У. Вайнрайх // Зарубежнаялингвистика. III – М.: «Прогресс», 1999. – С. 7-42; Языкова А. Исправление ошибок: Проблемы российской диаспоры в странах нового зарубежья // Русская культура вне границ. Вып. 4. – М., 1996. – С. 38-41.; Гухман М.М. Некоторые общие закономерности формирования и развития национальных языков // Вопросы формирования и развития национальных языков. – М., 1960. – 295 с.; Кюльмоя И.П. Об исследовании языка русской диаспоры в странах Балтии // Проблемы языка диаспоры. Труды по русской и славянской филологии. – Тарту, 2002; Ахметова Я.М. Сравнительно-исторические исследования языка татар Финляндии. – Казань: КГЭУ, 2009.

2. Казахская диаспора и репатриация (1991-2012). – Алматы: Елтаным, 2015.

3. Қазақ тілінің аймақтық сөздігі. – Алматы: Арыс, 2005.

4. Қазақ диаспорасы тілінің нормативтік және диалектілік сипаттамасы // Тілтанымдық зерттеулер (2000-2002 жж. зерттеулер бойынша жинақ). – Алматы: Арыс, 2007.

Уртегешев Н.С., г. Новосибирск

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ДИАЛЕКТ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА: МЯГКОРЯДНЫЕ ОКРУГЛЁННЫЕ ПОЛУУЗКИЕ ГЛАСНЫЕ (по данным МРТ)

Данная работа – вторая статья по северо-западному диалекту башкирского языка, в которой анализируются вокальные настройки соматическим методом экспериментальной фонетики, а именно методом магнитно-резонансного томографирования (МРТ).

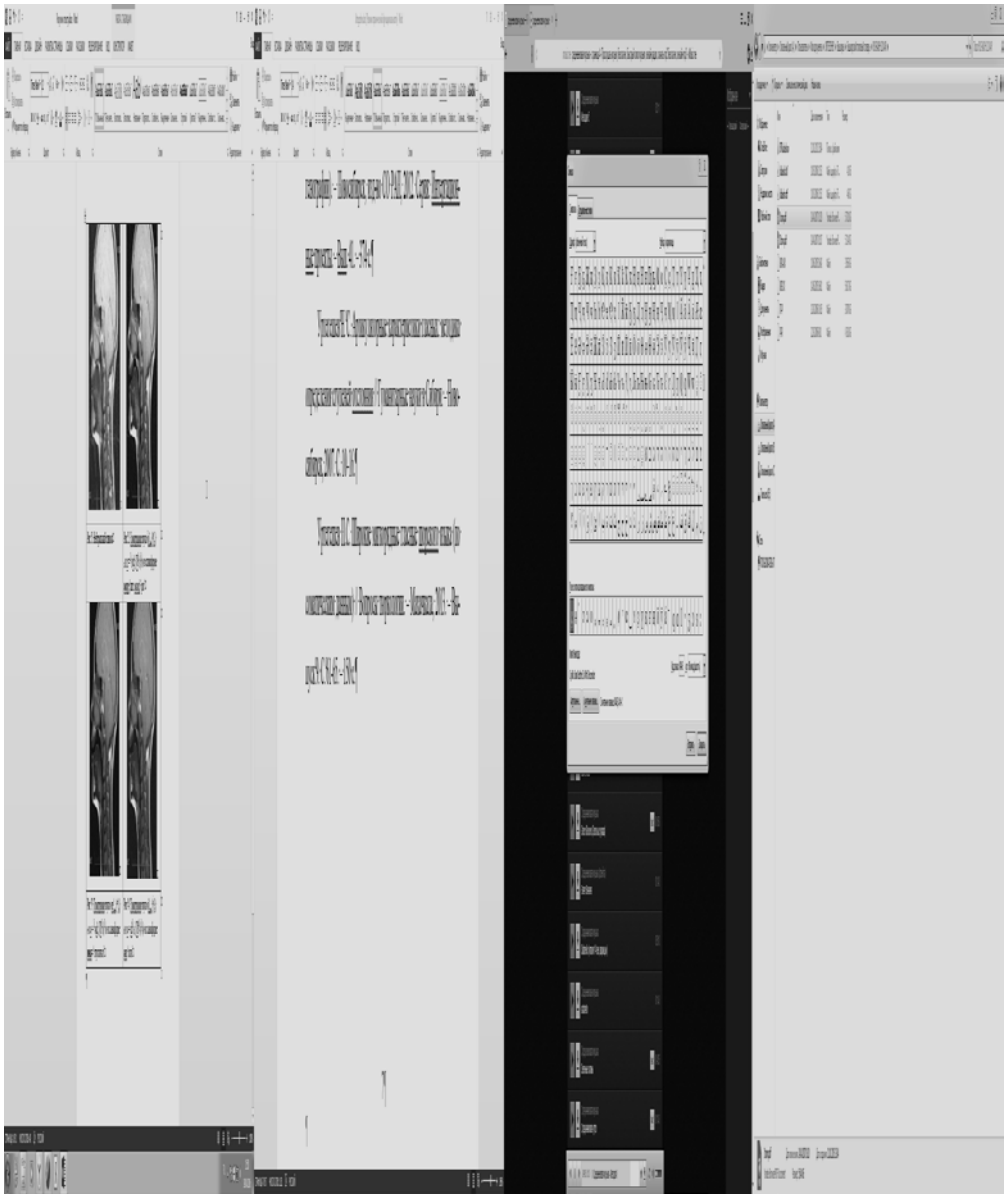
Для анализа были привлечены 3 томограммы артикуляционных настроек гласных типа «ө» и одна томограмма с нейтральным снимком (рис. 1).

По аудиовизуальным впечатлениям автора статьи, гласные типа «ө» в постпозиции к слабопалатализованным согласным реализуются в настройках, несколько отодвинутых назад в отличие от постпозицитивных к среднеязычным и умереннопалатализованным, поэтому для выявления артикуляторных характеристик соответствующих аллофонов в программу

томографирования были включены мягкорядные слова *мөгүç* (лит. *мөгөз*) ‘рог’, *төш=* ‘спускаться’ и *көл* ‘зола’.

МРТ-съемка[1] производилась по методике, принятой в ЛЭФИ Института филологии СО РАН. Снимаемые звуки одновременно записывались на цифровой диктофон для контрольного протокола эксперимента и для последующего слухового анализа.

Для определения артикуляторной рядности гласных применялась методика, разработанная В.М. Наделяевым [1, с. 44–91; 2, с. 50–58], для определения ступеней отстояния использовалась «Универсальная таблица» [3, с. 10–16].



Далее рассматриваются настройки произносительных органов и описывается работа активных органов речи по отношению к пассивным при произнесении гласных типа «ө».

При артикулировании постсонантного гласного типа «ө» в мягкорядной словоформе *мөгүç* (лит. *мөгөз*) на томограмме (рис. 2) контур активности локально пологий **КА-2**. Активно работающим участком является средняя часть спинки языка (индекс МП: $^{1}/_{5}$cd, направленная ко второй половине твердого неба (индекс НЛ: $(78^{1}/_{8})^{1}/_{8}$, что характеризует настройку как *переднюю сильноотодвинутую.*

[1] МРТ-съёмка проводилась в Институте “Международный томографический центр” СО РАН (г. Новосибирск).

Отстояние активной части спинки от твердого неба (НП) составляет 66,7% по отношению к h_{max}, на основании чего рассматриваемый гласный можно определить как звук *третьей сильнопризакрытой ступени отстояния (3Ƀ2).*

Кончик языка плотно примыкает к режущей поверхности нижних резцов, проецируясь на лингвальный склон верхних резцов.

Зубное отстояние, т.е. отстояние точек режущих краев верхних и нижних медиальных резцов, составляет 2,6% l_{const}; губное отстояние, т.е. взаимное отстояние верхней и нижней губ, составляет 13,2% l_{const}. Меньшая величина зубного отстояния по сравнению с аналогичным губным отстоянием свидетельствует о *неогубленной* гласной фонации (акустически воспринимается как лабиализованный).

Между задней стенкой носоглотки и небной занавеской щель отсутствует, следовательно, звук неназализованный.

Констатируется напряженное оттягивание увулы к языку – настройка гласного определяется как *увуларизованная.*

Средне-нижняя часть (g_2) корня языка напряжённо оттянута к задней части спинки языка, которая в свою очередь напряженная оттянута по направлению к корню языка – звук *фарингализованный*.

Совокупность выявленных артикуляторных характеристик рассматриваемого звука позволяет определить его как ***передний сильноотодвинутый третьей сильнопризакрытой ступени отстояния неогубленный неназализованный увуларизованный фарингализованный с ө-образным звучанием***; точная фоническая транскрипция: «ø‘ˌ (ᵊ/ᵧ) $_{c//8//3Ƀ2}$ = $^1/_5$c͡d; (7͡8$^1/_8$)$^1/_8$».

На томосхеме, полученной от этого же диктора, гласный типа «ө» в словоформе ***төш***= ‘спускаться’ (рис. 3) при направленности активного участка корпуса языка с локальным пологим контуром активности **КА-2** – средней части спинки языка (индекс МП: $^1/_9$c͡d) – ко второй половине твердого неба (индекс НЛ: (7͡8$^1/_8$)$^1/_8$), что характеризуемую настройку можно квалифицировать как *переднерядную сильноотодви-нутую*.

Отстояние активной части спинки от твердого неба (НП) составляет 50% по отношению к h_{max}, на основании чего рассматриваемый гласный можно определить как звук *четвертой сильнопризакрытой ступени отстояния (4Ƀ3).*

Кончик языка плотно примыкает к режущей поверхности нижних резцов, проецируясь на лингвальный склон верхних резцов.

Зубное отстояние составляет 5,3% l_{const}; губное равно 5,3% l_{const}. Величина зубного расстояния равна губному, но при этом губы выпячены вперёд, что свидетельствует о *огубленной* гласной фонации.

Отсутствие щели между задней стенкой носоглотки и небной занавеской говорит о *не назализованности*.

Констатируется напряженное оттягивание увулы к языку – настройка гласного определяется как *увуларизованная.*

Средне-нижняя часть (g_2) корня языка напряжённо оттянута к задней части спинки языка, которая в свою очередь напряженная оттянута по направлению к корню языка – звук *фарингализованный*.

Таким образом, описанный гласный определяется как ***переднерядный сильноотодвинутый четвертой сильнопризакрытой ступени отстояния огубленный неназализованный увуларизованный фарингализованный с ө-образным звучанием***; точная фоническая транскрипция: «ʔœ‘ˌ (ᵉ/ø) $_{c//8//4Ƀ3}$ = $^1/_9$c͡d; (7͡8$^1/_8$)$^1/_8$».

У этого же диктора на томосхеме, полученный гласный типа «ө» в словоформе ***көл*** ‘зола’ (рис. 4) имеет локально крутой контур активности **КА-1**. Межуточная часть спинки языка (индекс cƀd$^1/_6$) поднимается ко второй половине твердого неба (индекс (7Ƀ8$^4/_9$)$^1/_9$),

образуя широкую щель. Настройка может быть определена как *централь-но-задняя сильновыдвинутая вперёд*.

Минимальное отстояние активной части спинки языка от твердого неба (НП) составляет 52,6% по отношению к h_{max}, на основании чего рассматриваемый гласный можно определить как звук *третьей сильноприоткрытой ступени отстояния.*

Кончик языка плотно примыкает к нижним резцам, проецируясь на границу лингвального склона верхних резцов с передним склоном альвеол (индекс: (3)(4)).

Зубное отстояние составляет 5,3% l_{const}; губное – 5,3% l_{const}. Величина зубного расстояния равна губному, но при этом губы выпячены вперёд, что свидетельствует о *огубленной* гласной фонации.

Наличие щели между задней стенкой носоглотки и небной занавеской свидетельствует о *назализации* гласного.

Констатируется напряженное оттягивание увулы к языку – настройка гласного определяется как *увуларизованная.*

Средне-нижняя часть (g_2) корня языка напряжённо не оттянута к задней части спинки языка, которая в свою очередь напряженно не оттянута по направлению к корню языка – звук *нефарингализованный*.

Вышесказанное позволяет определить рассматриваемый гласный как ***централь-но-заднерядный сильновыдвинутый вперёд третьей сильноприоткрытой ступени отстояния назализованный огубленный увуларизованный нефарингализованный;*** точная фоническая транскрипция: «ȯ‘ ($^{ȯ}/_{3}$) d//8//3ƀ4 = cƀd$^{1}/_{6}$; (7ƀ8$^{4}/_{9}$)$^{1}/_{9}$)».

Заключение

Обобщая результаты МРТ и слухового анализа по гласным настройкам типа «ө», можно сделать следующие выводы.

1. В зависимости от позиционно-комбинаторных условий гласные типа «ө» северо-западного диалекта башкирского языка могут быть как ***переднерядными сильноотодвинутыми*** (после умереннопалатализованных и среднеязычных), так и ***централь-но-заднерядными сильновыдвинутыми*** (в абсолютном начале слова и после слабопалатализованных согласных)**.** Ранее подобная закономерность была выявлена для шорского языка [4, с. 61–65].

2. По степени раствора рта гласные можно определить как ***полуузкие***: третья и четвертая ступени отстояния.

3. Некоторой неожиданностью оказалась тотальная увуларизация исследуемых гласных. В дальнейшем следует проанализировать вокальные фоны в данных словах другими методами.

4. В словах *мөгүҫ* (лит. *мөгөз*) ‘рог’, *төш*= ‘спускаться’ звукотип «ө» имеет дополнительную фарингализованную артикуляцию, которую можно объяснить препозитивными фарингализованными согласными.

5. Фактически у всех гласных констатируется методом МРТ разогубление (делабиализация), но при этом сохраняется акустический эффект лабиализованного гласного (округлённый гласный). Округлённые гласные были ранее зафиксированы в языке калмаков как аллофоны самостоятельной фонема.

Дикторы

Диктор – **Ахметова Гульшат Ринатовна**, башкирка. Родилась в 1989 г. в с. Верхнекудашево Татышлинского района Республики Башкирия. Башкирским и русским языками владеет с детства.

Условные обозначения

КА-1 – локальный крутой контур на части контура спинки; **КА-2** – локальный пологий контур на части контура спинки; **НЛ** – небный локус; **МП** – максимальное превышение; **НП** – наименьшая прямая.

Литература

1. *Наделяев В.М.* Экспериментально-фонетическое рентгенографирование артикуляторных настроек гласных (Методические заметки) / Приложение к статье «Артикуляционная классификация гласных» // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 44–91.

2. *Селютина И.Я.* Кумандинский вокализм. Новосибирск, 1998. С. 50-58.

3. *Уртегешев Н.С.* Артикуляторные характеристики гласных: методика определения ступеней отстояния // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 2007. С. 10–16.

4. *Уртегешев Н.С.* Широкие мягкорядные гласные шорского языка (по соматическим данным) // Вопросы тюркологии. Махачкала, 2013. Выпуск 9. С. 61-65.

Уртегешев Н.С. , Токмашова Т.А. , г. Новосибирск

ВЕРХНЕКОНДОМСКИЙ ГОВОР ШОРСКОГО ЯЗЫКА: КОМБИНАТОРИКА

Шорский язык – это язык одного из малочисленных тюркоязычных этносов, населяющих северные предгорья Алтая (Кузнецкий Алатау) в верхнем течении реки Томи и по ее притокам – Мрас-Су, Кондоме, Абе, по реке Чумыш и ее притокам, захватывая часть территории Алтайского края, в пределах которого по реке Тогул отмечаются отдельные шорские поселки; отдельные семьи проживают вместе с кумандинцами в степях около реки Бии [Дыренкова, 1925], а также в долинах рек Абакан, Таштып, Матур в Республике Хакасия Российской Федерации. Помимо этого, места компактного проживания шорцев отмечаются в странах СНГ.

Численность шорцев по данным Всероссийской переписи 2010г. в РФ – 12888 человек, на территории Кузбасса — 10672 человека, в Хакасии – 1150, в Красноярском крае – 201, Алтайском крае – 165, в Республике Алтай – 87. В Кемеровской области (Кузбассе) проживает 82,8% от всей численности шорцев в РФ.

Шорский язык, по классификации Н. А. Баскакова, относится к хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы восточно-хуннской ветви тюркских языков [Баскаков, 1969, с. 353-354] или, по его же более ранней классификации – к хакасской подгруппе уйгурской группы [Баскаков, 1952, с. 134], что свидетельствует об относительной близости шорского языка к другим языкам этой же подгруппы – хакасскому, чулымско-тюркскому и северным диалектам алтайского языка (кумандинскому, чалканскому, тубинскому).

Современный шорский язык представлен десятью говорами: нижнекондомским, мундыбашским (каларским), антропским, верхкондомским, пызасским. нижнемрасским, томским, среднемрасским, кобырзинским, верхнемрасским.

В данной работе нами будет рассмотрена комбинаторика верхнекондомского говора.

Анализ комбинаторики согласных в верхнекондомского говора свидетельствует о том, что в **инициально-преконсонантной позиции CCV-** шумные глухие согласные C_1 комбинируются только с постпозитивными шумными глухими C_1 или малошумными согласными C_3; комбинации с последующими шумными звонкими не допускаются, например: *штан* – ʃÜ'tȧn> – ‘штаны’, *креде* – kr'E:ḍ˙з/ – ‘огород’, *тлаас* – t̰˙l'æ:sÜ – ‘новость’. В **медиально-преконсонантной позиции -V[C]C_1V-** с шумными глухими согласными комбинируются шумные глухие согласные C_1 и малошумные. Причем после малошумных согласных C_3 чаще всего употребляются шумные глухие фарингализованные звуки. Сочетание шумного звонкого C_2 с шумными глухими не допускается: *қапчақ* – q˙ ɷ̇p>ðʃ'ᶜaq – ‘котомка’, *қуйчар* – kȣ̈·jðʃ'ar – ‘дует’, *турчар* – tȣ̈r’ðç:ar – ‘стоит’, *алтам* – /ȧ:χtFm> – ‘шаг’. В **медиально-преконсонантной** позиции перед согласными типа C_2 - **V[C]C_2-** употребляются только малошумные согласные C_3: *сал□ын* – sɷ̇:lɔ̆ṅn> – ‘ветер’, *илбик* – /ṅ:l'ḃ˙ъ_k – ‘пуговица’, *тайдоқ* – t̰ᶜȧ·jdȯk – ‘дед (по матери)’. В **медиально-пресонантной** позиции **-V[C]C_3-** констатируются только малошумные согласные: *четре* – ’ðíç:E:t˙r'E/ – ‘до’, *амны* – /ȧm>nṅ/ – ‘сейчас’, *тоннар* – tȯn>nз_r˙ – ‘шубы’. В **медиально-постконсонантной позиции -VC_1[C]V-** после согласных из группы C_1 отмечаются только шумные глухие согласные C_1, и как исключение согласный типа r: *ақтап* – /ɷ̇:x’t̰:зp> – ‘сильно’, *қапса* – kʌ_p>sɷ̇/ – ‘скорлупа’, *тырбақтаң* – t̰ṅrβȧ:Xtṅŋ> – ‘от ногтя’. В **медиально-постконсонатной позиции -VC_2[C]V-** отмечаются малошумные и шумные согласные из группы C_2: *көзнек* – kö:z˙n˙зk – ‘окно’, *уғда* – /Ugdз_/ – ‘в доме’, *қадлың* – s'eŋ

’q̲:αd>É̇ъ̇ŋ> – ‘слой=твой’. В **медиально-постсонантной позиции -VC₃[C]V-** после малошумных согласных выступают согласные всех трех групп, т.е. шумные глухие (сильнонапряженые), шумные звонкие и малошумные: *қарындажым* – ’q̲:Ã:’r̲ъ̇’n̲’d̲Î:Z˙ъ_m> – ‘родственник=мой’, *қабырқа* – ’q̲: ɸ̇: @bĭrɑ̨ ɸ̇/ – ‘ребро’, *көбүрген* – kɔ̇:b˙ʊ_r˙ɡ̇ən˙– ‘бурлил’.

Кроме инициальной и медиальной позиций, биконсонантные сочетания зафиксированы в **абсолютном конце слова -VCC,** где первый компонент – малошумный звук типа r, второй – шумный глухой звук типа «t», а также где первый компонент – шумный звук типа «d», второй – малошумный звук типа «l»: *төрт* – t˙ör˙t˙ – ‘четыре’, пир қадл – ’p̲˙lr' ’q̲:αd>É – ‘один слой’, *арт* – /ȧ̲r̲’t̲: – ‘перевал’.

В верхнекондомском говоре шорского языка зафиксированы следующие: **медиальные триконсонантные сочетания согласных: -C₁C₁C₃-, -C₃C₁C₁-, -C₃C₁C₃-, -C₃C₂C₃-,** где **C₃** может быть только малошумный согласный типа «r» или «l», а в роли глухого согласного выступает звук типа «t», а звонкого – типа «d»: *сындырстым* – ’s̲:ъ̇n>d5ъ̇rs˙tъ̇(m> – ‘сломал’, *ол барстыр* – /ȯl bȧrstъ̇r – ‘ушел=он, оказывается’, *толдура* – t5ɔ̇·ld5’r̲ᶜ:ȧ/ – ‘полный’, *маңзра=* – mȧŋzrȧ/ – ‘спешить’.

Обобщено комбинаторные возможности данного говора шумных и малошумных согласных в разных позициях в составе биконсонантных сочетаний представлены в таблице 1.

Таблица 1

Препозиция	Постпозиция		
	-C₁	**-C₂**	**-C₃**
C₁-	+	–	+
C₂-	–	+	+
C₃-	+	+	+

Данные, приведенные в таблице, свидетельствуют о том, что допустимыми для кондомского диалекта являются следующие сочетания:

шумный глухой	+	шумный глухой	C_1+C_1
шумный звонкий	+	шумный звонкий	C_2+C_2
малошумный	+	шумный глухой сильнонапряженный	$C_3+\underline{C}_1$
малошумный	+	шумный звонкий	C_3+C_2
малошумный	+	малошумный	C_3+C_3

Таким образом, биконсонантные сочетания согласных в кондомском диалекте шорского языка являются типично тюркскими с незначительными комбинаторными ограничениями.

Сочетание C_3+C_1 на стыке морфем, неприемлемое в ряде современных тюркских языков Южной Сибири [Широбокова, 2000, с. 30-31], продуктивно как в мрасском [Уртегешев 2002: 270], так и в кондомском диалектах шорского языка, что свидетельствует о более слабой ассимиляции согласных по глухости–звонкости.

Литература

Баскаков Н.А. К вопросу о классификации тюркских языков // Известия АН СССР, отделение литературы и языка, Том XI. Вып. 2. – М., 1952, с. 134.

Баскаков Н. А Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.

Дыренкова Н.П. Из полевого дневника за 1925 год. Архив МАЭ. Ф. 3, оп. 1, с. 119.

Уртегешев Н. С. Шумный консонантизм шорского языка, // на материале мрасского диалекта. Новосибирск, 2002.

Чиспияков Э.Ф. Диалекты шорского языка (совметно с Г.Ф. Бабушкиным) // Язык, история, культура тюрков Южной Сибири. Кемерево, 2004, с. 115-146.

Широбокова Н.Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, 2000.

Условные обозначения

С1 — шумные глухие, С2 — шумные звонкие, С3 — малошумные (сонанты), V — гласные, в квадратных скобках [ ] — звук, рассматриваемый в составе консонантного сочетания.

Список информантов

1. **Судачаков** Михаил Николаевич, 1 апреля 1951 г.р., родом из д. Малый Мазас Таштагольского р-на Кемеровской области. С 1971 г. живет в г. Таштаголе. Бывший шахтер, сейчас пенсионер

2. **Судочакова** Зинаида Михайловна, 3 сентября 1933 г.р., родом из п. Шерегеш Таштагольского р-на Кемеровской области. Род: таеш. Всю жизнь прожила в п. Шерегеш. образование 4 класса. Пенсионерка. Всю жизнь отработала в колхозе разнорабочей.

3. **Санженакова** Раиса Сергеевна, 6 августа 1955 г., родом из д. Малый Мазас Таштагольского р-на Кемеровской области. С 1985 г. живет в г. Таштаголе. Бывший старший налоговый инспектор по Таштагольскому району, сейчас пенсионер. Образование высшее.

4. **Байлагашева** Лариса Афанасьевна, 14 июня 1967 г., родом из г. Таштагол, образование 8 классов. Домохозяйка.

Халкова Ю. А., Уртегешев Н.С., г. Новосибирск

ЯЗЫК ЧАТОВ: МАЛОШУМНЫЕ 1-ГО АРТИКУЛЯЦИОННОГО РЯДА

Это очередная работа по дистрибуции и инвентарю согласных чатских татар.

Чаты, или чатские татары, представляют собой одну из трёх групп томских татар, в которую, наряду с ними, входят калмаки и эуштинцы. Проживают чаты в Томской области в Томском и, частично, в соседних районах вдоль рек Томь и Обь (деревни Чёрная речка, Барабинка, Тахтамышево, Калтай), а также в Колыванском р-не Новосибирской области в деревнях Юрт-Ора и Юрт-Акбалык [Валеев, Томилов 1996: 11].

Цель – выявление инвентаря малошумных (сонорных) губных согласных фонем языка чатских татар Новосибирской области и определение на аудио-визуальном уровне конститутивно-дифференциальных признаков, структурирующих рассматриваемую подсистему.

Для реализации поставленной цели были выписаны словоформы из словаря Д. Г. Тумашевой [1992], проверены с информантами и дикторами, записаны с помощью программы Adobe Audition и затранскрибированы по данным слухового анализа произнесений дикторов и предварительного экспериментально-фонетического анализа с использованием программ Adobe Audition и Speech Analyzer. Кроме того, был зафиксирован и проанализирован языковой материал (отдельные слова, словосочетания, рассказы и песни), полученный непосредственно от информантов в ходе научно-лингвистических экспедиций в 2008-2009 г. в деревни Юрт-Ора и Юрт-Акбалык Колыванского района Новосибирской области (места проживания потомков чатов) [Селютина, Уртегешев и др. 2013: 249-259].

По методике, принятой в ЛЭФИ Института филологии СО РАН, согласные губные звуки рассматриваются в различных позициях в словоформе, условно обозначенных как [C]V-, -V[C]V-, -[C]C_1-, -[C]C_2-, -[C]C_3-, -C_1[C]-, -C_2[C]-, -C_3[C]-, -[CC]-, -V[C], где в квадратные скобки заключен рассматриваемый звук, C_1 – шумный глухой, C_2 – шумный звонкий, C_3 – малошумный (сонант). Кроме того, учитываются позиции сандхи – внешнего (на стыке слов) и внутреннего (на стыке морфем) [Ахманова 2004: 394; Уртегешев и др. 2007: 87-109]. Результаты дистрибутивного анализа малошумных губных фонем приведены в сводных таблицах 1 и 2.

Д. Г. Тумашева классифицировала язык чатских татар, проживающих в Колыванском районе Новосибирской области, как орский подговор эуштинско-чатского говора томского диалекта в составе восточного диалекта татарского языка, в котором она выделила 4 губно-губные фонемы: *б, п, м, w* [Тумашева 1968: 133; 1977:230].

По обобщенным результатам аудио-визуального анализа и с учетом позиционно-комбинаторных условий, а также по правилам выделения фонем Н. С. Трубецкого [1960] в

языке чатов, проживающих в Новосибирской области, нами выявлены 2 губно-губные согласные фонемы, предварительно обозначенные как [m] и [w]. Ниже приводится языковой материал, позволивший определить состав малошумных губных фонем.

Малошумный губно-губной смычный назальный согласный «m»:

CV-: *минеӈ* «mʹɪnʹəŋ» ‘мой’, *милей* «mʹɪlʹej» ‘варежка’, *мыжы* «mъ>ʒъ>ɥ^{x}~məʒə>ɥ^{x}» ‘кот’, *мамай* «mA>mA>j~mA>mA>» ‘бабушка’;

-VCV-: *исемем* «ʔɪsʹemʹem» ‘имя=мое’, *йомырт* «jo>mъ>rt» ‘черемуха молотая’, *кугэмэй* «ku>gəmʹəj~ku>gəmʹөj» ‘черника’, *чимин* «t͡ʃʹɪmʹɪn~t͡ʃʹəmʹən» ‘муха, комар’, *мамык* «mA>mъ>ɥ» ‘петух’;

-[C]C$_2$-: *ямгыр* «jA>^{o}mɥъ>r~ jA>^{o}nɥъ>r» ‘дождь’, *кемдыр* «kʹemʹdʹɪrʹ» ‘кто-то’, *ӧрӧмдӧ~орӧмдӓ* «өrʹөmʹdʹө~өrʹөmʹdA>^{o}» ‘на улице’, *барымба?~барамба?* «bA>rъ>mbA>?~ bA>rA>mbA>?» ‘пойду ли=я?’;

-C$_1$[C]-: *чишмя* «t͡ʃʹɪʃʹmʹæ» ‘родник’, *рэхмэт* «rəhmʹæt» ‘спасибо’, *йокмын* «jo>kmъ>n» ‘нет=я’;

Таблица 1

Дистрибуция губно-губного «m»

	[C]V-	-V[C]V-	-[C]C$_1$-	-C$_2$]C$_2$-	-[C]C$_3$-	-C$_1$[C]-	-C$_2$C]-	-C$_3$[C]-	-[CC]-	-V[C]
m	+	+	–	+	–	+	–	+	–	+

-C$_3$[C]-: *пармак* «pA>rmA>ɥ^{xc}~bA>rmA>ɥ^{xc}» ‘палец’, *урмакуч* «u>rmA>^{o}ku>t͡ʃ» ‘паук’, урмон «u>rmo>n» ‘лес’, *шормо~шорпа* «ʃo>rmo>~ʃo>rpA>» ‘суп’;

-VC: *туӈум* «tu>ɥu>m» ‘яйцо’, *орөм* «o>rəm» ‘улица’, *корым* «ɥ^{xc}o>rъ>m~ɥъ>rъ>m~hъ>rъ>m» ‘сажа’, *узем* «ʏzʹem~ʏzʹɪm» ‘я сам’, *кызым* «kɤzɨm» ‘дочь=моя’, *эштэбитим* «əʃʹtəbʹɪtʹɪm» ‘ не работаю=я’;

-V[C]‿C$_2$V-: *минем блеӈ~минем мнеӈ* «mʹɪnəm‿blʹəŋ~ mʹɪnəm‿mnʹəŋ»‘со мной’;

-V[C]‿V-: *минем улым* «mʹɪnəm‿ʊlɨm» ‘мой сын’;

-VC$_3$‿[C]C$_3$-: *мин мнда~мин монда* «mʹɪn‿mndA>~mʹɪn‿mo>ndA>» ‘я здесь’.

В таблице 1 представлена дистрибуция малошумного губно-губного смычного назального звука «m».

Звук «m» зафиксирован в следующих позициях: инициально-превокальной, интервокальной, медиально-преконсонантной перед звонким и малошумным, медиально-постконсонантной в сочетании с глухим и малошумным согласным, а также в конечной после гласного.

В позиции внешнего сандхи звук «m» употребляется в медиальной преконсонантной позиции перед звонким и малошумным, в медиальной постконсонантной в сочетании с малошумным следующего слова, а также в интервокале.

Результаты анализа квазиомонимов типа: *туӈум* «tu>ɥu>m» ‘яйцо’ и *тузун* «tuzun» ‘пыль’, *кызым* «kɤzɨm» ‘дочь=моя’ и *кызыл* «kɤzɨl» ‘красный’, *мамай* и *бабай*, в которых замена губно-губного смычного «m» другим звуком привела бы к искажению семантики слова, а также применение морфологического метода выделения фонем [Селютина 2002: 17]

при анализе словоформ *бала* ‘ребенок’ и *балам* ‘мой ребенок’, где звук «m» является реализацией фонемы-монофтонга, позволяют сделать вывод о том, что звук «m» представляет самостоятельную фонему [m].

Малошумный губно-губной круглощелевой оральный согласный «w»:

CV-: *wахыт* «wA>χъ>t~vA>χъ>t» ‘время’;

-VCV-: *яwап* «jA>wA>p» ‘ответ’, *таwыр* «tA>ᵘwъ>r~dA͡ur» ‘быстро’, *таwук~таук* «tA>ᵘwu>k k~tA͡uk» ‘курица’, *кигаwын* «kᵍɪgA>wъ>n» ‘паут’, *аwыс~аус* «Áᵒwɨs~Áu͡os» ‘рот’, *баwыр* «bÁwɨr» ‘печень’, *сыwак~суак* «sɨwA>ᵒɥˣ~su>A>ᵒɥˣ» ‘холод’, *хаwа* «hA>wα~χA>vA>» ‘небо’;

-VC: *[ø]даw* “qo>dα>w” ‘гвоздь’, *аба~абаw* «ʔA>bA>~A>bA͡uw» ‘тетя, старшая сестра’, *пызаw* «bɨzA>̇w ~ pᶜɨzA>̇w ~ bzA>̇uᵒ~ bzA>o͡u» ‘теленок’, *бреw* «brʹew~brʹeu» ‘один’, *саw* «sα>w ~ sα>o͡u» ‘дои!’, *таw* «tα>w ~ tα>o͡u» ‘гора’.

Употребление звука «w» ограничено начально-превокальной, интервокальной и финально-поствокальной позициями, в которых он чередуется с губно-зубным звуком «v», с гласным «u», с дифтонгом «ou», либо с нулевым звуком (*абаw~аба* «ʔA>bA>~ʔA>bAuᵒw» ‘тетя, старшая сестра’). Замена губно-губного круглощелевого губно-зубным не вызывает искажения семантики, что позволяет трактовать звуки «w» и «v» как варианты одной фонемы.

Анализ языкового материала, а также квазиомонимов типа *баwыр* «bÁwɨr» ‘печень’ – *баґыр* «bÁɥɨr» ‘медведь’, *қодай* «qˣo>dα>j» ‘Бог’ – *қодаw* «qˣo>dα>w» ‘гвоздь’, *таw* ‘гора’ – *тап* ‘ищи!’, *саw* ‘дои!’ – сап ‘очень (приставка прилагательного)’ и неполных квазиомонимов *аба* «ʔA>bA>~A>bA>w» ‘тетя, старшая сестра’ – *хаwа* «hA>wA>~χA>vA>» ‘небо’; *ябыс* «jA>bɨs» ‘низкий’ – *аwыс* «Áᵒwɨs~Áu͡os» ‘рот’, *wахыт* «wA>χъ>t~vA>χъ>t» ‘время’ – *бэхэт* «bʹəhʹæt» ‘счастье’, *таwук ~ таук* «tA>ᵘwu>k k ~ tA͡uk» ‘курица’ – *тыйык* «tъ>jъ>k» ‘целый’, в которых замена малошумного губно-губного «w» или его факультативного варианта «v» другим звуком приводит к искажению семантики, позволяет сделать вывод (по 2-му правилу Н. С. Трубецкого), что данный звук является реализацией самостоятельной фонемы [w].

Таблица 2 схематично демонстрирует дистрибуцию вариантов фонемы [w] – малошумного губно-губного круглощелевого звука «w» и шумного звонкого губно-зубного звука «v».

Таблица 2

Дистрибуция губно-губного «w»

	[C]V-	-V[C]V-	-[C]C_1-	-C_2]C_2-	-[C]C_3-	-C_1[C]-	-C_2[C]-	-C_3[C]-	-[CC]-	-V[C]
w	+	+	–	–	–	–	–	–	–	+

Оттенки фонем [m] и [w] в инициально-превокальной [C]V-, интервокальной -V[C]V, а также в финально-поствокальной -V[C] позициях находятся в отношениях контрастирующей дистрибуции. Таким образом, в подсистеме чатских малошумных согласных можно выделить две губные фонемы: [m] и [w].

Заключение

Фонема [m], выступая в основном в звонком оттенке, констатируется в следующих позициях: mV-, -Vm, -VmV-, -mC_2-, -mC_3-, -C_1m-, -C_3m-.

Фонема [w], реализуется в двух оттенках «w» и «v» в позициях wV- (~vV-), -Vw и -VwV- (~-VvV-).

Список литературы

Ахманова О. С. Словарь лингвистичеких терминов. М., 1966.

Валеев Ф.Т., Томилов Н.А. Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск: Наука, 1996.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. Л.: Изд-во ЛГУ, 1960.

Селютина И. Я. Фонетика языков народов Сибири. Учебное пособие. Горно-Алтайск, 2002.

Селютина И.Я., Уртегешев Н.С., Эсенбаева Г.А., Добринина А.А., Рыжикова Т.Р. Атлас консонантных артикуляций в тюркских языках народов Сибири. Новосибирск, 2013. С. 249-259.

Татарско-русский словарь. Казань: Татгосиздат, 1950.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.:ИЛ, 1960. 372 с.

Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар. Изд-во Казанского ун-та, 1992.

Тумашева Д. Г. Язык сибирских татар. Казань, 1968.

Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим тюркским языкам: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1969.

Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. Казань, 1977.

Тумашева Д. Г. Язык сибирских татар (часть вторая). Казань, 1968.

Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Рыжикова Т. Р. Шорские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи // Языки коренных народов Сибири. Вып. 19. Развитие аналитических структур в условиях языковых контактов. Новосибирск, 2007. С. 87-109.

Условные обозначения

С1 — шумные глухие, С2 — шумные звонкие, С3 — малошумные (сонанты), V — гласные, в квадратных скобках [ ] — звук, рассматриваемый в составе консонантного сочетания.

Список дикторов

1. Тимеркаева Сайма Шарифулловна, 1936, деревня Юрт-Ора Колыванского района НСО;
2. Ибрагимова Зайтуна Шарифулловна, 1941, деревня Юрт-Ора Колыванского района НСО;
3. Нигматуллина Раиса Шайхеевна, 1934, деревня Юрт-Ора Колыванского района НСО;
4. Валеева Нурджиян Абдульвадутовна, 1931, деревня Юрт-Ора Колыванского района НСО;
5. Гимаева Сэрур Уразовна, 1934, деревня Юрт-Акбалык Колыванского района НСО;
6. Мухаметшин Рауф Адиятович, 1959, деревня Юрт-Ора Колыванского района НСО;
7. Гайпутдинова Фарима Вахитовна, 1954, деревня Юрт-Ора Колыванского района НСО;
8. Салимова Гунзания Хакимина, 1964, город Новосибирск.

Список информантов

деревня Юрт-Ора Колыванского района НСО

1. Бареева Надия Шарифулловна, 1937;
2. Тихомирова Равза Шамильевна, 1960;
3. Мухаметшин Адият Курбанович, 1937;
4. Мухаметшина Магфура Шарифулловна, .1939.

деревня Юрт-Абалык Колыванского района НСО

1. Габидуллин Минула Шарифуллович, 1946;
2. Тимеркаев Рахимулла Хакимович, 1960;
3. Мухаметшина Хафиза Шараповна, 1927.

Хисамитдинова Ф. Г., г. Уфа

Т. Г. БАИШЕВ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЯВЛЕНИЯ «ЖОКАНЬЯ» («ЖЕКАНЬЯ») В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Т. Г. Баишев, чей 130-летний юбилей мы отмечаем сегодня, был признанным диалектологом, крупнейшим лексикологом, специалистом по терминологии и лексикографии башкирского языка.

Придя в Институт национальной культуры (ныне ИИЯЛ УНЦ РАН) в 1933 г., Т. Г. Баишев с первых дней погрузился в проблемы языкового строительства молодой советской республики. Он принимал активное участие в составлении первых учебников, двуязычных, тематических и терминологических словарей, организации научных экспедиций с целью изучения языка башкирского населения не только Башкирской республики, но и сопредельных областей и республик. Все это способствовало формированию из молодого исследователя Т. Г. Баишева вдумчивого, компетентного ученого-башкироведа, внесшего большой вклад в развитие диалектологии, терминологии и лексикографии. Не случайно его труды не потеряли актуальности и сегодня.

Из всего наследия Т. Г. Баишева, на наш взгляд, особую ценность имеют его диалектологические изыскания. Безусловно, это связано с тем, что Т. Г. Баишев принял участие в 11 научных экспедициях, собрал огромный диалектный материал почти по всем башкироязычным регионам бывшего Советского Союза. Собранный в экспедициях материал им был тщательно обработан, систематизирован и описан. Сегодня обработанные материалы Т. Г. Баишева по диалектологии в объеме 2,5 тыс. страниц хранятся в научном архиве УНЦ РАН и составляют его золотой фонд [1]. Часть его материалов, относящихся к 1954 г., сотрудниками ИИЯЛ кандидатами филологических наук Р. Н. Хадыевой и З. Г. Уразбаевой были подготовлены и изданы в 2008 г. [2].

На диалектном материале своих экспедиций Т. Г. Баишев написал несколько статей и монографию «Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку» (М. , 1955, Уфа, 2006), которые стали основой для уточнения классификации диалектной системы башкирского языка [3].

До этого в связи с отсутствием массового диалектного материала башкирские исследователи выделяли только 2 диалекта: восточный (куваканский) и южный (юрматинский). Такая классификация, предложенная первыми исследователями башкирского языка, вошла в труды многих авторитетных тюркологов Советского Союза. В сложившейся ситуации было довольно сложно Т. Г. Баишеву изменить представления исследователей о диалектной системе башкирского языка. Было открытое неприятие или игнорирование работ Т. Г. Баишева. Однако несмотря ни на что, привлекая огромный полевой материал по лексике, фонетике, морфологии языка башкир всех регионов Башкортостана и сопредельных территорий, ему удалось доказать наличие в башкирском языке третьего, а именно северо-западного диалекта, мало чем отличающегося от южного и восточного диалектов, особенно в области лексики и морфологии [4]. Дальнейшие поиски диалектологов в 60 - 80 годах прошлого столетия, особенно введение ими в научный оборот материалов по гайнинскому, среднеуральскому, нижнебельскому говорам, т. е. говорам, находящимся в иноязычном окружении, подтвердили правоту Т.Г. Баишева в классификации диалектов башкирского языка [5].

При классификации диалектов и говоров Т. Г. Баишев в основном опирался на фонетический принцип, поэтому ни одно фонетическое явление говоров башкирского языка не осталось в стороне от внимания исследователя. Поэтому почти все фонетические явления башкирского языка нашли отражение в работах диалектолога. К числу таковых следует отнести фонетическое явление, называемое в научной литературе «жоканье» (или «жеканье», «джеканье», джоканье»). В своей главной работе «Башкирские диалекты в их отношении к

литературному языку», изданной в МГУ в 1955 г., Т. Г. Баишев пишет: «К фонетическим особенностям башкирского языка также нужно отнести разнообразное произношение в начале слов ***й*** (йы — е, йә, я, ю) и **ж.** Параллельное употребление данных звуков, как правило, распространено повсеместно, но в одних районах оно реже, в других — чаще. Так, например, в Белорецком, Учалинском, Абзелиловском, Баймакском, Бурзянском и Хайбуллинском районах в большинстве случаев употребляется **й** и реже **ж**, тогда как в Мечетлинском, Дуванском, Салаватском, Кигинском, Караидельском, Архангельском и Макаровском районах они употребляются параллельно. Причем в Мечетлинском и Дуванском районах в этом чередовании наблюдается некоторая устойчивость. Например, в таких словах, как **жәй** ′ лето' , **жилән** ′ халат' , **жәйәү** ′ пешком', **жилем** ′ клей' всегда произносится **ж,** а в таких словах, как **егерме** ′ двадцать', **емеш** ′ плод', **еләк** ′ ягода', **йүкә** ′ липа' употребляется **й.** В Нуримановском, Иглинском и Туймазинском районах эти звуки (**й** и **ж**) в начале слов употребляются абсолютно на равных правах, причем без соблюдения какой-либо последовательности [6]. Так, впервые в башкирском языкознании было отмечено употребление в языке разных территориальных групп башкир звука **ж** вместо или наряду с общебашкирским **й.** Следует отметить, что автор «Грамматики башкирского языка» Н.К. Дмитриев отрицал употребление звука **ж** в исконно тюркских словах башкирского языка [7]. Правоту Т. Г. Баишева подтвердили в последующем такие диалектологи, как Н.Х. Максютова, Н.Х. Ишбулатов, С.Ф. Миржанова и др. [8].

Следует отметить, что явление «жоканья» («джоканья», «жеканья», «джеканья») не является особенностью только башкирского языка. Оно, наряду с другими соответствиями j ~ ǯ ~ ž... как в начале, так и середине слова, подробно рассмотрено Э.Р. Тенишевым, (чей юбилей также проходит в 2016 г.), поэтому нет нужды останавливаться на этом вопросе в общетюркском масштабе. Отметим лишь, что споры об изначальности j или ǯ имеют долгую историю. Первым к данной теме обратился еще в XIX веке В.В. Радлов, продолжили В.А. Богородиский, Г.И. Рамстедт, Г. Дёрфер, Н.Н. Поппе, И. Маркварт, К.Г. Менгес, С.Е. Малов, А.Н. Бернштам, Н.А. Баскаков, Ш.Х. Акбаев, Ф.А. Абдуллаев, А.М. Щербак, Б.А. Серебренников, Н.З. Гаджива, Э.Р. Тенишев , К.М. Мусаев и др. [9].

В принципе соглашаясь с точкой зрения Э.Р. Тенишева, убедительно на огромном материале доказавшего первичность j в тюркских языках, хотелось бы обратить внимание на башкирский материал, в котором зафиксирован процесс активной замены **ж** как в анлауте, так и инлауте звуком j. Ниже дается таблица употребления звука **ж** в анлауте по говорам башкирского языка.

Таблица*1

Анлаут

лит.яз. и гов.	**перевод на рус.**	**арг.**	**сальют.**	**миас**	**ай**	**кар.**	**нижнеб.**	**кыз.**	**гайн.**
ем	корм для птиц	жем	жим						
йайын (диал.)	медленно	жайса							
йәй	лето	жәй							
еләк	ягода	жиләк			жиләк	жиләк			жиләк
ете	семь	жите	жите	жете	жите			жете	
йыйылған(диал.)	сброд	жыйынтыҡ							
йөннөкәй (диал.)	одуванчик						жөннөбаш		жөнләкәй
йәймә	лепешка/пелёнка/простыня	жәймә	жәймә	жәймә	жәймә	жайман			жәйелмә
йыбау (диал)	копуша	жыбыу					жыбылғы		жыбылға
йенсек	щиколотка						жинчек		жинчек
йемшәү (диал.)	зоб у птиц	жимшәү							
йәйәү	пешком	жейәү	жәйәү	жәйәү	жәйәү	жейәү	жейәү		жейеү

йөрөү	ходить	жөрөү	жөрөү	жөрөү	жөрөү		жөрөү		жөрөү
емтек	падаль	жемтек	жимтек	жемтек					
йәннәт	рай	жәннәт							женнәт
йекән	рогоз	жикән	жикән		жикән				
йүнәлеү	выздороветь								жүнәү
йылыу (диал.)	полынья								жылыу
ер	земля			жир	жир	жир	жир	жир/ер	жир
ен	бес, черт	жен	жен	жен	жен	жен	жен	жен/ен	жин
ярыу	бить	жарыу		жарыу				жарыу	
йөлөн	спинной мозг								жөлөк
йән	душа					жан	жан		йән/жан
ерек	ольха	жирк		жирк					
еркәүек	лабазник			жиркүлән					
ерән	рыжий	жирән	жирән	жирән				жирән/ерән	жирән
йоҡо	сон					жоҡо			
йоҡлау	спать					жоҡлау			
юҡ	нет					жуҡ	жуҡ		жуҡ/йуҡ
йәшен	молния						жәшен		
ямғыр	дождь						жаңғыр		
ярар	ладно								жарар
яуыу	идти (лить) об осадках)						жауыу		
Йәмилә	личное имя	Жәмилә	Жәмилә						
илау	плакать	жылау				жылау	жылау		жылау
Йәркәй	личное имя			Жәркәй	Жәркәй				
ебәк	шёлк	жебәк		жебәк			жибәк		
ел	ветер					жил	жил		йел/жил
елән	зилян					желән			жилән
ялан	поле					жалан	жалан	жалан	
еп	нитка	жеп	жеп		жеп	жеп	жип		жип
етмәү	недостаток	житмәү	житмәү						житмәү
енсек	голень								жинчек
йомош	поручение								жомош
яҙыу	письмо, бумага								йазу/жазу
йылан	змея								йылан/жылан
йөн	шерсть			жөн/жен					йөн/жөн
яйлау	медлить	жайҙау	жайҙау	жайҙау	жайҙау				
ян	лук (оружие)	жан							
ябаға	шерсть - линька					жабаға	жабаға	жабаға	
яҙын	весной								жазғыда
яй	удобный	жай		жай	жай				
ялағай	подхалим						жалғыян		жалғыйан
ямаҡ	некрасивый				жамаҡ	жамаҡ	жаматай		жаматай
ятыу	омут						жатыу	жатыу/ятыу	
яуын	осадки (дождь)					жауын	жауын		жауын
яһил	коварный			жаһил	жаһил	жаһил	жаһил	жаһил	жаһил
ейән	внук	жейән	жейән	жейән	жийән				

егеү	запрягать			жигеү				жигеү	
йыйыу (диал.)	хоронить				йыйышты рыу				жийу
йыйын	собрание, съезд, празднество	жыйы н	жыйын	жыйын	жыйын/йы йын	жыйын	жыйын		жыйын
екетеү (диал.)	отмочить	жикет еү	жекеү						
елбәгәй	нараспашку					жилбәгәй	жилбегей		жилбегей
елек	трубчатая кость	жилек		жилек/еле к		жилек			
елгәргес	веялка						жиллек		жиллек
емеш	плод					жимеш			
еңҙ	рукав					жиңҙ			жиңҙ
егәрле	проворный, трудолюбив ый								жиңәрле
Етегән	Большая медведица			житейән					житегәр
йиһан	вселенная	жиһан		жиһан				жиһан	
йомаҡ	загадка								жомғаҡ
йүнһеҙ	бестолковый				жүнһеҙ	жүнсеҙ			
йыйыныу	собираться			жыйыныу	жыйыныу			жыйнан ыу	
йылғыр	скользкий								жылғыр
йырғанаҡ	овраг						жырынды		жырмалаҡ
йәйгес (диал.)	скалка				жәйгес			йәйгес/ж әйгес	жәйгеч (лепешка)

Приведенный выше материал позволяет сделать несколько выводов. Первое, судя по материалам таблицы, явление «жоканья» представляет собой диалектное явление и оно характерно в основном говорам восточного диалекта. В связи с изложенным возникает вопрос: не является ли «жоканье» первоначальной чертой языка отдельной родоплеменной группы башкир? Тем более, что явление «жоканья» («джоканья») характерно казахскому, киргизскому, каракалпакскому, а «жеканье»(«джеканье») – татарскому языкам.

Во-вторых, материалы по употреблению анлаутного **ж** свидетельствуют о том, что в начале слов звук **ж** встречается в ограниченном количестве слов. Сюда же следует добавить и то, что в ряде говоров башкирского языка зафиксировано параллельное употребление анлаутных **ж** и **й**. Изложенные факты, безусловно, свидетельствуют о тенденции вытеснения анлаутного **ж** говоров восточного диалекта общебашкирским звуком **й.** Об этом же свидетельствуют и памятники письменности. Так например, судя по материалам Формулярных списков (документы начала XIX в.), в именнике башкир начала XIX в. довольно активно употреблялись имена и фамилии с анлаутными **ж** и **з.** Ср.: Жегофаров, Жиангул, Жиганша, Жиянбай, Жумабай, Жианбикэ, Жамиля, Житимбай / Зитимбай, Жигандар / Зигандар, Жайкаров и др [10]. Следует отметить, что в современном именнике башкир вышеперечисленные и аналогичные им другие имена функционируют в основном с анлаутным **й.** Ср.: Ямалетдин, Йәғәфәр, Йыһанша, Йомабай, Йәмилә, Йыһандар, Яйҡар и т. д.

О вытеснении начального **ж** в кубалякском говоре восточного диалекта автору этой статьи сообщил и исследователь говоров башкирского языка методом МРТ Н.С. Уртегешев [11].

По данным Н.Х. Максютовой, тенденцию к сокращению начального **ж** имеют и другие говоры восточного диалекта башкирского языка [12]. Изложенные факты говорят о том, что под нивелирующим влиянием общебашкирского j — языка, позднее литературного башкирского языка говоры с начальным «жоканьем» стали терять свои позиции, постепенно перейдя к анлаутному **й.**

Рассмотрим тенденцию развития звука **ж** восточного диалекта башкирского языка в других позициях слова.

Явление «жоканья», как отмечал Т. Г. Баишев, характерно и инлауту башкирских слов. Ниже дана таблица употребления звука **ж** в середине слова.

Таблица 2*
Инлаут

лит. яз. и др. гов.	**Перевод на русс. яз.**	**арг.**	**сальют.**	**миас.**	**ай**	**кар.**	**нижнебел.**	**кыз.**	**гайн.**
кинйә	младший из детей	кинжә	кинжә	кинжә/кинйә	кинжә	кинжә			
он йәйгес (диал.)	скалка		онйәйгес						
Мәүлитйән	личное имя	Мәүлижан		Мәүлижан	Мәүлижан				
көнйәлә	пух, пучок прядильного льна		көнжәлә						
әрйә	ларь		әржә						
hаралйын	бекас							саралжын	
күл йәнлеге(диал.)	лягушка								күлжәннек
булйал (диал.)	срок					булжал			
ырйанныҡ (диал.)	вертияхвостка					ыржаннаҡ			
Әбйәлил	Абзелил						Әбжәлил		
фамилия	фамилия						фамилжа		
даръя	большая река							дәржә	
буръяҡ	мутный							буржаҡ	
мәрйен	коралл	мәржен	мәржен	мәржен/мәрйен	мәржен	мәржен		мәржен/мәрйен	
абзый	старший брат					абжый	абжы		
алйыу	устать	алжыу				алжыу	алжыу	алйыу/алжыу	алжыу
торйоҡ	крик журавля	торжоҡ	торжоҡ		торжоҡ				
ынйы	жемчуг	жинже	жинже	ынжы	энже				энже/ынжы
ырайа	благочестие	ыржа							
әрлән	хомяк	әргәнжәк							
рәнйеү	обида, болезнь	әрәнжеү	әрәнжеү		әрәнжеү	әрәжжеү	әрәнжеү		
мөрйә	труба	мөржә		мөрйә/мөржә	мөржә				
алъяпҡыс	фартук								алжабыу
арҡа елек	спинной мозг					арҡа жилеге	арҡажилек		арҡа жилеге
сынйыр	цепь					жынжыр	зәнжир		жынжыр
Үрғаяҡ (диал.)	возвышенное место								уржаҡ
ырйа (диал.)	туман	ыржа	ыржа	ыржа	ыржа	ыржа	ыржа		
аръяҡ	та сторона					аржаҡ			аржаҡ

Судя по вышеприведенному материалу инлаутное употребление звука **ж** вместо общебашкирского **й**, по-видимому, также идет на убыль. Об этом свидетельствует, во-первых, параллельное употребление в некоторых говорах в инлауте **ж** и **й.** Ср.: **кинйә ~ кинжә'** младший в семье' **мәрйен ~ мәржен'** бусы' **алйыу ~ алжыу'** устать' и т.д.

Во-вторых, по данным диалектологов, в башкирском языке и его диалектах употребление звука **й** намного превосходит употребление **ж.**

В-третьих, в именнике башкир начала XIX в. представлено множество имен, фамилий, которые в современном башкирском языке в большинстве случаев представлены с инлаутным **й.** Ср.: Аджитаров (Атйетәр), Акжигитов (Аҡйегет), Туряжан (Түрйән), Асылжан (Аҫылйән), Кинжагул (Кинйәғол), Иджанов (Этйән), Иджимасов (Этйеймәҫ), Темиржан (Тимерйән), Кульжамал (Гөлъямал) и др. [13].

Изложенные факты свидетельствуют о том, что в говорах восточного диалекта как в анлауте, так и инлауте так называемое явление «жоканья» («жеканья») идет на убыль под нивелирующим влиянием литературного языка и других диалектов башкирского языка. Изложенные факты, по-видимому, свидетельствуют о том, что древнейшее **ж** отдельных говоров восточного диалекта вытесняется более новым для данных говоров звуком **й.**

Литература

1. **Хисамитдинова Ф.Г**. Его труды – гимн языку народа// Башкортостан в XX столетии. Исторические портреты. Вып. II. Уфа, 2007. С. 162.

2. Северо-западный диалект башкирского языка. Научный отчет диалектологической экспедиции 1954 года //Хадыева Р.Н., Уразбаева З.Г., Уфа 2008. 372 с.

3. **Баишев Т.Г.** Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1955. 111 с. (Переиздано в 2006 г.)

4. **Баишев Т.Г.** Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. М., 1955. 111 с.

5. **Максютова Н.Х**. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. Уфа, 1996. 288 с.; Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). Уфа, 1991, 296 с.; Дильмухаметов М.И. Говор среднеуральских башкир. Уфа, 2006. 191 с.

6. **Баишев Т. Г.** Указ раб. С 35.

7. **Дмитриев Н.К.** Грамматика башкирского языка. М., 2008. С. 43, 45.

8. **Максютова Н.Х**. Восточный диалект башкирского языка. В сравнительно историческом освещении. М., 1976. 292 с; Ишбулатов Н.Х. Башҡорт диалектологияһы. Өфө, 1979; Миржанова С.Ф. Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние. Уфа, 2006. 300 с.; Она же Южный диалект башкирского языка. М. 1979. 272 с.

9. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика //Э. Р. Тенишев. М., 1984. 484 с.

*Таблица составлена по материалам словаря **Башҡорт теленең диалекттары һүҙлеге** (Далее БТД Һ.) //М.И. Дилмөхәмәтов. Өфө, 2002. 432 б.

10. Документы и материалы по истории башкирского народа. Формулярные списки о службе чиновников башкирско-мещерякского войска за 1836 — 1842 годы. В 2 кн. Кн. 1. Уфа, 2012, 924 с.

11. **Уртегешев Н.С.** кандидат филологических наук, ст. научный сотрудник Института филологии СО РАН.

12. **Максютова Н.Х**. Восточный диалект башкирского языка. М., 1976. 292 с.

** БТД Һ. Өфө, 2002. 432 б.

13. Документы и материалы по истории башкирского народа. Формулярные списки о службе чиновников башкирско-мещерякского войска за 1836 — 1842 годы. В 2 кн. Кн. 1. Уфа, 2012, 924 с.

Шакуров Р.З., г. Уфа

ОБ АРЕАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТОПОНИМОВ С ДИАЛЕКТНЫМ ТОПОФОРМАНТОМ –ДЫ, /-ДЕ, -ДО/-ДӨ, -ҘЫ/-ҘЕ, -ТЫ/-ТЕ

Диалектные особенности в топонимии проявляются на всех уровнях языка – фонетическом, морфологическом и лексическом. В соответствии с этим, несмотря на их тесную взаимосвязь, можно рассматривать в отдельности как фонетические, морфологические, так и лексические диалектизмы в составе географических наименований. Следует отметить, что знание особенностей местных говоров и диалектов может привести в ряде случаев к совершенно неожиданным результатам в плане этимологического анализа в

топонимии. Приведем такой пример: название горы Бешәтәк Баштау в Белорецком районе Республики Башкортостан (дер. Кагарманово) в географическую литературу на русском языке вошло в форме Большой Шатак. По-видимому, начальная буква топонима Бешәтәк была воспринята картографами как сокращенное написание слова “Большой”, что и привело к искажению наименования. На самом деле значение оронима легко обьяснимо, если обратиться к особенностям местного башкирского говора: название образовано от диал. *беш* (лит. биш) “пять” и *әтәк* (лит. итәк) “подол, оборка, подошва горы, склон”. Таким образом, вместо загадочного Большой Шатак перед нами гора, у которой пять склонов. (Русская форма Шатак, как пишет известный топонимист профессор А.К. Матвеев, возникла, видимо, давно: она зафиксирована уже И.И. Лепехиным в XVIII веке). Впрочем, по соседству с Бешәтәк, в Бурзянском районе (дер. Бритяк), имеется наименование *Берәтәк* (Бритяк), где *бер* “один” и диал. *әтәк* (лит. итәк), “подол, склон горы”. Это речка, берущая начало со склона одноименной горы. В названии реки *Бешәке*, лев. пр. Белой в том же районе (дер Байназарово), аналогично с оронимом Бешәтәк, начальное “Б” также было воспринято как сокращенное написание слова “Большой” и в результате на картах она стала обозначаться в форме Б. Апшак. Вслед за этим появилась и речка М. Апшак. Между тем гидроним Бешәке образован от *бешә<мешә* “молодые заросли сосны, ели или лиственницы” и аффикса *–ке* и ничего общего не имеет с искаженным написанием в форме Б. Апшак. В наименовании знаменитого целебного источника – речки *Ҡорғаҙаҡ* (Кургазак) в Салаватском районе первый компонент *ҡор* был в свое время ошибочно истолкован как *ҡор (ҡоро)* “сухая, пересыхающая” (речка). Однако, если исходить из фонетических особенностей айского говора башкирского языка, где характерно чередование звуков у~о и, наоборот, о~у, слово *кор* соответствует здесь литературному *кур* в значении “закваска, солод, сила, мощь”. Следовательно, Ҡорғаҙаҡ – это “целебный источник”, “целебный родник”. Не случайно вода этого чудодейственного родника вот уже многие годы успешно используется в лечебных целях в известном на всю страну санатории “Янган-Тау”. (Гидронимы *Ҡорғаҙы* (Кургазы) – речка в Белорецком и Мечетлинском, *Ҡурлы* (Курлы) – речка в Илишевском и Кушнаренковском, Көйөргәҙе (Куюргазы) – река в Куюргазинском районах и др. также содержат в своем составе слово *ҡор/ҡур* в том же значении, что вне всякого сомнения можно считать указателем на целебные свойства воды этих источников). Примеров диалектных явлений в башкирской топонимии великое множество. Поэтому каждый, кто интересуется топонимией Башкортостана, наряду с другими научными дисциплинами должен очень хорошо знать башкирскую диалектологию.

Огромный интерес представляет анализ характерных для того или иного региона топооснов и топоформантов в целях ареальных исследований. Остановимся только на одном из специфичных для восточного диалекта башкирского языка топоформантов *–ды, /-де, -до/-дө, -ҙы/-ҙе, -ты/-те,* которые являются фонетическими вариантами аффикса обладания *–лы/-ле, -ны/-не* других башкирских говоров и диалектов, а также полностью соответствуют по своему значению аффиксу обладания*–лы/-ле, -ны/-не* в татарском языке. На основании этого топонимы с указанными формантами могут быть рассмотрены в сочетании с данными этимологического (или семантического) анализа основ этих названий как своего рода диалектизмы башкирского языка на карте Исторического Башкортостана. При этом следует оговориться: по нормам восточного диалекта, отражающим его современное состояние, аффиксы *–ды, /-де, -до/-дө, -ҙы/-ҙе, -ты/-те* присоединяются, как правило, к основам, оканчивающимся на согласные звуки: *бол+-до, тал+-ды, тау+-ҙы, таш+-ты*. Эти же аффиксы в названиях с топоосновами на гласные отражают, по-видимому, более раннее состояние говоров башкирского языка и составляют одно из реликтовых явлений башкирской топонимии. Предстоит определить, для говоров каких родов или племен башкир были характерны топонимы на *–ды /-де, -до/-дө, -ҙы/-ҙе, -ты/-те*, образованы от основ на гласные звуки типа *Сусаҙы* (Сусады), *Соҡаҙы* (Чукады), *Ҡотоҙо* (Кутузинка), *Киәҙе* (Киязы) и др. в Северо-Западном и Западном Башкортостане. К этой же группе примыкают несколько наименований с малоупотребительным аффиксом –жы. Это речки *Салажы* (Салажи) в

Бурзянском, Зилаирском, Караидельском и Мелеузовском районах, т.е. на территории как южного, так и северо-западного диалектов башкирского языка.

Ареал первой группы топонимов с формантом *–ды /-де* и его фонетическими вариантами характерен, во-первых, для всей территории расселения башкир-носителей восточного диалекта; во-вторых, он проходит в северо-западные и западные районы Башкортостана и широкой полосой вклинивается в северо-восточные районы Татарстана.

Языковедом Л.Ш. Арслановым выявлены географические названия с башкирским топоформантом *–ды /-де* в нескольких районах Татарстана и в Каракулинском районе Удмуртии, примыкающих с северо-запада к Республике Башкортостан. Это ойконимы и гидронимы *Ҡырынды* (Крынды), *Чоганды* (Чеганда), *Чегандинка* и др. Причем оно существует параллельно с топонимами, образованными при помощи аффикса обладания *–лы/-ле.* Л.Ш. Арсланов вполне обьективно обьясняет наличие этого ареала топонимов в названных им районах. “Рассматриваемый регион, - пишет он со ссылкой на работы Р.Г. Кузеева и Н.Н. Моисеевой, - был территорией башкирских племен, о чем свидетельствуют многие исторические документы. Так, татарское население Агрызского района в документах отмечается как башкиры Елабужского и Саарапульского уездов Вятской губернии”.

Топонимы второй группы, образованные с помощью реликтового форманта *-ҙы/-ҙе* (в русской транкрипции *–ды, -ҙы*), отмечены единичными примерами в Горном Башкортостане в Аскинском, Караидельском, Туймазинском, Миякинском, Янаульском и др. районах с выходом в восточные районы Татарстана следующие наименования: это *Ураҙы* (Уразы) – г., речка в Бурзянском, *Тешәҙе* (Тишады) – речка в Зилаирском, *Сусаҙы* (Сусады) – речка, *Сусаҙы* – Ябалаҡ (Сусады – Эбалак) – дер., *Ямаҙы* (Ямазы) – с. в Янаульском районах, *Туймазы* (Туймазы) – река, город, село и район, *Йомаҙы, Йомаҙыбаш* – речка и село в Шаранском районе Башкортостана, а также *Йотаҙы* (Ютазы) – речка, село в Бавлинском районе Татарстана. Все эти топонимы образованы с помощью реликтового древнебашкирского форманта *–ҙе (-ды, -ҙы).*

Основной вывод в отношении данной группы названий, кроме очерченного выше ареала их распространения, заключается в том, что, будучи, более древними среди собственно башкирских топонимов, они отражают собой реликтовые особенности говоров башкирского языка.

Литература

Русско-башкирский словарь водных обьектов Республики Башкортостан. – Уфа, Китап, 2005.

Матвеев А.К. Географические названия Урала: Топонимический словарь. – Екатеринбург: ИД “Сократ”, 2008. – с. 47.

Арсланов Л.Ш. О топнимах с топоформантом –ды в Агрызском, Тукаевском, Мензелинском районах ТАССР и Кааркулинском районе УАССР // Шестая конференция по ономастике Поволжья 26-28 снтября 1989 г. Тезисы докладов и сообщений. – Волгорад, 1989. – с. 59-60.

Шаяхметов Р.А., г. Уфа

БАШКИРСКИЕ ДИАЛЕКТИЗМЫ КАК ИСТОЧНИК ЭТИМОЛОГИИ ГИДРОНИМА *ЯЙЫҠ*

В работе использованы данные Машинного фонда башкирского языка. Всем тем, кто вложил свой труд в создание корпуса, автор выражает свою искреннюю благодарность.

Во II в. римлянин Клавдий Птолемей (ок. 100 - ок. 170) в «Руководстве по географии» зафиксировал этноним *хуны* (Птолем. III, 5, 10) и др.-греч. *Δάιξ* ‘р. Яик (Урал)’ (Птолем. VI, 14, 2 и сл.). Уральский топоним (башк. *Яйыҡ*, каз. *Жайық* ‘р. Урал’; ‘мужское имя’) авторитетный этимолог Макс Фасмер выводил из тюркского, указав тур., крым.-тат., чагат., уйг., алт. *jajyk* ‘разостланный, широкий’, но не приведя башкирские и казахские рефлексы [Фасмер, IV, с. 551-552]. В литературном башкирском *йәйек* ‘большой, широкий’; *йәйеү* ‘раскидывать, простирать; развёртывать, раскрывать (*свёрнутое, сложенное*); стлать, стелить, расстилать, устилать, застилать; настилать; раскатывать’. В казахском *жайылу* I. ‘простираться; раскидываться; расстилаться’; ‘разливаться; расплываться; расползаться’;

‘распространиться; разрастись; увеличиться в объеме’; ‘развертываться; расправляться; распускаться’; II. ‘пастись’; ‘пребывание скота на пастбище’.

К семантическому полю казах. *жайылма* ‘пойменный; заливной’; ‘пойменный луг; пойма’, *жайылу* ‘разливаться’ примыкают лексемы южного диалекта (ик-сакмарский говор) башкирского языка: *йәйек* ‘вешние воды’; ‘мелкий и широкий (о посуде)’ (литератур. *йәйеңке*); *йәйен* ‘отмель’.

В землях распространения восточного диалекта башкирского языка, а именно в Абзелиловском районе, обнаруживаются параллели башк. *Яйық* в гидронимии: башкир. *Йәйекте* ‘руч. Яикты’ (возможно, это на картах *Яйкты*, лев. приток р. Тайманишты) от диал. *йәйек* ‘широкая’ + афф. *–те*; речка *Яйыккол*, стекающая из ущелья *Кошкильде* в озеро *Маузды* (*Аждахады, Банное*). Название малой реки по преданию, приведенной Галиной Гончаровой, от антропонима [Гончарова, с. 36], но и не исключено, что топонимическая легенда – способ адаптации, нового прочтения башкир. диалект. **Йәйек күл* со значением ‘широкое мелководное озеро’.

В приведенных рефлексах фонетическое развитие соответствует описанию, данному Линарой Ишкильдиной в специальной статье [Ишкильдина]: тюркский инициальный **j*- развился а) в южном диалекте башкирского языка, откуда возникла литературная норма, в фонему [й]- ; б) в других идиомах **j*- > [дж]- > [ж]-.

И если казах. *Жайық* закономерная форма развития тюркской фонетической системы, то башк. *Яйық* с инициальным [j-] при диалектном и литературном [й]-, при отсутствии других башкирских лексем на *яйы*- выглядит обособленным, живым ископаемым, свидетельством пребывания тюрков на Урале к первому веку нашей эры. От того времени язык сохранил по меньшей мере две группы свидетельств: абзелиловские гидронимы (из пра-формы башк. *Яйық*) и башкир. диалект., казах. лексемы из семантического поля ‘широкий и мелководный, разлившийся (о воде)’ (из тюрк. ‘широкий’).

Такое развитие возможно понимать следующим образом. Скотоводы выделяли важную для них особенность реки: ее широкую пойму и одновременно мелководность, доступность для переправы скота, лошадей. Географическая реалия характерна не для истока и устья Урала, а именно для среднего течения – там, где и живут башкиры и казахи, там, где издревле шли торговые пути [Курманаева].

Литература

Гончарова Г.И. Имя отчей земли. Географические названия Абзелиловского района. Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011.

Ишкильдина Л.К. Чередование анлаутных фонем [й] и [ж] в диалектах и говорах башкирского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России / X региональная конференция. Уфа, ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. С. 109-113.

Курманаева З.Д. Караванные торговые пути // Башкирская энциклопедия/ в 7 т. Гл. ред. М. А. Ильгамов. Т.III З-К. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2007. С.320.

Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка/ Перевод с немец. и доп. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева. Под ред. и с предисловием проф. Б.А. Ларина. Тома I–IV. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986.

Шаяхметов Р.А. Были ли прото-тюрки на Южном Урале?// Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвященного 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана. Книга 2. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. 496 с., ИИЯЛ УНЦ РАН, Уфа, 2015, 2, 1 – 496 с.С.111-115

Ягафарова Г.Н., г. Уфа

О ФУНКЦИЯХ ДИАЛЕКТИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (на примере произведений Мустая Карима)

Диалектные слова и выражения характеризуются высоким уровнем информативности относительно местности, откуда родом или где воспитывался человек. Как хороший почвовед может определить по образцу грунта источник его происхождения, точно так же хороший лингвист может без труда идентифицировать родные места того или иного человека по его выговору, произношению.

Какое бы хорошее образование ни получил человек, диалект и особенности родного говора все же довлеют над ним на протяжении всей жизни. Поэтому нет-нет, да и проскользнет в речи оборот, привлекающий внимание других людей либо фонетической, либо морфологической, либо лексической спецификой. Относится это и к художественному творчеству, где часто можно увидеть разговорные варианты тех или иных слов.

Язык произведений Мустая Карима, безусловно, можно трактовать как исключительно хороший пример отшлифованного, вдумчиво проработанного языка. В разножанровом творческом наследии М.Карима заметна тенденция к безукоснительному соблюдению норм литературного башкирского языка. Об этом писал в своей книге, посвященной изучению особенностей языка М.Карима, В.Ш.Псянчин [Псәнчин 1972]. Вместе с тем в отдельных случаях в художественный текст вводятся и диалектизмы, выполняющие различные функции. В данной статье мы стремимся охарактеризовать их именно в функциональном плане.

Как известно, Мустай Карим был родом из деревни Кляшево Чишминского района Республики Башкортостан, которая считается тептярской. Несмотря на то, что писатель сам нарекает язык своей деревни татарским (см. его открытое письмо "Ответ односельчанину" [Кәримов, с.374]), он убежден, что основа и истоки деревни – башкирские: "Это хорошо заметно в сохраненных обычаях, обрядах, бытовых чертах, а еще лучше сказывается в словарном составе языка, в котором сохранилось много особенностей древнебашкирского языка, особенно ярко проявляемых в звучащей речи, мелодике разговорной речи" [Кәримов, с. 374]. Действительно, при более детальном изучении мы видим, что территориально деревня относится к демскому говору южного диалекта башкирского языка. Однако на диалектологической карте видно, что она находится в пограничной зоне между демским говором южного диалекта и нижнебельско-икским говором северо-западного диалекта. Башкирские диалектологи замечают значительное взаимовлияние и близость вышеуказанных двух говоров [см., напр., Хусаинова 2011]. Тому подтверждение находим в произведениях Мустая Карима, в которых наблюдаются черты как демского (преимущественно фонетические и морфологические особенности), так и нижнебельско-икского (большей частью лексические диалектизмы) говоров. Немаловажным, конечно, является и то, что супруга писателя Рауза Суфьяновна, уроженка села Бакаево Кушнаренковского района РБ, была представительницей нижнебельско-икского говора северо-западного диалекта. Соответственно, можно предположить, что помимо контактного влияния нижнебельско-икского говора на язык жителей Кляшево, в том числе на семью М.Карима, речь супруги, с которой они прожили вместе 62 года, так же имела определенное влияние на становление языковой личности Мустая Карима.

Рассмотрим подробнее виды диалектизмов и их функции в художественном тексте.

В разножанровых произведениях Мустая Карима выделяются фонетические диалектизмы, присущие демскому говору: *улау* – лит. *олоу* 'выть': *елдәр улауы* ("Отряд ҡуҙғалды"), *у~о, ҡымырсҡа* – лит. *ҡырмысҡа* 'муравей' ("Таныш булмаған ҡунаҡ") – метатеза, *пәрей туйы* – лит. *бәрей туйы* 'вихрь' – приглушение начального *б*, *тилгән* – лит. *төйлөгән* 'коршун' – монофтонгизация, *дәшмәү* – лит. *өндәшмәү* 'молчать': *Сәйфиҙе дәштек күңелһеп* ("Күршемдең теләге", 1941) – выпадение фонем; *булалмаҫ, киләлмай* - стяжение гласных. Примечательно, что подобное применение особенно характерно для раннего творчества поэта. Поскольку фонетические диалектизмы выражают особенности звуковой системы говора, в художественном тексте они выполняют функцию точной передачи местного произношения.

Морфологические диалектизмы, используемые в творчестве М.Карима, в большинстве своем отмечаются в диалоговых конструкциях, что связано с их функцией характеризации речевых особенностей персонажей: инфинитива на *-маға, -а: элмәгә, килмәгә, ҡоткара: Уян, егет, уян, Мин ҡоткара килдем үҙеңде* ("Ерҙәге йондоҙ", 1942); императивов в формах *һаҡлаң,* с частицей *–һана* в значении просьбы-побуждения: *белһәнә, тапһана*; желательного наклонения: *бармайыҡ ла*; глаголы с частицей *–сы* в значении утверждения: *ҡунаҡтар алдында оятҡа ҡалдыҡсы, былай булғас, төшәсе* ("Оҙон-оҙаҡ бала саҡ"), *Диуана: Үлгәндәрҙе ергә күмәләрсе...* ("Ай тотолған төндә"); использование плеонастической формы аффикса принадлежности 3-го лица (*Был юлыһы бигерәк тә, бигерәк тә һағынылды* – лит. *был юлы* 'в этот раз' ("Һағыныу"); словообразование с продуктивным в говоре аффиксом *–ма*: *йомма йәш* – лит. *субырлаған* 'обильно льющийся' и др.

В произведениях М.Карима особенно часты лексические диалектизмы. Их функции сводятся к следующему. Во-первых, они участвуют в номинации реалий, в том числе этнографических. Так образуются диалектальные синонимы к литературным вариантам, избавляющие художественный текст от тавтологии: *ҡойроҡ* - лит. *тыҡрыҡ* ‘задворки’, *шүрлек* - лит. *кәштә* ‘полка’, *тикәй көндәр* – лит. *эш көндәре* ‘будни’, например, *дәү* – лит. *ҙур* ‘большой’: *Шәһиҙулла минән биш йәшкә* ***өлкән. Дәү*** *кешегә өлөштөң дә* ***ҙурырағы*** *булырға тейеш* (“Оҙон-оҙаҡ бала саҡ”). Автор иногда дает разъяснение вводимым словам: *Ҡыш көнө ҡунаҡ-төшөм осоронда саҡырылмай ғына өйҙән өйгә йөрөп, аяҡтары боҙланып ҡатҡан әрһеҙ бәндәне “****туң аяҡ****” тип атайҙар* (‘беспардонный человек’, “Оҙон-оҙаҡ бала саҡ”). Во-вторых, они используются для характеристики речи персонажей. М.Карим приписывает диалектизмы чаще всего пожилым людям. Например, *Ғиҙелниса әбей: Бына ниндәй ул минең уңғаным, минең* ***тыңсылым****! (*лит. *тыңлаулы* ‘послушный’, “Оҙон-оҙаҡ бала саҡ”); “***Харап*** *һәйбәт* ***шәйләйем*** *инде”, - ти Фәхерниса әбей хәҙер (харап* – лит. *бик, үтә* ‘очень’, *шәйләү* – лит. *күреү* ‘видеть’, “Беҙҙең өйҙөң йәме”). Молодежь и дети, будучи представителями данной местности, так же получают диалектные слова в своих репликах: *Ә һеҙ алҡымығыҙға еткәнсе ҡалас тығынып* ***майымланығыҙмы*** *ни? – тине Шәһиҙулла тегеләргә. – Бармамдыр,* ***шәт*** (*майымлау* – лит. *бүгеү* ‘переедать’, *шәт* – лит. *буғай* ‘наверное’, “Оҙон-оҙаҡ бала саҡ”). В-третьих, лексические диалектизмы, относясь к определенному ареалу, отражают причастность повествования именно к нему. К примеру, согласно “Диалектологическому словарю башкирского языка” (2002), к демскому говору относятся слова: *бырғытыу* – лит. *ырғытыу* ‘отбросить’, *йыбаныу* - лит. *мыштырҙау* ‘копошиться’, *шәрәмәт* – лит. *йорат* ‘подобие’, *сөйлөк* – лит. *тамаҡбау* ‘супонь’, *тамаҡһаулыҡ* – лит. *ашамһаҡлыҡ* ‘обжорство’, *уйҙыҡ-уйҙыҡ* – лит. *урыны-урыны менән* ‘местами’, *шәт* – лит. *буғай* ‘вероятно’, *шәйле* – лит. *буғай* ‘вероятно’, *әрекмән* – лит. *дегәнәк* ‘репейник’; к говорам северо-западного диалекта, в том числе нижнебельско-икскому, принадлежат слова: *ҡағыт* – лит. *ҡаҡ* ‘пастила’, *бырамат* – лит. *мөстән* ‘праздношатающийся’, *еләтеү* – лит. *ялҡытыу* ‘надоедать’, *ҡойроҡ* – лит. *тыҡрыҡ* ‘задворки’, *сүмәкәй* - лит. *мөлдөрәмә* ‘до краев’, *тикәй көндәр* – лит. *эш көндәре* ‘будни’; общая зона двух говоров объединяется словами: *майымлау* – лит. *бүгеү* ‘переедать’, *дәү* – лит. *ҙур* ‘большой, старший’, *йүнәтеү* – лит. *әҙерләү* ‘готовить’, *ҡайнатай* – лит. *ҡайны* ‘свекор’, *һеңел* – лит. *һеңле* ‘младшая сестра’ и др. В-четвертых, выражают эмоциональное отношение автора к описываемым событиям: *Һәү, үшән! – Ул (Ниса апай) Хәмзәнең ҡабырғаһына төртөп алды, үшән*– лит. *яй* ‘неповоротливый’ (“Оҙон-оҙаҡ бала саҡ”).

Таким образом, диалектизмы в художественном тексте призваны, в первую очередь, показать народный слог, народность языка автора, придать местный колорит повествованию. В произведениях М.Карима диалектные слова и выражения очень органичны, т.к. его творчество посвящено описанию быта, культуры, традиционного уклада жизни башкир. Не последняя роль в этом принадлежит словам и словоформам, выражающим локальные особенности местных говоров.

Литература

Кәримов М. Әҫәрҙәр: биш томда. 5-се том: иҫтәлектәр, мәҡәләләр, телмәрҙәр, әңгәмәләр. – Өфө: Китап, 1999. – 592 б.

Псәнчин В.Ш. Мостай Кәрим – һүҙ оҫтаһы. - Өфө: БКН, 1972. – 112 б.

Псәнчин В.Ш. Һүҙ тылсымы. - Өфө: Китап, 1996. – 336 б.

Хөсәйенова Л.М. Башҡорт диалектологияһы. — Стәрлетамаҡ: З.Биишева ис. СДПА, 2011. — 155 б.

СТАТЬИ ПО ПРОБЛЕМАМ ТЮРКСКОГО, ФИННО-УГОРСКОГО И ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Абдрахманова Л.Н., Кәбирова Г.У., Өфө ҡ.

БАШҠОРТ ЭНЦИКЛОПЕДИЯҺЫН ТӘРЖЕМӘ ИТЕҮҘЕҢ ҠАЙҺЫ БЕР ПРОБЛЕМАЛАРЫ

Рәсәй энциклопедистикаһының быуаттар һуҙымында тупланған бай тарихы һәм традициялары бар. Донъя энциклопедистикаһы үҫешенә тос өлөш индергән Ф.А. Брокгауз һәм И.А. Ефрондың “Энциклопедик һүҙлеге” (СПб, 1890—1907) Рәсәй энциклопедия фәненә этәргес көс була. Тәүге Рәсәй энциклопедияһы рухани Иоанн Алексеев тарафынан 1733—1734 йылдарҙа төҙөлә. Энциклопедиялар сығарыу эше советтар осоронда әүҙемләшә. Большевиктар власын нығытыуға, идеяларын таратыуға булышлыҡ итергә тейешле сәйәси ҡорал кеүек ҡаралған энциклопедистик баҫмаларҙа идеологик йоғонто көслө була (мәҫ., “Ҙур совет энциклопедияһы” өс тапҡыр нәшер ителгән).

Төрки телле энциклопедиялар төҙөү XX быуатта башлана (Ш.Мәржәни, Р.Фәхретдин, С. Мәҡсүди хеҙмәттәрен миҫал итеп килтерергә була). Был фундаменталь хеҙмәттәр төбәк энциклопедияларын сығарыуға фәнни ерлек булып тора.

Толерантлыҡ һәм милләт-ара дуҫлыҡ принциптарын алғы планға ҡуйып төҙөлгән туған телдә сыҡҡан “Башҡорт энциклопедияһы” республика тарихында әһәмиәтле ваҡиғаларҙың береһе булды. Халҡыбыҙҙың иң боронғо замандарҙан алып бөгөнгө көнгә тиклемге бай тарихын фәнни күҙлектән һәм милләтебеҙҙең социаль тәжрибәһенән сығып эшләү — был хеҙмәттең мөһим үҙенсәлеге. Баҫмала Башҡортостандың ижтимағи-сәйәси тормошонда, иҡтисад һәм мәҙәниәтендә булған үҙгәрештәр сағылыш тапты. Энциклопедияла урын алған мәҡәләләр республикабыҙҙың тарихын, географик-территориаль сиктәрен, үҫемлек һәм хайуандар донъяһын, ҡала һәм ауылдар тарихын, фәнни-техник асыштарҙы, мәғариф өлкәһендә өлгәшелгән төп ҡаҙаныштарҙы яҡтырта. Хеҙмәттә Башҡортостандың күп кенә ауылдары һәм торама пункттары тураһында әлегә матбуғат биттәрендә баҫылмаған мәғлүмәт бирелде, уларҙың башҡортса атамалары тикшерелде. Республиканың физик-географик, административ-территориаль бүленеше һәм территориаль карталары тәүге тапҡыр башҡорт телендә тәҡдим ителде.

Фәнни стилдә яҙылған мәҡәләләр телен әҙәби тел нормаларына тап килтереү, белдерергә теләгән уй-фекерҙе йыйнаҡ һәм дөрөҫ, тулы һәм асыҡ сағылдырыу, маҡсатҡа ярашлы рәүештә тел-һүрәтләү сараларын ҡулланыу мөхәррирҙәр алдында ҡуйылған талаптарҙың береһе булып торҙо. Энциклопедияла урын алған мәҡәләләр үҙҙәренең стиле һәм структураһы менән айырылып тора, терминдар, аббревиатуралар күп, уны тәржемә итеү айырым оҫталыҡ талап итә. Шулай уҡ башҡорт теленең техника, тәбиғи фәндәр буйынса терминологияһы үҫешмәүе лә ҡыйынлыҡтар тыуҙыра. Тәржемәселәр ҡулланған 2005 йылда сыҡҡан ике томлыҡ русса-башҡортса һүҙлек үҙ эсенә 60 меңдән ашыу һүҙҙе алған, әммә унда ғилми терминологияла әүҙем ҡулланылған терминдар ғына ингән. Энциклопедия иһә күп тармаҡтарҙы яҡтырта, ҡайһы бер өлкәләге һүҙҙәр һүҙлектә урын алмаған. Энциклопедик һүҙлек тәржемә иткәндә, ғалимдар, белгестәр менән кәңәшләшеп, тәржемәләр эшләнә (мәҫ., **обнажения** – *яланғаслыҡ*, **мелкосопочник** – *сусаҡлыҡ*), шулай ҙа бәхәсле осраҡтар ҙа килеп сыға. Мәҫәлән, “**краевые задачи**” математика терминының һүҙлектәрҙә дөйөм ҡабул ителгән тәржемәһе юҡ, тәҡдим ителгән тәржемәләр төрлө: *ос мәсьәләләре, сик мәсьәләләре, ҡыр мәсьәләләре*. Ошондай осраҡтар булмаһын өсөн, фәндең хәҙерге тормошон сағылдырған русса-башҡортса терминология һүҙлектәре бик кәрәк.

Икенсенән, башҡорт теленең нормаға һалынып етмәүе лә ауырлыҡтар тыуҙыра. Әҙәби телдә абсолют синонимдар булырға тейеш түгел, әммә башҡорт телендә улар бик күп. Шуға күрә энциклопедик һүҙлекте тәржемә иткәндә, ҡайһы һүҙҙе төп һүҙ итеп алырға тигән һорау тыуа, мәҫәлән, **косуля** – *илек, ҡоралай*; **рябина** – *миләш, мышар*; **боярышник** – *энәлек,*

дунала, еҙәй һ.б. Яҙылышта айырмалыҡтар булған һүҙҙәр ҙә байтаҡ, мәҫәлән, *шайтан таяғы* һәм *шайтан таяҡ, бесәй үләне* һәм *бесәйүлән*.

Өсөнсөнән, һүҙлектәрҙә бер үк тәржемәле һүҙҙәр ҙә осрай. Мәҫәлән, **бодяк** – *билсән*, **осот** – *билсән*. Рус телендә улар синонимдар түгел, ике төрлө үҫемлек, икеһе лә Башҡорт энциклопедияһына айырым мәҡәлә булып ингән. Миҫалға тағы **лебеда**, **марь** (икеһе лә *алабута* тип тәржемә ителгән), **чертополох**, **татарник** (*шайтантаяҡ*) һүҙҙәрен килтерергә була. **Лопух** һүҙенә *дегәнәк, әрекмән* тигән тәржемәләр бирелгән, шулай уҡ **репейник** һүҙенең тәржемәһе лә ошо уҡ һүҙҙәр менән бирелгән.

Күреүебеҙсә, башҡорт әҙәби теленең тулы һәм хатаһыҙ сағылдырған һүҙлек сығарыуға ихтыяж ҙур. Ундай һүҙлек энциклопедияны тәржемә итеүселәргә генә түгел, ғөмүмән, төрлө өлкәлә эшләүсе белгестәргә лә ҙур ярҙам булыр ине.

Абубакирова Л.Ф., Зианбердин И.Б., Валитова Л.К., г. Уфа

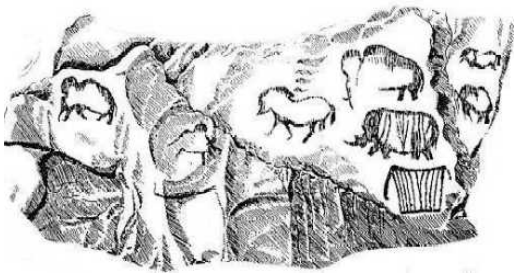
ГРАММАТОЛОГИЯ В БАШКОРТОСТАНЕ

Письменность – это запись, фиксация речи или визуальный способ передачи информации, а также один из важнейших показателей цивилизованности, которая, «являясь сугубо национальным отношением к миру, играет существенную роль во многих мифоэпических и религиозно-мистических системах» [3]. Носителем информации может быть любой предмет человеческих ощущений: звук, буква, образ, при этом каждый из них в отдельности несут в себе определенную информационную нагрузку, являясь необходимым элементом человеческого общения. Наука, которая изучает письменность разных народов мира и систематизирует знания о них, называется «грамматология» (графемика, грамматография, алфабетистика, филография). *Грамма-* от греч. γράμμα «буква», λλόγος «учение». (Ср. греч. γράμμα и общетюрк., башк. *ыр-* «делать пазы», *ыран/ырам* (руна?) «писать высекая», *h^рма* «стёжка». Эти слова этимологически связаны с понятием «оставить след – отпечаток, оттиск чего-нибудь». *Руна* в санскрите – «резать», др.-инд. "рана; щель, трещина", рус. *рана* «повреждение кожи или тканей в результате удара, поражения и т.д.»; в древнегреч. мифологии «золотая шкура барана» (на что наносились божественные знаки?).

Первые дописьменные средства передачи информации связаны с так называемым предметным письмом. В качестве знаков и символов здесь использовались конкретные предметы, знаки на предметах, а также символические оптические или звуковые сигналы. Примерами могут служить: стрела как знак объявления войны, бирки с зарубками, трубка мира у индейцев, татуировки, сообщающие нечто об их владельце, звуки тамтама, передающие весть за десяток километров, дым костра разного цвета (тёмный от сырых дров) или прерывистый, даже окрашивание вод ручья у некоторых горных племён для общения с соседями, обитающими ниже, хлеб-соль – дошедший до наших дней символ гостеприимства [2, с.102]. Отголоски того, что предки башкир пользовались предметным письмом, красочно описываются в известном романе Х. Давлетшиной «Иргиз», который вслед за Леонидом Соболевым можно назвать энциклопедией жизни башкир.

Зарождение начертательной письменности на территории Башкортостана связано, прежде всего, с пиктографическим письмом – рисунком, первой попыткой наших предков изобразить что-то важное из их жизни. Через наскальные рисунки (граффити) в пещере Шульган-Таш они оставили нам послание с информацией о своей жизни, культуре.

К настоящему времени в пещере выявлено более 50-ти разнотипных красочных изображений. Среди них – рисунки зверей, особенно мамонта, различные условные знаки и расплывшиеся красные пятна.



Пиктограммы пещеры Шульган-Таш
Изображение: http://www.rzhavaya-podkova.ru/shulirg/shulgan/index.html

Неподдельный интерес вызывает повсеместно распространённые в Башкортостане названия гор «Яҙматау/Яҙғантау», «Яҙматаш» («Писаная гора», «Писаный камень») и легенды, воспоминания предков о том, что раньше на камнях этих возвышенностей были какие-то древние надписи и рисунки в виде тамг. Предположение Н.А. Аристова о том, что «существовавшие с глубочайшей древности родовые тамги были позднее употреблены в качестве букв в орхоно-енисейском алфавите», требует дальнейшего изучения этого вопроса [с. 33]. Некоторый вклад в изучение упомянутых проблем внесли К.З. Ахмеров, Э.Ф. Ишбердин, которые проанализировали и составили сравнительную таблицу рунического письма с башкирскими тамгами.

Если учесть, что развитие любого письма проходит путь от предметного, т.е. протописьменности к звуко-буквенному и метаписьму, то история письменности нашего края, судя по открытым и описанным к сегодняшнему дню памятникам письменности, пережила все основные виды письма. Это позволяет предположить, что Южный Урал является одним из очагов письменности, а региональная письменность имеет свою собственную генеалогию.

Далее в статье речь пойдет об одном из самых сложных и менее изученных в нашем крае письменностей – уйгурском письме. Образцы этого письма можно найти на территории Башкортостана в виде надписей на камнях, посудах, монетах и кумбазях.

Что нам сегодня известно об уйгурском письме? В первую очередь то, что уйгурское письмо – продолжатель традиций арамейского письма. Самое первое фонографическое, или звуко-буквенное, или алфавитное письмо появилось около 1000 г. до нашей эры и называлось оно финикийским, прямыми потомками которого на востоке стали арамейское письмо, на западе – греческое. От арамейского впоследствии возникли согдийское и уйгурское письменности (последнее – единственное вертикальное письмо). Данное письмо использовалось «уйгурскими» тюрками, поэтому в науке стало известно как «уйгурское письмо». По предположению учёных, оно возникло во второй половине первого тысячелетия нашей эры и в трансформированном виде использовалось до начала XVIII в. [5, с.34]. Как указывает Кондратьев, язык древнеуйгурских памятников очень близок к языку тюркских рунических памятников [6, с. 3]. Расхождения между обоими языками невелики. Создатели памятников называли свой язык «тюркским». Язык, который сегодня называется «уйгурский», отличается от того языка, который был трансформирован в V-VIII вв. Также известно, что уйгурский алфавит использовался в государстве Золотая Орда (Дешт-и-Кыпчак), с принятием ислама староуйгурское письмо было вытеснено арабской графикой.

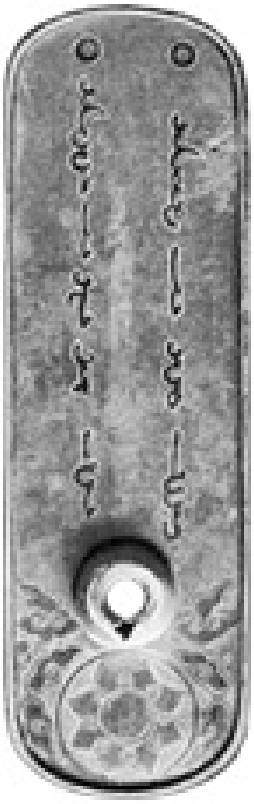
Из учёных, вплотную занимаюшихся уйгурским языком, был крупнейший российский тюрколог Э.Р. Тенишев. Науке широко известны его работы по древнеуйгурским памятникам.

Самые первые тексты на уйгурской графике – деловые записи и буддийские сутры были прочитаны акад. В.В. Радловым (1899). Находками экспедиции 1898 г. в Турфан Д.А. Клеменца и др. было положено начало древнеуйгурской коллекции Азиатского музея, одного из крупнейших в мире (древнеуйгурские надписи черной и красной краской на кусках штукатурки из дворцовых или храмовых построек; фрагменты древнеуйгурских буддийских рукописей; фрагменты буддийских ксилографов; древнеуйгурские хозяйственные

документы). В Азиатском музее (ныне Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург) хранbтся около 5000 древнеуйгурских рукописей и фрагментов. Берлинская коллекция насчитывает более 8 тыс. единиц хранения. Крупные коллекции уйгурского письма – лондонская и парижская – изучены в значительно меньшей степени, и об их полном составе нет определенных сведений [4].

Наиболее раннее произведение, написанное уйгурским письмом (около V в. н.э.) – «Хуастуанифт» («Покаянная молитва манихейцев»), а наиболее распространённые памятники уйгурского письма – надписи на пайцзах (совр. Бейджи): золотая, серебряная, бронзовая или деревянная пластинка с определенной надписью, выдаваемая от имени монгольского хана как мандат, пропуск; на бересте; золотоордынские монеты, где уйгурскими буквами написано имя хана; золотоордынские документы, в том числе ханские ярлыки, написанные уйгурским шрифтом на тюркском языке.

Известна версия «Мухаббат-наме» тюркоязычной поэмы золотоордынского поэта середины XIV в. Хорезми, записанная уйгурским письмом.

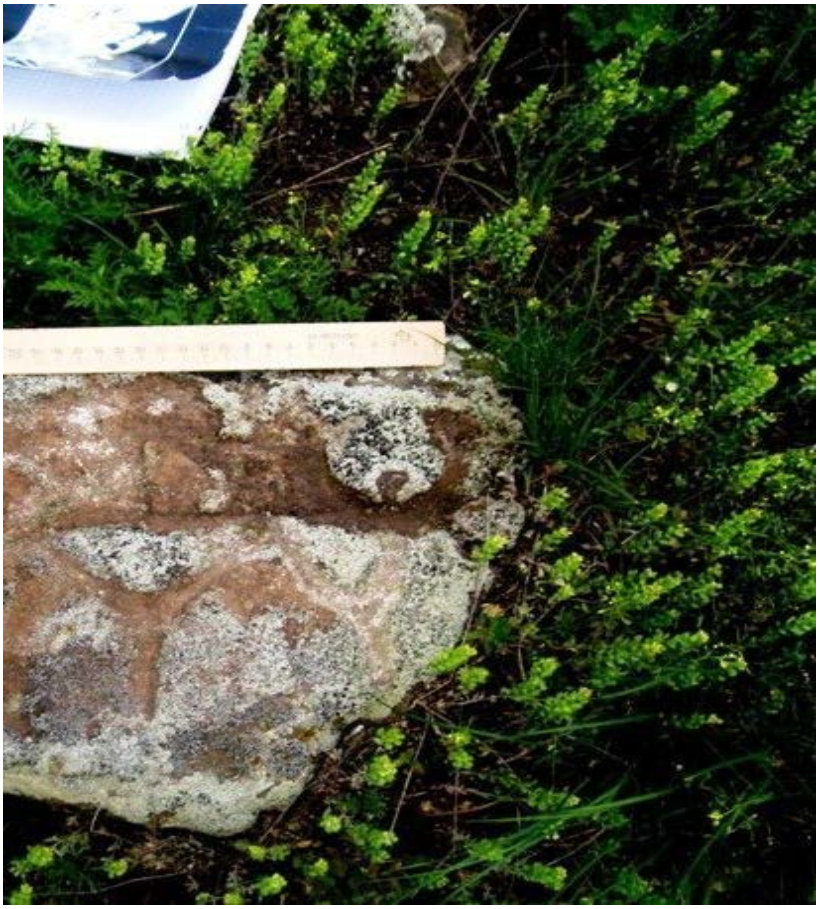


Байса (от китайского пайцза) Узбек-хана
Изображение: http://bibarssaray.ru/

На территории Башкортостана уйгурописьменные тексты найдены в Зилаирском, Караидельском, Салаватском, Стерлитамакском, Зианчуринском, Бирском, Баймакском и Учалинском районах.

Ниже даётся описание уйгурописьменного памятника села Урген Зианчуринского района. Надпись на скальном выступе на южной окраине горы Кадербаг у села Башкирская Ургинка Зианчуринского района Республики Башкортостан находится к западу от села, на правобережье реки Урген. Она была обнаружена экспедицией в составе И. Зианбердина, Л. Абубакировой, Л. Валитовой в 2013 году (фото 1). Надпись горизонтальная, 3 (три) знака, общая длина 25-27 см, высота букв 10-12 см. Письмо древнеуйгурское, читается справа налево.

Фото 1.



Транслитерация (фото 2):

Прочтение И. Зианбердина.

Запись текста уйгурским письмом (фото 3):

Транслитерация:

«Лмт».

Транскрипция:

«Илэмэт».

Перевод текста на русский язык:

«Слезное горе».

Перевод текста на английский язык:

«Tearful grief».

Комментарии авторов: Слово “Аилэмэт” имеет значение «знак слез; слезная надпись», широко употреблялось в старобашкирском языке. На фото 4 дана арабописьменная эпитафия из кладбища того же села, установленная над могилой Кулдавлета Амекачева сына.

Транскрипция:

«Аиламт.

1264-нчи

Дфн аулнди

Кулдулт

Амкач аугли».

Транскрипция:

«Иламэт.

1264-нсе

Дэфен кылынды

Колдэулэт

Эмэкэс улы».

Перевод на русский язык:

«Слезная надпись горя.

В 1264-ом (году хиджры)

Захоронен

Кулдавлет

Амекачев сын».

Перевод на английский язык:

“The inscription of the tear of grief.

In 1264 ω (A. H.)

Buried

Culdawlet

Amikacin son”

В перспективе перед историками языка стоит задача оцифровки существующих памятников письменностей Башкортостана, в том числе и уйгурской, их документирования и классификации с точки зрения генеалогии.

Литература

1. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей // «Живая старина». 1894. Вып. III и IV. С. 418 / См.: Ҡ.З. Әхмәров. Башҡорт яҙыуы тарихынан. Өфө, 2012.
2. Ганеев Б.Т. Язык: Учебное пособие. 2-ое изд. Гл. 7. «Письмо». Уфа: Изд-во БГПУ, 2001.
3. Грамматологический словарь/ Часть 2. П–У [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.rbardalzo.narod.ru/text_gram_slovar2.htm.
4. Кляшторный С.Г. Древнетюркские памятники рунического письма из Восточного Туркестана [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.orientalstudies.ru/eng/images/pdf/a_klyashtornyj_2008.pdf]
5. Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии // М.: Наука. 1964.
6. Кондратьев В.Г. Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности VIII-XI вв. Л.: ЛГУ, 1981.
7. Әхмәров Ҡ.З. Башҡорт яҙыуы тарихынан. Өфө, 2012.
8. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. М.: Наука, 1974.
9. Тенишев Э.Р. Избранные труды. Книга первая. Уфа: Гилем, 2006.
10. Тенишев Э.Р. Избранные труды. Книга вторая. Уфа: Гилем, 2006.

Абуталипова Р.А., г. Стерлитамак

ИНТЕНСИВНОСТЬ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном языкознании интенсивность действия рассматривается как компонент категории аспектуальности (Т.В. Цой, Т.В. Белошапкова и др.). К параметрам интенсивности относятся две оппозиционные семантические зоны – интенсивность выше нормы : интенсивность ниже нормы.

В башкирском языке интенсивность действия репрезентируется морфологическими, аналитическими, лексическими, контекстуальными, комбинированными, интонацион-ными средствами [1, с. 172].

Морфологические средства представлены аффиксами, специализированными для выражения параметров интенсивности.

Аффикс *-(ы)ңкыра/-(е)ңкерә* впервые выделен в «Морфологии башкирского языка» как средство выражения «усилительного аймака»: ‘*көсәйтм аймағы’* [2, с. 109]. А.И. Харисов считает, что аффикс выражает количественную незначительность (неполноту) действия или, наоборот, – прибавление в развертывание действия [4, с. 73-74]. Н.К. Дмитриев рассматривает этот аффикс в рамках форм усиления или ослабления глагольного действия (состояния) [3, с. 174]. В современных учебниках глаголы с данным аффиксом относятся к формам категории объема (вида) глагола. Фактический языковой материал свидетельствуют о том, что аффикс выражает преимущественно интенсивность действия ниже нормы. Например: *Ул (Исмәғил) уның үҙенә балаһынып ҡарауына ла хәтере ҡалыңкырай* (Һ. Дәүләтшина). *Йәл, белеме етеңкерәмәй* (Т. Ғарипова).

Непродуктивный аффикс *-ымһыра* в современном башкирском языке используется с глаголами *ила-, көл-, йоҡла-* для обозначения ослабленности действия, состояния: *Мәҙинә көлөмһөрәне, ҡыҙының сәсенән һыйпаны* (Т. Ғарипова). *Рәхимә иламһыраны* (Һ. Дәүләтшина).

Аффикс *-л/-ла/-ала* придает глагольной основе значение усиления интенсивности: *Тегеһе ыуалана, ти: «Эй, Хоҙайым, әллә ниҙәр һөйләй»* (Р. Солтангәрәев). *Ни эшләп шулай ҡапыл урынынан ҡубарылды?* (Р. Низамов).

Аффиксы *-(ы)н* и *-ш* в зависимости от семантики исходной основы могут привносить синтаксической конструкции значение усиления или ослабления интенсивности действия: *Юлдаш тағы бөгөнгө дәрес, Ҡыҙырастың насар ҡыланыштары тураһында бошоноп уйланды* (З. Биишева). *Әфтәх урынынан ҡалҡынды* (Ғ. Хәйри). *Һыбайлы ҡапыл ситкә тайшанырға мәжбүр булһа ла, йыраҡ китмәне, әйләнеп килеп, баяғыса ныҡышты* (Р. Байымов).

В башкирском языке интенсивность действия реализуется в речи посредством аналитических конструкций *«деепричастие на -п + глаголы кит-* 'уходить', *бар-* 'идти', *төш-* 'спускаться, падать' в функции вспомогательного глагола». Например: *Мозаһиттың күҙ ҡарашы шундуҡ теремекләнеп китте* (Н. Мусин). *Айҙар тағы ла ҡайҡая бирә лә тауышын күтәрә төшә* (Һ. Дәүләтшина).

При лексическом способе репрезентации глагол-сказуемое может содержать значение интенсивности обозначаемого им действия: *Мөрйәләге ел уйнауы бүре олоуын хәтерләтә, йәнә ҡайҙалыр алыҫта ниҙер үкерә, ҡотора, тулай кеүек...* (Т. Ғарипова). *Ул (мышы балаһы) үләнде ҡармап алырға өйрәнмәгән әле, тик исем өсөн генә семсенә* (Р. Низамов).

Степень интенсивности действия выше или ниже нормы может модифицироваться контекстуальными интенсификаторами. Например: *Гөлйөҙөм аҙ ғына тартылды* (Һ. Дәүләтшина). *Ҡыуыҡһыҙ шәм өй эсен әрбәк-һәрбәк кенә яҡтырта* (Н. Мусин). *Ҡош кешеләре Аманбайҙың һүҙен йотлоғоп тыңланы* (Р. Низамов).

В функции модификаторов могут выступать редупликаты, например, повторяемые обстоятельства образа действия: *Шуның өсөн һиңә бөтә серҙе бәйнә-бәйнә һөйләп ултырам* (Һ. Дәүләтшина). *Бурап ҡар яуҙы, Ел ҡаҡ-ҡаҡ* (Р. Назаров).

Для выражения интенсивности действия может использоваться повторение глагола-сказуемого: *Беләм, беләм, һыуҙар кире аҡмай, Тик мин генә кире уҡталам* (Р. Бикбаев).

При комбинированном *аналитико-контекстуальном* способе репрезентации интенсивности действия между компонентами аналитической конструкции используются усилительные частицы *уҡ/үк* и *да/дә*. Например: *Өйөрмә килгән дә шул арала үтеп тә киткән* (М. Кәрим). *Котлояр урынынан тороп уҡ китте* (Һ. Дәүләтшина). При *аналитико-синтетическом* способе аффиксы интенсивности присоединяются к одному из компонентов аналитической конструкции: *Килмәк был һүҙҙәргә аптыраңҡырап ҡалды* (Б. Рафиҡов). *Уның (тетя Дашаның) күңеле тағы ла йомшаңҡырағайны* (Һ. Дәүләтшина).

Из вышеизложенного следует, что в современном башкирском языке интенсивность действия репрезентируется разноуровневыми вербальными средствами – морфологическими, аналитическими, лексическими, контекстуальными, комбинированными (аналитико-синтетическими, аналитико-контекстуальными), интонационными. Эти вербальные средства объединены общностью их функции – репрезентации параметров интенсивности действия. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что категорию интенсивности действия следует рассматривать как функционально-семантическое поле.

Доминирующими компонентами данного поля выступают морфологические средства – аффиксы. Далее следуют редуплицированные глагольные формы и аналитические конструкции. За ними следуют лексические средства. Комбинированные и контекстуальные средства занимают периферийную зону поля. Наиболее отдаленную от центра зону занимают интонационные средства.

Структуру функционально-семантического поля интенсивности действия можно представить в «разрезе» в виде *рис. 1*, где наглядно видна иерархия средств реализации интенсивности действия.

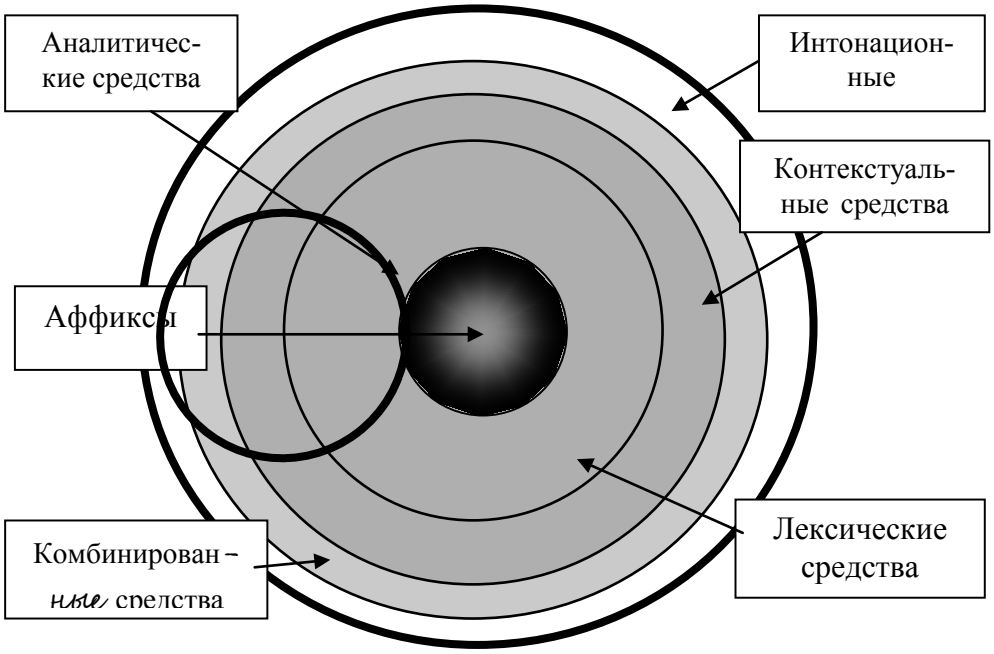


Рис. 1. *Функционально-семантическое поле интенсивности действия в башкирском языке*

Литература

1. Абуталипова Р.А. Функционально-семантическая категория аспектуальности в башкирском языке. Уфа: Гилем, 2008.
2. Ғәбидов Х., Таһиров Н., Хангилдин В., Вилданов Г. Башҡорт теленең сарыфы. Өфө: Башкнига, 1925.
3. Дмитриев Н.К. Башҡорт теленең грамматикаһы. Өфө: Башгосиздат, 1950.
4. Харисов А.И. Категория глагольных видов в башкирском языке. Уфа: Башгосиздат, 1944.

Авакова Р.А., Баят Е., Алматы қ.

ТҮРКІ АТА ТІЛІНЕ ЭКСКУРС: ФРАЗЕОЛОГИЗМДЕР ҚҰРАМЫНДАҒЫ АЛТАЙЛЫҚ ІЗДЕР

Резюме

Статья посвящена фраземам, которые в своем составе имеют архаические прототюркские (возможно, праалтайские) элементы. Их можно выявить, используя сравнительно-исторический метод. В данной статье анализируются архаические компоненты фразеологизмов, которые не употребляются в современном литературном языке, но используются в составе фразеологизмов. Анализ данного материала показывает, что архаические компоненты в составе фразем, активно употребляются в языках, которые входят в алтайскую систему (тунгусо-маньчжурский, бурятский, монгольский и др.).

Қазақ фразеологиясын зерттеуші академик І. Кеңесбаевтың пікірі де осы қағидамен ұштасып келеді: “Фразеологиялық единицалардың бірден жасала қоймағаны, уақыт ұзаған сайын бірте-бірте барып қалыптасқан, еркін тіркестердің негізінде жасалғаны сөзсіз. Олар сол дәуірдегі нақты өмір шындығына, халықтың ерте кездегі ұғымына, ой-санасына сай келуі де фразеологиялық мағына екінші кезекте бертін келе өрбіген” [4; 605]. Мысалы: *қолға алу* “кірісу, тікелей шұғылдану” (салыстыр. *ол баланы қолға алды*), *бел буу* “шешімге келу” (салыстыр. *белдікпен белін буды*) және т.б.

Тілдегі сақталған осындай тіркестерге тоқтала келіп, К. Аханов: “Фразеологиялық бірлік өзімен омонимдес еркін сөз тіркесінен бір бүтін образды мағынаны білдіру қасиеті жағынан ажыратылады”, - дейді [5; 175].

Қазақ (түркі) тіліндегі сөзжасам тарихын синхрондық әрі диахрондық тұрғыдан зерттеген ғалым А. Салқынбай фраземаларды сөзжасамның ерекше түрі деп қарастыра келіп былай дейді: “Тұрақты тіркестердің номинативті мағына беруі, жаңа мағынада жұмсалуы когнитивтік процестер нәтижесінде ерекше ұғым пайда болғанда ғана мүмкін болады. Олай болса тұрақты тіркестер сөзжасамдық процестің нәтижесінде ғана деривациялық мағынаға ие болады. Пайда болған номинативтік мағына туынды сөз жасалғандығының көрінісі, фактісі” [6; 266].

Сөз тіркестерінің сөйлеу кезінде біртіндеп лексикалық бірлікке айналуы, яғни номинативтенуі – тілдік құбылыс. Бұл үрдіс сөздік қорды байытудың өнімді тәсілі болып табылады. Ә. Аблақов, С. Исаев, Е. Ағманованың авторлығымен жарық көрген “Қазақ тіліндегі сөз тіркестерінің дамуы мен лексикалану процесі” еңбегінде сөз тіркестерінің номинативтік бірлікке айналу құрылымын лексикалану үрдісі деп атайды [7; 31].

Фраземалардың мағынасы тарихи тұрғыдан алғанда құрамындағы компоненттердің мағынасынан шығуы әбден мүмкін. Олар бірден қалыптаса қоймаған, ғасырлар бойы біртіндеп пайда болуы да ықтимал. Кезінде қоғамда, тілде актив қолданылған еркін тіркестер тілдің ішкі заңдылықтарына орай тікелей мағынасы ұмыт болып, олардың екіншілік экспрессивті, бейнелі мағыналары туындап тілде сақталған.

Еркін тіркестердің тұрақты тіркестерге (фраземаларға) ауысуының тағы бір себебі – тіркес құрамында, оның құрылы-мында фразеологиялық байлаулы мағыналы бір немесе бірнеше сөздің пайда болуы. Тілдің тарихи даму үрдісінде және оның лексикалық жүйесінде кейбір тіркестердің құрамында қазіргі тілдік тұрғыдан мағынасы көмескі, сөйлеушіге түсініксіз сөздер пайда болуы мүмкін. Сөз мағыналарының көмескеленуін тарихи

семасиология тұрғысынан зерттеген ғалым Р. Сыздықова сөздің қолданылу тарихын тілді иемденуші халықтың этникалық, азаматтық тарихымен ұштастыра зерттеу қажет дей келе, мынандай пікір айтады: “Сөздің қолданылу тарихын әңгімелеу дегеніміз олардың мағыналарының қозғалысына (эволюциясына) үңілу болып шығады. Сөз мағынасының эволюциясы тек дамуда, яғни жақсара түсу сипатында ілгері жылжудан тұрмайды, сонымен қатар сөз мағынасының күңгірттенуі не мүлде ұмытылуы, ауысуы, кеңеюі, тарылуы т.б. құбылыстар да сөз табиғатының қозғалысын танытады” [8; 165].

Қазақ тілінің сөздік құрамында қазіргі тілдің күйі тұрғысынан түсіндіруге келмейтін тұрақты тіркестер (фраземалар) кездеседі. Белгілі тіл маманы Р. Сыздықова “Сөздер сөйлейді” еңбегінде көптеген тіркестердің пайда болу көздерін лингвистикалық тұрғыдан талдау жасаған. Мысал ретінде *аты шулы* тіркесін талдай отырып, мынандай пікір айтады: “... мұның екінші сыңары шулы “даңқ, атақ, даңқты, атақты” деген мағынадағы көне түркілік *чау* сөзі. ... сонда бұл сөз сыртқы тұлғасы жағынан былайша келген: *чау> чұу > шу*. Демек, аты шулы деген тіркес *аты даңқты* дегеннің көне сөзбен берілген баламасы екен” [8; 166].

Тілде құрамында көне түркі элементі бар *жек көру* тіркесі бар. Бұл бәрімізге түсінікті *жақсы көру* конструкциясы негізінде жасалған. “*Жек көру* тіркесіндегі жек сөзі көне түркілер тіліндегі *йенк* сөзі сияқты “түкке тұрғысыз, болмашы, мардымсыз” мағынада жеке-дара жұмсалмайды” [8; 168]. Тілдік жүйедегі фраземалардың пайда болуының негізінде белгілі, қалыптасқан үлгілер, модельдер жатыр. Олар тілдегі қалыптасқан фразеологизмдердің құрылымдық модельдеріне, аналогияларына ұқсатылып жасалады. Орыс фразеологизмдерін зерттеуші ғалым Н.М. Шанский пікіріне сүйенсек: “Фразеологизмы такого рода образуются по аналогии и появляются в речи всегда как новообразования, лишь постепенно входят в общее употребление” [9; 133].

Бұрыннан тілде қалыптасқан фраземалар моделінде туған тіркестер адамдардың бұрыннан бар құралдар негізінде құбылыстарды бейнелі түрде беру мақсатында қалыптасқан. “Эти стремления к обновлению наименования тех или иных понятий и приводят к появлению как новых слов, так и новых фразеологических единиц, что обусловлено самой природой нашей речи – оказать максимальное воздействие со стороны говорящего на слушающего”, – деп көрсетеді Р.Н. Попова [10; 24].

Тілдің сөздік құрамының толығуы өзінің ішкі мүмкіншіліктері арқылы ғана болмайды. Сонымен қатар тіл өзінің сөз байлығын өзге тілдерден кіргізу арқылы да жүзеге асырады. Әдеби тілдің фразеологиялық жүйесінің толығуының тағы бір себебі – басқа тілден енген кірме сөздер. Халық өзінің басынан кешірген ұзақ даму тарихында көптеген елдермен араласып, әр кезеңдерде түрлі қарым-қатынастар жасағаны мәлім. Қазақ тіліндегі араб, парсы, монғол сөздерінің енуі тарихи кезеңдермен тікелей байланысты.

Р. Сыздықова кірме сөздерге байланысты тарихи лексикология мәселелерін сөз ете отырып, қазіргі тілде қолданылатын фраземалардағы плеоназм (плеоназм немесе плеонастық сөздер дегеніміз бір мағынадағы екі сөздің қатар қолданылуы) құбылысына ерекше тоқтала келіп былай дейді: “Ол қатарды не екі тілдің сөздері, не көне-жаңа сөздер, не қызметі бірдей екі морфологиялық тұлға құрайды. Әдетте тіл білімінде плеоназм (ол преиссология деп те аталады) құбылысын тілдегі “басы артық” абсолюттік емес, яғни плеоназм белгілі бір стильдік, не мағыналық қызмет атқарғанда ғана тілде орын алады” [9; 174].

Мысалы: *көр соқыр* тіркесіндегі көр сөзі парсы тілінде “соқыр, соқыр адам” деген мағынаны білдіреді. “Ал *көр соқыр* тіркесі бір мағынадағы әр тілде екі сөздің қатар қолданылуы болып табылатын плеонастық құбылыс. “Соқыр” мағынасындағы *көр* сөзі *көрбала, көрбілте* сөздерінің құрамына да қатысқан” [9; 101].

Сары уайым тіркесінің дұрысы *сар-уайым* болуы керек еді, өйткені *сар* сөзі парсы тілінде “уайым” дегенді білдіреді. Сонда *сар-уайым* “уайым-уайым” деген тіркес түрінде пайда болып, жай уайым емес, “қатты уайым, таусылмас уайым” дегендей үстеме мағына алып тұр [9; 174].

Тіл жүйесіндегі фраземалардың пайда болуының жоғарыда аталып өткен себептері әрі номинативтік, әрі экспрессивтік сипаттағы фразеологиялық қордың толығуына әкеледі.

Түркітану ғылымында “Алтай тілдері” теориясын қалып-тастырушылар – салыстырмалы-тарихи тіл білімін қалыптастырушылардың бірі, Дания ғалымы Р. Раск және неміс ғалым-дары В. Шотт пен М. Кастрен. Алайда бұл теория өз бастауын XVIII ғасырдан алады. I Петр заманында соғыста тұтқындалған ұзақ жылдар бойы Сібір өлкесінде өмір сүрген швед армия-сының офицері Табборт Страленберг 1730 жылы Стокгольмде “Европа мен Азияның солтүстік және шығыс бөлігі” атты еңбек жариялайды. Осы еңбегінде Страленберг түркі, монғол, тұнғыс-маньчжур тілдері бір негізден тараған туыстас, төркіндес тілдері деп, оларды “Алтай тілдері” атауымен атайды. Кейінірек (Е.Поливанов, Г.Рамстед және т.б.) осы пікірді теориялық жақтан тереңдетіп, құрамына угрофин, самоди тілдерін қосып, “Орал-Алтай тілдері” деген ат береді. Бұл теорияны гипотеза деп таниды. Оны жақтаушылары мен қарсы пікір айтушылардың саны тепе-тең. Қарама-қарсы пікірді қолдайтындар тілдер арасындағы генеологиялық жақындықты емес, типологиялық ұқсастықты негізгі принцип ретінде ұсынады.

Атақты түркітанушы ғалым академик А.Н. Кононов түркі, монғол, тұңғыс-маньчжур тілдері арасында лексикалық, фонетикалық және грамматикалық ұқсастықтар барлығы даусыз, бірақ жақындықтардың себебі нақты емес, алдағы уақытта белгілі болар деген үміт те қисынсыз, соған қарамастан “алтай тілдері” арасындағы жақындықтар мен жалпылылық сипат-тарды түркі тілдері тарихын зерттегенде керек деген пікірді қолдай отырып [11; 95], сөздіктерде тіркелген, этимологиясы ғылыми түрде талданған “алтай тілдері” байланысын дәлелдейтін кейбір фраземалардың пайда болу көздеріне талдау жасаймыз.

Монғол тілдері мен түркі тілдеріндегі ұқсастықтарды салыстырмалы-тарихи тұрғыдан зерттеген ғалым Б. Базылханның пікіріне сүйенсек, “Монғолша-қазақша сөздікке” енген 40000 сөздің 24000 сөзі 1500 түбірден тараған, яғни 60% екі халыққа ортақ туынды сөздер болып табылады [12; 4-7]. Бұл жақындықтар тілдердің жалғамалылық қасиетінен болса, екінші жағынан, біздің заманымыздан көп бұрын болған Алтай заманының бірлестігі болуы ықтимал.

Түркі-монғол тілдерінің ортақтастығын фонетикалық, лексикалық, грамматикалық қабаттардан дәлелдей отырып, профессор Р. Сыздықова былай дейді: “Ол ортақтық қазіргі алтаистика (“алтай тілдері” теориясы) орын алып келе жатқан екі концепцияның қайсысы, яғни түркі-монғол тілдерінің түп тегі бір дегеннен (генетикалық жақындық теориясынан) шыға-рыла ма, жоқ әлде түркі, монғол тайпаларының ұзақ уақыт бойы аралас-құраластықтарынан (типологиялық сәйкестік теориясынан) шығарыла ма – ол арнайы зерттеу объектісі, оны шешу біздің бұл еңбегіміздегі міндетімізге енбейді” [8; 175].

Монғол және қазақ тілдеріндегі сөз тікестеріне арнайы талдау жасай отырып, Р. Сыздықова *тас* сөзінің этимологиясын төмендегі сөздермен тіркесу қабілетіне қарай ашады: *тас қараңғы, тас керең, тас қып байлау, тас тағандау, тас түйін, тас жетім, тас төбеден қойып қалу* және т.б.

Бұл тіркестердегі “*тас* сөзінің мағынасы *тау-тас, кесек тас* дегенде келетін *тас* сөзіне еш қатысы жоқ. *Тас* сөзі монғол тілінде “мүлде, әбден, тым” деген мағынаны беретін сөз, бірақ қазақ тілінде ол сындық, үстеулік, шылаулық қызмет атқарып, кез келген сөзбен емес, кейбір сөздермен ғана тұрақты тіркес жасайды... Демек, оның мағынасы өте ертеден түркі тілдерінде де болып, кейін оны өзге сөздер алмастырған да, *тас* сөзі “мүлдем, тым, әбден, нағыз, нақ” деген мағынада тек тіркес құрамында сақталды деп түйеміз [8; 176].

Ә. Нұрмағамбетов “Бес жүз бес сөз” еңбегінде *араны ашылу* “тойымсыз, ашқарақ, қанағатсыз” мағыналарына ие фраземасындағы қазіргі сөйлеушіге түсініксіз *аран* сөзінің этимологиясына талдау жасайды.

Монғол тілінде – *араа* [13; 12], эхирит-булагат говорында – *араан* [14;12] сөздері қазақ тіліндегі “азу” (азу тіс) мағынасын береді. Н.А. Баскаков алтай тілінің солтүстік диалектісінде “арсыл” сөзі “азулы” дегенді ұғындыратынын айтады [15; 103]. Егер “аран” сөзінің орнына өзімізге белгілі “азу” сөзін қойсақ, *азуы ашылды* тіркесін көрген болар едік. Біздің ойымызша, *азу* сөзінің өзі *аран* сөзінің дыбыстық варианты болса (р ˜□з сәйкестігіне орай (мысалы, чуваштарда – хийр □қыз - қазақ тілінде) керек [16; 22].

Айылын жимау “қорықпау, жасқанбау”. Қазақ тілінде болымсыз мәнде айтылатын *айылын жимады* тіркесі бар. Монғол тілінде айыл сөзі “қорқыныш, үрей” мағынасын береді. Айыл сөзі түркі-монғол тілдеріне ортақ сөз болып, үрейін жимау “қорықпау, жасқанбау” мағынасын беретін тіркес ретінде қалыптасқан. Құрамында түркі-монғол тілдеріне ортақ сөздерді сақтаған, “еншісі бөлінбеген” тіркестер қазақ тілінде аз кездеспейді [8; 27].

Қара дүрсін “қарапайым, жабайы, жоба, мөлшер” фраземасындағы дүрсін сөзі жеке, дербес түркі тілдерінде де, монғол тілінде де қолданылмайды. “Алтай тілдері теориясына” кіретін тұнғұс-маньчжур тобына жататын маньчжур тілінде *дэрсен* сөзі “қарапайым, жай (простой)” мағынасын береді [17; 237]. Қазақ тілінде *қара халық, қара жаяу, қара жұмыс* тіркестеріне сәйкес қалыптасқан *қара дүрсін* фраземасы жасалған, ө □у дыбыс сәйкестігі заңдылығымен *дүрсун >дүрсін* тұлғасы туған (қазақ тілінің жергілікті ерекшеліктерінде *төсек > түсек, өгей > үгей, дөнен > дүнен* фонетикалық алмасулар фактісі кездеседі) [16; 78].

Су қараңғы “түк көрмейтін соқыр”. Су сөзі – түркі, монғол, тұнғыс-маньчжур тілдеріне ортақ. Якут тілінде *суй* “мүлде, тіпті” [18; 340], монғол тіліндегі *суу* “мүлде” [12; 26], тұнғұс-маньчжур тілдерінде *чуу* “өте” [17; 410] мағыналарында қолданылады. Қазіргі қазақ тілінде *су жаңа* “мүлде жаңа” мағыналы тіркес кездеседі.

Тіркестердегі екінші сыңар сөз *қараңғы* монғол тіліндегі *харагүй* [11;83], қалмақ тіліндегі *харан уча* [14; 83] сөздері қазақ тілінде “соқыр” деген мағынаны білдіреді. Тілдік деректерді негізге ала отырып, су қараңғы фраземасының мағынасын “мүлде соқыр” деп түсіндіруге болады [16; 165].

Ішек сілесі қату “қатты күлу”. Тұнғыс-маньчжур тобындағы тілдерде *сила силуқта* [19; 85], тува, башқурт тілінде *шөйүндү* сөздері “ішек” мағынасында қолданылады [20; 212]. Дыбыстық сәйкестіктерді ескертсек, “сила”, “шөйүндү” тұлғалары қос сөздерінің сыңары болып отырған *сіле* қалпына жеткен. Тілдік деректерге сүйене келіп, “ішек-сілесі”, “ішек-ішек” деп ұғынуға болады. Демек, қайталама қос сөздер екен.

Фраземаның екінші сыңары *қатты* сөзі түркі жазба ескерт-кіштері мен қазіргі түркі тілдерінде кездеседі. М. Қашқари сөздігінде *қатғұр* немесе *қатур* сөздері “қарқылдап күлу, күлкіге кенелу” мағыналарында қолданылған [21; 433-436]. Қазіргі алтай тілінің туба-кижи диалектісінде *қатқы* сөзі “күлкі” мағынасын береді.

Адам көңілденіп күлгенде, оның белгісі тек бет пішінінде ғана емес, бүкіл денесіне әсер ететіні белгілі. Қарқылдап күлкіге кенелген адамның иығына дейін солқылдайтыны да бар. Күлкінің осы қалпын бейнелеуде кейде *ішегі түйілгенше күлді* деу де тілде кездеседі. Дәл осылай бейнелеудің бірі – *ішек-сілесі қатты.* Демек, адам өзі күліп қана қоймай, *ішек-ішегіне дейін күлді* деген ұғым [16; 262-263].

Тіл тарихын зерттеуші ғалым Р. Сыздықова сөздер мен сөз тіркестерінің этимологиясына тілдік деректер негізінде этимологиялық талдау жасай келе мынандай ғылыми тұжырым айтады: “... түркология мен монголистика атты ғылым салаларында көптен бері айтылып келе жатқан ортақ сөздерден гөрі, сөз тіркестерінде, сөздің морфемдік құрамында кездесетін кейбір тұлғалардың төркінін монғол тілдерінен алып талдадық. Сонда түркі-монғолға ортақ болар деген сөздердің де, сондай-ақ таза монғолдық болар деген сөздердің де бар екенін байқадық... Таза түркілік немесе таза монғолдық деу қиын ... тұжырымдарымызды үзілді-кесілді дей алмаймыз. Бұлардың бірқатары кірме сөздер болуы мүмкін, оны әрі қарай зерттеушілер, әсіресе, алтай теориясымен шұғылданушылар нақтылайды деп ойлаймыз” [8; 176].

Мақалада кейбір фраземалардың құрамындағы қазіргі сөйлеушіге түсініксіз, дайын “құрылыс материалы” ретінде сөйлеуде қолданылатын, тұтас мағыналы фраземаларды олардың ішкі формасы мен мағынасын (семантикасын) түсіндіру және осындай тіркестердің семасиология саласында зерттеу нысанасы бола алады деген мақсатта талдау жасадық.

Әдебиет

1. Авакова Р.А. Фразеосемантика. Алматы, 2013.- 246 б.
2. Манкеева Ж.А. Мәдени лексиканың ұлттық сипаты. Алматы, 1997. – 272 б.

3. Ларин Б.А. Очерки по фразеологии (о систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // Ученые записки ЛГУ. Л., 1956. №198. Сер. филол. наук. Вып. 24. с. 149-162.
4. Кеңесбаев І.К. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. Алматы, 1977. 711 б.
5. Аханов К. Тіл білімінің негіздері. Алматы: Санат, 2003. 496 б.
6. Салқынбай А. Тарихи сөзжасам (Семантикалық аспект). – Алматы: Қазақ университеті, 1999. – 310 б.
7. Аблақов Ә., Исаев С., Ағманов Е. Қазақ тіліндегі сөз тіркестерінің дамуы мен лексикалану процесі. – Алматы, 1997. – 310 с.
8. Сыздықова Р. Сөздер сөйлейді. Алматы, 1994. 190 б.
9. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1985.
10. Попова Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. М.: Высшая школа, 1976. 200 с.
11. Кононов А.Н. Тюркская филология в СССР. 1917-1967. М., 1968. 44 с.
12. Базылхан Б. Қазақша-монғолша сөздік. Ұлан-Батыр, 1977.
13. Базылхан Б. Моңғол-қазақ тілдерінің салыстырмалы тарихи грамматикасы (қысқаша курс). Өлгей, 1974. 392 б.
14. Исследование бурятских говоров. Улан-Удэ, 1968. 196 с.
15. Баскаков Н.А. Диалект черневых татар.: Грамматический очерк и словарь. – М.: Наука, 1966. – 173 с.
16. Нұрмағамбетов Ә. Бес жүз бес сөз. Алматы, 1994. 304 б.
17. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л., Наука, 1975-1977. Т. 1-2. 992 с.
18. Якутско-русский словарь. М., 1972. 340 с.
19.Қазақ совет энциклопедиясы. Алматы, 1975. 7 т. 664 б.
20. Русско-тувинский словарь. М.: Русский язык, 1980. 560 с.
21. Академический словарь башкирского языка. //Ф.Г.Хисамитдинова. В 10 т. Т. III. – Уфа: Китап, 2012. – 864 с.
21. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1961. 676 с.

Алламоратова Р. М., Өфө к.

XX БЫУАТ БАШЫ БАШҠОРТ ДРАМАТУРГИЯҺЫНДА ҠУЛЛАНЫЛҒАН ДИАЛЕКТИЗМДАРҘЫҢ БАШҠОРТ ӘҘӘБИ ТЕЛЕ ҮҘЕШЕНӘ ЙОҒОНТОҺО

XX быуат башы башҡорт драматургияһы башҡорт әҙәби теленең формалашыуына ла ыңғай йоғонто яһаны [1; 165]. Башҡорт халҡының тормошон сағылдырған, милли үҙенсәлеге менән айырылып торған драмаларҙа башҡорт һөйләү теленә хас һүҙ һәм әйтемдәр, һөйләш һәм диалекттар актив ҡулланыла. Башҡорт яҙыусылары, татар әҙәби телен файҙаланып, әҫәрҙәренең телен ҡыйыу рәүештә башҡорт һөйләү теленә яҡынлаштырҙылар [1; 166]. Шул яҡтан Ф. Туйкиндың «Ватан ҡаһармандары», Бәхтейәр Бәхтегәрәй улының «Ер һатыу», Ф. Сөләймәновтың «Салауат батыр» драмалары айырыуса иғтибарға лайыҡ. Драматургтар ерле һөйләш элементтарын урынлы һәм уңышлы ҡулланып, пьесаларҙың лексикаһын байытыуға, сағыу тамаша тыуҙырыуға ирештеләр. Ғәҙәттә, тапҡыр һүҙ күңелгә лә ята, тамашасының иғтибарын да нығыраҡ яулай. Шуғалыр ҙа драмалар тәрән йөкмәткеле әйтем-мәҡәлдәр менән һуғарылған. Мәҫәлән, «Ватан ҡаһармандары» әҫәрендә түбәндәге мәҡәл һәм әйтемдәр, тапҡыр һүҙҙәр драмаларҙың поэтикаһына уңышлы үрелеп киткән. Йүләр һүҙен тиҙ һөйләр; егет егет һүҙен йыҡмаҫ; хоҙай яҙһа, барыһы ла көйләнер; ҡотоң осмаһын, малыңды ашармын әле, йәнеңде ашамам; туҙға яҙмаған һүҙ; бер аҙ һыҙҙырып күңелде күтәреп ебәр; семеттереп ебәр; үҙәктәрҙе өҙәһең; ҡул аҫтында ҡалыу; көслөнөкө замана; көлдәрен күккә осороу; йән-фарман һуғышыу; ҡолаҡ төптәренә уларҙың тәхет; бер ҡашыҡ ҡаныбыҙ ҡалғансы һуғышыу; тиҙ-тиҙ йыйылып, ысҡынырға; беҙҙең кеүек һыҙғырып торған егеттәр; таш яуһа ла барам; күҙ нуры кеүек берҙән-бер улы; иҫән-һау ҡотолоп ҡайтыу; иҫкә кереп сыҡмаған эш; тилмереп һағынып ҡайтыу; күңеле етеп ҡурай уйнау; дыу килеп, емертә торған саҡ; ел кеүек килеп еттем; күрер көндәрем бар икән; француздарҙы осортоп ҡайттыҡ; дәрт һүрелмәгән; күңелем ун ете йәшлек кенә; ике шатлыҡ бергә булһын кеүек үҙенсәлекле һүҙбәйләнеш һәм әйтемдәр әҫәргә эмоциональ-экспрессив тон бирә. Тыныс көндәрҙе тасуирлағанда еңелсә шаяртыу, уйынсаҡ төрттөрөүҙәр ҡулланылһа, һуғыш хаҡында ишеткәс, геройҙарҙың телмәрҙәре ҡәтғи һәм ҡыҫҡа яңғырай.

«Ер һатыу» драмаһында ла аңлы рәүештә башҡорт ябай һөйләү теле элементтары ҡулланыла: йән-тән менән риза; ҡул ҡуйыңыз; бөткән эш бөтһөн инде; ҡустылар; ни булһа, шуны күрермеҙ; арыу ғына кешеләр; ҡара йөрәк; һөйләмәңеҙ; беҙ китәмеҙ; эшемеҙ бар; күп һүҙҙең файҙаһы юҡ; таныр көнөң алда; эш үткән булыр; кәңәштән сыҡмаған яҡшы; тамға; тана башлау; йәбер итергә ҡушмай; бер буйтым һыйларға кәрәк; ҡуллама; иҫәнме; һаумы; иҫән генә тораһығыҙмы; һау ғына тораһығыҙмы; шәбмеһеңеҙ; нихәл; суфыйланып; өнөң асыҡ булһын, һөйгәнең ҡарсыҡ булһын; теттереңеҙ донъяһын; ҡотло, мөбәрәк булһын; ҡайҙа таҡыр, шунда баҫ; йәтеш төшөрә; типтер донъяһын; арыҡ булһа ла, йөрөмтәл ат; өҫтөңөҙгә сыға; алдап ашаныңыз; һеҙ байыныңыз; иҡемеҙҙең дә ҡатындарымыз.

Автор, ер һатып алыусылар менән әңгәмәлә рус һәм башҡорт телдәренең ҡатнаш ҡушылмаһын бирә:

Доверенныйҙар (Василий берлән Иванға ҡарап). Йә, знакомдар, былар һорайҙар. Быларҙан башҡа дела не будет, понял?

Василий. А много просят?

Рысхужа (яңылыш аңлап). Да, много просят. Ул ер биш һум ғына түгел. Бирерһең, бирмәй сараң юҡ. Юғиһә, я никогда подпись не дам.

Доверенныйҙар. Атдай, чауа нибудь?

Василий. Рубль отдам.

Рысхужа. Һорағандан биш тин кәм булһа ла алмайым. Один слова әйт. Беҙ китәмеҙ, эшемеҙ бар [2; 512].

Был күренеш Башҡортостан ерлегенә яйлап рус теленең үтеп инә барыуын сағылдыра.

«Салауат батыр» пьесаһында ла Ф. Сөләймәнов мәҡәлдәрҙе, тапҡыр һүҙҙәрҙе әҫәр туҡымаһына уңышлы итеп индереп ебәрә.Ике ут араһында тороу; үҙ юлы менән бара; теңкәгә тейә; арыу ниәттә йөрөй; башлы-күҙле итеү; малдарҙы йәйрәтеп ашата белмәй; бер тотоп бормай булмаҫ; эҫтәре бошоп торалыр; тәҡәте ҡорой; иҫе-дәрте һунарҙа; күрше хаҡы — тәңре хаҡы; һин бел дә мин бел; тәңре ярҙамсыһы булһын инде; төҫө ҡасып, һөмөрө ҡойолоп ултыра; төҫө үҙгәрә; ҡарға ҡарғаның күҙен соҡомай; күҙгә-башҡа күренеп йөрөмә; башына ат типкән тиһегеҙме; йәм тапмайым; дәртте баҫманы; майҙандарҙа, туйҙарҙа алған батырлыҡ батырлыҡ түгел; ялман ҡылысты ҡулға алып, ил эйәртеп дошманға ҡаршы тороу батырлыҡ; сәсәнмен тип кем әйтмәй, дау килгәндә өнө юҡ, батырмын тип кем әйтмәй, яу килгәндә йүне юҡ; илдең күҙ терәп торғаны; көлөн күккә осороу; күк сәкмән ысҡыныуынан ҡурҡа; эш үткәс, үкенеүҙән файҙа юҡ; баш ҡатырма; халыҡ өсөн янып йөрөй; иленде эйәртеп, ил күрке булып ҡайт, ҡанлы йәш түктермәй; ҡайғы менән билен бөктөрмәй; ҡол булып иҙелеүҙән намыҫ менән бөтәүебеҙ мең мәртәбә артығыраҡ; был юлда азамат бул; ҡурҡып-өркөп йөрөр ваҡыт үтте; хәҙерге заманда бер көндө бушҡа үткәреү мәңгелек ҡол итәсәк; халҡыма ҡорбан итәм; төтөн башына ла яһаҡ; буштан-буш килеп ерләшеү; бөтөн башҡорт илен бер ҡулға алыу; түрәләрҙе әүрәтеү; ҡамсыңды ҡайһы яҡҡа һелтәһәң, ҡылысыбыҙҙың йөҙө шул яҡҡа булыр; ил һинең ярҙамыңа таянып ҡуҙғалды; тамаҡ сылатырлыҡ ҡымыҙ; ай йөрөрһөң, йыл йөрөрһөң, беҙ һине һағынып кәкерәйербеҙ; ҡанлы йәштәр түгеребҙ; юл ҡайғыһын күр; йөрәккә батырлыҡ арттырыу; күҙҙәренә аҡ-ҡара күрмәй; мин ҡайтҡансы һыбай ҡаршы сығырлыҡ бул, донъя хәлен белеп булмай; бәхет ҡапҡаһы асылырға тора; кәрәк булһа, табаһың; кешегә ышан, үҙең ҡайғырт; илсегә үлем юҡ; илдең тағы ла теле киҫелде, шоңҡары ҡулға төштө; киске уйҙан таң яҡшы; һәр таң һайын йөрәк һыҡрау менән ғүмер итербеҙ h.б. образлы һүрәтләүҙе көсәйтеүсе саралар драматургтың айырым әҙәби стилен булдырыуға ярҙам итәләр. Уның һүҙҙәрҙе шағирҙарға хас ювелир оҫталығы менән эшкәртеүе Салауаттың телмәрендә айырыуса асыҡ сағыла. Салауат телмәрендәге һөйләмдәрҙе ритмға һалып биреүе, тос фекерле, тапҡыр һүҙҙәр ҡулланыуы сәсән яугир характерын күҙ алдына баҫтыра.

XX быуат башы башҡорт драматургияһының жанр формалары уның тел-стиль үҙенсәлектәренә лә туранан-тура йоғонто яһай. Тарихи-героик драмаларҙа героик пафос өҫтөнлөк итә. Трагедия персонаждары телмәре трагик сәнғәт стиленә яраҡлы рәүештә үҫтерелә. Ижтимағи-сәйәси драмаларҙа халыҡтың ижтимағи һәм сәйәси тормошо менән

бәйле күренештәрҙе тасуирлауҙа урыны-урыны менән публицистик пафос һиҙелә. Ижтимағи-психологик драмала иһә осорҙоң ижтимағи тормошо менән бәйле терминдар әүҙем ҡулланыла, психологик анализ көслө.

Яңы барлыҡҡа килгән драма әҫәрҙәренең бөтәһенә лә хас сифат — әҫәр туҡымаһына күпләп башҡорт йәнле һөйләү теле элементтарын, халыҡтың тапҡыр һүҙҙәрен, мәҡәлә һәм әйтемдәрҙе индереүҙе билдәләп китергә кәрәк. Был күренеш башҡорт әҙәби теленең формалашыуына, башҡорт теленә иғтибар арттырыуға ыңғай тәьҫир итте.

Әҙәбиәт:

1. Башҡорт әҙәби теленең тарихы. — Өфө: Китап, 1993. — 320 б.
2. Башҡорт әҙәбиәте. XX быуат башы. Икенсе китап. Проза. Драматургия. Өфө: 1984. 592 б.
3. Сөләймәнов Ф. Башҡорт йәйләүендә, һайланма әҫәрҙәр /Төҙ. М. Нәҙерҡолов.— Өфө: Китап, 1996. — 80 б.

Атаев Б. М., г. Махачкала

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В СТАНОВЛЕНИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ

Несмотря на наличие обширного пласта восточной лексики, в терминологии дагестанских языков особую роль играет влияние русского языка. По сравнению с общелитературной лексикой терминологические системы характеризуются гораздо более высоким процентом заимствований. При этом в языках народов России, естественно, преобладают русизмы, поскольку русский язык как средство межнационального общения является одним из основных источников пополнения терминологии языков народов РФ.

Наличие большого количества терминов, заимствованных из русского языка, в терминологии дагестанских языков обусловлено следующими причинами:

1) необходимостью быстрого пополнения недостающих терминов при формировании терминологических систем дагестанских языков. Создание термина на собственной языковой почве требует всестороннего учета семантического окружения слова - кандидата в термины, соотношения его с эталонным термином, принадлежащим другому языку. Такие термины, как показывает практика, формируются годами. Задачи языкового строительства в бывшем СССР в отношении сроков определялись, в свою очередь, достаточно жестко; отсюда возникала потребность в использовании готового термина;

2) более точным, конкретным обозначением предмета, явления или понятия с помощью заимствованного слова, нежели исконным. В отличие от исконного слова заимствование не имеет тех семантических отношений, которые снижают качество термина: неоднозначность, экспрессивность и др. В этом плане термин-заимствование обозначает лишь то, что предназначено выражать;

3) многие понятия являются интернациональными и равным образом выражаются в различных языках, что придает им статус общечеловеческих духовных ценностей. Русизмам принадлежит особое место с точки зрения воздействия на дальнейшее развитие лексических возможностей дагестанских языков не только в терминологической сфере;

4) преобладание русизмов в дагестанской терминологии обусловлено также немаловажной ролью русского языка в самом учебном процессе, когда практически все специалисты-языковеды в совершенстве владеют русским языком и ориентируются на русскую терминологию;

5) в распространении русизмов не последнюю роль за годы советской власти играли и факторы политического характера. По-видимому, последнее обстоятельство явилось мощным дополнительным стимулом для проникновения заимствованных терминов. Русификация в этом отношении стала фактическим синонимом советизации, большевизации. Такая ситуация усугублялась в течение длительного времени партийным влиянием на всю книгоиздательскую деятельность, переводом на языки народов СССР трудов классиков

марксизма, речей и докладов Генеральных секретарей, материалов съездов и пленумов, идеологизацией учебной и педагогической литературы и т.д.

Кроме того, современное состояние развития терминологии дагестанских языков выявляет определенные диспропорции в соотношении собственно научной, школьно-педагогической и научно-популярной терминологии, вызванные тем, что на дагестанских языках издается преимущественно учебная и учебно-методическая литература по ограниченному количеству научных дисциплин, в то время как основным языком научных публикаций является, как правило, русский язык.

Баһауетдинова М.И., Өфө к.

10 ТОМЛЫҠ "БАШҠОРТ ТЕЛЕНЕҢ АКАДЕМИК ҺҮҘЛЕГЕ"НДӘ ҺҮҘӘРҘЕҢ ЭТНОМӘҘӘНИ ЙӨКМӘТКЕҺЕ САҒЫЛЫШЫ

Һуңғы осорҙа нәшер ителгән 10 томлыҡ "Башҡорт теленең академик һүҙлеге" (Өфө, 2011-), нигеҙҙә, аңлатмалы-тәржемәүи һүҙлек булараҡ, һүҙҙәрҙең этномәҙәни йөкмәткеһен аңлатыуға айырым иғтибар бирә. Халыҡтың матди һәм рухи мәҙәниәтенә ҡараған ғөрөф-ғәҙәттәр, йолалар, төрлө ышаныу, ырымдар менән бәйле һүҙҙәр, шулай уҡ башҡорттарҙың донъяуи тел моделен сағылдырыу йәһәтенән әһәмиәтле булған һүҙҙәр баш һүҙ сифатында айырым һүҙлек статьяһы итеп урынлаштырыла.

Һүҙҙәргә аңлатма уҡыусыларға аңлайышлы, аныҡ итеп бирелә. Этнографик терминдарға, бер төрлө генә аңлатма биреп булмаған һүҙ һәм һүҙбәйләнештәргә энциклопедик аңлатма биреү отошло тип табыла.

Был һүҙлектә халҡыбыҙҙың матди һәм рухи мәҙәниәтенең төп милли асылын, үҙенсәлектәрен, үҙенә генә хас рухи йөҙөн, милли һыҙаттарын баҙығыраҡ сағылдырырға тырышыу күҙәтелә. Сөнки һүҙҙең мәғәнәүи төҙөлөшөндә халыҡтың тарихына, мәҙәниәтенә бәйле булған семантик төшөнсәләрҙе асыҡлау — бөгөнгө лексикографияның төп маҡсаты һәм талабы. Был һүҙлек киләсәк быуындарға аманат итеп тапшырылырға тейеш йәдкәр буласаҡ. Шуға күрә этномәҙәни үҙенсәлекте сағылдырған һүҙ байлығы мөмкин тиклем тулы күләмдә һәр томда алфавит тәртибендә бирелеп бара. Баш һүҙҙең тәүге, йәғни төп мәғәнәһенең (дәүләт теле булараҡ) руссаға, (халыҡ-ара аралашыу теле булараҡ) инглизсәгә, (төрки телдәр араһында иң күп таралған тел булараҡ) төрөксәгә тәржемә итеп бирелеүе лә бик отошло. Төрки телдәр бер-береһенә бик яҡын, башҡорт телен белгән кеше һәр хәлдә татар, ҡаҙаҡ, ҡарағалпаҡ, үзбәк, уйғыр, нуғай, балҡар, ҡарасай, хатта төрөк телен дә еңел аңлай. Шуны ла әйтеп китмәй булмай: бөгөн йәмғиәт күп теллелектән бер теллелеккә йүнәлеш алды, әммә заман ағышы, тарих күп теллелеккә кире ҡайтарасаҡ. Һәр халыҡтың рухи, матди мәҙәниәте, тарихы, үҙаңы һәм башҡа билдәләре бар. Мәҙәниәттәр диалогы шарттарында халыҡтарҙың күңеленә асҡыс уларҙың телдәре аша табыласаҡ.

"Башҡорт теленең академик һүҙлеге" — рус телендә сығасаҡ 40 томлыҡ (әле 13 томы сыҡҡан) академик аңлатмалы һүҙлектән ҡала региондар араһында беренсе тәжрибә. Әйтергә кәрәк, уңышлы, уникаль хеҙмәт. Бөтә телдәр араһында тиң булып, үҙебеҙҙе бар донъяға белгерткән эш бер йыл йәки ун йыл ҡулланыла торған һүҙлек түгел, быуаттарға ҡалырлыҡ әһәмиәтле ҙур хеҙмәт. Башҡорт халҡының үҙенсәлеген күрһәтеүсе, ғәзиз һүҙҙәребеҙҙең тәрән мәғәнәһен асыуға миҫалдар килтерәйек.

АЛҒЫШ II (Р.: благопожелание; И.: good wish; Т.: iyi dilek) *и.*

1. Яҡшы теләк. □ Благопожелание. *Алғыш алыу.* ■ *Алғыш (ҡот теләү) – халыҡ ижадының бер төрө*. К. Мәргән.

2. *диал.* Рәхмәт, ихтирам. □ Благодарность, уважение. • *Ата-әсә алғышы утҡа-һыуға батырмаҫ.* Әйтем. *Ҡарғыш алма, алғыш ал*. Әйтем. *Алғыш та төшә, ҡарғыш та төшә.* Әйтем.

АЛМИҘЕҮ (Р.: нагрудное украшение; И.: kind of female decoration; Т.: süs) *и. этн.*

Ҡатын-ҡыҙҙарҙың күлдәк өҫтөнән кейә торған уҡа, мәрйен-тәңкәләр менән биҙәлгән алынмалы киң иҙеүе. □ Женское нагрудное украшение с монетами и позументом; надевается поверх платья. ■ *Алтын ғына тәңкә ай бирәйем, алмиҙеүкәйеңә баҫырһың.* Халыҡ йырынан. *Унда милли елән генә түгел, ә биҙәүестәр, баш кейемдәре, ҡашмау, селтәр, дәүәт, түшелдерек, һарауыс, алъяпҡыс, таҡыя, сәсмау, сәсүрмес, алмиҙеү ҙә бар! Өҫтәүенә һәммәһенең үҙ ерлеге, үҙенсәлеге, тегеү ҡағиҙәһе һәм йолаһы бар!* Р. Солтангәрәева.

БИШБАРМАҠ I (башбармағы) [боронғо төрки *биш + пармаҡ*] (Р.: бишбармак; И.: kind of Bashkir meal; Т.: milli yemek türü) *и. этн.*

1. Башҡорт халҡының милли ашы: ваҡлап туралған ит һәм шаҡмаҡлап киҫелгән эре һалманы бешереп, һуғанлап, борослап, тоҙлоҡло һурпа менән бирелә торған ашамлыҡ. □ Бишбармак *(национальное блюдо, приготовляемое из мяса и лапши, нарезанной квадратиками, приправляемое жирным бульоном, луком и перцем).* ■ *[Фазлый] үҙен киң сахралағы кейеҙ тирмәлә, ҡурай моңдары аҫтында ҡымыҙ эсеп, бишбармаҡ ашап ултыра һымаҡ тойҙо.* И. Насыри.

2. *диал.* Йола ашы. □ Обрядовое блюдо.

3. Башҡорт ҡатын-ҡыҙ бейеүе. □ Башкирский женский танец. ■ *Фирүзә сәхнәгә сығып, «Бишбармаҡ»ты бейене.* К. Мәргән.

ЕҢҒӘНЕ ҺЫУҒА БАШЛАУ (Р.: обряд проводов невестки к роднику за водой; И.: a Bashkir ethnographic ceremony; Т.: dügün adeti) *и. этн.*

Яңы оҙатылып килгән киленгә ҡайынһеңле тейеш ҡыҙҙарҙың һыу юлын күрһәтеү йолаһы. □ Обряд проводов невестки к роднику за водой. ■ *[Йомай әбей – Зәлифәгә:] Еңгәңде һыуға башлағанда уның яурынына көйәнтәне һин һалырға тейеш. ...Барығыҙ, еңгәңде уртаға алығыҙ. Һыу алған көйәнтәне еңгәңдең уң яҡ яуры*ныны *күтәрт. Күтәрткән саҡта*: *«Төклө аяҡлы, ырыҫлы, бәхетле бул», - тип теләк теләп күтәрт. Ҡайтканда ҡабаланмағыҙ, ...ипле генә йөрөгөҙ. Ҡайтып еңгәң һыуын ҡуйғас та, һин уның биленән билгауын сисерһең. Шунан сәй эсербеҙ, йөҙөк өләшербеҙ.* Һ.Дәүләтшина.

Килтерелгән миҫалдарҙан күренеүенсә, һүҙҙәрҙең этномәҙәни йөкмәткеһен асыҡлап, күпме мәғлүмәт, тотош тормош һабағы алып була.

Халыҡтың быуаттар буйына килгән тормош тәжрибәһен, аҡылын, ғөрөф-ғәҙәттәрен, уй-хыялдарын, йыйып ҡына әйткәндә, халыҡтың үҙлеген күрһәтеүсе һәм күңел көндәлегендә яҙылған гәүһәрҙәрҙе мәңге тере тарихы булған тел аша йәш быуынға тапшырыу бурысын һүҙлекте төҙөүселәр фиҙакәр башҡарып килә.

Әҙәбиәт

Башҡорт теленең академик һүҙлеге: 10 томда / Ф.Ғ.Хисамитдинова редакцияһында. Т.I–VII. Өфө: Китап, 2011–2015.

Бакиров М.Х., г. Казань

ФЕНОМЕН ПАРАЛЛЕЛИЗМА ДРЕВНЕЙШИХ ТЕОНИМОВ

Опираясь на теорию ностратики о древнейшем культурно-генетическом родстве различных языковых семей, в статье на историко-мифологическом материале носителей этих языков выделяются и группируются по функционально-семантическому принципу общекорневые, параллельные названия целого ряда богов, которые восходят к ранним контактно-родственным взаимосвязям.

Ключевые слова: ностратика, праязык, глоттохронология, этимология, архетип, пантеон, теоним, бог, средиземноморско-кавказские языки, тюркские языки.

Согласно ностратической или борейской теории, индоевропейская, афразийская, картвельская, а также уральская и алтайская семьи языков являются генетически родственными, т.е. считаются появившимися в результате распада общего праязыка-предка, или же благодаря связанным между собой ряду родственных диалектных групп. Если

говорить конкретно, то из реконструированных В.М.Илличем-Свитычем свыше 600 ностратических праформ-архетипов на долю алтайской семьи языков приходится 231 лексический корень, а на долю уральской – 202, что вкупе составляет подавляющее большинство выявленных общих лексем. Архидревность аналогичных и тождественных корней в ностратических языках подтверждается и глоттохронологическим, т.е. лексикостатистичеким методом, разработанным американским ученым Моррисом Сводешем. Как показывают глоттохронологические результаты этого исследователя, коэффициент сохраняемости определенной части базовой лексики древних языков в течение ряда тысячелетий составляет достаточно большой процент, а именно: за первую тысячу лет сохраняется приблизительно 85 процентов слов, в течение второго тысячелетия – 72 процента и т.д. Процент сохраняемости и утраты слов основного ядра примерно одинаков во всех языках [14:33–34]. А если учесть, что структура и корневая система тюркских языков носят сверхстойкий характер, то коэффициент изменчивости лексики у последних, скорее всего, даже ниже, чем у других языковых семей. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на древнетюркские рунические памятники Орхоно-Енисея, словарный состав которых несмотря на их создание свыше тысячи двухсот – тысячи трехсот лет назад, продолжает оставаться довольно понятным и в настоящее время.

Для более ясного представления древнейших истоков и первоначальны регионов ряда мифологических архетипов и архаических названий языческих богов, которые в той или иной форме обнаруживают себя в урало-алтайской мифологии, необходимо указать также на отдельные весьма оригинальные научные положения, касающиеся древнейших межъязыковых связей. Многие ученые, в частности, из иностранных исследователей Баррау Т., Колдуэлл Р., Шрадер О., Тягараджу А., Татле Э., Бауда К. и из российских ученых Долгопольский А.Б. [4:106–119], Пучков П.И. [12:3–19], Андронов М.С. [2:22–41], Алиев И. Г. [1:300], Мусаев К.М. [11:228], Кадраджиев К.С. [7:130–148], Юсифов Ю.Б. [18:19–40] в своих исследованиях пришли к выводу, что в доисторическое время эламиты, дравиды и урало-алтайцы в регионе Средиземноморья и Иранского плоскогорья составляли единую языковую семью или родственные диалекты. В качестве подтверждения данного вывода можно указать хотя бы на общее этимологическое гнездо из 72-х слов, установленное Баррау Т., издавна выражающее в дравидском и финно-угорских языках названия различных частей тела. Выявленные же российскими учеными общие лексические корни в алтайских и средиземноморско-каспийских языках в настоящее время доходят до нескольких сотен.

Ученик Иллича-Свитыча Долгопольский А.П. и американский ученый Рефрю К. тоже считают, что урало-алтайская языковая волна двигалась из Иранского плато, и Ср. Азии на север и восток [4:116; 13:114 – 117]. Притом, по утверждению Рефрю, носители этих языковых диалектов обладали навыками зарождающегося скотоводства и земледелия. Сюда же можно присоединить и известную теорию крупного языковеда Трубецкого Н.С., который одним из первых пришел к выводу, что индоевропейская общность образовалась в результате контактов и смешения с урало-алтайскими и средиземноморско-кавказскими языками [16:72–74].

Все эти перечисленные оригинальные факты являются, на наш взгляд, тем ключом, который позволяет глубже осмыслить и постичь феномен общности и параллелизма древнейших мифологических архетипов и названий богов-теонимов, путем сближения и связывания народов различных языковых семей, находившихся когда-то в генетическом и контактно-культурном родстве. Нами выявлено довольно много однотипных или схожих теонимов. Остановлюсь только на наиболее характерных из них.

Как известно, древнейшие имена богов связаны с солярной и небесной мифологией, а именно с поклонением солнцу и небу. Таков древнетюркский бог неба ***Тенгре/Тенгери/Тейри/Танри***, который был характерен и для хуннов в форме *tha-riəj* (реконструкция С.А.Старостина). Он же в форме *Тэнгер, Тэнгри, Тэнгэрэ* и *Танара* имеется также в монгольском и тунгусо-маньчжурском пантеонах. Более того, боги неба с созвучными названиями были представлены также и у других древних народов. У шумеров

это – *Дингир,* и этой же идеограммой обозначались также ассирийские и уратские боги, у полинезийцев – *Тангароа*, китайцев – *Тянь* (t`ien), у средиземноморских эламитов – *Тир* из праформы *тингир* – божество. Сюда же примыкают, на наш взгляд, теонимы из германской мифологии, обозначающие бога грома: на древнегерманском это – *Тонор*, готском и немецком – *Донар*, а на французском – *Тоннере*.

Если исходить из того, что во многих языках корень-основа ***тан/тай/тон/тин/тен/теӈ (дон/дин/ден/деӈ)*** издревле обозначала звук, грохот (например, в индоарийском-ведийском языке *танйату* – гром, в древнетюркском языке *тан/таӈ* – греметь, грохотать, *даӈ* – звукоподражание грому с раскатами (МК, III. 384), *тин* – в чувашском гром без дождя, в китайском *тан/тянь* – звук, грохот, *тангу/тяньгу* – барабаны с различными звучаниями, в немецком *доннар* – грохот грома, *доннер* – гром, в французском *тоннерре* – гром, скандинавском *тонар* – звучание, грохот, в афразийских языках (кушит, сомали) *тун* – грохотанье, гул, *тунту* – барабан, в дравидском *дангурави* – барабан, самодийском *тунту* – барабан, алтайском *тангур/дунгур* и бурятском *тэнгер* – шаманский бубен, удмуртском *донгыр* – грохот), то напрашивается вполне резонный вывод о том, что теонимы с корнем *тан/таӈ/тон/тян/теӈ(дон/дин/ден) идущий из глубины тысячелетий* образовались на основе слов- звукоподражаний грому. Одни из них стали обозначать громовиков, а другие употреблялись в значении как небесного бога и божества вообще, так и в значении неба. Например, название неба в китайском – *тянь,* японском – *тиӈ/теӈ/тэн*, хуннском – *тан(ли),* древнетюркском – *тенри/танри/теӈри*, прусском –*дан(гус).* К этому перечню можно добавить фонетический вариант того же корня, основанный на чередовании *т/д → ч/с, – чаӈ/чыӈ/чеӈ,* означающий также звучание. Отсюда по-китайски *саӈ*, у ряда тюркских народов *чаӈ* – большой колокол, в древнетюркском *чыӈ(чеӈ)* – звенит, хуннском *чэн(ли)* – небо, на языке японцев острова Кохама *чиӈ/чиӈи* – тоже небосвод. Указанные названия неба, думается, произошли как синонимы от чокующего варианта звукоподражательного корня *тан/тен (дан/ден)*.

Таким образом, получается, что первая часть или корень-основа ***тен/тенг-тэн/тан/таӈ*** теонима *Тенгри/Таӈри/Тэнгэрэ* – это звукоподражательное слово, восходящее к грохоту грома. А гром, по представлению древних, является неотъемлемым атрибутом именно неба и небесного бога. К тому же происхождение данного корня-архетипа, думается, как нельзя лучше объясняется древнейшей формой словообразования, основанной на звукоподражательном принципе.

Что же касается второй части составного теонима *Тенгре/Теӈре/Тангароа*, т.е. окончания или аффикса с фонетическими вариантами ***ре/ри/ра***, то она, нам кажется, исходит из древнего названия солнца и ассоциирующегося с ним бога или божьего глаза. У полинезийцев, например, *ра* – солнце, *Оро* – бог солнца; у египтян бог солнца также назывался *Ра*, а в борейском праязыке *ре/рэ* – солнце, рассвет, хурритском *Хурри* – утро, Земля Востока, алтайском **нара* – солнце, день, армянском *Ара* – божество весны. Позже от этих общих праформ произошли, по-видимому, составные теонимы, а именно: одно из названий солнца на санскрите – *Рави, сура* – бог (в «Ригведе» всегда связывался с солнцем), древнеиранское *Митра* – бог солнца, древнеиранское *Индра* – бог небесного свода (солнце – его глаз), в древнегреческой мифологии *Аврора* (*ауро* – букв. «предрассветный ветерок» + *ра*) – богиня утренней зари; далее – производные слова с новыми значениями: семитское *ревин* – солнце-сын, итальянское *re* – король, древнеиндийское *раджа* – царь, латинское *радиус* – луч, русские *радуга, заря, зарево*, чеченское *йре*, ингушское *уйра* – утро, татарское и башкирское *рәшә* – солнечное ма́рево.

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что теоним ***Тенгри/Тангри/Таӈра/Тэӈре*** произошел в результате слияния двух лексем: звукоподражательного слова *тан/таӈ/тэн,* выражающего грохот грома, и *ре/рэ/ра,* обозначающего солнце, которые в совокупности стали употребляться как в значении неба, так и в значении небесного бога. Именно в силу того, что понятие «тангри-бог» в широком смысле этого слова объединяло в себя, кроме неба, также солнце и молнию, у древних тюрков не было специальных общеэтнических

богов, олицетворяющих их в отдельности. Этим же объясняется и приближение древних тюрков вплотную к идее единобожества, завершившееся созданием довольно развитой религии Тенгрианства.

Надо подчеркнуть, что предложенная нами этимология отличается как от версии казахского тюрколога Мусаева К.М., возводящего теоним Тенгир к древнему глаголу *тен* – «подниматься», «возвышаться» и присоединявшему к нему суффикс причастия – *ир,* так и от этимологии в значении «муж зари (man+up)», представленной якутским ученым Антоновым Н.К. Интересующее нас древнетюркское слово *Тенгри/Теӈре*, обозначавшее высшее языческое божество, оказалось весьма жизнестойким и, пройдя около двух с половиной тысяч лет, дошло до наших дней и стало синонимом мусульманского бога Аллаха. Этот факт лишний раз подчеркивает преемственность и долговечность мифологических имен.

Близкий по звучанию Тенгри/Тэнгер корень ***тор/тур*** образует другой семантический ряд теонимов. К ним относятся древнегермано-скандинавский бог грома *Тор*, древнеисландский бог неба – *Тюр*, ханто-мансийский небесный бог – *Торын*, эстонское и финское высшие божества *Таара* и *Тоора*. Дравидское название бога – *тиру/чиру,* чувашское – *туре*, карачайское – *тейри,* татарский и башкирский теоним *тэре,* обозначающий языческое божество и икону с изображением христианского бога – также продолжают ту же этимологическую линию. Ряд исследователей этимологию этих теонимов возводят к стяженным вариантам звукоподражательных грохоту грома слов (например, германо-скандинавское *тонар* «греметь») и образованных от них теонимов-громовиков (*Тонор* – бог грома), а также к небесному богу *Тенгри/Тэнгер/Танара* алтайской семьи языков. К культовому и сакральному значению корня *тор/тура*, по-видимому, восходят и древнееврейское слово второго плана *тора* – закон, древнетюркское *тӧрэ* – закон, обычай и слова *тӧрэ/тӥрэ* – глава, господин, *тӧр/тӥр* – почетное место в юрте или доме, общие для ряда тюркских языков.

Отдельную группу составляют теонимы с основой ***ан/эн/ен/ин,*** также восходящие к архаическому субстрату древних языков Средиземноморья и Иранского плоскогорья. Мы имеем в виду то, что у шумеров небо называлось *ан*, бог неба – *Анум*, а «владычица небес», богиня плодородия – *Инанна*, слово же *эн* имело значения «бог», «владыка», «жрец». Примерами могут служить теонимы *Энлиль* – «божество ветра» и *Энки* – «бог земли». Из соседних народов – у халдеев небо именовалось *ана*, *Ану* – бог неба, аккадцев *Анту* – богиня неба. Этот же корень имел и другую огласовку: у урартов названия бога – *ин/ину*, хуррито-субарейцев – *ене/ину*. Поразительно то, что аналогичные названия неба и бога с глубокой древности сохранились также в языке и мифологии некоторых современных народов. Например, на языке ко́ми *эн/ен* – небо, бог. В близкородственном коми языку удмуртском *инмар* – бог, при названии неба – *ин*, финском теоним бога – *илма*, образованный из праформы *инма*. Кроме того, слово *ан* в коми и удмуртском языках означает *нёбо*, а в дравидском название нёба – *аннам,* татарском – *аӈкау*, что, безусловно, связано с верхней частью рта и является как бы его «небом». А в древнетюркском зафиксированы слова *уган* – бог, всемогущий, *ынаг(инан-)* – вера, *йашын(йэшен)* – молния, в монгольском *наран* – солнце, тувинском *анган* – высота, верх. Анахита – богиня туранцев. Этот же перечень можно дополнить параллелями из пантеона палеоазиатов чукотско-камчатской группы, христианскую икону (бога) они называют *энэн*, а у коряков общее название бога – *анан*.

На наш взгляд, слово *ан* (бог) у тюркских народов стал даже своеобразным знаком – суффиксом класса диких животных, представлявшихся, по верованию наших предков, животными бога, т.е. не домашними или не прирученными, вольными. Да и само слово в форме *аӈ(*ан)* в древнетюркском языке обозначало именно диких (< божественных) животных и прибавлялось к концу зоонимов как суффикс *-ан*. Например *тарпан* – дикая лошадь, *кулан* – дикий ишак, *кабан* – дикая свинья, *арслан* – лев , *болан* – олень, лось, *елан* – змея, *куян* – заяц, *каплан* – леопард, *абшан* – медведь, *келэн* – единорог. А у домашних животных такого окончания нет: *ат* – лошадь, *айгыр* – жеребец, *сыгыр* – корова, *бузра* – верблюд, *кон/кой* – овца, *кечи* – коза и др. Данная зоологическая классификация,

разработанная у древних тюрков, созвучна с такого же типа классификацией у семито-хамитских языков, где дикие звери маркировались морфемой-кодом «б»: *ди-б* – волк, *лаб-б* – лев, *дуб-б* – медведь.

Не меньший интерес представляют также параллельные теонимы с древнейшей основой ***кири/керм/кирум***. У народов Средиземноморского и Иранского регионов, в частности, у эламитов и касситов суть слов *кири/кури/киур* – божество, владыка, луллубеев *киурум* – бог [1:83], этрусков *каерим* – священный. В кавказском же регионе в сванском и грузинском языках путем чередования *б* и *м* (сравните с аналогичным чередованием у древних тюрков: *буз/муз* – лед, *бен/мен* – я) из той же основы произошли теонимы *керб/кереб* – бог, идол [9:150]. Как установил языковед Марр Н.Я., за корнем *керм/керум* скрывается древнее название змеи и дракона. Такое значение, связанное с культом змеи, сохранилось в древнеиндийском языке в форме *крими* и персидском (например, в «Шах-наме») в форме *керм*. Нам кажется, от этих основ можно протянуть нить и к языческому названию *кереметь*, культ которого, совместно с древнейшим культом змеи, был характерен для угро-финских и отчасти тюркоязычных народов. Предложенное нами толкование происхождения и первоначального значения лексемы *кереметь* резко расходится с известной версией, которая, исходя лишь из созвучия слов, напрямую связывает его с арабским *кэрамэт* – щедрость, почесть, чудо (чудесная молитва ишана-мюршида). На наш взгляд, возведение названия места языческого моления и его духа-хозяина к суфийскому термину мусульманской религии, не соответствующей сути культового обряда, более чем сомнительно.

Неожиданные теонимы обнаруживаются и при сопоставлении слов с праформой ***куар***. Таким именем, в частности, назывался гуннско-суварский бог грозы на Кавказе. Но генетические корни этого слова, думается, уходят вглубь – к древнеиранскому и урартскому пантеонам. В первом из них – в «Авесте» – *хвар/hvarg* обозначал солнце, (кстати, область с таким названием была зарегистрирована и на территории древней прикаспийской Мидии), а во втором, т.е. урартском пантеоне бог плодородия именовался *Куара/Куера*, аналогичный бог у грузин – *Квара* [3:233–234]. Имена этих богов, связанных с солнцем и молнией, почти дословно совпадают с архаичными названиями огня: у грузин это – *квара*, у чуваш – *кăвар*. К этому же ряду, безусловно, примыкает удмуртский диалектный теоним *куазь* – название бога неба, который первоначально имел праформу *куар*. Это же слово обозначает также погоду. Все эти боги, хотя в чем-то расходятся между собой, по своим функциям довольно близки друг к другу и принадлежат к древнейшему мифологическому пласту и общей теологической основе.

В заключении остановимся еще на одном лексическом архетипе, обозначавшем в ряде древних культур солнце. Это, в частности, древнетюркское *кӱн*, в большинстве тюркских языков *кӱн, кӧн, кин, гӱн, гӱнеш,* в языках американских индейцев майя – *кин/киñ*, инков – *кон (*кӧн).* Благодаря солнцепоклонничеству, связанному с всеобщим культом плодородия и размножения, эта солярная лексема стала основой дошедшего до нас архаичных теонимов. Мы имеем в виду древнетюркский *Кӱн Теңри* букв. 'бог-солнце' (зафиксировано в памятнике X в. «Алтун йарук» – «Золотой блеск», а также манихейских памятниках), у инков *Кон-Тики* (Солнечный король, вар. принц) [17:429–430] и *Йаш Кин* (Молодое солнце) у народности майя [8:7–8; 15:144–146]. Не является ли своеобразным реликтом древнего культа утреннего, новорожденного солнца, сохранившегося в древнетюркском, башкирском и татарском языках? Ср.: слово *куйаш* < ко(н) + йаш – солнце молодое. Сравните также древнетюркское *йашык* – солнце. Наличие в аккадском языке сложного слова *шаррукин* – царь-солнце дает основание полагать, что праформа *к-н 'солнце' была представлена и в Передней Азии. Позже традиция отождествления или сопоставления верховного правителя с солнцем получила дальнейшее развитие и привела к возникновению целого ряда созвучных сословных терминов: *кон (*древнескандинавск.), *кинг* (англ.), *кюниг* (немец.), *инк* (ацтек) – король, царь, *кӱнег* (тюрк.), *коэн* (евр.) – князь, *кун-кан* (эфталит.) – солнце-хан, а также появились производные другого типа: семитское *кэну/кену* и древнетюркское *кӧни* – верный,

правдивый. Русский князь с эпитетом «красное солнышко», скорее всего, также восходит к архетипу **к-н/кин* 'солнце'.

Подводя итог вышеизложенному, следует еще раз подчеркнуть, что между различными языками и их носителями с глубокой древности существовали как генетические, так и культурные связи, которые образовались еще в обширном регионе Передней Азии, Ирана и Кавказа. Наши предки унесли оттуда целый ряд исходных морфем-слов и праформы первоначальных теонимов. И позже на своих новых территориях внесли их в свои мифологии, а также по образцу таких моделей создавали новые. Этой удивительной преемственности, обусловленной древним родством и многосторонними взаимосвязями, мы обязаны нестареющей, вечно живой памяти наших предков.

Литература

1. Академический словарь башкирского языка // Ф.Г.Хисамитдинова. В 10 т. Т. V. – Уфа: Китап, 2013. – 887 с.
2. Алиев Играр. История Мидии. I. – Баку, 1960. –560 с.
3. Андронов М.С. Дравидийские языки. – М., Наука, 1965. – С. 22–41.
4. Булатов А.Б., Дмитриев В.Д. Параллели в верованиях древних суваров и чувашей // Ученые записки ИЯЛИЭ. – Чебоксары, 1962. – С.226–236.
5. Долгопольский А.Б. Какие языки родственны европейским? // Наука и человечество. – М.: «Знание», 1971–1972. – С. 106–119.
6. Иванов Вяч. Вс. Об отношении алтайских языков к восточно-ностратическим//Историко – культурные контакты народов алтайской общности. –М., 1986. –Ч. II. – С. 59–68.
7. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский. индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Введение. Сравнительный словарь. – Т.1–3. – М.:Наука, 1971–1984.
8. Кадыраджиев К.С. Структура и генезис кумыкских мифологических элементов палеотюркского происхождения// Мифология народов Дагестана. – Махачкала, 1984. – С. 130-148.
9. Кнорозов Ю.В. Иероглифические рукописи майя. – Л.: Наука, 1975. – 242 с.
10. Марр Н. Еще о слове «челеби»// ЗВОРАО. – Спб., 1911. – Т. XX, вып. II–III. – С. 99–151.
11. Меликишвили Г.А. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. I. Наири-Урарту. – Тбилиси, 1954. – 446 с.
12. Мусаев К.М. Лексикология тюркских языков. – М.: Наука, 1984. – 228 с.
13. Пучков П.И. Некоторые проблемы протоэтногенеза// Исчезнувшие народы. – М.: Наука, 1988. – С. 3–19.
14. Рефрю К. Разнообразие языков мира, распространение земледелия и индоевропейская проблема // Вестник древней истории. 1998. – № 3. – С.112–121.
15. Сводеш Моррис. Лексикостатическое даторивание доисторических этнических контактов // Новое в лингвистике. – М.: Изд. иностр. лит-ры, 1960. – С.23–52.
16. Сулейменов Олжас. Язык письма. – Алматы-Рим, 1998. – 497 с.
17. Трубецкой Н.С. Мысли об индоевропейской проблеме // Вопросы языкознания. – 1958. –№1. – С.65–77.
18. Хейердал Тур. Экспедиция•Кон-Тики•Ра• – М.: «Мысль», 1977. – 517 с.
19. Юсифов Ю.Б. Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами// ВДИ, 1987. – № 1. – С. 19–40.

Вәлиева Г.Д., Стәрлетамаҡ к.

ФОЛЬКЛОР ТЕКСТАРЫНДА ТӘБИҒӘТТЕ ҺҮРӘТЛӘҮСЕ МИКРОТЕКСТАРҘЫҢ ҮҘЕНСӘЛЕКТӘРЕ

Башҡорт телендә текст, уның иң зур берәмеге булған ҡатмарлы синтаксик бөтөн һәм уның үҙенсәлектәре бер ни тиклем кимәлдә тикшерелһә лә, текст берәмектәренең төрлө жанрҙарҙа ҡулланылыуы өйрәнелмәгән. Башҡорт проза текстарында предметты, портретты, интерьерҙы, эш-хәрәкәтте, тәбиғәтте тасуирлаусы микротекстарҙы йыш осратырға мөмкин. Бындай текстарҙа объекттарҙың төп билдәләре төрлө тел саралары ярҙамында һүрәтләнә [2, с. 85].

Телсе-ғалимдар раҫлауынса, пейзаж халыҡ ижады жанрына әллә ни хас күренеш түгел. Был турала В.Я.Пропп: «Эпик жанрҙарҙа портретты, пейзажды тасуирлау ынтылышы күҙәтелмәй» – тип билдәләй [3, с. 90], ә М.К.Азадовсий фекеренсә, әкиәттә тәбиғәт образы

сағыштырмаса аҙ үҫешкән һәм уның традицион поэтикаһында ул мөһим роль уйнамай [1, с. 63].

Ысынлап та, халыҡ ижады жанрҙарында (әкиәттәрҙә, эпостарҙа, ҡобайырҙарҙа) пейзаж аҙ урын биләй. Әммә тәбиғәт тойғоһо, тәбиғәт картиналары был жанрға ла ят түгел: әкиәттәрҙә пейзажды һүрәтләү бик ҡыҫҡа булһа ла, ул эш-хәрәкәттең хозур тәбиғәт ҡосағында барыуын һиҙергә, тойомларға булышлыҡ итә, сөнки әкиәт геройҙары менән тәбиғәт араһында бәйләнеш өҙөлмәй: улар ҡара урмандарҙа йәнлек аулайҙар, ҙур күлдә балыҡ ҡармаҡлайҙар, тәбиғәт биргән емеш менән туҡланалар һ.б.

Әкиәттәрҙә, эпостарҙа пейзажды тасуирлау проза әҫәрендәге һымаҡ ҡатмарлы синтаксик бөтөн тибында бик һирәк килә. Йышыраҡ тасуирлау һөйләм рамкаһында туҡтала. Әкиәттәрҙә тәбиғәтте һүрәтләү, ғәҙәттә, эйәртеүле ҡушма һөйләм тибында килеп, фон хеҙмәтен үтәй һәм һөйләмдең мәғәнәһен унан алда, йә унан һуң тороусы конструкцияларҙың йөкмәткеһе менән бәйле итә. Миҫалдар:

Бер көндө ул эңер төшкәнсе йөрөгән, бер йәнлек тә ата алмаған.// Ҡапыл тиҫкәре яҡтан әсе ел сыҡҡан, урман шаулаған, күк күкрәп йәшен йәшнәп, ямғыр ҡоя башлаған.// Сәйфелмөлөк ҡайтыу яғына боролған («Сәйфелмөлөк» әкиәте). *Берҙән бер көндө, иптәштәре менән һунарҙа йөрөгәндә, Түҙемгөлгә урманда ҡунырға тура килгән.// Төн урталары еткәс, ҡапыл ел-дауыл күтәрелеп, ағас баштары шаулай башлаған, ҡая таштар, шарлауыҡтар үкергән, күк йөҙөн ҡара болот ҡаплап алған ти* («Урал һыуы» әкиәте). *Төн урталары килеп еткәс, ҡатыны Сәфәрҙе тәмле йоҡоһонан уятып, тоҡҡа Сәфәрҙең көсө етерлек аҙыҡ-түлек тултырып, үҙҙәре йәшәгән Эйек йылғаһының яр башына алып сығып китә. // Әмәлгә ҡаршы, төн бик матур, тын, ай яҡты була. // Шул ваҡыт Зөләйхә ҡулындағы алтын йөҙөгөн һурып алып, йөҙөн сырыштырып үтә әсе итеп һыҙғырып ебәрә* («Сәфәр» әкиәте).

Билдәле булыуынса, батырҙар тураһында әкиәттәрҙә, эпостарҙа герой ниндәйҙер һынау аша үтергә тейеш була. Был осраҡта тәбиғәт геройҙарға шул һынауҙы үтергә ярҙам итә, йә уға ҡаршылыҡ тыуҙыра. Ғәҙәттә, тау, йылға, диңгеҙ – ҡаршылыҡ тыуҙырыусы элементтар, образдар булып сығыш яһай. Халыҡ ижады әҫәрҙәрендә пейзажды тасуирлаусы һөйләмдәр составында **күреү** мәғәнәһен белдерүсе ҡылымдар йыш ҡулланыла. Мәҫәлән: *Егет һоҡландырғыс тауҙар теҙмәһенә ғәжәпләнеп ҡарап торғандан һуң, уны урап үтмәксе булып уңға борола... Шул яҡҡа боролғас, ул тауҙар араһындағы еккә ағып ингән бер йылға күреп ҡала* («Ҡуҙыйкүрпәс» эпосы).

Тылсымлы әкиәттәрҙә ваҡиғалар, ғәҙәттә, мөғжизәле батшалыҡта, ете диңгеҙ аръяғында йәки Ҡафтау артында, ер йәки һыу аҫтында, аждаһалар, ен-пәрейҙәр донъяһында бара. Персонаждар яҡты донъяны күрергә сығалар һәм тәбиғәттең матурлығына таң ҡалалар. Был осраҡта тәбиғәтте һүрәтләү ҠСБ тибында бирелә. Мәҫәлән: *Батша, ҡыҙының үтенеп һорауын ишеткәс, уға донъя күрһәтмәксе булған. Ҡыҙын ер аҫты һарайынан алып сыға.// Сыҡһа, ер өҫтөндә ҡояш яҡтыртып тора, ҡыҙҙың күҙҙәре сағылып китә. Тирә-яҡта йәм-йәшел булып ағастар үҫеп ултыра, ә яҡында ғына ҡыҙ китаптан ғына уҡып белгән төрлө төҫтәге сәскәләр үҫеп ултыралар.// Ҡыҙ, яҡты донъяны күреп, хайран ҡала ла атаһынан тағы ла ғәжәберәк әйберҙәр күрһәтеүен һорай* («Утлы-йәшенле ҡылыс» әкиәте).

Миҫалдарҙан күренеүенсә, ҠСБ-ның башламы ике һөйләмдән тора. Улар персонаждың барлығы тураһында хәбәр итәләр, уны хикәйәләүсе башлам тип атарға мөмкин. Өсөнсө, дүртенсе, бишенсе һөйләмдәр урта өлөштө тәшкил итә, алтынсы һөйләм бөтөнлөктө тамамлап ҡуя.

Шулай итеп, халыҡ ижадында ла пейзажды һүрәтләү ярайһы уҡ ҙур әһәмиәткә эйә. Ул йә ҠСБ, йә ҡушма һөйләм тибында килеп, герой менән тәбиғәт араһында ныҡлы бәйләнеш булдыра һәм хәл-ваҡиғалар үҫешенә булышлыҡ итеүсе фон функцияһын башҡара.

Әҙәбиәт

Азадовский М.К. Статьи о литературе и фольклоре. – М.- Л., 1960. – 542 с.
Валиева Г.Д. Дидактические материалы по работе с текстом. –Уфа: Китап, 2011. –104 с.
Пропп В.Я. Фольклор и действительность. – М., 1976. – 330 с.

Гайнетдинова З.М., г. Бирск

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ГОРОДА В СЕВЕРО –ЗАПАДНОМ РЕГИОНЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

Западный регион Республики Башкортостан включает в себя девять городов и четырнадцать сельских районов. Он расположен на Бугульминско–Белебеевской возвышенности, которая по исследованиям члена–корреспондента Российской Академии наук Р.Г. Кузеева, была «основным и наиболее древним районом этнических процессов, приведших к сложению башкирской народности» [Мурзабулатов, с. 170]. Земли по обе стороны реки Ик издавна были родиной башкир племен байлар, юрми, буляр и ирэкте. По правобережью Камы, в низовьях рек Мензеля и Иж, расселялись башкиры – байларцы, на западе их земли достигали Степного Зая.

По переписи населения 1920 г. в Бирском, Белебеевском и Уфимской губерниях проживало более 567 тыс. башкир. В одном Бирском уезде губернии башкирского населения было больше, чем в Аргаяшском, Тамьян – Катайском, Кипчак – Джетеуровс-ком, Зилаирском и Ток – Чуранском, вместе взятых, кантонах Башкирии (229,1тыс.). В Белебеевском уезде насчитывалось 224,1тыс. башкир.

В 1986 и 1993гг. провели опросы: какими языками владеют городские башкиры. Результаты показали, что количество башкир, хорошо владеющих башкирским и русским языками, распределилось почти поровну: 31,5% опрошенных считают, что лучше всего владеют башкирским, 30,1% - русским языком. Но в настоящее время, значение башкирского языка в семейно – бытовой сфере от поколения к поколению уменьшается. Особенно это ощущается, если сравнить различные поколенные страты городских башкир. Так, первое поколение горожан – башкир (возраст 50-65 лет), чье детство прошло в сельской местности в башкирской языковой среде, в семейно – бытовой сфере башкирский язык используют более активно, нежели второе поколение горожан. Последние – лица 30-40 лет, будучи уроженцами городов и воспитываясь в городской русскоязычной среде, при общении с родителями и родственниками чаще используют два языка – башкирский и русский, отдавая предпочтение последнему. Коренные же горожане – башкиры (16-25 лет), чьи родители являются уроженцами городов, как правило, с родителями и родственниками общаются преимущественно на русском языке. При этом они могут понимать башкирскую речь родителей.

Башкирский язык изучается в дошкольных учреждениях и общеобразовательных школах. На данный момент можно выделить три категории детей, отличающихся уровнем владения родным языком.

К первой категорий относятся дети, для которых родной (башкирский) язык является естественным средством общения, познания действительности и самовыражения. Такие дети говорят без затруднения. Их очень мало в городах (8-10%).

Во вторую категорию входят дети, владеющие родным языком на бытовом уровне. Башкирский язык для них не является основным, общение у них происходит в основном на русском языке. Их больше по сравнению с первой категорией (50-55%), но словарный запас у детей бедный.

Третью группу составляют дети – башкиры, совершенно не владеющие родным языком. Большей частью родители этих детей сами не знают родного языка и не могут самостоятельно обучать своих детей башкирскому языку. Сюда входят также дети из смешанных семей, где родители также не владеют родным языком. Около 30-35% первоклассников совсем не понимают башкирской речи, он для них такой же иностранный, как английский.

Учитывая вышеизложенное, приходим к выводу, что дети из всех этих групп учатся вместе в одном классе, но языком общения для них служит русский язык.

Производственная сфера в городах республики является русскоязычной. И поэтому на работе с коллегами башкиры, в основном, говорят по-русски. Как показывают результаты исследования, общаясь на работе по-русски, башкиры в семейном кругу начинают отдавать предпочтение русскому языку. Большой процент людей разговаривает на смешанном башкирско – русском языке. Тем самым, они начинают забывать башкирские слова, заменяя их русскими: *звонить итәм, помогать итәм, семья бәхете, больницага барам.*

Исходя из этого, можно сказать, что в их башкирской речи появляются отклонения от литературной нормы, которые возникают под влиянием русского языка. Смешанная речь является своего рода проявлением языковой адаптации башкир к городской среде.

Литература

1. Мурзабулатов М. Западный регион Республики Башкортостан // Ватандаш, 2000, № 7.
2. Киекбаев М. Башкирский язык в условиях города // Ватандаш, 2000, № 4.
3. Словарь башкирских говоров (в трех томах), III том (западный диалект). Под ред. Н.Х.Максютовой. – Уфа, 1987.
4. Шакуров Р. Диалектная система башкирского языка.

Ғарипов А.С., Учалы к.

БАШҠОРТ ТЕЛЕНДӘГЕ *КҮНӘК* ҺӘМ *ҠАҘАН* ҺАУЫТ-ҺАБА АТАМАЛАРЫНЫҢ ЭТИМОЛОГИЯҺЫ

Башҡорт тел ғилемендә тормош-көнкүреш лексикаһына бәйле айырым проблемаларҙы А. Ғ. Баишев, Т. М. Ғарипов, Н. Д. Ғарипова, Ж. Ғ. Кейекбаев, Э. Ф. Ишбирҙин, Н.Х. Ишбулатов, Н.Х. Мәҡсүтова, С.Ф. Миржанова, Ҡ.З. Әхмәров, А.А. Юлдашев һ.б. ғалимдар үҙ ғилми хеҙмәттәрендә тикшерә. Ә бына 1994 йылда М.И. Баһаутдинова тарафынан төҙөлгән «Башҡортса русса этнографик терминдарҙың аңлатмалы һүҙлеге»йорт-ҡаралты, кейем–һалым, һауыт–һаба, аҙыҡ–түлек, аш–һыу, ғөрөф–ғәҙәт, байрам–йола, ырым–ышаныуҙар, уйындар, кәсеп–шөғөл менән бәйле булған 500-гә яҡын этнографик терминдыҡ эсенә ала. Х.Д. Ишбулатова авторлығында 2002 йылда донъя күргән «Башҡорт теленең тормош-көнкүреш лексикаһы» исемле монографияһындағы икенсе бүлектең “Өй кәрәк-яҡтары атамалары” тигән параграфта һауыт-һабалар тураһында һүҙ алып барыла. Унда һауыт-һабалар тәғәйенләнеше, материалы йәһәтенән төркөмләнә.

Башҡорт телендәге һауыт-һаба атамаларын артабан системалы рәүештә өйрәнеү хәҙерге көндә актуаль мәсьәләләрҙең береһе булып тора. Айырыуса, атамаларҙы килеп сығышы йәһәтенән тикшереү ҙур әһәмиәткә эйә. Миҫал өсөн башҡорт телендәге *күнәк*һәм *ҡаҙан* атамаларының тарихына тыҡталырға мөмкин.

Күнәк-1. Һыу йәки башҡа нәмә ташый торған ҡылыслы тәрән ҡалай һауыт; биҙрә. 2. Ағастан йәки тиренән ыҫлап эшләнгән шундай уҡ һауыт[1,180].Ҡәрҙәш төрки телдәрендә түбәндәге варианттарҙа ҡулланыла: *ко:нек* – төркмән теле; *көнек* – төрөк, ҡаҙаҡ, нуғай, хакас; *көнөк* – ҡырғыҙ, алтай; *конак* – үзбәк; *хөнек* – тыва һ.б.

Ҡулланылышта йөрөгән телдәрҙә түбәндәге мәғәнә үҙенсәлектәренә эйә:

1. *Сосуд из кожи* – төрөк теле (дөйә һауыу өсөн), ҡаҙаҡ (йылҡы һауыу өсөн); башҡорт теленең диалекты –*кожанное ведро* – ҡырғыҙ (йылкы һауыу өсөн); *подойник* – сосуд для воды ,*бурдюк* –боронғо төрки теле; *большой, кожанный бурдюк для хранения кумыса* – үзбәк.

2. *Ведро* – (биҙрә) – башҡорт, алтай, хаҡас һ.б.

3. *Туес* (тырыз) – туҙҙан эшләнгән биҙрә йәки ҡапсык (коробок) – татар теленең диалекты; *Тузкоробок* (ҡапсык) – башҡорт теленең диалекты.

4. *Ағас биҙрә* – төрөк теленең диалекты; *кадка, бадья* – башҡорт теленең диалекты.

5. *Бер бот һыйҙырышлы тимер һауыт* – башҡорт теленең диалекты.

6. *Сәйнүк* – тыва.

Төрки тел ғилемендә был һүҙҙең килеп сығышына ҡарата төрлө фекерҙәр әйтелгән:Л.З. Туранов *конок* формаһын *кун*"кожа" менән сағыштыра. Немец тюркологы В. Банг *кө:нек* формаһында *ко:н* нигеҙен айырып ҡарай. Шуның менән ул *көнек* те иркәләү, кесерәйтеү формаһы тип иҫәпләй. Күрәһең, түбәндәге һүҙъяһалыш моделе бар: материалды белдереү,

оҡшатыу, иркәләү-кесерәйтеүҙе белдереүсе суффикс – шул материалдан эшләнгән һауыт. Мәҫәлән, алтай телендәге *тос*"береста", *тозок*"берестяной кузов"– төрки, монгол һәм тунгус-манжур диалектында формаларҙың үҙ-ара бәйләнеше әлегә билдәһеҙ [2,105].

Ҡаҙан- 1. Аҫтына ут яғып, аш-һыу әҙерләй торған йәйенке ауыҙлы, йомро төплө һауыт. 2. Һыуҙы парға әйләндереү өсөн хеҙмәт иткән ябыҡ һауыт[1, 192]. Дөйөм төрки һүҙе: *казан* – төрөк, ҡумыҡ, ғағауз, ҡырғыҙ, ҡаҙаҡ, татар , уйғыр , алтай h.б.; *газан* – төрөк теленең диалекты; *хазан* – хакас; *хуран* – сыуаш h.б.

Мәғәнәләре:

1.*Котел* – бөтә телдәрҙә лә тиерлек.

2. *Печь* – төрөк теленең диалекты.

3. *Аш-һыу әҙерләү өсөн ҡулланылған тимер һауыт* – төрөк теленең диалекты.

4. *Кәстрүл* – ҡумыҡ һәм уйғыр телдәренең диалекты.

5. *Көршәк* – уйғыр теленең диалекты.

6. *Биҙрә* – ғағауз, татар телдәренең диалекты.

Был һүҙҙең дә тарихы буйынса төрлө гипотезалар йәшәп килә:

1. Венгр ғалимы А. Вамбери – kazan<ҡаҙыу соҡоу мәғәнәһен белдереүсе *Kas* (kaz) ҡылымынан. Күп кенә ғалимдар был ҡарашты яҡлап сыға.

2. Билдәле ғалимдар Г. Рамстедт һәм М.Рәсәнен был һүҙҙе монгол телендәге *garum<garum* "котел" формаһы менән окшата. Күрәһең, *garu* – "йышыу,ҡырыу".

3.К. Менгестың фекеренсә, *gazan* боронғо осорҙа семит йәки месопотомия тарафтарынан үҙләштерелгән [3,188].

Шулай итеп, күп кенә төрки телдәрендә, шул иҫәптән башҡорт телендә лә киң ҡулланылған *күнәк* һәм *ҡаҙан* атамаларының үҙенсәлекле үҫеш юлы үткәнлеге асыҡ күренә.

Әҙәбиәт

1. Башҡорт теленең академик һүҙлеге // Ф.Ғ.Хисамитдинова. 10 томда. Т.3, Өфө, 2012. – 864 бит, Т.5, Өфө, 2013, – 888 бит.

1. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы "К", "Қ" / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. М., 1997.

2. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву "Қ" / Авт. сл. статей Л.С. Левитская, А.В. Дыбо, В.И. Рассадин. М., 2000.

Гречачин В.А., г. Уфа

ПРОБЛЕМА КОМПЬЮТЕРНОЙ ОБРАБОТКИ ОДНОБУКВЕННЫХ АФФИКСОВ СТАРОТЮРКСКОГО ЯЗЫКА (на материале текстов М.-А. Чукури)[1]

Разработка корпуса включает несколько этапов компьютерной обработки текстов. Большинство старотюркских текстов, представляющих большой интерес для лингвистов, сохранились в рукописном, реже в печатном виде. Поэтому первым этапом создания корпуса таких текстов является перевод их в электронный формат. Это может быть сканирование или ручной набор текста. Далее, необходимо токенизировать текст, то есть определить границы основных структурных элементов текста – лексем и предложений. Далее, следуют этапы морфологического и синтаксического анализа при помощи разметки токенизированного текста. В корпусной лингвистике эти этапы обработки называют морфологическим парсингом и синтаксическим парсингом. Все перечисленные этапы представляют собой трудоёмкий процесс обработки текстов, требующий от разработчиков глубоких познаний в лингвистике, программировании и компьютерных технологиях.

Компьютерная обработка подразумевает разработку алгоритмов автоматического анализа текстов. Задачей алгоритмов является автоматизация процесса, например, морфологического анализа текста. Благодаря этим алгоритмам, возникает возможность

[1] Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных – кандидатов наук (проект МК-6537.2015.6 «Язык Мухаммада-Али Чукури и башкирская культура в XIX веке»).

существенно сократить количество ручной работы и получить больший инструментарий для исследования материала.

В данной статье будет рассмотрена проблема компьютерной обработки однобуквенных аффиксов, которая является одной из ключевых при создании морфологически размеченного корпуса текстов на старотюркском языке. Последний, как известно, являлся стандартным письменным языком, обслуживавшим целый ряд тюркских народов, сохранявшим ряд древних черт, восходящих к эпохе раннего средневековья, и отражавшим особенности живых тюркских языков и диалектов кыпчакской, огузской и карлукской групп. Эти особенности старотюркского языка обусловили значительную вариантность и синонимию аффиксов, представленных в текстах, при которой в рамках одного произведения могут функционировать аффиксы кипчаского (дательно-направильного падежа *-га/-гә/-ка/-кә*, винительного *-ны/-не/-н*) и огузского (дательно-направильного падежа *-а/-ә*, винительного *-ы/-е*) типов, а также наличествовать орфографические колебания.

В процессе разработки программы морфологического анализатора старотюркского языка мы столкнулись с проблемой распознавания однобуквенных аффиксов. Если в современном башкирском языке однобуквенные падежные аффиксы могут возникать чаще всего в местоимениях типа '*мине – меня*', '*һиңә – тебе*', то в случае со старотюркским языком не все так просто. Несмотря на продуманную морфотактику (цепь аффиксов), составленную в соответствии с грамматикой старотюркского языка, возникла проблема, как же объяснить программе, что в слове '*Гәйнәгә – к [племени] Гайна*' присутствует не однобуквенный аффикс *-ә*, а двухбуквенный *-гә;* а в слове '*нәсхәләрне – рукописи (вин. п.)*' наличествует не однобуквенный *-е*, а двухбуквенный *-не*.

Разграничения такого рода возможны только благодаря словарю лемм. Словари лемм могут быть созданы на основе любых уже существующих словарей, где в словарных статьях указаны части речи. Иногда разработчики создают словари лемм на основе корпусных данных вручную.

Итак, предварительно мы имеем следующие однобуквенные аффиксы в старотюркском языке:

	Аффикс\[ТЭГ]	S	ADJ	SPRO	ADJ	NUM	V
Аффиксы принадлежности POSSESIVE	м [POSS,1SG]	+	+	+	+	+	-
	ң [POSS,2SG]	+	+	+	+	+	
	ы [POSS,3SG/PL]	+	+	+	+	+	
	е [POSS,3SG/PL]	+	+	+	+	+	
	у(о) [POSS,3SG/PL]	+	+	+	+	+	
	ү(ө) [POSS,3SG/PL]	+	+	+	+	+	
Падежные аффиксы CASUS	а [DAT]	+	+	+	+	+	
	ә [DAT]	+	+	+	+	+	
	н [ACC]	+	+	+	+	+	
	ы [DAT]						
Аффиксы деепричастий GERUND	б [GER]						+
	н [REFL]						+
	л [PASS]						+
	н [PASS]						+
	т [CAUS]						+

Аффиксы лица PERSON	м [1SG]	–	+
	к [1PL]		+
Аффиксы времени TENSE	а [PRES]		+
	ә [PRES]		+
	й [PRES]		+
	р [FUT.INDF]		+
Аффиксы имени действия SUPIN	у [SUP]		+
	ү [SUP]		+

Наша первоначальная версия морфологического анализатора построена на основе алгоритма, который обрабатывает аффиксы с конца слова и отсекает их до тех пор, пока способен это делать. Гипотетически отсечение аффиксов должно заканчиваться на корне слова ‘*кыл+ма+ган+дур – не совершил*’. Бывают случаи, когда однобуквенные аффиксы создают лишние и неверные варианты разбора: ‘*колларына – его рабам*’ – 1) ‘*кол+лар+ы+на*’ (правильный) 2) ‘*кол+лар+ын+а*’ (неправильный*).* Это возникает в тех случаях, когда алгоритм доходит до аффикса, последняя буква которого совпадает с однобуквенным аффиксом. Например, аффикс принадлежности *-у,* который в старотюркских текстах является орфографическим вариантом аффикса *-ы* и используется перед другими аффиксами ‘*назымларуны – его стихи (вин. п.)*’, совпадает с последними буквами аффиксов *-ау* (собирательный аффикс числительных), *-ду* (аффикс прошедшего неопределенного времени, орфографический вариант *-ды*), *-у* (аффикс имени действия), *-ыу* (аффикс имени действия) и др.

Мы предлагаем несколько вариантов устранения этой проблемы. Во-первых, необходимо использовать словарь лемм (начальных форм слов) с указанием частей речи и проверять каждое слово на присутствие в нем леммы и извлекать показатель части речи. В словаре леммы должны храниться в виде *{…, 'ара': 'S', 'ач': 'V',…}*. Таким же образом стоит хранить и списки аффиксов, группированные по частям речи в отдельные словари *[…, {…, 'лар': 'PL',…}, {…, 'ныкы': 'IPOSS',…}, …]*. Благодаря такому подходу, алгоритм морфологического анализа будет проверять, например, глагольные аффиксы не во всех словах, а только в глаголах.

Во-вторых, необходимо использовать цепочки аффиксов, то есть строгую последовательность аффиксации слов. Например, для существительных мы используем следующую морфотактику:

Basis-pluralis-possessive-impossessive-pluralis-assim-casus-predicative-(interrogative-undefinitive-uncertainty).

Таким образом, алгоритм после определения части речи обращается к множеству аффиксов существительных и первым делом проверяет конец слова на наличие клитики. Для этого он переходит к первому подмножеству, которое включает только клитики. Если клитики не обнаружены, то алгоритм переходит к подмножеству предикативных аффиксов и т.д. Алгоритм продолжается дор тех пор, пока последнее подмножество аффиксов числа не будет проверено на соответствие. Цепочки предотвращают неверное определение однобуквенного аффикса в позициях, где его употребление теоретически невозможно.

В-третьих, для однобуквенных аффиксов необходимо определить возможные варианты употребления. Например, для аффиксов принадлежности *м, ң, ы, е, у, о, ү, ө* необходима проверка положения. Слева от аффикса принадлежности может находиться лемма, а справа – падежный аффикс либо клитика. Кроме того, необходима проверка последней буквы леммы,

чтобы определить – согласная или гласная находится там (*пример*). Таким образом, мы должны описать все возможные варианты употребления однобуквенных аффиксов.

В-четвертых, наиболее сложная ситуация возникает в позиции падежных аффиксов, когда аффиксы дательного падежа *-а, -ә* совпадают с последними буквами аффиксов дательного падежа *-ға, -гә, -на, -нә*, дательного падежа огузского типа *-йа, -йә* и с аффиксами местно-временного падежа *-да, -дә* (*уҡыдығымдә – когда я учился*), а также когда аффиксы винительного падежа огузского типа *-ы/-е* совпадают с формой посессива (*джәуаблары – ответы (посессив/вин. п.?*). В этом случае возможно использование памяти в алгоритме. То есть, необходимо запоминать последнюю позицию маркера, который мы передвигаем по слову. Затем необходимо проверить оставшуюся часть слова слева от маркера на соответствие оставшимся аффиксам по цепочке.

Наконец, мы можем перебирать все возможные варианты разбора, пока не достигнем леммы. Но в этом случае, возникает проблема проверки получившихся вариантов.

Создание корпуса старотюркских текстов необходимо для фиксирования языка и знания в электронном виде. Корпусы выполняют функцию сохранения культурного наследия наций. В виде корпуса тексты структурированы и размечены, что облегчает доступ к лингвистическим данным для исследователей. Кроме того, могут быть созданы различные интерактивные системы доступа к корпусным данным, что позволит популяризировать не только исследования старотюркских текстов для лингвистов, но и чтение самих текстов для всех желающих.

Литература

1. Галяутдинов И.Г. Два века башкирского литературного языка. Уфа: Гилем, 2000. 448 с.
2. Грамматика современного башкирского литературного языка. Отв. ред. Юлдашев А. А. М: Наука, 1981. 496 с.
3. Саитбатталов И.Р. Средства художественной выразительности в поэме «китāб ал-асмā» М.-‘А. Чӯкурӣ // Международный научно-исследовательский журнал, 2015, №11-4 (42), с. 27 – 30.
4. Speech and Langauge Processing. D. Jurafsky, J. H. Martin. NJ: Prentice Hall, 2000, [Электронная книга].
5. NLTK Book. S. Bird, E. Klein, E. Loper. 2014. [Электронный ресурс]: http://www.nltk.org/book/

Егоров Н.И., г. Чебоксары

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ БАШКИР И БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В ИСТОРИКО-ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ И ЭТНОСОВ

Башкирский язык вместе с диалектами татарского языка традиционно относится к самостоятельной ветви кыпчакских языков, которая у разных исследователей получила различные названия: волго-камско-западно-сибирские языки (Μενγεσ? 1959? 5-8); уральская подгруппа (Benzing, 1959, 3-4) татаро-башкирская или уральская подгруппа (Щербак, 1994, 12-42). В отечественной тюркологии вплоть до недавнего времени наибольшей популярностью пользовалась классификация Н.А. Баскакова, согласно которой татарский и башкирский языки вместе со средневековым западным золотоордынским литературным языком составляют кыпчакско-булгарскую подгруппу кыпчакской группы тюркских языков (Баскаков, 1969, 281-291, 351-352). О.А. Мудрак объединяет татарский язык (с его диалектами) и башкирский (с его диалектами) в «большое поволжское единство» (Мудрак, 2009, 147), при этом он пишет, что «большой татарский», включающий казанский, мишарский и западносибирские тюркские идиомы, и башкирский являются ближайшими родственниками с числом схождений 81% (Мудрак, 2009, 146). Распад поволжского кыпчакского объединения предков башкир и поволжских татар, по мнению О.А. Мудрака, начинает оформляться после битвы при Калке в 1223-1224 гг, т. е. после первого похода Субедея на эти территории (Мудрак, 2009, 176).

Однако идея о столь позднем появлении башкирского идиома в Западном Приуралье находится в полном противоречии с достоверными сведениями средневековых арабских и

персидских нарративных источников IX-XI вв., которые в Волго-Уральской области фиксируют этническое название *башкир* в разных вариантах: *башкард, башгард, башгирд, башкерд, баскард, баджгард, башджард, басжерт, башджер, басджерт* и т.д. (Юлдашев, 1997, 206). Первое письменное упоминание о башкирах относится к 922 году. Уже тогда их принадлежность к тюркам не вызывала никаких сомнений, во всяком случае, у такого осведомленного автора этих сведений Ахмеда ибн Фадлана, одного из членов посольства Багдатского халифа ал-Муктадира к волжским булгарам, который самолично общался с представителями этого племени (Ковалевский, 1956, 130). Позднее (в 1073-1074 гг.) известный средневековый хорасанско-тюркский филолог средневековья Махмуд Кашгарский в своем «Дивану лугат ит-тюрк» со всей определенностью назвал башкир среди двадцати «основных» тюркских народов, причем язык башкир причислял к тюркским (Маҳмуд Ќашгарий, 1960, 66): «Кочевниками являются *Җумул*, имеющие собственный говор и укающие тюркский язык, а так же *Қāй, Йабāқӯ, Татāр, Йасмил.* Все эти групы имеют собственный язык, но вместе с тем хорошо владеют тюркским. Далее *Қирқиз, Қифҗақ, ’Уғуз, Тухсӣ, Йағма, Җикил, ’Уғрāқ* и *Җаруқ.* У них чистый тюркский единый язык [туркиййя маҳда луға вāҳида]. Близки к нему наречия «Йамāқ и Башғирт (تارغش)» (Ауэзова, 2005, 70). Отсюда предельно ясно, что в IX-XI вв. предки башкир обитали примерно на тех же землях, в пределах которых они кочевали в этнографическое время, т. е. в XVI-XVIII вв., и говорили на одном из диалектов тюркского языка.

Считается, что Ибн Фадлан не дал четкой локализации башкир: он упоминает их то у самого Аральского моря, то у южной границы волжской Булгарии, у рек Кондурча и Большой Черемшан (Ковалевский, 1956, 27, 84; Бартольд, 1963, I, 559, 823; Иванов, 1984, 119-122). На самом деле в такой локализации мы не видим никаких противоречий, ибо в Приаралье даже в этнографическое время находились зимники башкирских племен (Кузеев, 1971, 21-24; 1974, 134-137, 139-141, 203-207, 278-280, 357-359, 395-397, 450-453 и др.), а в Закамье летние пастбища. При внимательном чтении сочинения Ибн Фадлана нетрудно заметить, что, спустившись с Устюрта, арабское посольство в 922 году вступило в обширную область тюркских кочевников, которую разделяли между собой гузы, башкиры и булгары, причем земли огузов простирались от Устюрта до Яика, земли башкир – от Яика до Кондурчи, оттуда далее начинались земли булгар (Мажитов, Султанова, 1994, 125-129). Вопреки расхожему мнению, в «Рисалле» Ибн Фадлана ничего не сказано о том, что башкиры обитали далеко на юге, в районе Приаралья.

В отечественной историографии установилась теория, согласно которой древние башкиры представляли собой преимущественно тюркские племена центральноазиатского происхождения. Согласно анонимному древнекитайскому источнику, датированному 643 г. н.э. одно из ответвлений племен *теле*, кочевавшее между Аральским и Каспийским морями, носило название *ба-шу-ки-ли.* Это название отождествляется с этнонимом башҡорт (Кузеев, 1974, 427-428; Мажитов, Султанова, 1994, 123).

Исторические предки башкир на Присырдарьинские и Приаральские земли пришли с востока, с верховьев Иртыша, с Алтая, из Южной Сибири и частью из Центральной Азии (Кузеев, 1974, 137).

Еще в 1915 году В.И. Филоненко обратил внимание на то, что два притока верхнего Иртыша носят название Большая и Малая Башкурка (Филоненко, 1915, 3).

На известной круглой карте Махмуда Кашгарского башкиры размещены не рядом с булгарами и суварами вблизи Волги (Этиль), а значительно восточнее, в междуречье верховьев Иртыша и реки Или. По обоим берегам реки Или указаны тюркские племена йагма, тухси, часть джикилей и в непосредственной близости от них «степи башкир» (Махмуд Ќашгари, 1960, с.64; Ауэзова, 2005, 68-69; см. карту). Узбекский ученый Х. Хасанов «степи башкир» размещает в междуречье верховьев Иртыша и Ишима (Хасанов, 1963, 69), а турецкий исследователь А.Н. Курат указывает, что верховья Иртыша носили название «емекские степи» (т. е. земли кимаков. – Н.Е., А.Ч.), а земли к западу от них – «башкуртские земли» (Kurat, 1937, 29). Специалисты давно установили, что круглая карта,

приведенная в «Дивану лугат ат-тюрк», составлена не самим Махмудом Кашгарским, а другим лицом, которое находилось под влиянием картографической традиции более ранних арабских географов (Умняков, 1940; Крачковский, 1957, 268; Ҡасанов, 1963, 69; Kurat, 1937; Кузеев, 1974, 137). Было установлено, что карта Махмуда Кашгарского синтезирует этногеографические знания арабских и персидских географов предшествующей эпохи – ал-Бируни (X в.), анонимного «Худуд ал-алама» (X в.) и вероятно, еще более ранних источников.

Вопросы формирования башкирского этноса на Южном Урале и в смежных районах Приуралья и Зауралья достаточно глубоко разработаны Р.Г. Кузеевым. Согласно его концепции, предки древних башкир пришли на Южный Урал из различных регионов и в разное время, но окончательное формирование башкирской народности как единого этноязыкового континуума происходило на современной территории расселения башкир путем объединения компонентов распавшихся средневековых народов – печенегов, кыпчаков, булгар, канглыйцев, кара-китаев, монголов и др.

Согласно концепции Р.Г. Кузеева, древнебашкирские племена появляются в Урало-Поволжском регионе в VIII-IX вв., т.е почти одновременно с булгарами. В широком историко-геополитическом плане миграция древнебашкирских племен на север была продолжением продвижения древних булгар в Волго-Камье и, судя по всему, обусловлена теми же политическими обстоятельствами. Взгляды Р.Г. Кузеева на этническую историю древнебашкирских племен до их миграции в Урало-Поволжский регион в суммарном изложении представляются следующим образом.

1. В IV-VII вв. в Присырдарьинских и Приаральских степях на основе активного взаимодействия мигрировавших с востока кочевников с аборигенными сакско-массагетскими племенами формируются новые племенные конфедерации, которым суждено было сыграть решающую роль в формировании раннесредневековой этнической карты Средней Азии и Восточной Европы. В результате бурных этнолингвогенетических процессов эпохи распада первых тюркских каганатов в VII-VIII вв. на Сырдарье и Приаралье формируются локальные этнополитические объединения степных племен. Процессы эти были вызваны гибелью Западнотюркского каганата, общим упадком древних центров цивилизации Средней Азии, связанным с последствиями арабского нашествия и с усиливающейся экспансией кочевников из Срединной Азии, Алтая, верховий Иртыша, Восточного Туркестана и Семиречья (Кузеев, 1974, 425-426).

2. В VII-VIII вв. на Сырдарье и в Приаралье начинают консолидироваться печенеги и огузы, а также другие самостоятельные родо-племенные объединения тюркоязычных кочевников, которые впоследствии растворились в составе все более усиливающихся печенегов и огузов. В числе таких образований выделяются башкиры (*баджгарды* или *баджгурды* – по ал-Масуди) и *бурджаны*, родственные печенегам. Р.Г. Кузеев подчеркивает, что *баджгарды* и *бурджаны* входили в среду предков печенежских племен в период их расселения в Восточном и Центральном Казахстане, в долине р. Или и в верховьях Иртыша, где древние башкиры были зафиксированы средневековыми источниками (Кузеев, 1974, 426).

3. Расселение древнебашкирских племен в VII-VIII вв. Р.Г. Кузеев локализует на Сырдарье и в Приаралье. Кочевья *баджгардов* и *бурджан* в этот период, по его сведениям, достигали временами Амударьи, причем бурджанские — преимущественно низовьев реки в районе современной Хивы; баджгардские группы какое-то время кочевали в восточном соседстве от бурджан, в направлении Сырдарьи и Нуратинских гор и, вероятно, южнее, так как «Башкуртские горы» еще в XIX в. были известны в верховьях Амударьи, где-то в районе Термеза, а местность «Башкурт» – на центральном Памире (Кузеев, 1974, 426). К этому следует заметить, что идентификация названных топонимов с этнонимом *башкорт,* при всей их внешней близости, вызывает большие сомнения и требует надежного фундирования широкими историко-этимологическими исследованиями (об упоминаниях «горы Башкарт» у

ал-Бируни, ал-Казвини и в других средневековых источниках и башкирских шежере см. Кузеев, 1974, 129, 131, 133, 134, 141, 198).

В сочинении ал-Идриси (XII в.) находим такой пассаж о древних башкирах, восходящий к более старым первоисточникам – труду ал-Джайхани (начало X в.), возможно к Ибн Хордадбеху (IX в.), или даже к его предшественникам: «Ниже г. Хиама впадает в реку Руза большая река, текущая с севера от этой реки с больших гор, отделяющих страну гузов от страны басджирдов. Эти горы называются Мургар» (Материалы..., 1939, 221). Река Руза отождествляется с рекой Чу, которая впадает в Сырдарью в ее нижнем течении (Агаджанов, 1969, 65-66). Отсюда выясняется, что башкиры, кочевья которых находились в соседстве со «страной гузов», находились, по крайней мере в VII-VIII вв. где-то в районах к северо-востоку от среднего течения Сырдарьи.

По свидетельству ал-Бируни (973-1048), «область, занимаемая седьмым климатом» и населенная «различными разрядами (племенами – Н.Е., А.Ч.) тюрок... проходит через горы Башхарт, через пределы печенегов, города Сувар и Булгар...» (Заходер, 1962, 95). Сообщение ал-Бируни, которая опирается на более раннюю традицию (Ибн Хордадбех, IX в.), повторяется во многих средневековых арабско-персидских источниках. Так, почти без изменений оно было заимствовано ал-Казвини (XIII в.), из сочинения которого это сообщение впоследствии перекочевало в труды восточных компилляторов XIV-XV вв. Так, в первой половине XV в. ал-Бакуви писал, что седьмой климат «проходит по горам *Башкырт,* к пределам ал-Баджанак, городам Сувар и Булгар и кончается у моря ал-Мухит» (Ал-Бакуви, 1971, 111).

В исторических исследованиях «горы Башхарт» издавна идентифицируются с Уральскими горами, однако опирается этот тезис исключительно на факт современного расселения башкир в области Южного Урала. Автор первоисточника данной информации, разумеется, описывал реальную ситуацию VIII-IX вв., если не еще более раннего времени.

В настоящее время в исторической литературе прочно утвердился тезис о расселении печенегов во второй половине IX в. в степях Северо-Западного Казахстана, между реками Эмба – Урал – Волга, который в последнее время нашел убедительное подтверждение археологическими изысканиями (Кузеев, 1974, 133-134). Согласно арабской географической традиции, седьмой климат «начинается на востоке, где леса и горы, в которых обитают некие [группы] людей из тюрок, похожие на дикарей» (Ал-Бакуви, 1971, 111). Следовательно, «горы Башхарт» могли находиться далеко на востоке, скорее всего в регионе Алтая, Тарбагатая, Джунгарии или даже Тянь-Шаня.

Такому предположению ничто не препятствует. Во всяком случае, мы знаем, что предки печенегов, обосновавшихся в VIII-IX вв. в степях Северо-Западного Казахстана между Аральским морем и низовьями Волги, вышли из Центральной (Внутренней, Срединной) Азии. Следовательно, под «седьмым климатом» арабско-персидской географической традиции следует понимать аридную полосу Евразии от Алтая на востоке до Черного моря на западе. Что же касается «городов» Сувар и Булгар, то в арабской географической традиции они нередко локализуются не только в Закамье, но и далеко на юге, в Прикаспийском регионе (см. карту Махмуда Кашгарского) и на Северном Кавказе (например, на карте ал-Идриси).

4. По имеющимся нарративным и иным источникам определить конкретную дату основного этапа передвижения древнебашкирских племен от Приаралья к западу, за реку Урал, в Прикаспийские и Северокавказские степи не представляется возможным. Судя по упоминаниям *баджгардов* и *бурджан* в Европе в диапазоне VII-IX вв. можно предполагать, что предки башкир, будучи частью печенежского этнического континуума, имели контакты с великими булгарами. Исходя из этих соображений Р.Г. Кузеев полагает, что миграция древнебашкирских племен на запад могла иметь перманентный характер, пока в VIII в. центр расселения основной части башкир не переместился в Прикаспий и северокавказские степи (Кузеев, 1974, 426-427).

После переселения из Приаралья к западу в 830-844 гг. (по ал-Баладзури) башкиры упоминаются в сочинении ал-Гардизи, «Башгирд был из высших чинов хазар. Он расположился между хазарами и кимаками с 2000 всадниками. Хазарский хакан послал к Башгирду человека с предложением вытеснить саклаба...» (Macartney, 1930, 37). Р.Г. Кузеев считает, что ал-Гардизи, строго придерживаясь обычной для арабско-персидской историко-географической литературы преемственности традиций, включил в свое сочинение сведения о башкирах, заимствованные у предшественников (Кузеев, 1974, 135).

Из приведенного пассажа можно заключить, что определенная группа приаральских башкир в числе 2000 всадников поступила на службу к правителям Хазарского каганата и была поселена в степях «между хазарами и печенегами». Отсюда напрашивается предположение, что эта группа башкир была размещена в заволжских степях, чтобы вытеснить оттуда «сакалиба», т. е. «низовских» булгар.

5. Р.Г. Кузеев далее пишет, что продвижение древнебашкирских племен на запад в северокавказские степи было связано с начавшимся возвышением Хазарского каганата. Захваченные волной общих передвижений, часть древнебашкирских племен уходит далеко на запад, где они упоминаются в IX в. средневековыми нарративами в Причерноморье и у границ Византии.

По мере нарастания миграционных волн печенегов на Нижнее Поволжье усиливается продвижение кочевников на север, в Приуралье. Кочевья печенегов в Волго-Яицком междуречье в IX в. достигают вплоть до Самарской излучины Волги. Р.Г. Кузеев полагает, что в период с конца VIII по начало IX вв. оставшиеся на Нижнем Поволжье и Северном Кавказе баджгарды и бурджаны уходят вслед за великими булгарами в Волго-Приуральские земли. С этого момента этногенез башкир вступает в новый этап развития, который целиком проходит на современной территории их расселения и в смежных областях (Кузеев, 1974, 426-427).

В целом у Р.Г. Кузеева получается стройная и прямолинейная концепция, которую схематически можно представить так: древние башкиры выходят на историческую арену в VII в. в районе Хорезма, затем мигрируют далеко на запад (вплоть до границ Византии) и на рубеже VIII-IX веков переселяются обратно на Восток, в Волго-Приуральские земли. Однако в жизни так гладко не бывает, жизнь она всегда намного сложнее сухих академических схем.

В современной исторической литературе соотношение приуральских *башкир* и причерноморских *башджартов* освещено чрезвычайно противоречиво и они часто рассматриваются как один этнос или его пространственно-хронологические реминисценции, что неимоверно запутало и без того архисложный вопрос башкирского этнолингвогенеза.

Средневековые арабские и персидские авторы IX-X вв. донесли до нас вполне определенные сведения по крайней мере о трех самостоятельных группах древнебашкирских племен — приаральской, приуральской, причерноморской.

Так, саманидский ученый и писатель рубежа IX-X вв. ал-Джейхани свидетельствует о «внутренних» и «внешних» башкирах. Эти же сведения обнаруживаются в труде ал-Балхи (умер около 940 г.): «Башкиры, – пишет он, – разделяются на два племени (т. е. две локальные группы. – Н.Е., А.Ч.). Одно племя живет на самой границе Гузии, т. е. гузов-куман близ булгар. Говорят, что оно состоит из двух тысяч человек, которые так хорошо защищены своими лесами, что никто не может их покорить. Они подвластны булгарам. Другие *башджарты* граничат с печенегами. Они и печенеги-тюрки близкие соседи румийцев, т. е. Византийского государства» (Хвольсон, 1868, 85, 105). Следовательно, ал-Балхи одним из первых сообщает о двух группах башкир – приуральских, хорошо защищенных лесами и горами от внешних врагов, и западных, причерноморских, живущих около Дуная, недалеко от северных границ Византии.

О двух локальных группах башкир пишет также ал-Масуди (умер около 956 г.). Говоря о причинах движения тюркских кочевников с востока на запад, он упоминает битву «четырех тюркских племен» «у моря Гурганча» (Аральского моря – Н.Е., А.Ч.) с гузами, карлуками и кимаками. Он приводит и названия этих четырех тюркских племен: *баджане, баджанак,*

баджгард и наукерде» (Гаркави, 1870, 148). Упомянутые ал-Масуди племена после поражения у Джурджанийского озера, т. е. Аральского моря, переселились на Северный Кавказ, в среду хазар и алан, а произошло это во второй половине IX века (Агаджанов, 1969, 129; Кумеков, 1972, 58; Kurat, 1937, 28-30). В другом месте, перечисляя народы Северного Причерноморья, начиная от Дуная и следуя далее на восток, он перечисляет *«руса, баджны, баджнака и баджгурда* – они суть три рода из числа турка – есть то же, что море Нейтас (Черное море)» (Хвольсон, 1868, 104). В другом месте он пишет, «что в 932 г. четыре племени турка: *баджна, баджгард* (=башкиры. – Н.Е., А.Ч.), *баджнак* (печенеги. – Н.Е., А.Ч.) и *наукерд* воевали с Византией за обладание городом Валандаром... а пошли на Константинополь» (Хвольсон, 1868, 104). Надо заметить, ал-Масуди, пожалуй, единственный из раннесредневековых историков, который знает причину, почему эти четыре кочевых народа оказались на берегах Дуная. Он пишет: «Причина переселения этих четырех тюркских племен с востока и то, что было между ними, огузами, карлуками и кимаками из войн и набегов на Джурджанийское море (Аральское море)» (Гаркави, 1870, 166).

Из приведенного пассажа следует, что *баджгарты* когда-то были в союзе с печенегами, участвовали в войне с огузами и, потерпев поражение, были вынуждены в составе того же союза откочевать на запад, за Волгу. В пользу сказанного говорит неизменный состав этого союза в Приаралье и на северном Причерноморье (Мажитов, Султанова, 1991, 129-130). А.Н. Курат, ссылаясь на неизвестное нам сообщение ал-Балазури, пишет, что печенеги и союзные им племена потерпели поражение и покинули Приаральские степи во времена халифа Абдуллаха ибн-Гахира, т. е. в 830-844 гг. (Kurat, 1937, 115).

В X-XI вв. в аридной зоне Евразии происходили грандиозные передвижения населения, вызванные очередным природным катаклизмом – глобальным потеплением климата и высыханием центральноазиатских степей.

С V по IX век включительно в степной зоне Евразии одна за другой расцветали могучие кочевнические державы – Великий Тюркский, Уйгурский, Кимакский, Кыргызский, Хазарский каганаты. Хотя они и испытывали в это время политические и социальные потрясения, экономика, основанная на натуральном скотоводческом хозяйстве, не страдала.

Но в X веке тихоокеанские циклоны сместились к северу, вплоть до Арктики, вновь на юг они возвратились только в XI веке. Уменьшение осадков в Центральной Азии приводило к опустыниванию степей и их наступлению на север, в зону лесостепи. Степь усыхала и кочевники были вынуждены мигрировать на огромные расстояния в западном и северном направлениях. Так, карлуки в середине X века из Прибалхашья переселились в Фергану, Кашгар и на территорию современного Таджикистана (Кармышева, 1960); кимаки продвинулись далеко на север по Иртышу и стали осваивать Западно-Сибирскую равнину; печенеги покинули Приаральские степи и ушли в южное Поднепровье и Приуралье, за ними последовали тюрки (торки или гузы русских летописей) и оккупировали земли Хазарского каганата и т. д. (подробнее см. Гумилев, 1966; 1968; 1972; 1980; 1987 и др.).

В X-XI вв. в хозяйстве приаральских племен происходит «отрыв стад... от древних оседлых поселений», идет процесс «образования настоящего кочевого хозяйства с развитым циклом» сезонных меридиональных кочеваний (Толстов, 1947, 100). Именно на этот период падает расцвет Арало-Уральского цикла кочевания (Кузеев, 1974, 451).

На рубеже I-II тысячелетий Южный Урал и прилегающие к нему с востока и запада территории, включая лесостепные области Западной Сибири, становятся обширной зоной экспансии тюркских кочевников. Вторжение новой волны тюрков в очерченный ареал не было событием экстраординарным, тюркоязычные номады вынуждены были осваивать страну, которая была им хорошо известна по традиционным летним кочевьям предшествующих эпох. В постоянном притоке тюркского кочевого населения в историческую Башкирию в начале II тысячелетия н.э. решающее значение имели давние, уходящие в глубь веков хозяйственные и этнокультурные контакты Урала и Приуралья с Приаральем и Хорезмом.

Опираясь на накопленные социально-гуманитарной сферой наук историко-

лингвистических, археологических, антропологических, исторических, этнографических и проч. фактов, современные специалисты пришли к заключению, что башкирский этнос формировался в условиях взаимодействия огузско-печенежского субстрата и кыпчакского суперстрата в XIII-XV вв. Этнолингвогенез средневековых башкир представлял, таким образом, сложный синтез двух основных начал, который сопровождался различной степенью языкового и культурного влияния со стороны волжских булгар, а также ряда субстратных этносов, природа которых пока остается неопределенной.

Центром консолидации башкирского этноса в XI-XII вв. была территория Бугульминско-Белебеевской возвышенности. В целом, в масштабе всей домонгольской эпохи, новый приток кочевников с юга в данный регион сыграл большую роль в формировании башкирского этноса. В IX-XI вв. в степях Казахстана, в самом Приаралье и в междуречье Эмбы и Волги печенеги постепенно смешивались с огузами, на которую в свою очередь наслаивался мощный кыпчакский элемент. Именно с рубежа I-II тысячелетий кочевое скотоводство становится господствующим типом хозяйства в Северо-Западном Казахстане и захватывает всю территорию исторической Башкирии – Южный Урал и смежные с ней с юга, востока и запада степные и лесостепные области (Кузеев, 1974, 451). Тюркоязычные кочевники с низовьев Сырдарьи и Приаралья в XI-XII вв. расселяются сравнительно равномерно на сплошной территории, огибая отроги Южного Урала с востока, юга и запада. Это были в основном племена печенежско-огузской этноязыковой общности.

В миграциях тюркоязычных кочевников на территорию Южного Приуралья в XI-начале XIII вв. специалисты выделяют два потока. Один из них был частью приаральско-уральских сезонных перекочевок и захватил башкирское Зауралье, в основном район водораздела рек Яик, Уй, Миасс, Ай, Юрюзань, другой – продолжением передвижения древнебашкирских племен с юга, с междуречья Урала и Волги на Белебеевско-Бугульминскую возвышенность.

Уже с середины I тысячелетия н.э. Южный Урал, Зауралье и юго-западное Приуралье вплоть до бассейна Белой составляли единый хозяйственно-экономический и геополитический комплекс с низовьями Сырдарьи, северным Приаральем и югом Волго-Уральского междуречья (Кузеев, 1968, 265-271). В очерченном территориально-хозяйственном регионе установился круглогодичный цикл сезонных меридиональных кочеваний с учетом климатических особенностей отдельных широтных поясов этого обширного региона. Короткие зимние месяцы кочевники со своими стадами проводили в зимниках, располагавшихся в присырдарьинских, приаральских и нижневолжских степях. По мере приближения весны кочевники со своими стадами вслед за появляющейся молодой травой уходили на север; в жаркие летние месяцы огромные стада паслись на прохладных летовках (jajlaw), расположенных на Бугульминско-Белебеевской возвышенности и долинах уральских предгорий. С первыми признаками осени кочевники снимались с летних пастбищ и медленно продвигались на юг, в Приаралье и на низовья Сырдарьи.

Пришедшие в Южное Приуралье древнебашкирские племена не теряли связей с Приаральем и Нижним Поволжьем, а также со своей, не очень-то далекой по кочевническим масштабам прародиной, оставшейся в степях Центральной (Внутренней) Азии. Весной, возвращаясь в Приуралье, предки башкир увлекали с собой из глубин степных просторов новые группы тюркоязычных племен, часть которых включалась в башкирский этнолингвогенез, часть вновь покидала предгорья Южного Урала и растворялась в безбрежных степях Казахстана, Средней Азии и Восточной Европы.

Период с XI по начало XIII вв. Р.Г. Кузеев рассматривает как новый этап в развитии башкирского этноса, характеризующийся его постепенной кыпчакизацией (Кузеев, 1974, 453). Вторая волна кочевнической миграции на территорию исторического «большого Башкортостана», активный период которой падает на вторую половину XII – начало XIII вв., также шла с юга и в этноязыковом отношении была уже кыпчакской (Кузеев, 1974, 455). Кыпчаки в середине XI в. разгромили союз печенегов и огузов, заняли их кочевья, часть их оттеснили на запад, часть ассимилировали (Кумеков, 1972, 57-60). Кочуя на южной периферии древнебашкирской этнической территории, кыпчаки в XIII в. вошли в контакт с

населением Волго-Уральской общности. После того, для некоторых кыпчакских родоплеменных групп эта территория в XIII в. стала их новой родиной. Однако в домонгольскую эпоху кыпчакская инфильтрация в Башкирию была незначительной и она не могла оказать сколько-нибудь заметного влияния на формирование древнебашкирского этноса и его языка. Во всяком случае, башкирские историки признают, что масштабы кыпчакского влияния в домонгольскую эпоху пока остаются не очень ясными, едва ли оно было в состоянии коренным образом изменить направление этнического развития башкир (Кузеев, 1974, 457). Кыпчакизация древних башкир и их языка происходила несколько позднее, уже после монгольского завоевания Юго-Восточной Европы.

Р.Г. Кузеев обосновал теорию, согласно которой древнебашкирские племена в VIII в. составляли часть печенегов и двигались с востока в Прикаспийские степи в авангарде печенежской волны (Кузеев, 1974, 425-435). Махмуд Кашгарский и Рашид ад-Дин указывали на принадлежность печенегов к племенному объединению огузов. Отсюда напрашивается предположение об огузской основе древнебашкирского языка. Р.Г. Кузееву также удалось установить огузское происхождение некоторых айлинских родов и, более того, формирование всей восточной группы башкир в VIII-X вв. в огузской этноязыковой среде на Сырдарье (Кузеев, 1974, 198 и след., 453-457). В эпоху возвышения огузов их кочевья достигали юго-восточных предгорий Урала (Агаджанов, 1859, 56-62).

Существенную, вернее даже решающую роль в формировании современной этноязыковой карты Урало-Поволжской историко-этнографической области, особенно ее южной и юго-восточной части, сыграл мощный приток степного, преимущественно кыпчакоязычного населения – куманов-половцев, кимаков, канглы и проч.

В этой связи представляет особый интерес высказанное Н.И. Егоровым предположение об огузской основе древнебашкирского языка, подвергавшегося в ходе исторического развития неоднократной кыпчакизации (Егоров, 1991, 134-138). Н.И. Егоров выделяет 4 периода кыпчакизации огузского в своей основе древнебашкирского языка. Первый период он относит к X-XII вв., когда усиливаются прямые контакты древнебашкирских племен с кыпчаками, наполнившими Дешт-и Кыпчак. Вторая волна кыпчакизации башкирского языка происходит в XIII-XV вв., т. е. после монгольского завоевания, когда башкирские земли были инкорпорированы в состав Золотой Орды. Третий период, по определению Н.И. Егорова, датируется второй половиной XV – первой половиной XVI вв., т. е. постмонгольским временем. В этот период кыпчакское влияние на формирующийся среднебашкирский язык происходит в основном в трех направлениях: с юга проникают казахско-ногайские или, по нашей терминологии, канглыйско-кыпчакские, с северо-запада – казанско-татарские и с востока – сибирско-татарские или, по нашей терминологии, кимакско-кыпчакские интерференции, которые, в сущности, продолжаются и позднее. И, наконец, последний, определяющий этап кыпчакизации башкирского языка происходит в XVIII-XIX вв., т. е. в поздненовобашкирский, по определению Н.И. Егорова, период. В это время в связи с усилением мусульманской пропаганды активизируется влияние со стороны татарского языка, а главное – происходит массовое заселение северо-западных районов «большого Башкортостана» казанскими татарами, мишарями, чувашами и другими народами (Егоров, 1991, 134-136).

Предложенная Н.И. Егоровым периодизация кыпчакизации башкирского языка в целом отражает реальные исторические процессы формирования башкирского народа во II тысячелетии н.э. Разумеется, эта только самая общая схема поэтапной кыпчакизации башкирского этноса. Реальная картина постепенного вливания в формирующийся башкирский этнос все новых и новых, причем качественно различных, кыпчакоязычных компонентов выглядит куда сложнее. Проникновение кыпчакских племен на Южный Урал начинается на рубеже I-II тысячелетий н.э. Восточные нарративные источники отмечают пребывание «какой-то группы кыпчаков» западнее Волги уже в VIII в., однако «появление там передовых кыпчакских отрядов скорее всего носило спорадический характер» (Кумеков, 1987, 19).

Масштабы и характер кыпчакских проникновений в Южное Приуралье и далее на запад в домонгольский период во многом остаются неясными. Связано это с недостаточной изученностью проблемы и, в особенности, с трудностями этнической атрибуции археологических памятников средневековых кочевников домонгольской эпохи и их корреляции со свидетельствами письменных источников. В тюркской историографии можно обнаружить идентификации с кыпчаками *кюйше* (другое прочтение *цзюйше*) китайских династийных хроник, которых в 201 г. до н.э покорил основатель империи сюнну Маодунь (Karlgrenn, 1923; Бернштам, 1947, 154; 1951, 239; Савинов, 1979, 54-55), *хэбеси*, обитавшими на территории Казахстана в VII в. н.э. (Ахинжанов, 1976, 84) и проч.

Первое упоминание кыпчаков в письменных источниках долгое время относили к VIII в. Поводом послужило прочтение Г.И. Рамстедтом и С.Е. Маловым на Селенгинском памятнике в честь уйгурского хана Баян-чора следующего выражения: «Тюрки-кыпчаки властвовали над нами пятьдесят лет» (Малов, 1959, 38). Однако повторное исследование Селенгинской надписи С.Г. Кляшторным показало, что наличие в ней этнонима кыпчак более чем сомнительно (Кумеков, 1972, 43; Кляшторный, Султанов, 1975, 108). Это вполне соответствует исторической ситуации, сложившейся в Центральной Азии в первой половине VIII в. Период нахождения уйгуров под протекторатом древних тюрков-тугю (примено 688-741 гг.) достаточно хорошо освещено письменными источниками, но нигде больше этноним «кыпчак» не встречается (Савинов, 1979, 58). Таким образом, получившее широкий резонанс в тюркской историографии представление о первом упоминании этнонима *кыпчак* в рунических надписях уже в VIII в. следует признать некорректным. Если исключить мнимое прочтение этнонима *кыпчак* на Селенгинской надписи в честь уйгурского хана Баян-чора, то первое его упоминание находим на страницах известной поэмы Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг», относящегося ко второй половине XI в. (1069 г.) (Валитова, 1964, 2-6; 1970, 692). Исходя из этого, мы считаем более ранние упоминания о собственно кыпчаках сомнительными и недостоверными.

Спорадические проникновения отдельных групп кыпчаков в степные просторы Юго-Восточной Европы, особенно в регион Южного Приуралья могли иметь место и в VIII в., и позже, но массовое проникновение кыпчаков в северокавказские и южнорусские степи произошло, как утверждают авторы специальной исторической литературы, в середине XI в. Что же касается Урало-Поволжской историко-этнографической области, то массовое проникновение кыпчаков в этот регион датируется на основании археологических материалов XII-XIV вв., а предыдущий период обычно определяется как огузско-печенежское время.

К этому надо заметить, что скудость источников, как нарративных, так и археологических, ставит перед исследователями большие трудности в освещении роли кыпчакского компонента в этнолингвогенетических процессах на Южном Урале и прилегающих к нему с востока и запада регионах в XI-XII вв. Во всяком случае, проблема домонгольской кыпчакизации Урало-Поволжья продолжает оставаться наименее изученной областью истории региона в целом и, видимо поэтому, массовое проникновение кыпчаков в этот обширный регион датируется XIII-XIV вв., а наиболее активные продвижения на север – второй половиной XIV в. (Кузеев, 1992, 75).

Вторжение монголов в Восточную Европу в 1236 году сломило сопротивление волжских булгар и других народов Волго-Уральского региона. С этого времени Башкирия стала частью Золотой Орды, которая в этническом и языковом отношениях была преимущественно наследницей Дешт-и Кыпчака. Монгольские походы привели к распаду и расселению прежних кыпчакских племенных конфедераций. Сами монголы быстро ассимилировались в среде численно превосходящих их кыпчаков, ставших этнической основой населения почти всей Золотой Орды, разве-что за исключением в некотором смысле Булгарского улуса в Волго-Камье.

Урало-Поволжский регион по крайней с середины XIII в. до конца XIV в. был составной частью государства Золотая Орда. С 60-х годов XIII в. Волжская Булгария и ее города

сыграли крупную, если не решающую в становлении этого могущественного государства средневековья. С этого времени историю башкирского народа и его языка необходимо трактовать в контексте этнополитической и этноязыковой истории Золотой Орды. Для нашей темы важно подчеркнуть, что в Золотой Орде возобладал среднекыпчакский язык, письменный вариант которого получил название «золотоордынский тюрки» (варианты названия: хорезмско-тюркский, кыпчакско-огузский, огузско-кыпчакский, среднетюркский, золотоордынский, хорезмско-золотоордынский). На этой основе позднее формируется так называемый «поволжский тюрки» (варианты названия: тюрки Поволжья, урало-поволжский тюрки, старотатарский тюрки, старотатарско-поволжский тюрки, старотатарский литературный язык, старописьменный татарский язык; старотатарский письменный язык в Башкортостане, Казахстане и т. п.). Справедливости ради стоит заметить, что этот «старотатарский тюрки» к татарскому языку имеет самое отдаленное отношение и то начиная со времени становления Казанского ханства.

Территории, населенные башкирами, хотя и входили в состав Золотой Орды (например, ал-Омари, описывая провинции, вошедшие в Золотую Орду, упоминает «...области Сибирь и Ибирь, Башкырд и Чулыман» (Тизенгаузен, 1884, 236; Егоров, 1985, 54; Кузеев, 1992, 100-101)), но составляли периферийную, провинциальную часть формирующейся конгломератной золотоордынско-кыпчакской этноязыковой общности. Различный уровень хозяйственно-экономического, социально-политического, этнокультурного развития в разных природно-географических и историко-этнокультурных зонах обширного государства обусловили в конечном итоге не только этноконсолидирующие, но и этнодифференцирующие, а в лингвистическом аспекте – конвергентные и дивергентные процессы. В любом случае, эти процессы активно развивавшиеся в XIII-XIV столетиях в Урало-Поволжском регионе сыграли решающую роль в формировании современных этнокультурных признаков башкир.

Монгольское наступление привело в движение огромные массы кочевников по всей аридной полосе Евразии от Хингана до Дуная. Потерпевшие поражение кыпчаки ресселялись, особенно в начальный период нашествия, по огромной территории Евразийских степей и соседних с севера областей. Земли башкир в XIII веке наводняются беженцами из Дешт = и Кыпчака. Приток южных кочевников в Приуралье продолжается, постепенно затухая, до конца XIV века. Этническая история кыпчакской, катайской, минской и табынской родо-племенных групп башкир показывает, что все эти племена являются участниками грандиозного по масштабам процесса этногенеза тюркских народов, который протекал на огромной территории от Алтая до Черного моря. Кыпчакский этап по существу был заключительным аккордом этого процесса, который в конечном итоге – с углублением социально-экономического развития и коренными изменениями в полиэтнической ситуации в XV–XVI вв. в Дешт-и Кыпчаке – привел к завершению формирования ряда современных народов: казахов, узбеков, каракалпаков, ногайцев и, конечно же, башкир (Кузеев, 1974, 463–465).

XIII–XIV вв. являются периодом наиболее крупных передвижений башкирских племен с Приуралья на Южный Урал и в Зауралье. Здесь древнебашкирские племена вступали в контакты с другими тюркоязычными кочевниками, преимущественно с кыпчаками и кимаками, приток которых из южных и юго-восточных рубежей исторического Башкортостана особенно активизировались в период монгольской экспансии и не прекращались и в более поздние времена.

Авторитетные башкирские ученые признают, что в формировании башкирской народности и соответственно башкирского языка, в составе которой до наших дней сохраняются родоплеменные подразделения (генонимы кыпчакского происхождения – собственно кыпчакской, а также катайской, минской, табынской родоплеменных групп составляют более трети родоплеменных названий), роль кыпчакского компонента эпохи просматривается со всей очевидность (Кузеев, 1974, 463–471; 1992, 80).

По совокупности историко-этнографических источников Р.Г.Кузееву удалось проследить массовое проникновение кыпчакских групп в Урало-Поволжье в XIII–XIV вв., причем наиболее активные передвижения падают на вторую половину XIV в. Но самое интересное заключается в том, что во второй половине XIII–XIV вв. существенное значение в этногенетических процессах в Волго-Яицком междуречье имели возвратные передвижения кыпчаков и кыпчакизированного населения с запада (из южнорусских степей, Причерноморья) и юга (Северного Кавказа) на восток и север (Кузеев, 1974, 177–186, 1992, 75). Это интересное открытие ставит перед тюркологами-лингвистами новую проблему – изучение исторических связей башкирского языка с куманско-кыпчакскими – языком «Кодекс куманикус», караимским, крымско-татарским, карачаево-балкарским, кумыкским.

Северные пределы кыпчакского продвижения второй половины XIII–XIV вв. прослеживаются археологически до естественной северной границы Волго-Уральской степи, однако большая часть кыпчакских памятников концентрируется по бассейну среднего течения реки Урал (Иванов, Кригер, 1988, 43, карта). Обобщив накопленный материал, В.А.Иванов и В.А.Кригер установили «большую однородность» кыпчакских памятников XIII–XIV вв. по сравнению с памятниками огузо-печенежского времени и выделили две группы курганов – западную (123 кургана) и восточную (72 кургана).

Тщательный сравнительный анализ наиболее релевантных эноопределяющих признаков погребального обряда обеих групп курганов Южного Урала и Приуралья с синхронными памятниками XIII–XIV вв. из смежных к западу (Среднее и Нижнее Поволжье) и к востоку (Зауралье и Южная Сибирь) территорий дал интересные результаты. Западная группа южноуральских курганов «образует единый массив с курганами из Заволжья», которые принадлежали куманско-половецким племенам. В.А. Иванов и В.А. Кригер считают, что «родственные» половцам племена «были кыпчаками или, что более вероятно, кимако-кыпчаками, пришедшими в степи Поволжья под натиском монголо-татар. Восточная группа кыпчакских курганов связывается археологами с миграциями кыпчаков в степную полосу Южного Урала из Восточного Казахстана (Иванов, Кригер, 1988, 4, 7, 43, 66–67)». Таким образом, археологические материалы показывают, что в XIII–XIV вв. кыпчакский этноязыковым компонент стал определяющим в этнолингвистических процессах в Урало-Поволжском регионе в целом и на Южном Урале и Приуралье в особенности.

Совокупность репрезентативного эмпирического материала дает возможность проследить основные направления движения кыпчакских родоплеменных групп. Эти миграции в Приуралье проходили с юго-востока по Волго-Яицкому междуречью (кимаки, канглыйцы) и с юго-запада – из Придонья по правобережью Волги. Различные этноязыковые группы кыпчакоязычных мигрантов сомкнулись в Волжско-Бельским междуречье и эта территория на определенное время становится зоной формирования средневекового башкирского этноса. Археологический материал также сигнализирует, что этот кыпчакский этноязыковой компонент был неоднородным, в его составе выявляются по крайней мере три основных потока миграции – восточный, южный и западный, причем восточная струя идентифицируется скорее всего с кимакско-кыпчакскими, а западная – с куманско-кыпчакскими племенами. По нарративным источникам историко-этнографического характера очевидно, что влияние кыпчакского этноязыкового компонента в золотоордынское время охватило все многоэтническое в то время коренное население Западной Сибири, Южного Урала, Приуралья, Волжско-Бельского междуречья, оказав в конечном итоге наибольшее воздействие на этноязыковую транформацию средневековых башкир (Кузеев, 1992, 70–80). Тезис об активном участии в формировании средневековых башкир кимакско-кыпчакских и канглыйско-кыпчакских племен не нов, он был оглашен А.-З. Валиди Тоганом где-то в середине прошлого века (Тоган, 2010, 20, 25, 31 и др.).

В связи с поэтапной кыпчакизацией древних башкир на повестку дня просится вопрос о башкирско-кимакских взаимоотношения в период возвышения Кимакского каганата и позднее, после его фактического распада. Проблема эта плавно перерастает в изучение этноязыковых взаимодействий между башкирскими и западносибирскими татарами, а также

участия западно-сибирско-тюркских (кимакско-кыпчакских) этнических компонентов в формировании восточных групп башкир.

Р.Г.Кузеев, как всегда очень осторожно, подходит к проблеме средневековых башкирско-кимакских контактов. «Возможно, – пишет он, касаясь этой практически неразработанной тюркологической проблемы, – X в. западная периферия кимакских владений достигла Южного Урала. Об этом может свидетельствовать материал Мрясимовского курганного могильника X–XI вв. на правом берегу р. Уфа» (Кузеев, 1992, 75). Погребальный обряд и керамика из Мрясимовского могильника аналогичны обряду и сосудам из кимакских погребений на юге Западной Сибири (Мажитов, 1981, 147–155).

Таким образом, обзор исторических и археологических источников показывает, что в средние века в формировании башкирской родо-племенной общности значительную роль сыграли кимакско-кыпчакские племена. Нам представляется, что историческую основу древнекыпчакского компонента башкирского языка составил именно язык племен кимакского круга X–XII вв. Однако позднее, в постзолотоордынскую эпоху, на кимакско-кыпчакскую основу наслаивается канглыйско-кыпчакский пласт.

Исследователи этнической истории и этноглоттогенеза башкир отмечают резкое расширение территории расселения кыпчакоязычных племен в золотоордынский период истории, рост численности и повышение роли кыпчакоязычных кочевников в этнолингвистических процессах в Урало-Поволжской историко-этнографической области. Касаясь этого вопроса, Р.Г. Кузеев пишет: «По мере продвижения и усиления этнического воздействия кыпчакской миграции многоязычная ситуация в XIV–XV вв. начинает постепенно исчезать», и «башкиры…, испытав нивелирующее воздействие кыпчакских и кипчакизированных кочевников, несколько изменили направление своего развития в сторону усиления кочевого скотоводства в хозяйстве и степных традиций в культуре» (Кузеев, 1992, 79). Мы полагаем, что в истории башкирского народа не было особых причин для реминисценции кочевых традиций в культуре и быте; куда больше оснований констатировать тот непреложный факт, что башкиры вплоть до конца XVIII в. сохранили исконные кочевые традиции, которые постоянно поддерживались перманентными контантами с южными соседями.

Главным политическим фактором для Башкирии XV–XVI вв. было господство на южных рубежах Ногайской орды. В конце XIV – начале XV вв. ногайские ханы, происходящие из полностью кыпчакизировавшегося к этому времени монгольского рода мангыт, стали властвовать по всей территории Волго-Яицкого междуречья, а на севере их господство распространилось на большую часть средневекового Башкортостана: к западу от Уральского хребта господство мангытов достигало нижнего течения реки Белой, в Зауралье – верховьев Яика и Ая (Кузеев, 1974, 484).

Этническое название «ногайцы» появляется в нарративных источниках довольно поздно, только в XVI в. Сами ногайцы называли себя генонимом «мангыт». История возвышения мангытского, или ногайского, юрта восходит к событиям времен смуты в Золотой Орде в конце XIV в. и связана с временным возвышением Едигея (в русских письменных источниках *Едигей,* в мусульманских – *Эдигу, Едюгю, Идигу, Идиге, Идигей,* ногайское произношение имени – *Эдиге* и *Едиге*.).

Возрождение Мангытского юрта в Поволжье произошло в первой трети XV в. и связано с именем младшего сына Едигея – Нуратдина. При потомках Нуратдина ногайцы становятся «многочисленной и самой крупной ордой» в степях Юго-Восточной Европы. В 1540-е годы Ногайская орда перерастает в самостоятельное и сильное государство. В начале XVI в владения ногайских мурз на северо-западе граничили с Казанским ханством, достигая временами нижнего течения Камы (Сафаргалиев, 1960, 226–229).

По словам Р.Г. Кузеева, «Ожесточенная борьба с ногайскими мурзами за степное и лесостепное Приуралье, за жизненно важные для башкир пастбища в бассейнах рек Дема, Уршак, Чермасан, Кармасан, Большой Ик, а также более южных рек, за возвращение оттесненных в леса и горы башкирских племен на свои древние земли и пастбища и

составила основное содержание политических событий в центральной Башкирии впервой половине и середине XVI в.» (Кузеев, 1992, 104).

В первой половине XVI в. Ногайское ханство распалось на две самостоятельные орды – Большую и Малую (Трепавлов, 2001). Башкирия осталась под властью Большой Ногайской Орды, власть в которой захватил родоначальник ногайской знати, мангытский беклербек Едигей. Отношения ногайских ханов и мурз к башкирам базировались на идее господства и подчинения местного населения наследником золотоордынской знати. Гнет ногайских ханов был настолько тяжелым, что уже в XV в. наблюдается отлив башкирского населения с юго-западного Приуралья на север Башкирии (Усманов, 1960, 40–49). Вскоре ногайские ханы распространили свое господство на все башкирские земли. К концу XV в. большая часть башкирских племен стала подданными ногайских ханов и платила им тяжелый ясак.

Происходивший на рубеже XIV–XV вв. и позже уход башкирского населения на север, в лесные районы и образование в степной и лесостепной полосе обширных незаселенных малонаселенных пространств – так называемого «дикого поля» – имели крупные этноисторические последствия.

Более чем столетнее господство Ногайской орды в южной и центральной Башкирии, расширение территории расселения башкир на севере предопределили основные направления этноязыковых процессов в различных областях башкирских земель в XV–XVI вв. Ногайское продвижение вглубь исконных башкирских земель в историческом аспекте было по существу продолжением миграций кыпчакских племен предшествующего периода.

Таким образом, в XV – первой половине XVI в. главным этноглоттогоническим фактором в Башкирии становится канглыйско-кыпчакский этнолингвистический континуум Ногайской орды, или, если хотите, «ногайский суперэтнос». В данном случае адъектив «ногайский» употребляется в политическом значении – для определения группы этносов, объединенных общей политией, территорией и судьбой, т.е. Ногайской Ордой; в этноязыковом аспекте под этим определением следует понимать общий для казахов, каракалпаков, кочевых узбеков, собственно ногайцев и значительной части башкирских племен средневековый канглыйско-кыпчакский этноязыковый предшественник.

К рубежу XIV–XV вв. различия между крупными этнополитическими образованиями в зоне Дешт-и Кыпчака уже стабилизировались и контакты между башкирами и монголами – носителями канглыйско-кыпчакского языка-основы носили характер адстратно-субстратно-суперстратных взаимовлияний, которые сопровождались инкорпорацией отдельных мангытско-кыпчакских групп в башкирскую этноязыковую среду. Длительное соседство и пребывание на одной общей территории в течениие без малого столетия, изначальная генетическая близость языков, активное взаимодействие на базе генуинных кочевых культур обуславливали достаточно высокую активность конвергентных процессов между канглыйско-кыпчакским (мангытским, ногайским) и собственно башкирским этноязыковыми континуумами. Масштабы ногайско-башкирского этноязыкового сближения наиболее значительными стали в середине XVI в., когда историческая судьба населения Ногайской орды изменилась кардинально. После завоевания Московским государством Казанского и Астраханского ханств Ногайская орда распалась; кочевавшие на исконных башкирских пастбищах ногайские родо-племенные группы в ходе подъема освободительной борьбы башкир вынуждены были мигрировать в низовья Волги и на Северный Кавказ. Они увлекли с собой и часть башкир. Оставшиеся в Башкирии ногайские родо-племенные образования стали одним из этнических компонентов башкирской народности на заключительных стадиях этногенеза. Окончательная ассимиляция ногайских этнических инкорпораций в башкирской среде произошло быстро, хотя память о ногайских истоках в среде родо-племенных подразделений ногай-бурзян, ногай-кыпчак, ногай-юрматы, ногайлар, ногайбак, мин, канлы, найман, бадрак, таз, кырк, миркит и др. сохранилась вплоть до современности (Кузеев, 1974, 484–488). Ногайские группы сыграли значительную роль в формировании этноязыкового облика средневековых башкир и их языка. Не случайно в историко-этнографических сочинениях, начиная с П.И. Рычкова, довольно часто повторяется мысль о

том, что башкиры «производят себя от ногайцев». При этом, однако, надо помнить, что под «ногайцами» в данном случае имеется в виду «суперэтнос» Ногайской Орды, общавшийся на средневековом куманско-кыпчакском языке-основе.

В XVI в. традиционными соседями башкир на всем протяжении восточных и южных границ были ногайцы, а в Зауралье – различные группы сибирских татар: тобольских, тюменских и, далее к востоку, ялуторовских и барабинских. Источники отмечают черезполосное расселение башкир, ногайцев, сибирских татар на одной и той же территории (Миллер, 1937, I, 189, 191, 193, 198 и др.).

В этнолингвистическом аспекте XVII в. явился временем распада ногайской этноязыковой общности. Многие разрозненные ногайские группы и отдельные семьи ногайцев бежали на север, в башкирские земли, где постепенно инкорпорировались в состав формирующегося башкирского этноса. Значительные группы ногайцев растворились в основном в среде юго-восточных, северно-восточных, демских и западно-сибирских башкир. Ареал инкорпорации ногайского этноязыкового компонента достаточно отчетливо прослеживается по растростраению генонима *нугай* на территории расселения башкир (Кузеев, 1978, 180–181, карта 16; 1992, 130).

В XVII в. в степях от верховьев Оби до Волги влиятельной силой становится основанное в 1635 г. Джунгарское ханство. Ойраты, ведшие борьбу за господство в степи с казахами и сибирскими татарами в Зауралье, в Южном Приуралье и в Нижнем Поволжье, вошли в тесное соприкосновение с ногайцами, башкирами и Русским государством. Политическое возвышение джунгарских тайшей означало в сущности падение былой мощи Ногайской Орды. Утверждение власти и влияния ойратов в степях сопровождалось ожесточенной борьбой с казахами, ногайцами и башкирами.

Существенный канглыйско-кыпчакский компонент в обще-башкирский этногенез внесли казахские племена. На наш взгляд, целый ряд морфонологических особенностей башкирского языка, в особенности его восточных и южных говоров, внесли канглыйско-кыпчакские племена Центрального и Западного Казахстана.

Казахи, кочевья которых в конце XV в. продвигались все дальше к западу и сереверу, уже к концу XVI в. вошли в непосредственное соприкосновение с башкирами. Из исторических источников мы знаем, что казахи издавна были в состоянии войны с ханами узбекской династии Шейбанидов, а также с принадлежавшими к этой же династии Кучумовичами Сибирского ханства. Сложное положение казахов Среднего жуза, находившихся в состоянии войны и борьбы с ногайцами, узбеками, сибирскими татарами толкало их на запад и север, на исконно башкирские земли.

Во второй половине XVII в. на северных границах расселения западносибирских башкир появилась Исетская линия крепостей и многочисленные казачьи слободы по правым притокам Исети. В связи со строительством Исетской линии и формированием исетского казачества башкиры были отрезаны от своих традиционных летовок, охотничьих и рыболовных угодий по Исети и Пышме, и отодвинуты к югу. А это привело к активизации контактов западносибирских башкир с казахами Среднего жуза, летовки которых в середине XVII в. доходили до лесостепной зоны между верхними течениями Яика и Тобола. Таким образом, появилась зона взаимодействия башкир и казахов по всему Зауралью, от бассейна р. Уй до широтного направления течения р. Яик, и южнее. Таким образом, в Зауралье примерно с середины XVII в. развиваются башкирско-казахские этно-лингвистические контакты (Кузеев, 1992, 128).

Этноязыковая ситуация на южных и восточных рубежах большого Башкортостана особенно круто изменилась в связи с походами ойратов, появившихся в казахских степях в начале XVII в. Сохранились исторические сведения о столкновении казахов с ойратами в приишимских степях уже в 1608 г., это было предвестником джунгарского нашествия.

В 1620-е гг. основная масса ойратов – 50 тысяч кибиток, или около 3000 тысяч человек – устремляется по верховьям Иртыша, Ишима, Тобола на запад. Пройдя через степи Северного Казахстана, ойраты в 1630 г. перешли через р. Яик и достигли берегов Волги (Златкин, 1964,

135–151, 159–161, 167). Появление калмыков внесло существенные изменения в этноязыковую ситуацию и политическую обстановку в зауральских, южноуральских и приволжских степях. Казахи, вынужденные вступить в ожесточенную войну с интервентами, были оттестены на север и к середине XVII в. вошли в контакт и взаимодействия с западносибирскими и юго-восточными башкирами. По изысканиям Р.Г. Кузеева, особо тесные взаимосвязи с казахами установились у башкир кара-табынского рода по рекам Уй, Миасс и верховьям р. Улала, барын-табынского, кувакинского, тамьянского, карагай-кыпчакского, кара-кыпчакского, бурзянского, усерганского и некоторых других племен и родов по всему бассейну р. Яик в ее верхнем и среднем течениях (Кузеев, 1978, 180; 1992, 129).

Начиная с середины и до конца XVII в. казахско-джунгарские войны принимают особо ожесточенные формы. Во второй половине XVII в. значительная часть казахов поселилась на башкирских землях и обосновалась в Уйско-Миасском междуречье и по правым притокам р. Яик. Тогда обычным явлением стали совместные кочевья на общих пастбищах, совместные состязания в скачках, борьбе, стрельбе из лука, башкирско-казахские браки и проч. Но также обычными были и взаимные набеги из-за пастбищ, столкновения, барынта и карынта, умыкания девушек, соперничества башкирских и казахских баев и проч. (Кузеев, 1992, 129).

Рост интенсивности башкирско-казахских этноязыковых контактов приходится к началу XVIII в. и связи с политическими событиями в Восточном Казахстане. В 1643–1644 гг. джунгары вторглись в Южный Казахстан и Семиречье. В 1652 г. в ходе очередного сражения казахов с джунгарами погиб казахский хан Джангир. Опустошительные походы на казахские земли были предприняты джунгарами в 1670–1680-е гг. Тогда они захватили обширные территории юго-восточного Казахстана (История Казахстана…, 2010, II, 417–423). Вторжение джунгар на территорию традиционных кочевий казаков нарушило сложившиеся веками хозяйственные районы киргизов, казаков, ногайцев, башкир и др.

После небольшого затишья в самом конце XVII в. казахско-джунгарские взаимоотношения вновь обострились. Крупные вторжения джунгарских войск в пределы казахских земель произошли в 1710–1711, 1713, 1718 гг., а в 1973 г. началось широкое наступление джунгар вглубь казахских территорий. 1723 г. в истории казахского народа считается годом начала «великого бедствия» («ак табан шубырынды»). Раздробленные казахские роды отступлили под натиском джунгар: племена Старшего и Среднего жузов устремились на запад, к Сырдарье, казахи Младшего жуза бежали в долину Эмбы и вышли к берегам Яика. В северо-западном направлении джунгары дошли до бассейна р. Ишим (Эсил) опустошили кочевья Среднего жуза и вынудили казаков бежать на башкирские земли по берегам Тобола, Уя и верхнего и среднего течения Яика. Таким образом, к середине XVIII в. сложились более тесные, чем раньше, башкирско-казахские этноязыковые контакты. Однако характер межэтнического соседства и взаимоотношений между башкирами, казахами, ногайцами, а также калмыками был сложным и противоречивым. Главным источником напряжения была борьба между соседями за пастбищные угодья (Кузеев, 1992, 130–133; Туймебаев, 2008, 220–236; История Казахстана…, 2010, II, 117–123).

Какой бы сложной не была этнополитическая обстановка в историческом Башкортостане и смежных территориях, в конце XVII – первой половине XVIII вв. на огромных просторах Южной, Центральной и Восточной Башкирии, в Зауралье и в Волго-Яицком междуречье складываются условия для тесного взаимодействия ряда крупных этнолингвистических континуумов – башкир, казахов, ногайцев и калмыков. С северо-запада в этот глобальный этноглоттогенетический процесс включаются русские, татары, чуваши другие народы Среднего Поволжья.

Без специального исследования трудно оценить реальные масштабы взаимодействия и взаимовлияния очень близких друг к другу башкирского, казахского и ногайского языков и казахской и ногайской интерференций в различные диалекты и говоры башкирского языка. Если судить по широкому распространению среди башкир генонимов *казак* и *нугай,*

масштабы башкирско-казахского и башкирско-ногайского этноязыкового взаимодействия были значительными.

Как было отмечено в самом начале статьи, современный башкирский язык вместе с диалектами татарского языка (включая и восточный, который по нашему пониманию, состоит из ряда вполне самостоятельных кимакско-кыпчакских идиом) объединяется в урало-поволжскую подгруппу кыпчакских языков. Основания для такого сближения сложились относительно поздно, лишь во второй половине XIX в. в связи с распространением среди башкир просвещения и образования на базе так называемого «поволжского тюрки». Но это уже тема для особого разговора.

Как бы там ни было, материальную основу опорных южного и восточного диалектов башкирского языка составляет кимакско-кыпчакский пласт, щедро приправленный в постзолотоордынскую эпоху канглыйско-кыпчакским компонентом и в новейшую эпоху – поволжско-кыпчакским (казанско-татарским) суперстратом.

Вопрос о месте башкирского языка в историко-генеалогической классификационной системе должен решаться в компаративистических штудиях соотносительно с глубиной исследуемых диахронических уровней. Так, например, изучая древнебашкирский язык рубежа I–II тысячелетий н.э. исследователь должен ориентироваться на кимакско-кыпчакскую подгруппы (т.е. западносибирские тюркские идиомы), переходя на более высокий уровень, скажем, постзолотоордынской эпохи, следует ориентироваться, помимо кимакско-кыпчакской подгруппы еще и на канглыйско-кыпчакскую, для XVII–XVIII вв., видимо, можно говорить об урало-кыпчакской подгруппе, имея в виду совокупность относительно самостоятельных башкирских идиомов, а уже начиная с середины XIX в. – об урало-поволжской подгруппе кыпчакских языков.

Разумеется, изложенные нами представления на историю башкирского языка во многом являются предварительными и требуют верификации, коррекции и уточнения в ходе компаративных, контрастивных и контактологических исследований строевых уровней башкирского языка.

Литература

1. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. – Ашхабад, 1969.
2. Ал-Бакуви. ’Абд ар-Рашӣд ал-Б āāсāр ва ’аджā’иб ал-маликкāр-каххāр («Сокращение [книги о] “Памятниках” и чудеса царя могучего») – М., 1971.
3. Ауэзова З.-А. М. Махмӯд ал-Кāшғар Диван Лугат ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауэзовой – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.
4. Ахинжанов С.М. Об этническом составе кыпчаков средневекового Казахстана // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата, 1976.
5. Бартольд В.В. Очерк истории туркменского народа // Сочинения. – М.: Наука, 1963. – Т. I.
6. Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1969. – 383 с.
7. Бернштам А.Н. Заметки по этногенезу народов Северной Азии // Сов. этнография. – М., 1947. – № 2.
8. Бернштам А.Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951.
9. Валитова А.А. Этнонимы в тюркоязычном памятнике XI в. «Кутадгу билиг» // Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964.
10. Валитова А.А. Этнонимы в тюркоязычном памятнике XI в. «Кутадгу билиг» // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. Москва, 3-10 августа 1964 г.). – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1970. – С. 689-697.
11. Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах (с половины VII в. до X в. по Р.Х.). – СПб., 1870.
12. Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности (Ландшафт и этнос. IV) // Вестник ЛГУ. 1966. № 6; то же. V // Вестник ЛГУ. 1966. № 18.
13. Гумилев Л.Н. История колебаний уровня Каспия за 2000 лет (с IV в. до н.э. по XIV в. н.э.) // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. – М., 1980.
14. Гумилев Л.Н. Кочевнические погребения в дельте Волги // Доклады Всесоюзного географического общества. Отделение этнографии. – Л., 1968. – Вып. 6.
15. Гумилев Л.Н. Люди и природа Великой степи. Опыт объяснения некоторых деталей истории кочевников // Вопросы истории. – М., 1987. – № 11. – С. 64-77.

16. Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии. – М., 1966.
17. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. – М., Наука, 1985. – 245 с.
18. Егоров Н.И. Проблема периодизации истории башкирского и татарского языков // Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР. – Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1991. – С. 134-138.
19. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: Горган и Поволжье в IX-X вв. – М.: Изд-во вост. лит., 1962. – 279 с.
20. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635-1758). – М., 1964.
21. Иванов В.А. Путями степных кочевий. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1984. – 136 с.
22. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале. – М.: Наука, 1988.
23. История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. – Алматы: Атамура, 2010. – 624 с.
24. Кармышева Б.Х. Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков // Сов. Этнография. – 1960. – № 1.
25. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. *Рец. на:* К.Ш. Шаниязов. К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кыпчакского компонента). Ташкент: Фан, 1974 // Сов. тюркология. Баку, 1975. – № 4. – С. 106-108.
26. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг.: Статьи, переводы, и комментарии. – Харьков: Изд-во Харьков. гос. ун-та, 1956. – 348 с.
27. Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература. – М.; Л.; Изд. АН СССР, 1957 (Избранные сочинения, т. IV).
28. Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа: Башкир. кн. Изд-во, 1978. – 264 с.
29. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. – М.: Наука, 1992. – 347 с.
30. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. – М.: Наука, 1974. – 569 с.
31. Кузеев Р.Г. Урало-аральские этнические связи в конце I тысячелетия н.э. и история формирования башкирской народности // Археология и этнография Башкирии. – Уфа, 1971. – Т. IV. – С. 17-29.
32. Кумеков Б.Е. Арабские и персидские источники по истории кыпчаков. VIII-XIV вв.: Научно-аналитический обзор. – Алма-Ата, 1987.
33. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. – Алма-Ата, 1972.
34. Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. – Уфа: Китап, 1994. – 360 с.: ил.
35. Мажитов Н.А. Курганы Южного Урала VIII-XIII вв. – М.: Наука, 1981. – 164 с.
36. Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1939.
37. Ма ҳмуд наршга тайёрлович С.М. Муталлибов. – Тошкент: УзССР ФА нашриёти, 1960. I т. – 500 с.
38. Миллер Г.Ф. История Сибири. – М.; Л., 1937. Т. 1.
39. Мудрак О.А. Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике. – М.: РГГУ, 2009. – 187 с.
40. Савинов Д.Г. Об основных этапах развития этнокультурной общности кыпчаков на юге Западной Сибири // История, археология и этнография Сибири. – Томск, 1979.
41. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. – Саранск, 1960. (Уч. зап. Морд. гос. ун-та. – Вып. XI).
42. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. – Т. 1.
43. Тоган А.- З.В. История башкир. – Уфа: Китап, 2010. – 352 с.
44. Толстов С.П. Города гузов (историко-этнографические этюды) // Сов. этнография. – 1947.– № 3.
45. Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. – М.: Вост. лит., 2001. – 752 с.
46. Туймебаев Ж.К. История тюрко-казахско-монгольских этноязыковых взаимоотношений. – Монография. – Астана, 2008. – 371 с.
47. Умняков И. Самая старая турецкая карта мира (XI в.) // Труды Самаркандского государственного педагогического института. Самарканд, 1940. Вып. 1.
48. Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. – Уфа, 1960.
49. Филоненко В.И. Башкиры. – Уфа, 1915.
50. Ҳасанов Х. Махмуд Кошғарий: (Хаети ва географик мероси). – Тошкент, 1963.

51. Хвольсон Д.А. Известия о хазарах, буртасах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя X века, по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д.А. Хвольсон. – Спб., 1869; *то же:* ЖМНП, 1868. – Вып. XII.
52. Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. – Л.: Наука, 1994. – 192 с.
53. Юлдашев А.А. Башкирский язык // Языки мира: Тюркские языки. – Бишкек: Изд. дом. «Кыргызстан», 1997. – С. 206-216.
54. Benzing J., Menges K.H. Classification of the Turkic languages // Philologiae Turcicae Fundamenta. – Wiesbaden, 1959. – T. I. – P. 1-10.
55. Karlgrenn B. Analytic dictionary of Chinese and Sinno-Japanese. – Paris, 1923.
56. Kurat A. PeČeneg tarihi. – Istanbul, 1937.
57. Macartney C.A. The Magyars in the ninth century. – Cambridge, 1930.
58. Menges K.H. Classification of the Turkic languages // Philologiac Turcicae Fundamenta. – Wiesbaden: Aquis Mattiacis Apud Franciscum Steiner, 1959. – T. I. – P. 5-8.

Жаңабекова А.Ә., Карбозова Б.Д., Алматы қ.

ҚАЗАҚ ТІЛІ ҰЛТТЫҚ КОРПУСЫНДАҒЫ ОМОНИМДЕРДІ АВТОМАТТЫ ТҮРДЕ АЖЫРАТУДЫҢ ҒЫЛЫМИ НЕГІЗДЕРІ

Резюме

Статья посвящена сложной проблеме снятия неоднозначности при морфологической разметке казахских текстов. Авторами рассмотрены комбинаторные характеристики казахских морфологических омонимов и на этой основе представлены возможные приемы автоматического снятия лексико-грамматических неоднозначностей в текстах.

Қайсібір тілдің аннотацияланған мәтіндер корпусын алмайық, ең алдымен, морфологиялық белгіленім қою мәселесіне назар аударған. Морфологиялық деңгейде мазмұндалған корпус түбір (сөз) қандай морфологиялық бөлшектерден тұратынын айқындауды мақсат етеді. Егер бірдей дыбысталатын сөз әр алуан сипаттағы морфологиялық бөлшектерден тұрса, онда ол омоним сөз болғаны. Омоним сөздер мәтіндер корпустарын морфологиялық деңгейде аннотациялауда едәуір қиындық келтіретін «проблемалық аймаққа» жатады. Өйткені компьютер тілі формалды құрылымдарды ғана түсінеді, ал тілдік бірліктердің (сөзформалардың) мағыналық айырмашылықтары тек қана «адамның» қатысуымен атқарылады. Бұл мәселе корпустық лингвистикада автоматты түрде емес, «қолдап» жүзеге асыру арқылы орындалады. Морфологиялық белгі-кодтар қою жұмысының екінші сатысы осы омонимдерді ажырату мәселесіне арналады. Демек, сөздік қордың омонимдің қабаты құрылымдық лингвистикада ғана емес, тіл білімінің жаңа бағыттарында да (бұл жерде қолданымдық лингвистикада да) күрделі құбылысқа жатады.

Құрылымдық лингвистикада омонимдер тілдік құбылыс ретінде ғана танылып қойған жоқ, сонымен қатар сөздік қордағы белгілі бір жүйеге біріккен сөздер жиынтығы ретінде де ерекшеленді. Нәтижесінде омонимдер сөздігін құрастыру қажеттігін туғызды. Басқа да лексикографиялық еңбектер сияқты омонимдер сөздіктері кітап нұсқасында ғана емес, электронды пішінге келтіріліп, интернет жүйесіне енгізіле бастады.

Қазіргі компьютерлік лингвистика саласындағы қолданбалы зерттеулердің нәтижесі көбіне тиісті лингвистикалық ресурстардың, ең алдымен лексикографиялық еңбектердің болуына байланысты. Мысалы, соңғы кездері орыс тілінің омонимдік сөздіктері кеңінен шыға бастады. Атап айтсақ, Н.П.Колесниковтың сөздігінде лексикалық омонимдермен қатар омоформалар, омофондар, омографтар қоса берілген. О.С.Ахманованың, О.М.Кимнің арнайы омонимдік сөздіктерінде функционалды омонимдер сипатталса, Н.Г.Аношкинаның интернет-ресурсында барлық грамматикалық омонимдерді жинақтауға ұмтылыс жасалған, ал Т.Ю.Кобзарованың еңбегінде функционалды омонимдердің 58 типі жіктеліп көрсетілген және т.б.

Қазақ тіл білімінде бұл салада мектеп оқытушыларына арналған М.Белбаеваның «Қазақ тілінің омонимдер сөздігінен» басқа еңбек жоқ деуге болады [1]. Сөздік, құрастырушының айтуынша, мектеп оқушылары мен қазақ тілі пәнінің мұғалімдеріне көмекші құрал ретінде ұсынылады. Әйтсе де, бұл еңбек зерттеушілер үшін қазірше бірден-бір омонимдік сөздік ретінде болып отырғанын айта кеткеніміз жөн.

Омонимдерді аннотацияланған мәтіндер калай таниды деген мәселеге келсек, қазақ тілінің әртүрлі жанрларынан алынған мәтіндер бойынша жасалып жатқан морфологиялық белгіленімдерді қоюда омонимдерді ажырату белгі-код қоюдың автоматты және жартылай автоматты түрлерінде әртүрлі жүргізіледі. Себебі, жартылай автоматты түрде жасалған белгіленімдер адамның тікелей қол қызметі арқылы жүзеге асады. Мұндайда адам берілген мәтінді синтагмалық қатынаста тұрған, яғни жекелеген сөйлемдерді оқып, көріп отырады. Әрбір сөздің контекстегі мағыналарын ажыратып, тиісті талдаулар жасайды. Ал автоматты белгіленімде мәтіндерді құрайтын сөзформаларға қойылатын белгіленім бұрыннан комьютер жадына салынған ақпараттар бойынша өзінде бар сөзформаның сыртқы тұрпатына сай келетінідігіне қарай белгікодтар қойып шығады. Мұндайда белгіленім қою жұмысы автоматты түрде жүреді. Берілген сөздің қай мағынадағы сөз екендігі ескерілмейді. Сондықтан қателесулер туғызады. Осыны ескеріп, корпус жасау мәселесінде тәжірибелі елдердің өзі омонимдерді ажырату жұмысында «қолдап» жасау әдісін оңтайлы деп тапқан. Демек, контекст омонимдерді ажыратудың негізгі шешуші факторы болып табылады. К.Аханов «Омонимдер де, көп мағыналы сөздер де контексте қолданылады да, олардың мағынасы контексте айқындалады. Осымен байланысты олардың тілде өмір сүруі ойдың түсінікті болуына кедергі жасамайды. Омонимдердің немесе көп мағыналы сөздердің қолданылуынан болуы мүмкін екіұштылық контексте жойылып кетеді» [2, с. 125], – деп полисемия мен омонимияны ажыратуда мәнмәтінге сүйену қажеттігін айтады.

«Қара» деген сөздің әртүрлі қатынаста келуін, қай мағынада қолданылғанын, қандай-қандай мағыналық реңкі бар екенін мәнмәтінде (контексте) айқындап ажыратуға болатындығын мынадай ретпен береді:

«*Қара* – сын есім, қарсы мағынасы – ақ. Мысалы: *Әмір қара жал, қара құйрық, құрым сары ат мінген* (М.Әуезов).

Қара – келтірінді мағынасында *адал емес, ақ емес, кінәлі, теріс* дегенді білдіреді. ***Қара*** *деп жазаланған күнде мұның жазасы не болмақ?* (М.Ә.); *Немене, Аққа болыспай,* ***қараға*** *болысып тұрмын ба?* (Ғ.Мүсірепов).

Қара сөзі кейбір сөздермен тіркесіп, қолданылу ыңғайына қарай басқаша мағыналық реңк алып, «ешнәрсесіз», «жаңғыз өзі», «бос», «құр» дегенді білдіреді. Бұл мағына, «қара» деген сөздің тұрақты негізгі лексикалық мағынасы емес. Мысалы: *Қайғысыз* ***қара*** *суға семіреді* (Мақал); *Қазір аттан.* ***Қара*** *су ауыз тиместен аттан!* (М.Әуезов). *Көңілсіз* ***қара*** *суық қырда жүрсең* (Абай). ***Қара*** *суық желі де, бұлыңғыр жауыны да ерте иектеп, мезгілсіз бүрсеңдетіп тұр* (М.Әуезов).

«Қара су» дегендегі «қара» сөзді «басқа қосымша жоқ, жалғыз өзі, құр» дегенді білдірсе, «қара суық» деген де осы сияқты «қарсыз, құр өзі» дегенді білдіреді. Осы мағналық реңк «қара басы» деген тіркесте де сақталған. *Өз* ***қара*** *басының сондай беделді екеніне бойы үйренген Ушаков қарсылық көрмей, беті қайтпай келіп еді* (Ғ.Мүсірепов).

Қара «алыстан, көз ұшынан қарайып көрінген нәрсе, бірдеменің қарайып көрінген бойы» дегенді де білдіреді. *Содан мен шақпақтың жотасынан, биікте тұрып,* ***қараларыңды*** *көргенмін* (М.Әуезов).

Бұл мысалдардан «қара» деген сөздің әртүрлі мағналарда, әртүрлі мағналық реңкте қолданылатынын көрдік. Оның қай мағынада екені жоғарыдағы сөйлемдерден, сол сөйлемдегі сөздердің тіркесінен аңғарылады. Басқаша айтқанда, оның әртүрлі мағналары контексте айқындалады.

«Қара» сөзінің жоғарыда аталған мағыналарының бір-бірімен қатысы бір сөздің әртүрлі мағналарының өзара қатысы ретінде қаралады. Ал «мал» дегенді білдіретін «қара» сөзі мен

«назар аудару, көру» дегенді білдіретін «қара» сөзінің жоғарыда аталған мағыналарға қатысы сөздердің бір-бірімен омонимдік қатысы ретінде қаралуға тиісті.

1) *Бұл құсты осы өткен жазда Абай Сыбандағы Тулақ деген бүркітшіден он шақты* ***қара*** *беріп, сатып алған* (М.Әуезов).

2) *Бәрекелде, мына қызықты* ***қара****!*

Алдыңғы мысалда «мал» деген мағынаны білдіретін «қара» сөзі сын есімнің заттануынан барып өзгеріп, заттық мағына алған деуге болады. Ал соңғы мысалдардағы етістік «қара» дегеннің бұған қатысы жоқ, тіптен басқа сөз. Бұлар өзара омонимдес сөздер ретінде қаралады. Олардың қай мағынада екені де контексте айқындалады. Сондықтан омонимдерді қолдап ажыратпаса, ізделген сөздің барлық омонимдерінің лингвистикалық сипаттамалары беріледі.

Мәселен, қазақ тілінің ұлттық корпусы бойынша *қара* сөзінің лингвистикалық сипаттамасын келтірейік:

Әлдеқандай долы дүлей қара жерді тас талқанын шығарып, күл қып уатып, сосын бір алапат табаққа салып ап, елеп, кебегін желпіп ұшырып жатқандай, жер мен кек түгел шаңға айналып кеткенді

(Ә.Кекілбаев).

қара

Сипаттау

Лемма	Қара
Морф. белгіленім	Зт
Лексик. семантика	"1. Дәл не екені айқын емес, қарайып көрінген нәрсе; қарайған. 2. Аумақ, көлем, сан, мөлшер, шама. 3. Жобасы, нобайы, пошымы, түрі. 4. а у ы с. Ес, серік, тірек, сүйеу. 5. Ірі мал: жылқы, түйе, сиыр. 6. Қарашық, көздің бұршағы. " Өсімдік, жануар, жәндік, т.б. атаулардың құрамында кездесіп, олардың ағазсы не құрылымындағы бір бөлігінің қара түсті болып келетін түрлерін атайтын күрделі сөздердің құрамдас бөлігі.
Морфо-семант белгіленім	
Мәдени семантика	

Сипаттау

Лемма	Қара
Морф. белгіленім	Сн
Лексик. семантика	1. Күйенің, көмірдің түсіндей (түс, бояу). 2. а у ы с. Арам, қараниет, зұлым. 3. а у ы с. Теріс, қисық. // э т н. Өлікті аза тұтудың белгісі ретінде киетін киім. // Масқара болу, абыройсыздық. // Қарапайым, халық арасынан шыққан адам, қараша, халық, бұқара.
Морфо-семант белгіленім	дара, түбір, сапалық
Мәдени семантика	

Сипаттау

Лемма	Қара
Морф. белгіленім	Ет
Лексик. семантика	1. Көз жіберу, назар аудару. 2. Бағу, жаю (мал, құс). 3. Іздеу,

	іздестіру. 4. Көру, тексеру. 5. Тексеру, бақылау, ауруын байқап білу. 6. Тыңдау, құлақ асу. 7. Бағалау, елеу, секеру, мән беру. 8. Бағыну, мойындау. 9. Аңғару, байқау, аңдап бағу. 10. Күту, тосу, бөгелу. 11. Бағып-қағу, күту, мәпелеу, баптау. 12. Бағыну, қарауына, қол астына өту, тәуелді болу. 13. Есептеу, санау, ойлау. 14. Ауу, беттеу, ойысу, қадам басу. 15. Арнайы сөз ету, талқылау. 16. Қарастыру, зерттеу. 17. Дәл бағытталу, тура келу. 18. Оқу, оқып шығу.
Морфо-семант белгіленім	дара, түбір, негізгі, сабақты
Мәдени семантика	

Міне, жоғарыда «қара» сөзінің омонимдік қатарына семантикалық сипаттама берілді. *Қара* сөзі омоним болғандықтан, жоғарыда үш түрлі сөз табына қатысты лингвистикалық сипаттамалары бірдей көрініс тауып отыр.

Автоматты жолмен морфологиялық талдау жасайтын бағдарламаларға омонимдерді ажырату үшін де арнайы омонимдерді танудың формальді белгілері бойынша алгоритмедер құрастырылған, олар тілдегі сөздердің синтагматикалық байланысына негізделген. Яғни омонимдердің қай сөз табына қатыстылығын анықтауда ол сөздің қоршаулары (дистрибуциясы) бойынша ережелер жасалған. Ол ережелер алгоритмге салынған. Мұны омонимдерді ажыратудың ережеге салынған (детерминирленген) формасы дейді.

Морфологиялық белгіленім қоюда сөздердің сөз табына қатысы негізге алынатындықтан, омонимдерді ажыратуда да ол омоним сөздің сөз табына қатысын анықтау, яғни омоним сөздің сөз табына қатысын белгілеу мақсат етіледі. Бұл ретте сөйлемдегі омоним сөздің мына белгілері негізге алынады:

а) сөздің сөйлемдегі орын тәртібі, яғни орны;

ә) сөздің қоршаудағы тіркесімділігі (дистрибуциясы);

б) сөзге жалғанатын сөзтүрлендіруші тұлға (қосымша);

в) сөздің соңында немесе алдында тұрған тыныс белгісі.

Осы белгілердің әрқайсысы бойынша талдау жасап көрейік.

Қазақ тілінде бастауыш көбінесе сөйлем басында және ортасында келеді. Ал баяндауыш өлеңдерде болмаса, негізінен сөйлем соңынан келеді. Сол сияқты сын есім көбінесе зат есімнің алдында тұрады. Ал мезгіл үстеулер көбінесе сөйлем басында тұрады. Басқа да сөз таптарының сөйлемде иеленетін белгілі бір орын тәртібі бар.

Осы принцип бойынша, «қара» сөзі сөйлем аяғында тұрса, онда ол - етістік. Мысалы, *Сен балаға қара.* Омонимді анықтау моделі зт + БС (барыс септігі) + *қара* → қара/ет.

Сөйлемнің басында немесе ортасында келсе, сонымен қатар зат есімнің алдында тұрса, сын есім болады. Мысалы, ***Қара мәшине*** *тоқтады. Аяжан* ***қара көйлегін*** *киіп, қонаққа кетті*. Омонимді анықтау моделі *қара* + зт → қара/сн.

Ал етістіктің алдында келсе зат есім болады. Мысалы, *Алыстан бір* ***қара көрінді.*** Омонимді анықтау моделі *қара* + *ет*. → қара/зт.

Екінші белгі бойынша, сөздер жарыққа шығып, айтылымға айналғанда (сөйлем құралғанда) семантикалық валенттілік бойынша тіркеседі. Мысалы, *ыстық қар, сабырлы жүзім* деген сияқты қолданыстар жоқ.

Үшінші белгісі бойынша, түрленуге бейім сөз таптары негізінен етістік пен зат есімдер. Етістік зат есімнің түрлену жүйесімен түрленбейді, яғни етістікке зат есім қосымшалары жалғанбайды. Тек қана тұйық етістік формасында тұрғанда ғана зат есім парадигмасымен түрленеді. Сондықтан, омонимдерді түрленген формада ажырату қиындық келтірмейді. Мысалы, *қара* етістігінің ашық райда жіктелген формасын етістік екендігін жалғанған қосымшаларына қарап анықтауға болады. Мысалы, *қараймын, қарайсың, қарайсыз, қарайды*. Ал бұйрық райдағы жіктелген формасы 1 және 3 жақта белгілі де (*қарайын, қарасын*), екінші

жақта түбір сөзбен (*Сен балаға қара*) сәйкес келеді. Бірақ бұл жағдайда да формальді белгісін табуға болады. Ол *қара* сөзінің өзінің алдында тұрған есім сөзбен барыс септік тұлғасында (есім + -ға/ге/қа/ке (БС) + қара) тіркесуі және сөйлем соңында тұруы.

Қара сөзі етістік болғанда алдыңғы сөзбен барыс септік формасында ғана емес, табыс септікте де тіркесуі мүмкін. Мысалы, *даланы қара, суретті қара* т.б. (есім + -ны/ні/ды/ді/ты/ті (ТС) + қара). *Қара* сөзі етістік болғанда шығыс септігінде тұрған сөзбен де тіркесе алады. Мысалы, *Терезеден қарады*. (есім + -дан/ден/тан/тен/нан/нен (ШС) + қара).

Сол сияқты зат есім парадигмасымен түрленген *қара* сөзін бірде (субстантивтенген) сын есім (*Көйлектің қызылын сатып алды*), бірде зат есім (*Бір қараны жетектеп келеді*) ретінде танимыз.

Ал *қара* сөзі шырай формаларын қабылдағанда (*қарарақ, қаралау*) ол міндетті түрде сын есім болатыны белгілі.

Төртінші белгісі бойынша, яғни соңынан нүкте не леп белгісінің қойылуы. Демек, сөйлем соңында келген *қара* сөзінен кейін нүкте не леп белгісі қойылса, онда ол – етістік және бұйрық рай формасында тұр деп белгілеу керек.

Жоғарыда талданған *қара* сөзі омонимдес әртүрлі сөз табына қатысты. Омонимдер кейде бір сөз табында да болады. Бірақ бір сөз табына жататын омонимдерді ажырату морфологиялық талдау (белгіленімдер) үшін өте қиын. Өйткені бір сөз табына жататын омоним сөздердің түрленуі де, тіркесімділігі де, сөйлемдегі орын тәртібі де негізінен бірдей болып келеді. Мысалы, *Қас* деген бір сөз табына жататын омонимдес төрт сөз бар:

1. *қас* — адамның қабағындағы қас;
2. *қас* — дұшпан, жау;
3. *қас* — бірдеменің жаны, маңы (үйдің қасы);
4. *қас* — ердің қасы

Бір сөз табына жататын немесе әр сөз табына жататын омонимдердің мағынасын түсіндіру лексикалық белгіленімге жатады. Бір сөз табына жататын омонимдерді ажыратудың формальді белгісі жоқ деуге болады. Бірақ белгілі бір тіркесімділік ретіне қарай анықтауға болады дейді кейбір зерттеушілер. Мұндайда бір сөз табына жататын омонимдердің тіркесім қоршауын тұрақты модельге сап, тіркесім сөздігін жасау қажет деп көрсетеді.

Омонимдердің лексикалық бірлік пен түрленген формадағы сөзбен омографтық жұп құрайтын кездері де бер. Мысалы, *бал* сөзіне барыс септік жалғауын жалғағанда *балға* болады. Тілімізде *балға* деген де түбір сөз бар. Морфологиялық талдауыш (анализатор) мұндайда қайсысын түбір сөз (балға), қайсысын барыс тұлғалы *бал* сөзі деп анықтайды. Мұндайда *балға* түбір сөзі өзінен кейін басқа да септік формаларын қабылдайды. Мысалы, *балғаның, балғаны, балғада, балғадан, балғамен*. Ал *бал* сөзі септелгенде барыс септігінде ғана *балға* сөзімен омонимдес болады. *Балға* сөзі табыс септігінде тәуелденіп қолданылғанда да (балғамды, балғасын) барыс септік формалы *бал* сөзімен омограф болады. Алайда бұл жағдайда талдауыш оның түбірі *балға* екенін тани алуы қажет. Себебі тәуелдік жалғауы септік жалғауынан кейін жалғанбайды. Сондай-ақ сөз соңында қайталанып септік жалғауы үстелмейді.

Сол сияқты *алды* көмекші сөзі бар да (үйдің алды), жедел өткен шақ формасында тұрған *ал* етістігі бар (Ол кітапты алды). Мұндай жағдайда морфологиялық талдауыш бұл екі омографтың екеуіне де екі түрлі белгіленім қойып көрсетеді. Мысалы:

алды/зт.

алды/ ал/ет+ды/ЖӨШ

Бұл жағдайда да сөйлемдегі омограф сөздің қай сөз табы екенін немесе морфологиялық түрленімі шығарылған екі түрлі нұсқадан адам өзі таңдайды, яғни адамның араласуымен ғана анықталады. Сондықтан осындай мәселелерде де сөздер тіркесімділігі, тыныс белгісі сияқты т.б. формальді белгілеріне қарай олардың аражігін табу қажет. Мысалы, *ал* етістігі шақ тұлғасымен түрленгенде, сөйлемнің соңында тұрады. Яғни соңынан нүкте қойылады. Сонымен қатар ол - сабақты етістік. Алдыңғы сөздің табыс септігінде тұрғанын талап етеді.

Сол сияқты *алды* сөзі көмекші есім болғанда үнемі алдыңғы сөзбен матаса байланысады (үйдің алды) және көбінесе сөйлемді аяқтамайды, яғни соңынан нүкте келмейді. Демек, бағдарламаға *алды* сөзі ілік септігімен тіркесуінде (есім+ІС+алды) көмекші есім, яғни зат есім болатындығы туралы нұсқаулық салынады.

Міне, омонимдер мен омографтарды ажыратуда компьютерлік бағдарламаға осындай формальді белгілері бойынша нұсқаулықтар жасау қажет. Нұсқаулықтар көп болған сайын да морфологиялық талдауыштар (анализаторлар) жұмысы жақсара түседі, автоматты талдаудың шынайылығы арта береді.

Мәтіндерден алынған сөзформаларды аннотациялауда омонимдерді ажыратуды автоматты жүзеге асыру әлі шешімін таппаған мәселе. Алайда, қазақ тіл білімінің қолданбалы бағыты бойынша жасалып жатқан мәтіндер корпусын аннотациялау ұлттық корпус деңгейіне жеткенде, яғни қазақ тілінің барлық стильдері бойынша алынған үлкен массивтерден тұратын корпустар жасалғанда бұл мәселе бір шешімін таппақ деген ойдамыз.

Қазіргі кезде А.Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институты Қолданбалы лингвистика бөлімінің ғылыми жобалары бойынша орындалып жатқан Қазақ тілінің ұлттық корпусын құрастыру тәжірибесінде автоматты морфологиялық талдауыштар іске қосылған. Белгіленім қоюда жоғарыда қарастырылған омонимдерді ажырату мәселесі бойынша зерттеу жүргізіліп жатыр.

Әдебиет

1. Белбаева М. Қазақ тілінің омонимдер сөздігі. – Алматы: Мектеп, 1988. – 192 б.
2. Аханов К. Грамматика теориясының негіздері. – Алматы, 1972. – 90 б.

Жубанова А.Е., Кенесов Е.К., г. Актобе, Республика Казахстан

ЯЗЫК УСТНО-ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ

Историческое изучение языков и, в частности, языка устно-поэтической речи, дает возможность глубже понять мировоззрение той эпохи или того времени, когда возникало то или иное слово или речевое выражение. Более того, в силу своей природы являя собой накопление всей предыдущей истории человечества, именно живой язык, устно-поэтическая речь выступают как источники исторических сведений. Такого принципа к изучению языка придерживался в свое время Николай Яковлевич Марр, предложивший палеонтологию речи как метод исторического изучения языка, а в казахском языкознании последователем этого метода стал Кудайберген Куанович Жубанов [1, с.153-157].

Принцип историзма можно также применить к изучению языка устно-поэтической речи, как диалектного образования. Актуальность проблемы соотношения устно-поэтической речи с диалектом отмечают многие исследователи-фольклористы. Одним из первых, кто обратил внимание на наличие определенной зависимости между фольклорными жанрами и языком, на котором исполняются произведения устной народной словесности, был А.Н.Веселовский.

Так, например, в своем труде «Историческая поэтика» А.Веселовский рассматривает в поэтике фольклорных сюжетов мотивы и сюжеты как отражения «доисторического быта» прослеживая в них следы анимизма и тотемизма, матриархата и экзогамных запретов. А.Н.Веселовский прибегает к широчайшему сопоставлению и сравнению аналогичных литературных явлений у разных народов и в разные хронологические периоды, явлений, хотя и не связанных между собой непосредственной генетической зависимостью, но относящихся к одинаковым стадиям общественного развития — как поэзия гомеровской Греции, древних германцев и североамериканских индейцев, Илиада и Калевала, похоронный обряд англосаксонской поэмы о Беовульфе и современное абиссинское причитание о Балае и т. п. Так, греческая подражательная игра Γεραvος («журавль») находит себе соответствие в таких же играх и плясках североамериканских индейцев. «Как у греков была игра под названием «рост ячменя», так у северо-американских индейцев green corn-dance», - пишет автор [2].

(*Green corn dance, т.е. Пляска зеленой кукурузы - обряд благодарения Матери-земли за плодородие, а также церемония, сопровождающая исцеление соплеменника, у ряда индейских племен*).

Аналогично этому Кудайберген Жубанов, изучая происхождение казахского музыкального жанра «кюй», объясняет схожесть казахского слова «домбра» с русским «домра», бенгальским «тамыр», арабским «тамбур», греческим «тамири» не заимствованиями слова, а их восхождением к общему истоку - покровителю музыки, незрячему человеку по имени Тамерис, герою одной из древнегреческих легенд [1, с.431]. Как и в вышеприведенном А.Веселовским примере, историзм здесь кроется в общественных стадиях развития. А устно-поэтические и языковые явления этих периодов можно охарактеризовать как наддиалектные образования.

И.А. Оссовецкий замечает, что фольклорные произведения, функционирующие в разных местностях, обладают «похожестью» не только жанрово-тематического и образно-поэтического характера, но и на языковом уровне. «… Создаются произведения, язык которых нельзя ограничить узкими рамками одного диалекта. Таков, например, язык многих лирических песен, территория бытования которых совпадает не с территорией распространения того или иного диалекта, а с территорией распространения всего русского языка» [3, с.173].

В страты наддиалектных образований в одинаковой степени входили и письменно-литературное койне, и устно-литературные традиции поэтической речи. По словам Э.Р.Тенишева отличительным признаком страт как высоких сфер речения, подтверждающим статус литературного языка, является наддиалектность, т.е. такая сумма языковых черт, которая не встречается ни в одном из диалектов [4, с.266]. Наддиалектные формы языка устно-поэтической речи исследовали и другие авторы: А.В.Десницкая, М.М.Гухман, М.Н. Славятинская, исследователи из теперь уже бывших советских республик, и др.

Под историей не следует разуметь историю летописную, - пишет А.Веселовский, так как история в эпосе не покрывается историей летописной; хотя бы уже потому, что у народа есть свои любимцы [2].

В казахской фольклористике особое место отводят различным категориям устно-поэтической речи, развивавшейся в донациональную эпоху. Тюрколог Есет Кудайбергенович Жубанов, в свое время исследовавший стилистические и формально-языковые особенности языка казахского варианта эпоса «Козы Корпеш – Баян Сулу», обосновывал необходимость изучения диалектной основы того или иного произведения эпоса, подвергнув анализу одновременно несколько вариантов или версий известного сюжета, зафиксированных в разных географических районах и представляющих в языковом отношении заметные диалектные отклонения. Как пишет ученый, данные о следах диалектных колебаний между вариантами одного сказания были добыты путем сравнительного исследования ряда образцов казахского лиро-эпоса о «Козы Корпеше и Баян Сулу». При этом цель выявить так называемый диалект в качестве доминанты не преследовалась, ибо исследователь исходил из понятия «эпического времени» [5, с.64]. Таким образом, сама эпическая поэтика как выразитель эпического времени является маркером историчности.

Е.Х.Жубанов отмечает, что особого внимания заслуживает тот факт, что изначально устные поэтические формы казахского языка, будучи «стилизованными вариантами коммуникативной речи, также выполняли роль донационального литературного языка» [6, с.15-20]. Ученый оценивает донациональный литературный язык, возникший на базе общих устно-поэтических традиций у народов нынешних Сибири, Казахстана, Поволжья, Приазовья, Крыма и Кавказа, как гораздо более древний, чем чагатайский арабографический язык, роль которого состояла в приобщении грамотного населения Центральной Азии и Казахстана к единой письменной культуре.

Единое начало устно-поэтических образцов тюркского фольклора основано, по Е.Жубанову, на генетическом родстве этих языков и единой речевой культуре, существовавшей у определенных тюркских кочевых племен в раннем быту. Единая речевая

культура на том историческом отрезке времени сыграла для них роль супердиалекта, т.е. наддиалектной формы языка. Таким образом, придерживаясь единой нормы художественно-речевой коммуникации, тюрки-кочевники успешно преодолевали т.н. «языковой барьер» в своих межплеменных контактах [6, с.20].

С точки зрения лингвистической палеонтологии подвергать анализу конкретный языковой материал, состоящий из отдельных слов и их организаций в синтаксические группы, невозможно без их исторического анализа. «Палеонтологией называется лишь такое прослеживание на речевом материале путей развития языка особыми приемами, …исходящими из специфики, природы самого языка, приемами, учитывающими исторические условия развития языка», - отмечал Кудайберген Жубанов [1, с.156].

Историческая же поэтика после А. Веселовского значительно расширила свой исходный тезаурус. Она освоила и категории аристотелевой поэтики *(миф, мимесис, катарсис),* и традиционные категории поэтического языка (прежде всего, *символ* и *метафору).* Введение в историческую поэтику других категорий было вызвано очевидной авторской инициативой: *полифонический роман, мениппея, идея, диалог, гротеск, смеховая культура, карнавализация, хронотоп* (М.М. Бахтин), *тип героя* (В.Я. Пропп), *система жанров, литературный этикет, художественный мир* (Д.С. Лихачев), *фантастическое* (Ю.В.Манн), *предметный мир* (А.П. Чудаков), *фантастический мир* (Е.М. Неёлов)…. И сегодня в принципе любые и традиционные, и новые, и научные, и художественные категории могут стать категориями исторической поэтики. В конечном счете, дело не в категориях, а в принципе анализа — историзме (историческом объяснении поэтических явлений) [7].

Подходя с таким посылом к изучению казахской фразеологии вообще, выделим из нее те идиомы, которые содержат в себе казахские названия растительного мира.

Сложившееся стереотипное представление о культуре казахов-кочевников только как о скотоводах, имеющих слабое представление о растительном мире, весьма совершенно необъективно. «…У кочевника очень широкие географические представления. На границах ареала кочевий он встречается и знакомится с иными культурами и народами, тогда как хлебопашец знает обо всем этом лишь понаслышке. Но зато возле своей деревни он «в лицо знаком» с каждым деревом, может рассказать его биографию, тогда как кочевник имеет о данном виде дерева определённого возраста лишь усреднённое представление», - пишет Г.П. Мельников [10].

Художественно-эстетические идеалы казахов, связанные с фитонимами, реализуются в языке, в основе своей, через метафоризацию. Ошибочным, на наш взгляд, является вывод исследователя Б.Х.Хасанова. По его мнению метафоризация названий растительного мира в казахском языке не столь распространена, как метафоризация названий животного мира. Пожалуй, чаще всего эти слова метафоризуются при внесении в них терминологического значения: гүл (цветок), жеміс (плод), название цветов, фруктов, ягод, деревьев и трав. Название овощей, как, например, брюква, морковь, свекла, горох и др., как замечает проф. А.И.Ефимов, обычно не вовлекаются в метафоризацию [11, с.5].

Однако исследователь казахской народной лирики Ф.Б.Кендыбаев приводит много казахских метафор из флористического состава окружающей казахов природы. Ученый пишет: «Много в песнях метафор, которые обычно берутся из мира природы для характеристики всего облика девушки (чинар, тополь, береза, тал, лебедь, лиса, соловей). Причем эти метафоры имеют свои сложные эпитеты, показывающие исключительность. Например: «Шыңында өскен асқардың сен бір шынар» - «Ты - чинар, растущий на вершине горы», «Жапан дүзге сен біткен бір бәйтерек» «Ты – тополь - одиноко растущий в степи» (поэтому видный отовсюду, вспомним пушкинское сравнение: «как тополь киевских высот»), «Ойпаң жерге сен біткен жасыл қайың» - «Ты - зеленая береза, растущая на низине» (где много влаги, поэтому пышная) [12, с. 17-19].

Исходя из этого, мы не можем полностью согласиться с мнением Б.Х.Хасанова, поскольку все вышеприведенные примеры, так или иначе, являлись своего рода метафорами архаичных представлений казахов о растительном мире.

Г.Белгер также вполне справедливо замечает, что в казахском языке, несмотря на сложившееся мнение, богатая лексика, связанная с названиями флоры и фауны: «Почему-то бытует мнение, будто казахский язык не особенно богат и разборчив в наименовании деревьев, трав, цветов, ягод, то есть флоры, а также животного мира, то есть фауны. Действительно, в художественной казахской прозе (сужу по опыту давнего переводчика) то и дело встречаешь общее наименование — деревья, травы и реже конкретное название конкретного вида деревьев, трав и птиц. Мелькают агаш, терек, кайын, жиде, тал. Терек и терек. Иногда кок терек, кара терек, кара тал, сумбі тал, ак кайын, арша, емен. Зайдет разговор о птичках, так сплошь и рядом торгай: караторгай, бозторгай и т.д. … В том, что иные казахские писатели по части флоры и фауны слабо вооружены, казахский язык не виноват. По этой части казахский язык никак не беднее других. В этом я убедился не однажды за свою многолетнюю переводческую практику» [9].

И, перечислив приличный список казахских названий трав, наиболее часто встречающихся в художественной литературе, автор признает, что этот список можно было бы еще продолжить, а сами названия даны в таких заслуживающих доверие источниках, как в "Русско-киргизском словаре" проф. М.Машанова (1889) и в "Кратком русско-киргизском дорожнике со словарем"[там же] Жумагула Кошербаева (1906, Омск) под редакцией А. С. Алекторова .

Богатство знаний казахов о растительном мире и строгая дифференциация в названиях растений не только по видам, но и по качествам и предназначению как материала для повседневных нужд, отражалось и в богатстве языка. Так, к примеру, под словом «терек» в казахском языке понималось живое растущее дерево, а под словом «ағаш» - уже дерево срубленное, как лесоматериал. Под словом «орман» понимали живой лес, лесной массив, а под «**қадалық»** - лес, предназначеный для колов и шестов;- **қадалық ағаш** - лес для колов (*годный, предназначенный для колов и шестов*). См. также татарское ***ağaç xäzerlärgä*** (заготовить лес) и ***urman awızı (***опушка леса) [13].

Жизнь сообщества кочевников всецело зависела от природы (экосистемы), ее изменений и законов. Образ жизни, культура и мировоззрения казахов являлись частью космической экосистемы. «Все хозяйство и социальная родоплеменная структура кочевников определялись и регулировались, в конечном счете, экосистемой и традиционными естественно-историческими факторами родства».

Казахская культура богата духовным содержанием, сформированным уникальным способом существования и историческим опытом. Хранителями исторических знаний народа можно назвать народные изречения, возникшие, вероятно, еще в донациональную эпоху, и позже несколько изменившиеся уже как национальные варианты, но, тем не менее, сохранившие первоначальный божественный смысл. Таковыми являются сравнения тополя, чинара или другого вида дерева с опорой, подмогой не только в казахском, но и других тюркских языках, что также можно отнести к наддиалектным образованиям.

У древних тюрков понятие «тор» означало государство, порядок, закон, власть, а также Мировое Дерево и Млечный путь. «Тор» в некоторых диалектах звучало как «тос» - «грудина, грудь» [15, с. 209]. Ряд казахских изречений связаны с древней памятью о Мировом дереве: - *жапанда біткен жалғыз* ***терек*** - одинокий тополь в пустыне, *тауға біткен* ***шынардай*** (фольк.) *в* переводе «как чинара, растущая в горах (*о чем-то недоступном, прекрасном*); или *жапанға жалғыз біткен* ***шынар****едің* (*фольк.*) в переводе «ты была единственной чинарой в пустыне». Для сравнения приведем пример из татарского языка, где производное от «терек» слово содержит семантику «живого»: tereklek köçe — жизненные силы, tereklek sui — живая вода [13].

А казахское ***Теректің*** *кезі биік, өзегі бос* - «тополь бывает высок, да нутро некрепко» (эквивал.рус. *велика Федула, да дура*) [там же] говорит о возможной обманчивости внешнего вида, возможно и красивого, дарованного при рождении, а значит, - свыше, однако не оправдывающего ожиданий.

В народных представлениях деревья нередко воспринимаются как живые существа: они чувствуют, дышат, говорят друг с другом и даже с людьми, обладающими особыми способностями. По этой же причине с деревьями связаны многочисленные табу: их нельзя

бить, рубить, осквернять. Так называемые "строительные жертвы", связанные с тотемизмом, рассматривались как компенсация за рубку деревьев, из которых строился дом, мост и т.п. [12, с.24-25].

Так, дерево qayın (береза) в древности считалось у тюркских народов священным и тотемизировалось. А.Шукюров отмечает: «Qalaqayın - это гора онгона *qayın* (береза), место, которое береза оберегает, населенный пункт» [в Шукюров А.И; с.232]. Но следует оговориться, что тотем qayın не сразу перешел в топоним, сначала он функционировал как антропоним, этноним, а затем сформировался в составе топонима [16, с.37-42].

У сибирских тюрков сохранилось представление о березе-кормилице. В ряде эпосов оставленного в лесу младенца своим соком-молоком питает береза. У казахов этот сюжет забыт, но его отголосок сохранился в названии кюя композитора XVIII века Байжигита «Қайын сауған» («доение березы»). Надо полагать, данное название как-то связано с годами великих бедствий, которые переживал казахский народ [15, с.209].

М.Тынышпаев пишет в своей статье «Ак-табан – шубурунды (Великие бедствия и великие победы казахов): «Народные предания дают еще другие указания о размерах бедствия: после выражения «Ак-табан-шубрынды», «Алка-коль сулама» добавляют – «каин сауган», что дословно значит – «доили березу», т.е. обнажали березу и употребляли в пищу сок березовой целлюлозы [17].

В этой связи интересен пример, приведенный Ф.Б.Кендыбаевым: В своей книге «Истории турецко-монгольских народов» академик В.В.Бартольд приводит отрывок одной старой песни: «В сорока славных котловинах есть ли котловина, где бы не лежали кости киргизов? В сорока березах, растущих на хребте, есть ли береза, которой бы не касался топор киргиза» [12, с.24-25].

Песня эта - отголосок какого-то нашествия иноземцев. Можно подумать, что строки о березах – параллелизм, и они должны стоять впереди. Но это не параллелизм, а лаконично выписанная картина страшного бедствия. Берез касались топором, чтобы питаться березовым соком. Точно такая картина имеется и в поэме И.Джансугурова «Степь» [там же].

В приведенной В.В.Бартольдом казахской народной песне содержится хранящееся в глубинах родовой памяти человечества представление о божественной сути березы. Вынужденная необходимость нанести удар топором по стволу тотемного дерева как нарушение архаичных норм уважительного сосуществования всех видов растительного и животного мира, к которому относится и человек – вот в чем огромный трагизм отчаянного положения людей, о котором говорит исследователь Ф.Кендыбаев.

Подобные знания об историческом прошлом народе хранят многие народные изречения, как образцы устно-поэтической речи. К ним можно отнести и благопожелания, а также проклятия, известные в языке. Так, среди известных в народе проклятий, есть такие, которые содержат в себе лексему «жуа» (Allium. дикий лук) «жолыңа жуа біткір!», т.е. «пусть на твоем пути вырастет дикий лук (а не трава)!» или «жуадай солғыр!», т.е. «чтоб ты завял (как дикий лук)!» [13].

Исследуя символику пищи в скотоводческой обрядовой культуре, исследователь Н.Шаханова пишет: «С заботой о сохранении плодовитости скота связан и ряд запретов: нельзя бросать в огонь шелуху дикого чеснока (сарымсақ), считалось, что это может отрицательно сказаться на плодовитости стад. Интересно, что и с диким луком (жуа) у казахов связаны негативные представления. Он входит в формулы проклятий: жолыңа жуа шықсын – дословно «пусть на твоей дороге вырастет дикий лук» означало «чтобы тебе не было дороги, чтобы дело не удалось!» [18].

Действительно, дикий лук вызывает негативные представления у казахов, связанные, возможно, с горьким вкусом растения. Однако не это здесь главное. Потребление в пищу дикого лука – жуа - у казахов связано с народной памятью о тяжелых временах в истории казахов, вызванных сильными джутами.

Авторы статьи «Джут в казахской степи» описывают данное явление, его степень и последствия, которые выпадали на долю кочевого казахского народа, экономическую основу которого составляло скотоводство: «Прямой перевод казахского слово «жұт» – пожиратель (на русском языке – «джут») и означает массовый падёж скота от бескормицы [http://slovarionline.ru/selskohozyaystvennyiy_slovar_spravochnik/page/djut.806/]. Степь и джут объединяются в одно слово «година» - голодная, горькая, грозная, злая, истерическая, лихая, мрачная, недобрая, невеселая, незабываемая, нелегкая, несчастная, памятная, смутная, страшная, суровая, темная, черная, траурная, трудная, тяжелая, тяжкая [в /http://www.slovopedia.com/24/195/1648083.html]. Среди вариантов использования в казахском языке слова «жұт» можно назвать следующие: *жұт жылы қыста жаңбыр*

жауып, мұз болады (джуты вызываются гололедицей из-за дождей зимой); *ақ сүйек жұт* (сильнейший джут, т.е. когда погибает весь скот); *қоянның жұты* (джут, произошедший в год зайца); *жұтқа жаға жыртқызбау* (не допускать падежа скота во время джута); *жұтқа ұшырау* (подвергаться джуту).

В казахском языке существует много пословиц, связанных с этими трагическими обстоятельствами в истории народа: *Бай – до первого джута, батыр – до первой пули*; *у джута семь родственников* («жұт жеты агайынды», здесь имелись в виду летняя засуха, выгорание растительности, ранняя зима, выпадение глубокого снега, зимние дожди, образование ледяной корки и др. неблагоприятные природные факторы)… Подобные пословицы можно встретить и у других кочевников Евразии. Например, киргизская пословица «Без бурана не бывает джута, без сплетни не бывает тяжбы» (*Кажалан болбой, жут болбонт, кара озгой болбой, доо болбойт)* [/http://www.eposmanas.ru/?page=446© e-history.kz]. …

Джут – это гибель домашних животных. При этом необходимо сразу оговориться, что само слово постепенно приобрело глубоко метафорический смысл и стало обозначать массовую гибель людей. … При каждом большом джуте громадная масса кочевников лишалась своего скота и превращалась в нищих. «Как проклинали они судьбу за то, что, лишив их скота, джут не унес и их самих, а обрек на медленную голодную смерть. Такие джуты уносили и тысячи человеческих жизней... Мог ли человек чувствовать себя властелином природы?» [в 14, Федорович Б.А. Лик пустыни, с.26]…. В такие годы вымирали многие кочевья, а в степи погибали сайгаки, архары, джейраны, куланы, архары, дрофы и другие животные. **В эти голодные годы казахи были вынуждены употреблять в пищу такие продукты, которые никогда не использовали при обычных обстоятельствах – березовый сок, грибы, различные степные растения и травы.** … В голод 1918 года старики вспоминали предания, что когда-то при нашествии калмыков предки их употребляли в пищу те же предметы, что в 1918 году: «джау джумур» - нечто вроде полевой картошки, «алгыр» - похожий на лук, корень очень горького растения (в сыром виде - яд); «козы-куйрык» (грибы) и другие растения и их корни, а также нечистые твари» [в 18: Тынышпаев М., с.191]. Смена рациона питания давала шанс на выживание кочевников, которые в спокойные и сытные годы никогда не употребляли в пищу данные растения или продукты [19].

Вероятно, возникновение в казахском языке проклятия с лексемой «жуа» связано именно с пережитыми страданиями во время джутов. Однако подчиняясь законам традиционной культуры, выступающей как регулятор во взаимоотношениях не только членов человеческого общества между собой, но и в равноправных взаимоотношениях человека с окружающей природной средой, в том числе с флорой и фауной, на основе хранящихся в генетической памяти народа архаичных представлениях о магической силе слова, произнесенного вслух, казахи подвергали процессу эвфемизации всякое запретное слово, связанное с каким-либо нежелательным действием. В данном случае, опасаясь сил природы, способной наслать очередной джут, в проклятии слово-эвфемизм «жуа» выступает как субститут самого страшного явления – джут. Значит, даже в малых фольклорных формах, в таком виде устно-поэтической речи, как проклятия, в сжатом виде содержится много сведений об историческом прошлом, жизни и быте народа.

Литература

1. Жубанов К. Исследования по казахскому языкознанию. Антология казахского языкознания. – Алматы: «Абзал-Ай», 2013. –с 640.
2. Веселовский А.Н. Историческая поэтика (электронный ресурс).
3. Оссовецкий И.А. Язык фольклора и диалект // Основные проблемы эпоса восточных славян. – М., 1958. – С. 172–190 .
4. Тенишев Э.Р. О диалектной природе языка караханидско-уйгурских письменных памятников//Типы наддиалектных форм языка.- М.: Наука, 1981.
5. Жубанов Е.К. Следы диалектных колебаний в эпосе «Козы Корпеш – Баян Сулу». Тезисы докладов и сообщений VII Региональной конференции по диалектологии тюркских языков «Маловские чтения». 15-18 мая, 1973 г., Алма-Ата, 1973.
6. Жубанов Е.Х. Межэтнические устно-поэтические связи тюрков как культурный наддиалект. Материалы Международной научно-теоретической конференции Актюбинского университета им. С.Баишева. 2005. -148 с.
7. Захаров В.Н. Историческая поэтика и ее категории // Проблемы исторической поэтики. http://poetica.pro/journal/article.
8. Наурзбаева З. Мифоритуальные основы казазхской культуры. (Мифология). www.otuken.kz

9. Белгер Геролд. Казахское слово. Гармония духа. - М.: Русская книга, 2003. -288 с. http://www.titus.kz
10. Мельников Г.П. Где центр глубинной евразийской культуры (идеи евразийства в свете достижений системной типологии языков) // Грани науки. Культурно-просветительский журнал «Дельфис". №25(1/2001).
11. Хасанов Б. Метафорическое употребление слов в казахском языке. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Алма-Ата, 1964.
12. Кендыбаев Ф.Б. Казахская народная лирика. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Алма-Ата, 1964.
13. Иностранные языки для всех. Словари онлайн. www.classes.ru
14. Утегалиева А.Д. Форсированное оседание казахов - слом социокультурного стержня. Вестник КазНПУ (История). Алматы, 2012
15. Наурызбаева З. Вечное Небо казахов. Алматы. «СаГа»,2013г. – 704 с.
16. Таптыгов А.С. Мифологические топонимы, сформировавшиеся на основе культов дерева и горы на территории Азербайджана. Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского Серия «Филология. Социальные коммуникации». Том 23 (62). № 3. 2010 г.
17. Тынышпаев М. Ак-табан – шубурунды (Великие бедствия и великие победы казахов)//История казахского народа.-Алма-Ата: Казак университет, 1993.-С.185-200. http://e-history.kz/ru/contents/view/1839
18. Шаханова Н. Пусть умножатся ваши стада! Символика пищи в скотоводческой обрядности. http://nomad-kazakhstan.kazakh.ru
19. Джут в казахской степи. http://e-history.kz/ru/contents/view/1839

Жұбанов А.Қ,. Алматы қ., Қазақстан Республикасы

ҚАЗАҚ ТІЛІНІҢ ҰЛТТЫҚ КОРПУСЫ – ҚУАТТЫ АҚПАРАТТЫҚ РЕСУРС

Резюме

Статья посвящена новому направлению в языкознании, корпусной лингвистике. Описаны основные принципы и подходы металингвистической, морфологической и семантической разметки, применяемых сотрудниками лаборатории прикладной лингвистики Института языкознания (г. Алматы) в разработке корпуса казахского языка.

Көптен бері тілді зерттеу аздаған көлемдегі және сан жағынан да көп емес мәтіндер ішінен қолмен көшіріліп алынған материалдарды негіз етіп жүзеге асқаны көпшілікке мәлім. Ондай тілдік материалдардың жиынтығын картотекалық қор деп атап, зерттеушілер кезінде өз қажеттігіне пайдаланған болатын. Зерттеу тақырыбына байланысты зерттеуші ғалымдар уақыттарының көбін қажетті деген мысалдар жинауға, оларды кәртішкілерге көшіріп, кітаптың атын, авторын, баспа атын, шыққан жылын, кітаптың бетін және т.б. мәліметтерді көрсетіп, қажетті деген сұрыптаулардан өткізіп барып, өз қажеттігіне пайдалануға жұмсайтын. Мәселен, қазақ лекикографтары екі, он томдық «Қазақ тілінің түсіндірме сөздігін» құрастырудан бұрын көлемі 5 миллиондай болатын картотекалық қор құрып алғаны қазақ филологтарына мәлім. Картотекалық қордағы кәртішкілер әліпби тәртібімен орналасса да, қордан қажетті сөзге не сөз тіркесіне қатысты кәртішкілерді іздеп табу да аз уақыт алмайтыны белгілі.

Қазіргі кездегі қолданбалы тіл білімінің «Корпустық лингвистика» немесе «Мәтіндік корпус» деп аталатын жаңа сала да өзіне тән ерекшеліктерімен жоғарыда сөз болған «Картотекалық қорына» ұқсас, яғни корпус ұғымы тілшілердің дәстүрлі кәртішке қорының жалғасы деуге болады. Бірақ ол қордан ерекшелігі тілдік корпус ұғымында әр сөз (немесе сөзтіркес) морфологиялық (кейде семантикалық) деңгейде шартты белгілермен жабдықталған [1].

1980-1990-шы жылдар аралығында еуропа тілдері материалдарында корпустық зерттеулердің жаппай көрініс таба бастағаны байқалады. Бүгінгі таңда мәтіндік корпустар әртүрлі зерттеулерде, ең алдымен лексикография саласында қолданыс табуға мүмкіндігі бар қуатты ақпараттық ресурстар деп саналады [2].

Мұндай жаңа бастама соңғы кездері түркі тілдерін, ал соның ішінде қазақ тіл білімін зерттеуге қолдану мақсатымен де қазақ тілінің Ұлттық корпусын құрастыру ісі мемлекеттік деңгейде қолға алынуда.

Қазақ тілінің Ұлттық корпусы да қазақ тіліндегі мәтіндердің бірліктеріне қажетті белгіленім жүргізілген электрондық топтамасы (жинағы) болып табылады. Корпус жадына енгізуге дайындалып жатқан мәтіндер жинағының ішінде «шатасып» қалмас үшін корпустық лингвистика саласында бұл мәселенің шешімін табатын зерттелген сызбасы бар. Ол мәтінді толық сипаттайтын метамәтіндік ақпаратты мәтін бірліктеріне енгізу. Мұндай ақпараттың мәтін бойынан орын алуы зерттеушіге сан миллиондаған мәтіндер ауқымы ішінен тілдік деректер мен құбылыстарды іздестірудің шеңберін айқындауға мүмкіндік туғызады.

Мәтіндерге метасипаттау жүргізуге мүмкіндік беретін компьютерлік бірнеше лингвистикалық бағдарламалар бар. Ол, ең алдымен, Systematic Coder және UAM Corpus. Бағдарламалардың деректеріне еркін қол жеткізуге, тегін пайдалануға болады және корпустық лингвистикада қабылданған стандарттарға сай келеді. Осы бағдарламаның негізінде әртүрлі тілдердің пайдалануға берілген корпустарында мәтіндердің метасипаттау архитектурасы жасалған (өндірілген) болатын.

Интернет желісі пайда болғаннан бастап, білім беру мен ғылым жүйесінде қағида түрінде (принципиально) жаңа жағдаят пайда болды. Білім беру мен ғылымда және тұлғаны дамытуда интернет желісінің мүмкіндіктері шындығында бірегей деуге тұрады. Интернет-ресурстарды пайдалану оқыту процесін түрлендіруге және оқушылардың қызығушылығына, дайындық деңгейіне қарай ұйымдастыружұмыстарын жүргізуге мүмкіндік туғызады.

XXI ғасыр білімге қатысты түбегейлі жаңа көзқарасты қажет етуде. Білім беру әрекеті жеке оқушының ойлау қабілетісыни және шығармашылық тұрғыда қарастырғанда әр уақытта даму процесінде болуы қажет. Бірақ бұл үшін білім беру жүйесінде сол қоғамда қабылданған бір ғана көзқарасты білдіретін тек қана мұғалім мен оқулықтың болуы жеткіліксіз. Оған оқушыны өз бетінше ойлауғаынталандыратын кең тараған ақпараттықәрекет алаңы, бірнеше ақпарат көздері және бір ғана мәселеге қатыстыжеке басының аргументтелген шешімінен басқа бірнеше көзқарастар жиынтығыда қажет болады.

Интернетте білім беру мақсатында бірнеше ауқымдағы ресурстар пайдаланылады. Осындай ауқымды жобалардың бірі ретінде әр түрлі тілдердердің Ұлттық корпустарын айтуға болады. Қай тілдің болмасын Ұлттық корпусын құрастыру мен оны пайдалануға қатысты мәселелермен тіл білімінің «Корпустық лингвистика» деп аталатын саласы айналысады. Білім беру аясындағыкорпустардың ең бір негізгі қызметі кез келген тілді оқыту мүмкіндігі басқа электрондық ресурстармен салыстырғанда үлкен жетістік. Сол сияқты, корпус мұғалімдерге жеке жоспарды құрастыруда,лексика саласы бойынша бақылау мен тексеру тапсырмаларын құрастыруда, морфология, синтаксиссалалары бойыншажәне т.б. қажетті материалдарды іздеп-табуда баға жетпес көмек көрсете алады.

Осы айтылғандарға қатысты В.А. Плунгян былай дейді:«Использование Корпуса в преподавании гуманитарных дисциплин в школе поможет успешно решать и чисто научные, и собственно педагогические задачи» [3].

Тілдік және филологиялық зерттеулер жүргізуге қажетті тілдік материалдардың негізгі көзі жазба немесе ауызша мәтіндер жиынтығы болып табылады. Көптеген мәтіндерге талдау жүргізудің негізінде зерттеушіні қызықтыратын тілдік құбылыс жайлы тиісті қорытынды жасауға болады, мысалы, грамматикалық конструкциялардың тәртібі, тілдегі мәнерлі құралдарды қолдану жайлы және т.б. Есептеу техникасының дамуы көптеген мәтіндердің электрондық нұсқасының қолжетімді болуына ықпал етті. Сондықтан мұндай көлемді мәтіндерден қажетті ақпаратты шығарып алу үшін әлемдік деңгейде лингвистикалық корпустар құрастырыла бастады, яғни әр түрлі тілдік параметрлер бойынша арнайы таңдалып алынған және іздестіру жүйесімен қамтамасыз етілгенэлектрондық пішіндегі мәтіндер жиынтығы.

Сонымен, тіл білімінде «Корпустық лингвистика» атты жаңа бағыт пайда болды. Бұл бағыт қолданбалы тіл білімінің бір бөлігі және ол лингвистикалық корпустарды (мәтіндер корпустарын) құрастырудың жалпы принциптерімен және оны пайдалану мәселелерімен айналысады.

Басқаша айтқанда, корпустық лингвистика екі аспектіні қамтиды: біріншісі, мәтіндер корпусын құру және ондағы мәтіндерге белгіленім (аннотациялауды) жүзеге асыру және мәтіннен қажетті ақпаратты іздестіру құралдарын зерттеу, екіншіден, өзіндік лингвистикалық аспект – корпустар қоры негізінде тәжірибелік зерттеулер жүргізу.

Аса кең электронды ресурстарды пайдалану мүмкіндігілингвистикалық зерттеулердегі қажетті материалдарды жинау әрекетін айтарлықтай жеңілдетті.

Корпустық лингвистиканың басым бағыттарының бірі – әмбебап сипаттағы Ұлттық корпустардыжасау мен олардың мүмкіндігінбарынша кеңейту. Әлемдегі тілдердің көбі өздерінің Ұлттық корпустарын жасап үлгерді,мысалы, олардың алғашқыларының бірі – Британдық Ұлттық корпус (BNC). Славян тілдерінің корпустары ішінен Прага қаласындағы Карлово университеті жасап шығарған Чехтердің Ұлттық корпусын айтуға болады. Сол сияқты, неміс, қытай, фин және т.б. тілдердің де Ұлттық корпустары бар. Орыс тілініңөкілетті корпусы – орыс тілінің Ұлттық корпусы (НКРЯ).

Соңғы кездері түркі тілдес кейбір елдердің де Ұлттық корпустары шыға бастады [4, 5]. БҒМ ҒК А.Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институтының «Қолданбалы лингвистика» бөлімі мамандарының «Қазақ тілінің Ұлттық корпусы» деп аталатын, көлемі 7 миллион сөзқолданысты қамтитын, қазақ тілінің әр түрлі жанрларына жататын және морфо-семантикалық белгіленімдер жүргізілген мәтіндер корпусы да жарық көре бастады.

Сонымен, корпустық лингвистиканың пәні – кең ауқымды пайдаланушыларға арналған өкілді массивтердегі тілдік деректер негізінде лингвистикалық зерттеулер жүргізудің теориялық негізі мен практикалық механизмдерін құру және пайдалану [6].

Әртүрлі лингвистикалық мәселелердің шешімін табу үшін ең алдымен мәтін және мәтін ішіндегі жеке тілдік бірліктер қосымша ретіндегі лингвистикалық және металингвистикалық ақпаратқа ие болулары қажет, яғни шартты түрдегі белгіленімдерге (разметкаға, аннотацияға) ие болулары керек. Аннотацияланған немесе белгіленім жүргізілген корпус, оны пайдалану кезінде өзінің қарапайымдылығы мен көпфункциональность жағынан көптеген артықшылықтарға ие болады. Қазіргі кездегі корпустарда метабелгіленімдерден басқа әр түрлі грамматикалық деңгейлерге сай келетін-белгіленімдер де жүргізіледі – морфологиялық, синтаксистік, фонетикалық және т.б.

Пайдаланушы мен корпус арасындағы әрекеттестік: корпусты пайдаланушының сұранысы бойынша орындалатын қажетті тілдік ақпаратты іздеп-табу әрекеті арнайы жазылған «корпустық менеджерлер» аттыкомпьютерлік бағдарламалар арқылы жүзеге асады. Олар бойынша корпус негізінде іздеп-табылған нәтижелерді сұрыптаудан, статистикалық санақтан, конкорданстар мен сөзтібе құрастыру жұмыстары қамтамасыз етіледі.

Қазіргі кездегі корпустық менеджерлердің көпшілігі ақпараттың бірнеше түрлерін іздеуді жүзеге асырады: нақты сөзформаларды іздеу; леммаға сәйкес келетін сөзформаны іздеу (бір ғана лемманың мәтінде кездескен барлық формаларын іздеу); тұрақты және тұрақсыз сөзтіркестерді іздеу.Егер корпуста қажетті деген грамматикалық деңгейдегі белгіленім және басқа да ақпараттық белгіленім орын алатын болса, солар бойынша іздеуді жүзеге асыруға болады. Метаразметканың түрлеріне қарай пайдаланушы өзіне қажет деген мәтіндер подкорпусын (ішкі корпус) құруына мүмкіндігі бар. Мысалы, ондағы мәтіндер шығарманың жанрына, тақырыбына, шығарманы жазған уақытына және т.б. қарай бір-бірінен айырма табуы мүмкін. Мұндай ішкі корпустардан алынған мысалдар шығарма көзі жайлы ақпаратпен қамтамасыз етіледі. Кейбір корпустарда сұраныс болған тілдік бірліктің статистикалық ақпараты жайлы да мәлімет алуға болады: корпустағы барлық мәтіндерге шаққандағы қатынастық жиілігі, тілдік бірліктің жанрға немесе кезеңдік деңгейге қатысты қолдану үлестірімі және бірліктің тіркесіп келуі жайлы ақпарат.

Мәтіндік корпустардың басқа мәтіндер жиынтығынан басты айырмашылығы оларда түрлі белгіленімдердің орын алуы.

Белгіленімнің бірінші түрі – «метабелгіленім» (метаразметка). Әрбір корпуста орын алатын мәтінге мына мәліметтер көрсетіледі: автор, жынысы және автордың жасы, мәтіннің

жазылға уақыты, жалпы сипаттама: көркем мәтін немесе көркем емес шығарма (қызмет саласы көрсетіледі – тұрмыстық, ресми-іскерлік,публицистикалық, оқу-ғылыми, шіркеу-мешіт), мәтін хронотопы (сипатталатын оқиғаның орны мен уақыты).

Белгіленімнің екінші түрі – «морфологиялық». Бұл белгіленім бойынша мәтіндегі әрбір сөзге грамматикалық белгілерін тіркеп жазады: сөз табы, грамматикалық мағыналар жиыны. Осы белгіленімдегі проблемалық жайт, ол – сөздің омонимдік мағынасын ажырату мәселесі. Әзірше бұл мәселені толық автоматты түрде шешу мүмкін болмай келеді. Сондықтан омонимдерді тек жартылай ғана ажырататын компьютерлік бағдарламалар бар, ал ажыратылмаған бөлігі тілшілердің араласуымен «қолмен» ғана шешу немесе автоматты түрде сөздің барлық омонимдік мағыналарын тіркеп көрсету мүмкіндігі бар. Сол себепті корпустың екі түрі, біріншісі – омонимдік мағына ажыратылған подкорпус, екінші – омонимдік мағына ажыратылмаған подкорпус. Сондықтан корпусты пайдаланғанда осы жағдайды ескеруі қажет.

Белгіленімнің үшінші түрі – «семантикалық». Семантикалық белгілер дегеніміз – сөздердің әртүрлі сөз табына жататындығына қарай семантикалық кластарға бөлінуі.

Семантикалық белгілер, ең алдымен, лингвистикалық зерттеулер жүргізу үшін қажет, сонымен қатар әрине, оқыту тәжірибесінде де қолданылуы мүмкін.

Мәтін бірліктерінде осындай үш түрлі белгіленімнің болуы күрделі сұраныстарды тұжырымдауға және корпустан іздеуді тек қана бір сөз көлеміндегі грамматикалық формада шектелмей, алдын ала белгілі грамматикалық және семантикалық белгілер бойынша тұтас конструкцияларды да іздеуге мүмкіндік туады.

Қазақ тілінің Ұлттық корпусы, әзірше, келесі подкорпустардан (ішкі корпутардан) тұрады:

- негізгі корпус, оның құрамында: әр кезде жарияланған прозалық жазба мәтіндер;
- газет мәтіндерінің корпусы: әр жылдардағы бұқаралық ақпарат құралдарында жарық көрген мақалалар;
- поэтикалық мәтіндер корпусы: әр жылдардағы белгілі ақындардың жазған өлеңдер мәтіндерінің жиыны. Бұл корпус бойынша іздеу әрекеті тек лексикалық және грамматикалық белгілер бойынша ғана жүзеге аспайды, ал сонымен бірге өлеңдерге ғана тән ерекше белгілер (сонеталардағы, эпиграммалардағы және т.б. өлеңдердегібелгілі тіркестер) бойынша да іздеу жұмыстары жүзеге асады.

Қорыта келе айтатын болсақ, кез келген тілдің Ұлттық корпусы – ол электрондық пішіндегі мәтіндер топтамасына негізделген ақпараттық-анықтамалық жүйе. Ұлттық корпусты барлық тілек білдірушілер (тілші ғалымдар, оқу орындарының филолог мұғалімдері)пайдалана алады Корпусты пайдаланушыларға ең қажет ғылыми ақпарат корпустың белгіленімдері немесе аннотациясы болып табылады. Оларіздеушігекорпус мәтіндерінен қызықтыратын сөздерді, сөзформаларын және конструкциялардыәрі тез, әрі сапалы және тиімді іздеп-табуға мүмкіндік жасайды.

Литература

1. Захаров В.П. Корпусная лингвистика: Учебно-метод. пособие. - Иркутск: ИГЛУ 2005. - 161 с.

2. Крылов С.А. Стратегии применения интегрированной информационной среды StarLing в корпусной лингвистике и в компьютерной лексикографии // Ред. И.С. Смирнов. Orientaliaetclassica. Труды Института восточных культур и античности. -Вып. XIX. Аспекты компаративистики. - М.: РГГУ, 2008. - С. 649-668.

3. Плунгян В.А. Зачем мы делаем Национальный корпус русского языка? / В.А. Плунгян // Отечественные записки. - 2005. - № 2. - С. 12 - 32.

4. Сиразитдинова З.А., Бускунбаева Л.А., Ишмухаметова АюШюЮ Ибрагимова А.Д. Информационные системы и базы данных башкирского языка. Уфа: Книжная палата РБ, 2013, 116 с.

5. Сиразитдинов З.А., Ишмухаметова А.Ш., Каримова Р.Н. Информационные ресурсы башкирского языка - основа для инновационных технологий обучения филологов // ВОПРОСЫ КАВКАЗСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ. Материалы международной научно-практической конференции. 2015. 186-189

6. Салчак А.Я., Далаа С.М., Байыр-оолл А.В. Электронный корпус тувинского языка: состояние, проблемы//Этногенез. История. Культура: Вторые Юсуповские чтения: Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Рината Мухаметовича Юсупова. Уфа, 2014. С.235-238

7. Савчук С.О. Метатекстовая разметка в Национальном корпусе русского языка: базовые принципы и основные функции / С.О. Савчук // Национальный корпус русского языка: 2003 - 2005. Результаты и перспективы. - М., 2005. - С. 97 - 156.

Закиев М.З., г. Казань

О ЗНАЧЕНИЯХ СЛОВ ТАТАР И ТАРТАР
(и о книге Эдуарда Паркера)

Я весьма благодарен руководству Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН за организацию VII Всероссийской тюркологической конференции «Урал-Алтай: через века в будущее», посвященной 95-летию видного тюрколога Эдгама Рахимовича Тенишева, выдающийся вклад в тюркологию которого является общепризнанным.

Одним из запутанных вопросов в тюркологии является определение значений слов *татар* и *тартар.*

При каждой встрече в Москве или в Казани мы с Эдгамом Рахимовичем обсуждали вопросы о путях развития нашей науки – тюркологии, иногда возникал вопрос о том, почему прежние *булгары, казани* (вернее, *кусяне/косаны), мишары* называются *татарами,* когда и как проникал западноевропейское слово *тартар* в смысле ‘дикие варвары’ или ‘дикие кочевники’ в среду русских историков, чем отличаются значения слов *татар* и *тартар.*

Вспоминая наши беседы с Эдгамом Рахимовичем, я решил на данной конференции высказать свои соображения по этим вопросам.

Этноним *татар* распространяется в нашем регионе во время завоевательных походов монголо-татар. Поэтому в историко-филологической науке ученые пытаются установить, что слово *татар* – это монгольская лексема. Но никто не сумел объяснить этимологию слова *татар* исходя из монгольского языка.

Некоторые лингвисты попытались объяснить, что *татар* – это китайское слово. Там оно произносилось как *та-та,* ибо в китайском отсутствует звук [р]. По китайски *та-та* – это дикие, грязные племена. В результате частого применения *та-та* в данном смысле, за ним закрепилось значение ‘грязное’.

Д.Е.Еремеев слово *татар* считает иранским словом, ибо определяющая часть его – *тат* и есть иранское слово в смысле ‘чужой человек’ [5, с.134].

Многие старались доказать, что *татар* – это тюркское слово. Так, Хивинский хан Абуль-Гази считает, что слово *татар* сначала было антропонимом, лишь позже оно стало этнонимом [1, с.10]. Историк Н.М.Карамзин, исходя из того, что в якутском языке слово *татар* применяется в значении ‘изваяние, идол’, утверждает, что слово *татар* сначала применялось в значении ‘идол’, лишь позже начало обозначить ‘*народ*’ [12, с.22], Плано Карпини, который в XIII в. путешествовал из Италии в Монголию, утверждал, что монголо-татары жили рядом с рекой Татар и поэтому назывались *татарами* [4, 37].

Имеются попытки установить первоначальную форму слово *татар.* Так, И.Н.Березин высказал мнение, что слово *татар* происходит от слова *тартыр* ‘тянуть’ [11, в предисловии И.Н.Березина].

Н.А.Баскаков производит слово *татар* от турецкого *tatar* ‘гонец’ или ‘почтальон, посол’. Наряду с этим Н.А.Баскаков слово *татар* идентифицирует еще с монголо-калмыцким *tatr* ‘картавый’, и с чувашским *тудар* ‘картавый’ [2, с. 148-149].

Л.З.Будагов еще в XIX в. пришел к выводу, что в Турции и в Иране почтальонами, послами служили *татары*, поэтому не слово *татар* в смысле ‘почтальон’ являлось основой для этнонима *татар*, а, наоборот, этноним *татар* начал применяться в смысле ‘почтальон, посол’ [3, с.329].

С точки зрения структуры других тюркских этнонимов (*хазар, булгар, суар, ауар, сарир, кангар, акацир*), слово *татар* образовалось на основе первичного этнонима *ар/ир* при помощи определения *тат* ‘чужой’, который восходит к слову *йат* чужой (*йат/дат/тат*). Кроме того, слово *тат* может быть от лексемы *тат-лы* ‘сладкий, приятный’.

В период империи Хань (206-220 годы до н.э.) этнонимом *та-та* в значении ‘грязные’ обозначали всех тюрков, монголов, маньчжуров. В XIII в. китайский историк Мынгун называл тюрков *белыми татарами*, монголов – *черными татарами,* маньчжуров – *водными татарами* [7, с.188].

После монголо-татарских завоеваний все нерусские народы России назывались татарами. К примеру надо сказать, что даже пролив возле Сахалина назывался татарским, ибо возле него жили палеоазиатские *орочи,* которых русские называли татарами.

В зарубежной и русской науке татар Урало-Поволжья преподносят непосредственными потомками монголо-татарских завоевателей. Этот факт отрицательно влияет на настроение татарских детей, некоторые из них приходят домой и заявляют родителям, что не хотят быть татарами. Всетатарский общественный центр выступил даже специальным обращением к родителям с тем, чтобы татарские дети не отказывались от этнонима *татар* [6, 1914, 15 апреля].

Из-за того, что современных татар идентифицируют с монголо-татарскими агрессорами, не только у татар, но и у всех других народов страны воспитывается неприязненное отношение к татарам, которое отрицательно сказывается при решении их жизненных вопросов. Это почувствовалось и при решении вопросов создания татарской автономии, в настоящее время – и при решении вопросов определения «налоговых» объемов в центр. У волжских, крымских, добруджинских татар отрицательное отношение к этнониму *татар* будет еще продолжаться долго.

Что касается значений слова *тартар*, то надо сказать, что и здесь у нас (у татар) наблюдаются некоторые заблуждения.

Тартар заимствован с греческого языка: по гречески *Tartaros* – в древнегреческой мифологии – подземное царство мертвых, преисподняя, ад. В языках европейцев слово *тартар* применяется в таком же значении. Но когда они узнали, что в мире существуют *татары* (по письменным источникам *тартары*) они представляли их человекообразными существами с рогами и с безобразной внешностью. Слово *тартар* и в наше время у них обозначает таких же безобразных людей.

Европейцы узнали о *татарах/тартарах* тогда, когда им сообщили о приходе в Европу татаро-монгольских завоевателей. Услышав об этом, французский король Людовик IX ответил: если татары придут, мы их прогоним в *Тартар*. Действительно, в Западной Европе *татар* называли *тартарами,* т.е. выходцами из *Тартара – Ада* [8, с.164]. Это значит, что к тартарам европейцы относили все народы тех территорий, которые были завоеваны монголо-татарами. На этих территориях были образованы четыре империи, а именно империи ***Хубилая*** (Китай и близлежащие страны), **Чагатая** (Средняя Азия, Афганистан и др.), **Хулагу** (Иран, Арабские страны), **Джучи** (Россия, Волжская Булгария, Казахстан и др.), которые все вместе включаются в «Великую Тартарию».

Изучая местные языки, приглашенные иностранные ученые, особенно Ф.И.Страленберг – плененный капитан шведской армии Карла XII – открыл для себя истину о том, что среди нерусских народов России, т.е. среди *тартар* народы говорят на 32 языках.

Нас в этот раз интересуют мнения Британских историков о значении слова *тартар*. Для них существуют народы исторические, культурные и оседлые, к которым они относят европейские, т.е. индоевропейские народы. Им они противопоставляют *тартар,* - по их мнению, самых отсталых, диких народов, называемых **кочевниками** и **варварами**. Так, английский историк **В.Митфорд** в 1838 году опубликовал четырехтомную «Историю Греции», в четвертом томе которой дает сведения о Китае, где китайцы еще в IV веке до нашей эры в целях защиты от *тартар* начали строить Великую китайскую стену. В.Митфорд *тартарами* называет тюрков, монголов и маньчжуров, по его мнению, кочевников, т.е. самые дикие народы на земле [9, с.189]. Далее он отмечает, что скифы в XIX в. состояли из многих племен, они все были кочевниками, т.е. самыми отсталыми дикими варварами. Греки называют их *скифами,* а мы – *тартарами,* – отмечает он [9, с.419]. По его мнению, самые дикие племена – это кочевники, если племя кочевое, то оно должно называться словом *тартар*.

В XIX в. становится известным историк **Эдуард Паркер**, который специально изучил взаимоотношения китайцев с кочевниками, т.е. с тартарами. Собрав китайские материалы, он написал книгу «Тысяча лет из истории тартар», которая была опубликована в Лондоне в 1895 году.

Эту книгу Эдуарда Паркера перевел на русский язык известный переводчик исторических трудов В.С.Мирзаянов. Перевод был издан в Казани в 2003 г. Доктор исторических наук Равил Фахретдинов все описываемые в книге разноязычные племена – хуннов, сянбийцев, тунгусов, речных сюнов, тюрков, уйгуров, катайцев включает в состав не *тартар* ‘диких кочевников’, а *татар* Урало-Поволжья.

В 2008 году эта же книга была опубликована в Москве в переводе на русский язык Т.Е.Любовской. Книге дали название «Татары. История возникновения великого народа».

Следовательно, и здесь слово *тартар* в смысле *кочевники* также отнесено к *татарам* Урало-Поволжья.

В действительности в книге Эдуарда Паркера нет ни одного слова о татарах Урало-Поволжья, там подвергаются исследованию тартары - кочевники, а именно: 1) хунны, 2) сянбийцы, 3) жужаны (су сюны), 4) тюрки, 5) западные тюрки, 6) уйгуры и 7) катайцы. Эти племена не являются непосредственными предками татар, и татары Урало-Поволжья не являются потомками этих племен-кочевников, т.е. тартаров.

Автор Эдуард Паркер в своем предисловии не включает татар (или тартар) в число описываемых в книге племен. Так, он пишет: «Я уже в «China Review, vol. XX» довольно долго доказывал, что хунны (хиен-ну), скифы, гунны и тюрки были различными стадиями исторического развития одних и тех же племен, затем Шавань, Хирт и другие авторы более детально исследовали данную проблему» [10, с.3].

Литература

1. Абуль-Гази. Родословное древо тюрков / Перевод и предисловие Г.С.Саблукова. – Казань, 1906. – 336 с.
2. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения, IX // Ономастика Поволжья. – 3. – Уфа, 1973. – С.145-151.
3. Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т.1. – СПб, 1869. – 810 с.
4. Джиованна дель Плано Карпини. История монголов // Гильом де Рубрик. Путешествие в восточные страны. – М., 1957.
5. Еремеев Д.Е. К семантике тюркской этнонимии // Этнонимы. – М., 1970. – С.133-142.
6. Звезда Поволжья. Газета, 1914, 15 апреля.
7. Катанов Н.Ф. Этнографический обзор турецко-татарских племен // Ученые записки Казанского университета. Кн.3. – Казань, 1894.
8. Матузова В.И. Английские средневековые источники IX-XIII вв. Тексты, перевод, комментарии. – М., 1979. – 268 с.
9. Митфорд В. Mitford W. The History of Greece. Vol. 1-8/ London, 1838. Vol.V.
10. Паркер Э. Тысяча лет из истории татар / Перевод и комментарии В.С.Мирзаянова. – Казань, 2003. – 287 с.
11. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1. – М.-Л., 1952 (1888). – 588 с.
12. Сухарев А.А. Казанские татары (уезд Казанский). – СПб., 1904. – 195 с.

Исянгулов Ш.Н., г. Уфа

ТЕРМИНЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ В БАШКИРСКОМ ЭПОСЕ

В исторической литературе мало сведений о формах социальной зависимости у башкир в дорусский период. Между тем в башкирских фольклорно-этнографических источниках, в частности в эпосе «Акхак-кола», сохранился ряд мотивов, в которых более или менее подробно представлена жизнь социальных низов в древнебашкирском обществе. В эпосе не так много персонажей, однако, бросается в глаза то, что сына бая сопровождает раб (Карагул), а у девушки (невесты) имеются рабыни (или служанки). Рабыни названы термином «көң», а раб, соответственно, «кол» [Башкирское… 1998, с. 222-223; Башкирское… 1987, с. 190].

Слово «кул» возможно, возникло еще в хуннский период (III в. до н.э. – II в. н. э.). Его связывают со значением 'рука' [Бернштам, с. 125]. Имеются и другие точки зрения. Тогда как этимология термина кӱŋ (рабыня) остается не совсем понятной [Тишин, с. 101]. У древних тюрок слово кüŋ означало рабыню, служанку. Данное слово отмечает также филолог XI в. Махмуд Кашгари [Древнетюркский… с. 328].

Кулы у древних тюрок занимались ремеслом и земледелием [Бернштам, с. 119–126]. С.Г. Кляшторный считает рабов и рабынь у древних тюрок военнопленными-иноплеменниками [Кляшторный, 1986, с. 328; Кляшторный, 2006, с. 473]. По его мнению, древнетюркские надписи фиксировали зачастую исключительно увод в неволю женщин и девушек, иногда – мальчиков и юношей, но никогда – взрослых мужчин. В другой статье С.Г. Кляшторный уточняет, что это относится прежде всего к кочевникам, а не к китайцам (их тюрки возвращали за выкуп) [Кляшторный, 1985, с. 162]. По его мнению, надзор за женщинами-

рабынями и наложницами (составлявших большинство рабов) в древнетюркской среде осуществлялся в рамках семейного быта. Обратим внимание на следующие слова исследователя: «Попав в неволю, женщина тем самым оказывалась и в системе семейных отношений своего владельца, и в системе хозяйственной деятельности, осуществляемой его семьей, участвуя как в семейном, так и в общественном производстве. При этом не имело решающего значения, оказывалась ли она в положении одной из жен или наложниц своего владельца или в положении рабыни-служанки» [Кляшторный, 1986, с. 329; Кляшторный, 2006, с. 474]. Некоторые рабы-мужчины, по мнению С.Г. Кляшторного, становились пастухами коров и овец, но не табунщиками, коней им не доверяли.

В то же время и рабство, и данничество в древнетюркских источниках обозначались одними и теми же терминами. Термины qul и küŋ обозначали зависимое положение, применяясь иногда к целым племенам [Бернштам, с. 121, с. 124–126; Кляшторный, 1986, с. 334–339; Кляшторный, 2006, с. 480–485; Тишин, с. 96, 98]. В уйгурских документах XII–XIV вв. термины qul и кӱŋ обозначают лиц, которые имеют собственное хозяйство, выступают как юридические лица в качестве свидетелей, подписывающих долговые обязательства [Бернштам, с. 121–122].

Если термин «кол» в фольклоре, современном башкирском языке и литературе широко используется и обозначает раба в самом широком смысле слова, то другое слово «көң» ныне малоизвестно, или вообще неизвестно широкому кругу носителей языка [Академический… 2012, с. 677; Академический… 2013, с. 419–420]. Использование в башкирском эпосе древнетюркских социальных терминов, по нашему мнению, позволяет высказать предположение по поводу хронологических рамок сложения основных сюжетных линий эпоса. Очевидно, в эпосе получил отражение древнетюркский период (до X в.) истории башкир. В этот период возможно в языке башкир, в том числе в социальной терминологии, преобладали слова, зафиксированные в орхоно-енисейских памятниках. Таким реликтом в современном башкирском языке является, по нашему мнению, термин «көң», сохранившийся в устном народном творчестве.

Положение рабов в эпосе «Акхак-кола» достаточно своеобразно. То обстоятельство, что главного героя сопровождает раб, а его невесту окружают многочисленные рабыни (служанки), дает повод предположить о существовании возрастных, так называемых мужских и женских обществ (домов). Ведь как показал советский ученый Ю.И. Семенов, именно к женским домам и связанному с ними групповому браку, к домам девушек и связанной с ними свободе добрачных отношений полов уходит своими корнями обычай храмового временного или постоянного гетеризма [Семенов, с. 185]. А в эпосе мы четко видим пережитки обычая гостеприимного гетеризма, когда девушка безуспешно пытается очаровать главного героя (сына бая), предлагая свои интимные услуги.

Отсюда можно сделать вывод, что положение рабов (особенно рабынь) по эпосу «Акхак-кола» очень напоминает положение рабынь у древних тюрок, сконструированного в работах С.Г. Кляшторного. Рабы принимают участие в общественной и семейной жизни общины. В то же время вопрос о формах социальной зависимости у башкир требует дальнейшего изучения.

Литература

Академический словарь башкирского языка: В 10 т. Т. IV / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2012.

Академический словарь башкирского языка: В 10 т. Т. V / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Уфа, 2013.

Башкирское народное творчество. Т. III. Эпос. Уфа, 1998. На башк. яз.

Башкирское народное творчество. Т. I. Эпос. Уфа, 1987.

Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. М.; Л., 1946.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006.

Кляшторный С.Г. Рабы и рабыни в древнетюркской общине (по памятникам рунической письменности Монголии) // Древние культуры Монголии. Новосибирск, 1985.

Кляшторный С.Г. Формы социальной зависимости в государствах кочевников Центральной Азии (конец I тысячелетия до н. э. – I тысячелетие н. э.) // Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.
Семенов Ю.И. Происхождение брака и семьи. М., 1974.
Тишин В.В. К проблеме форм эксплуатации и социальной зависимости в древнетюркской среде VI–XI вв.: историографический аспект // Этнографическое обозрение. 2014. № 4.

Кукаева С.А., г. Черкесск

НОГАЙСКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМЫ ОРФОГРАФИИ И АЛФАВИТА

Ногайский язык относится к западной ветви тюркских языков, составляя в ней вместе с казахским и каракалпакским языками кипчакско-ногайскую подгруппу кипчакской группы. Национальный язык современных ногайцев, проживающих в нескольких субъектах Российской Федерации (Карачаево-Черкесская Республика, Республика Дагестан, Ставропольский край, Астраханская область, Чеченская Республика), а также за рубежом (Турция, Болгария, Австрия, Голландия, Венгрия, Румыния и др.). Государственный язык Карачаево-Черкесской Республики и Республики Дагестан, наряду с языками субъектообразующих народов, проживающих в этих республиках. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., ногайцев в России 103660 человек, из них количество владеющих ногайским языком составляет 87119 чел., владеющих русским языком – 98081 человек. По мнению исследователей, если 70% носителей малочисленного языка двуязычно, уже необходимо принять защитные меры по спасению языков, ибо за этой гранью ожидается потеря языка, культуры и национальных особенностей.

Ногайский литературный язык до его современного состояния прошел длительный и сложный путь развития. Письменная культура ногайцев корнями уходит в глубокую древность, предки современных ногайцев пользовались руническим, уйгурским, уйгуро-найманским, арабским письмом. Как отмечает А.И.-М. Сикалиев: «Большинство древненогайских племен в эпоху создания орхоно-енисейских рунических памятников находилось на той территории, где обнаружены эти памятники. А названия некоторых племен *(канглы, конгар или кангар, кенгерес и др.)* встречаются в самих текстах. Выдающиеся памятники средневековой и золотоордынской культурной эпохи, творчество известных поэтов-философов также были известны ногайцам. Имена и художественные творения Юсуфа Баласагуни, Кет-Буга Найманлы, Ахмеда Ясави и других пользовались популярностью как литературное наследие предков» [8,с.44]. Как свидетельствуют исторические источники, ногайский язык в Ногайской Орде (XV-XVIII вв.) являлся государственным языком, на котором велась дипломатическая переписка. В Москве, в Посольском приказе служили и толмачи ногайского языка.

В послереволюционный период современный ногайский язык сменил 2 алфавита: до 1928 года применялся арабский, до 1938 года – латинский, пока не утвердился новый алфавит, созданный на основе русской графики. С некоторыми изменениями алфавит 1938 года (в 1944 исключены диграфы *Гъ гъ, Къ къ,* в 1950 г. добавлены *Аь аь, Ё ё)* функционирует и в настоящее время. Переход на совершенно новые системы письма нанес невосполнимый урон развитию национальной духовности ногайцев и сыграл отрицательную роль в истории развития ногайского языка. Значительная часть культурного наследия ногайцев, зафиксированная уйгурским письмом, затем арабицей и латинницей, остается невостребованной в многочисленных архивах различных городов России, ближнего и дальнего зарубежья. Таким образом, многие тюркские народы с давней письменной традицией лишились письменности, «дважды уничтожалось культурное наследие, дважды большое количество людей стало неграмотным» [7, с. 21], что вызвало массовое безразличие к проблемам развития языка.

В 20-х годах XX века ногайский язык исследователями был отнесен к младописьменным языкам, что не могло не отразиться на становлении и развитии ногайской лингвистической мысли. В то время, когда советскими учеными-лингвистами активно исследовались и

разрабатывались вопросы истории старописьменных языков (узбекский, туркменский, азербайджанский, татарский, башкирский и др.) с широким привлечением данных древнетюркских памятников, расшифровки их текстов, материалы ногайского языка практически не упоминались и не учитывались. Но, уже в 60-70-ые годы XX века, благодаря основополагающим трудам отечественных ученых-тюркологов (А.Н. Самойлович, С.Е. Малов, А. Н Кононов, Н.К. Дмитриев, В. М. Жирмунский, Э. Н. Наджип, Н.А. Баскаков, К. М. Мусаев и др.), а также исследованиям ученых-ногаеведов (С. А. Калмыкова, А.И-М.Сикалиев, Р.Х. Керейтов, Л.Ш. Арсланов, Ш.А. Курмангулова, М.А. Булгарова, А.Х. Курмансеитова, Н.Х.Суюнова, Ю.И.Каракаев и др.), стало возможным решение таких вопросов как этногенез ногайцев и история языка, отношение древнетюркских памятников к ногайскому языку, определение места ногайского языка среди других тюркских языков и т.д. [2, с. 207].

Орфография и графика ногайского языка не раз являлись предметом широкого обсуждения. На I Вседагестанской орфографической конференции в 1931 году был принят проект ногайской орфографии, основанной на фонетическом принципе (сост. А.Ш. Джанибеков). На II Вседагестанской орфографической конференции, состоявшейся в 1933 году, принципы ногайской орфографии были пересмотрены. Было принято решение в основу орфографии ногайского языка положить фонетико-морфологический принцип. Были разработаны правила правописания сложных слов, правила правописания аффиксов, внесены коррективы в правописание заимствованных слов. В 1937 году на конференции в г. Махачкала был одобрен «Свод правил правописания ногайского литературного языка», составленный Н.А. Баскаковым [5, с.68-69].

После перехода ногайского алфавита на кириллическую графическую основу в 1938 году вышел в печати «Свод орфографических правил ногайского языка», составленный А.Ш.Джанибековым [3].

Современный ногайский алфавит состоит из 37 простых и сложных букв. Он построен на основе русского алфавита с добавлением четырех букв, обозначающих специфические звуки ногайского алфавита: сонорного *нъ* и гласных *аь, оь, уь.* Алфавит ногайского языка в количественном отношении сравнительно небольшой, однако в качественном отношении его нельзя считать вполне удовлетворительным, т.к. в нем имеются недостатки, присущие многим алфавитам. Как известно, использование двузнаковых букв *(аь, оь, уь, нъ)* считается недостатком любой графики.

Удобство алфавита определяется, прежде всего, его соответствием фонетической системе, полным отображением в знаках-буквах гласных и согласных звуков-фонем данного языка. В этом отношении ныне действующий ногайский алфавит имеет серьезные недостатки: ряд знаков-букв используется для обозначения различных по количеству и качеству звуков.

Буква «и» в ногайском языке употребляется:

а) для передачи краткого редуцированного ногайского звука [и]: *билим* «знание», *кийим «одежда»* и др.; б) для передачи русского узкого звука [и] в заимствованиях: *институт, телевизор, Интернет, физика и др.;*

Буква «у» в ногайском языке обозначает:

а) редуцированный полуузкий [у]: *ун* «мука», *уста* «мастер» и др.; б) русский лабиализованный звук [у] в заимствованиях: *указ, устав, студент;*

Буква «в» в ногайском языке обозначает:

а) губно-губной [в], [*соот.*w]; *тав* «гора», *вакыт* «время», *увыт* «февраль»; б) губно-зубной русский согласный [в]: *вагон, взнос, вокзал и др.;*

Буква «к» употребляется для обозначения двух звуков:[къ] – [к]: *кол – коьл, кыр – кир, кул – куьл и др.;*

Буква «г» употребляется для обозначения звуков [гъ] – [г] *кагыт* «бумага», *соган* «лук»; *сегиз* «восемь», *йигит* «джигит» *и т.д.*

Много вопросов возникает по орфографии сложных слов *(туздаьм –туз-даьм* «хлеб-

соль», *бесиктой – бесик той* «обряд укладывания в люльку», *сувяга – сув яга* «берег реки»); заимствований *(тарих – тарыйх – тарийх* «история», *шайыр – шаьйир – шайир* «поэт») и др. [6, с.230-236].

Реформирование ногайского алфавита и правил орфографии обусловлено тем, что современный ногайский алфавит и орфография не исходят из основных особенностей звукового состава и законов орфографии современного ногайского языка. Затрудняет работу отсутствие Орфографического словаря ногайского языка. Изданный небольшим тиражом «Свод орфографических правил ногайского языка» [4] не охватывает всего многообразия возможных вариантов правописания слов. Проблема пунктуации является до настоящего времени одной из наименее разработанных в ногайском языкознании. Актуальными остаются проблемы совершенствования орфоэпических норм современного литературного языка, разработка функциональных стилей, подготовка и издание академической грамматики ногайского языка, словарей различных типов, учебников и учебно-методических пособий и др.

Проблема сохранения и развития родных языков в условиях многонационального и многоязычного государства – одна из актуальных проблем современного общества. Успешное решение вопросов комфортного сосуществования народов внутри единого Российского государства – залог стабильности и процветания страны. Культурное наследие прошлого и культурное достояние современной России – это совокупность языков и культур всех народов, населяющих нашу необъятную страну, и сохранение этого достояния – одна из приоритетных задач государства и общества.

Литература

1. Баскаков Н.А. Ногайский язык и его диалекты. Грамматика, тексты и словарь. – М. – Л., 1940. – 270 с.

2. Булгарова М.А. Современное состояние изученности ногайского языка // Материалы Первой Международной научно-практической конференции «Ногайцы: 21 век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему». – Черкесск, 2014. – С.206-211.

3. Джанибеков А. Ш. Ногай литературный тилдинъ орфографический правилоларынынъ Своды.– Махачкала, 1938.

4. Джанибекова-Калмыкова С.А. Ногай адабият тилдинъ дурыс язув йосыкларынынъ йыйынтыгы. – Черкесск, 1999. – 37 б.

5. Калмыкова С.А., Саруева М.Ф. Грамматика ногайского языка. Часть 1. Фонетика и морфология. – Черкесск, 1973.– 320 с.

6. Кукаева С.А. К проблеме этнолингвистической витальности ногайского языка // Материалы Первой Международной научно-практической конференции «Ногайцы: 21 век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему». – Черкесск, 2014. – С.230-236.

7. Мусаев К.М. Современные проблемы терминологии на тюркских языках СССР // СТ. – Баку, 1986.- № 4. – С. 18-30.

8. Сикалиев А. И.-М. Древнетюркские письменные памятники и ногайцы // Советская тюркология,1987. № 4. – С. 131- 135.

9. Сикалиев А.И.-М. (Шейхалиев). Ногайский героический эпос. –Черкесск, 1994. – 326 с.

Кәримов С.Г., Өфө к.

М.ӨМӨТБАЕВТЫҢ ТАРИХИ-ЭТНОГРАФИК ЯҘМАЛАРЫНДА ӨФӨ ҠАЛАҺЫНДАҒЫ ҺӘМ УНЫҢ ТИРӘҺЕНДӘГЕ ТОПОНИМДАРҘЫҢ САҒЫЛЫШЫ

Мөхәммәтсәлим Өмөтбаев – XIX быуаттың икенсе яртыһынан алып XX быуат баштарына тиклемге осорҙа башҡорт мәҙәниәте һәм әҙәбиәте үҫешенә тоҫ өлөш индергән фиҙәкәр шәхестәрҙең береһе. Илле йылға якын ғүмерен ул туған халҡын яҡты тормошҡа алып сығыу өсөн көрәште, бөтә энергияһын, аҡыл көсөн уны ағартыуға, алдынғы халыҡтарҙың мәҙәниәте менән таныштырыуға, халыҡтар араһындағы дуҫлыҡтың, дөрөҫлөк һәм ғәҙеллектең бөйөк идеяларын бар булмышы менән аңлатырға, уларҙы үтемле пропагандалауға тырышты. Ижади әҫәрҙәрендә һәм ғилми хеҙмәттәрендә шул дәүерҙең

ижтимағи-политик, эстетик, мораль-этик һәм педагогик ҡараштарын, хеҙмәт эйәләренең уй-хыялдарын һәм өмөт-ынтылыштарын сағылдырыуға ирешті [Ҡунафин, Б.5].

Халҡыбыҙҙың культура тарихында был арҙаклы шәхес мәғрифәтсе шағир, публицист һәм тәржемәсе буларак ҡына түгел, мәғрифәтсе ғалим буларак та тәрән эҙ ҡалдырҙы. Уның ғилми мираҫының шаҡтай өлөшөн халҡыбыҙҙың тарихына һәм этнографияһына арналған хеҙмәттәр алып тора. Уларҙа автор географик объекттарҙы конкрет рәүештә күҙ аллау өсөн күп һанда ер-һыу, торлаҡ атамаларын ҙа ҡулланған.

Ғүмеренең күп өлөшөн М.Өмөтбаев Өфө ҡалаһында уҙғарҙан. Шуға ла был ҡала уға яҡын һәм ҡәҙерле булған. Өфө тураһында, ундағы географик объекттар һәм уларҙың атамалары тураһында ла мөһим һәм кәрәкле мәғлүмәттәр теркәп калдырған ул үҙенең ғилми-этнографик яҙмаларында.

Өфө ҡалаһы һалыныуының сәбәп-мотивтарын автор укыусыға аңлайышлы формала еткерергә омтола. Бына уның "Башҡорт халҡының аҡ һәм ҡара көндәре" яҙмаһынан бер өҙөк: "Иван Васильевич Грозный заманында, башҡорттар ихтыяр баш һалган өсөн, ерҙәренә грамоталар бирелеп, уларҙың себер татарҙарынан һәм кыргыҙҙарҙан (казаҡтарҙан – *С.К*) рус һәм үҙ ерҙәрен һакларға вәғәҙә алынған. 1556 йылда йәнлек тиреһенән һәм балдан бәйғәт (ризалыҡ) биргәндәр. Яһаҡты Ҡазанға түләгәндәр. Әммә 1572 йылда, Ҡазанға йөрөмәктәрен йыраҡ тип, *Торатауҙа*, йәғни *Өфө тауында* ҡала һалырға һәм ғәскәр тоторға һорағандар. Сөнки ул заманда ҡалмыҡ халҡы көслө булып, башҡорт йортон бик ғарәт ҡылғандар (талағандар). 1574 йылда Иван Нагой исемле ҙур чиновник ҡәлғә һала башлаған. 1575 йылда Себер ханының балалары Аблай менән Тәүкил *Өфө ҡалаһын* һалыуға мәнег ҡылғандар (ҡомасаулағандар). Башҡорттар, рустар менән бер яҡлы булып, себер татарҙарын боҙоп (тар-мар итеп), хан балаларын әсир иткәндәр. Был яҡтан башҡорттар гәһедтәренә вафа ҡылғандар (вәгәҙәләренә тоғро булғандар)" [Өмөтбаев, Б. 206]. Күреүебеҙсә, текстта автор, тарихи сығанаҡтарға нигеҙләнеп, теүәл йыл һандары менән эш иткән. Өфө халҡының тарихи хәтере Кариҙел йылғаһының Ағиҙелгә ҡушылған ерендәге тау массивын *Торатау*, икенсе атамаһы менән әйткәндә, *Өфө тауы* тип беҙҙең көндәргә тиклем килтереп еткергән.

М.Өмөтбаев үҙенең яҙмаларында, донъяға ҡараштарында тарихи-демократик принциптарына тоғро калып, топонимик берәмектәрҙең рәсми атамаларын ғына теркәү менән генә сикләнмәгән, уларҙың халыҡ күңелендәге һәм хәтерендәге исемдәрен дә билдәләп үтеүҙе мөһим һәм тейешле һанап эш иткән. Мәҫәлән, ул *Өфө ҡалаһының* халыҡта оҙайлы ваҡытта ҡулланылған атамаһы *Имән ҡала* булыуын да билдәләп үткән. Был хаҡта ул "Өфөнөң тарихына ҡағылышлы материаллар" (1886) тип исемләнгән яҙмаһында ошондай аңлатма биргән: "...Башҡортостанда хатта хәҙерге ваҡытта ла урындағы халыҡтар, чиновниктарҙың ҡамсы менән ҡурҡытыу-янауҙарына ҡарамаҫтан, ҡалаларҙы үҙ белдектәре менән исемләп йөрөтәләр. Мәҫәлән, Верхний Уралды ҡасандыр тал ситән менән уратылып алынғанлығы өсөн *Тал ҡала*, Нижний Уралды – *Яйыҡ,* Өфөнө, имән урманында төҙөлөп, имән ҡаҙыҡтар менән уратылып алынғанлығы өсөн *Имән ҡала* тип атайҙар" [Өмөтбаев, Б.197].

Юғарыла әйтелгән яҙмала автор ҡала тарихына ҡағылышлы урындарҙа Өфө ҡалаһының состав өлөштәре, төбәктәре тураһында ла мәғлүмәттәр биреүҙе кәрәкле һанаған. Түбәндәге өҙөктә беҙ Өфөнөң шактай үҫеш алған булыуын, иҫке һәм яңы өлөштәрҙән тороуон белә алабыҙ: "...Урындағы идара үҙәге буларак Өфө ҡалаһы бик күп вакиғаларҙың шаһиты булған. Мәҫәлән, бында әсирлектә үлгән мосолмандарҙан Букей хандың тоҡомонан булған тотҡон ерләнгән. Ҡәбере *Иҫке Өфөлә*, кирбес һарайҙары янында тиҙәр..." [Өмөтбаев, Б.200-201].

Тораҡ, уның өлөштәре атамаларынан – ойконимик берәмектәренән тыш М.Өмөтбаев был яҙмаһында ҡала эсендәге башҡа төр географик объекттарҙың атамаларын да билдәләгән. Бына был өҙөктә ул Өфөләге тағы ла бер ороним – Случевский тауы тураһында яҙа: "... *Случевский тауының* көнсығыш битләүендә, ҡапҡа һәм йырын-соҡорҙар эргәһендә генә ғәйәт күп ҡәберҙәр әҙе күренә. Башҡорт легендаларына ҡарағанда, бында Пугачев яуынан һуң язаланған боласы мосолмандар ерләнгән" [Өмөтбаев, Б.201].

М.Өмөтбаев Өфөнөң көньяҡ-көнсыгыш тирәһендәге топонимик берәмектәргә лә иғтибарлы булған. Ул уларҙы үҙенең ыру-ҡәбилә ерҙәрендә урынлашкан булыуҙарына нисбәтле рәүештә айырым бер ғорорлоҡ тойғоһо менән билдәләп үткән һәм был оронимдарҙың бороңгонан килгән халыҡ атамаларын ҙа килтергән: “Әйткәнебеҙсә, Өфө губернаһында яңғыҙлыҡ исемдәргә бәйле урындар күп. Беҙҙең башҡорттарҙың фекеренсә, шундай урындарҙың береһе Ағиҙел буйындағы Нуғай һәм Зинин ауылдары араһындағы майҙанды алып торған *Нуғай тауы Мулла йөҙлөгө*, йәғни сотняһы йәки алғәскәре, *Аҡбирҙе тауы* (ул Йомран башҡорттарының биләмәһе булған) *Бабалар (тауы)* тип аталған, сөнки унда хәҙерге йомран башҡорттарының ата-бабалары ҡышлар булған” [Өмөтбаев. Б.204].

Икенсе бер хеҙмәтендә (“Кесе Табын халҡының бабалары һәм унан айырылған Йомран Табын ере”) М.Өмөтбаев Өфөгә яҡын урманға (хәҙерге Сипайлово, Инорс микрорайондары урынлашҡан ерҙәрҙә) Аблай исеме бирелеүен тарихи ваҡиғаларға бәйле рәүештә аңлата: “1575 йыл башҡорттар, Себер ханының шаһзадәләре Аблай менән Тәүкил Өфө ҡалаһын һалдыртмаҫҡа килгәндә, ...бик һуғышып, Аблай Ҡариҙел буйында (Өфөнән 15сакрым, *Аблай урманы* тирҙәр) ҡател булынып (үлтерелеп), Тәүкил әсир булды тиҙәр...” [Өмөтбаев. Б.223].

Шулай итеп, М.Өмөтбаев туған халҡының тарихи үткәненә, халыҡ хәтере һаҡлап килтергән йәшәү урындары һәм ер-һыу атамаларына битараф булмаған. Был топонимдарға ул атайсаллыҡ юҫығынан ҡараған, уларға тейешле аңлатмалар биреүҙе үҙенең иҙге бурысы итеп хис иткән.

Әҙәбиәт

1. Ҡунафин Ғ. Мәҙәниәт яҙының хәбәрсеһе//Өмөтбаев Мөхәмәтсәлим. Йәдкәр. Шиғырҙар, публицистик яҙмалар, тәржемәләр, халыҡ ижады өлгөләре, тарихи-этнографик яҙмалар. – Өфө: Башҡ.кит.нәшр., 1984. – Б.5-32.

2. Өмөтбаев Мөхәмәтсәлим. Йәдкәр. Шиғырҙар, публицистик яҙмалар, тәржемәләр, халыҡ ижады өлгөләре, тарихи-этнографик яҙмалар. – Өфө: Башҡ.кит.нәшр., 1984. – 288б.

Лебедев Э.Е., г. Чебоксары

О СЕМАНТИКЕ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛА В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ

Система прошедших времен глагола в тюркских языках состоит, как правило, из относительно большого количества форм. Это связано с тем, что в составе значений этих форм сема предшествования моменту речи сочетается с другими, дополнительными семами. Именно наличие этих дополнительных сем, таких как индирективность (заглазность), категоричность, предшествование другому действию в прошлом и др., определяет множество форм со значением прошедшего времени в тюркских языках. Между этими формами существуют определенные оппозитивные отношения, что позволяет объединять их в общую систему глагольных времен.

В трудах по грамматике чувашского языка, где исследуются времена глагола, мы наблюдаем большой разброс количества подобных форм. Так, в монографии Н.И. Ашмарина «Опыт исследования чувашского синтаксиса. Часть 2» описывается 8 форм прошедшего времени. А в работе И.П. Павлова «Хальхи чăваш литературă чĕлхи. Морфологи» таких форм представлено всего лишь три [1, с. 171–236; 3, с. 241–248]. Связано это с тем, что И.П. Павлов (как и большинство современных авторов) не включает в систему временных форм глагола те, которые образованы аналитическим способом.

Исследование форм прошедших времен в чувашском языке мы базируем на определенных семантических составляющих их значений. В качестве этих составляющих можно выделить следующие: 1) сему очевидного действия в прошлом, прошедшее категорическое время – действия, в котором говорящий уверен либо лично его наблюдал; 2) сему неочевидного (индирективного) действия в прошлом, прошедшее субъективное действие – действия, о котором говорящий судит со слов других, либо предполагает факт его

совершения; 3) сему давнопрошедшего действия, плюсквамперфект – действия, произошедшего до другого действия в прошлом; 4) сему длительного действия в прошлом, определенный имперфект; 5) сему постоянного действия в прошлом, неопределенный имперфект.

1) Прошедшее категорическое время.

Передача значения категорического действия в прошлом в чувашском языке происходит при помощи формы, представленной следующими алломорфами: *-ра/-ре, -та/-те, -че*. Отрицательный статус образуется посредством аффиксов *–ма/-ме*, в создании вопросительной формы участвует частица *-и*:

Ахăрса, ***вăйланса кайрĕ*** *çил-тăвăл Ĕренпур тăрăхĕнче* (Алексеев) Разыгралась, **разбушевалась** буря в окрестностях Оренбурга.

Тĕлĕкне ***куртăм****. Пăрт* ***лартрăмăр*** *пек. Çĕнĕ пăрт. Чăрече* ***кастармарăмăр****.* ***Витмерĕмĕр****. Алăк уçса атте* ***кĕрсе кайрĕ****.* ***Чĕнтĕм – тухмарĕ*** (Ильбек) Я **видел** сон. Как будто мы **поставили** дом. Новый дом. Окна **не прорубили**. Крышу **не покрыли**. Отец открыл дверь и **зашел** в него. Я **позвал** – но он **не вышел.**

Форма прошедшего категорического времени передает самое общее значение действия в прошлом. Но дополнительной ее семантикой является категоричность совершения действия, указание на то, что оно произошло на самом деле. В основном, эта форма выражает непродолжительные действия, но иногда ее применяют и в отношении длительных (или постоянных) действий в прошлом, что говорит об индиферентности ее семантики к признаку продолжительности-непродолжительности:

Йывăр вăхăтсенче вăл темиçе хут та çамрăк лейтенанта ***аса илчĕ****, унăн пултарулăхĕ çинчен салтаксемпе офицерсене* ***каласа кăтартрĕ****, вĕсене çар ĕçне юратма* ***вĕрентрĕ*** (Вутлан). В трудные моменты он много раз **вспоминал** молодого лейтенанта, **рассказывал** о его мастерстве солдатам и офицерам, **учил** их любить военное дело.

2) Прошедшее субъективное время.

Это значение передается при помощи формы причастия прошедшего времени с показателем *-нă/-нĕ*. Его отрицательная форма образуется аффиксом *–ман/-мен*:

Çил ерипен ***чарăннă****. Пĕтĕм çыран хĕрринче нимле сас-чӳ, нимле хускалу* ***пулман****, тинĕс кăна çаплах хăрушшăн* ***ахăрнă****…* (Збанацкий). Ветер постепенно **стих**. На всем берегу **не было** ни звука, ни движения, и только море так страшно **ревело**…

Чăваш çарне ертсе пырса, çармăссемпе çума-çумăн Мурăма ***илнĕ****, Мускав патĕнче* ***çапăçнă****, эсир вĕсен аллисене çыхса лартатăр!* (Юхма) Руководя чувашским войском, они бок о бок с марийцами **взяли** Муром, **дрались** под Москвой, а вы связали им руки и сажаете их!

Под субъективностью понимается значение действия, которое произошло в прошлом, но непосредственно не наблюдалось. О его совершении, как правило, судят со слов других лиц, либо предполагают. В тюркологии подобные значения обозначаются терминами «опосредованность» или «индиректив» [2, с. 327].

Но это не единственное значение этой формы. Другим ее значением является перфект – значение действия, которое произошло в прошлом, но его результат наблюдается в настоящем. Б.А. Серебренников считал, что именно на базе значения перфекта развивается значение неочевидности (или опосредованности) действия [4, с. 206].

Сухалĕпе çӳçĕ ***кăвакарнă*** *унăн, куç айĕнчи ӳчĕ* ***пĕркеленнĕ*** (Мранька) Борода и волосы его **поседели**, кожа под глазами **была в морщинах.**

Семантика формы прошедшего субъективного действия также безразлична к признаку продолжительности действия.

3) Давнопрошедшее время (плюсквамперфект)

Значение плюсквамперфекта в чувашском языке передается двумя синтетическими формами: сочетанием аффиксов причастия прошедшего времени с аффиксом, так называемого, недостаточного глагола на *-ччĕ*: *-нăччĕ/-нĕччĕ* и формой с показателем *-саттă/-сеттĕ* (*-сатчĕ/-сетчĕ*), которая этимологически восходит к сочетанию аффиксов деепричастия на *-са/-се* и аффикса прошедшего категорического времени. Эти две формы противостоят друг другу по оппозиции очевидности и неочевидности:

Паян ăна çĕрулми турттарма наряд ***панăччĕ*** (Гордеев) Сегодня ему **дали** наряд возить картофель.

Лаша ***туянас тесеттĕм****. Лашасăр пурнăç пурнăç-и вăл пирĕн пек çыннăн?* (Уяр) Я **хотел купить** лошадь. Разве можно считать жизнью жизнь без лошади у таких людей, как мы?

Кроме этого, в чувашском языке имеется аналитическая форма передачи значения плюсквамперфекта. В частности, на нее указывает Н.И. Ашмарин [1, с. 234]. Эта форма состоит из сочетания формы причастия на *-нă/-нĕ* и вспомогательного глагола *пулнă* «был»:

Мăйăрне Ирккана хăйпе вĕренекен тусĕ ***панă пулнă****, вăл ăна хăй çимесĕр илсе килнĕ* (М. Ухсай) Орех Ирке **дал** одноклассник, она его сама не съела, принесла.

Те формы, которые образованы с участием причастия на *-нă/-нĕ*, в составе своего значения имеют дополнительную сему перфекта.

4) Длительное в прошедшем (определенный имперфект)

Данное значение в чувашском языке может передавать форма на *-аттă/-еттĕ*. Эта форма представляет собой сочетание аффиксов настоящего и прошедшего категорического времен. Комплексный состав формы хорошо наблюдается в отрицательном статусе, который образуется при помощи аффиксов настоящего времени *–мас/-мес*. При этом личные аффиксы представляют собой аффиксы второй группы: *-м, -мăр/-мĕр*; *-н, -р*; *-ĕ*, характерные для форм прошедшего времени. В этом значении указанная форма используется не так часто, так как для передачи длительного действия в прошлом, в основном, прибегают к форме прошедшего категорического времени. Отметим также, что при реализации упомянутого значения всегда наличествует контекст другого действия, которое происходит непосредственно за действием, обозначаемым формой на *-аттă/-еттĕ,* и прерывает его. Об этом в частности пишут Н.И. Ашмарин и И.П. Павлов [1, с. 207–208; 3, с. 247].

Çапларах ***шухăшласа пыраттăм*** *эпĕ вакун коридорĕнчи чӳречe умĕнче. ... Кĕтмен çĕртен чĕрем пăлханса кайрĕ, кăмăлăм хуçăлчĕ...*(Артемьев). Вот так я **размышлял** у окна в коридоре поезда. … Вдруг, мое сердце заволновалось, настроение упало…

Пĕр каçхине вĕсем, Кирушпа пĕрле, Атăл хĕррипе киленсе ***утатчĕç****. Кируш çурма сасăпа тем* ***калаçатчĕ****, анчах Вера ăна пачах* ***итлеместчĕ*** (Григорьев). Однажды вечером они с Кирюшей **шагали**, наслаждаясь (погодой), вдоль берега Волги. Кирюша что-то **говорил** вполголоса, но Вера его совсем **не слушала.**

5) Постоянное в прошедшем (неопределенный имперфект)

Форма на *–аттă/-еттĕ* (в третьем лице *–атчĕ/-етчĕ*) задействована также и в передаче значения постоянного действия, которое происходило в прошлом:

Ара, эс нумай пулмасть кăна шкул ачиччĕ те-ха. Çарран ***çӳреттĕнччĕ*** (Турхан). Ты же еще недавно был только школьником. **Ходил** босиком.

Икĕ ял çамрăкĕсем кашни каç вăйăа ***тухатчĕç*** (Терентьев). Молодежь из двух деревень каждый вечер **выходила** к хороводу.

В чувашском языке имеется еще одна форма, передающая указанное значение. Она образуется при помощи сочетания аффикса причастия настоящего времени на *-акан/-екен* с аффиксом недостаточного глагола с показателем *-ччĕ*. По нашему мнению, эту форму можно с полным правом включить в систему форм прошедшего времени глагола.

Вĕреннĕ çынсем яланах ăслă канаш ***параканччĕ*** (Ефимов). Ученые люди всегда **давали** мудрый совет.

Василий Петрович ытти чухне, чăнах та, нихăçан та кун пек пулакан марччĕ, вăл, çын-мĕн килес пулсан, тӳрех *хыпăнса ӳкекеннĕ*, ***лара-тăра пĕлместчĕ, паян акă ун кăмăлĕ йăлтах пăсалса кайнă*** **(Игнатьев). И действительно, Василий Петрович в другое время никогда не был таким, он, как только приходили люди, сразу** начинал суетиться**, крутился как волчок, но сегодня его настроение совсем испортилось.**

В передаче значений прошедшего времени в чувашском языке задействован целый ряд форм. Наиболее многозначной в этом ряду является форма прошедшего категорического времени, способная обозначать, как кратковременные, так и длительные и постоянные действия. Некоторые из указанных выше сем могут иметь две или даже три формы, которые часто противопоставлены друг другу по дополнительным признакам. С точки зрения структуры формальных показателей, формы прошедшего времени в чувашском языке могут образовываться синтетическим и аналитическим способом.

Литература

1. Ашмарин Н.И. Опыт исследования чувашского синтаксиса. Ч. 2. Симбирск, 1923.
2. Гузев В.Г. Глагольное словоизменение в турецком языке // Очерки по теоретической грамматике восточных языков: существительное и глагол. СПб, 2011. С. 289–351.
3. Павлов И.П. Хальхи чăваш литературă чĕлхи. Морфологи. Шупашкар, 1965.
4. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.

Маннапов М.М., г. Уфа

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

Образовательный процесс на языках национальностей Самарской области всегда являлось одним из значимых вопросов. Несмотря на отсутствие финансирования из федерального бюджета на эти цели, расходы по национальному образованию были переложены на областной бюджет и учредителей национальных центров. По этой причине многое зависело от финансовых возможностей, как региона, так и национальных общин. Отдельные задачи в сфере разработки и издания пособий для национальных школ и классов возложены на Департамент науки и образования администрации области согласно постановлению губернатора Самарской области от 22 мая 2001 г. за № 166 [1].

На территории Самарской области была воссоздана система начального и среднего образования на национальных языках (татарском, чувашском, башкирском, казахском, мордовском, немецком, еврейском), входящие как предмет в региональный компонент образовательной программы или усваивались факультативным путем, как в сельских, так и городских общеобразовательных учреждениях. В школьный курс были введены такие предметы, как этнография, культура родной речи, искусство перевода, национальная история и музыка, прикладное искусство, народные промыслы и ремесла, история религии. В целях приобщения граждан к истокам этнической культуры, языку и традициям в городах области интенсивно стала развиваться сеть воскресных школ: еврейские (в гг. Самаре, Тольятти, Новокуйбышевске, Похвистнево), польские (в г. Самаре), татарские (в гг. Самаре, Тольятти, Сызрани), украинские (в г. Самаре), башкирская (в г. Самаре) и др. Всего в области работало 36 воскресных школ. Также в Самарской области функционировали 224 национальные (нерусские) школы, из них: башкирских – 6, казахских – 7, мордовских – 51, немецких – 3, татарских – 26, украинских – 4, чувашских – 87, школ со смешанным национальным составом – 40. Однако по материалам исследований Центра этнополитических и региональных исследований Института социологии РАН, представленные данные, немного преувеличены: в Самарской области в указанный период работали более 150 школ с этнонациональным компонентом образования (татарским, чувашским, мордовским). Например, касательно чувашских школ, из которых только 40 были отнесены к национальным учебным заведениям, эрзянских – 8, о функционировании отдельных башкирских, казахских и украинских общеобразовательных учреждений информация практически отсутствует.

В период с 2001 по 2007 гг. в Самарской области функционировали 110 национальных дошкольных учреждений: башкирских – 4, мордовских – 29, татарских – 13, чувашских – 34, ДОУ с многонациональным составом воспитанников – 30. Татарские группы представлены в 3 детских садах г. Самары и в одном детском саду г. Сызрани. По данным социологов из Центра этнополитических и региональных исследований Института социологии РАН, реальная численность национальных дошкольных учреждений в Самарской области была незначительной. В качестве предмета родной язык изучался в 91 школе: башкирский – в 9 школах, эрзянский и мокшанский – в 10 мордовских школах, татарский – в 23 школах и чувашский – в 49 национальных школах. В двух школах г. Самары были открыты национальные отделения: еврейское – в школе № 41, немецкое – в школе № 44. В 1997 г. открыта татарская средняя школа «Яктылык». В 2001 г. в 9 башкирских деревнях Большеглушицкого и Большечерниговского районов Самарской области в школах было организовано изучение родного башкирского языка. Преподаванием башкирского языка занимались 7 учителей башкирского языка, 3 из которых имели высшее образование, 4 – среднее специальное. Для этого было выделено 3 кабинета для изучения указанного предмета [2].

Решением экспертно-методического совета по этнонациональной политике аппарата Правительства Самарской области от 22 февраля 2007 г. региональными языками или языками нацменьшинств в Самарской области были признаны: башкирский, мордовский (эрзя), татарский и чувашский. По данным Министерства образования и науки Самарской области в 2006-2007 учебном году башкирский язык изучался в 7 общеобразовательных учреждениях Самарской области (численность изучающих язык – 152 учащихся), мордовский – в 5 (197 учащихся), татарский – 19 (2613 учащихся) и чувашский – в 33 (1670 учащихся).

По инициативе Министерства образования РФ, несмотря на протесты широкой массы башкирской, татарской, чувашской и других общественных организаций в ноябре 2007 г. был принят закон о ликвидации регионального и школьного компонентов образования. Именно указанные компоненты еще оставляли возможность изучения родных нерусских языков в Самарской области. Принятый Государственной Думой Федеральный закон «О внесении изменений в некоторые акты Российской Федерации (в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта»)» отменил региональный компонент, в рамках которого до сих пор изучался родной язык и история народов в регионах Российской Федерации, в т.ч. и в Самарской области.

До последнего времени дополнительным стимулом для органов управления образованием и непосредственно образовательных учреждений Самарской области, их заинтересованности в реализации предметов этнокомпонента являлась трехкомпонентная структура ГОС (федеральный, региональный, школьный или инвариативный компоненты). В Федеральном законе «Об образовании» и после отмены компонентной системы сохранялась статья, декларирующая защиту и сохранение национальных культур (ст. 2). На этом основании руководители министерства образования и науки Самарской области на запросы активистов национально-культурных центров предоставляли ответ о том, что ныне у каждого образовательного учреждения представлена возможность по учету этнокультурных особенностей учащихся и существует право на организацию, либо отказ общеобразовательного заведения на реализацию этнокомпонента [3].

Практика Самарской области, где родной (нерусский) язык и другие составляющие этнокомпонента уже несколько лет не имели регионального статуса, показывает, что количество «национальных» школ, отделений и классов неуклонно сокращается. За период 2004-2008 гг. количество школ с этнокомпонентом по официальным данным сократилось с 82 до 59 образовательных учреждений. Только благодаря энтузиазму педагогов, руководителей ряда сельских округов и некоторых чиновников областной администрации, активистов национально-культурный центров такие школы сохраняются в местах компактного проживания башкир, мордвы, татар и чувашей, совершаются попытки возродить немецкие и украинские национальные школы [4].

В 2008-2012 гг. развитие системы этнокультурного образования в Самарской области осуществлялась в рамках постановления Правительства Самарской области от 9 июля 2008 г. за № 272 «О внесении изменения в постановление Правительства Самарской области от 13.09.2007 г. № 172 «Об утверждении Плана мероприятий по духовно-нравственному образованию граждан в Самарской области на 2008-2012 годы» [5]. Так, в 2008-2009 гг. в 7 общеобразовательных школах Самарской области изучался башкирский язык (в 4-х школах как предмет, в одной как факультатив, в двух ведутся индивидуально-групповые занятия). В

указанный период в Большечерниговском районе Самарской области также продолжала действовать система преподавания башкирского языка в образовательных учреждениях – МОУ Украинская средняя общеобразовательная школа «Образовательный центр», МОУ Краснооктябрьская СОШ (филиалы Костинская, Истокская НОШ), МОУ Иргизская ООШ (филиалы Денгизбаевская НОШ, Утекаевская НОШ), МОУ Большечерниговская СОШ № 1 (филиал Кочкиновская НОШ). Обучением были охвачены 114 детей, из которых 47 – учащиеся начальной школы, 56 – основной, 11 человек старших классов. Преподавание в этих общеобразовательных учреждениях проводилась по «Программе для общеобразовательных школ Башкирии» (Уфа: Китап, 2002).

В 2011 г. в Самарской области, родной язык, как основной предмет и факультативно, изучался в 57 школах региона. Например, в 5 общеобразовательных учреждениях 91 учащихся изучали башкирский язык. Так, в МОУ Украинская средняя общеобразовательная школа «Образовательный центр» Большечерниговского района Самарской области в 10-11 классах продолжалось преподавание башкирского языка (1 час), а в 3 классе проводилось факультативное занятие в объеме 2 часа в неделю [6].

В целях выявления одаренных учащихся, ежегодно проводились предметные олимпиады по башкирскому языку и литературе, победители которых представляли Самарскую область на межрегиональной олимпиаде в г. Уфе. Всего в районе в олимпиадах по башкирскому языку и литературе в 2005-2006 учебном году принимало участие 11 человек, в 2006-2007 гг. – 15 человек. В ноябре 2011 г. на базе МОУ Украинская СОШ Большечерниговского района Самарской области состоялась очередная олимпиада по башкирскому языку и литературе [7].

Выпускники башкирских школ Самарской области получили возможность обучаться в учебных заведениях Республики Башкортостан. Так, в 2001-2002 гг. в гимназиях-интернатах обучались 5 детей, в педагогических колледжах и училищах – 2 учащихся, в Уфимском хореографическом училище 14 человек, в Уфимском училище искусств – 1 студент. В рамках целевой подготовки специалистов в вузах РБ обучались 37 человек из Самарской области. В основном, целевой прием осуществлялся по специальностям башкирский язык и литература, журналистика, история, специальности по культуре и искусству.

Проводилось научно-методическое, учебно-методическое и организационное сопровождение системы национального образования в Самарской области. В этом плане следует отметить работу кафедры башкирского языка и литературы Башкирского института развития образования РБ (БИРО РБ) и Центра межнациональных коммуникаций Самарского областного института повышения квалификации и переподготовки работников образования (СИПКРО). Ежегодно приглашались в г. Самару коллеги из Республики Башкортостан для проведения курсов повышения квалификации педагогов башкирских общеобразовательных учреждений Большеглушицкого и Большечерниговского районов Самарской области. Так, в 1996 г. прошли курсы переподготовки 10, в 1997 г. – 5, в 1999 г. – 10 учителей. Постоянную связь с самарскими учителями башкирского языка и литературы имело и Управление народного образования г. Уфы. В 1998 г. делегация уфимских методистов посетила башкирские общеобразовательные учреждения Самарской области и оказала методическую помощь учителям башкирского языка и литературы. В 2002 г. была вновь осуществлена такая поездка по обмену опытом педагогической деятельности, а второй половине 2002 г. педагогическая делегация Самарской области приняла участие в фестивале гуманитарных наук в г. Уфе, организованном институтом «Открытое общество» (Фонд Сороса) совместно с органами управления печати, культуры, образования и науки Республики Башкортостан. Учителя башкирского языка и литературы учебных заведений Самарской области принимают активное участие в конкурсах «Учитель года», которые проводятся в Республике Башкортостан [8].

В последние годы в Самарской области была проведена реформа школьного образования путем оптимизации образовательной среды учебного заведения с целью обеспечения доступности качественного образования, которая сильно затронула в первую очередь сельские школы. В итоге произошел спад деятельности малокомплектных общеобразовательных учреждений. Так, например, Министерством образования Самарской области были закрыты 2 малокомплектные сельские школы в башкирских населенных пунктах Таш-Кустьяново и Муратшино Большеглушицкого района. В Большечерниговском районе Самарской области закрыты две основные общеобразовательные школы – Истокская и Костинская, которые были преобразованы в начальные (1-4 кл.) как филиалы Краснооктябрьской средней школы. С 2006 г. было осуществлено решение о снижении

статуса Иргизской средней школы до уровня основной общеобразовательной школы (9 кл.) [9].

Литература

1. Постановление губернатора Самарской области «Об утверждении Плана основных мероприятий по национально-культурному развитию народов Самарской области на 2001 г.». Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/945005652.

2. Изучаем языковую ситуацию Самарской области. Самара, 2007. С. 3-5; Приоритеты и политика региональных властей. Режим доступа: http:// www.indem.ru/Ceprs/Minorities/Samara/Samara04.htm; Ишмуратов Х.Х. Визит дружбы // Ватандаш. 2001. № 12. С. 45.

3. Осипова Н.П. Вклад правительства Самарской области в сохранение и развитие родных языков и культур // Самарская область: этнос и культура. 2010. С. 5; Федеральный закон об образовании. Режим доступа: http://www.edu.ru/abitur/act.34/index.php#stat2.

4. Мухаметшина Н.С. Социально-политические и правовые аспекты реализации этнокомпонента в образовательных учреждениях Самарской области // Самарская область: этнос и культура. 2009. № 1. С. 6.

5. Гатин Д.Ю. Этнокультурное образование в Самарской области // Самарская область: этнос и культура. 2009. № 1. С. 8.

6. Харитонова Н. Язык жив, если на нем учат детей говорить // Самарская область. Этнос и культура. 2012. №1. С.51; К вопросу об актуальности изучения национальных языков // Все мы – Россия. Самарский журнал о дружбе народов. 2015. №1-2. С.66.

7. Перова Т.К. Башкиры Большечерниговского района // Мы – башкиры. Самара, 2008. С. 91-92; Башкортостан и Самарская область: сотрудничеству будет 10 лет. Режим доступа: http://rb7.ru/node/98735; Ишмуратов Х.Х. Указ. соч. С. 45; Шаймарданова Р. Событие, которого ждали иргизские башкиры. Режим доступа: http://www.samddn.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=5632:sobytie-kotorogo-zhdali-irgizskie-bashkiry.

8. Ишмуратов Х.Х. Указ. соч. С. 45; Межрегиональное и международное сотрудничество. http:// www.indem.ru/Ceprs/Minorities/Samara/Samara11.htm; Исламгазин В. Зубайда Хамидуллина: «Я окунулась в мир родного башкирского языка» // Сибайский рабочий. 2009. Режим доступа: http://sibworker.ru/news/2009-04-02-260; Межрегиональный успех // Степной Маяк. № 32. 28 апреля 2012 г. Режим доступа: http://www.stepmayak.ru/1203-mezhregionalnyy-uspeh.html; Учитель года. Режим доступа: http://irgizschool.3dn.ru/index/uchitel_goda/0-11.

9. Вилданов С.Н. Башкиры Самарской области: история и современность // Башкиры Самарской области: история и современность: материалы круглого стола. Самара, 2007. С. 21.

10. Языки народов Республики Башкортостан. Сборник документов №3. Уфа, 2008.

Матыжанов К.С., Казахстан

МАГИЯ ПЕСТРОГО ЦВЕТА И ЕГО ПРИМЕНЕНИЕ В ОБРЯДЕ РАЗРЕЗАНИЯ ПУТ У РЕБЕНКА

Ритуал разрезания пут отмечается как одно из важных событий в жизни ребенка среди многих тюркских народов. Основа ритуала, возможно, родилась от древнего магического поверья о том, что есть колдовская сила, которая связывает ноги ребенка, совершающего первые в жизни шаги, и если эти силы разрезать, то ребенок сможет беспрепятственно ходить и бегать. Известно, что подобные поверья были в истории всех народов мира, а во многих народах Центральной Азии сохранились до сих пор. У башкир, как у казахов и кыргыз, называется «тышау киҫеү» или «тышау ҡырҡыу» — снятие пут, ритуальное действие, направленное на снятие мифических пут с ребенка. *«Бала тышаулы булған, тышауын киҫәбеҙ»,– тип тышау киҫеү йолаһы атҡарғандар* (Ғ.Муллаярова) — «Ребенок оказался с путами, режем его путы» проводили обряд разрезание пут или снятие пут. *Ҡамыт аяҡлы балаға үлән тышау яһап тышау ҡырҡыу йолаһы үткәргәндәр* (З.Нафикова) — Если ребенок плохо ходил или часто спотыкался, сделав ему из травы путы, проводили обряд разрезание пут. «Тышаулы бала»— ребенок, который долго не ходит или часто спотыкается. *Бала оҙаҡ йөрөмәһә йә һөрөнһә, анны тышаулы тип, тышау ҡырҡыу йолаһы үткәргәндәр* (Б.Мурзаһитова). – Если ребенок долго не ходил или часто спотыкался, ему, говоря, что он с путами, проводили обряд разрезания пут [1, с.50].

Этот же ритуал у карачай-балкаров называется «жанға атлан» (первый шаг) [2, с. 19-23]. По данному обряду, когда ребенок совершает первые шаги, пекут колобок из кукурузной

муки и скатывают его между ног малыша. С интересом наблюдающие за попытками ребенка поймать колобок, женщины припевают следующим образом:

Хайда, хайда, топ, топ...
Балачығым, топ, топ, топ..
Хайда, хайда, топ, топ...
Балачығым, топ, топ...
Онгжанына топ, топ...
Ерге, енше, топ, топ...
Балачығым, топ, топ...[2, с.101].

Некоторые элементы этого ритуала сохранились у казахов (тұсау кесу) и кыргызов (тушоокесүү) в празднике «тұсау той, тушоо той». Для этого связывают ноги уже начинающего ходить ребенка *пёстрой веревкой* наряду с толстой кишкой животного (иногда с травой), и позволяют разрезать путы легкому на подьем и быстрому человеку. После этого сидящие вокруг берут ребенка за руки и по-очереди ведут по кругу малыша с песней:

Тәй, тәй, балам, тәй, балам,
Жүреқойшыжәй, балам,
Қарыс, сүйемқазбастың,
Қадамыңнанайналдым...

В привязывании ног ребенка *пёстрой веревкой* есть свой скрытый смысл. В народном быту сохранились и другие этнографические детали, связанные с пёстрой веревкой. Одна из них такова: в древности бии (судьи) во время примирения спорящих между собой людей давали им в руки пеструю веревку. Натянутую туго веревку перерезал уважаемый и авторитетный среди этих спорящих людей человек. Значение этого ритуала заключается в заклинании (ант), что «в случае нарушения договоренности и нанесения вреда друг другу пусть бог накажет нас, и мы будем разрезаны как эта пёстрая веревка». И потому казахи вместо того, чтобы говорить, что никому не делали зла, произносят: «Я не перешагивал ничьей пёстрой веревки» (ешкімінің ала жібінаттаган жокпын). «*Пёстрая веревка*» в понимании казахов — предел определенной учтивости. В народе также есть обряд, когда у входа в скотный двор привязывают пёструю веревку, чтобы оградить скот от собак, хищных птиц (волков). То есть в народном представлении пестрая веревка обладает священным свойством [3, с.135].

Если изучить семантическое применение слова «пестрый», то можно обнаружить немало интересных сведений, связанных с ним. В древнем письменном памятнике “Ырықбітіг” (Гадательная книжка) “ала атлыйолтәңірі” («бог дорог на *пестрой* лошади») едет все время верхом и приносит людям добро [4,с. 77]. Как комментирует это С.Г.Кляшторный, «Бог дорог — младший бог, он младший представитель Тенгри, который, как Каган, обращается с молитвами к Тенгри, выполняет его волю, связывает между собой верхний и средний миры и всегда ездит верхом на коне» [5, с.125-130]. Также «боги дорог на земле» (иерйолпайана) у телеутов, видимо, передвигаются верхом на пестрых лошадях [6, с.175-176].

По мнению С.Г.Кляшторного, бог дорог, связывая верхний мир со средним, приносит на землю благо. В обычае хакасов молить небо с просьбой дать благо, *пестрая веревка*, привязанная к верхушке сосны, играет важную роль. То есть, здесь веревка — символ дороги, связывающей людей с верхним миром. Опираясь на эти детали, ученые считают, что «боги дорог» таким образом «служат» дороге, связывающей миры, что можно понять их в качестве связующих звеньев. Делают вывод, что, если через эту дорогу в средний мир прибывает душа будущей жизни, то в верхний мир отправляются души жертвенных животных и умерших детей [7, с.80]. Как мы заметили, и конь, на котором ездит связывающий два мира бог дорог, и веревка, служащая символом дороги между двумя мирами, являются пестрыми. По нашему мнению, веревка в ритуале разрезания пут связана с этими поверьями.

По сведению Х.Хустанаева, казахи Кызылорды, Казалинска в былые времена не привязывали туго пеструю веревку к ногам младенца, а прикрепляли к ним свободно [8].

Следовательно, это изображает путь ребенка, пришедшего с верхнего мира, а с разрезанием этой веревки его путешествие в средний мир завершается, дается понятие, что вставший твердо на ногах ребенок стал постоянным жителем земли.

Ученые, исследовавшие традиционное мировоззрение тюркоязычных народов южной Сибири, анализируя этнографические сведения, связанные с пестрым цветом, пишут: «Пестрота, как соединение черного цвета со светлым, может выражать возможность перехода из существующего в несуществующее, или, наоборот, из несуществующего в существующее, общую изменчивость, ограниченность… Пестрота, полосатый цвет, возможно, характеризуют ограниченность событий» [7, с. 96]. Если опираться на это утверждение, то, возможно, что обряд привязывания к воротам скотного двора пестрой веревки появился на основе поверья в ее способность превратиться в невидимый средний мир. Эта этнографическая деталь, отображающая очень древнее народное представление, глубоко внедрилась и в текст песни разрезания пут:

...Күрмеуіндішешейік,
Тұсауыңдыкесейік...
...*Ала жіпті*алайық,
Әжеңе алып барайық,
Ер жетті деп айтайық,
Шашуын жеп қайтайық.

Основное содержание песни в последнее время потеряло свое первоначальное ритуальное качество и обогатилось подобными текстами-пожеланиями: «Будь проворным, не ленись, будь смелей, не отступай…». Конечно, в последнее время обрядовая подоплека этих песен стала вовсе забываться. Сегодня ритуал разрезания пут во многих семьях не исполняется, однако по сей день сохранился обычай распевать песни, ведя за руки ребенка, делающего первые шаги.

Литература

1. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010.
2. Семья и семейные обряды Средней Азии и Казахстана. – Москва, 1978; Семейно-обрядовая поэзия народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1985
3. Материалы по казахскому обычному праву. Сборник 1. – Алматы, 1948
4. Казак фольклористикасынын тарыхы. –Алматы, 1988
5. Кляшторный С.Г. Мифологические сюжеты древнетюркских памятников // Тюркологический сборник. 1977. –Москва, 1981
6. Потапов Л.П. Умай божество древних тюрков в всветеэтнографичесикх данных // Тюркологический сборник. 1973. – С. 265-287 –Москва, 1973; Потапов Л.П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. – Ленинград, 1927
7. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Время и пространство. – Новосибирск, 1988
8. Кустанаев Х. Этнографические очерки. Киргизы Перовского и Казалинского уездов. – Ташкент, 1894

Махиянова Ф. А., г. Уфа

ОБРАЗ ВЕРХОВНОГО БОЖЕСТВА, ДРАКОНА И ЛУНЫ В БАШКИРСКОЙ И КИТАЙСКОЙ МИФОЛОГИЯХ

С древних времен мифы играли важную роль в развитии каждого народа. С его помощью можно узнать мышление народа: как он представлял весь мир, как объяснял те или иные явления природы. Именно миф открывает нам дверь в историю народа.

Мифология каждого народа уникальна, неповторима, но иногда в них появляются общие образы. Возьмем, для примера, китайскую и башкирскую мифологию. Если подумать, это совершенно разные народы: с разной культурой, традицией, историей. Несмотря на это, есть похожие элементы. Это доказывает, что народы мира тесно связаны между собой с древних времен.

Китайская мифология во многом отличается от мифов Древней Греции, Древнего Египта. Она включила в себя несколько мифологических систем: древнекитайской, даосской, буддийской и поздней народной мифологии. Поэтому в мировоззрении народа много персонажей. М.А. Кукарина насчитала 600 божеств и владык мира!

И в китайской, и в башкирской мифологии много схожих элементов и образов. Одними из самых популярных являются: дракон, небо, луна.

В мифологии этих двух народов часто встречается образ дракона. У башкир, по словарю Ф.Г.Хисамитдиновой: «Дракон (аждаha) - обитатель подземного мира, толстое, как бревно, змееподобное существо, обитающее в бездонных озерах, болотах, заброшенных колодцах, пещерах, ущельях. Аждаха в эпосах предстает как дракон - оборотень. Бывают трех-, шести-, девяти-, двенадцатиглавые Аждахи. Может менять свое обличье. Во всех жанрах башкирского фольклора характеризуется как злобное, враждебное существо» [Хисамитдинова, с. 7].

М.А. Кукарина, автор книги «Словарь китайской мифологии», пишет, что «В Китае дракон «Лун» - признанный императорский символ. Образ дракона очень древний, найден уже на гадательных костях эпохи Инь. В одном из древних сочинений, дошедших до нас, лун выступает как воплощение мужского начала Янь, и это представление становится наиболее распространенным. Как символ силы Ян и небесного начала лун часто изображается крылатым существом, повелителем облаков, туч, дождя, погоды, парящим в облаках или плывущим в волнах и объятым языками пламени» [Кукарина, с. 35].

В отличие от башкирских представлений, дракон в Китае считается добрым существом, его появление рассматривается как благоприятный знак.

Следующим рассматриваемым объектом исследования является образ неба. Ф.Г.Хисамитдинова дает такое определение образу неба (күк): «В башкирской мифологии верхний, находящийся над землей мир, в котором живет Аллах. Судя по загадкам, форма неба в основном представляется плоской и сравнивается с большим голубым ковром, голубым покрывалом, синим шелковым платочком» [Хисамитдинова, с.115].

В китайской мифологии: «Небо («Тян»)- древнекитайское абстрактное верховное божество, наделяющее царя, а позднее императора, правом управлять на земле от своего имени. В народной мифологии небо - место обитания Богов во главе с Нефритовым императором Юй-ди» [Кукарина, с. 55]. Культ неба в Древнем Китае имел государственное значение: одно из древних названий Китая — «Тянься», что означает «Поднебесная», а традиционный титул императора был Тянь-цзы, то есть «Сын неба». Небу, как к государственному культу, поклонялись очень долго. Жертвоприношения Небу на круглом алтаре совершал сам Император вплоть до революции 1911 года.

Центральное место в мифологии занимает образ луны. Древние башкиры особо почитали солнце и луну, с ними связаны много явлений и элементов. Например, женские имена - Айгузель, Айхылыу, которые означают «красивая луна». Ф.Г.Хисамитдинова пишет, что «Луна, месяц; мифологизированное небесное тело; божество, связанное с верхним миром, мужским, редко – женским началом; покровительствует человеку, особенно обездоленным и обиженным; помогает больным. В эпосе «Урал-батыр» Луна через дочь Айхылу связана и с нижним миром, миром мрака и мертвых; Луна может принести болезни, несчастья. Лунная мифология восходит к древнейшим этапам мифологии народов мира. Персонаж зафиксирован в мифологии большинства народов мира. Слово восходит к общетюркскому *aj* ‘луна, месяц’» [Хисамитдинова, с.7].

В китайской мифологии «Луна» также играет важную роль, она почитается как Богиня. «Чанъэ (嫦娥), более древнее Хэнъэ, в древнекитайской мифологии жена стрелка Я, богиня луны. Согласно мифу, изложенному в «Хуайнаньцзы» (2 в. до н. э.), Чанъэ тайком одна приняла снадобье бессмертия, полученное её мужем у Си-ванму, и унеслась на луну. Вероятно, ещё до н. э. было распространено и представление о том, что она на луне превратилась в жабу - Чань (которая позднее стала изображаться трёхлапой), по некоторым источникам, толкущую в ступе снадобье бессмертия. Вместе с ней на луне живёт Юэ ту

(«лунный заяц»). Наиболее ранняя фиксация образов лунных зайца и жабы - изображение на похоронном стяге 2 в. до н. э. из кургана Мавандуй. Можно думать, что образ Чанъэ генетически связан с образом древней богини луны Чан-си. Средневековые авторы рассматривали жабу как воплощение Ян, а зайца — Инь».[3; стр.594] Этому персонажу китайской мифологии посвящен Праздник Середины Осени. Считается, что это в этот день луна светит ярче, чем в остальные дни.

В башкирской мифологии Луна предстает как мужской, так и женский персонаж. роде, а в китайской – только женский. По представлениям выше названных народов, на луне обитают женщины, они очень красивы, но одиноки, всегда с грустью смотрят на Землю.

Китайская и башкирская мифологии являются одними из самых богатых и древних в мире. Мифы на протяжении тысячелетий составляли важнейшую часть духовной культуры. В мифологическом мировоззрении обоих народов образы дракона, неба и луны занимают центральные позиции.

Литература

1. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу.- Харьков, 1956.
2. Кукарина М.А. Словарь китайской мифологии. Центрополиграф, 2011.
3. Мелетинский Е.М. Мифологический словарь, Москва, 1990.
4. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. – М.: Наука, 2010.

Мирхаев Р.Ф., г. Казань

ИЗ ОПЫТА ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА ДРЕВНИХ ТЮРКОВ*

В языковом сознании и коммуникативной деятельности каждого народа есть свойственные ему определенные постоянные признаки (константы), поддающиеся посредством использования исследовательских процедур объективному выявлению и интерпретации. Среди констант языкового сознания возможно установление доминант, выступающих в качестве одного из критериев типологии того или иного лингвокультурного сообщества. И как следствие, при установлении констант языкового сознания можно выявить саму систему иерархии аксиологических ориентиров народа, социальной группы и конкретного индивида. При этом тот или иной феномен мира моделируется как сложный когнитивный конструкт – концепт, который представляется в качестве «сгустка культуры», поливариантно воплощенный в языке и дискурсе.

Исторически татарская лингвокультура развивалась под воздействием восточной, в частности, арабо-персидской, которая по своей сути является опосредованием мусульманского мировоззрения и миропонимания. В частности, на формирование системы мировосприятия татарского народа сильное влияние оказал именно Ислам. В то же время в ней прослеживается и влияние Тэнгрианства, религии, которую до Ислама исповедовали предки современных татар – древние тюрки, от которых до наших дней дошли ряд письменных памятников. Тексты древнетюркской рунической письменности представляют собой богатейший источник для воссоздания их концептуальной картины мира и духовно-ценностных ориентиров, что в свою очередь даст возможность определить исторические корни татарской лингвокультуры и выявить те факторы, которые в течение многих веков оказывали на нее сильное влияние.

В основе миропонимания древних тюрков, которое в целом представляет из себя синкретичное единство концептуальных сфер природного, духовно-религиозного и социально-политического характера, лежит идея создания всего сущего «повелителем неба» – Тэнгри. Можно сказать, что во всех сферах их жизнедеятельности, во всем, что их окружало, просматривается божественное начало. Так, например, если взять такие основополагающие концептосферы древнетюркской лингвокультуры как «государство», «народ» и «правитель», которые тесно взаимосвязаны друг с другом, можно увидеть, что в них переплетаются два начала: возвышенное и земное. Согласно языковым материалам, государство даровано людям Тэнгри, соответственно оно по своей сути является

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и правительством Республики Татарстан научного проекта №16-14-16011.

божественным и священным: *il birigmä Täŋri 'Тэнгри (Небо), дарующее государство'* [2, с. 31]; *Atym Äl Tuğan tutuq. Bän täŋri älimkä älčisi ärtim. 'Мое имя Эль Туган тутук. Я был посланником у божественного моего государства.'* [3, с. 11]; *Täŋri älim Uluŋ-Šada ärimkä adyryldym. 'Я отделился (умер) от моего божественного государства, от моего героя Улунг-Шада.'* [3, с. 37].

Но в то же время, как видно из источников основу государства составляет народ: *Türk qara qamuğ budun anča timis: «ilig budun ärtim, ilim amty qany? Kämkä ilig qazğanurmän?», – tir ärmis «qağanlyq budun ärtim, qağanym qany, nä qağanqa isig küčig birürmän», – tir ärmis, anča tip, tabğač qağanqa jağy bolmys. '(Но затем) вся масса тюркского народа сказала так: «Я был народом, составляющим племенной союз, Где теперь мой племенной союз? Для кого я добываю (т.е. завоевываю) (другие) племенные союзы?» – (так) они говорили.'* [2, с. 29].

Кроме этого, связь между понятиями «государство» и «народ» прослеживается и на лексико-семантическом уровне. Так, например, в «Древнетюркском словаре» за словами *äl* и *il*, которые в текстах используются для передачи понятия «государство», закреплены также значения «племенной союз, племенная организация» и «народ» [1, с. 168-169, 207]. Из этого напрашивается вывод о том, что народ в понимании древних тюрков также как и государство является творением всевышнего.

В социально-политическом плане государство древних тюрков представляло собой сложную структуру. Наряду с народом оно объединяло и представителей знати, о чем свидетельствует сохранившаяся в текстах титулатура: *Täŋri täg täŋridä bolmyš türk bilgä qağan bu ödkä olurtym. Sabymyn tükäti äsidgil: ulaju inijigünim oğlanym, biriki oğušym budunum, birijä šad-apyt bäglär, jyraja tarqat bujuruq bäglär, … 'Небоподобный, неборожденный (собств. «на небе» или «из неба возникший») тюркский каган», я нынче сел (на царство). Речь мою полностью выслушайте (вы), идущие за мною мои младшие родичи и молодежь (вы), союзные мои племена и народы; (вы, стоящие) справа начальники шад и апа, (вы, стоящие) слева начальники: тарханы и приказные, …'* [2, с. 27].

И правил всем этим не менее «божественный» и мудрый каган: *Täŋri bilge qağanqa saqynu äsig küčig bärsägim bar ärmis ärinč. 'Беспокоясь о божественном Бильге-кагане, я старался всемерно трудиться (т.е. давать свои труды и силы).'* [4, с. 9]; *Täŋri täg täŋri jaratmyš türk bilge qağan sabym. '(Вот) речь моя богоподобного, небом поставленного (или угодного Небу), тюркского мудрого (Бильгя) кагана.'* [4, с. 16].

Наряду с божественностью и мудростью другими атрибутами кагана в текстах выступают:

– мужественность: *Bilgä qağan ärmis, alp qağan ärmis, bujuruqy jämä bilgä ärmis ärinč, alp ärmis ärinč; bägläri jämä tüz ärmis. 'Они были мудрые каганы, они были мужественные каганы, и их «приказные» были мудры, были мужественны, и их правители и народ были прямы (т.е. верны кагану)'* [2, с. 29];

– справедливость: *Täŋrikänkä isig bärtiŋ täjin jarylqamys sad atyğ anta bärmis, … 'Говоря: ты на божественного (августейшего) трудился, он был милостив и тогда дал звание шада; …'* [4, с. 9];

– милосердие: *Qara igil budunyğ joq qylmadym, äbin barqyn jylqysyn julmadym. Qyjyn aĭdym, turğuru qotym: käntü budunym tidim ydy käliŋ, tidim. 'Но их черный простой народ я не истребил, их юрты и дома, их табуны я не отнял. Я назначил (на них) наказание и оставил их жить (по-прежнему). «Вы мой народ, – сказал я, – следуйте (за мной) и придите (ко мне), – сказал я.'* [4, с. 35];

– надежность: *Üzä qağan olurtym, olurtyqyma öltäčičä saqynyğma türk bäglär bud(un) ögirip säbinip toqtamyš közi jögärü körti. 'Я стал ханом; когда я стал ханом, то тюркские беги и народ, опечаленные, что они должны были умереть, (теперь) радуясь, смотрели кверху (на трон) спокойными глазами.'* [4, с. 16];

– твердость: *Bödkä özüm oluryp bunča ağyr törüg tort buluŋdaqy budunğa itdim. 'Когда я сам воссел на трон, то я стал осуществлять столь крепкую власть (над народами), жившими по четырем углам (т.е. по странам света).'* [4, с. 16];

– заботливость: *… altunyn örün kümüšin, qyrğağlyğ qutajyn äkinlig isigtin, özläk atyn, adğyryn, qara kisin kök täjiŋin türkimä budunyma qazğanu birtim. '... их золото и блестящее серебро, их хорошо тканые шелка, их добытые из хлеба напитки (парчу?), их верховых лошадей, их жеребцов, их черных соб(олей) и их голубых белок я добыл для моего тюркского народа.'* [4, с. 19]; *Täŋri jarlyqaduqyn üčün, özim qutym bar üčün, qağan olurtym. Qağan oluryp joq čyğan budunyğ qop qobartdym, čyğan budunyğ baj qyltym, az budunyğ üküš qyltym. 'По милости неба и потому что у меня самого было счастье, я сел (на царство) каганом. Став*

каганом я вполне поднял (собрал?) погибший, неимущий народ, неимущий народ стал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным.' [2, с. 28].

Таким образом, как показали результаты предварительного исследования письменных источников, языковая картина мира и система духовно-ценностных ориентиров древних тюрков в целом строится на признании наличия во всех концептуальных сферах бытия божественного начала.

Литература

1. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
2. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности / С.Е. Малов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. – 452 с.
3. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы / С.Е. Малов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 116 с.
4. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии / С.Е. Малов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 111 с.

Муйтуева И.Н., г. Горно-Алтайск

РЕЧЕВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ АЛТАЙЦЕВ

Язык неразрывно связан с жизнью народа, его культурой, менталитетом, социальными нормами, обычаями. Он является важнейшим средством общения, который регулирует взаимодействие, взаимопонимание в различных сферах человеческой деятельности. Язык – это система знаков (орфографических, грамматических, лексических и т.д.), которая составляет важнейшую часть речевой деятельности. «Речь как совокупность речевых действий возникает из потребности общения» [5, с. 7].

Речь человека может многое рассказать о нем. Речь как «индивидуальный акт воли и разума» говорящих предполагает, с одной стороны, комбинации, в которых говорящий использует код языка с целью выражения своей мысли, и с другой стороны, «психофизический механизм, позволяющий ему объективировать эти комбинации» [1, с. 414]. Речевая деятельность, как один из видов деятельности человека, характеризуется целенаправленностью и состоит из нескольких последовательных фаз: ориентировки, планирования, реализации и контроля.

Люди, являясь членами общества, не могут обходиться без общения друг с другом. Культура общения людей начинается с этикета. В течение дня человек общается со многими людьми. Этикет обязывает приветствовать друг друга при встрече. В алтайской речи обращение на «Вы /*Слер*/» – одно из проявлений вежливости. Вежливость – одна из основных составляющих речевого этикета алтайцев. На «Вы» обращаются к старшим, к незнакомым, малознакомым, хорошо знакомым, близким, даже если адресат ненамного старше. Алтайцы к своим родителям также обращаются на «Вы / *Слер*» [2, с. 6]. В культуре алтайцев принято обращаться друг к другу по системе родства. Например, *байлу ат* [4, с. 7], заимствованное из русского языка по имени-отчеству, редко только по имени при обращении к человеку старше себя [5, с. 5]. Алтайцам не свойственна форма обращения на «Ты / *сен*» (кроме сверстников и друзей), оно распространилось под влиянием русской культуры. Все нормы человеческих взаимоотношений, поведение любого человека определяется и регулируется этикетом.

Речевой этикет алтайского языка обладает своей национальной спецификой. Этикетные формулы, которые мы произносим *јакшылар, јаманымды таштагар, быйан болзын, келер туштажуга јетире јакшы болзын* / здравствуйте, извините, спасибо, до встречи, прощай и т.д.), чувствительны к условиям, в которых они произносятся, к характеру отношений между собеседниками, к настроению, и т.д., т.е. к климату человеческого общения. Манера речи, стиль, разрешение или запрет говорить одно и не говорить другое, выбор языковых средств определяет нашу принадлежность к какой-либо среде, все это заметно в наших повседневных речевых высказываниях.

Речевой этикет в узком смысле слова может быть охарактеризован как система языковых средств, в которых проявляются этикетные отношения. Элементы этой системы могут реализовываться на разных языковых уровнях:

- на уровне лексики и фразеологии: специальные слова и устойчивые выражения (*Быйан, јаманымды таштагар, јакшы болзын, јакшылыкту таҥла* / спасибо, прошу прощения, до свиданья, доброе утро и т.п.), а также специализированные формы обращения (*нökörлöр, нököр, јерлештер, törögöндöр, эје-сыйындар, ага-карындаштар*/ товарищи, товарищ, земляки, родственники, сестры, братья и т.п.). Слово *нökörлöр*, пройдя длительный путь развития, стало общеупотребительной формой обращения применительно к лицам разного пола и разного возраста;

- на грамматическом уровне: вежливое обращение на *Слер* / Вы; использование вопросительных предложений вместо повелительных;

- на стилистическом уровне: требование грамотной, культурной речи; отказ от употребления слов, прямо называющих непристойные и шокирующие объекты и явления, использование вместо этих слов эвфемизмов;

- на интонационном уровне: использование вежливой интонации;

- на уровне орфоэпии (*бйан* вместо *быйан* / спасибо)*;*

- на организационно-коммуникативном уровне: запрет перебивать собеседника, вмешиваться в чужой разговор и т.д.

Таким образом, речевой этикет, в целом - это часть этикета, связанная с общением людей. Современный человек живет в поликультурном пространстве, диалог цивилизаций, культур, традиций стал особенно актуальным в XXI веке. Формирование социокультурной компетенции, как способности понять и принять другую культуру, становится необходимым условием коммуникации в современном мире.

Люди, взаимодействуя друг с другом в обществе, выполняют самые разнообразные роли. Каждый человек является членом определенной социальной группы. В каждой группе у человека есть определенный статус – место данного человека в данной группе. Каждому статусу также соответствует определенная роль. У каждой роли есть некоторые нормы поведения, которым обладатель роли должен следовать в глазах окружающих. Основные принципы речевой коммуникации: принцип последовательности; принцип предпочтительной структуры; принцип кооперации; принцип вежливости.

Каждому языку присущи национально-культурные особенности, обусловленные жизнью и развитием конкретного общества, т.е. тем, что составляет его национально-культурную специфику. Традиционное алтайское приветствие носит форму диалога (вопроса и ответа), представляет собой беседу, состоящую из встречных вопросов и ответов. Традиционные черты приветствия наиболее отчетливо выступают у людей старшего поколения. Речевое поведение молодого поколения характеризуется влиянием русской культуры.

Успешно овладевая русским языком, приобщаясь к литературе на нем, алтайцы закономерно приобщаются к моральным ценностям и понятийному аппарату русского народа. Подобное приобщение происходит не только через язык, художественную литературу, но и благодаря живому общению с русскими, используя этикетные выражения русского языка. Происходит практическое освоение этикетных терминов русского языка, они без труда осваиваются и успешно реализуются в речи алтайцев, иногда вытесняя национальную лексику. Так, в современном алтайском языке среди молодежи, основной, наиболее предпочтительной формой выражения приветствия стали слова *привет* – в значении здравствуй, *пока* – в значении прощай (расставание собеседников на недолгое время), которое является прямым лексическим заимствованием из русского языка. Происходит практическое освоение этикетных терминов русского языка, они без труда осваиваются и успешно реализуются в речи алтайцев.

В последнее время большое внимание в Республике Алтай уделяется вопросам культуры алтайского языка. Владение нормами устного и письменного литературного языка, а также

умение использовать выразительные средства языка в различных условиях – это и есть речевой этикет.

Литература

Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1996, - 414 с.

Сарбашева С.Б. Жесты и мимика в алтайской речи: Учебное пособие. – Новосибирск, 2006. – 64 с.

Тыбыкова А.Т., Тадыкин В.Н. Орфография и пунктуация алтайского языка. – Горно-Алтайск: «Уч-Сумер», 1981. – 168 с.

Яимова Н.А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. – Горно-Алтайск, 1990. – 169 с.

Хасанов Н.М. Методика обучения русскому языку в 5-11 классах школ народов тюркской группы / Под ред. Н.М. Хасанова. – Л. Просвещение, 1990. – 335 с.

Мухтаруллина А.Р. г. Уфа

КОГНИТИВНАЯ ПРИРОДА МЕТАФОРЫ-ЗАГАДКИ

В свете когнитивной теории метафора представляется как “основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы” [10, с.36]. Можно предположить, что метафора – это проявление аналоговых возможностей человеческого мышления и основную роль в повседневных семантических выводах личности играет аналогия, а не формализованные процедуры типа дедукции и индукции, а так как в основе аналогии лежит перенос значений из одной содержательной области в другую, то метафора является отображением важных аналоговых процессов, некая *модель,* согласно которой человек думает и действует [6; 9]. Вслед за Дж Лакоффом, структуру метафорической модели можно представить в виде таких взаимодействующих аспектов, как: исходная понятийная область (сфера-источник), новая понятийная область (сфера-цель), типовые для данной модели сценарии и сцены, относящиеся к данной модели фреймы и подфреймы и компонент, связующий первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц. Иными словами, метафоризация – это совокупность формальных процедур над двумя фреймами. Каждая метафорическая модель характеризуется продуктивностью, частотностью и прагматическим потенциалом. Среди метафорических моделей выделяют: *антропоморфную метафору, природную метафору, социальную метафору и артефактную метафору* [10; 9, с.434].

Одним из средств стереотипизации ассоциативного механизма когнитивной метафоры, реализуемого в языке, является загадка. Метафоричность – характерное свойство загадок как паремического жанра, что обусловлено, вероятно, тем, что в основе метафоры лежит сопоставление двух объектов или явлений, т.е. метафора по своему содержанию двучленна. И загадка также, как правило, — метафорическое выражение, один объект в котором изображается посредством другого, имеющего с ним хоть какое-нибудь, даже и отдалённое, сходство. В процессе когнитивного осмысления ассоциированного фрагмента действительности человек приходит к определенному умозаключение, т.е. расшифровывает загаданный объект.

Когнитивный механизм метафорической интерпретации загадки может быть выявлен и в самом определении данного понятия. Так, в Словаре русского языка С.И. Ожегова загадка – это «изображение или выражение, нуждающееся в разгадке, истолковании» [5, 164], т.е. стилистически немаркированное определение. Другое дело, словарные дефиниции загадки в английских и башкирских лексикографических источниках, в которых присутствует метафора игры. Соответственно, лексема «riddle» – *a question that is difficult to understand and that has a surprising answer that you ask somebody* <u>*as a game*</u>, т.е. задаваемый кому-либо вопрос, трудный для понимания, имеющий неожиданный ответ [8, с.115], в башкирском языке «йомаҡ» - *төп мәғәнәһен уйлап табыу өсөн нимәнелер кинәйә менән йәки* <u>*һүҙ уйнатып*</u>*, һүрәтләп әйткән һүҙ*, т.е. некий намек или определенная игра слов, направленные на выявление главной мысли [1, с.423].

Загадки, как фрагменты языковой картины миры, образуют когнитивные метафорические модели: они, в первую очередь, антропоморфны, т.е. центральным является образ человека с его особенностями характера, внешности, с индивидуальным уровнем воспитания и образованности.

В английском, русском и башкирском языках, как нетрудно догадаться, наиболее крупную тематическую группу составляют загадки с образом человека и всем, что с ним связано: англ.: *brother Left, and Right, his brother, hardly ever see each other. Mirror is the only place where they 're coming face to face* (*eyes*); русск.: *брат с братом через дорожку живут, один другого не видит* (*глаза*); башк.: *тау артында туганым, юк уны һис күргәнем* (*күҙҙәр*). Отметим, что загадки-соматизмы как часть фрейма антропоморфных загадок в фольклорных источниках ассоциированы с терминами родства: как, например, в вышеприведенных примерах: *brother-брат-туған.* Обусловлено это культурными и социально-историческими факторами, семья как оплот общества является культурным архетипом, символом и мерилом ценностей, что и отражается в текстах фольклорных источников.

С субъектом деятельности – человеком, ассоциирован не менее значимый фрагмент языковой картины мира – когнитивная модель артефактной метафоры: англ. *I saw a thing in the dwellings of men that feeds the cattle; has many teeth. The beak is useful to it; it goes downwards, ravages faithfully; pulls homewards; hunts along walls; reaches for roots. Always it finds them, those which are not fast; lets them, the beautiful, when they are fast, stand in quiet in their proper places, brightly shining, growing, blooming* (*rake*); русск. *Стоят в один ряд острые пальчики–цап-царапки: подбирай охапки* (*грабли*); башк.: *аяғы күп, башы юк, ҡырҙан арҡаһы менән ҡайта* (*тырма*). В приведенных примерах объект действия (грабли) принимает на себя квалификативные признаки субъекта, описывается через метафоры-соматизмы.

Когнитивная модель социальной метафоры-загадки включает в сферу своего рассмотрения взаимодействие человека и социума и относится к наиболее универсальным метафорическим моделям. Различные составляющие социальной картины мира постоянно взаимодействуют между собой в человеческом сознании: милитарная метафора, метафора игры, метафора спорта и театра, религиозная метафора и др. В анализируемых языках весьма значителен пласт загадок, связанных с религией, и посвященных правилам и ритуалам отправления культа: англ. *He has married many women, but has never been married. Who is he? (a priest);* русск. *Клеть плетена, Она вверх сведена, Сто рублей дана (церковь);* башк. *Алланың бар бер ҡошо, Йылына ике балалай, Балаһының ҡаны юк, Инәһенең йәне юк. (намаҙ уҡыу). Фәлән ерҙә бер тирәк Эйелә лә бөгөлә (намаҙ уҡыу).*

Вербальное представление социальной метафоры-загадки показывает, насколько большим потенциалом обладает человеческое сознание при моделировании реальности, приближая даже абстрактные понятия к характерным особенностям деятельности людей: англ. *You do not want to have me, but when you have me, You do not want to lose me. What am I? (a lawsuit);* русск. *Бегут бегунчики, Ревут ревунчики, Не дышат, Не пышат, По сухому берегу бежат (похороны);* башк. *Китеп бара — өтөп бара, Ҡара-ҡара — юлы ҡала* (*һабан һөрөү*).

Антропоцентрические формулы широко отмечены также в загадках о природе: англ. *Scarcely was the father in this world when the son could be found sitting on the roof* (*fire, smoke*); *a cloud was my mother, the wind is my father, my son is the cool stream, and my daughter is the fruit of the land, a rainbow is my bed, the earth my final resting place, and I'm the torment of man* (*rain*). В русских загадках про природные явления часто встречаются имена собственные: *посмотрю в окошко, идет длинный Антошка* (*дождь*). *Это что за невидимка/Хлопает в саду калиткой,/На столе листает книжку,/Шорохом пугает мышку,/Сорвал с бабушки косынку,/Покачал в коляске Димку,/Поиграл листвой, поверьте!/Ну, конечно, это (ветер)*. В башкирском языке можно обнаружить загадки, в которых отражается многовековой полукочевой образ жизни башкир: *Аҡиҙелдә аҫау айғыр Урал аша кешнәйҙер, Һаҡмарҙағы һары бейә тау һыртынан төшмәйҙер, ҡолондары ҡаралыр, аҡтыр, күктер, һөйөнгән әҙәм күптер (күк күкрәү, йәшен йәшнәү, ямғыр).*

Природный мир многолик и многообразен, и, соответственно, когнитивная модель природных метафор-загадок включает в себя помимо климатических и географических наименований, объемный блок фито- и зооморфных загадок: англ.: *He is not a tailor, but carries needles with him (hedgehog)*; *as red as fire, with a fuzzy tale, he likes long walls (fox);* русск.: *Стоит копна: спереди вилы, сзади копна (корова)*; *четыре брата идут по дороге, у всех бороды сзади (ноги лошади)*; *по земле ходит, неба не видит, ничего не болит, а все стонет (свинья)*; башк.: *Муйыны – дуға, арҡаһы – эйәр (дөйә); Ҡара атым елә килә, юл ыңғайы тибә килә (бөркөт)*; *аҡ йөнө кершән кеүек, йәшел йөнө һуған кеүек, ҡара йөнө һөрмә кеүек, ултырғаны мулла кеүек, һыҙғырғаны шайтан кеүек (һайыҫҡан)*.

Для нашего исследования в рамках когнитивно-сопоставительного описания текстов в различных языках, по результатам обзора лингвистической литературы по данной проблематике, важным является вывод о содержательной стороне классификации когнитивных метафор-загадок. Антропоморфная, артефактная, социальная и природная метафоры-загадки дают наиболее полное и объемное представление о языковой и концептуальной картинах мира английского, русского и башкирского народов. Своеобразным выводом о когнитивной природе загадки может стать наблюдение Н.Д. Арутюновой о значимости метафоры в зеркале множественности подходов и толкований: “В метафоре стали видеть ключ к пониманию основ мышления и процессов создания не только национально-специфического видения мира, но и его универсального образа” [2, с. 7].

Литература

1. Агишев И.М. Башҡорт теленең һүҙлеге. – М.: Русский язык. – IT, 1993.- С.423.
2. Арутюнова Н.Д Теория метафоры. - М.: Прогресс, 1990. – С. 352.
3. Башҡорт халыҡ ижады. 9-сы том. Йомаҡтар/ Төҙөүсе, инеш мәҡәлә һәм аңлатмалар авторы Ф.А. Нәҙершина. – Өфө: Китап, 2007. – 416 б.
4. Круглов Ю.Г. Русские народные загадки, пословицы, поговорки. – М.,1990. -335 с.
6. Мишланова С. Л. Метафора в медицинском дискурсе. - Пермь, 2002.- С.5.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: 1989.
8. Уфимцева А.А. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация (Общие вопросы).- М.: Наука, 1977. - С.50.
9. Фурсова И. Н. Зооморфная метафора в прозе Дж. Голсуорси // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Мат-лы межд. науч. конф. - Челябинск, 2003. - С. 433-435.
10. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование поли-тической метафоры (1991-2000): монография. Екатеринбург, 2001. 233 с.
11. Oxford learner’s dictionary. - Oxford: Clarendon Press, 2005. – 115 p.
12. Сказания русского народа, собранные И.П.Сахаровым. Русские народные загадки. http://bibliotekar.ru/rusSaharov/137.htm

Муратова Р.Т., г.Уфа

СЕМАНТИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ БЕЛЫЙ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта “Формирование и развитие системы цветообозначений в тюркских языках Урало-Поволжья”, проект № 16-34-01049

Тюркские языки Урало-Поволжья составляют две подгруппы: кыпчакскую (башкирский, татарский) и булгарскую (чувашский). По языковым данным можно определить их развитие на разных этапах существования. В плане прослеживания особенностей развития языка важной составляющей является изучение названий цветообозначений, так как эта группа слов относится к наиболее древнему пласту лексики.

В данной статье рассмотрим цветоообозначение белый в тюркских языках Урало-Поволжья и попытаемся найти общее и специфическое в развитии названия в языках разных подгрупп.

Так как тюркские языки своими корнями восходят к праалтайскому языку, начнем с праалтайской формы цветообозначения белый. Ученые восстанавливаеют ее таким образом:

**iāk'V* 'светлый, белый': Тю. **(i)āk'V* 'белый' (башк. *ак*), Мо. **jagaγan*; ТМ **ixere*; Кор. **ikɨr-*; Яп. **áká.*

**obri* 'белый, светлый; рассвет', Тю. **ürüŋ* 'белый; рассвет' (як. *ҮРҮҥ*), Мо. **öwr;* ТМ **(x)oru-.*

**šāka* 'белый', *Тю. *čakɨr* 'светло-серый, серовато-голубой' *(*башк. *шаҡыр), Мо. *čagaγan;* ТМ **šāk-* [ИБН 2009, с.325].

В современных тюркских языках цветообозначение белый имеет три формы:

1) Пратюркская форма цветообозначения 'белый' реконструирована как ****a:q** (**aγaq - ?):* в большинстве тюркских языков прослеживается эта форма с фонетическими вариациями: кар., кбалк., кум., тат., башк., ног., ккалп., каз., кирг., алт., уйг., сюг, чул., тув., тоф., турк. *aq;* тур., гаг. *ak,* аз. *aγ,* узб. *åq,* сал., хак. *ах*. Основное значение слова во всех перечисленных языках – белый. Кроме этого в том или ином языке слово имеет следующие значения: белый, серый, сивый (о цвете шерсти животных, особенно, о масти лошади); светлый, белесый; бледный, матовый; седой; чистый, честный; правильный; незапятнанный, невинный; невинность, безгрешность, истина, правда; очевидный; искренний, счастливый; добродушный, чистосердечный; прекрасный, чудесный, роскошный, великолепный; белок (глаза, яйца); бельмо; молоко, молочные продукты; блондин; седина; белизна; бельевая материя, белая бязь, полотно, мадепалам, хлебные злаки, белая (сивая) лошадь [по СИГТЯ 2001, с.599, ЭСТЯ 1974, с.116].

2) В отличие от общей формы для тюркских языков в якутском языке сохранилась форма ***ürüŋ*** в якутском языке (*ürüŋ* 'белый; светлый, ясный; чистый'), а также в турецком диалекте (*ürün* 'молоко'), киргизском языке (*ürüŋ-baraŋ* 'предрассветная темнота; едва заметный, смутно виднеющийся (в полутьме)') [СИГТЯ 2001, с.598-601]. Данное слово вполне может быть оценено как праязыковое прилагательное, вытесненное в большинстве языков начиная со средней поры огузским *aq,* приобретшим к этому времени значение 'белый' из общетюрк. 'белесый, седой, сивый'; первоначальная семантика сочетала адъективное 'белый' и лексикализованный субстантиват от него 'молочные продукты', что удостоверяют якутская и турецкая диалектные формы; древность рассматриваемого слова косвенно подтверждается неясностью морфологического состава, здесь виртуально можно вычленить суффикс – *ŋ,* как, вероятно, в *galyŋ, jalaŋ,* но подходящая семантическая основа *ürü- ~ ür- в тюркском корнеслове отсутствуют [по СИГТЯ 2001, 601].

3) В чувашском языке белый цвет обозначается лексемой ***шурă.*** Значения слова *шурă* в чувашском языке до деталей совпадают со структурой значений общетюркского *aq.* Это объясняется тем, что слово *шурă* было как исконным словом (о чем свидетельствуют переходы s- > š- *и -a-* > -o- ~ -y-). Заметим, что чувашскому слову *шурă* в тюркских языках соответствуют *сары* 'желтый, русый'.

Отмечается, что слово *шурă* в древности обозначало и белый, и желтый. Далее слово *шурă* сначала подвинулось в сторону обозначения бледных оттенков, а затем просто заместило *aq.*

А заимствование из кыпчакских или огузских языков – *сарă* вытеснило значение 'желтый' и стало употребляться для обозначения более насыщенного желтого цвета, а затем и вообще всего желтого спектра [по СИГТЯ 2001, 602].

В тюркских языках Урало-Поволжья встречаются две лексические формы цветообозначения белый: башк *ак,* тат. *ак,* чув. *шура.*

По этимологии слова *aq* писали Г. Вамбери, И. Бенцинг, Г.Дёрфер, К. Менгес, Э.В. Севортян, Р.Г. Ахметьянов и. др. Г. Вамбери сближал *ak, ag* 'белый' со словом *aj, ej* 'луна'. И. Бенцинг тюрксое слов возводит к тохарскому *арки.* К. Менгес, вслед за ним Р.Г. Ахметьянов считают, что слово *ак* является заимствованием из древнекитайского китайского *pak* 'белый' [по ЭСТЯ 1974, с. 117; Ахметьянов 2001].

Этимологию чувашского слова *шурă* находим в работах В.Г. Егорова и М.Р. Федотова [Егоров 1964, с.339, Федотов 1996, с.462-463]. М.Р. Федотов сравнивает с японским *şiro* ‘белый’; маньчж. *şara- / şare-* ‘побелеть, сделаться белым’ [Федотов 1996, с.462-463].

В современных словарях тюркских языков Урало-Поволжья [АСБЯ 2011, ЧРС 1985, Скворцов 2012, ТСТЯ 2005] зафиксированы следующие основные значения цветообозначения белый (*ак, ак, шурă (шур)*:

1. Белый (имеющий цвет чистого снега, молока, мела): башк. *ак кейем* ‘белая одежда’, *ак ҡағыҙ* ‘белая бумага’, тат. *ак яка* ‘белый воротник’, *ак буяу* ‘белая краска’, чув. *шурă пĕлĕтсем* ‘белые облака.

2. Светлый (цвет близкий к белому): башк. *ак тән* ‘белая кожа’, тат. *ак йөз* ‘светлое лицо’, *ак шәүлә* ‘светлый силуэт’, чув. *шурă çÿçлĕ* ‘1) светловолосый’.

3. Седой: башк. *ак һаҡал* ‘седая борода’, *ак сәс* ‘седые волосы’, тат. *ак сакаллы карт* ‘седобородый старик’, *ак чәч* ‘седые волосы’, чув. *шурă сухал* ‘седая борода’, *шурă çÿçлĕ* ‘2) седоволосый’.

4. Чистый, свежий, незагрязненный: башк. *ак кер* ‘чистое белье, ’тат. *идәнең бик ак икән* ‘полы у тебя чистые’, чув. *шурă кĕпе-йĕм* ‘чистое белье’.

5. Невинный, чистый, безгрешный; святой, благородный, добрый: башк. *ак уй* ‘добрые мысли’, тат. *ак җан* ‘безгрешная душа’, *ак күңелле* ‘с чистой душой’.

6. Счастливый, радостный: башк. *ак көндәр* ‘счастливые дни’, тат. *ак тормыш* ‘белая жизнь’.

7. Чистый, без примесей: башк. *ак тимер* ‘чистое железо’.

8. Бледный, матовый: башк. *ак быяла* ‘матовое стекло’, чув. *шурă кĕленче* ‘матовое стекло’.

9. Составная часть сложных цветовых обозначений, светлый: башк. *ак күк* ‘светло-синий’, *ак һары* ‘светло-желтый’, аксыл сары ‘светло-желтый’.

10. Составная часть зоонимов, фитонимов: башк. *ак томбойок* ‘белая кувшинка’, *ак айыу* ‘белый медведь’; тат. *ак әрем* ‘полынь белая’, *ак гөмбә* ‘белый гриб, боровик’, *ак чыршы* ‘пихта’, *ак төлке* ‘песец’; чув. *шурă акăш* ‘белый лебедь’, *шурă кăлкан* ‘белый ковыль’, *шурă кăмпа* ‘боровик, белый гриб’.

11. *ист.* Белый *(контрреволюционный):* башк. *ак армия* ‘белая армия’, тат. *ак офицер* ‘белый офицер’, чув. *шурă гвардия* ‘шурă гвардия’, *шурă çар* ‘белая армия’.

12. Топящийся по-белому *(о бане и т.д.):* башк. *ак мунса* ‘баня, топящаяся по-белому’, тат. *ак мунча* ‘белая баня (с дымоходом)’, чув. *шурă мунча* ‘баня, топящаяся по-белому’, *шурă пÿрт* ‘изба, топящаяся по-белому’.

13. Гостевой *(о жилище):* башк. *ак өй* ‘чистая половина крестьянской избы, горница’, *ак тирмә* ‘юрта для почетных гостей’, тат. *ак өй* ‘горница’.

Кроме того, слово белый очень часто встречается в составе понятий и терминов: башк. *ак май* ‘сливочное масло’, тат. *ак балчык* ‘известь’, чув. *шурă ылтăн* ‘платина’ др.

Таким образом, в тюркских языках Урало-Поволжья, встречаются две лексические формы для цветообозначений белый: *ак / ак* и *шурă*. Эти лексемы имеют семантику, сходную с другими тюркскими языками. Они сохранили свои основные древние значения, также появились такие оттенки значения, связанные с появлением новых исторических, культурных, этнографических понятий и предметов в жизнедеятельности народов.

Условные сокращения: языки: аз. – азербайджанский, алт. – алтайский, башк. – башкирский, гаг. – гагаузский, каз. – казахский, кар. – караимский, кбалк. – карачаево-балкарский, ккалп. – каракалпакский, кирг. – киргизский, Кор. – корейский, кум. – кумыкский, ног. – ногайский, уйг. – уйгурский, сал. – саларский, сюг. – сарыг-югурский, тат. – татарский, ТМ – тунгусо-манчьжурские, тоф. – тофаларский, тув. – тувинский, тур. – турецкий, турк. – турменский, Тю. – тюркские, узб. – узбекский, хак. – хакасский, чул. – чулымский, Яп. – японский.

Литература

АСБЯ 2011 – Академический словарь башкирского языка. / Под ред. Ф.Г. Хисамитдиновой. Т.1. Уфа, 2011.

Ахметьянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан, 2001.
Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.
ИБН 2009 – История башкирского народа. Т.1. М., 2009.
Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Т.1. М., 1974.
СИГТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001.
ТСТЯ 2005 – Толковый словарь татарского языка. Казань, 2005.
Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т.2. Чебоксары, 1996.
ЧРС 1985 – Чувашско-русский словарь. Под. ред. М.И. Скворцова. М., 1985.

Нарынбаева Н.О., г.Бишкек, Республика Киргизия

НЕСКАЗОЧНАЯ ПРОЗА КЫРГЫЗОВ (краткий обзор)

Жанровому составу несказочной прозы кыргызов характерно такое же разнообразие, как у всех кочевых народов, долгое время сохранявших своё прошлое в изустной форме [1]. Почти вся духовная культура зиждется в подобных текстах, поэтому история ближайших веков существования как народность хранится в изустной форме в памяти тех, кто считает себя частичкой кыргызского мира. Детали этой истории запечатлены в легендах, преданиях, быличках, сказах мифологического содержания. Иногда по фольклорно-этнографическим данным восстанавливаются отдельные события недавнего прошлого, по ним можно узнавать более заметные фрагменты крупных исторических событий.

По данной проблеме имеются фундаментальные труды этнографов Б.Солтоноева, С.М.Абрамзона и Т.Баялиевой [2]. Мифологические поверья, обычаи, отраженные в них, рассказывают также о взаимоотношениях с природой, их представлении о Вселенной. В кыргызской культуре мифологические представления встречаются в сюжетах эпических поэм, сохранились в жанрах *легенд, преданий* и генеалогических сказах (*санжыра*), также охотничьих *быличек* демонологического характера. Что касается жанра *легенды,* они в основном религиозного направления, заимствованные из других культур, жизнеописания пророков и другие сюжеты дидактического характера, распространенные сторонниками ислама в прошлых веках. В *преданиях* в большей части содержится история кыргызских племен, героические деяния исторических личностей, о войнах между народами или внутренних неурядицах родовых подразделений. Генеалогические сказы (*санжыра*) можно выделить как один из видов жанра преданий. В *санжырах* подробно описывается происхождение определенного рода [3]. Самое распространенное предание — это сказы о происхождении кыргызского народа и этнонима «кыргыз». Данный генеалогический сказ имеет несколько вариантов, и он, в свою очередь, рассказывается в нескольких версиях [4, 18-24]. Существует разные варианты, но в сюжетах всех преданий можно уловить тотемистические отголоски одного мифа, широко распространенного в разных исторических источниках о едином корне тюркоязычных племен. Характерной чертой этого жанра является объяснение родовых ветвей при помощи схем. Однако в них также превалируют чудесные сюжеты, в которых присутствуют мифологические мотивы, там же повторяются эпизоды о подвигах народных героев. Это — миф о непорочном зачатии от пены или от тотемного предка: от волка, своеобразного медиума, соединяющего человеческий мир с мирами богов в иных случаях: от марала (самки оленя), тотема охотничьих племён. *Охотничьи былички* содержат в себе рассказы о метких охотниках и их проделках во время охоты. Как правило, такие байки связаны с мифическими существами, обитателями (чаще обитательницами) лесов и гор: медный нос (*жез тумшук*), одноногое лесное существо (*жалгыз аяк*). К мифическому существу относится еще «*албасты*». В быту кыргызов, она женского пола, нападает на спящего человека или на родильниц во время родов (говорят «*кара басты*» — напали черные духи). В быличках рассказывается о её проделках и о шаманах, которые ловили этих злых духов, и подчиняли своей воле путем срезания с ее головы пряди волос. Существуют малые жанры: *аңыз* и *ылакап*. В *аңыз* рассказывается о ратных подвигах некогда существовавшего героя, или о жизни исторических людей с исключительными способностями, вообще, идея такого нарратива нацелена на ненавязчивую дидактику об образцовых случаях. *ЫЛакап* же, наоборот, высмеивает неподобающее поведение отдельных сородичей.

Мифологическими реликтами является бытование у ряда тюркоязычных народов термина «*тенгри*», почитание священной земли и воды «*Ыйык Жер-Суу*», вера в духов-хозяев (например, *жайлоонун ээси* — хозяин летних пастбищ, причем у каждой местности свой дух-хранитель), различных мест и духа-хранителя «*кут*». Кыргызы представляли кут в материализированном виде. Он должен выпасть с небес к кому-то во двор, как правило, на стойбища, в виде небесных лучей. Если тот во время заметил и смог поймать *кут*, тому человеку и его роду несказанно повезло — приумножался домашний скот и в семье царила благодать. Рассказывают, что *кут* бывает твердым на вид, похожий на свинец. У кого в доме он хранился, те его никому не показывали и, заворачивая в чистую белую материю, хранили в укромном месте.

Кыргызы почитают *духов* своих *предков*. О них можно судить по следующим выражениям: «*ата-бабанын арбагына арнап*» (посвящая духам предков), «*арбагын сыйлап*», «*арбактын кадыры үчүн*» (уважая память предков); или заклинание: «*арбак урсун*» (пусть покарает духи предков), выражения недовольства, обиды: «*атамдын (апамдын, и др.) арбагына койдум*» (оставлю на суд духам предков). *Тенгри* у кыргызов считается верховным божеством, обитающим в небесах — Создателем (*Жараткан*) всего сущего на земле.

Сохранились и следы культа *Умай* — богини-покровительницы матерей-родильниц и младенцев. Кыргызские этнографы отмечали: «Во всех остальных наших записях, относящихся к укладыванию ребенка в колыбель, вместе «*от энеке*» фигурирует «*Умай эне*». В верованиях киргизов культ «*Умай эне*» и «*от эне*» рассматриваются в тесной связи друг с другом». Старшие матери семейства до сих пор произносят заклинание, когда совершают некий обряд исцеления (или снятия сглаза) над младенцами: «Менин колум эмес — *Умай* энемдин колу» (досл.: «Это не моя рука — это рука нашей матери *Умай*»). В мифологическом сознании кыргызов образы *Тенгри, Умай* не персонифицированы — их образ никогда не описывают, они существуют как абсолют, это — сила, присутствующая вне времени и пространства. В то время как образ *Кыдыра*, покровителя благополучия, удачи, описывается в легендах как седобородый старец. Бытовало поверье, если он встретится тебе в пути, то нужно слезть с коня и обязательно здороваться рукопожатием, при этом незаметно следует прощупать суставы на большом пальце правой руки, поскольку у *Кыдыра* не должно быть на том месте костей. Тому счастливцу, которому показался *Кыдыр*, несказанно повезет в жизни во всех смыслах, а если тот прогадает и не подаст руку встречному, выказывая почесть, то упустит свое счастье навсегда.

Существовало представление и о магическом камне *яда* («*жай таш*»), обязательном атрибуте шаманов, используемого для призыва погоды или же наоборот — непогоды, дабы сбить с пути армию противника во время военных действий. Предание гласит, что таких людей в прошлые времена было множество, в сказах они называются поименно, указывается время и место их существования, красочно повествуется о том, что они вытворяли с погодой. О них слагали легенды, об их чудесных способностях воспеваются в устных эпических произведениях от «Манаса» до народных поэм.

Кыргызы также почитали природные явления и разные стихии. К примеру, по словам Гардизи, считалось, что *огонь* для киргиза — самая чистая стихия, он уничтожал всякую нечистоту, а потому и мертвый очищался от грязи и греха. Исторические записи свидетельствуют о том, что кыргызы останки умерших предавали огню [5]. По-видимому, пословица кыргызов: «*Тирүүңдө сүйөрүң от, өлгөндө күйөрүң от*» (пока мы живы — любим огонь, когда умрем — огонь нас унесет) по своему происхождению насчитывает немало веков.

Представление о *древе жизни* не сохранилось отдельным сюжетом — оно вкраплено в структуру крупных эпических полотен как, например «*Манас*». Сын Манаса Семетей рождается под священным деревом *Байтерек*, когда мать и жена скрывались от завистливых родственников после смерти героя, а к утру женщины увидели, как от новорожденного отдаляется самка оленя, на щеке младенца заметили следы молока [6, с. 50-53].

Во второй половине XIX века писали о духовной жизни кыргызов, что они «все необыкновенные явления природы считают за места священные; все курганы называются «обаа», значит «куча». По словам Валиханова, одиноко растущее дерево, или уродливое растение с необыкновенно кривыми ветвями служат предметом поклонения и ночевок. Такие

места кыргызы называют «мазар». Как правило, под такими деревьями обычно журчит родник или же по легенде находится захоронение какого-нибудь святого (шамана-знахаря или провидца). К подобным святым местам ездят безнадежно больные, бездетные или те, у кого имеются большие проблемы в жизни. В народе бытует поговорка «Баш тилесеңа Манжылыга бар, мал тилесеңа Чолпон-Атага бар» (Если желаешь детей, нужно идти молиться в Манжылы-Ата, если желаешь богатства и благополучия — в Чолпон-Ата). *Чолпон-Ата* — это дух-покровитель овец, *Ойсул-Ата* дух-покровитель верблюдов, Камбар-Ата — лошадей, *Зенги-Баба* — коров. По словам информаторов, Зенги-Баба было существом наполовину человеком, наполовину животным, подобие Минотавра [7, с. 86]. Земля их предков («ата-бабадан калган жер»), имела своих духов-хранителей, т.е. духов-хозяев определенного пастбища (джайлоо) и зимовки (кыштоо). После каждой перемены мест, кочевки совершали обряд поклонения явлениям природы (*түлөө)*, молились духам предков (ата-бабанын арбагы), священной воде и земле (*Жер-Суу*), произнося: «*Жер-сууңдан, тоо-ташыңдан айланайын, ата-бабанын арбагы колдосун!*» (букв. «Да кружусь я вокруг тебя (досл.: буду твоей жертвой) о святая земля и вода, пусть будут довольны духи наших предков!»).

Не сохранились сюжеты солярных и лунарных мифов, остались только слабые приметы поклонения Луне, когда она находится в первых фазах новолуния, т.е. увидев первые дни появления месяца, принято три раза делать поклоны и произнести пожелания о том, чтобы месяц проходил в спокойствии [8, с. 479]. Из реликтов поклонения Солнцу сохранился обычай ставить юрту к направлению на восход. При погребальном обряде также покойника кладут головой к восходу солнца, а ногами к западу. Записаны мифы о некоторых созвездиях: «*Үркөрдүн кызы Үлпүлдөк сулуу*» (Нежная дочь Ориона красавица Ульпульдек) и «*Ак сары ат, көк сары ат*» (Сизый конь и серый конь).

Кыргызской изустной словесной культуре характерна синкретичность художественных жанров. В одном устном сказе причудливо переплетаются элементы мифологического содержания с историческими данными давно прошедших эпох. Поэтому в мифах и легендах превалирует генеалогические рассказы, исторические предания. В большинстве текстов они представлены в комбинированном виде — это конгломерат архетипического мышления нации, наполненный историческими событиями, в которых поэтически воспеваются подвиги или деяния конкретных исторических лиц.

Литература

1. Нарынбаева Н.О. Миф. Оозеки кара сөздүн көөнө уңгулары. – Бишкек, 2011.
2. Солтоноев Б. Кызыл кыргыз тарыхы. – Бишкек, 1993; Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и этнокультурные связи. – Бишкек,1990; Баялиева Т. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. – Фрунзе, 1972.
3. С.Закиров. Кыргыз санжырасы. – Бишкек, 1996.
4. Кыргыз адабиятынын тарыхы. Жети томдук. 1-том. – Бишкек, 2004.
5. Гардизи http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Gardizi/frametext_1.htm
6. Семетей. Эпос. Саякбай Каралаевдин варианты. 1- китеп. – Фрунзе, 1987.
7. Рукописный фонд НАН КР. – №1784. С. 86

Валиханов. Собрание сочинений в 5-ти тт. – Алма-Ата,1961. Т. I.

Нафиков Ш.В., г. Уфа

СОМАТИЧЕСКИЙ ТЕРМИН «ЖИВОТ» В ДВУХ ЯЗЫКОВЫХ СВЕРХСЕМЬЯХ

Соматические термины занимают важные место в 100 словном списке М. Сводеша (22%), что побудило ряд ученых сделать их предметом специальных исследований. Среди них значительный интерес вызывают работы А. В. Дыбо [Дыбо 1997 и др.].

Соматизм «живот» находится в начале списка под № 4.

I. В алтаистике примером этимологизации этого слова может служить исследование С. Старостина [Старостин 1991, 264]: ПА **karV(k'-, g-)* 'живот; тело..: тюрк. *karɨn*; ...кор.**kar* и другие рефлексы (1); **k'úrgo...*'кишка, живот' [EDAL, 854].

В **ностратике** данный соматизм упоминается в работах В. Иллич-Свитыча, А. Долгопольского и других ученых.

59.ностр. *Ḳarb/i/* 'живот, внутренности': афраз. *qrb.*; и.-е. *kerp-* 'живот, тело'..; драв. *karΛ* – 'зародыш, матка'; в славянских рус. *чрево* также рефлекс общего этимона, ср.лат. *coprus* 'тело' [Иллич-Свитыч 1971, 338 *sub* 214]. В монументальном словаре А. Долгопольского [Dolgopolsky 2008] имеется целый ряд интересующих нас соматических терминов:

60.№ 665a **gERV* 'внутренности', 657b **guRV* 'живот, тело', 166 *[*ḳ*]*arb/p[i]* 'живот', № 622 * *gol[ʔ]V* 'живот, внутренности'.

Как явствует из приведенного краткого обзора, значения рефлексов при соматизме 'живот' позволяют считать последний как некий центр, сосредоточие семантического пучка, отдельными составляющими которого являются значения 'зародыш, матка' и т.п. Сравни ностр. **goLV* 'зародыш, дите'. Этот же автор проводил знак равенства между основами в и.-е. **gu̯elbh-* 'матка' или **ghel-ond-* 'желудок, кишка' и картв. *gul* 'сердце, грудь' [Долгопольский 1964 *sub* 159]. *L*-овый элемент есть также в таких параллелях из языков ностратического круга как ПА **k'üleń'-* 'пупок' [Дыбо 1997, 84] ител. диал. *kolod* 'желудок' [Worth 1959, 112], лат. *collis* 'шея' [Сводеш 1965, 275]. Сравни с пратюрк. **karym* 'желудок', **kurug-sak* 'брюхо' и рус. заимствование *кореш* того же корня [Дыбо А. 1997, loc.cit.]

Внешние сближения с соматическим термином 'живот' (фономорфологический тип *KVRV/QVLV*) обнаруживаются в ряде соответствий в нескольких надсемьях, кроме ностратической. Для примера обратимся к гипотетической макросемье **сино-кавказских** языков, где в различных ее ветвях имеются параллели-соматизмы. Значение лексем остается в пределах того же семантического поля, что и их ностратические корреляты, о чем см.выше.

(4) др.-тиб. *m-gul* 'шея', ср. фин. *kuula* 'то же' без классного префикса, см.[Сводеш 1965, 275]; тиб-бирм. **m-kal* 'почка'.

баск. **kholko* 'грудь': сулет. *kholko* ~ биск. *kolko* ~ сев. *golko* 'то же'

сино-тиб.: тиб. *m-gur* 'горло, шея' [Shevoroshkin 1989, 13]; в значении 'горло' ср. енис. **kərʌd..*, юг. *kʌlat*, арин. *u-kurii*..ср.на-дене: хайда *χil* 'шея'.. и праенис. реконструкт *gar'*,в значении 'vulva' коттск., ассан. *kar*, арин. *ken (<*ker-(ʌ) n)*.

1. Значение последних параллелей перекликается с бинарными сопоставлениями из приложения под заголовком 'языковой контакт' к монографии А. Бомхарда [Bomhard 2012, 931 *sub* № 498]: ПН *q'aly- 'гениталии' автор сближает с прасев.кавк. *q'al'...'дите', по семантике ср.сван *[q'l-]* в *q'law* 'сын', наряду с груз. *q'al-e...* 'пенис'; мингр. *ʔol-e*, лазск. *k'ol-e* 'idem'.

Исходя из близости значений и сходств в фонетическом облике здесь очевидны такие сближения как алт. *kōli(kV)* 'детеныш животных', ител. юж., зап. *kalka* 'пенис' [Worth 1959, 112], ср. уральскую параллель **kole* 'мошонка' [UEW 175].

Общий **вывод** из краткого обзора выше тот, что во многих языках ностратической и сино-кавказской макросемей имеются соматические термины с общей основой и/или корнем (наследием некогда общего праязыка?), свидетельства чему-лексемы наподобие ДТ *qaryn* 'живот', QAR 'желудок, утроба', ПТ **kurg -sak* 'живот, желудок'; алт. **кéra* 'живот', **k'ele* 'пояс', **кéra* 'тело; живот, ребра' [EDAL, 669]; прасем.: аккад.: сир., харара, джиббали **karis-* 'живот' [Коган 2005, 274], афраз.: оромо *g'araʔ*, иракв. *guraʔ* 'живот' и множество примеров, сходных с последними.

Литература

1. Долгопольский А.Б. Гипотеза древнейшего родства языков Северной Евразии (проблемы фонетических соответствий) // VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964.

2. Дыбо А.В. Части тела // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Т. IV. Лексика. М., 1997. С. 194-289.

3. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). Сравнительный словарь. М.: Наука, Т.1. 1971; т. 2. 1976; т. 3. 1984.

4. Коган А.И. Дардские и нуристанские элементы в языке // Аспекты компаративистики 2. Труды института восточных культур и античности. XI. М., 2005, с. 310-326.

5. Сводеш М. Лингвистические связи Америки и Евразии // Этимология 1964. М.: Наука. С. 271-322.

6. Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. – М. 1991.

7. Bomhard A. Reconstructing Proto-Noostratic: Comparative Phonology, Morphology, and Vocabulary. – Charleston, 2012.
8. Starostin, S.A., Dybo, A.V., Mudrak, O.A. Etymological Dictionary of Altaic Languages. Brill, 2003.
9. Shevoroshkin V. Methods in interphyletic comparison // Ural-Altaic Yearbook Ural-Altaische Jahrbücher 61 (1989). P 1-29.
10. Redei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986-1989.
11. Worth, Dean S. Paleosiberian Etymologies, I-II. International Journal of American Linguistics 25, 32-40; 105-113.

Николаев Е.Р., г. Якутск

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСЛИТЕРАЦИИ ЯКУТСКИХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ

В условиях современных реалий якутские имена собственные (далее ИС), как самый малоизученный объект в якутском языкознании, могут дать возможность найти новый аспект в переходе якутского языка на латиницу как одного из методов развития языка.

Одним из таких аспектов может стать составление словаря ИС, в котором ИС даются на двух языках – на якутском и русском. А также, принимая во внимание ситуацию, когда “современные информационные технологии базируются целиком на материале английского языка, на международных научных конференциях все доклады читаются и публикуются по-английски” [Алпатов, с. 24] и в некоторых случаях возникает необходимость писать национальные ИС латинскими буквами (банковские карточки, документы ведомств и т.п.). Развитие информационных технологий вызвало глобализацию языковых заимствований, затрагивающих повседневную жизнь людей. В системе таких регулярных контактов возникает и такая особая научная проблема, как транскрипция [Суперанская, с. 27].

В нашем случае, выбор метода – транскрипции или транслитерации – зависит от задачи лингвиста. Первоначальная задача якутского филолога – передача особенностей якутских звуков (*´, ³, ±, µ, ², ыа, уо, иэ, үө, дь, нь, аа, ыы, уу, оо, ии, ээ, үү, өө*) с точки зрения сохранения фонологических и орфографических норм якутского языка. В этом аспекте нам, на первый взгляд, более подходит практическая транскрипция с применением упрощенной транслитерации, как “передача текста, написанного при помощи одной алфавитной системы средствами другой алфавитной системы” [Ахманова, с. 479].

Опыт переводческой транскрипции эпических жанров показывает, что «нужно избегать применения правил русско-английской транслитерации при передаче якутских имен и названий на английский язык ввиду существенных акустико-артикуляторных различий между фонемами якутского и русского языков» [Тарасова, с. 27]. Следует полагать, что при опосредованной транскрипции искажается не только передача национального ИС, но и теряется его смысл. Например, ИС *Айаал* в официальных документах (например, в записях органов ЗАГС) пишется как *Аял* или *Айал* [Справочник..., с. 229], подразумевая, что вторая фонема [а] находится под ударением, тогда как в якутском языке смысловое значение короткой [а] и долготной фонемы [аа] различаются. Иногда долгий гласный, хотя и следует традиционной удобочитаемости, изменяется до неузнаваемости, например, *Айыысээн/Айысян, Кэнчээри/Кенчяри*. Также замечены случаи, где ударение ставится там, где его в принципе не должно быть: *Дуолан/Дола́н, Уолан/Уола́н, Майагатта/Майагатта́* и т.д. [Справочник..., с. 229], что можно объяснить единообразием репрезентации национальных имен в отечественном языкознании.

Как отмечают лингвисты, упрощенная транслитерация имеет свои преимущества, так как письменный вариант имени при этом не искажается, его носитель имеет универсальную, независимую от языка идентификацию [Ермолович, с. 17]. Но в этом случае происходит навязывание заимствующим языком собственных правил произношения ИС. Транскрипция же следует принципу соблюдения «взаимно однозначного соответствия между фонемами оригинала и их графическими соответствиями в принимающем языке» [Ермолович, с.19]. У

большинства родственных по языку тюркских народов практически все справочники ИС опубликованы на основе кириллицы на двух языках (на национальном и русском) [Кусимова, Биккулова; Сулейманова; Алтайские...; Личные имена хакасов]. Из тюркских языков автоматическая упрощенная транслитерация пока доступна, например, казахскому языку [http://kz.translit.net/]. На основе предложенного варианта транскрипции [Тарасова, с. 28-29], казахской и русской транслитерации [http://ru.translit.net/], можно сделать следующие вариации транслитерации якутских звуков: ´/´/h,h`, ³(өө)/ö(ö:)/o'(o'o'), ҕ/gh/ҕ, µ(үү)/ü(ü:)/u'(u'u'), н/n/nh,ng, дь/d', ыа/ya, уо/uo, үө/üö, иэ/ie. Якутские долгие гласные можно обозначить “двоеточием”: аа/a:, үү/ü: и т.д. Но транслитерация на кириллице допускает также двойные буквы: аа/аа, ыы/уу, уу/uu, оо/оо. Приведем примеры транслитерированных якутских ИС: *Айаал/Ajaal/Aja:l, Үүйэ/Ü:je, Дьаргыстай/D'argystaj, Дуолан/Duolan, Күндүл/Kündül, Эллэй/Ellej, Чаҕыл/Chaghyl/Chaҕyl, Күн/Kün,Сайыына/Sajyyna/Sajy:na, Сахарҕа/Saharҕa/Sahargha, Айылҕа/Ajylҕa/Ajylgha, Нөургун/N'urgun; Өркөн/O'rko'n/Örkön, Суоһааны/Suohaany/Suoha:ny* и т.д. Как показал начальный опыт составления условно “трехязычного” ономастического словаря якутских ИС [СЯЛИ], такой формат ИС будет неудобным, неэффективным, пока сам язык не будет иметь программное обеспечение транслитерации. Тем не менее, передача латинскими буквами ИС не только дает более широкий диапазон способов передачи якутских звуков, но и способствует сохранению якутских звуков, гармоничному восприятию и значению ИС.

Литература

Алпатов В.М. Глобализация и развитие языков // Вопросы филологии. № 2 (17), 2004. С. 23-27.

Алтайские личные имена. Горно-Алтайск: Книжное издательство «Юч-Сумер» Республики Алтай, 1993. 128 с.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-ое изд. М.: Советская Энциклопедия, 1969. – 608 с.

Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М.: Р.Валент, 2001. 200 с.

Кусимова Т.Х., Биккулова С.А. Башкирские имена. Уфа: Китап, 2010. – 232 с.

Личные имена хакасов. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1993. 108 с.

Справочник личных имен народов РСФСР. М.: Рус. яз., 1987. 656 с.

Сулейманова Р.А. Антропонимы современного башкирского языка итенденции их развития. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 25 с.

Сулейманова Р.А. Словарь башкирских личных имен и фамилий. Уфа, 2015. 298 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.

СЯЛИ: Словарь якутских личных имен [авторская рукопись]

Тарасова З.Е. Фонологические и фоносемантические аспекты перевода якутских эпических текстов (на русский и английский языки): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Я., 2013. 33 с.

http://kz.translit.net/ (дата обращения: 28.02.2016)

Ниязова Г.Н., г. Тюмень

ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ НАИМЕНОВАНИЙ В ЛЕКСИКЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ДИАЛЕКТОВ СИБИРСКИХ ТАТАР

Понятие «материальная культура» охватывает не только материально объективированные явления культуры в сфере производства и потребления, но и связанные с ними формы человеческой деятельности, ориентации и опыта (жилище, предметы обихода, утварь, одежда, обувь и прочее). Образование названий в лексике материальной культуры диалектов сибирских татар осуществляется за счет внутренних ресурсов и на основе характерных для всех тюркских языков принципов и способов.

Основу лексики материальной культуры диалектов сибирских татар составляют имена существительные. Существуют следующие способы образования наименований: 1) фонетический; 2) суффиксальный; 3) словосложение; 4) лексикализация словосочетаний (переход словосочетаний в сложные слова без суффиксации и переход словосочетаний в сложные слова при одновременной суффиксации); 5) конверсия; 6) лексико-семантический.

Рассмотрим такой способ образования слов в лексике материальной культуры, как лексикализация словосочетаний. Этот способ используется как одно из средств номинации тех предметов быта, для которых нет односложных наименований. Основным критерием разграничения образования того или иного слова словосложением или лексикализацией словосочетания является наличие в диалектах «живого» словосочетания. Например, сочетание *мунца тәстымал* «мочалка» не является результатом сложения слов *мунца* «баня» и *тәстымал* и обозначает мочалку, а не «банную тряпку».

Наблюдаются следующие типы лексикализации словосочетаний с атрибутивным отношением компонентов:

а) тип «существительное + существительное»: *айақ кейем* «обувь», *ау тәстымал* «старые сети, приспособленные для вытирания рук», *аш иләк* «веялка», *аш суққыц* «молотило, цеп», *итмәк кисмә* «квашня; кадушка», *ишек алт* «двор», *ишек йаңақ* «косяк двери», *ишек тупса* «порог», *йастық тыш* «наволочка», *йәйлек паш* «крыльцо», *йел қапқа* «легкие одностворчатые ворота, сколоченные из жердей», *йурған тыш* «пододеяльник», *қалац шәйгә* «квашня; кадушка», *қул сөртке* «полотенце», *қура түбә* «верх хлева, где хранят сено», *қый арба* «грабарка (повозка для перевозки земли, навоза)», *лис тимер* «противень», *негә йөсөк* «обручальное кольцо», *он тақта* «доска для раскатывания теста», *пал шабала* «чайная ложка», *пойма кулаша* «короткие валенки», *таба тотқа* «сковородник», *тәрәс тупса* «подоконник», *туқац таба* «противень», *түбә тақта* «потолок», *цана шәл* «теплая зимняя шаль»;

б) тип «прилагательное + существительное»: *йәйтақ цана* «дровни» (*йәйтақ* «пологий»), *ақ мунца* «баня с дымоходом», *ец тун* «нижнее белье», *иңсес йәктә* «жилет», *йәпшермә өй* «прируб, пристройка к основному дому», *йуғары өй* «верхний этаж дома», *күсле йөсөк* «перстень», *күсле пеләлек* «браслет с камнями», *қара мунца* «курная баня», *қолақшалы пүрек* «малахай», *қомақ йылым* «стержневой невод», *қыпшыр тун* «балахон» (*қыпшыр* «просторный, свободный»), *оло тун* «тулуп», *осон қуныц* «болотные сапоги с голенищами по пояс», *пөег үкцә* «туфли на каблуке», *туңқалақ өй* «четырехстенный дом», *түмән өй* «нижний этаж дома».

Встречаются лексикализованные сложные слова с объектным отношением компонентов типа «существительное + имя действия»: *ет йату* «дымоход» (< *ет* «копоть; сажа» + *йату* «лежать»).

Наибольшее количество наименований в лексике материальной культуры представляют собой составные названия, которые объединяют два и более слов в одну лексическую единицу и оформлены грамматически.

Первые компоненты таких составных названий могут обозначать:

а) материал, из которого произведена реалия: *ағац шабала* «деревянная ложка», *йебәк шәл* «шелковая тканевая шаль», *йүгә тастымал* «мочалка», *киес тақыйа* «войлочная шапка», *кирсауай итек* «кирзовые сапоги», *көмөш йөсөк* «серебряное кольцо», *лис тимер* «противень», *рәсиңкә итек* «резиновые сапоги», *тус күнәк* «коробок из бересты»;

б) форму: *йәйтақ цана* «дровни» (*йәйтақ* «пологий»), *йалбақ пеләлек* «широкий браслет» (*йалбақ* «широкий»), *қағый цана* «дровни» (*қаға* «ровный»), *түгәрәк тақыйа* «круглая шапка»;

в) размер: *ауанца бала* «пестик для толчения зерна», *оло тун* «тулуп»;

г) предназначение: *айақ кейем* «обувь», *ец көйләк* «нижняя рубашка», *итән тәстымал* «половая тряпка», *йурған тыш* «пододеяльник», *қул сөртке* «полотенце», *қышқы бальтә* «зимнее пальто», *он тақта* «доска для раскатывания теста», *пал шабала* «чайная ложка», *туқац таба* «противень»;

д) местонахождение, местоположение реалии: *ишек қаш* «наддверные занавески», *йәйлек паш* «крыльцо», *йуғары өй* «верхний этаж дома», *қура түбә* «верх хлева, где хранят сено», *урын асты* «подполье»;

е) характеристику реалии по отдельным признакам: *астылы-өстөле өй* «двухэтажный дом», *имәнле көйләк* «платье с оборками», *иңсес йәктә* «жилет», *йел қапқа* «легкие

одностворчатые ворота, сколоченные из жердей», *күсле алға* «серьги с камнями», *қашақ лампы* «керосиновая лампа» (*қашақ* «одноглазый, кривой»), *қомақ йылым* «стержневой невод (невод, устанавливаемый в реках или озерах с твердым, песчаным дном)» (*қомақ* «твердый, песчаный (о дне озера, реки)», *тигер мылтық* «метко стреляющее ружье», *цөлцөк лампы* «керосиновая лампа» (*цөлцөк* «слабо светящий»);

ж) сравнение с другим предметом: *ақ мунца* «белая баня (баня с дымоходом)», *қара мунца* «черная (курная) баня», *пойма кулаша* «короткие валенки», *урыс мейец* «русская печь»;

з) часть целого: *ишек йаңақ* «косяк двери», *йәпшермә өй* «прируб, пристройка к основному дому», *таба тотқа* «сковородник», *тәрәс қаш* «верхняя часть оконного косяка», *цынайақ табақ* «чайное блюдце».

Таким образом, лексикализация словосочетаний в диалектах сибирских татар является довольно продуктивным способом образования наименований предметов материальной культуры.

Литература

Алишина Х.Ч. Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар: монография. Казань, 1994.

Ганиев Ф.А. Образование сложных слов в татарском языке. М., Наука, 1982.

Ганиев Ф.Ә. Хәзерге татар әдәби теле. Сүзьясалышы (Современный татарский литературный язык. Словообразование). Казан, 2000.

Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. Казань, 1992.

Тумашева Д.Г., Насибуллина А.Х. Словарь диалектной лексики татарских говоров Тюменской области. Тюмень, 2000.

Сагынбеков И., г. Бешкек, Киргизия

ЛИНГВОСТАТИСТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ч.АЙТМАТОВА

В XXI веке открыто ощущается рост и развитие отраслей науки, активно осваивающих новые компьютерные технологии. Это касается и лингвистической науки, в особености тех ее областей, которые исследуют речевую сторону языка. Если язык как система является стройной и детерминированной, то речевая сторона языка, являющаяся реализацией языка в конкретных случаях, имеет сложную вероятностно-статистическую структуру. Потому что, “то какими словами мысль будет доведена до других, какой пласт лексики («чокмороктошкон») будет употреблено невозможно заранее предопределить [Усубалиев, 2007, с. 12].

Возможность применения вероятностных методов в исследовании речевых явлений закономерно вытекает из того факта, что сама математическая теория адекватно описывает реализацию событий из некоторой группы, сами же эти группы событий равновероятны, недетерминированы между собой и находят отражение в сознании индивидида и реализуются языковыми средствами.

Теория вероятности зародилась в XVII веке в Англии и Голландии и первоначально называлась «политической арифметикой», оперировала обычной информацией о численности населения и армии, о рождении детей и смертности людей. Со временем она переименовалась в теорию математической статистики, основателями которой считаются Ж.Д.Граунт (1620-1676), У.Петти (1623-1687), Г.Ахетвальт (1719-1772) и другие. Первым ученым, который применил математическую статистику для практических нужд был А.Кетле (1835).

В дальнейшем в развитие математической статистики внесли большой вклад русские ученые-математики П.Л.Чебышев, А.А.Марков, А.М.Ляпунов, А.Н.Колмогоров, В.Н.Смирнов и др. Значителен вклад и западных математиков: А.Гаусс, П.Пирсон, Э.Пирсон, Р.Фишер, Ж.Стьюдент и др., развивших теоретические основы математической статистики и

теории вероятности. Благодаря стараниям этих ученых была создана основа современной теории вероятности, которая используется как в естесвенных науках, так и в гуманитарных областях.

Статистические методы широко используются в лингвистике в следующих случаях:

- анализе фонетических, лексических, морфологических и стилистических явлений языка;
- моделировании лингвистических явлений: морфемной и синтаксической структуры, сочетаний лексики;
- разработке систем автоматической обработки текстов и реферирования.

Значительная часть вышеназванных исследований базируется на анализе частотных словарей. Частотные словари (ЧС) авторского языка позволяют выяснить, как писатель использует лексические средства, его словарный запас, определить стилистические особенности. Анализ ЧС функциональных стилей и всего языка в целом позволяет решить вопросы нормы литературного языка.

Первым частотным словарем на евразийском просторе был словарь русского языка В.Н.Куницкого (1894). В след за ним известный ученый-математик Н.А.Марков впервые провел исследование произведения «Евгений Онегин» используя математические методы. Использованные автором методы назвали «цепью Маркова».

Именно русские математики внесли значительный вклад в открытие математических закономерностей в языковых явлениях. Учитывая значение статистических методов в лингвистике, в 1938 году крупный представитель изучения языка традиционными приемами академик Виноградов признал необходимость использования количественного приема в определении стиля. Он писал: «В повествовательных предложениях или в художественных произведениях разная частота использования слов. Поэтому точное числовое значение дало бы возможность для уточнения семантических, структурных и грамматических различий их стилей» [Виноградов, 1985, с. 65].

В начале 60-годов прошлого столетия в СССР была создана всесоюзная группа «Статистика речи» под руководством профессора Р.Г.Пиотровского. В группу были привлечены языковеды из таких городов Советского Союза как Москва, Ленинград, Киев, Тбилиси, Алма-Ата, Ташкент, Минск, Чымкент. Они математически методами исследовали английский, немецкий, русский, французский, казахский и другие языки. Были проведены множество научных конференций, собраны результаты статистического исследования. Ученые группы «Статистика речи» выполнили пионерские работы в области автоматического перевода, индексации, аннотации текста. В этих работах активно применялись теория множеств и теория алгебры, были положены основы квантитативной лингвистики (Андреев, 1967; Лукьяненков, 1969; Курбаков, 1968; Белоногов, Богатырёв 1973; Марчук, 1972; Попеску, 1972; Трибис, 1972).

Использование в лингвопсихологии статистических приемов и методов вероятности стимулировало появление теории информации, которая открыла возможность числового вычисления структурной организации текста, а также ее смысловой составляющей.

В группе «Статистика речи» значительные достижения были осуществлены казахскими языковедами. В 1973 году в качестве итога проделанной работы в течении десяти лет казахские языковеды под руководством профессора К.Б.Бектаева выпустили сборник под названием «Статистика Казахского языка» в объеме 30 печатных листов. В сборнике даны обширные исследования не только казахского языка, но и других тюркских языков: узбекского, каракалпакского, кыргызского, татарского и других. Тюркологи развивают научные исследования, пользуясь опытом казахских языковедов-прикладников [Махмудов, 1985; Аймбетов, 1987; Сиразитдинов, 1989]. Монографические исследования Р.Г.Пиотровского, А.Г.Пиотровской и К.Б.Бектаева считаются передовыми трудами в изучении языкознания с помощью математики [Пиотровского, Пиотровской Бектаева, 1974; Бектаев, 1978]

А.Х.Жубанов, А.Ахабаев, С.Мырзабеков, Б.А.Байтанаева, А.Белботоев и другие создали множество научных трудов по направлению математической лингвистики казахского языкознания [Жубанов, 1987, 2002, 2009; Ахабаев, 1971; Мырзабеков, 1973; Белботаев, 1992].

Создаются ЧС по узбекскому, каракалпакскому, азербайджанскому и башкирскому языкам [Махмудов, 1982; Махмудов, 2004; Сиразитдинов, 1995, 1997, 2002, 2006]. Казахские ученые получили словарь языка Абая и частотный словарь произведений М.Ауэзова [Абай, 1968; Бектаев, 1979].

На данный момент в кыргызском языкознании существуют считанные работы, которые были выполнены с использованием теории вероятности и математической статистики. В 1975 году защитил диссертацию С.Ибрагимов на тему «Структурно-вероятностный анализ синтаксических отношений киргизского языка и их функционирования в речи». В этой работе он синтаксически-функционально классифицировал имена существительные, исследовал синтаксические связи имен существительных с другими частями речи, провел статистический анализ.

В 1979 году вышла статья Т.Садыкова «К исследованию квантативной лингвистической структуры кыргызского текста на ЭВМ» и его монография под названием «Проблема моделирования тюркской морфологии» по принципам создания частотного словаря эпоса «Манас» [Садыков 1979;]. В этой монографии исследовались структуры морфем на примере кыргызского языка, и по результатам исследований была создана модель подходящая всем тюркским языкам.

В 1980 году автор данной статьи под руководством профессора Т.К.Ахматова взялся за создание частотного словаря произведений Ч.Айтматова. Состоящий из общего количества 199428 употребляемых слов ЧС произведений Ч.Айтматова был завершен в 1994 г. [Сагынбеков, 1994] На основе полученного частотного словаря вышел в свет «Кыргызко-русский словарь-минимум» [Сагынбеков, 1992]. Кафедра кыргызского языкознания Иссык-Кульского государственного университета имени К.Тыныстанова и вычислительный центр совместно создали ЧС эпоса «Манас». Словарь объемом в 150 печатных страниц еще не издан, но на его основе осуществлены ряд научных исследований. Н.Ж.Мазековой определено морфологическое строение имен существительных, описаны возможности словоизменительных форм [Мазекова, 2001]. Б.Д.Шаршенбаев на основе ЧС составил информационную и статистическую базу эпоса «Манас» [Шаршенбаев, 2006].

В 2010 г. С.Ж.Карабаевой были исследованы математические тексты кыргызского языка. Составленные автором ЧС математических текстов позволили пролить свет на употребление математических терминов.

Разработанные ЧС кыргызского языка и лингвостатистические исследования позволяют начать масштабные исследования по выявлению квантитативных свойств кыргызского языка, авторских речевых особенностей, в частности языка Ч.Айтматова.

Литература

Абай тілі сөздігі (словарь языка Абая), Алматы , 1968, 734 б.

Аймбетов М. Опыт лингво-статистического анализа лексики и морфологии кракалпакского текста. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Ташкент, 1987. 23 с.

Айтматов Ч. Чыгармаларынын сегиз томдук жыйнагы, Б., 2008.

Ахабаев А. Статистический анализ лексико-морфологической структуры языка казахской публистики (на материале газетных текстов за 1965-1966гг.). Автореф. дисс. на сосиск. учен. степени канд. фил. наук. Алма-Ата, 1971.

Ахматов Т., Мукамбаев Ж.,Азыркы кыргыз тили, Фрунзе, 1978.

Бектаев К.Б. Жубанов А.Х., Мырзабеков С., Белботаев А.Б. Частотный словарь романа “Путь Абая” М.О.Ауэзова. Алма-Ата, 1979, 336 с.

Бектаев К.Б. Статистико-информационная типология тюркского текста, Алма-Ата, 1978.

Белботаев А. Б. Лингвистические характеристики частей речи казахского текста. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1992. 32 с.

Виноградов В.В., О языке художественной литературы М., 1959.

Генкель М.А., Исследование по стилистике Пермь, 1970, уч. записи №214.

Генкель М.А., Частотный словарь романа Д.Н. Мамин-Сибиряка “Приваловские миллионы”, Пермь, 1974.

Ибрагимов С. Структурно-вероятностный анализ синтаксических отношении киргизского языка и их функционирования в речи, АКД, Ош, 1975.
Карабаева С.Ж. Кыргыз тилинде компьютердик жана маалымат коммуникациялык технологиялардын терминдеринин өздөштүрүлүшү жана жыштык сөздүктөрдү түзүү (моделдештирүү) принциптери, Б., АКД, 2010.
Мазекова Н.Ж. Зат атоочтор боюнча "Манас" эпосунда колдонулган сөз формаларына лингвостатистикалык илик, АКД., Б., 2001.
"Манас" эпосунун жыштык сөздүгүн түзүү боюнча колдонмо, Каракол, 1993.
Материалы к частотному словарю языка Пушкина, М., 1963.
Махмудов С. Алфавитно-частотный словарь узбекского языка с грамматическими пометами : (На материале газ. текстов) / С. Мухамедов, 110 с. 21 см, Ташкент Фан 1982.
Молдабеков К. Лингвистические исследования казахских текстов для младших школьников (на материале текстов учебников начальных классов). Автореф. дисс... канд. филол. наук. Алма-Ата,1985, 25 с.
Мухамедов С.А. Инженерная лингвистика и опыт системно-статистического исследования узбекских текстов, Ташкент, 1986.
Мырзабеков С. Статистико-лингвистический анализ структуры глагола современного казахского языка (по роману М.О.Ауэзова "Путь Абая"). Автореф. дисс... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973, 32 с.
Панков С.Д. Кыргыз тилин компьютерде чагылдыруу, Бишкек, 2010.
Перебейнос В.И. Морфологический анализ научного текста на ЭВМ, Киев, 1989.
Пиотровский Р.Г., Пиотровская А.А.,Бектаев К.Б. Математические методы в языкознании, Л.,1974.
Сагынбеков И., Бакыт Иманак уулу, "Кыргызча-орусча минимум сөздүк", Бишкек, 1992.
Сагынбеков И., Бакыт Иманак уулу. Ч. Айтматовдун чыгармаларынын алфавиттик жыштык сөздүгү. Бишкек, 1994.
Сагынбеков И. Ч. Айтматов тилинин сөздүгү, Б., 2012. – 652 б.
Садыков Т. Квантативно-типологическому исследованию эпоса "Манас", Известия академию наук Кирг. ССР., 1979г., №3.
Сиразитдинов З.А. Лексика романа "Кан" Д. Юлтыя : (Квантитативно-стилист. анализ). Автореф. дисс... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1989, 22 с.
Сиразитдинов З.А. Частотный словарь башкирского языка. Т.1 (наука). Уфа, 1997. 330 с.
Сиразитдинов З.А. Частотный словарь башкирского языка. Т.2 (проза). Уфа, 2002. 413 с.
Сиразитдинов З.А. Частотный словарь произведений Д. Юлтыя. Уфа, 1995. 292 с.
Сиразитдинов З.А., Шамсутдинова Г.Г. Частотный словарь башкирского языка. Т.3 (публицистика). Уфа, 2006. 384 с.
Словарь языка В.И. Ленина. М., 1974.
Словарь языка Пушкина. Т. I-IV., М., 1956,59,61.
Статистика казахского текста. Алма-Ата, 1973.
Шаршенбаев Б.Д. «Манас» эпосунун жаңы тилдеги сөздүктөрүн түзүү жана чечмелөө технологиясы, Автореф. дисс... канд. филол. наук. Бишкек, 2006. 28 б.

Селютина И. Я. , Добринина А. А., г. Новосибирск

АЛГОРИТМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СИНГАРМОНИЗМА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ ЮЖНОЙ СИБИРИ И ПРАВИЛА ОРФОГРАФИИ

Сингармонизм как явление морфонологического характера относится к числу базовых типологических характеристик урало-алтайских языков агглютинативного типа. Основной составляющей сингармонизма является закон гармонии гласных, регламентирующий последовательность вокальных компонентов в слове при помощи ограниченного набора сингармонических моделей. Но сингармонизм включает в себя и консонантную гармонию [Виноградов, с. 445]. Совокупность всех сингармонических моделей образует сингармоническую систему (СС) языка [Черкасский, с. 10].

Исследования звуковых систем тюркских языков народов Сибири показали, что типологически общие для них алгоритмы реализации палатального и лабиального сингармонизма имеют в каждом из языков свою специфику, корни которой следует искать в истории формирования этносов.

Алтайский язык. Сингармоническая система алтайского литературного языка представлена четырьмя сингармоническими моделями. При этом лишь в двух (О-о и Ö-ö) из восьми сингармонических цепочек с огубленными гласными начального слога последовательно соблюдается губная гармония гласных, что свидетельствует о значительном её разрушении в нормированном алтайском языке. Однако в сельской местности носители языка алтай-кижи реализуют иной алгоритм губной гармонии (*кужу* 'птица=его', *ку_ну_*

‘солнце=его’), отражающий более древнюю и более полную систему. Обе алтайские СС определяются как полные, реализующие не только нёбную, но и (частично) губную гармонию гласных.

МР-томографирование настроек согласных онгудайского и усть-канского говоров языка алтай-кижи выявило существенную специфику реализации палатального (тембрового) сингармонизма в его консонантном аспекте. При артикулировании онгудайских переднеязычных твёрдорядных согласных тело языка отодвигается от задней стенки глотки, вследствие чего за корнем образуется объёмный носо-глоточный резонатор, обусловливающий акустический эффект относительной мягкости. Усть-канские же консонанты продуцируются при сильной оттянутости нижней трети корня языка к задней границе фаринкса, что приводит к существенному сокращению объема гортанно-глоточного отдела по сравнению с онгудайскими соответствиями. Тем не менее, при переднеязычных настройках алгоритмы реализации нёбного сингармонизма соблюдаются последовательно: у мягкорядного аллофона подъём средней части спинки языка к твёрдому нёбу значительнее, а объём заднего отдела резонаторной трубы больше, чем у твёрдорядного.

Иным закономерностям подчиняется функционирование гуттуральных согласных. При артикулировании усть-канских мягкорядных звуков корень языка сильно оттянут к задней стенке фаринкса, сводя к минимуму объём заднего отдела резонаторной полости, что нехарактерно для тюркских мягкорядных настроек. Отчётливо прослеживается тенденция к нивелировке различий в артикулировании мягко- и твёрдорядных реализаций фонемы [k]: если более напряжённый глухой *к* в слове *меке* ‘обман’ – двухфокусный, причем локализация 1-го фокуса типична для южно-сибирских тюркских мягкорядных гуттуральных настроек, то менее напряжённая звонкая манифестация в слове *меге* ‘мне’ фактически не отличается от твёрдорядных аллофонов в слове *моко* ‘тупой’ и в слове *бого* ‘туда’. Следствием является стирание противопоставления настроек гуттуральных фонем усть-канского говора по параметрам мягкорядности / твёрдорядности. Алгоритмы проявления тюркского палатального сингармонизма, последовательно реализующиеся в онгудайском говоре, не поддерживаются артикуляторно-акустической базой носителей усть-канского говора диалекта алтай-кижи.

Если законы нёбного сингармонизма соблюдаются в алтайском письме последовательно (*бала* ‘ребенок’ – *балалар* (мн. ч.) – *балалардыѵ* (исх. п.), *кижи* ‘человек’ – *кижилер* (мн. ч.) – *кижилердиѵ* (исх. п.)), то отклонения от соблюдения принципов губной аттракции (*согон* ‘стрела’ – *согондор* (мн. ч.) – *согондорго* (дат.-напр. п.); *кθл* ‘озеро’ – *кθлдθр* (мн. ч.) – *кθлдθргθ* (дат.-напр. п.)) относительно частотны. Губная гармония чётко проводится в пределах основы, но при наращении аффиксов гипотетическая идеальная сингармоническая модель зачастую не выдерживается (*колды* ‘руку’, *кθрди* ‘видел’, *путым* ‘нога=моя’, *тєлке* ‘лиса’).

Хакасский язык. Сингармоническая система хакасского литературного языка отражается двумя четырехзначными моделями, свидетельствующими о полном разрушении губной гармонии гласных. Хакасский относится к числу языков, в которых губной сингармонизм, фактически, полностью разрушен (или так и не успел сформироваться): *хузы* ‘птица=его’, *холы* ‘рука=его’, *кöли* ‘озеро=его’, *кӱні* ‘солнце=его’. Но при этом, как и в алтайском языке, диалекты хакасского языка сохраняют элементы губной гармонии (*хузу* ‘птица=его’, *ку_ну_* ‘солнце=его’) – СС переходная от полной к стяженной.

Нетипичным для тюркских языков является проявление законов палатального сингармонизма при реализации в речи хакасских гуттуральных согласных, где мягкорядные реализации фонем отличаются от твёрдорядных аллофонов этих же фонем не только активным артикулирующим органом и локусом образования, но и способом артикуляции – мягкорядные оттенки являются смычными, твёрдорядные – щелевыми [Субракова, с. 210].

Хакасская орфография предусматривает четкое отражение на письме законов нёбного сингармонизма: в пределах словоформы сочетаются гласные одного палатального ряда – твёрдого или мягкого; исключение – долгая фонема *и*. Сложнее ситуация с соблюдением на письме правил лабиальной аттракции. Во избежание многовариантности написания аффиксов в составе хакасской словоформы, по правилам орфографии принято узкие огубленные гласные *у* и *ӱ*, в отношении которых в основном соблюдается лабиальный

сингармонизм, обозначать на письме лишь в пределах неразложимых основ, включая непродуктивные аффиксы: *узун* ‘длинный’ *түлгү* ‘лиса’.

Тувинский язык. Тувинская сингармоническая система включает четыре двузначные модели, при этом в четырех из восьми сингармонических цепочек с начальным огубленным гласным осуществляется дистантная ассимиляция по огублению, то есть в тувинском языке в большей степени, чем в алтайском и хакасском, соблюдается губная гармония гласных.

В тувинском языке сингармонизм включает не только палатальный и лабиальный, но и глоточный аспект [Бичелдей, с. 46–52; Дамбыра, с. 185]. По локализации преграды настройки твёрдорядных и мягкорядных аллофонов фонемы [k̲] в нефарингализованных словах фактически совпадают; в составе фарингализованных – резко различаются. Звуковой облик тувинской словоформы с гуттуральными согласными регламентируется не столько палатальным, сколько фарингальным сингармонизмом [Кечил-оол, с. 325].

Поскольку нёбная гармония в тувинском языке носит строго последовательный характер, она находит столь же последовательное отражение в орфографии, как и палатальная. Отступление от принципов сингармонизма происходит в сложных словах, второй компонент которых восходит к слову *чок* ‘нет, не имеется’: *аажок* ‘очень’, *эмгежок* ‘много’. Фарингальный сингармонизм на письме не отражается.

Поскольку тюркские языки относятся к числу сингармонических, при разработке и усовершенствовании систем письма для них необходимо учитывать не только системы фонологических единиц сегментного уровня, но и специфику суперсегментной фонетики [Жунисбек, с. 3–4].

Литература

Бичелдей К. А. Фарингализация в тувинском языке. Москва, 2001.

Виноградов В. А. Сингармонизм // ЛЭС. М., 1990. С. 445.

Дамбыра И. Д. Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск, 2005.

Жунисбек А. Введение в сингармоническую фонетику. Алматы, 2009.

Кечил-оол С. В. Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск, 2006.

Субракова В. В. Система согласных сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект. Новосибирск, 2006.

Черкасский М. А. Тюркский вокализм и сингармонизм. М., 1965.

Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А.,
Шамсутдинова Г.Г., Ишмухаметова А.Ш., г. Уфа

О СОСТОЯНИИ ПРОЕКТА КОРПУСА БАШКИРСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Корпус башкирского фольклора разрабатывается лабораторией лингвистики и информационных технологий ИИЯЛ УНЦ РАН в русле общей концептуальной модели корпуса башкирского языка (КБЯ), которая включает в себя также подкорпусы прозаических и публицистических текстов (газетные и журнальные тексты).

Для функционирования КБЯ в сети Интернет лабораторией лингвистики и информационных технологий ИИЯЛ УНЦ РАН разработана интегрированная система, позволяющая создавать корпусы, осуществлять широкий круг поисковых задач и обслуживать базу данных (редакторская работа) [Сиразитдинов, Полянин 2014]. Система разработана на базе СУБД ОРАКЛ.

Интегрированная система состоит из двух блоков: пользовательский и администраторский.

I. Пользовательский блок включает следующие программные средства:

1. Средства определения объема корпуса, выделения пользовательского подкорпуса.

2. Поисковые средства. Программы поиска позволяют производить гибкий поиск по многим лингвистическим параметрам: словоформе, лемме, семантике, грамматическим категориям словоизменения.

3. Программы квантитативно-статистического анализа текстов корпуса. Данные средства находятся на стадии разработки. Ведутся работы по созданию подсистемы выдачи статистических распределений и их графическому представлению по любому подкорпусу, составленному пользователем. На сегодняшний день разработаны функции построения частотных словарей словоформ и лексем.

II. Блок администратора (с правами входа для сотрудников лаборатории). Включает следующие программные средства:

1. Программные средства ввода и автоматической разметки текстов. Данные средства производят морфологические и семантические разметки введенных новых текстов.

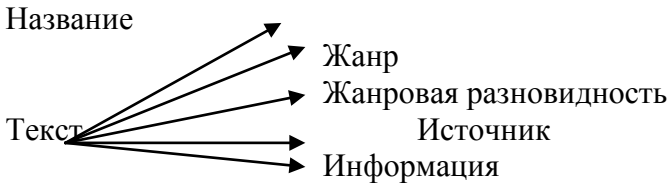
2. Средства редактирования. Предусмотрены возможности редактирования основного словаря, списков словоизменительных категорий, моделей словоизменения и правка самих текстов.

3. Средства ручного снятия грамматических и лексических неоднозначностей. Сотрудники лаборатории могут просматривать текст по предложениям и устранять омонимичные явления, которые не разрешаются самой системой.

4. Программы статистического учета посещаемости корпуса текстов.

5. Программа экспорта любого размеченного текста из базы данных Оракл в формате xml для обмена данными с другими корпусными проектами.

Структура базы данных имеет следующий вид:



Первоначально планировалось указывать тематику, но в ходе работы разработчики отказались от этого, поскольку в одном фольклорном тексте возможны несколько тематик. На рис 1. представлена сама база данных, доступная для просмотра пользователю.

Рис. 1. Визуальная база данных для просмотра.

Поле название включает само название фольклорной единицы и через точку варианты: Заятүләк менән Һыуһылыу. Вариант 1, Заятүләк менән Һыуһылыу. Вариант 2, Заятүләк менән Һыуһылыу. Вариант 3.

Варианта может и не быть, но встречаются фольклорные произведения с числом вариантов до 30. Отметим, что у загадок, пословиц, коротких песен названия отсутствуют.

Всего нами выделяются 4 жанра со следующими разновидностями:

I. Эпический жанр
I.1. эпос
I.1.1. *исторический эпос*
I.1.2. *мифологический эпос*
I.1.3. *бытовой эпос*
I.2. сказки
I.2.1. *волшебные сказки*
I.2.2. *богатырские сказки*
I.2.3. *бытовые сказки*
I.2.4. *сказки о животных*
I.3. легенды
I.3.1. *мифологические*
I.3.2. *этнонимические*
I.4. предания
I.4.1. *бытовые*
I.4.1. *исторические*
II. Лирический жанр
II.1. песни
II.1.1. *исторические*
II.1.2. *лирические*
II.2. такмаки
III. лиро-эпический жанр
III.1. баиты
III.1.1. *исторические*
III.1.2. *бытовые*
III.2. мунажаты
III.3. обрядовый фольклор
IV. Афористический жанр
поговорки
пословицы
загадки
поверья
скороговорки
приметы
заклятье
проклятье
клятва

На сегодня корпус фольклора содержит 472 фольклорных текстов общим объемом в 590463 словоформ. Распределение существующих текстов корпуса по жанрам и разновидностям представлено в Таблице 1.

Таблица 1.

Распределение текстов корпуса по жанрам и разновидностям

№	Жанр	Количество текстов	Объем в словоформах
1	исторический эпос	43	89546

2	мифологический эпос	22	56756
3	бытовой эпос	39	172398
4	волшебные сказки	113	115097
5	бытовые сказки	154	121476
6	сказки о животных	101	35190
Итого		472	590463

Выбор подкорпуса осуществляется по жанру и жанровой разновидности, либо по названию фольклорного материала. На рис. 1 представлен выбор материалов по названию для построения пользовательского подкорпуса.

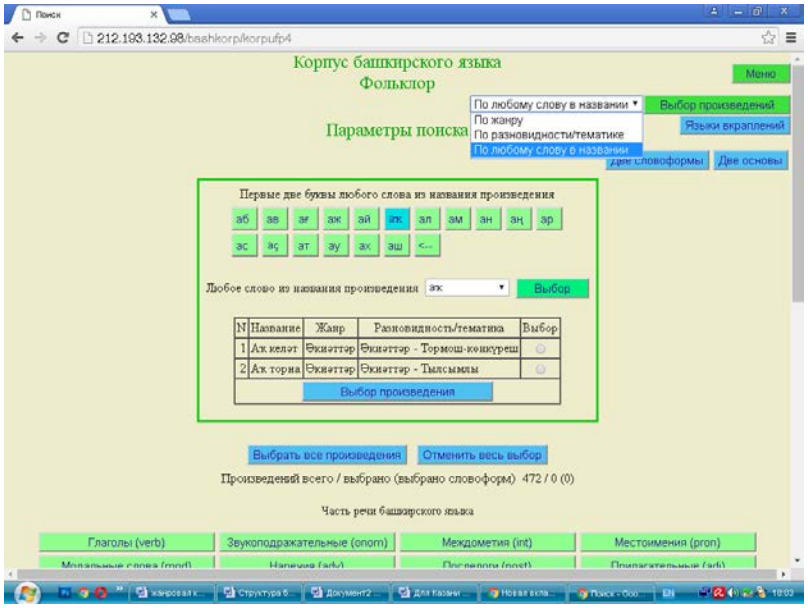


Рис.2. Выбор текстов по названию для построения подкорпуса.

На рис 3. представлен выбор текстов мифологических эпосов для построения пользовательского подкорпуса.

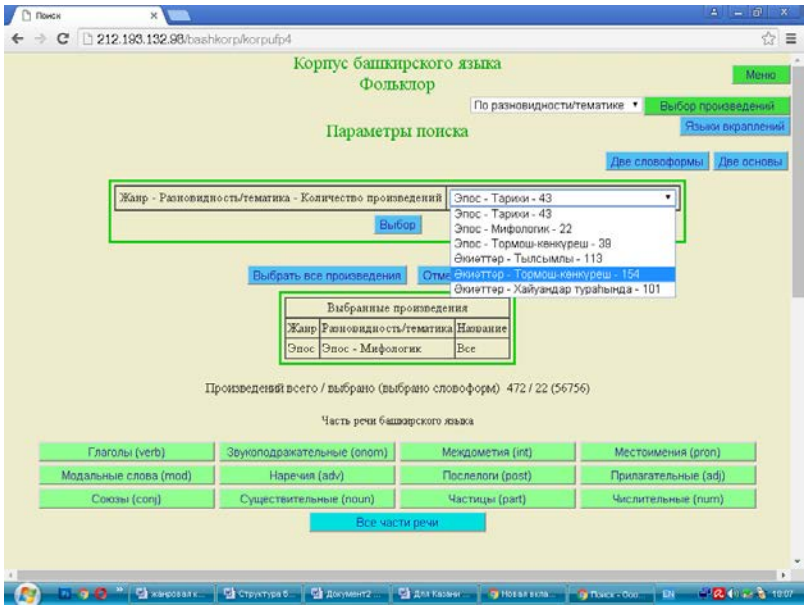


Рис 3. Выбор текстов мифологических эпосов для построения пользовательского подкорпуса.

Система морфологической разметки башкирских корпусов ориентирована на представление всех регулярных словоизменительных грамматических форм. Морфологическая информация башкирской словоформы в корпусе включает: а) частеречную характеристику; б) совокупность морфологических признаков по типу агглютинативных аффиксов словоизменения, которые подразделяются на именные и глагольные формы. Именные морфологические признаки включают показатели 15 категорий. Глагольные морфологические признаки включают показатели 11 категорий [Бускунбаева и др 2011, Сиразитдинов 2013].

Литература

1. Бускунбаева Л.А., Сиразитдинов З.А. Система разметок в национальном корпусе башкирского языка / Языки меньшинств в компьютерных технологиях: опыт, задачи и перспективы. Йошкар-Ола, 2011, С. 45-51.

2. Сиразитдинов З.А. Корпусные проекты лаборатории лингвистики и информационных технологий ИИЯЛ УНЦ РАН / Известия Уфимского научного центра РАН. 2013, № 4. С. 104-111.

3. Сиразитдинов З.А., Полянин А.И. Об опыте разработки интегрированной корпусной системы на базе СУДБ Оракл / Труды казанской школы по компьютерной и когнитивной лингвистике TEL-2014. Казань, 2014. С.85-88.

Сиразитдинов З.Ә., Өфө к.

МАНАС ИРТӘГЕ — ҠЫРҒЫҘ ХАЛҠЫНЫҢ ТАРИХИ ЙЫЛЪЯҘМАҺЫ

Ҡырғыҙ халҡының “Манас” иртәген башҡорт теленә тәржемә итеү эше Башҡортостан Республикаһының башлығы Рөстәм Зәки улы Хәмитов тәҡдиме буйынса 2015 йылда башҡарылды. Эште атҡарыу өсөн Тарих, тел һәм әҙәбиәт институтында ижади коллектив төҙөлдө. Эш барышында мәҡәлә авторы Ҡырғыҙ милли академияһының С.Айтматов исемендәге Тел һәм әҙәбит институтына фекер алышырға барып ҡайтты. Ҡәрҙәш халыҡтың ғалимдары, яҙыусылары, зыялылары менән аралашҡанда йыш ҡына “Был иртәк — ҡырғыҙ халҡының йылъяҙмаһы”, “Беҙ ҡырғыҙҙар Манас батырҙы тарихи шәхес тип ҡабул итәбеҙ”, “Манас — ул ҡырғыҙ, ҡырғыҙ — ул Манас!” тигән һүҙҙәрҙе йыш ишетергә тура килде. Ҡырғыҙстанда Манас батырға һәйкәлдәр күпләп ҡуйылған, баш ҡалаһы Бишкәктә генә ике һәйкәл бар. Иң ҙуры Хөкүмәт йорто урынлашҡан Алатау майҙанында тора. Һәйкәл нигеҙендә иртәктән батырҙың шундай һүҙҙәре теркәлгән:

“Төйлөгән йыйып, ыласын ҡылдым,
Ҡорама йыйып, йорт ҡылдым.
Алтын йыймай, ил йыйҙым,
Ошо торған халҡыма
Берәҙәк ирҙе бей ҡылдым.”

Ҡырғыҙҙар теле, дине, ғөрөф-ғәҙәте буйынса башҡорттарға яҡын, ҡәрҙәш халыҡ. Туғанлығыбыҙ боронғо исемдәребеҙҙә (Ташбулат, Амангилде, Асҡар, Сыңғыҙ, Туҡтағол, Алтынай, Ямал, Айнур, Таңсулпан һ.б.), аш-һыуҙарыбыҙҙа (ҡымыҙ, ҡаҙы, ҡорот, талҡан, бишбармаҡ, буҙа, айран, субат һ.б.), келәм биҙәктәрендә (ҡусҡар), тирмәләребеҙҙә, йолаларыбыҙҙа, ғөрөф-ғәҙәттәребеҙҙә (бәйге ойошторов, сеңләү, шоңҡар менән йәнлек аулау, кейеҙ баҫыу, келәм туҡыу һ.б.), йәштәрҙең ололарҙы ихтирам итеүендә, асыҡ йөҙлө, ҡунаҡсыллығыбыҙҙа ла сағыла. Ҡәрҙәшлекте ырыу-ҡәбиләләребеҙҙә, ер-һыу атамаларыбыҙҙа ла күргә мөмкин. Ике халыҡтың да барлыҡҡа килеүендә һарт, ҡаңлы, ҡыпсаҡ, таҙ, меркет һәм башҡа бихисап ырыуҙар ҡатнашҡан. Башҡорттарҙа *ҡырғыҙ* ырыуы бар, ә бөрйән, тамьян, табын ырыуҙарында *ҡырғыҙ* араһы билдәле. Миәкә районы үҙәге — *Ҡырғыҙ-Миәкә*; Краснокам районында *Ҡырғыҙ* ауылы, Ауырғазы районында *Ҡырғыҙ йылғаһы*, Ҡырмыҫҡалы, Учалы райондарында *Ҡырғыҙтау* исемле тауҙар ҙа бар [20, 109 б.; 21, 85 б.].

Беҙҙең тарихи яҙмышыбыҙ ҙа оҡшаған: ҡырғыҙҙар ҙа башҡортттар кеүек быуаттар буйы сит яубаҫарҙар менән алышып, төйәк иткән ере, теле өсөн йәнен аямай көрәшеп, ҡан түккән халыҡ. Ҡырғыҙҙар йәшәгән ерҙән өҙлөкһөҙ яуҙар үтеп торған: Искәндәр ғәскәре, һундар,

ғәрәптәр, Сыңғыҙхан яуы, ҡалмаҡтар һәм бихисап башҡалары. Ҡырғыҙҙар үҙ аллылығын һаҡлап ҡалыр өсөн ауыр көрәш алып барған.

Шул азатлыҡ юлында кисерелгән тарихи ваҡиғалар “Манас” иртәгендә образлы поэтик сағылыш тапҡан да инде. Уртаҡлыҡ, ҡәрҙәшлек мәсьәләһен күтәргәндә, шуны ла әйтеп китәйек: эпостың күпләгән варианттарында Манас батырҙың әсәһе Сыйырҙы Болғар Иштәк ханының Шаҡан исемле ҡыҙы тип күрһәтелә [8, 18 б.]:

Жакып байдын агасы,	Яҡуп байҙың ағаһы,
Атасы менен ага-ини,	Атаһы менән бер туған,
Чыйыр деген киши эле.	Сыйыр тигән кеше икән.
Ал Чыйырдын аялы	Ул Сыйырҙың ҡатыны
Булгар каны Эштектин	Булғар ханы Иштәктең
Шакан деген кызы эле.	Шаҡан тигән ҡыҙы икән.

Билдәле булыуынса, ҡаҙаҡтар, ҡырғыҙҙар, үзбәктәр борон башҡорттарҙы иштәк тип атағандар. Был мәғлүмәт тә иртәкте, уның төп геройын — Манас батырҙы — беҙгә бер аҙ яҡынайта төшә.

Иртәктә үҙ аллылыҡ өсөн көрәштән тыш ҡырғыҙ халҡының көнкүреше, ғөрөф-ғәҙәте, йолалары (бала табыу, килен һайлау, туй үткәреү, мәрхүм менән хушлашыу һ.б.), хәрби оҫталығы, медицинаһы, донъя һәм кешелек тураһында фәлсәфәүи ҡараштары, мифологияһы, әҙәмдең йәмғиәттәге урыны һәм бурысы, ғаилә мөнәсәбәттәре, әхлаҡ ҡағиҙәләре, ҡоллоҡ һәм азатлыҡ тураһында уйланыуҙары сағыла. Ошоноң барыһы бергә иртәкте халыҡтың тарихи йылъяҙмаһы тип атарға хоҡуҡ бирә лә инде.

“Манас” үҙенең күләме, күтәргән фәлсәфәүи мәсьәләләре һәм образлы-поэтик фекер алымдары менән ҡырғыҙ халҡының ғына түгел, ә дөйөм кешелектең рухи һәм мәҙәни мираҫы булып тора. 1856 йылда иртәктең бер өлөшө (“Күкәтәйҙе иҫкә алыу”) билдәле ҡаҙаҡ ғалимы Шоҡан Вәлиханов тарафынан беренсе тапҡыр яҙылып алына һәм рус теленә тәржемә ителә. Ғилми анализ яһағандан һуң, Ш.Вәлиханов “Манас” иртәген төрки халыҡтарының “дала Илиадаһы” тип атай [7, 325 б.]. Ә 2013 йылда “Манас” ЮНЕСКО-ның мәҙәни мираҫтар исемлегенә индерелә.

“Манас” иртәге быуындан быуынға телдән йыраусылар аша тапшырыла килгән. Һәр йыраусы, ә “Манас”ты башҡарған йыраусыны ҡырғыҙҙар манассы тип атай, иртәккә үҙ өлөшөн дә индергән: шымартҡан, башҡарыу ваҡытында ҡайһы бер эпизодтарын, һүҙҙәрен ҡапылдан хәтергә төшөрә алмаған осраҡтарҙа улар импровизацияға күскән. Оҫта башҡарыусы ил кисергән ваҡиғаларға, тыңларға йыйылған халыҡтың сығышына һәм көнкүрешенә ҡарап, үҙенең кәйефенән сығып та импровизацияны махсус ҡулланған. Нәтижәлә манассыларҙың үҙҙәренең варианттары барлыҡҡа килгән. Әлбиттә, манассылар иртәктең дөйөм композиция һыҙаттарын һаҡларға тырышҡан. Был күренеш быуаттар буйы килгән һәм хәҙерге көндә Ҡырғыҙстанда иртәктең дөйөм күләме бер миллиондан артыҡ шиғри юлдан торған 90-ға яҡын варианты Милли академияның ҡулъяҙмалар фондында һаҡлана [10, 7 б.]. Шуларҙан Сағымбай Оразбаҡовтың (4 китап, 1978-1982 йй.) һәм Саяҡбай Ҡаралаевтың (5 китап, 1984-1991 йй.) варианттары нәшер ителгән [11-19].

“Манас” иртәге тураһында һүҙ барғанда шуны иҫтә тоторға кәрәк: иртәк, өс ҙур киҫәктән тороп, трилогияны барлыҡҡа килтерә. Беренсе киҫәк Манас батырға бағышланған һәм “Манас” тип атала, икенсе киҫәктә Манас батырҙың улы Симәтәй һүрәтләнә һәм ул киҫәк “Симәтәй” тип йөрөтөлә, өсөнсө киҫәк Манас батырҙың ейәне Сәйтәккә бағышлана һәм уның исемен йөрөтә. Ҡырғыҙҙар беренсе киҫәкте һәм трилогияны дөйөм “Манас” иртәге тип атай.

Хәҙерге заманда: тормош динамикаһы артҡанда, һәр нәмәгә ваҡыт етмәгән саҡта — иртәктең ифрат ҙур күләмле булыуы, ябай ҡырғыҙ уҡыусыларының ғына түгел, гуманитар өлкәлә ҡайнаған белгестәрҙең дә иртәк менән танышыу теләгән һүрелтә төшә. Шунлыҡтан ҡырғыҙ ғалимдары күп йылдар буйы “Манас” иртәгенең варианттары нигеҙендә, сағыштырмаса һуңғы осорҙарҙа ингән эпизодтарҙы иҫәпкә алмай, бер аҙ ҡыҫҡартып,

ҡунунлаштырылған версияһы өҫтөндә эш алып барғандар. Был эш 1958 йылда башлана, бер нисә варианттар тәҡдим ителә, һәм, ниһәйәт, 2005 йылда Бексултан Жакиев тарафынан тәҡдим ителгән трилогияның беренсе киҫәге, Манас батырға бағышланғаны, Ҡырғыҙстан Республикаһының Белем биреү һәм фәндәр министрлығы тарафынан раҫлана [8]. Уҡысыларыбыҙға башҡорт теленә шул Б.Жакиевтың варианты тәржемәһе тәҡдим ителә.

Ижади коллектив тәржемә ваҡытында ҡырғыҙ халҡының көнкүрешен, ғөрөф-ғәҙәтен, ҡырғыҙ теленең үҙенсәлеген, иртәктең күркәм тел сараларын (мәҡәл-әйтемдәр, эпитеттар, сағыштырыу ысулдары) мөмкин тиклем һаҡларға, тәржемә итмәйенсә ҡалдырып, аңлатма бирергә тырышты. Был мәҡәләлә беҙ шуларҙың ҡайһы берҙәренә туҡталып китмәксебеҙ.

I. Ҡырғыҙ халҡының көнкүрешен, тәбиғәтен сағылдырған һүҙҙәр: *тор* (һунар ҡошон ҡундыра торған яйлама), *иләсек* (ҡырғыҙ ҡатын-ҡыҙҙарының милли баш кейеме), *язайыл* (дөйәләргә артмаҡлап йөрөтөлгән бәләкәс туп), *турҡы* (ебәк туҡыманың затлы төрө), *сый* (бейек ҡаты дала үләне; ҡамыш ҡылған), *еңеш* (атлыларҙың бер-береһен ҡул менән этеп-һөйрәп төшөрөү көрәше), *Ҡужасан* (кешене һаҡлап, ҡурсалап йөрөүсе әруах, рух), *Бабадиһкан* (ҡырғыҙ мифологияһында ер эшкәртеүсе халыҡтын, диһҡандарҙың, ярҙамсыһы, ҡурсалаусы әруахы), *аяш* (ирҙең иптәше, дуҫтың ҡатынына өндәшеү һүҙе), *аҡолпаҡ* (ҡолпаҡ йөндән яһалған ҡалын тығыҙ хәрби кейем), *ҡушыҡ* (үлгән кешегә ҡайғырып әйтә торған һамаҡ), *ҡандағай* (тау кәзәһе тиреһенән тегелгән салбар, үҙенең һығылмалығы, ныҡлығы менән айырылып торған) һ.б.

Мәҫәлән:

Бозала туйгун, боосу жез,	Буҙ ала төйләгән, һырты еҙ,
Боору кара, мойну кез.	Ҡорһағы ҡара, муй(ы)ны аршын.
Оң колуңа алыпсың,	Уң ҡулыңа алғанһың,
Обону көздөй салыпсың.	Күккә табан сөйгәнһең.
Байбичеңдин үйүндө,	Байбисәңдең өйөндә,
Балдагы алтын **туурда**	Терәге алтын **торға**
Баса конбой талпынат.	Кире ҡунмай талпына.
	[8, 21 б.]

Ошонгуча болбоду	Ошоғаса булмаған
Акбалтанын Чубагы	Аҡбалтаның Сыбағы
Октой атын чуратып,	Уҡтай атын саптырып,
Ортого жетип барганы:	Уртаға барып еткән, ти:
– **Эңиш** эмес, сайыш! – деп, —	**Еңеш т**үгел сайыш! – тип,
Сайкал минген сары атты.	Сайҡал менгән һары аттың
Башка кагып өткөнү.	Башына ҡағып үткән, ти.
	[8, 64 б.]

II. Ҡырғыҙҙарҙа ҡабул ителгән эпитеттар: *ҡалса* (кәкре танау – ҡалмаҡтарға кәмһетеп әйтелә), *күкъял* (батырҙарға ҡарата әйтелә торған эпитет һүҙ, мәҫәлән: арыҫлан, юлбарыҫ, шоңҡар һ.б. Ҡырғыҙҙар йыртҡыстар өйөрө башында күгәреп торған ялы булғаны торһа, өйөрҙөң көнкүреше уңышлы була тип һанаған.), *айкүл* (киң, асыҡ күңелле), *бута күҙ* һ.б. [9]:

Айтаар сөздөн шашпайлы,	Әйтер һүҙҙән ситләшмәй,
Айкөл Манас баатырдын	**Айкүл** Манас батырҙың
Баянынан баштайлы.	Бәйәнен беҙ башлайыҡ.
	[8, 15 б.]

Бала Манас **көкжалың**	Бала Манас **күкъялың**
Жебеден мурун жетти эми,	Уҡтан борон еткән дә,
Жеткен жерден Кочкуну	Еткән ерҙән Ҡусҡыны

Көмө коюп өттү эми.	Йыға һуғып үткән, ти.
	[8, 97 б.]

III. Милли үҙенсәлекле фразеологизмдар:

ҡышҡа сыҡҡан буралай (ғәйрәтле, уҫал), *итәктән ҡан сыҡмау* (бала тапмау, бала таба алмау), *хас кешегеҙ йорт булһын* (дошманығыҙ дуҫ булһын; һеҙгә хаслыҡ ҡылыусы булмаһын), *ҡаңғырығы нык төтәү* (асыуы нык булыу), *ҡатынын ҡара баҫҡандай* (ҡатындың нык асыуланып йөрөүө), *ике теҙген бер дилбегә ҡулға алыу* (бейлекте, идара итеүҙе ҡулға алыу), *ҡуйын йәшкә тулыу* (нык илауйәште,күп итеп ағыҙыу) һ.б. Был әйтемдәр тәржемәһеҙ ҙә башҡорттарға еңел аңлашыла. Ә инде *ҡуяндай оҡшаш* кеүектәре (бер тамсы һыуҙай оҡшаш) тәржемә ителде.

Ачууланды Бакдөөлөт:	Асыуланған Баҡдәүләт:
– Мен шордуну «нетти» деп!..	— Мин сурлыны “нитте” тип!..
Эжеке, сенин жолуң кууп,	Инәкәй, һинең юлыңды ҡыуып,
Этегимен кан чыкпай.	**Итәгемдән ҡан сыҡмай.**
Жолуңу жолдоп кеттим! – деп,	Юлыңды юллап киттем!— тип,
Бакдөөлөт чыгып кеткени.	Баҡдәүләт сығып киткән ти.
	[8, 19 б.]

Эр Кошойду кыя албай,	Ир-Ҡушыйҙы ҡыя алмай,
Кышкы кирген буурадай,	**Ҡышҡа кергән буралай,**
Айбатын басып деңгиреп,	Ярһыуын баҫып, албырғап,
Ачуусу жеңип зеңгиреп,	Асыуын еңеп, тынығып,
Арстан Манас кеңгиреп.	Арыҫлан Манас аптырап,
Аш бышымдай тим турду.	Бер аҙ ваҡыт тик торзо.
	[8, 143 б.]

IV. “Манас”та ҡулланылған дөйөм төрки һүҙҙәрен, әҙәби телебеҙҙә һирәк ҡулланылған саҡта ла, тарихи осорҙо күрһәтеү, әҫәрҙең тел-үҙенсәлеген биреү, иртәк юлдарының ижек һандарын һаҡлап, поэтикаһын сағылдырыу өсөн алырға тырыштыҡ, мәҫәлән: *найҙа* (һөңгө), *ейеү* (ашау), *ут* (үлән), *пул* (аҡса), *ашлау* (һаплау), *ирән* (батыр), *сур* (ҡайғы), *ат* (исем), *ҡыу баш* (ябаҡ-яңғыҙ, балаһыҙ кеше), *сала* (ярым-ярты, тейешле кимәлгә етмәгән), *асман* (күк йөҙө; күк), *ҡулдаш* (ярҙамсы), *уҡмыш* (тиҙ төшөнөүсән), *ҡара бауыр* (үсле, хаслы) һ.б. [1-6; 22]

Миҫалдар:

ҡарый (ҡарт)

– Абам Кошой, карыям,	— Бабам Ҡушый, ҡарыйым,
Айла тапкыч олуям,	Аҡыл бирер әүлиәм,
Маңдайга чыксам, бараан бол!	Майҙанға сыҡһам, ярҙамсым бул!
Казатка чыксам, караан бол!	Яуға сыҡһам, батырым бул!
	[8, 55 б.]

үргеү (батырайыу)

Токсон беш төөгө жүк тартып,	Туҡһан биш дөйәгә йөк артып,
Алтын, жакут, дилде артып,	Алтын, яҡут, тәңкә тейәп
Күңдүзү **өргүп**, түн катып,	Көндөҙ **үргеп**, төнөн боҫоп,
Кытайга жөнөп калганы.	Ҡытайға табан юл алған, ти.
	[8, 87 б.]

ялпы (киң ҡатлам халыҡ)

Кабылан экен Ногой кан	Ҡаплан булған Нуғай хан.
Жалтанбас болуп туулган,	Тайпылмаҫ булып яралған,
Жалпыга даңкы угулган.	**Ялпыға** даны таралған.
	[8, 16 б.]

Башҡорт теленә тәржемә ителгән “Манас” иртәген уҡыусылар кинәнеп уҡып сыҡҡандан һуң, туғандаш ҡырғыҙ халҡының әҙәбиәте, тарихы, мәҙәниәте менән даими рәүештә ҡыҙыҡһына башлар тип ышанабыҙ. Иртәктең тәржемәһе уҡыусыларыбыҙға ҡырғыҙҙарҙың “Манас — ул ҡырғыҙ, ҡырғыҙ — ул Манас” тигән һүҙҙәренең өҫтәмә хикмәттәрен асырға ярҙам итер тигән фекерҙә ҡалабыҙ.

Әҙәбиәт

1. Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т. I: (Буква А) // под редакцией Ф. Г. Хисамитдиновой. — Уфа: Китап, 2011. — 432 с.
2. Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т. II: (Буква Б) // под редакцией Ф. Г. Хисамитдиновой. — Уфа: Китап, 2011. — 568 с.
3. Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т. III: (Буквы В-И) // под редакцией Ф. Г. Хисамитдиновой. — Уфа: Китап, 2012. — 864 с.
4. Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т. IV: (Буква Й-К) // под редакцией Ф. Г. Хисамитдиновой. — Уфа: Китап, 2012. — 944 с.
5. Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т. V: (Буква Ҡ) // под редакцией Ф. Г. Хисамитдиновой. — Уфа: Китап, 2013. — 888 с.
6. Академический словарь башкирского языка: в 10-ти томах. Т. VI: (Буквы Л-Ө) // под редакцией Ф. Г. Хисамитдиновой. — Уфа: Китап, 2014. — 944 с.
7. Валиханов Ч. Ч. Записки о кыргызах. Смерть Кукотай-хана и его поминки (текст и факсимиле) // Собрание сочинений в пяти томах. — 2-е изд. Доп. и переработанное. — Алматы: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. — Т. 2. — 416 с.
8. “Манас” кыргыздардын баатырдык эпосу/Канондоштурулган вариантты сунуштаган Б.Жакиев. Бишкек: “Бийиктик” баспасы, 2011. 238 б.
9. “Манас” энциклопедиясы/А.Акматалиевдин жалпы редакциясы астында. Бишкек: “Бийиктик плюс”, 2015. 1416 б.
10. Манас: кыргызча-түркчө чоң көрсөткүч сөздүк/Т.Садыков, Б.Шаршембаев. Анкара, 2011. 1647 б.
11. Сагымбай Орозбак. Манас, 1 китеп. Фрунзе: Кыргызстан, 1978, 296 б.
12. Сагымбай Орозбак. Манас, 2 китеп. Фрунзе: Кыргызстан, 1980, 494 б.
13. Сагымбай Орозбак. Манас, 3 китеп. Фрунзе: Кыргызстан, 1981, 346 б.
14. Сагымбай Орозбак. Манас, 4 китеп. Фрунзе: Кыргызстан, 1982, 366 б.
15. Саякбай Каралаев. Манас. 1 китеп. Фрунзе: Кыргызстан, 1984, 248 б.
16. Саякбай Каралаев. Манас. 2 китеп. Фрунзе: Кыргызстан, 1986, 262 б.
17. Саякбай Каралаев. Семетей. 1 китеп. Фрунзе: Кыргызстан, 1987, 376 б.
18. Саякбай Каралаев. Семетей. 2 китеп. Фрунзе: Кыргызстан, 1989, 344 б.
19. Саякбай Каралаев. Сейтек. Фрунзе: Кыргызстан, 1991, 352 б.
20. Хисамитдинова Ф. Г., Сиразитдинов З. А. Русско-башкирский словарь-справочник названий населённых пунктов Республики Башкортостан. — Уфа, 2001. — 319 с.
21. Хисамитдинова Ф.Г., Шакуров Р.З., Юлдашбаев Ю.Х., Сиразитдинов З.А., Русско-башкирский словарь водных объектов Республики Башкортостан Ф. Г. Хисамитдинова и др. — Уфа, 2005. — 256 с.
22. Хәҙерге башҡорт әҙәби теленең аңлатмалы һүҙлеге. Өфө, 2004. 528 б.

Соегов Мурадгелди, г. Ашхабад, Туркменистан

К ЭТИМОЛОГИИ ЛИЧНЫХ ИМЕН НЕКОТОРЫХ КИММЕРИЙСКИХ, СКИФСКИХ И ГУННСКИХ ЦАРЕЙ

Если тюркоязычность как азиатских хуннов (хунну), так и европейских гуннов (хуннов), уже давно не вызывает сомнения у современных ученых, то в отношении скифов в этом вопросе делаются со стороны исследователей пока робкие предположения. Тем не менее, разработки последних лет убедительно показывают, что у древних авторов (Герадот и др.) нет даже упрека на какие-либо языковые сходства массагетов (и скифов) со своими врагами – ираноязычными персами или другими соседями (древнегреческий язык, латынь и др.), которые согласно современной классификации входят в индоевропейскую языковую семью.

Рустан Рахманалиев в своей большой книге «Империя тюрков. Великая цивилизация» (2009) очень осторожно замечает, что «Хотя, по мнению современных исследователей, скифы относятся к иранским народам – индоевропейская семья, индоиранская или арийская группа, – их образ жизни весьма схож с образом жизни хуннских племен – прототюрков, или

доисторических тюрков», а Ю.Н. Дроздов в своей книге «Тюркскоязычный период европейской истории» прямо утверждает: «Самый ранний европейский этноним, который появился на страницах античных письменных источников, – это ‘киммерийцы’. Семантико-этимологический анализ этого этнотермина показал, что это было типичное тюркоязычное племенное название. В античных источниках есть четкое сообщение о том, что *киммерийцы принадлежали к скифским народам, которых позднее стали называть гуннами* (курсив наш – М.С.). Вообще, скифами древние греки изначально называли европейские племена, религиозной приверженностью которых, судя по семантике этого названия, было огнепоклонничество» (1, с. 12–13). Автор второй книги не сомневается в том, что «скифы были тюркоязычным народом» (1, с. 22).

Если это действительно так, то можно предположительно этимологизировать этноним “киммерийцы” на основе тюркских слов “ким” (используется только в отношении людей) ‘кто’ и “бер-“ ‘давать’, ‘отдавать’, т.е. киммерийцы (ким+бер) ‘те, кому (другие) дают (оплачивают) налоги’ или наоборот ‘те, кто (другим) дают (оплачивают) налоги’. Как известно, в Библии киммерийцы известны как яфетический народ “гомер”, а у Гомера исправляли написание киммерийцы на “керберии”.

Тюркизмами гуннского периода считаются такие слова современного английского языка, как beech (от бука / буга ‘бык’) ‘бык’, body (от бод / бой ‘рост тела’, ‘тело’) ‘тело’, girl (от кыз / гыз ‘девочка’, ‘девушка’) ‘девочка’, beer (от боза / буза ‘хмель’, ‘вино’) ‘пиво’, book (от бит-, битик ‘писать’, ‘письмо’, ‘книга’) ‘книга’, king (кан / хан) ‘король’ [См.: 2].

Исходя из изложенного, мы с большой долей вероятности можем констатировать, что скифский царь Атей (греч. Atheas) был тёзкой более позднего гуннского царя Аттилы (лат. Attila), ибо оба они носили тюркское имя Ат(т)а ‘отец (народа)’. Мы еще в 2007 году, выступая на страницах турецкого журнала “Tarih” (“История”) со статей “İl Başı Anlamı Veren Ad Taşımış Büyüklerimiz”, высказались о тюркском (хуннском) происхождении личного имены (титула) Аттилы, сравнивая его с такими современными политическими “псевдонимами”, как Ататюрк и Туркменбаши [6, с. 20–23].

Имени старшего брата Аттилы – Бледы, мы склонны считать искаженной формой слова (титула) Билге, хорошо известного несколько позже по Орхонским памятникам. Имя отца Аттилы (и Бледы) – Мундзук этимологизируется не иначе, как “монджук” ‘ожерелье’, ‘(правитель, который носит) бусы’, а одного из сыновей Аттилы называли Денгизик ‘море’, ‘(пусть его владения будут шире как) океан’. Ср.: гёктюркский принц и полководец Кёльтегин (кёль ‘озеро’). Исконно тюркские лексемы, характеризующие язык азиатских хуннов и зафиксированные в китайских анналах, были рассмотрены нами на страницах указанного выше турецкого журнала в 2008 году в статье под названием “Çin Yıllıklarına Göre Birkaç Hunca Sözcük ve Kısa Açıklaması” [См.: 5, с. 52–54].

Начиная со второй половины пятидесятых годов прошлого века, многие ученые приняли точку зрения И. М. Дьяконова, согласно которой имя киммерийского царя Сандаксатру абсолютно аналогично (?) иранскому “Артаксеркс” и может быть интерпретировано как ‘власть бога Сандона’ (лувийское божество) [См.: 3, с. 241]. В свою очередь это, якобы, предполагает (?) индоиранскую принадлежность киммерийцев.

Теперь, во второй половине десятых годов XXI века, позвольте не согласиться в принципе с устаревшей постановкой этого вопроса тогда, когда утверждается что, ‘киммерийцы’ – это типичное тюркоязычное племенное название. Мы хотим связывать происхождение дошедших до нас немногочисленных киммерийских антропонимов не с иранским религиозным пантеоном, а с древним евразийским тенгризмом (тенгрианство), в котором в центре поклонения находилось само Солнце, а не огонь, как наблюдаем в зороастризме (огнепоклонничество) у древних иранских народов. По существу зороастризм – это несколько видоизмененный тенгризм, т.е. продолжение туранского тенгризма в новом социуме, среди ирансих этносов. Одним из основных атрибутов тенгризма (солнцепоклонничество) были разнообразные знамена, поднятые высоко в небо (как бы до Солнца).

Таким образом, этимологию имени того же киммерийского царя Сандаксатру мы связываем с тюркскими словами “санджак” (‘один из разновидностей знамени’, ‘знамя’) и “чадыр” (‘шатер’, ‘шатер-дворец тюрко-монгольских правителей’). Санджак – имя существительное от глагола санч-, одно из значений которого ‘вставить (знамя)’, ‘проколоть в землю стояк (знамени)’. Следовательно, личное имя (титул) киммерийского царя Сандаксатру этимологически состоит из двух частей: сандак (санджак) и сатру (чадыр), и имеет метафоричное значение, как ‘знамя на дворце’, т.е. ‘царь’ [Для сравнения см.: 4, с. 258–259].

Неслучайно, имя другого киммерийского царя Тугдамме (Дугдамме, умер в 640 год до н. э.) также созвучно со словом “туг” в значении ‘флаг’, ‘штандарт’, на основе которого был образован в туркменском языке семантически неологизм “тугра” в значении ‘герб’. Вторая часть киммерийского антропонима Тугдамме, очевидно, представляет собой несколько видоизменное тюркское слово “тагма”, т.е. ‘печать’, ‘герб’. Можно предположить, что царь в современном понимании носил личное имя с метафоричным значением ‘флаг и герб (государства)’, т.е. ‘царь’.

Атей (429–339 гг. до н. э.) Аттила (400–453 гг. н.э.)

Литература

1. Дроздов Ю.Н. Тюркскоязычный период европейской истории. М., 2011.

2. ТЮРКИЗМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ. См.: http://www.atc.az /forum/showthread.php?t=7102 (22.02.2016).

3. Дьяконов И.М.. История Мидии: от древнейших времен до конца IV века до н.э. М., 1956.

4. Соегов М. К этимологии некоторых личных имен древних аланских правителей // Бронзово-железный век и материально-духовное наследие туркмен. Материалы Международной научной конференции. Ашхабад, 2011

5. Söyegov M. Çin Yıllıklarına Göre Birkaç Hunca Sözcük ve Kısa Açıklaması // Türk Dünyası Tarih Kültür Dergisi. Sayı: 256. Nisan. İstanbul, 2008.

6. Söyegov M. İl Başı Anlamı Veren Ad Taşımış Büyüklerimiz // Türk Dünyası Tarih Kültür Dergisi. Sayı: 243. Mart. İstanbul, 2007.

Сәләхова З.И., Өфө ҡ.

БАШҠОРТ ХАЛЫҠ ҠОБАЙЫР-ИРТӘКТӘРЕНДӘ БИРЕЛГӘН УРТАҠЛЫҠ ҺӘМ БЕРГӘЛЕК ЙҮНӘЛЕШЕ ФОРМАЛАРЫ

Уртаҡлыҡ һәм бергәлек йүнәлеше проблемаһына төрки тел ғилемендә бай әҙәбиәт арналған. Мәсьәләнең өйрәнелеүенә ҡарамаҫтан, был формалар менән бәйле ҡайһы бер проблемалар әлегә тиклем асыҡланмаған. Айырым алғанда, төрки тел ғилемендә һүҙьяһалыш һәм һүҙ үҙгәреш араһында сик ҡуйылмаған, уратаҡлыҡ һәм бергәлекте айырыуҙың берҙәм критерийҙары эшләнмәгән, күрһәтелгән мәсьәләнең лексик-грамматик йөкмәткеһе, шулай уҡ уның функциональ-мәғәнәүи аспекты етерлек кимәлдә өйрәнелмәгән. Төрки тел ғилемендә

булған хеҙмәттәрҙе анализлау уртаҡлыҡ-бергәлек йүнәлешенең төп теоретик концепциялары уны һүҙьяһалыш, һүҙ үҙгәреш күҙлегенән аңлатыуға һәм мәсьәләне лексик-грамматик планда ҡарауға йүнәлтелгән [3, с. 316-317].

Был йүнәлеште атау өсөн *"уртаҡлыҡ йүнәлеше"* термины тик бер йүнәлеш мәғәнәһе булыуын (уртаҡлыҡ мәғәнәле ҡылымдарҙа) күҙ уңында тота. *"Уртаҡлыҡ-бергәлек йүнәлеше"* термины менән йүнәлеш мәғәнәләре булараҡ айырылған ике төп тиң хоҡуҡлы мәғәнәнең булыуы аңлатыла [2, с.52-57]. Унан тыш, төрки тел ғилемендә *"реципрок" (уртаҡлыҡ йүнәлеше) һәм "социатив", "кооператив" (бергәлек йүнәлеше)* терминдары ла ҡулланыла.

Башҡорт телендә уртаҡлыҡ һәм бергәлек йүнәлеше *–ыш/-еш,-ош/-өш* (тартынҡыларҙан һуң): *яҙ-ыш, тот-ош, ал-ыш, үб-еш, яр-ыш, күм-еш, һуғар-ыш, йыу-ыш, йый-ыш, бир-еш, тарт-ыш, күр-еш, һөрт-өш, һиб-еш, сәс-еш, ур-ыш, һур-ыш, бул-ыш, бар-ыш, күтәр-еш, ҡаҙ-ыш, емер-еш, киптер-еш, эс-еш, ҡой-ош, иҙ-еш* h.б. һәм *–ш* (һуҙынҡыларҙан һуң): *ҡар-аш, шаула-ш, төҙө-ш, осра-ш, ҡосаҡла-ш, һөйлә-ш, әрсе-ш, тура-ш, буя-ш, сайҡа-ш, көрә-ш, тура-ш, биҙәклә-ш, аша-ш, барла-ш, иҫәплә-ш* h.б. аффикстары менән ҡылыҡһырлана, күсемле һәм күсемһеҙ ҡылымдарҙан яһала.

Уртаҡлыҡ формалары ғәҙәттә күсемле ҡылымдарҙан яһала, ике йәки бер нисә субъект тарафынан бер-береһенә ҡарата йәки бер-береһенә ярҙамға башҡарылған уртаҡ эш-хәрәкәтте белдерә: "*Айһылыуҙы күреп, иҫәнлек-һаулыҡ ҡына **һораштым**, хәлен **һораша** алманым, үҙе бик ябыҡ, ҡоро һөлдәһе генә ҡалған", – тип һүҙен бөтөрөүгә ҡыҙҙар: "Ниңә хәлен **һорашманың**? Нисек булғанын белергә кәрәк ине", – тип **ныҡыша** башлағандар икән (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре."Аҡбуҙат"). **Һораша** ғына башлағайным, еңгә, ҡуй әле, ҡайтҡаныма үҙем дә ышана алмайым… (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре."Аҡбуҙат").* Уртаҡлыҡ формаларҙа актанттар эш-хәрәкәттең тура объекты менән уртаҡ эш-хәрәкәтте белдерә. Мәҫәлән: *Ҡатын Һәүбәндең кем икәнен яйлап **һораша** башлағас, Һәүбән уға үҙенең алыҫтан килгән бер юлаусы булыуын һөйләп, ҡунып китергә һораған, ти (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре."Аҡбуҙат"). Ҡатын, Һәүбән* – актанттар, ***һораша*** – бер нисә субъект тарафынан башҡарылған уртаҡ эш-хәрәкәт.

Бергәлек формалары ғәҙәттә күсемһеҙ ҡылымдарҙан яһала һәм үҙҙәре лә күсемһеҙ мәғәнә белдерә. Улар грамматик йәһәттән белдерелмәҫкә лә мөмкин булған бер нисә логик субъект тарафынан башҡарылған уртаҡ эш-хәрәкәтте белдерә. Төп йүнәлештең күсемһеҙ ҡылымдарынан улар тик субъекттар һаны (берәү урынына ике йәки бер нисә) менән генә айырыла. Был осраҡта эш-хәрәкәт кем, нимә менәндер, кем менән булһа ла бергә башҡарыла [3, с. 316]. *Бына хәҙер Урал батыр хәл өҫтөндә ята. Уның янында, изгелекле батырыбыҙҙан айырылабыҙ инде, тип **ҡайғырышып**, бөтә тирә-яҡ халҡы йыйылған, ти (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре."Урал батыр"(сәсмә версияһы). Аҡбуҙаттың кире сумғанын күргәс, теге малдар, бер-береһен тапарҙай булып, **өркөшөп**, береһе лә ҡалмай Аҡбуҙат артынан күлгә **сумышып** бөткәндәр ҙә ҡуйғандар, ти (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре."Аҡбуҙат"). Шулай ҙа уның дейеүҙәре, аждаһа-йыландарҙы пыран-заран килтереп ҡырып ташлауы файҙаһыҙ булманы: бөтә тирә-яҡҡа йән керҙе, йәмләнеп китте, үләндәр, ағастар йәшәрҙе, ҡоштар **һайрашты**, кешеләр йөҙөндә шатлыҡ балҡыны, ти (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре."Урал батыр"(сәсмә версияһы). Улар килгәндә, был тирә күк-күмгәк һыу булған. Улар яуҙа ат йөҙҙөрөп **һуғышҡандар** (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре."Аҡбуҙат").*

Юғарыла әйтеп үтелгәнсә, *–ш-* суффиксы ике йәки унан күберәк субъекттың эш-хәрәкәтен йәки үҙ-ара тәьҫирен белдереүсе уртаҡлыҡ формаларын һәм ике йәки унан күберәк субъекттарҙың берҙәм эшмәкәрлеген йәки бер үк ваҡыттағы хәл-торошон аңлатҡан бергәлек формаларын яһай. Был мәғәнәләр шундай типтағы миҫалдарҙа күренә: *Бер-ике көнһөҙ бер нәмә лә һөйләй алмайым, тигәс, **көсләшмәнем** (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре."Аҡбуҙат"). Шунан былар тауҙың иң калҡыу еренә менеп алдылар ҙа тирләп-бешеп **көрәшә** башланылар, ти. Эй **көрәшәләр**, эй **көрәшәләр**, ти, былар, **көрәшә** торғас, төш ауып, көн кискә һаркты, ти (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре."Урал*

*батыр”(сәсмә версияһы). Шулай ҙа ҡаушап ҡалманы, ғәйрәтен йыйып, дейеүгә өндәште, ти: “**Алыштанмы, сабыштанмы**?” (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Урал батыр”(сәсмә версияһы). Бара торғас, Аҡбуҙат туҡтаны ла, телгә килеп: “Беҙ хәҙер Тереһыуға **яҡынлаштыҡ** (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Урал батыр”(сәсмә версияһы). Ләкин уның юлын ун ике башлы дейеү пәрейе бүлеп ята. Һиңә уның менән **алышырға** тура килер (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Урал батыр”(сәсмә версияһы). Теге ен-пәрейҙәргә шул ғына кәрәк икән: улар, үҙҙәренең бейеү көйөн ишетеү менән, бөтә донъяларын онттолар, Уралды яңғыҙ ҡалдырып, ҡурай тауышы ишетелгән яҡҡа **йүгерештеләр** ҙә шунда барып, тыйыла алмайынса, **бейергә керешеп** тә киттеләр, ти (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Урал батыр”(сәсмә версияһы). Барыһы ла **аптырашҡан**, ҡыҙға ҡарсыҡты күрһәткәндәр, ти (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре. “Аҡбуҙат”). Инде уҡ-һаҙаҡ атырға, һыбай **сабышырға**, ҡош сөйөп һунар итергә, һөнәрҙәрәгеҙҙе күрһәтергә ваҡыт етте. – тигән (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Заятүләк менән Һыуһылыу”). Һунарҙан ҡайтҡан алты ул, **оялыштарынан** ҡыҙарына-бүртенә, тотоп алып ҡайтҡан сыҫҡан, йомрандарын аталарының алдына һалдылар, ти (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Заятүләк менән Һыуһылыу”).*

Уртаҡлыҡты һәм бергәлекте белдереү мәғәнәһен күрһәткән махсус формант юҡ. Был ике мәғәнә лә бер үк *-ш* аффиксы ярҙамында белдерелә. Шуға күрә контекстан тыш алынған *-ш* күрһәткесле ҡылымдар бер үк ваҡытта уртаҡлыҡ та, бергәлек тә мәғәнәһен белдерә ала: *тарт-ыш “бергә тартыу”* һәм *“бер-береңде тартыу”; яҙ-ыш “бергә яҙыу” (хат яҙышты)* һәм *“бер-береңә яҙыу” (бер-беребеҙ менән хат яҙыштыҡ); ҡосаҡла-ш (ҡосаҡлашып барҙыҡ)* һәм *“бер-береңде ҡосаҡлау” (бер-береһе менән ҡосаҡлаштылар)* һ.б.

Уртаҡлыҡ һәм бергәлек мәғәнәһендәге эш-хәрәкәтте белдереүсе күп ҡылымдар бойороҡ формаһы нигеҙенән яһала: *кил-тер–еш-те, ҡаҙ-ыш-ты, тарт-ыш-ты, яҙ-ыш-ты, ал-ыш-ты, һөйлә-ш-те, бешер-еш-те, йәшер-еш-те, һайла-ш-ты, оҙат-ыш-ты, әрсе-ш-те, таҙарт-ыш-ты, киптер-еш-те, тейә-ш-те* һ.б.

Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәрендә ҡайһы бер осраҡтарҙа уртаҡлыҡ һәм бергәлек мәғәнәһе өн- һәм һыноҡшатыу һүҙҙәрҙән яһала: *ҡаңғылдаштылар, сутылдаштылар, тыпырҙаштылар, ырылдаштылар, дерелдәштеләр, геүләштеләр, шарҡылдаштылар, хихылдаштылар* һ.б. Миҫалдар: *Шул күлдәрҙә, шулай уҡ Иҙелгә, Яйыҡҡа, Һаҡмарға килеп ҡушылған яңы йылғаларҙа быға тиклем күренмәгән аҡкоштар **ҡаңғылдашып** йөҙҙөләр, баш өҫтөндә аҡсарлаҡтар **сырылдашып** осоп йөрөнөләр, ти (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Урал батыр”(сәсмә версияһы). Был ҡуҙғалып киткәс тә, Шүлгәнкүл төбөнән **сырҡырашып** йылҡы малы сыға башлай (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Ҡара юрға”). Гел айҙың ун дүрте етһә, төндә күгәрсен төҫлө булып сығалар ҙа, **супырҙашып**, көлөшә-көлөшә һыу инәләр, - ен ҡыҙҙары ахырыһы”, - тип һөйләне (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Аҡбуҙат”). Һәүбән Мәсем хан торған йәйләүгә барып еткәндә, халыҡтың ҡырмыҫҡа һымаҡ ҡайнап, төрлө ерҙә **эркелешеп**, йыйылышып һөйләшкән сағы булған (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Аҡбуҙат”).*

Уртаҡлыҡ һәм бергәлек мәғәнәһе шулай уҡ *-п,-ып/-еп* аффикслы хәл ҡылымдар ярҙамында белдерелергә мөмкин: *Тарауыл ҡарт, **һөйләшеп** бөтөп, үҙ юлына китә башлағас, Һәүбән уны туҡтатҡан да: “Олатай, һин кем булаһың?”- тип һораған (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Аҡбуҙат”). Шунан Һәүбән, ҡыҙҙар менән **һаулашып**, һарайҙан сығып киткән (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Аҡбуҙат”). Заятүләк Аҡбуҙ толпарына атланып, Һыуһылыуҙы алдына ултыртып, һыу батшаһы менән **хушлашып**, күлдән сығып китә (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Заятүләк менән Һыуһылыу”). Ауҡан туғайға еткәс, һунарсылар яҡындағы күл өҫтөнән **ҡурҡышып** туп-туп булып күтәрелгән торна, ҡыр ҡаҙы, өйрәктәрҙе күреп ҡалалар (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Заятүләк менән Һыуһылыу”). Ғәрәсәт дауыл сығып китте лә, малдар ҙа, үҙем дә ҡайҙа баҫып торғанды, ҡайҙа барып бәрелгәнде белмәй, **таркалышып** бөттөк (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Аҡбуҙат”).*

Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәрендә йыш ҡына уртаҡлыҡ һәм бергәлек йүнелеше мәғәнәһе парлы ҡылымдар ярҙамында белдереп, бирелгән мәғәнәне көсәйтә:

1) бер үк ҡылымды ҡабатлау: *Былар шулай* ***тартҡылаша-тартҡылаша*** *Ҡара юрғаның эйәһенә килеп етәләр (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Ҡара юрға”). Нисә айҙар буйы абайланым. Гел айҙың ун дүрте етһә, төндә күгәрсен төҫлө булып сығалар ҙа, супырҙашып,* ***көлөшә-көлөшә*** *һыу инәләр, - ен ҡыҙҙары ахырыһы”, - тип һөйләне (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Аҡбуҙат”). Эй* ***көрәшәләр****, эй* ***көрәшәләр****, ти, былар, көрәшә торғас, төш ауып, көн кискә һаркты, ти (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Урал батыр”(сәсмә версияһы);*

2) уртаҡлыҡ һәм бергәлектең мәғәнәһен көсәйтеү маҡсатында *-п,-ып/-еп* аффикслы хәл ҡылымдарҙы ҡабатлау: *Урал батыр, бабай менән* ***хушлашып-аманлашып****, Тереһыу юлы менән китеп барҙы, ти (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Урал батыр”(сәсмә версияһы).*

Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәрендә ҡулланылған уртаҡлыҡ һәм бергәлек йүнәлеше формалары морфема (*-ш* ялғауы) менән генә түгел, аналитик юл менән дә белдерелә. Был осраҡтарҙа ҡылым *бер-береһен, бер-берен, бер-береһе (менән), берен-бере* алмаштары менән бәйләнештә ҡулланыла. Мәҫәлән: *Алты туғаның, хан тәхетенә талашып,* ***бер-береһе менән һуғышалар*** *(Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Заятүләк менән Һыуһылыу”).* Ләкин һәр *-ш* ялғаулы ҡылымда ла уртаҡлыҡ һәм бергәлек йүнәлеше мәғәнәләренең булмауын билдәләмәй мөмкин түгел, уны башҡорт теленең факттары раҫлай. Мәҫәлән: *Һәүбәндең был һүҙәрен ишеткәс, ҡыҙҙар барыһы ла әсе йәштәрен түгеп, уны уратып алғандар, ти. Һәүбән дә быларҙы ҡыҙғанған, күҙ йәштәре сыҡһа ла, ҡыҙҙарға һиҙҙермәҫкә* ***тырышҡан*** *(Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Аҡбуҙат”).* Беренсенән, бында *-ш (тырыш)* өнө тамыр составында килгән, икенсенән, был конструкцияла ике йәки унан күберәк субъекттарҙың уртаҡ эш-хәрәкәте йәки үҙ-ара тәьҫире юҡ, ике йәки унан күберәк субъекттарҙың уртаҡ эшмәкәрлеге йәки бер үк ваҡыттағы хәл-торошо белдерелмәй. Шуға өҫтәп, был һөйләмдә эш-хәрәкәттең берҙән-бер субъекты – *Һәүбән*. *-Ш* аффиксы *–ла* ялғаулы исемдән яһалған һүҙҙәрҙең структур элементы булып тора, ул һүҙ яһаусы *–ла* ялғауы менән шул тиклем тығыҙ бәйләнгән, хатта хәҙерге ваҡытта *ла+ш (-лаш)* бәйләнеше бер аффикс булып таныла: *даулаш, ғауғалаш, серләш, көнләш, урынлаш* һ.б. Миҫалдар. *Һәүбән уларҙы ҡырып, һарайға* ***яҡынлашҡас,*** *батша ҡасып, илдән ғәскәр йыйып һуғышып ҡараһа ла, булдыра алмаған (Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Аҡбуҙат”). Көсө бөткәс, һыу батшаһы ошо Шүлгән күлгә килеп* ***урынлашҡан*** *(Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Аҡбуҙат”). Заятүләк һаҡ ҡына нур уйнаған ергә* ***яҡынлаша*** *(Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре.“Заятүләк менән Һыуһылыу”).* Килтерелгән миҫалда *-ш* күрһәткесе һүҙ яһаусы аффикс составында *(-лаш)* ҡулланылған. *-Ш* форманты шулай уҡ һүҙ үҙгәртеү, форма яһау йәки һүҙ яһау функцияһын үтәй ала, йүнәлеш күрһәткесенә һәм йүнәлеш мәғәнәһенә эйә булмаҫҡа ла мөмкин.

Шулай итеп, башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәрендә уртаҡлыҡ һәм бергәлек йүнелеше формалары күсемле һәм күсемһеҙ ҡылымдарға *-ыш/-еш,-ош/-өш* (тартынҡыларҙан һуң) һәм *-ш* (һуҙынҡыларҙан һуң) ялғауҙары ҡушылыу юлы менән яһала: *яҙ-ыш, тот-ош, ал-ыш ҡар-аш, шаула-ш, төҙө-ш* һ.б. Унан тыш, *-ш* форманты һүҙ үҙгәртеү, форма яһау йәки һүҙ яһау функцияһын үтәп, йүнәлеш күрһәткесенә һәм мәғәнәһенә эйә булмаҫҡа мөмкин. Әйтергә кәрәк, *-ш* күрһәткесле ҡылымдың уртаҡлыҡ һәм бергәлек мәғәнәһе синтаксик конструкцияла асыҡ белдерелә.

Әҙәбиәт

1. Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәре – Башкирские народные эпические сказания – Bashkir Folk Epic Stories / Авт.сост. Ф.А. Надршина. –Уфа: Китап, 2010. - 280с.

2. *Геляева А.И.* Словоизменительная и словообразовательная функции залоговых аффиксов в карачаево-балкарском языке. – Нальчик, 1999. – С. 52-57.

3. *Саляхова З.И.* Теоретическая концепция взаимно-совместного залога в тюркологии. Международный научный журнал «Мир науки, культуры, образования». №6(49). - Горно-Алтайск. 2014.– С. 316-318.

Трегубов А.Н., г. Уфа

О ФОНОСЕМАНТИКЕ И ЯЗЫКОВОМ ЗНАКЕ

Одна из центральных проблем фоносемантики – проблема мотивированности языкового знака. Представляется, что ставший классическим постулат о его произвольности имеет ограниченное применение. Знак не может возникнуть из ничего. Иными словами, в момент своего появления он должен быть так или иначе мотивирован. Это касается и слова, и переносных значений. Затем же чем «дальше отстоит знак от момента своего возникновения, тем больше коннотативных смыслов он обретает. Наполнение знака коннотативными значениями часто предопределяет его символическую природу» [4, с. 27].

Выделяют несколько видов мотивированности. В этом ряду фонетическая считается производной от морфологической. Однако если данное утверждение можно считать удовлетворительным для современного состояния языка, то применительно к древнейшей истории его использование вызывает противоречие логического порядка. Если морфологическая мотивация связана с деривацией, а семантическая обусловлена изменениями значений слов, то возникает вопрос: что послужило основой для первоначальной мотивированности, когда морфологии так таковой не существовало. Следовательно, наиболее возможной (и в то же время самой простой и доступной) является мотивация фонетическая.

Это положение можно подкрепить точкой зрения, которую высказал В.Г. Гак. Он отметил, что наименование не является полностью произвольным по отношению к данному языку, подобно тому как материальный продукт зависит от используемого материала. Наименование не является полностью произвольным по отношению к данному предмету, поскольку в его основу кладётся признак, реально существующий или усматриваемый субъектом в данном предмете [2, с. 83]. Если такая ситуация характерна для современного состояния языка, то можно предположить, что это же характерно и для его истории, в частности начальных этапов лингвистической эволюции.

Основания для подобной постановки вопроса кроются в особенностях человеческого познания окружающей действительности. Как отмечает американский нейрофизиолог У. Кэлвин, в коре больших полушарий связаны между собой самые разные стороны восприятия одного и того же объекта: его внешний вид, запах и вкус (если он их имеет), звуки, называющие этот объект, звуки, производимые этим объектом (если он производит звуки), ощущение этого объекта в руке (если его можно взять в руку), представление о манипуляциях с ними т.д. – словом, всё то, что позволяет нам, видя (слыша, обоняя, осязая) этот объект, понимать, что от него можно ожидать, что с ним можно (или даже нужно) делать, а чего нельзя [1, с. 74]. Здесь обращает на себя внимание характер первичного восприятия объекта – уровень ощущений: слуховых, тактильных, обонятельных и т.д. Именно на его основе могут формироваться первоначальные впечатления и, соответственно, сигналы для их передачи себе подобным. «Поэтому в ходе формирования языка естественно ожидать, что происходили такие процессы, как появление в сигналах компонентов ‘‘повышенной заметности’’ (легко регистрируемые детекторами), превращение иконических сигналов в символьные, эмоциональных – в референциальные, врождённых – в выучиваемые, возникновение возможности передавать информацию о том, что не находится непосредственно в поле наблюдения, а также сжимать информацию. Все эти процессы являются неотъемлемым свойством развития коммуникативных систем в природе» [1, с. 128].

Говоря о генезисе человеческого языка, С.А. Бурлак отмечает: «Первые сигналы новой коммуникативной системы не могли не быть иконическими, поскольку они были сигналами adhoc, делавшимися ‘‘на ходу’’, и тем самым они должны были быть понятны без предварительной подготовки –поскольку особи, которым был адресован сигнал, никогда ранее с ним не сталкивались. Но при повторении сигналов иконичность постепенно

утрачивается, поскольку для понимания уже известного знака достаточно, чтобы он просто был опознан. Утрата иконичности характерна для знаков письма (при переходе от пиктографии к идеографии), для знаков жестовых языков» [1, с. 182].

В этом отношении представляет интерес понятие образа мира, предложенное А.Н. Леонтьевым. Здесь исходным «является положение, что «субъект со всеми своими состояниями, в том числе и теми явлениями, которые мы называем ‘‘образом’’, ‘‘представлением’’ и так далее, находится изначально не перед миром, а в самом мире, в самой этой действительности, то есть с самого начала этот субъект <…> составляет часть его <…>. Он <…> включён в единый материальный мир. В этом мире единственно и существует»[Цит. по: 3, с. 238 – 239]. И далее: «<…> в психологии проблема восприятия должна ставиться как *проблема построения в сознании индивида многомерного образа мира, образа реальности*. Что, иначе говоря, психология образа (восприятия) есть конкретно-научное знание о том, что в процессе своей деятельности индивиды строят образ мира – мира, в котором они живут, действуют, который они сами переделывают и частично создают; это – знание также о том, как функционирует *образ* мира, опосредуя их деятельность в *объективнореальном* мире» (курсив А.Н. Леонтьева. – *А.Т.*) [Цит. по: 3, с. 241].

С этой точки зрения важным является снятие принципиального противопоставления человека, созерцающего и познающего окружающий мир, и самого окружающего мира. Человек, будучи частью мира, преобразует его в ходе практической деятельности в соответствии со своими потребностями. Результаты этой деятельности фиксируются в языке, причём фиксируются своеобразно, что привело к введению М.К. Мамардашвили понятия квазиобъекта. Это понятие он ввёл в связи с анализом понятия «превращённая форма» К. Маркса. «Особенность превращённой формы, «отличающей её от классического отношения формы и содержания, состоит в объективной устранённости здесь содержательных определений: форма проявления получает самостоятельное ‘‘сущностное’’ значение, обособляется, и содержание заменяется в явлении иным отношением, которое сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы (например, в случае символизма) и становится на место действительного отношения. Эта видимая форма действительных отношений, отличная от их внутренней связи, играет вместе с тем – именно своей обособленностью и бытийностью – роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами на поверхности системы. При этом связи действительного происхождения оказываются ‘‘снятыми’’. Прямое отображение содержания в форме здесь исключается» [Цит. по: 3, с. 299].

««Объективные мыслительные формы» – смыслы, значения и т.п. – это и есть, по Мамардашвили, результат движения в «пространстве реальных отношений», но не прямое отображение этих отношений. Будучи перенесены на квазиобъект и в этом качестве став достоянием сознания, признаки, свойства, отношения действительности претерпевают кардинальное преобразование: форма, в которой они выступают, оказывается «снятой», свёрнутой, переструктурированной и дополненной тем, что содержится уже в самом квазиобъекте. Отсюда огромной важности гносеологическая задача – при каждом анализе конкретной «превращённой формы» чётко разделять те связи, признаки и отношения, которые перенесены нами на квазиобъект и преобразованы в нём, и те, которые мы находим в самом квазиобъекте, которые образуют его сущность и специфику.

Язык и есть именно такая система квазиобъектов, где на место реальных отношений подставлена их «видимая форма»» [3, с. 300 – 301].

Из сказанного выше применительно к языку можно вывести некоторые следствия.

1. Для того, чтобы зафиксировать тот или иной объект, необходимо выделить в нём какой-либо «компонент повышенной заметности», наиболее ярко характеризующий внешние свойства данного объекта.

2. Представляется, что такими свойствами прежде всего являются те, которые воспринимается непосредственно – в виде ощущений.

3. Однако эти непосредственно воспринимаемые свойства отражают лишь внешние, а не сущностные характеристики объекта.

4. Закрепляясь в звуковом сигнале, так или иначе связанном своей формальной стороной с этими непосредственно воспринимаемыми свойствами, характеристики объекта преобразуются в зависимости от характера практических действий с ним.

Литература

1. Бурлак С.А. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель, 2012. 297 с.

2. Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976. С. 73 – 92.

3. Леонтьев А.А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность). М.: Смысл, 2001. 392 с.

4. Шляхова С.С. Тень смысла в звуке. Введение в русскую фоносемантику. Пермь, 2003. 216 с.

Теуш О. А., г. Екатеринбург

КОМИ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ РУССКОГО СЕВЕРА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Новые материалы, полученные в результате полевых работ Топонимической экспедиции Уральского университета в Ленском районе Архангельской области, позволяют расширить имеющиеся представления о коми влиянии на севернорусскую диалектную лексику, а также внести коррективы в представленные в научном обороте данные и существующие этимологии. В докладе рассматриваются лексемы коми происхождения: а) впервые зафиксированные в результате полевых сборов; б) отмеченные ранее либо в ином фонетическом облике, либо имеющие семантические отличия от предшествующих данных, либо как бытующие на других территориях; в) фиксировавшиеся в 19 в. и пока не подтвержденные современными источниками; г) известные, но не рассматривавшиеся в качестве коми заимствований; д) позволяющие уточнить предложенные ранее этимологии.

Зиб ‘вершина горы’, ‘высокая гора’ < коми *дзиб(-й-)* ‘возвышенность, холм, горка’, *дзиб йыв* ‘вершина холма’ [3, с. 178], скр. *дзиб йыв*, нв. *дзиб йив*, вв., печ. *дзиб йил*, вв., вым. *дзиб йыы*, лл. *дзиб* ‘верхушка возвышения, гребень (холма, горы)’, ‘выпуклость щеки’ [11, с. 103]. Коми *дзиб* ‘возвышенность, холм, горка’ является исконным по происхождению [5, с. 90]. Палатальная аффриката *дз*, нехарактерная для русского языка, закономерно упростилась в *з*, ср.: *зели́на* ‘прут, тонкая дранка, используемая для плетения’ < коми *дзав, дзал* ‘дранка, драть’ [7, с. 118].

Лабда́ ‘топкое, грязное место на болоте’, ‘болотная грязь’, *лобда́* ‘окно воды в болоте’, *ля́бда* ‘топкое болотистое место’, ср.: *ла́бда* ‘подмытый берег реки, где любят гнездиться выдры и норки’ (Прикам) [10, т. 16, с. 214] < коми *лабда* ‘корни вывернутых деревьев’, диал. ‘низинный высокий ельник’ [3, с. 342], вс., вым., л., сс. *лабда* ‘корни вывернутых деревьев в воде’, л. ‘дикое, трудно проходимое сырое место, поросшее густыми елями’ [11, с. 191]. Коми *лабда* ‘низинный высокий ельник’, ‘сырое место в долине реки, поросшее кустарником’, *лабжа* ‘низина’ являются общепермскими по происхождению и сопоставляютяс под «?» с фин. *lampi* ‘пруд, лесное озеро’ [5, с. 156]. С тем же источником связывают *ла́вда, ла́бза* и *ла́бжа* в близких значениях [6, с. 28; 1, с. 348–349]; новые данные фонетически наиболее близки к коми.

Ла́домос(т)ь ‘глубокая яма, провал, рытвина’, *как в ла́домос(т)ь упасть (провалиться)* ‘как сквозь землю провалиться’ < ? коми лет. *лядз*, вв. *лядзмес* ‘пологий, отлогий, покатый, некрутой (берег, склон)’ [11, с. 11], *ладзмес* ‘то же’ [11, с. 191], нв. *лажмӧс* ‘низкий. низменный; отлогий, пологий, покатый’ [11, с. 192]. Несоответствия в фонетике могут объясняться русской адаптацией сложной консонантной группы *дзм* или же утратой фрикативного компонента аффрикаты *дз*, что свойственно некоторым коми диалектам [11, с. 457].

Но́рос ‘высокий берег на повороте реки’, ‘высохший водоем с топкой илистой почвой’, ‘топкое место на болоте’ < коми *нӧрыс* ‘возвышенность, холм, бугор, пригорок, кряж’, *ю*

нöрыс ‘высокий берег реки’ [3, с. 437], скр., сс. *нöрыс*, вв. *нöрис* ‘небольшая возвышенность, холмик, бугор, увал’, уд. *нöрыс*, лет. *нöрöс* ‘излучина, крутой поворот, изгиб (реки)’ [11, с. 246]. Общепермское слово с соответствиями в манс. [5, с. 195]. Второе и третье значения русского слова зафиксированы единично и, скорее всего, являются либо ошибкой собирателя, либо отражают неуверенное знание информантом реалии.

Ны́лем ‘ключ, заваленный валежником’, ср.: *ны́лем* ‘скользкий берег после спада или спуска воды’ (Арх: Вил) [4] < коми *ньылöм* ‘жиропот (на овечей шерсти)’, ‘влажный налет (напр., на окнах)’, ‘пот, испарина’ [3, с. 443], вс., вым., л., лет., печ., скр., сс. *ньылöм*, вв., иж. *ньылэм*, нв., уд. *нилöм* ‘пот, испарина’, вс., л., лет., печ., скр., сс. *ньылöм*, вв. *ньылэм*, л. *ньылым* ‘органическая грязь в немытой шерсти’ [11, с. 250], л. *ньылым, ньылöм* ‘слизь (у рыб на чешуе)’ [11, с. 399]. Общепермское слово с соответствиями в мар. и морд. [КЭСК, *199*]. Географическая семантика русского слова заставляет предполагать незафиксированное промежуточное значение ‘почвенная влага, грязь’.

По́дчек ‘участок леса, выжженный под поле для льна’, ср. *по́дчек, по́дчека* ‘вырубка леса под пашню’ (Киров), *по́дчека* ‘расчищенное под пашню место, подсека’ (Вят, Киров) [10, т. 28, с. 247] < коми уд. *потчек* ‘подсека, росчисть’, ср. нв. *подсек* [11, с. 389]; иж. *пöчэха* ‘то же’ [11, с. 301] (< русск. *подсека*). Предположение об обратном заимствовании вятских слов из коми было высказано С. А. Мызниковым [8, с. 168–169].

Сёрт ‘труднопроходимое место в лесу с буреломом’ < коми *сьöрт* ‘низинный высокий ельник’, ‘сырое место в долине реки’ [3, с. 627], вв., вым., нв., печ., сс., уд. *сьöрт* ‘речная долина с густым еловым лесом’ [11, с. 357]. Произведено, по-видимому, от *сьöр* ‘центр, средоточие, середина’ и означало ‘то, что в середине (в седловине, в долине реки)’, ‘то, что между двумя предметами’ [5, с. 271].

Ты́кала, ты́кало ‘пересыхающий заболачиваемый залив’, ‘озеро с заболоченной водой’, *ты́кола* ‘топкое болото’, ‘рукав реки’, ‘пересыхающая старица’, ‘окно воды в болоте’, ‘засохшее болото’, ср.: *ты́кола* ‘озерное место’ (Влг) [9, с. 234], ‘многоозерное, озеристое место’ (Влг) [2, т. 4, с. 447]. На «зырянское» происхождение слова указывал В. И. Даль. Источником заимствования является коми вым., нв., скр., уд. *тыкöла,* вв., печ., уд. *тыкола,* иж. *тыкела* ‘небольшое озерко; сырое заболоченное место (на старицах, вокруг озера) с небольшими озерками’ [11, с. 389]. Этимологию см. в [12, с. 40].

Литература

1. *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М., Новосибирск, 2000.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.
3. *Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И.* Коми-русский словарь. Сыктывкар, 2000.
4. Картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского госуниверситета).
5. *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
6. *Матвеев А. К.* Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. Свердловск, 1959.
7. Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Вып. 1. А–И. Екатеринбург, 2004.
8. *Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. СПб, 2004.
9. Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.
10. Словарь русских народных говоров. М.; Л., Спб., 1965–. Вып. 1–.
11. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.
12. *Kalima J.* Syrjanisches Lehngut im Russischen // FUF, XVIII. Helsinki, 1927. S. 1–56.

Сокращения в названиях языков и диалектов

вв.	– верхневычегодский диалект коми-зырянского языка
вс.	– верхнесысольский диалект коми-зырянского языка
вым.	– вымский диалект коми-зырянского языка
иж.	– ижемский диалект коми-зырянского языка
л.	– лузский диалект коми-зырянского языка
лет.	– летский диалект коми-зырянского языка
лл.	– лузско-летский диалект коми-зырянского языка
манс.	– мансийский язык
мар.	– марийский язык

морд. – мордовский язык
нв. – нижневычегодский диалект коми-зырянского языка
печ. – печорский диалект коми-зырянского языка
скр. – присыктывкарский диалект коми-зырянского языка
сс. – среднесысольский диалект коми-зырянского языка
уд. – удорский диалект коми-зырянского языка
фин. – финский язык

Хабибов Л.Г., г. Уфа

УСТАРЕВШИЕ СЛОВА И ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ В СТИХАХ МИФТАХЕТДИНА АКМУЛЛЫ

Поэзия Акмуллы – своеобразный целый мир. В нем отражены думы и устремления народа, радостные голоса, пробивающиеся через страдания и невзгоды того времени. Поэт сумел поднять насущные проблемы, определяющие общественное развитие эпохи, пытался решать эти проблемы, исходя из интересов людей труда.

В целях непосредственного воздействия на умы и чувства своих слушателей поэт-импровизатор Акмулла в своих стихах употреблял не только устаревшую лексику, но и народно-разговорные и архаичные глагольные формы. Таких лексических единиц в стихах поэта в количественном отношении немного. Они относятся к различным частям речи.

Атаҡ «известность, авторитет; имя». *Артыңда ҡалыр атаҡ юҡ* «Нет после тебя известности (доброго имени)». Это слово происходит из древнетюркского *ат-аг* «слава; имя», которое восходит к форме *айт* < *ай-ыт* «имя, слава, известность» (Радлов). Корень слова *ай-* «показать, отвечать» [3; с.21].

Болаҡ «речушка, река». *Болағы саф, сәйгә һәр кем һыу алғандай*…«Река чистая, словно каждый зачерпнет воду…». В древнетюркском языке это слово употреблялось в форме *булаҡ*, образованное от глагола *булға-* со значением «кипеть, бурлить». В некоторых тюркских и монгольском языках древнетюркское слово *булғаҡ* в том же значении встречается в несколько фонетически измененном виде. См. каракалпак. *булака*, кумык. *боллак* и монгольск. *булаг* «родник».

Етек «проворный, ловкий». *Файҙаһы юҡ буш һүҙгә һәр кем етек* «Бессмысленному изречению каждый проворен и ловок». В общетюркском языке глагольная основа *йәт-* означала «достичь, успеть, хватать» [3; с.72]. Ср. древнетюркское *йитик, йитиг* «быстрый, ловкий».

Йейеү «кушать, есть». *Эсем! Һин дә ҡараһаң – Кеше хаҡын күп ейдең; Бауырһаҡ та йеймәгән Аҡмулла инем, Сәйнәем ҡара нанны (икмәкте) ҡашыр-ҡашыр* «Живот мой! Если подумать, то ты много ел чужого; Я был Акмуллой, не дотрагивающийся до мучных кусочек, Теперь-то жую черный хлеб с хрустом».

В древнетюркском и общетюркском языках слово *йэ-, йэй-* означало *'ашарға'* «есть, кушать». Впоследствии посредством словообразовательного форманта *-м* образовалось новое слово *йэм,* которое бытует в диалектах башкирского и татарского языков в значении «корм, пища, еда». От него образовано башк. *йемеш*, татар. *ҙәимеш,* чуваш. *çимеç,* марийск. *емыш* со значением «плод».

Япан «степь, долина». *Киң япан тар булалыр, ҡаза килһә, Юҡ ғәйеп бар булалыр, яҙа килһә.* «Широкая степь становится тесной, если придет беда. Отсутствующая вина становится явью, если нагрянет кара». Это слово в настоящее время в башкирском и татарском языках употребляется лишь в парном слове *ҡыр-япан* в значении «поля и долины». По мнению Р.Г. Ахметьянова, данное слово в древнекыпчакском языке бытовал в форме *йабан* [3; с.264]. Этим языком, по всей видимости, заимствовано оно из персидского языка через чагатайский и карлукский языки. В персидском и таджикском языках в значении «дикая степь» употребляется слово *бийабан* или *йаwwайин*.

Сырлы аяҡ «узорный (крашеный) сосуд». *Сырлы аяҡтың сыры китһә, һыны китмәҫ, яҡшының, үҙе үлһә, исеме китмәҫ* «Если даже утратится узор из сосуда, то некуда не уйдет

сам сосуд, У хорошего человека даже после его смерти доброе имя не исчезнет». В диалектах башкирского и татарского языков слова *һыр* и *сыр* имеют значение «краска, узор». В алтайском языке слово *сыр* употребляется в значении «краска, лакировать», в уйгурском и узбекском языках *сир* означает «красная краска». Ср. в таджикском и персидском языках *сурх* также означает «красный» [3; с.185]. В монгольском *шир* и бурятском *шэрэ* также имеет значение «краска». Что касается архаичного слова *аяк* «сосуд», то оно образовалось из древнего общетюркского корня *аң* со значением *«ауыз, тишек* (рот, отверстие)». Образованный от него слово *аңак* имело значение «рот, отверстие, пустота, горшок». В более позднее время оно претерпело фонетическое изменение (*айак*) и дифференцировалось его значение «сосуд, ведро, горшок». Эволюцию корня-основы *аң* можно проследить на примерах алтайских и уральских языков. Так, в хантыйском языке *аң (ан), анәх (анәк*) «сосуд, блюдце». В мансийском языке *ане* «тарелка», в монгольском языке *аяга* «сосуд», в марийском *аң, әң* «отверстие, горловина сосуда» [3; с.25].

ЬІу «яд». *Битенең бере көлөр, бере һүгәр, туры һүҙе – берәүгә им, берәүгә ыу* «Одно лицо улыбается, другое гневится, Правдивое слово – кому как лекарство, кому как яд». Р.Г. Ахметьянов и Э.В. Севортян считают, что в татарских диалектах и в общекыпчакском языке слова *у, уы* означают «яд» [3; с.10], [5; с.67]. Так, слово *у* в значении «яд» в языке сибирских татар зафиксировано И. Гигановым в его «Словаре российско-татарском», изданном в 1804 г. Как нам кажется, в составе слова *чуан* «чирей» также обнаруживается часть *уа* со значением «опухоль».

В общетюркском и в османском языках *ағыу,* а также в марийском и удмуртском языках *агу* выражает значение «кислый». В бурятском языке слово *аг* также означает «кислый; яд».

В своих стихах Акмулла также употреблял архаичные и диалектальные словоформы, относящиеся, в основном, к глаголам.

Форма на *-мак/-мәк*. Инфинитив и имя действия с таким аффиксом является в башкирском и татарском языках отжившей формой. Она выполняла функцию теперешнего инфинитива и имени действия с древних времен до начала XX века. Данная форма широко употребляется поэтом Волжской Булгарии Кул Али в поэме «Юсуф вэ Зулейха» (1212г.): Һорар ирсә, яуап *вирмәк* кәрәк имди (Если спросить, надо ответить). Эта форма, как литературная норма, наблюдается в произведениях писателей и поэтов в более позднего времени. Она также представлена в стихах Акмуллы. Например:

Яҡшы һүҙ *тыңламаҡҡа* хуп, мөбәрәк,
Яҡшыға хоҙа-мәдәд, аҡыл – сәбәп.
(Пусть слово доброе мое вам новых сил придаст,
Пусть каждый своему уму по должному воздаст).

Эта форма также встречается позже (в начале XX в.) в некоторых произведениях Габдуллы Тукая: Иртә менән *ҡайнамаҡ* был баҙар «Утром кипит этот базар».

В стихотворениях Акмуллы определенная часть имени действия (в некоторых тюркских грамматиках их называют субстантированными формами глаголов) представлена при помощи этого же аффикса:

Уйлаған моратына етә алмаһа,
Әҙәмдең шунан булыр *ҡартаймағы.*
(Если не достигнет цели, что задумал он,
То является старением человека).
или
Теләнмәкте халыҡтан
Күрәмен быныҢ барын ғар.
(Побираться у народа
Считаю это постыдным).

Форма на *-ғыл/-гел.* При помощи этого аффикса образовалась категоричная форма повелительного наклонения. В современном башкирском и татарском литературном языках отсутствует форма повелительного на *-ғыл/-гил*. В диалектах и в фольклоре данный аффикс

употребляется довольно активно. Например: Көтөп *торғол*, бай уғлы «Подожди, сын богача». В произведениях поэта эта древняя форма повелительного наклонения употреблялась единожды:

Илаһым, бөтә хәжәтем,
Ҡабул *иткел* мөнәжәтем.
(Бог мой, всю нужду мою
Прими мой мунажат).

Данная форма «интенсифицирует значение повелительного наклонения…с оттенком сильного желания» [1; с.83].

Как видим, эти архаичные слова употреблены поэтом для точного обозначения описываемого предмета, явления, различных их свойств или какого-либо процесса. Акмулла применял устаревшую лексику также для составления более благозвучной рифмы с целью достижения совершенного ритмико-интонационного оформления своих стихотворных строф. Например, архаичное слово *ыу* «яд» более точно рифмуется со словом *һыу* «вода», чем с его синонимом *агыу* «яд», хотя последнее как литературная норма широко употреблялось в то время, когда жил и творил поэт. Архаичное диалектальное слово *алаша* со значением «низкий, низко» более слаженно составляет рифмованную пару только со словом *тамаша* «представление». Замена слова *алаша* на его литературный синоним *түбән* с таким же значением невозможна, ибо нарушилось бы созвучие рифмованной пары, а также испортилась бы метрика строфы.

Таким образом, при изучении творчества поэта-импровизатора и просветителя Мифтахетдина Акмуллы необходимо более точно определить значение употребляемых им устаревших слов и архаичных глагольных форм, установить их происхождение и выяснить причину их применения поэтом.

Литература

1. Ахметов М.А. Глагол в языке Орхоно-енисейских памятников. – Саратов:Изд-во Саратовского университета, 1978.
2. Акмулла. Стихотворения. – Уфа: Китап, 2006 (на башкирском языке).
3. Ахметьянов Р.Г. Краткий историко-этимологический словарь татарского языка. – Казань: Тат. кн. изд-во, 2001 (на татарском языке).
4. Вильданов А..Х. Оставшаяся в памяти народа мелодия // Акмулла. Стихотворения. – Уфа: Китап, 2006 (на башкирском языке).
5. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков, т. I. – М., 1974.
6. Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1992.

Ханова Г.С., Өфө к.

«САҠ-СУҠ” БӘЙЕТЕ ВАРИАНТТАРЫНА ҠЫҚҠАСА КҮҘӘТЕҮ[1]
(БашДУ-ның фольклор кабинетында һаҡланған материалдар буйынса)

Башҡорт халыҡ ижадында мифологик йөкмәткеһе менән иғтибарҙы йәлеп иткән «Саҡ-Суҡ” бәйете халыҡ араһында киң билдәле. Быны әҫәрҙең Башҡорт дәүләт университеты фольклор кабинетында тиҫтәләрсә варианттарҙа һаҡланыуы ла раҫлай.

Мәҡәләлә һүҙ 1958–1980 йылдарҙа Башҡорт дәүләт университетының филология факультетында уҡыусы башҡорт бүлегенең беренсе-икенсе курс студенттары тарафынан Башҡортостандың Баймаҡ, Салауат, Дәүләкән, Ейәнсура, Архангель, Бөрйән, Әлшәй, Йылайыр, Әбйәлил, Мәләүез, Күгәрсен, Балаҡатай, Ҡыйғы, Мәсетле, Хәйбулла, шулай уҡ Баймаҡ, Салауат ҡалаларында яҙып алынған «Саҡ-Суҡ” бәйете текстары тураһында барасаҡ.

Әҫәр күрһәтелгән йылдарҙа шиғри формала ҡырҡ бер вариантта, сәсмә формала өс вариантта теркәлгән. Иң ҙур күләмле вариант 166 куплеттан тора һәм Бөрйән районының

[1]Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ “Мифологический баит “Сак-Сук” (варианты и исследования), № 16-34-01020.

Ғәлиәкбәр ауылында яҙып алынған [21, 100-сө б.], иң ҡыҫҡа күләмлеһе, ни бары биш куплетта, Миәкә районы Сатай-Бөрйәнбиш ауылында ҡағыҙға теркәлгән [18, 145-се б.]. Экспедиция материалдары күрһәтеүенсә, бәйет әйтер алдынан ҡайһы бер информанттар уның ҡыҫҡаса йөкмәткеһен һөйләйҙәр [6, 314-315-се б.; 12, 127-се б.; 15, 34-35-се б.; 20, 238-240-сы б.; 24, 148-сы б.]. Бәйетте информанттар «әсә сығарған йыр” [6, 314-315-се б.; 20, 238-240-сы б.] йәиһә «һамаҡ” тип атаған осраҡтар ҙа бар [26, 11-12-се б.]. Ҡыҙғанысҡа ҡаршы, ҡайһы бер варианттарҙың ҡасан, кемдән, кем тарафынан яҙып алыныуы тураһында мәғлүмәт бирелмәгән.

«Саҡ-Суҡ” бәйетенең үрҙә һанап үтелгән райондарҙа үҙенсәлекле варианттары яҙып алынған. Варианттарҙың текстарында шул төбәк диалектына ғына хас булған һүҙҙәр, ҡыҙыҡлы фразеологик һүҙбәйләнештәр осрай. Шулай уҡ текстарҙа ғәрәп (мәхшәр, ҡиәмәт, ҡибла, афәт һ.б.), фарсы (өмөт, бәхил, бәддоға һ.б.) теленән ингән һүҙҙәр ҙур ҡыҙыҡһыныу тыуҙыра.

Ҡайһы ғына вариантты алып ҡараһаң да, әсә ҡарғышының күктәрҙе күкрәтер, үҙ балаларын ҡошҡа әйләндерерҙәй зәһәр көскә эйә булғанлығы күренә. Бер вариантта балалар тимер уҡ өсөн талашһа [15, 176-сы б.; 18, 183-186-сы б., 189-сы б.; 19, 46-47-се б.; 20, 238-240-сы б.; 21, 100-сө б.; 22, 117-118-се б.; 23, 444-се б., 465-се б.; 25, 29-30-сы б.], икенсеһендә икмәк бешерергә ҡуйылған ҡамыр менән бәрешеп уйнай [26, 11-12-се б.]. Мәҫәлән, бер варианттың сюжеты буйынса: әбейҙең ике улына аталары тимер башлы уҡ эшләп бирә. Малайҙар араһында был уҡ менән кем беренсе булып атырға тейеш, тигән бәхәс ҡуба. Балалар тауышланып әсәләренә намаҙ уҡырға ҡамасаулай башлайҙар. Был урында информант асыҡлыҡ индереп китә: «ә йома намаҙын уҡыған кеше алдында ҡысҡырырға, улай-былай йүгерергә ярамай, намаҙ бүленә”. Намаҙын бүлергә мәжбүр иткән малайҙарына әсәнең шул тиклем асыуы килә, ул балаларын: «икегеҙ ике тишектән ҡош (ҡарға) булып осоп сығып китһәгеҙ ярар ине. Исамаһам, ҡолаҡтарым тыныс булыр” - тип ҡарғай. Шул мәлдә донъя яңғыратып күк күкрәй, балалар ҡошҡа әйләнеп осоп сығып китә. Икенсе бер вариантта улдары әсәләренә намаҙ уҡырға ҡамасаулап, ҡытыҡлап, төрткөсләп йонсота. Әсәләренең ҡарғыш һүҙҙәре «шул уҡ сәғәттә» донъяға аша, малайҙар ҡошҡа әйләнә.

Сәсмә формала яҙып алынған икенсе текста иһә игеҙ балалар әсәләре икмәккә тип ҡуйған ҡамыр менән бер-береһенә бәрешеп шаяра. Был вариантта ла информант үҙенән асыҡлау һүҙҙәре өҫтәй: «электән килгән ғәҙәт буйынса, икмәк иң ҡәҙерле нәмә бит ул, уның менән шаярырға ярамай». Балалары ҡамыр менән шаярғанды күргән әсәләре: «икмәкте ни эшләп рәнйетәһегеҙ? – тип, күҙ йәше менән уларҙы ҡарғай. Барыһын да күҙәтеп торған Аллаһы Тәғәлә, уларҙың әсәләрен ҡыҙғанып, «уға ярҙам итмәк булып, йәшен йәшнәтеп, күк-күкрәтеп, был ике баланы көндөң яҡтыһы айырырлыҡ итеп яратып, икеһен ике ҡошҡа әйләндергән дә ҡуйған». Бер вариантта иһә әсәләре ҡыҙы менән малайына һыу килтеререргә ҡуша [12, 127-129-сы б.б.]. Балалары уны тыңламайынса, әсә ҡарғышы алһа, үҙ-ара шаярып, һуғышып, ҡарғыш алған варианттар ҙа осрай [24, 108-се б.; 26, 13-сө б.]. Бәйеттең бер нисә вариантында әсәһе балаларын күкрәк һөтө менән дә ҡарғай, бындай ҡарғышты кире ҡайтарып булмай, тиҙәр, боронғолар [7, 321-322-се б.б.; 17, 164-166-сы б.б.;18, 183-186-сы б.; 25, 17-19-сы б.б.].

Ҡайһы бер варианттарҙа бәйеттең башында балаларҙың йөрәктәре ярылыуы тураһында әйтелә [7, 321-се б.; 21, 100-сө б.; 26, 17-се б.], һуңынан ғына инде уларҙың ҡош образында осоп киткәндәре һүрәтләнә.

Бәйет варианттарының башланышы ла иғтибарҙы йәлеп итә. Әҫәр күпселек мәҙрәсәне һүрәтләүҙән башланһа, ҡайһы берҙәрендә ул бәйеттең уртаһында йә аҙағында бирелә [18, 183-186-сы б.б., 189-сы б.; 19, 46-47-се б.б.; 23, 444-се б., 465-се б.; 24, 78-79-сы б.б., 148-149-сы б.б.; 25, 29-30-сы б.б.; 26, 11-12-се б.б.]. Варианттарҙың береһендә мәҙрәсә быяла ишекле [19, 46 б.], икенсеһендә мәҙрәсә ишегенең тоҡҡалары алтын [22, 118-се б.], ҡайһы вариантта мәҙрәсә мәсет тип тә бирелгән [14, 176-сы б.].

Балаларҙың ҡарғыш алғас өйҙән сығып китеү мәле лә төрлөсә күрһәтелә. Бер вариантта улар шунда уҡ осоп сыҡһалар, ҡайһы берҙәрендә төн уртаһында, йә иһә әсәләре тороуға ҡошҡа әйләнәләр. Мәҫәлән:

Йөрөйбөҙ өйҙә осоп, ҡош булып ҡанат сәсеп.

Ҡош булғас ҡарап торҙоҡ, тилмереп хайран булдыҡ [24, 83-сө б.].

Бер вариантта балалар икеһе ике тәҙрәнән осоп сығып китә, йә тәҙрә башына ҡуна, йәиһә ишектән үҡ икеһе ике яҡҡа оса.

Бәйет варианттарының йөкмәткеһендәге айырмалары балаларҙың ҡошҡа әйләнеп осҡандан һуңғы хәлдәрен һүрәтләгәндә лә күренә. Мәҫәлән, ҡайһы бер варианттарҙа улар ҡошҡа әйләнгәнсе өйҙәге ваҡиғалар һүрәтләнһә, икенселәрендә ҡарғыштан һуң урманда булған хәлдәре тасуирлана.

Персонаждар йәһәтенән дә «Саҡ-Суҡ” бәйете варианттарында төрлөлөк күҙәтелә. Ғәҙәттә әҫәрҙә әсәй, үгәй әсәй, атай, ике бала, ике ул, ике ҡыҙ, йәиһә малай менән ҡыҙ һүрәтләнһә, Әлшәй төбәгендә яҙып алынған вариантта апай образы ла урын алған:

...Илама, апайым, әңкәй доғаһы,

*Илама, апай, әңкәй ҡарғаны...[*18, 145-се б.]

Балалар осоп киткәс, күп осраҡтарҙа инде ҡауышабыҙ тигән генә саҡта, таң ата йәиһә тау ҡалҡып сыға. Күп варианттарҙа тауҙың исеме бирелмәй, бары тик сәсмә формала һаҡланып килгән бер генә вариантта ул тауҙың исеме Ҡаф тип әйтелә [26, 13-сө б.] һәм ул донъя мифологияһында йыш осрай. Мәҫәлән, башҡорт әкиәттәренән тыш, ғәрәп әкиәттәрендә («1001 төн”, «Шахнамә”), фарсы мифологияһында Ҡаф тауы - киң таралған легендар тау. Ул башҡорт мифологияһында ер ситендә торған ҙур тау итеп күҙаллана [5]. Унда төрлө алама йән-ейәләре (аждаһалар, дейеүҙәр һ.б.) йәшәй, имеш. Мәҫәлән, башҡорт халҡының «Ҡаһарман батыр” әкиәтендә дейеүҙәр ҡыҙҙарҙы урлап Ҡаф тауына алып китһә, «Алтындуға” әкиәтендә батыр егет дейеүҙе Ҡаф тауында еңеп, уның ҡыҙына өйләнә [5]. Халыҡ ижадында Дәжжәл иманһыҙҙарҙы эйәртеп Ҡаф тауы артына алып китә икән, тигән ышаныу йәшәй [4, 124-се б.]. МеҢ йыл йәшәгәндән һуң аждаһа юхаға әүерелеп өлгөрә алмай, сөнки Аллаһы Тәғәлә яратыуы менән болот уны күтәреп Ҡаф тауының артына алып барып ташлай икән [3, 50-се б.]. «Суфий» журналында иһә донъя ситендә урынлашҡан Ҡаф тауының ун бер тауҙан тороуы, һәм был тауҙың башында Туба исемле бөйөк ағаста оя ҡороусы Сәмреғош йәшәгәнлеге хаҡында бәйән ителә [1].

Шулай итеп, был мәҡәләлә БашДУ-ның фольклор кабинетында һаҡланған, 1958–1980 йылдарҙа яҙып алынған «Саҡ-Суҡ” бәйете варианттарына бер ни тиклем күҙәтеү яһалды. Күренеүенсә, архивта бәйеткә бәйле ҡыҙыҡлы материалдар һаҡлана. Уларҙы өйрәнеү, варианттар араһындағы айырмалыҡтарҙы, оҡшашлыҡтарҙы табыу, донъя мифологияһы менән сағыштырма планда тикшереү, бәйеттең тел үҙенсәлектәрен өйрәнеү артабан да дауам ителәсәк.

Әҙәбиәт

1.Архив электронного журнала «Суфий»: на русском языке [Электронный ресурс]//URL:https://oldsufiwebzine.wordpress.com

2.Википедия: свободная электронная энциклопедия: на русском языке [Электронный ресурс] // URL: https: //ru.wikipedia.

3.Башҡорт халыҡ ижады: Йола фольклоры. I том / Төҙ., баш һүҙ, аңлатмалар авторҙары Ә.М. Сөләймәнов, Р.А. Солтангәрәева. - Өфө: Башҡортостан «Китап” нәшриәте, 1995. - 560 б.

4.Башҡорт халыҡ ижады. Совет осоро. Әкиәттәр. Риүәйәттәр, хәтирәләр. Сәсәндәр ижады. 2 китап / Төҙ. Н.Т. Зарипов, Ә.М. Сөләймәнов. - Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1982. - 424 б.

5.Башкирская электронная энциклопедия: на русском языке [Электронный ресурс]//URL: http://башкирская-энциклопедия.рф

6.Бәк фф[1] № 10, 1958 йыл.,314-315 бб.

7.Бәк фф № 11, 1958 йыл. Төрлө райондар, II экз., 321-322 бб.

8. Бәк фф № 23, 1960 йыл. Дәүләкән, Ейәнсура. II экз., 224-226 бб.

9.Бәк фф № 28, 60-сы йй. Бәйеттәр, 218-333 бб.

[1] Башҡорт дәүләт университетының башҡорт әҙәбиәте кафедраһы фольклор фонды

10.Бәк фф № 77, 1967 йыл, Миәкә-Әлшәй, 205-238 бб.
11.Бәк фф № 78, 1967 йыл, Миәкә-Әлшәй, 202 бб.
12. Бәк фф № 80, 1960- 1975 йй., Салауат районы, ҡалаһы (Ишембай - 1 дәфт.), 127-129 бб.
13. Бәк фф № 82, 1969 йыл, Күгәрсен, Баймаҡ райондары. I экз., 121-123 бб.
14. Бәк фф № 83, Йылайыр районы,176 бб.
15. Бәк фф 85, 1970 йыл. Йылайыр районы, 34-35 бб.
16. Бәк фф № 87, 1960 - 1975 йй., Баймаҡ районы, Т. 2., 268-272 бб.
17. Бәк фф № 88, 1971 йыл., Миәкә районы, 164-166 бб.
18.Бәк фф № 91. 1971 йыл, Миәкә, Әлшәй райондары, 145-189 бб.
19. Бәк фф № 92, 1973 йыл. Әбйәлил районы. 3 томда. Т. 3., 46-47 бб.
20. Бәк фф № 94, 1974 йыл. Әбйәлил, Баймаҡ райондары, 238-240бб.
21. Бәк фф № 96. 1975 йыл. Төрлө райондар, 100 бб.
22. Бәк фф № 97. 1975-1977 йй. Төрлө райондар, 117-118 бб.
23. Бәк фф № 101, 1975 йыл. Мәләүез, Күгәрсен райондары, 444-465 бб.
24. Бәк фф № 102. 1977 йыл. Балаҡатай, Ҡыйғы, Мәсетле райондары, 72-183 бб.
25. Бәк фф № 104. 1975-1977 йй. Төрлө райондар, 17-108 бб.
26.Бәк фф № 105. 1975-1977 йй. Төрлө райондар, 11-13 бб.

Хусаинова Г.Р., г. Уфа

О ПЕРЕВОДЕ КИРГИЗСКОГО НАРОДНОГО ЭПОСА «МАНАС» НА БАШКИРСКИЙ ЯЗЫК

В советское время переводческая работа была очень актуальна и востребована. Творческое наследие многих писателей переведено на языки народов СССР и стало достоянием большой многонациональной страны. Реже, но переводились на языки разных народов и фольклорные произведения, особенно сказки. Однако перевод эпосов на языки народов России, тем более СНГ, не практиковался. Для введения во всероссийский научный оборот эпосы народов России переводились на русский язык, а в международный – на английский язык.

В рамках Программы празднования десятилетия олонхо как шедевра нематериальной культуры ЮНЕСКО возникла идея перевода олонхо на языки народов России, которая была предложена руководством Института олонхо СВФУ им. М.К. Аммосова и поддержана многими республиками. На правительственном уровне Республики Саха (Якутия) утвержден график взаимопереводов эпосов между республиками, в том числе с Республикой Башкортостан за подписью Заместителя Премьер-министра Правительства Республики Башкортостан С.Т. Сагитова.

Однако первый взаимоперевод эпосов состоялся между Якутией и Киргизией в 2014 году.

В 2015 году по заданию Государственной научно-технической программой Академии наук РБ «Стимулирование инновационной деятельности в Республике Башкортостан» группой сотрудников Института истории, языка и литературы УНЦ РАН под руководством профессора Ф.Г.Хисамитдиновой осуществлен перевод киргизского народного эпоса «Манас» на башкирский язык. Статья о проблемах и сложностях при работе над этим переводом была опубликована в прошлом году основными переводчиками [Хуббитдинова, Юлдыбаева, Хакимьянова, 2015]. Данная статья нацелена на продолжение изложения мыслей по переводу киргизского эпоса «Манас» на башкирский язык еще одного переводчика – автора этих строк.

Героический эпос «Манас» - величественный памятник духовной культуры киргизского народа, который “повествует о многочисленных битвах и походах народных героев – Манаса, его соратников и потомков. Это цепь бесконечных походов и приключений, разнообразнейших сюжетных событий, раскрывающих психологические переживания героев, рисующих быт народа, сватовства и женитьбы, празднества и обряды” [с. 53].

Как правильно отмечают предыдущие переводчики: «идейно-художественное своеобразие, и тематика, и драматизм описываемых событий, связанных с яростной схваткой

с внешним врагом, близки духу башкирского народа. Они нашли свое эпическое перевоплощение в таких башкирских эпосах как «Урал-батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыу-хылу», «Таргын и Кужак», «Ек-Мэргэн», «Кусяк-бий», «Карасакал» и. др.» [Хуббитдинова, Юлдыбаева, Хакимьянова, 2015. С 333]. Поэтому для башкирского переводчика эпос «Манас» является родным по содержанию эпическим памятником.

Переводчикам «Манаса» на башкирский язык было и легко, и трудно: легко, потому, что перевод текста делали с оригинала, а киргизский и башкирский язык относятся к тюркской группе и их лексический состав довольно схож, трудно потому, что эти языки не имели прямых контактов, поэтому в каждом из них образовались разные напластования.

Естественно, при переводе произведения переводчики столкнулись со множеством проблем. Для достижения эквивалентности перевода эпоса “Манас”, прежде всего, необходимо было сделать подстрочник. Поскольку издание будет адресовано широкой аудитории, из подстрочника нужно было сделать понятный текст, соответствующий оригиналу, с сохранением колорита и выразительности переводимого произведения. Сложность возникала и из-за множества этнокультурных реалий. Это названия предметов обихода (торко – ебәк тауар, кыл кыяк – двухструнный смычковый инструмент), военная лексика (соот – военная одежда, калча-телохранитель, чор- соратник), слова, связанные со скотоводством (аркар – горный баран, кебәә – ягненок, күлүк - скакун), слова, определяющие социальный статус человека (эр, бек, кан) и т.д.

При переводе приходилось сталкиваться с трудностью выбора подходящего слова из-за его полисемантичности. В этом случае выходили из положения по смыслу предложения.

Сложно было работать и с устойчивыми выражениями. Например, “*кызыл тупөк, сыр найза*” в киргизском фольклоре соответствует выражению “*крашеная пика красным бунчуком*”, а в башкирском языке это “*буялған һөңгөлө ҡыҙыл таяҡ*”. Здесь читателю необходимо объяснить, что бунчук – это палка привязанная к хвосту коня турецкого паши как знака правителя [с. 113]

Историческая и языковая общность двух тюркских языков, при переводе эпоса позволили оставлять некоторые слова без изменений: *ат, болот, айбалта, мал* и т.п., или с небольшими фонетическими изменениями: *әжәл – ажал, ҡәбер – кабыр,ҡатын - катын* и т.п. Не составляет трудности для перевода общетюркская лексика с фонетическими вариантами: *көр – күр, көз – күз*,и наоборот; *үй-өй, үмүт – өмөт*;;буква “у” – в “о”: *бузулду – боҙолдо, туйгун – тойғон;* буква “и” – в “е”: *киши – кеше.* Проблемы возникали и с собственными именами. Например, если имена *Жакып (Яҡуп), Жолой (Йолой), Кылжейрен (Ҡылйерән), Көкжал (Күк ял*) не вызывали трудностей при превращении на башкирский, то именам *Акеркеч, Ажыбай, Сурданбай* сложнее было выбирать башкирские параллели. Не всегда удавалось находить переводы слов, обнаружились некоторые трудности, заключающиеся в фонетике, грамматических особенностях киргизского языка. Работу по переводу затруднили также архаические слова киргизского языка. В то же время встречались созвучные. Так слово “груша” по киргизски – “*алмурут*”, а по-башкирски – “*армыт*”. Некоторые слова приходилось оставлять как есть из-за отсутствия соответствующего слова: *беренге* (вид беркута); из-за лишних слогов: *тарыкты* вместо “*һаранланды*”, понятного по смыслу из предложения.

Традиционно эпос имеет поэтическую форму, а переводчику необходимо сохранить его, т.е создать новый поэтический текст, эквивалентный оригиналу по его концептуальной и эстетической информации, но в соответствии с нормами башкирского языка, потому что “текст перевода – это речевое произведение на переводящем языке, и в нем должны соблюдаться правила нормы этого языка” [с. 75].

Литература

Богданова Мэдине. Киргизская литература: очерк. М.: Советский писатель, 1947. 292 с.

Русско-башкирский словарь: в 2 т. / Под. ред. З.Г. Ураксина. Том I. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. 808 с.

Санжеева Л.Ц. Бурятский эпос в аспекте переводческого анализа // Эпосы народов мира: проблемы и перспективы сравнительного изучения: сборник тезисов по материалам Международной научной конференции (Якутск, 18-19 июня 2015 г.) [редкол.: В.Н. Иванов (отв. Ред.) и др.]. Якутск: Издательский дом СВУ, 2014. 147 с. С. 75.

Чайчина Е.В. , г. Горно-Алтайск

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КОМПОНЕНТОВ ПАРНЫХ СЛОВ В АЛТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В безаффиксальном образовании имен существительных в алтайском языке выделяются следующие способы: 1) словосложение; 2) лексикализация словосочетаний; 3) переход словосочетания в сложное слово при его одновременной аффиксации, 4) конверсия; 5) лексико-семантический; 6) аббревиация.

Из выделенных способов не все обладают одинаковой продуктивностью. Самыми продуктивными способами словообразования являются способы словосложения и лексикализация словосочетаний. Менее продуктивными переход словосочетания в сложное слово.

Словосложение — способ словообразования, который заключается в соединении двух или редко нескольких простых основ в одно сложное слово. Выделяются два способа словосложения: словосложение с сочинительным отношением компонентов (образование парных слов); словосложение с подчинительным отношением компонентов (сложение с атрибутивным отношением компонентов).

Настоящая статья посвящена лексико-семантическим взаимоотношениям компонентов парных слов в алтайском языке.

Словосложение с сочинительным отношением компонентов в современном алтайском языке характеризуется равноправным включением исходных компонентов в образованную сложную основу. Продуктом этого способа является парное слово, которое характеризуется тем, что обе исходные основы равноправно включены в образованную сложную основу, исходные основы находятся в общем семантическом поле. Сложная основа в одних случаях имеет более отвлеченное значение, а в других — большую собирательность, иногда сумму исходных значений [3, с. 35].

Парным словам присуща двусоставность. Составные компоненты многих парных слов лексически разнозначные. Они всегда относятся к одной и той же части речи и даже во многих случаях оформляются одинаковыми морфологическими показателями.

Парные слова по семантике также имеют свои отличительные особенности, так, общее значение парного слова может быть: а) шире, чем значения составляющих парное слово компонентов, например: *калганчы сöс* ‘вердикт’ (*калганчы* ‘последний’, *сöс* ‘слово’); б) приблизительно равным, но более обобщенным: *јол-јорык* ‘путешествие’ (от *јол* ‘путь, дорога’, *јорык* ‘путь, путешествие, поездка’).

В некоторых парных словах существует твердый порядок расположения компонентов. Например: *аҥ-куш* ‘звери’ (от *аҥ* ‘зверь’, *куш* ‘птица’); *агаш-таш* ‘деревья и камни’ (от *агаш* ‘дерево’, *таш* ‘камень’); *ич-карын* ‘внутренности’ (от *ич* ‘живот, брюхо’, *карын* ‘живот, желудок’); в этих парных словах компоненты располагаются только в таком порядке, а не наоборот — **куш-аҥ*, **таш-агаш*, **карын-ич*. Однако у других парных существительных порядок расположения компонентов допускает вариантность: *айак-казан* — *казан-айак* ‘посуда’, *эрмек-куучын* — *куучын-эрмек* ‘беседа’ и т.д.

Причиной возникновения парных слов являются 1) следствие языковых контактов, например: *албаты-јон* ‘народ, племя’ (от *албаты* (*монг.*) ‘народ, поданные’, *јон* (*монг.*) ‘1. народ; 2. общество’; 2) передача экспрессивных значений для выражения эмоциональной окраски «с оттенком фамильярности пародирования» [5, с. 308]: *баскын-тоскын* ‘бродяга’ (от *баскын* ‘бродяга’); 3) потребность в формировании новых слов для обозначения более

обобщенных, собирательных, абстрактных понятий и ряда других значений: *болуш-акча* ‘материальная помощь’ (от *болуш* ‘помощь’, *акча* ‘деньги’) и т. д.

Албаты-јон *јуулыжып туру, Алтын белек алыжып туру* (заг.) ‘Собирается народ, Обменивается золотом дружбы’; *Јадын-јўрўм эм тургуза амыр,* ***албаты-јон*** *токуналу* (ЛК, ЈП, 61) ‘В настоящее время жизнь, благополучна, народ спокоен’; ***Баскын-тоскын*** *дешпегер, Барагашта айлым бар* (АЈ, 179) ‘Не говорите, что я бродяга, в Барагаше дом есть’.

Также парные слова в алтайском языке могут классифицироваться еще по лексико-семантическому взаимоотношению компонентов. Выделяются следующие типы:

1. I тип – компоненты парных слов имеют реальное значение и относятся друг к другу как синонимы.

Синонимичные парные существительные образуются путем сложения двух полных (тождественных) синонимов или же близких по значению слов.

Характерной особенностью синонимичных парных слов является наличие в них обобщающего собирательного значения, вытекающего из соединения названий конкретных предметов и явлений действительности: *ый-сыгыт* ‘плач’ (от *ый* ‘плач’, *сыгыт* ‘причитание’); *јуу-согуш* ‘война, битва’ (от *јуу* ‘война’, *согуш* ‘битва’); *ийде-кўч* ‘сила’ (от *ийде* ‘мощь’, *кўч* ‘сила’); *ёён-ёч* ‘злоба, месть’ (от *ёён* ‘гнев’, *ёч* ‘месть’); *меке-тёгўн* ‘ложь’ (от *меке* ‘хитрость, обман’, *тёгўн* ‘обман’); *оору-тыму* ‘болезнь’ (от *оору* ‘болезнь’, *тыму* ‘болезнь, нездоровье’): *Бастыра албаты* ***ёён-ёч*** *јок јуртазын деп амадайт* ‘[Он] желает, чтобы весь народ жил без злобы, мести’; ***Ый-сыгыт****, уйлардыҥ мёёрёжи ле койлордыҥ маараҗы кижиниҥ кулагын тундурып, эки јанындагы тууларга јаҥыланып, ыраакка угулып турды* (ИШ, КЈ, 231) ‘Слышались вдалеке плач, мычанье коров и блеяние овец, оглушая людей и отдаваясь в горах с двух сторон’; *Айландыра калак-корон,* ***ый-сыгыт*** (АА, ЎЧК, 41) ‘Вокруг горе, плач’; *Гранаттарла ёткўрген* ***јуу-согуш*** *узак болбогон* (ВТ, К, 6) ‘Битва, проведённая с использованием гранат, длилась недолго’.

2. II тип – В данных парных словах оба компонента также обладают реальным значением и синонимичны друг другу, с той лишь разницей, что первый компонент относится ко второму как часть к целому или целое к части: *бичик-билик* ‘грамота’ (от *бичик* ‘книга’, *билик* ‘знание’); *айыл-јурт* ‘дом, семья’ (от *айыл* ‘дом’, *јурт* ‘селение, поселок’); *той-јыргал* ‘свадьба’ (от *той* ‘свадьба’, *јыргал* ‘гуляние, праздник’); *ада-ёбкё* ‘предки’ (от *ада* ‘отец’, *ёбёкё* ‘предок, фамилия’); *јер-телекей* ‘вселенная’ (от *јер* ‘земля’, *телекей* ‘мир, страна’); *кайа-таш* ‘скала’ (от *кайа* ‘скала’, *таш* ‘камень’): *Эбире* ***кайа-таш****, сай кумак јер* (СМ, ЧЧ, 65) ‘Вокруг скалы и земля с мелким песком’; *Једип барарда,* ***той-јыргалга*** *ончо неме белен, мал сойгылаган, керек дезе, отто јаан казандар да турган* (НБ, ЈК, 60) ‘Когда приехали, все было готово к свадьбе, коня закололи, даже на огне стояли большие казаны’; ***Ада-ёбёкё*** *айтканы, јакыганы ондый* (ЈК, КТ, 206) ‘Таковы повеления, наказ предков.

Данный тип в алтайском языке весьма продуктивен. Парные слова данного рода активно употребляются в устном народном творчестве, устной речи, художественной литературе.

3) III тип – сочетаются полнозначные компоненты с антонимической семантикой: *ада-эне* ‘родители’ (от *ада* ‘отец’, *эне* ‘мать’); *ай-кўн* ‘погода’ (от *ай* ‘луна’, *кўн* ‘солнце’); *тон-ёдўк* ‘одежда’ (от *тон* ‘пальто’, *ёдўк* ‘обувь, сапоги’), *јер-суу* ‘земля-вода’ (от *јер* ‘земля’, *суу* ‘вода’); *куда-кудагай* ‘сваты’ (от *куда* ‘сват’, *кудагай* ‘1. сестра жены старшего брата; 2. сваха; 3. сватья’).

Примеры: ***Ай-кўн*** *ўрелер деп, радиоло айтты* ‘По радио передали, что погода испортится’; *Јоткон* ***тон-ёдўгин*** *суурып, илип, тёр јаар ётти* (ТШ, АЈ, 5) ‘Сняв и повесив одежду, Дьоткон прошел на почётное место в доме’; *Ўйи ачынала* ***эне-адазына*** *јўре берген* (ЭП, А, 30) ‘Жена обидевшись ушла к родителям’; ***Ада-энези*** *јёп бербеген* (АА, ЎЧК, 199) ‘Родители согласия не дали’.

Таким образом, исходя из нашей картотеки, можно отметить, что первый тип (компоненты парных слов имеют реальное значение и относятся друг к другу как синонимы) в алтайском языке более распространённый. Всего насчитывается более 50 парных слов этого типа.

Литература

Байжанова Н. Р. Образование парных слов в алтайском языке // Третья зимняя типологическая школа: Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Московская область, 29 января – 6 февраля 2002. Материалы лекций и семинаров. М.: РГГУ, 2002. С. 101-103.

Белякова А. В. О парных словах, образованных из синонимов // Филологические исследования (к 100-летию Т. М. Тощаковой). Горно-Алтайск, 2006. С. 52-57.

Наделяев В.М. Современный монгольский язык. Морфология. Новосибирск: Наука: Сибирское отделение, 1988. С. 35.

Тараканова И. М. Словообразование имен существительных в хакасском языке (в сопоставительном аспекте). Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008. – 174 с.

Татарская грамматика / редколлегия: М. Закиев (гл. ред.), Ф.А. Ганиев, К.З. Зиннатуллина. Казань: Татарское книжное издательство, 1993 т. I. с. 308

Условные сокращения цитируемых текстов

АА, УБТ — А. Адаров. Ölүмниң чаңкыр кужы. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1993.

АЈ — Алтай јаң. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская республиканская типография, 1996.

НБ, ЈК — Н. Бельчекова. Јайалганду кырларда. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1987.

ЛК, ЛП — Л. Кокышев. Јўс письмо. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1990.

СМ, ЧЧ — С. Манитов. Чалдыкпас чечектер. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1982.

ЭП, А — Э. Палкин. Алан. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1978.

ВТ, К — В. Тоенов. Кайыңаш. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1984.

ТШ, АЈ — Т. Шижин. Аңчылардың јери. – Горно-Алтайск: ГУП «Горно-Алтайская республиканская типография», 1993.

ИШ, КЈ — И. Шодоев. Кызаланду јылдар. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1972.

Чертыкова М.Д., г. Уфа

МЕЖСЛОВНЫЕ И ВНУТРИСЛОВНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЭМОЦИИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Выявление семантических оппозиций (противопоставлений) является одним из аспектов изучения внутренней структуры и закономерностей семантических процессов на различных уровнях значения глагольных единиц. Под семантической оппозицией мы понимаем противопоставленные взаимоотношения двух языковых явлений или же внутрисловных дифференциальных признаков. Противопоставление лексических единиц, состоящих в оппозиции, подразумевает содержание в их значениях не только общих, но и отличительных признаков, которые являются основаниями для сравнения. Под противопоставлением значений, в первую очередь, противопоставляются антонимы. Ю.Н.Караулов выделяет четыре типа таких оппозиций: нулевая оппозиция (отношения тождества), привативная оппозиция (отношения строгого включения), эквиполентная оппозиция (отношения пересечения множеств), дизъюнктивная оппозиция (отношения при отсутствии у множеств общих элементов) [Караулов, 106]. Из перечисленных словесных семантических оппозиций мы вслед за З.Д. Поповой, И.А. Стерниным считаем наиболее важными для глагольных лексико-семантических групп (ЛСГ) привативные оппозиции, поскольку «они конструируют структуру группы и придают ей иерархический характер» [Попова, Стернин, с. 62]. Как отмечает Э.В.Кузнецова, «все элементы группы – слова – привативно связаны с базовыми, опорными словами» [Кузнецова, с. 76].

Межсловные семантические оппозиции проявляются, прежде всего, в антонимических отношениях. Подобные оппозиции рассматриваются как лексические единицы, выражающие категорию противоположностей ядерных или периферийных сем. В отношениях семантической противопоставленности состоят как отдельные глаголы (**өрін-** «радоваться» = **пичелен-**

«печалиться», **хатхыр-** «смеяться» = **ылға-** «плакать» и др.), так и семантические подгруппы и синонимические ряды глаголов, например, глаголов со значениями любви (базовый глагол **хын-** «любить») и ненависти (базовое фразеосочетание **пу харахтаң көрбе-** «ненавидеть; *букв.* этими глазами не видеть»). Следует отметить, что отношения антонимии в ЛСГ глаголов эмоции развиты лишь постольку, поскольку позволяют качественные характеристики выражаемых эмоций.

Внутрисловные семантические оппозиции глаголов мы выделяем по следующим критериям:

1) длительность / краткость испытываемых субъектом эмоциональных переживаний. В зависимости от контекста в одном глаголе данные семы продолжительности или кратковременность действия могут быть привнесены морфологическими способами. Например, глагол **уйат-** «стыдиться» в разных контекстах имеет различные грамматические значения. *Че хакас полчатханынаң пос тілінең уйатчатхан кізілерге сöстерім читпес* (Хч, 8) – Но у меня не хватает слов для тех, кто стесняется своей национальности и своего языка. *Ол позының сағыстарына саңай уйат парыбысхан* (Хч, 4) – Он сильно застеснялся из-за своих мыслей. В первом случае в глаголе *уйатчатхан*, представленном в форме причастия, длительность действия маркирован аффиксом **-чатхан.** Во втором предложении глагол **уйат- парыбысхан** выражает кратковременность, мгновенность действия, что обусловлено значением вспомогательного глагола **пар-** и аффикса совершенного вида **-ыбыс-**.

Таким образом, внутрисловные семантические отношения являются распространенным явлением как в семантической структуре отдельного глагола, так и представителей отдельных подгрупп и синонимических рядов, например, **айа-** «1) жалеть; 2) щадить (постоянно)» и **айабыс-** «пожалеть, пощадить в определенной ситуации»; **ачын-** «1) жалеть; 2) щадить; 3) испытывать нежные сердечные чувства».

В семантике некоторых глаголов заложена сема постоянства переживаемых чувств. Мы говорим чувств, поскольку термины «чувство» и «эмоция» не равнозначны, а различаются именно по продолжительности испытываемых внутренних переживаний субъекта. Для глаголов и фразеосочетаний со значением любви к лицу противоположного пола: **хын-** в ЛСВ «любить кого-л.», **кööлен-** «1) любить кого-л.; 2) испытывать чувство влюбленности к лицу противоположного пола»; **көңіне кір-** «(*букв.* входить в душу), нравиться»; **чӳрекке чат-** «нравиться; *букв.* ложиться на сердце» характерна сема продолжительности чувства. *Ол сағаа хара кічігдең сығара хынча* (Хч, 167) – Он любит тебя с самого детства. *Алып кізі. Андағ ирге ноо даа ипчі хынар* (Хч, 7) – Мужчина-богатырь. Такого любая женщина полюбит. *Хыс чахсы пілче Курдейнің ипчілшин, ноға андағда позы ренге кööленче* (Сс, 9) – Красавица – девушка знает, что Курдей женат, тогда почему же любит его;

2) направленность / ненаправленность эмоционального переживания. Здесь имеется в виду направленность эмоционального переживания на (социативный) объект и выражение эмоционального действия или его характеристики: *чиңіске örін-* «радоваться победе» = *пабам örінче* «[мой] отец радуется»; *палаа кӳлін-* «улыбаться ребенку» = *Катя ökерек кӳлінче* «Катя красиво улыбается» и т.д.

Также существует третья группа глаголов, занимающие промежуточное положение, их большинство. Однако, сразу оговоримся, что круг глаголов, относящихся ко второй группе невелик, например, **мöңіссіре-** «унывать, быть грустным», *изі чохтан-* ***«1)*** *чувствовать себя плохо, не по себе; 2) расстраиваться; 3) недомогать; 4) не давать покоя»,* **ирееле-** в ЛСВ «испытывать жизненные неудобства, невзгоды, лишения» и др. В семантике этих глаголов доминирует сема самочувствия субъекта.

В синтаксическом окружении глаголов со значением эмоции объектная позиция обязательна. Имена или зависимые придаточные предложения с семантикой причины или каузатора эмоционального переживания в конструкциях присутствуют в различных формальных выражениях: при помощи связки тіп, формы дат. п., послелога ӳчӳн «из-за» и т.д. Если целью высказывания является обозначение самого процесса эмоционального переживания, характер его протекания или состояния субъекта, то глагол может обойтись без указания на объект. Мағаа ол кӳлінмеен дее, миннең чоохтаспаан даа (Д, 36) – Он мне даже и не улыбался и не разговаривал со мной. Рабият Икеновна **сӳӳледе ылғабысхан** (Хт, 38) – Рабият Икеновна заплакала навзрыд. Пірее ниме кирек полза, син сур тур, уйатпа (Сс, 187) – Если что нужно, ты

спрашивай, не стесняйся. В таких предложениях акцентируется внимание, прежде всего, на настроении субъекта. Как отмечает С.Е. Мельникова, существование безынтенциональных и промежуточных групп глаголов чувств обусловлено тем, что к эмоциональной жизни человека относятся не только чувства, но и настроения, аффекты, которые представляют собой эмоциональное самочувствие человека, не направленные специально на какой-то определенный объект [Мельникова, 1969: 64].

Рассмотренные здесь семантические оппозиции в семантике хакасских глаголов эмоции являются наиболее устойчивыми, в некоторой степени зависимыми от грамматических процессов.

Литература

1. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы изучения): учебное пособие. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1984. – 172 с.
2. *Караулов Ю.Н.* Словарь как компонент описания языков // Принципы описания языков мира. – М., 1976а.
3. *Кузнецова Э.В.* Лексикология русского языка: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1982. – 216 с.
4. *Мельникова С.Е.* О глаголах чувств в современном русском языке // Лексико-грамматические проблемы русского глагола. – Новосибирск: Западно-сибирское книжное изд-во, 1969. – С. 60-74.

Список иллюстрационных источников

Д – Айтматов Ч. Джамиля. Абакан: Хак. кн. изд-во, 1992. – 285 с.
Сс – Туран М. Сайалбаан сӱрместер. – Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1972. – 32 с.
Хт – Хан тигір. Альманах. № 2. – Ағбан, 1995, 133 с.
Хч – Кобяков В., Топанов А. Хызыл чазы. – Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1982. – 252 с.

Шайхисламова З.Ф., г. Уфа

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ В ЭТНООНТОЛОГИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

В данной статье аспекты национального мировидения в этноонтологической интерпретации номинативных принципов в контексте топонимических систем Урало-Поволжья впервые рассматриваются в единстве с отражением в башкирских пословицах и поговорках компонентом, которых являются географические термины. Мы разделяем точку зрения О.А. Корнилова о понятии «языковая картина мира», которая охватывает широкий круг вопросов, связанных с представлением лексики национального языка в качестве результата отражения мира обыденным сознанием, в качестве основного «строительного материала» «дома бытования» духа народа, что предполагает выход за рамки семиотического и инструментального подходов к языку. При таком подходе важным элементом является характер зависимости результатов лексикализованных интерпретаций внешнего мира от среды бытования конкретного этноса и от структуры человеческого сознания [более подробн.: Корнилов, 2003].

Язык приобретает в сложившейся ситуации конкретное жизненно важное содержание потому, что вместе с внедрением языковых шаблонов в сознание проникают и мировоззренческие установки [подроб. Шайхисламова, 2015].

Как подметил Е.И. Зеленев, “ментальность и ментальное поле культуры – весьма популярные категории теории культуры. Они характеризуют умонастроения людей по основным параметрам образа жизни. Геокультура, располагаясь внутри культуры, имеет в качестве аналога ментальности геокультурное поле с многообразными внутренними подструктурами, что позволяет наряду с единственным числом этого понятия использовать множественное – геокультурные поля.

Геокультурные поля содержательно наполнены образами – системами знаков, символов, характеристик, универсальными, ключевыми понятиями и иными вербально оформленными явлениями культуры. Таким образом, появляется возможность фиксировать геокультурные коды развития и форм деятельности в рамках тех или иных геокультурных

пространств. В геокультурных полях достигается максимальная свобода категоризации явлений культуры с учетом их местоположения” [Зеленев, 2012. с. 295].

Продолжая эту мысль мнением других исследователей, отметим, что Образ геокультуры является максимально дистанцированным и опосредованным представлением «рельефа» культуры [Замятин, 2000].

Наше исследование базируется на изучение мировоззренческого осмысления окружающей объективной действительности на материале башкирских пословиц и поговорок компонентом, которых являются географические термины. В паремиях с компонентом географический термин заложен пространственно-временной код – один из основных, как считают его многие исследователи, базовых кодов культуры башкирского этноса. В целом, башкирские пословицы и поговорки с компонентом географический термин, как уже было отмечено нами, непосредственно связаны с духовным кодом культуры, который отражает нормы социального поведения, принятые в башкирской культуре и зафиксированные эксплицитно или имплицитно в семантике башкирских паремий. Топонимический код, основанный на символьных функциях географических названий, терминов, объединенный с духовным кодом, показывает национальную специфику стереотипы и утилитарные ориентации этических норм в башкирском языке.

Башкирские (тюркские) пословицы, если описать словами О.А.Корнилова о восточных пословицах, то они «тяготеют к возвышенному стилю, к поэтичности, что, как нам кажется, вполне соответствует самому статусу пословиц в национальной языковой картине мира: статусу нравственно-ценностных оценок любых социально значимых жизненных ситуаций и определенных моделей поведения человека в них, статусу информем коллективного опыта и образных предписаний поведения человека, формирующих национальную иерархию ценностей. Возвышенная поэтическая стилистика выражения столь значимого для любого народа ценностного смысла вполне оправдана. Башкирские (тюркские) пословицы стремятся впечатлить тех, кому они адресованы, неспешной манерой изложения метафоры, красотой созданного образа» [Корнилов, 2010, с.228].

Актуальность нашего исследования обусловлена и тем, как мы и раньше отмечали в своих работах, что пословицы, поговорки с древнейших времен играли важную роль в духовной жизни народа, имели большое познавательное, идейно-эстетическое значение, так как в них отражается духовный код культуры как в виде художественного воплощения, так и богатый жизненный опыт, и мировоззрение того или иного народа, в этом случае – башкирского народа, его нравственные идеалы и нормы гуманистической морали [см. подроб. Шайхисламова, 2015, с.96].

Образ геокультуры рассматривается в первую очередь в контексте процессов глобализации и регионализации [Зеленев, Корнилов, Замятин]. В этом ракурсе наш взгляд совпадает с точкой зрения Д.Н.Замятина о том, что по-видимому, «следует говорить о множественных геокультурах. Определенное место, регион, страна имеют свой геокультурный и одновременно образно-географический потенциал. Геокультурный потенциал измеряется силой проецируемых вовне специализированных географических образов, которые сосуществуют и взаимодействуют в различных геокультурных пространствах. Геокультурный образ — это система наиболее мощных, ярких и масштабных геопространственных знаков, символов, характеристик, описывающая особенности развития и функционирования культур и цивилизаций. Геокультурные образы относятся по преимуществу к экзогенным географическим образам, то есть к таким, в формировании которых большую роль играют смежные (соседние) образы. Например, в формировании геокультурного образа России «участвуют» географические образы Евразии, Восточной Европы, Балтийского и Черноморского регионов, Кавказа. Геокультурные образы определяют глобальные стратегии поведения наиболее крупных политических, экономических и культурных факторов. Так, политическое доминирование Китая в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии на протяжении длительного исторического периода было основано на трансляции и оседании (седиментации) китайских

культурных ценностей и образов на новых территориях и, зачастую, на достижении господства.

Топонимическая система, складываясь на протяжении длительного времени, представляет собой, по нашим наблюдениям, когнитивный «конгломерат», в котором отражены культура, языки, время и пространство, этапы и социально-исторические условия развития общества. Мы солидарны с мнением и других исследователей (О.Б. Абакумова, 2012, с.284) о том, что к средствам оценки и категоризации действительности отечественные исследователи относят культурные коды. Мы так же поддерживаем точку зрения тех ученых, которые в своем понимании культуры в первую очередь обращают внимание на её коммуникативную и символическую природу: «Культура имеет, во-первых, коммуникационную и, во-вторых, символическую природу… Одно из важнейших определений культуры характеризует её как негенетическую память коллектива» [Ю.М. Лотман, 1994, с. 6-8].

Важно отметить, что в основе методологического осмысления специфики становления и развития мировоззрения башкирского этноса лежит идея системной интерпретации освоения окружающей действительности через познавательный процесс: I. Природы (Неживой и Живой), II.Человека, (как физико-биологического существа), III.Общество (человек как единица государственной структуры, в идеологической системе общества, как единица функциональной жизни общества), общественных явлений, а также познавательного процесса IV. Познание (априори) [Халиуллина Н.У., Шайхулов А.Г. 2004, с.3-4].

Наше исследование в области изучения башкирской паремиологии с точки зрения когнитологии, в установлении методологических аспектов этнолингвистического изучения топонимической системы Урало-Поволжья в этноонтологическом осмыслении является первой попыткой. Башкирские пословицы, как и пословицы других народов, возникли в весьма отдаленные времена. В условиях древнего общества, когда не существовало средств материального закрепления мысли – письменности, обобщение и закрепление трудового опыта, житейских наблюдений в устойчивых словесных формулах было жизненной необходимостью. О древности пословиц свидетельствуют общетюркские письменные памятники, в которых запечатлены образцы паремического творчества. Например, в знаменитом памятнике XI в. – “Словаре тюркских наречий” (“Девону луготит турк”) Махмуд Кашгари (Кошгарий М. Девону луготит турк. Т.I. Тошкент, 1960; Т.II, 1961, Т.III, 1963) в числе общетюркских пословиц зафиксированы изречения, идентичные современным башкирским.

Важно также отметить, что анализ пословиц и поговорок в рамках когнитивных сфер, как мы полагаем, позволяет поставить во главу угла не только проблемы познания реального мира. Данный классификационный подход, впервые предложенный немецкими учеными Халмгом и Вардбургом, и продолженная в фундаментальных исследованиях идеографической характеристики материальной и духовной среды В.В. Морковкиным, Ю.Н. Карауловым и Ю.В. Шведовой, помогает очертить смысловой континуум для всех языков, на основе которого можно вести семасиологические и ономасиологические исследования в области лексической реконструкции как близкородственных тюркских языков, так и определенного региона- геокультурного пространства.

Литература

1. Абакумова О.Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. Монография. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012.- 354 с.

2. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007.- 288с.

3. Замятин Д. Н. Географические образы в гуманитарных науках // Человек. 2000. № 5. С. 81–88.

4. Зеленев Е.И. Постижение Образа мира: Монография /Е.И.Зеленев.- СПб.: КАРО, 2012.-336 с.

5. Корнилов О.А. Жемчужины китайской фразеологии/О.А.Корнилов.- 2-е изд., испр. и доп. – М.: КДУ, 2010.- 346 с.

6. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национального менталитета. 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003, с. 325.

7. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. – СПб, Издательство «Искусство - СПБ», 1994.- 758 с.

8.Телия В.Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов-знаков-микротекстов // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – (881с.) с. 674-684.

9. Шайхисламова З.Ф. Национальное мировидение в этноонтологической интерпретации номинативных принципов в контексте топонимических систем Урало-Поволжья, Казахстана, Сибири и Северо – Востока Российской Федерации: учебное пособие /З.Ф. Шайхисламова /под ред. Е.И. Зеленева, А.Г. Шайхулова. – Уфа: РИЦ Баш ГУ, 2015.- 184с.

10. Халиуллина Н.У., Шайхулов А.Г. Тюркские языки Урало-Поволжья в контексте алтайского языкового сообщества (Опыт лексико- семантического и идеографического словаря). Часть II. – Словарь односложных корневых основ тюркских языков Урало-Поволжья: монгольских, тунгусо-маньчжурских языков в рамках когнитивных сфер “Природа”, “Человек”, “Общество”, “Познание (априори)”.- Уфа: изд-во ”Восточный университет”, 2004, с.3-4.

Шайхулов А.Г., г.Уфа

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ СТРУКТУРЫ ТЮРКСКОГО КОРНЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ТИПОВ ОДНОСЛОЖНЫХ КОРНЕВЫХ ОСНОВ (К ПРОБЛЕМЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ КОРНЕВЫХ ОСНОВ АЛТАЙСКОГО СООБЩЕСТВА). I.

Конечная цель сравнительного исследования односложных корней и основ в указанных языках – выявление вначале их общесловарного фонда. Задача при этом заключается в том, чтобы предложить более или менее универсальный, наиболее общеприемлемый путь, методику в изучении их фоносемантических, морфонологических и идеографических систем. Естественно, данный подход должен быть методологически выверен и удобен для визуально-системного сопоставления указанных корней и основ в рамках словарного фонда близкородственных языков таксономического типа.

Примечательно при этом, с одной стороны – многочисленные публикации, так или иначе затрагивающие данную тему, что, естественно, свидетельствует о ее актуальности, с другой – проблема структуры корня, особенно глагольной основы, в тюркских языках до сих пор окончательно не решена. По крайней мере до сего дня далеко не все тюркологи согласны в вопросе: существуют ли в тюркских языках односложные глагольные корни, оканчивающиеся на гласный, т.е. корни типа [С+Г]. Одни тюркологи (Вл. Котвич) на основе сравнительного анализа тюркских и монгольских языков приходят к заключению, что структура корня в тюркских (и даже шире – в так называемых алтайских) языках может быть разных типов: от самых простых и односложных – [Г] , [С+Г] , [Г+С] – до более сложных – [С+Г+С], [(С)Г+С+С]. Другие ученые (Г. Вамбери, В.В. Радлов, И.А. Батманов, Н.А. Баскаков, А.М. Щербак и др.), напротив, утверждают, что только односложный корень, так сказать ”классического” типа, состоящий из [С+Г+С], является типом древнейшей структуры корня, т.е. “типичным корнем»” для тюркских языков. Ученые, придерживающиеся такого взгляда, считают что классическим и почти единственным первичным типом корня в тюркских языках мог быть только тип [С+Г+С] (например, глагольные основы: ***sal-, bar-, kel-*** и т.д.). Сторонники этого взгляда отвергают в общем возможность существования в тюркских языках первичного односложного корня, оканчивающегося на гласный, типа [С+Г]. Таким образом, в данном вопросе выявляются принципиальные расхождения среди тюркологов и алтаистов (сравн. Зайончковский, 196128).

В частности, Н.А. Баскаков (1952, 100) считает, что типичным корнем для каракалпакского языка (и других тюркских языков) являются, как уже выше было указано, корень, состоящий из [С+Г+С]. Этот тип корня представляет собой древнейшую структуру корня, из которой позже развивались три других типа корня этой группы. Так, выпадение начального согласного в корне типа [Г+ С] является результатом дедукции начального согласного [С>+Г+С...]. В корне же типа [С+Г] последний согласный выпал: [С+Г+(С)]. Возражая против теории В. Котвича о первичной двухзвуковой структуре тюркского корня, Н.А. Баскаков в предисловии к кн.: Котвич В. Исследование по алтайским языкам (М., 1962. – С. 17), замечает, что теория о первичности двухзвуковых корней остается пока слабо

мотивированной и факт наличия во всех приводимых сторонниками этой теории примерах долгих гласных (например, в туркменском языке) не подтверждает, а противоречит действительному положению вещей и указывает на более сложный процесс образования в некоторых языках корней типа [СГ].

Эта мысль Н.А.Баскакова была развита, как отмечают и другие исследователи (Мусаев, 1984, 86), в его более поздних трудах, в которых он утверждал, хотя и не очень уверенно, что гипотеза о первичности и типичности для тюркских языков корневой морфемы типа [СГ] , а не [СГС] не подтверждается также и частотностью данного типа корневой морфемы в большинстве древних и современных тюркских языков. Почти полное отсутствие корней типа [СГС] и наличие подавляющего количества корней типа [СГС] в каждом конкретном тюркском языке, – как в современном, так и в древнем, – и статистические данные соотношения их с корневыми морфемами других типов подтверждает скорее точку зрения о характерной для тюркских языков структуре корня, состоящей из закрытого слога с начальным и конечным согласным, т.е. о структуре типа [СГС]. Корни же иного типа, т.е. состоящие из [(С)Г(С)], [СГ(С)], [(С) ГС], [СГСС], [(С)ГСС] и пр. встречаются значительно реже и представляют собой, по всей вероятности, различные ступени развития фонетической структуры корневых морфем, исторически восходящих... к структуре типа [СГС]. В плане количественного соотношения Н.А.Баскаков (1979, 145-146) отметил, что структура [СГС] как в древних тюркских языках, так и в современных составляет свыше 76% всех структур корней.

В принципе допуская возможность в тюркских языках превращения трехфонемных односложных корней и основ в двухфонемные, мы в то же время не можем согласиться, вслед за А.Т. Кайдаровым (1986, 8), с категоричностью постановки вопроса об идеальном и исключительном положении односложных корней и основ типа [СГС] к которому возводятся все прочие разновидности корней. Во-первых, потому что эти изменения и сдвиги в структуре корней, как уже отмечалось, разноплановы и разнонаправленны: тип [СГС] и теоретически, и практически в языковом развитии вполне может превращаться в [ГС) или [СГ], впрочем, точно так же как и последние могут, наоборот, перейти в тип [СГС]. В каждом конкретном случае они могут иметь свои причины. Во-вторых, всякие изменения корневых морфем в сторону расширения или сужения их структуры представляет собой, как известно, результат вполне закономерных фономорфологических факторов, действующих на всем протяжении исторического развития тюркских языков. В таком случае, формирование корней согласно общепринятым структурным типам [Г], [СГ], [СГС], [ГСС], [СГСС] и последующее их перераспределение, как верно указывает А.Т. Кайдаров (1986, 8), относится к явлениям вторичного порядка, а потому и признание приоритета корней типа [СГС], к чему в свое время склонялся Г. Вамбери, не есть еше окончательное определение статуса изначального или пратюркского корня. Этот вопрос всегда был и до сих пор остается нерешенным до конца.

Занимая противоположную позицию изложенной выше концепции Н.А. Баскакова о первичности закрытосложных моносиллабов, в то же время А.Т. Кайдаров (1986 , 8) признает доминирующее положение структуры [СГС] среди других типов односложных корней и основ в казахском и в других тюркских языках на данном этапе их развития не только по количеству, но и по степени функциональной активности и древности. Но он испытал на себе, с чем мы полностью солидарны, сложный и длительный процесс агглютинативного развития тюркских языков, и вряд ли следует отнести его к изначальному, пратюркскому типу корней. Поэтому утверждение Н.А. Баскакова о трехзвучности тюркской корневой морфемы с обязательным закрытым слогом, на наш взгляд, нуждается в уточнении в хронологических рамках ее исторического развития. Также невыясненным кажется направление эволюционных изменений и развития структуры корня: от простого к сложному, или наоборот, от сложного к простому, или то и другое одновременно (сравн.: Кайдаров, 1986, 8).

Как бы то ни было, идея Н.А.Баскакова, заложенная в основу его учения о корнях, с одной стороны, важна в том смысле, что она может служить или точкой опоры, от которой можно отталкиваться исследователям во всех своих поисках, или конечной точкой, к которой они, возможно, придут в результате таких изысканий (надо заметить, что эта идея в

последнее время находит себе немало сторонников среди молодых ученых), а с другой – представляет интерес в том плане, что в ней нашли свое отражение такие аспекты изучаемой проблемы как структура и структурные типы моносиллабов, первообразные и вторичные корни, внутренние изменения и фономорфологические факторы (односложность / неодносложность, разложимость / неразложимость, самостоятельность / несамостоятельность, устойчивость / неустойчивость, семантическая изменчивость / неизменчивость) и др. (сравн.: Кайдаров, 1986. 8).

Компромиссное решение данной проблемы о первичности закрытосложных моносиллабов также имеет право на существование. В частности, И.В. Кормушин (1971. 11) совершенно справедливо пишет, что разрешение подобных вопросов требует постоянного привлечения количества фактов и всесторонней проверки гипотез. Так, названная проблема второго корневого согласного может получить иное решение, если предположить, что на разных этапах праязыкового состояния (здесь автор опирается на мысль Э.А. Макаева о необходимости “хронологической стратиграфии»”) существовали корни типа [СГ] (I-й этап), которые впоследствии получили приращение: [СГ┼С] > [СГС] (II-й этап), после чего уже у некоторых корней произошло падение второго согласного. Иными словами, указанные выше гипотезы, по мнению И.В. Кормушина, быть может, и не являются взаимоисключающими.

Первым ученым, указавшим на возможность возведения ряда тюркских корней к прототипу [СГ] был, как известно, В.В. Радлов. В своем теоретическом исследовании «Вводные мысли к описанию морфологии тюркских языков» (1906) он изложил учение о сплавлении морфологических элементов тюркского слова. Эта теория явилась итогом многолетнего успешного изучения дешифрованных в конце прошлого века енисейско-орхонских рунических памятников, древнеуйгурских памятников, а также языков малых тюркских народов Сибири.

Литература

1. Баскаков Н.А. Часть I. Части речи и словообразования. Каракалпакский язык. –М.,1952
2. Зайончковский А.К. К вопросу о структуре корня в тюркских языках: Глагольные основы моносиллабические (односложные) типы С+Г (согласный+гласный) // ВЯ, 1961, №2. – С. 28-35.
3. Кайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. – Алма- Ата: Наука, 1986. – 322 с.
4. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII-Ixвв.). – Л., 1980. – 254 с.
5. Кормушин И.В. Лексико-семантическое развитие корня * qa= в алтайских языках // Тюркская лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1971. – С. 9-29.
6. Манкеева Ж.А. Реконструкция первичных корней глагольных основ казахского языка. – Алма-Ата: «”Гылым»”, 1991. – 152 с.
7. Шайхулов А.Г. Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья в континууме ареальной, межтюркской и общетюркской лексики (Синопсис таксономия когнитивной сферы «”Природа (неживая и живая)»” в континууме обще- и межкультурной лексики). – Уфа, 2000. – 490 с.
8. Шайхулов А.Г. Лингвокультурологическая картина мира как составляющая истории становления тюркоязычных народов Урало-Поволжья в контексте золотоордынской цивилизации (на материале исторической лексики: аспекты типологических и генетически контактных связей). Монография. – Уфа, РИЦ БашГУ. – 2013. – 267 с.

Юлдыбаева Г.В., Өфө к.

БАШҠОРТ ХАЛЫҠ ИЖАДЫНДА КЕЙЕМ АТАМАЛАРЫ (ЭПОСТАР МАТЕРИАЛЫНДА)

Халыҡ ижады милләттең тарихи дәүерен, уның үҙаңын, әҙәби-эстетик ҡараштарын, рухи-мәҙәни мираҫын өйрәнеүҙә алмаштырһыҙыҙ уникаль сығанаҡ ул. Был мәҡәләлә башҡорт халҡының эпик мираҫы миҫалында кейем атамаларына бер аҙ күҙәтеү эшләнә. Ниндәй генә халыҡты алһаң да милли кейем уның матди һәм рухи мәҙәниәтенең бер өлөшө, милли төҫө. Кейем – ул халыҡтың йәшәү рәүешен, көнитмешен, миллилеген, дини үҙенсәлеген, ғаилә һәм ижтимағи рәүешен билдәләүсе. Борон-борондан кешенең кейеменә күҙ ташлау менән уның ниндәй ҡәбилә вәкиле булыуы беленгән. Башҡорт халыҡ ижадының

“Ҡара юрға”, «Алдар менән Зөһрә», «Ҡыпсаҡ егете менән башҡорт ҡыҙы» эпостары быға асыҡ миҫал.

Борон ялан башҡорттары мал аҫырау менән дан алһа, тау-урман яғы һунар, солоҡсолоҡ менән шөғөлләнгән, төньяҡ-көнбайыш халҡы башҡорттар иһә ер эшкәрткән. Шуға күрә тау-урман башҡорттарының кейемендә тире ҡулланылһа, һарыҡ аҫырарға яратыусы ялан башҡорттары кейеҙ менән мауыҡҡан. “Тарихи-этнографик әҙәбиәттә, айырыуса XIX быуат әҙәбиәтендә, башҡорттар ике ҙур төркөмгә – ялан һәм урман башҡорттарына бүлеп йөрөтөлгән. “Зөһрә менән Алдар” хикәйәтендә лә беҙ башҡорт халҡының ошо ике төркөмөн күрәбеҙ” [5, 17-се б.]. Был эпик мираҫта килгән һәр кешенең кейеменә ҡарап уның йәшәгән ер-һыуы, ырыуы, көнитмеше тураһында мәғлүмәт айырыуса аныҡ һүрәтләнә. Мәҫәлән, Ҡыҙрас ҡарт йыйынға килгән һәр ҡунаҡты кейеменә ҡарап аңлатма бирә. Күршеһендә, Ҡармасан буйында йәйләүсе башҡорттарҙың иркен йәйләүлектәрҙә, ишле мал-тыуар тотоп йәшәүҙәрен әйтеп, уларҙың “һарыҡтарының йөнө оҙон, ҡарҙай ап-аҡ була. Шуға ла улар, ...аҡтан ғына кейенгәндәр, – тип тасуирлаһа, “былары, Бөрө буйыныҡылар. ...Был илдең халҡы бик тә ҡорт аҫырарға һәүәҫ, һәр береһенең йөҙ, йөҙҙән ашыу баш солоғо бар. ...тик шуныһы бар, йыш ҡына уларҙы урман тулы айыуҙар йөҙәтә. Шуға күрә бындағы халыҡтар һунарға йөрөргә һәүәҫтәр. Ана бит, һәр береһенең башында йәш айыу тиреһенән генә тегелгән бүрек булыр” [5, 199-сы б.], – тигән билдәләмә бирә. Ҡыҙрас ҡарттың ҡыҙы Зөһрә лә атаһынан ҡалышмай, килгән ҡунаҡтарҙы һүрәтләп: ...иң бай халыҡтарҙың береһе, улар тәрән һыулы Дим буйындағы бик уңдырышлы туғайлыҡта йәйләп йөрөйҙәр. Ул йылға ялан яҡ йоҫоғонан ағып килә лә Ағиҙелгә ҡоя. ...һыуы балыҡҡа бай булғандай, халҡы мал-тыуарға бай. Аттары оҙон тороҡло, холҡо менән дә иң яҡшы йылҡы малынан һанала. Шул аттары менән улар далала төлкөһөн дә, бүреһен дә баҫтырып алалар. Шуға ла, һәр һыбайлының башында ҡара көрән төлкө бүрек. ... был халыҡ урмандан бигерәк далала йәйләргә ярата. Былары беҙҙең ырыуҙаштар, ...һунарҙары һуҫар аулау менән тейен атыуҙан ары китмәй. Ул һуҫарҙы инде улар ҡырып ҡына һалалар, шуға күрә һуҫар тунын һәр береһе йәйен дә кейә тиерлек. Иң шәп һуҫарҙы уларҙың ғәйнә ырыуында тоталар”, – ти ҡыҙ [5, 201-се б.]. Был эпостың төп геройҙары, Алдар менән Зөһрә, тәүге тапҡыр осрашҡас та, егет ҡыҙҙан үҙенең кейеменә ҡарап ҡайһы яҡтан икәнлеген билдәләүен һорай. Зөһрә батырҙың өҫтөндәге барыҫ туны, аяҡ кейеменә ҡарап, уның ялан яғынан килгәнлеген әйтә [5, 187-се б.]. “Ҡара юрға” эпосында ла Мәсем байҙың ҡыҙы Маҡтымһылыу Күсәрбайҙың улы менән осрашҡас, кейеменә иғтибар итеп, уның ялан яғынан килгәнлеген билдәләй:

– Атың ауыҙы күбеккән,

Татыр ялар малға оҡшай,

Сабыуың ҡыйпып тегелгән,

Ялан яғы иргә оҡшай, – тип өндәшә егеткә. Ҡыйпып тегеү, тип иһә ҡыя тартып, ситтән йәки остан уя ҡырҡып тегеүгә әйтелә [6, 246-сы б.].

Башҡорт халҡының башҡа эпик мираҫында ла кейем атамалары телгә йыш алына. Мәҫәлән, “Алпамыша” эпосындағы «бер көндә бер йәшлек, егерме биш көндә егерме биш йәшкә етеп, етмеш аршын булып, эре ҡарағайҙарҙы тамырҙары менән йолҡа-йолҡа, үҙенә юл һалған, ҡәҙимге кешене үгеҙе, һабаны менән кеҫәһенә һалып йөрөтә алған» Алпамышаның аяғына кейгән аяҡ кейеме ҡынйыраҡ тип атала. Батыр ҡынйырағына тулған ҡомдо бушатҡан урында хатта тауҙар хасил булған [5, 52-54-се б.б.]. “Башҡорт теле һүҙлегендә”, ҡынйыраҡ – ул табаны йылҡының сираҡ тиреһенән, башы күндән, ҡунысы бәкәлгә тиклем итеп, киндерҙән бышымлап тегелгән элекке аяҡ кейеме, тип аңлатма бирелә [2, 730-сы б.]. Диалекттарҙа ҡиндыраҡ, ҡындыраҡ атамаһында ла йөрөй. Бышым тип иһә аяҡ кейемдәренең һирәк туланан йәки киндерҙән тегелгән бөрөп бәйләп ҡуймалы ҡунысты атайҙар [2, 195-се б.].

Башҡорт халыҡ эпостарында кейем элементтарынан ҡәмәр иғтибарҙы йәлеп итә. Ҡәмәр – ул болғар күнгә йәки ҡайышҡа көмөштән биҙәктәр ҡуйып эшләнгән билбау. Халыҡ ижады әҫәрҙәрендә ҡәмәр йыш ҡына эйәр, ҡорал менән бергә атанан улына аманат итеп тапшырыла

һәм ул уға көс-ғәйрәт өҫтәп тороусы булып та иҫәпләнә. Мәҫәлән, “Ҡуҙыйкүрпәс менән Маянһылыу” эпосында Күк толпар Ҡуҙыйкүрпәскә атаһының үҙенең арҡаһында батып ҡалған алтын ҡашлы эйәрен, айбалтаһын, көмөш көҙгөһөн, һунарҙа йөрөгәндә кейә торған ҡырма бүркен, көмөш биҙәкле ҡәмәрен бирә [5, 129-сы б.]. Батыр алыҫ, хәүеф-хәтәрле юлға сығыр алдынан, ошо ҡәмәр менән билен быуып ял итер булған, сөнки ҡәмәр уға көс, дәрт өҫтәгән. Шулай уҡ “Заятүләк менән Һыуһылыу” эпосында ла Сәмәр хан улы Заятүләккә һунарҙан ҙур табыш менән ҡайтҡаны өсөн аҫыл таштар менән биҙәлгән ҡәмәр бүләк итһә [6, 188-се б.], “Ҡара юрға”ла Мәсем бейҙең ҡыҙы Маҡтымһылыу Әбләйҙең үҙен яратҡанын белеү өсөн, уға билбау бүләк итергә булла [7, 261-се б.]. Башҡорт халыҡ ижадында айырыуса мәғәнәгә, магик көскә эйә булған ҡәмәрҙе батырҙы ололоҡлап, ҙурлап, башҡарған эштәренә ризалыҡ, бөйөк эштәргә хуплау белдергәндә генә биргәндәр. Ул борон бик затлы, ҡиммәтле булған, уны шәп арғымаҡҡа йәиһә бер-ике баш малға ғына алмаштыра алғандар [11, 161-се б.].

«Алдар менән Зөһрә» эпосында егет Зөһрә менән никахтан һуң кәләшенең бөтә туған-тумасаһына, ырыу аҡһаҡалдарына, ата-әсәһенә бүләктәр тарата: атаһы менән әсәһен ебәк-бәрхәткә күмеп, ҡайнатай, тип ҡыҙыл кәрмәзин елән менән фарсы ҡәмәре, әсәһенә көмөш ҡашмау, Балтас ҡартҡа һеләүһен тун, димсе Итбай дуҫына билбаулы ҡәмәр, терһәкле-еңсәле йәүшән, башына көмөш көмбәҙле ҡорос төркәй, ҡалъяны менән әҙернә-йәйә, уғы тулы һаҙаҡ бүләк итә [5, 220-се б.]. Шулай уҡ, был эпоста бәйгелә еңеүселәргә - бер өйөр бейә менән бер юрға айғыр, икенсе килгәнгә – эйәр-өпсөнө менән эйәре көмөш тә мәрйен менән нағышланған бер тилбер ат, өсөнсөгә – шау ҡорос ҡалайҙан яу кейеме – һарайта, дүртенсеһенә – ҡалъяны менән әҙернә-йәйә, уҡтары менән һаҙағы, бишенсеһенә – ҡынлы ҡылыс, алтынсыға – кәрмәзин елән, етенсеһенә – ҡара төлкө тиреһенән йәйге кәпәс, һигеҙенсеһенә – көмөш көмбәҙле ҡалта, туғыҙынсыһына – һөңгө бүләк итәләр [5, 204-се б.].

Был миҫалдарҙа телгә алынған кейем атамаларына иғтибар итһәк, кәрмәзин елән – ул салт ҡыҙыл буҫтауҙан елән [1], йәүшән – һуғышта уҡ, ҡылыстан һаҡланыу өсөн күкрәк менән арҡаға кейелгән ике яҡлы киң япҡыс, уны борон күн тышлы ҡалын кейеҙҙән, һуңыраҡ тимерҙән эшләгәндәр [2, 470-се б.], төркәй(торҡай) – һуғышта кейә торған баш кейеме, ҡалта – бил ҡайышына тағып йөрөй торған ауыҙы бөрмәле күн моҡсай [2, 621-се б.], ҡалъян – уҡ һалып арҡаға аҫып йөрөй торған күн һауыт, эпостарҙа ул ҡорман йәки һаҙаҡ тип тә әйтелә. Мәҫәлән “Иҙеүкәй менән Мораҙым” эпосынан миҫал:

Ҡара кешенең эсендә анасылар хурлар, тип,
Бауырыңды күтәртмәй, билеңә һаҙаҡ ураттым. [9, 325-се б.]

Башҡорт халыҡ ижады эпик әҫәрҙәрендә ҡамҡа атамаһы ла йыш ҡабатлана. Ҡамҡа һүҙенә килгәндә, ул – ҡалын тире йәки киндер. М. Буранғолов иһә, ҡамҡа тип, ҡара ебәк тышланып, ең һәм итәктәре ҡама менән уратылған тунға, бөтә ере лә тире – доха тунға әйтә. Радлов билдәләмәһе буйынса, ҡамҡа – ҡытай ебәк материалы. Мәҫәлән, “Иҙеүкәй менән Мораҙым” эпосында Һабрау ҡарт Иҙеүкәйгә:

Ҡуҙағай егет ҡамҡа тун,
Һомғол ул, тип һаналмаҫ [6, 46-сы б.], – тип әйтә. Кейеменә маһайып, матурмын, тип йөрөгән ҡупшыға иһә “ҡуҙағай” тип әйтәләр икән. Ҡамҡа һүҙе шулай уҡ “Мәргән менән Маянһылыу” эпосында ла осратырға мөмкин. Бында ла уға биҙәкле ҡытай ебәге, тигән аңлатма бирелә:

“Сыңғыҙ хан да яу асып,
... Бөтә улын бей иткән,
Кейемен ебәк, ҡамҡа иткән,
Атын арғымаҡ иткән.
Бәҫле була ҡама тун,
Һылай-һыйпай кейгән һуң”;
Өҫтәге бәҫле ҡама тун,
Сепрәк була туҙған һуң [6, 190-сы б.].

Ошо уҡ эпоста һуҫар тун тураһында ла әйтелә:

Яурындары таҡталы,

Төймә бауы тартмалы.

Ҡара һуҫар тун бирә,

Уны өҫкә кейһәнә![6, 95-се б.]

Таҡталы яурынлы, тартмалы һуҫар тун – ул яурыны сигелгән, ҡаптырмалы хандарҙың өҫ кейеме, туны. Был кейем атамаһы шулай уҡ “Ерәнсә сәсән” эпосында ла бар [8, 81-се б.]. Эпик ижадта хандарҙың ҡамҡа туны менән бер рәттән ярлылар кейеме - ҡыптыр тун атамаһы ла осрай. Мәҫәлән, “Иҙеүкәй менән Мораҙым” эпосынан бер өҙөк:

Ҡамҡа тунын һалдырып,

Ҡырҡ ямау ҡыптыр тун

Иңбашына һалдырып [6, 49-сы б.].

Йәиһә, “Аҡһаҡ ҡола” эпосынан бер миҫал:

Ерәнсәй – ерән менгән ул,

Елбәгәй елән кейгән ул.

Елә лә сабып килә ул,

Ҡасҡан өйөрҙө ҡыуа ул.

Янында бар бер ҡоло -

Ҡара яға Ҡарағол,

Ҡара юрға менгән ул,

Ҡыптыр тунын кейгән ул. [10, 225-се б.]

Әҫәрҙәрҙәге ҡыптыр тун - эшкәртелмәгән һарыҡ тиреһенән тегелгән йәиһә тышланмаған тире туны, еләнде иһә елбәгәй тип еңелсә генә яурынға һалынмалы өҫ кейеме булғанға күрә атағандар.

Шулай итеп, был мәҡәләлә башҡорт халыҡ эпостарында кейем атамаларына бер ни тиклем күҙәтеү эшләнде. Күренеүенсә, эпик ижадта башҡорт кейемдәренең үҙенсәлекле атамалары осрай һәм, әлбиттә, улар эпостарҙы яҙып алған төбәк диалектында һаҡланған. Кейем атамаларын өйрәнеү йүнәлеше үҙе бер ҡыҙыҡлы өлкә һәм ғалимдар тарафынан тикшеренеүҙәрҙе артабан дауам итеп, ғилми эштәр яҙыу бурысы тора.

Әҙәбиәт

1. Биишев А.Г. Арабские и персидские слова в башкирском языке. Уфа: Китап, 2009.
2. Башҡорт теленең һүҙлеге. 2 томда. 1 том / Россия Фәндәр академияһы Башҡортостан ғилми үҙәге Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты. М.: Рус. яз., 1993.
3. Башҡорт теленең һүҙлеге. 2 томда. 2 том / Россия Фәндәр академияһы Башҡортостан ғилми үҙәге Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты. М.: Рус. яз., 1993.
4. Башкирское народное творчество. Эпос. / Сост. М.М. Сагитов. Коммент. Н.Т. Зарипова, М.М. Сагитова и А.М. Сулейманова. Уфа, 1987. 541 с
5. Башҡорт халыҡ ижады. Эпос. 4 том / Томға материал һайлаусы, төҙөү., аңлат. бир. М.М.Сәғитов, Б.Байымов, инеш мәҡ. авт. С.Галин, Б.Байымов, С.Галин. Өфө: Китап, 1999. 400 бит.
6. Башҡорт халыҡ ижады. Тарихи ҡобайырҙар, хикәйәттәр (иртәктәр). 5 том / Төҙөү., инеш мәҡ., аңлатм., һүҙл. Н.Зарипов. Өфө: Китап, 2000. 392 бит.
7. Башҡорт халыҡ ижады. Эпос. 3 том / Төҙөү. Ә.М.Сөләймәнов, инеш М.М.Сәғитов, һүҙ ахыры Ә.М.Сөләймәнов, Р.Рәжәпов., аңлатм. М.М. Сәғитов, Ә.Сөләймәнов. Өфө: Китап, 1998. 448 бит.
8. Башҡорт халыҡ ижады. Эпос. 3 том / Төҙөү., инеш мәҡ., аңлатм. Н.Т.Зарипов. Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1982. 344 бит.
9. Башҡорт халыҡ ижады. Эпос: иртәктәр һәм эпик ҡобайырҙар. 8 том / Төҙөү., инеш мәҡәлә, аңлатм. авт., һүҙлек Ә.М.Сөләймәнов. Өфө: Китап, 2006. 492 б.
10. Башҡорт халыҡ ижады. Эпос. 1 китап / Төҙ., баш һүҙ яҙ., аңлат. М.М.Сәғитов. Өфө: Башҡортостан китап нәшриәте, 1972. 342 б.
11. Шитова С.Н. Пояс в обычаях и мифологии башкир / Башҡорт фольклоры: Тикшеренеүҙәр һәм материалдар. 5 сыҡ. Өфө: Ғилем, 2004. 232 б.

Яубасаров А.Ж., г. Алма-Ата, Республика Казахстан

ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА КАЗАХСКОЙ ДИАСПОРЫ В СОЦИАЛЬНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

История размещения диаспор в разных уголках мира, их социальное положение, культура, литература, искусство и другие сферы стали объектом исследования различных наук. Вместе с тем, процессы в языке диаспор, проживающих в зарубежных странах с многонациональным или малонациональным населением, рассматриваются во многих лингвистических исследованиях, и отличаются друг от друга в методологическом и содержательном плане. Увеличение либо уменьшение количества пользователей языка, в соответствии с этим распространение и сужение пространства, сохранение и развитие языка диаспоры, языковая ситуация в этих странах, влияние других языков, изменения в связи с культурно-языковыми факторами и другие вопросы в мировых научных исследованиях стали всесторонне рассматриваться лишь в последние 20-30 лет [1].

В области диалектологии казахского языкознания язык казахов зарубежья стал изучаться с конца 60-х годов прошлого века. Особенности языка казахов, проживающих в других странах рассматривались наряду с говорами на казахской земле в составе определенной группы говоров (западный, южный, северно-центральный, восточный) и классифицировались по территории расположения, по сходству родового состава и т.д. То есть, специалисты диалектологии занимаются их исследованием не как сегодняшней диаспоры, языка ирреденты, а их изучением в качестве говоров казахского языка, в основном исследованием лексических, фонетических, морфологических особенностей их языка. Исследовательская работа диалектных особенностей казахского языкав последние годы выходит за пределы республики, охватывая язык казахских диаспор, проживающих в странах дальнего зарубежья. Основной причиной этому послужил тот факт, что при Советском Союзе исследования языка казахской диаспоры зарубежом были ограничены.

Возможность исследования языка казахов зарубежья в годы обретения независимости связана со многими факторами. Казахстан является полноправным членом всемирного сообщества и вопросы казахской диаспоры в современных условиях, взаимоотношения РК и стран, где проживают наши соотечественники, остро поднимаются на межгосударственном уровне. Для казахов, которые в связи с историческими причинами были вынуждены переселиться в другие страны, появляется возможность для возвращения на историческую родину, возможность укрепления взаимоотношений с соотечественниками.

В первые годы независимости в Казахстане был принят Закон «О миграции населения» (1997 г.), также 21.11.2005 г. и 31.12.1996 г. Указом Президента РК была утверждена Государственная программа поддержки соотечественников, проживающих за рубежом. Данные официальные документы впоследствии дополнялись концепциями, программами миграционной политики, предназначенными на определенные годы [2, с. 234.]. С момента принятия первых официальных документов и по сегодняшний день идет процесс иммиграции наших соотечественников из других стран на историческую Родину. Таким образом, мы видим, что в процессе подготовки документов реализуется такая главная цель как «объединение, консолидация казахской нации, дополнение миграционных потерь и этнодемографического неравенства в советский и постсоветский периоды» [2, с. 234.].

Различны и языковые особенности людей, которые живут в разной географической и языковой среде. Главная причина заключается в том, что не последнюю роль играет влияние таких внешних языковых факторов как проживающие на данной территории смешанные народы, сложившаяся языковая ситуация, влияние доминирующего языка. В последних диалектологических исследованиях в казахском языкознании наряду с изучением традиционных языковых явлений стали исследоваться такие вопросы как состояние казахского языка, языковая ситуация, влияние языков друг на друга и другие, а также стали обращать внимание на социально-общественную значимость языка казахской диаспоры и

ирреденты за рубежом. Несмотря на тот факт, что казахи проживают и в Европе, Пакистане, Ливии и других странах, объектом исследований журналистов является язык казахов Монголии, Китая, Афганистана, Ирана, а в последнее время частично и язык казахов в Турции, защищаются исследовательские работы относительно языковых особенностей, вышли в свет несколько статей, монографических исследований.

Результаты исследований, проведенных касательно языка казахской диаспоры, нашли широкое применение в лексикографических трудах (диалектологических, региональных словарей) в области отечественной диалектологии. На сегодняшний день особо можно выделить «Региональный словарь казахского языка», выпущенный под редакцией академика Ш.Ш.Сарыбаева в результате объединения, дополнения материалов опубликованных словарей, исследований в казахской диалектологии, научных трудов [3]. Это связано с тем, что в качестве основного материала словаря были использованы лексические, фонетические и грамматические особенности языка казахской диаспоры за пределами Казахстана, в таких странах, как Узбекистан, Каракалпакстан, Туркменистан, Таджикистан, Российской Федерации, а также стран дальнего зарубежья (Китай, Монголия, Афганистан, Иран). Кроме того, проводятся исследования по вышеуказанным регионам и написаны краткие научные очерки [4].

Исследование лексики зарубежных казахов, составление его регионального словаря, вносит значительный вклад в пополнение казахского национального языка, его литературных норм. С этой точки зрения, как одна из актуальных проблем казахского языкознания на современном этапе, одним большим разделом лексики народного языка является разработка и утверждение объемного регионального словаря, всесторонне охватывающего региональные слова, объединяющего их в одно русло. Нельзя сказать, что полностью собраны языковые материалы, фразеологизмы, пареомологизмы, разные регионализмы, диалектизмы в художественной литературе, фольклорных текстах, в устной речи касающиеся ремесла, появившиеся в местном языке. Также ожидают своего исследования в социально-диалектологическом аспекте языковая ситуация казахов в Китае, Турции, Монголии, Афганистане, Иране. Так как с течением времени в связи с различными социально-политическими факторами, языковой ситуации, влияния окружающей языковой среды, сохранявшийся до этого времени казахский язык (в Китае, Монголии) претерпевает изменения. А в некоторых странах (например, Турции) состояние языка казахов упоминается лишь в одной-двух статьях, и все еще систематически не исследовалось.

Язык казахов в этих странах наряду с местными традиционными особенностями отличается применением элементов регионального языка, сформировавшейся языковой ситуацией, двуязычием, использованием в связи с влиянием другой культуры заимствованных слов, терминов. Поэтому для того, чтобы исследовать современное состояние казахского языка в этих странах, его развитие, изменение, применение, необходимо изучать язык этих казахов не только как говор, а определить форму существования казахского языка зарубежья, с учетом сложившихся терминов, наименований, использования письменной и устной формы в соответствии с собственными литературными нормами. Так как в Китае, Монголии, Турции издаются периодические издания на казахском языке, выпускается художественная литература, учебники, выходят радио-, телепередачи. Не говоря уже о разговорной разнице языка, достаточно много несоответствий в литературе, выпущенной на казахском языке за рубежом, с нормами литературного языка, применяемыми в Казахстане. Кроме того, нет преемственности в использовании наименований-терминов в регионах в сфере управления, техники, хозяйства, науки, политики и т. д. В каждом регионе в результате взаимодействия языков используются заимствованные лексические единицы, специфические термины. В языке казахов Китая, Монголии, Турции наряду с заимствованными элементами есть успешно введенные термины. В последние годы мы наблюдаем, что эти особенности широко применяются в языке оралманов. Разговорный язык казахов, который функционирует в другой языковой среде в других странах, можно рассматривать как четкий вид регионального языка. Так,

например, Баян-Ульгийский (особенности языка казахов в Монголии) и Синьцзянский (особенности языка казахов в Китае) говоры, которые рассматривались в казахской диалектологии в составе восточных говоров, в настоящее время есть основание назвать полным региональным языком (региолект).

Так как вариант национального языка в этих регионах употребляется и в письменном виде, что говорит о существовании письменности (считается, что в диалекте письменности не существует), его нельзя рассматривать только как говор, а язык, опирающийся на определенные правила, нормы (фонетические, грамматические), с терминами, наименованиями, заимствованными словами из собственных или смешанных языков. Местные особенности, чаще всего применялись в сельских населенных пунктах, в связи с освоением доминирующего языка (т.е. двуязычие в групповой работе) в языке казахов с высшим, средним образованием, проживающих в городской местности, в административных центрах, используются заимствованные из этих языков слова и возникшие единицы регионального языка. То есть их речь можно привести в пример в качестве регионального языка. Данное мнение, а также понятие о региональном языковом термине мы намерены в дальнейшем подтвердить на основе проводимого исследования касательно языка казахов Китая.

Литература

1. Landau J. 1986: Diaspora and Language. In: Modern Diasporas in International Politics, (ed.) by Gabriel Sheffer. New York .p.75-102.; Horowitz D. 1986: "Diasporas and Communal Conflicts in Divided Societies". In: Modem Diasporas and International Politics. G.Sheffer (ed.) New York: St.Martin's; Вайнрайх, У. Одноязычие имногоязычие / У. Вайнрайх // Зарубежнаялингвистика. III – М.: «Прогресс», 1999. – С. 7-42; Языкова А. Исправление ошибок: Проблемы российской диаспоры в странах нового зарубежья // Русская культура вне границ. Вып. 4. – М., 1996. – С. 38-41.; Гухман М.М. Некоторые общие закономерности формирования и развития национальных языков // Вопросы формирования и развития национальных языков. – М., 1960. – 295 с.; Кюльмоя И.П. Об исследовании языка русской диаспоры в странах Балтии // Проблемы языка диаспоры. Труды по русской и славянской филологии. – Тарту, 2002; Ахметова Я.М. Сравнительно-исторические исследования языка татар Финляндии. – Казань: КГЭУ, 2009.

2. Казахская диаспора и репатриация (1991-2012). – Алматы: Елтаным, 2015.

3. Қазақ тілінің аймақтық сөздігі. – Алматы: Арыс, 2005.

4. Қазақ диаспорасы тілінің нормативтік және диалектілік сипаттамасы // Тілтанымдық зерттеулер (2000-2002 жж. зерттеулер бойынша жинақ). – Алматы: Арыс, 2007.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие…….. 4

СТАТЬИ ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

Алишина Х.Ч., г. Тюмень. «Словарь диалектов сибирских татар» — драгоценный дар академика Д. Г. Тумашевой малой Родине..... 5
Алмадакова Н.Д., г. Горно-Алтайск. Позиционная длительность гласных в теленгитском диалекте..... 10
Асмондьяров В.Н., г. Уфа. Некоторые этноментальные аспекты реконструкции мировоззрения народа в контексте этноонтологической интерпретации (на материале «Атласа диалектов Урало-Поволжья, Казахстана, Сибири и северо-востока Российской Федерации»)..... 12
Баязитова Ф.С., Хабибуллина Л.Г., Салимов Ф.И., г. Казань. Способы терминотворчества и словообразования в татарских диалектах..... 15
Гарипов Т.М., Капишева Т.Ю., Попова Е.В., г. Уфа. Бакалинский этнолект кряшенов Башкортостана (краткий социолингвистический экскурс)..... 17
Делибаш Ниса, Турция. Закрытый и открытый гласный ***е*** в турецком диалекте г. Бурса..... 19
Ермакова Е.Н., Файзуллина Г.Ч., г. Тобольск. Компонентная вариативность в диалектных фразеологизмах сибирских татар 26
Жубанов Е.Х., г. Актюбинск. Межэтнические устно-поэтические связи тюрков как культурный наддиалект……..…… 28
Ившин Л.М., г. Ижевск. О некоторых фонетических особенностях говора деревни Кузьмовыр Игринского района Удмуртской Республики...…….. 32
Исламова Ю.В., г. Ханты-Мансийск. Хантыйско-русское взаимодействие в топонимии деревни Шапша Ханты-мансийского района ХМАО–Югры……. 34
Ишегулова А.М., г. Уфа. Диалектная лексика, ее роль в произведениях Яныбая Хамматова…… 35
Ишкильдина Л.К., г. Уфа. Озвончение гуттуральной фонемы [к] в диалектах и говорах башкирского языка……. 37
Каксин А.Д., г. Абакан. К вопросу о лексических различиях: междометия в казымском и ваховском диалектах хантыйского языка……. 39
Каримова Г.Р., г. Уфа. Фитонимы в башкирских народных песнях..... 41
Кириллова Л. Е., Титова О. В., г. Ижевск. О некоторых морфологических особенностях кильмезских говоров удмуртского языка……. 43
Ковтун В. В., г. Луганск. Диалектный текст как источник изучения семантической структуры языковых единиц…….. 45
Куклин А.Н., г. Йошкар-Ола. Диалектная лексика и онимия как отражение ареальной языковой картины мира……. 48
Мударисов Р.З. г. Уфа. Особенности разговорного языка горнозаводского населения Башкортостана в первой половине XIX в……...…….. 51
Наджафова Р.В., г. Горно-Алтайск. Продуктивные и непродуктивные аффиксы в образовании названий растений в алтайском языке……...…… 53

Понарядов В.В., г. Сыктывкар. О диалектном членении тюркского праязыка……..… 54
Псянчин Ю.В., г. Уфа. Монография Н.Х. Максютовой «Восточный диалект башкирского языка)» (М., 1976): статус и значение (к 40-летию издания).....…….. 56
Рамазанова Д.Б., г. Казань. Семантико-функциональные особенности татаро-монгольских параллелей в татарских говорах..... 61

Сельдюкова А.Т., г. Москва. Звукоподражательная и звукообразная лексика в калтасинском диалекте восточного наречия марийского языка…… 64
Сивцева Н.А. г. Якутск. Лексика со значением бытийности в труде А. Е. Кулаковского «Наречия разных местностей, улусов и округов с прибавлением архаизмов, специальных охотничьих терминов, омонимов и синонимов»…….. 66
Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А., г. Уфа. Диалектологический ресурс машинного фонда башкирского языка…….. 68
Сулейманова Р. А., г. Уфа. Фонетическая вариативность имен собственных в башкирском антропонимиконе…….. 73
Сәмерханова Г.Х., Сибай к. М. Ҡунафин әҫәрҙәрендә диалект лексиканың ҡулланылышы..... 75
Удербаев А.Ж., г. Алма-Ата, Республика Казахстан. Исследования языка казахской диаспоры в социально-лингвистическом аспекте…….. 78
Уртегешев Н.С., г. Новосибирск. Северо-западный диалект башкирского языка: мягкорядные округлённые полуузкие гласные (по данным МРТ)…… 80
Уртегешев Н.С., Токмашова Т.А., г. Новосибирск. Верхнекондомский говор шорского языка: комбинаторика…… 84
Халкова Ю. А., Уртегешев Н.С., г. Новосибирск. Язык чатов: малошумные 1-го артикуляционного ряда…….. 86
Хисамитдинова Ф. Г., г. Уфа. Т. Г. Баишев и тенденции развития явления «жоканья» («жеканья») в башкирском языке…….. 90
Шакуров Р.З., г. Уфа. Об ареальной характеристике топонимов с диалектным топоформантом –ды, /-де, -до/-дө, -ҙы/-ҙе, -ты/-те..... 95
Шаяхметов Р.А., г. Уфа. Башкирские диалектизмы как источник этимологии гидронима *Яйыҡ*…….. 97
Ягафарова Г.Н., г. Уфа. О функциях диалектизмов в художественной литературе (на примере произведений Мустая Карима)……... 98

СТАТЬИ ПО ПРОБЛЕМАМ ТЮРКСКОГО, ФИННО-УГОРСКОГО И ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Абдрахманова Л.Н., Кәбирова Г.У., Өфө к. Башҡорт энциклопедияһын тәржемә итеүҙең ҡайһы бер проблемалары…… 101
Абубакирова Л.Ф., Зианбердин И.Б., Валитова Л.К., г. Уфа. Грамматология в Башкортостане 102
Абуталипова Р.А., г. Стерлитамак. Интенсивность как функционально-семантическое поле в башкирском языке…….. 107
Авакова Р.А., Баят Е., Алматы қ. Түркі ата тіліне экскурс: фразеологизмдер құрамындағы алтайлық іздер..... 109
Алламоратова Р. М., Өфө к. XX быуат башы башҡорт драматургияһында ҡулланылған диалектизмдарҙың башҡорт әҙәби теле үҫешенә йоғонтоһо…….. 113
Атаев Б. М., г. Махачкала. Роль русского языка в становлении терминологической системы дагестанских языков..... 115
Баһауетдинова М.И., Өфө к. 10 томлыҡ “Башҡорт теленең академик һүҙлеге”ндә һүҙҙәрҙең этномәҙәни йөкмәткеһе сағылышы..... 116
Бакиров М.Х., г. Казань. Феномен параллелизма древнейших мифологических теонимов..... 117
Вәлиева Г.Д., Стәрлетамаҡ к. Фольклор текстарында тәбиғәтте һүрәтләүсе микротекстарҙың үҙенсәлектәре…… 122
Гайнетдинова З.М., г. Бирск. Функционирование башкирского языка в условиях города в северо–западном регионе Республики Башкортостан..... 124

Ғарипов А.С., Учалы к. Башҡорт телендәге *күнәк* һәм *ҡаҙан* һауыт-һаба атамаларының этимологияһы…….……...…….. 125
Гречачин В.А., г. Уфа. Проблема компьютерной обработки однобуквенных аффиксов старотюркского языка (на материале текстов М.-А. Чукури)..... 126
Егоров Н.И., г. Чебоксары. К вопросу о месте башкир и башкирского языка в историко-генеалогической системе классификации тюркских языков и этносов..... 129
Жаңабекова А.Ә., Карбозова Б.Д., Алматы к. Қазақ тілі ұлттық корпусындағы омонимдерді автоматты түрде ажыратудың ғылыми негіздері..... 146
Жубанова А.Е., Кенесов Е.К., г.Актобе. Язык устно-поэтической речи как объект исследования исторической поэтики……..…….. 151
Жұбанов А.Қ., Алматы к., Қазақстан Республикасы. Қазақ тілінің ұлттық корпусы – қуатты ақпараттық ресурс..... 157
Закиев М.З., г. Казань. О значениях слов татар и тартар (и о книге Эдуарда Паркера)…. 161
Исянгулов Ш.Н., г. Уфа. Термины социальной зависимости в башкирском эпосе…….. 163
Кукаева С.А., г. Черкесск. Ногайский язык: проблемы орфографии и алфавита……. 165
Кәримов С.Г., Өфө к. М. Өмөтбаевтың тарихи-этнографик яҙмаларында Өфө ҡалаһындағы һәм уның тирәһендәге топонимдарҙың сағылышы..... 167
Лебедев Э.Е., г. Чебоксары. О семантике форм прошедшего времени глагола в чувашском языке…… 169
Маннапов М.М., г. Уфа. К вопросу о сохранении башкирского языка в Самарской области…… 172
Матыжанов К.С., Казахстан. Магия пестрого цвета и его применение в обряде разрезания пут у ребенка…… 175
Махиянова Ф. А., г. Уфа. Образ верховного божества, дракона и луны в башкирской и китайской мифологиях..... 177
Мирхаев Р.Ф., г. Казань. Из опыта изучения языковой картины мира древних тюрков… 179
Муйтуева И.Н., г. Горно-Алтайск. Речевая деятельность и речевой этикет алтайцев…… 181
Мухтаруллина А.Р., г. Уфа. Когнитивная природа метафоры-загадки…….. 183
Муратова Р.Т., г. Уфа. Семантика цветообозначения *белый* в тюркских языках Урало-Поволжья..... 185
Нарынбаева Н.О., г. Бишкек, Республика Киргизия. Несказочная проза кыргызов (краткий обзор)…….. 188
Нафиков Ш.В., г. Уфа. Соматический термин «живот» в двух языковых сверхсемьях… 190
Николаев Е.Р., г. Якутск. Некоторые аспекты проблемы транслитерации якутских имен собственных…… 192
Ниязова Г.Н., г. Тюмень. Лексикализация словосочетаний как один из способов образования наименований в лексике материальной культуры диалектов сибирских татар……. 193
Сагынбеков И., г. Бешкек, Киргизия. Лингвостатистические основы исследования языка произведений Ч.Айтматова…… 195
Селютина И. Я., Добринина А. А., г. Новосибирск. Алгоритмы реализации сингармонизма в тюркских языках Южной Сибири и правила орфографии..... 198
Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А., Шамсутдинова Г.Г., Ишмухаметова А.Ш., г. Уфа. О состоянии фольклорного корпуса башкирского языка..... 200
Сиразитдинов З.Ә., Өфө к. Манас иртәге — ҡырғыҙ халҡының тарихи йылъяҙмаһы….. 204
Соегов Мурадгелди, г. Ашхабад К этимологии личных имен некоторых киммерийских, скифских и гуннских царей…….……. 208
Сәләхова З.И., Өфө к. Башҡорт халыҡ ҡобайыр-иртәктәрендә бирелгән уртаҡлыҡ һәм бергәлек йүнәлеше формалары…….. 210
Трегубов А.Н., г. Уфа. О фоносемантике и языковом знаке……...…… 214
Теуш О. А., г. Екатеринбург. Коми заимствования в географической терминологии русского севера: новые материалы…….…… 216

Хабибов Л.Г., г. Уфа. Устаревшие слова и глагольные формы в стихах Мифтахетдина Акмуллы……..…… 218
Ханова Г.С., Өфө к. «Сак-Сук» бәйете варианттарына ҡыҫҡаса күҙәтеү (БашДУ-ның фольклор кабинетында һаҡланған материалдар буйынса) …… 220
Хусаинова Г.Р., г. Уфа. О переводе киргизского народного эпоса «Манас» на башкирский язык……...……. 223
Чайчина Е.В., г. Горно-Алтайск. Лексико-семантические взаимоотношения компонентов парных слов алтайском языке…….…….. 225
Чертыкова М.Д., г. Уфа. Межсловные и внутрисловные семантические оппозиции глаголов со значением эмоции в хакасском языке…….……..…… 227
Шайхисламова З.Ф., г. Уфа. Методологические аспекты этнолингвистического изучения топонимической системы Урало-Поволжья в этноонтологическом осмыслении…… 229
Шайхулов А.Г., г.Уфа. Аспекты изучения структуры тюркского корня и характеристики типов односложных корневых основ (к проблеме общей теории корневых основ алтайского сообщества) …….…… 232
Юлдыбаева Г.В. Өфө к. Башҡорт халыҡ ижадында кейем атамалары (эпостар материалында) …….....….....…… 234
Яубасаров А.Ж., г. Алма-Ата. Исследования языка казахской диаспоры в социально-лингвистическом аспекте……...…… 238

Научное издание

Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. XVI Всероссийская конференция (с международным участием)

Материалы XVI Всероссийской научной конференции

(Уфа, 1-4 июня 2016 г.)

Печатается в авторской редакции

Разработка и дизайн обложки:
Т.К. Сурина

Подписано в печать 11.05.2016.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная
Гарнитура “Таймс”. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 29,05.
Тираж 500.

Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН
450051 Республика Башкортостан, г. Уфа, пр. Октября, 71
Тел.: (347)235-60-50
E-mail: rihll@anrb.ru